

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2018

№ 55

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИ-
ВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского государственного университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИ-
ВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории; **Воробьева Вероника Сергеевна**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, проф. кафедры музеологии, природного и культурного наследия; **Троицкий Евгений Флорентьевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики; **Фоминных Сергей Федорович**, д-р ист. наук, проф. кафедры современной отечественной истории; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History; **Vorobyeva Veronica S.**, Executive Editor, PhD (History), Assistant of department of Ancient and Middle Ages and Methodology of History; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor of the Department of Modern Russian History; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Бибиков Г.Н., Румянцев П.П. Комитет 18 февраля 1844 г. для обсуждения положения золотопромышленности Восточной Сибири: история учреждения и деятельности.....	5
Жиртуева Н. С. Роль средневековой Таврики в диалоге культур Руси и Византии.....	12
Калашников А.А., Афанасьев П.А. Лесная стража и лесничие глазами сельского населения Алтайского округа после событий Февральской революции.....	17
Кальмина Л.В., Курас Л.В. Забайкальское купечество в планах железнодорожного строительства во внутренней Азии: перемена ролей.....	21
Косых Е.Н. Влияние начального периода Гражданской войны в Сибири на умеренно-социалистическую периодику региона ноября 1917 – мая 1918 г.....	25
Перетьяко А.Ю. Казачья сословная утопия: замечания хоперских депутатов на проект нового «Положения об управлении Донским войском» в 1863 г.....	33
Сорогин Е.И., Меншиков В.В. Мамай и Шибаниды.....	43
Сушко А.В. К оценкам революции в России в масштабах мировой и национальной историй.....	48
Харусь О.А. Общества обывателей и избирателей в Сибири как либеральный проект организации местного самоуправления.....	56
Шорова М.Б. Актуализация национального вопроса в СССР в условиях общественно-политических преобразований второй половины 1980-х гг.....	63
Щеглова Т. К. Казна и крестьянская Западная Сибирь в борьбе за аренду сельских ярмарочных площадей в условиях рыночной модернизации на рубеже XIX – XX вв.....	68

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кондратьев С.В. Сержанты и подмастерья права в пререволуционной Англии.....	80
Наземцева Е.Н. Советское гражданство как фактор бесправия? Проблемы политико-правового положения советских граждан в Синьцзяне во второй половине 1920-х гг.....	87
Ван Чаолин, Савкович Е.В. Формирование пояса развития в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР в начале 2010-х гг.....	94
Сорокин А.Н. Советский Союз во внешнеполитической концепции Аденауэра.....	100
Федюшин В.В. К вопросу об устройстве административной системы Майяпанской державы.....	107

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Глинкин В. С. Проблема этногенеза чжуан Китая в зарубежной историографии.....	116
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ

Казakov А.А. О границе цивилизационно-ментальных зон в эпоху великого переселения народов по археологическим источникам.....	120
Колесникова С.Ю., Кулемзин В.М. Календари обществ с разными экономическими системами.....	131
Ованенко И.В. Опыт реконструкции исторического костюма на примере «шапки бумажной».....	137
Разуваев Ю.Д. Разрозненные человеческие останки на поселениях лесостепной Скифии: обзор интерпретационных подходов.....	142

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Bibikov G.N. Rumyantsev P.P. Committee on February 18, 1844 to discuss the situation of the gold industry in Eastern Siberia: history of establishment and activity.....	5
Zhirtueva N.S. The role of medieval Tavrica in the of culture's dialogue of Rus and Byzantium.....	12
Kalashnikov A.A., Afanasiev P.A. Forest guard and foresters through the eyes of the rural population of the Altai district after the events of the February revolution.....	17
Kalmina L.V., Kuras L.V. The transbaikal merchants within railway construction plans in inner Asia: role change.....	21
Kosykh E.N. Influence of the early phases of the Civil war in Siberia on moderate and socialist periodical press of the region in the late 1917 – may, 1918.....	25
Peretyatko A.Y. The cossack estate utopia: comments of Khover deputies about the new draft of "Regulation of the administration of the Don host" in 1863.....	33
Sorogin E.I., Menshchikov V.V. Mamai and Shibanids.....	43
Sushko A.V. On evaluations of the Russian Revolution in the scale of world and national histories.....	48
Kharus O. A. Societies of inhabitants and voters in Siberia as a liberal project for organization of the local government.....	56
Shorova M.B. Updating of the national question in the USSR under conditions of social-political transformations in the second half of the 1980s.....	63
Shcheglova T.K. Treasury and peasantry of the Western Siberia in competition for the lease of village fair areas in the context of market oriented modernization at the turn of the XIX century.....	68

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Kondratiev S.V. Serjeants-at-law and apprentices in prerevolutionaty England.....	80
Nazemtseva E. N. Soviet citizenship as factor of illegality? The problems of the political and law status of soviet citizens in Xinjiang in the second half of the 1920s.....	87
Wang Chaolin, Savkovich Ye.V. Xinjiang economic development belt in the early 2010s.....	94
Sorokin A.N. The Soviet Union in foreign-policy conception of Adenauer.....	100
Fedyushin V.V. On the structure of Mayapan state administrative system.....	107

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY

Glinkin V.S. Issue of chinese zhuang people's ethnogenesis in foreign historiography.....	116
--	-----

PROBLEMS OF ETHNOGRAPHY AND ARCHEOLOGY

Kazakov A.A. On the border of civilization-mentality zones in great migration period by archaeological sources.....	120
Kolesnikova S.Y., Kulemzin V.M. the calendars of the societies with different economic systems.....	131
Ovanenko I.V. The experience of the reconstruction of a historical outfit on a case of «paper helmet».....	137
Razuvaev Yu. D. Separate human remains on settlements of forest-steppe Scythia: review of interpretative approaches.....	142

Рындина О. М., Воропаева А. Г. Традиционная пища украинцев Томской области: динамика во времени и пространстве.....	148
Чиндина Л.А., Коробейников И.Н. Проблемы сохранения и перспективы исследования могильника Рёлка и Рёлкинской культуры.....	157

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Бувевич Г.А., Балашова Е.В., Черниенко Ю.А. К вопросу о развитии библиотечного образования на Алтае: история кафедры менеджмента информационных ресурсов Алтайского государственного института культуры.....	164
Бушуева Л.А. Из приват-доцентов в «университетские старцы»: возраст профессоров императорского Казанского университета (вторая половина XIX – начало XX в.).....	170
Зиновьева В.И., Берсенева М.В., Ким М.Ю. Научный проект по обоснованию теоретико-методологических основ этносоциального, инклюзивного образовательного пространства вуза.....	176
Петрик В.В., Куперт Ю.В. Набор студенческого контингента в высшей технической школе Сибири в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг.....	181
Серебренникова Т.П. О влиянии изменений нормативной базы по аттестации кадров высшей квалификации в Российской Федерации на количество защит диссертаций в Томском государственном университете (2000–2016 гг.).....	184

РЕЦЕНЗИИ

Петрик В.В., Куперт Ю.В. Рецензия: История мемориального комплекса. / сост.: Г.В. Епанешникова, В.А. Зыкин, А.М. Персидский; под общ. ред. В.А. Бутенко. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2016. 60 с.....	189
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	192
---------------------------------	-----

Ryndina Olga M., Voropaeva Anna G. Traditional food of the Tomsk region ukrainians: dynamics in time and space.....	148
Chindina L.A., Korobeynikov I.N. Preservation problems and prospects of research of the Rylka burial ground and Rylka culture.....	157

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Buyevich G.A., Balashov E.V., Cherniyenko Yu.A. To a question of development of library education in Altai: history of department of management of information resources of the Altai state institute of culture.....	164
Bushueva L.A. From assistant professor to «university's elders»: age of the professors of the imperial Kazan university (second half of XIXth – beginning of XXth century).....	170
Zinovieva V. I., Bersenev M. V., Kim M. Yu. Scientific project on the rationale of theoretical methodological bases of the ethno-social, inclusive educational space of the university.....	176
Petrik V.V. Kupert Yu. V. The set of students in higher technical school of Siberia at the end of the 1950s – the first half of the 1960s.....	181
Serebrennikova T.P. On the influence of the regulatory framework for highest qualification performance review in the Russian Federation on the quantity of theses defenses at Tomsk State University (2000–2016).....	184

РЕЦЕНЗИИ

Petrik V.V. Kupert Yu.V. Review: The story of the memorial complex / Compiled by G. V. Epaneshnikova, V. A. Zykin, M. A. Persidskiy; edited by V.A. Butenko. Tomsk: Publishing house of Tomsk polytechnic university, 2016. 60 p.....	189
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....	192
---	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).083

DOI: 10.17223/19988613/55/1

Г.Н. Бибиков¹, П.П. Румянцев²

КОМИТЕТ 18 ФЕВРАЛЯ 1844 г. ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: ИСТОРИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-257.2017.6).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-2135.2018.6).

Исследуется история возникновения и деятельности комитета, учрежденного 18 февраля 1844 г. при Министерстве финансов «для обсуждения предположений подполковника Казимирского относительно улучшения золотопромышленности в Сибири». Выявляются обстоятельства учреждения комитета, анализируется его состав. Рассмотрены вынесенные на обсуждение вопросы, решения комитета и их последующая реализация. Делается вывод о том, что комитет представляет редкий пример временного межведомственного учреждения николаевской эпохи.

Ключевые слова: Сибирь; золотопромышленность; жандармерия; Корпус жандармов; III отделение; Министерство финансов; А.Х. Бенкендорф; Я.Д. Казимирский; Ф.П. Вронченко.

Во второй четверти XIX в. ведомство политической полиции Российской империи в лице III отделения Собственной е.и.в. канцелярии и приданного ему Корпуса жандармов оказывало заметное влияние на политику верховной власти. По проекту первого главного начальника III отделения и шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа жандармские штаб-офицеры в губерниях отслеживали общественные настроения и слухи, наблюдали за деятельностью местных чиновников и общим состоянием дел. Это позволило ряду историков рассматривать их в качестве «агентов» верховной власти в губерниях, которые выступали определенным противовесом регулярной бюрократии [1. Р. 224–227; 2]. Широкая информированность о положении дел на местах позволяла шефу жандармов – одному из ближайших доверенных лиц императора – влиять на перестановки в губернских администрациях и вмешиваться в политику министерств. Эта сторона деятельности политической полиции николаевской эпохи слабо отражена в историографии. Ее примером может служить история комитета, учрежденного при Министерстве финансов 18 февраля 1844 г. «для обсуждения предположений подполковника Казимирского относительно улучшения золотопромышленности в Сибири». Ранее этот комитет не привлекал внимания исследователей, за исключением классического труда В.И. Семевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах», где кратко перечислены главные вопросы, вынесенные на его обсуждение [3. С. 73–74]. В настоящей статье обстоятельства учреждения и деятельности комитета рассмотрены в контексте истории III отделения и Корпуса жандармов николаевской эпохи.

Положение дел в сибирской золотопромышленности привлекало внимание III отделения как постоянно растущими объемами добычи золота, так и скоплением масс рабочих, создававшим благоприятную почву для коллективных выступлений. В мае 1841 г. по предложению генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова была учреждена особая штатная должность жандармского штаб-офицера на частных золотых приисках Западной Сибири. Годом позже по инициативе министра финансов Е.Ф. Канкрин, но вопреки позиции восточносибирского генерал-губернатора В.Я. Руперта, другой штаб-офицер был определен на золотые прииски Восточной Сибири (см. подроб.: [4]). Бенкендорф ожидал от последнего, чтобы он «обращал постоянное внимание на сию возникающую отрасль народного богатства и занялся бы изысканием средств к доставлению Правительству значительнейших выгод без обременения частных промышленников» [5. Л. 88 об.].

Секретными инструкциями шефа жандармов этим чинам вменялось в обязанность находиться на приисках ежегодно с 1 мая по 1 октября и наблюдать, чтобы «рабочие люди, на промыслах находящиеся, состояли в надлежащем повиновении местным властям» и «снабжены были узаконенными видами». Штаб-офицер мог участвовать в расчете хозяев с работниками, присутствовать на следствиях в качестве депутата и принимать жалобы золотопромышленников и рабочих. При этом по настоянию П.Д. Горчакова штаб-офицер должен был, «не принимая никакого прямого и деятельного участия в распоряжениях по приискам, ограничиться одними наблюдениями в черте их». По окончании

приисковых работ он представлял отчет начальнику жандармского округа и местному генерал-губернатору [6. С. 168–169].

В помощь штаб-офицеру на приисках Восточной Сибири передавались восемь пеших жандармов из Красноярской жандармской команды, а «в случае если будут отряжены воинские команды на золотые промыслы, то оные подчиняются штаб-офицеру и состоят в продолжение работ в непосредственном его распоряжении» [Там же. С. 169–171].

В июне 1842 г. на частные золотые прииски Восточной Сибири был определен подполковник Я.Д. Казимирский, служивший к тому моменту штаб-офицером в Енисейской губернии. Яков Дмитриевич поступил в Корпус жандармов в 1834 г. с определением в Томскую губернию, в 1838–1839 гг. он служил в должности плац-майора Петровского завода, где содержались сосланные в Сибирь декабристы; по разным свидетельствам, у Казимирского сложились дружеские отношения со многими из ссыльных [7; 8. С. 52–60].

В мае 1842 г. на крупнейшем в Сибири Великониколаевском прииске компании Асташева, Коробкова и Толкачева произошли массовые волнения рабочих, для умирения которых была задействована воинская команда и назначена комиссия военного суда [9. С. 190]. В июле 1842 г. Казимирский рапортовал начальнику VIII жандармского округа генерал-майору Н.Я. Фалькенбергу, что волнения произошли «от недостатка значительного посредника между рабочими и хозяином, к которому обе стороны имели бы доверие». Свою роль он в духе общей инструкции губернским жандармским офицерам видел в том, что «в средину их (т.е. золотопромышленников и рабочих) ставится штаб-офицер Корпуса жандармов, которому хотя не дано власти, но дано право все ведать и о всем доносить высшему правительству» [10. Л. 18]. В конце 1842 г. Казимирский представил Фалькенбергу и генерал-губернатору Восточной Сибири В.Я. Руперту краткую ведомость о добыче золота и промывке песков.

Следующий годовой отчет Казимирского, датированный 24 ноября 1843 г., представлял собой уже подробный очерк общего положения дел на промыслах Восточной Сибири, включая описание свойств золотосодержащих россыпей, порядка работ и применения машин, управления и условий труда (наем и плата рабочим, пища, больницы). Казимирский указал на пользу золотопромышленности для экономики края: «Сельское хозяйство значительно восстановилось, ибо, потеряв работников в числе, оно далеко выиграло от потребности и высокой цены, установившейся на все припасы». «Если изобилие припасов и вместе с тем изобилие денег суть средства народного благосостояния, – рассуждал далее штаб-офицер, – то Енисейская губерния должна бы была вполне благоденствовать, если бы богатству ее в работающем классе дано было лучшее направление». Казимирский подчеркивал, что «одно только сословие страждет от развития золотопромышленности в Сибири,

это – чиновники Енисейской губернии, которые, не в состоянии будучи платить цен, возвысившихся на все потребности от изобилия денег, крайне затрудняются в средствах жизни и от их-то ропота возник несправедливый слух: будто бы золотопромышленность вредна для края» [5. Л. 90 об.–92]. Казимирский высказал ряд соображений по улучшению положения золотопромышленной отрасли.

Отчеты Казимирского и штаб-офицера на частных золотых приисках Западной Сибири подполковника И.М. Огарева были доставлены начальнику VIII жандармского округа, который 4 декабря 1843 г. отослал их Бенкендорфу. Фалькенберг отдельно выделил отчет Казимирского, отметив, что изложенные в нем предположения, «основанные на местном опыте, совершенно справедливы и вполне заслуживают милостивого внимания» [11. Л. 35]. «По любопытству заключаемых в оном сведений» отчет Казимирского привлек внимание шефа жандармов. 31 января 1844 г. Бенкендорф представил отчет Николаю I при всеподданнейшей записке «О золотопромышленности в Восточной Сибири», в которой отметил, что Казимирский известен ему «как по отличному усердию, так и по замечательным способностям» и его предположения «заслуживают особенного внимания» [5. Л. 88 об.–89]. Шеф жандармов испрашивал высочайшего соизволения «на передачу означенных предположений Казимирского министру финансов с тем, чтобы для обсуждения оных составлен им был особый Комитет из людей, имеющих о золотопромышленности точные и положительные сведения, предложив находиться при оном и прибывшему из Красноярска подполковнику Казимирскому» [Там же. Л. 96 об.–97].

Николай I одобрил предложение шефа жандармов. Казимирскому была объявлена высочайшая благодарность. 5 февраля Бенкендорф направил отчет товарищу министра финансов Ф.П. Вронченко, управлявшему министерством на время болезни министра Е.Ф. Канкрин (1 мая 1844 г. Вронченко был утвержден в должности министра финансов), «с тем, что не полагает ли он назначить Комитет» [Там же. Л. 88]. Обсуждение предложений Казимирского было передано на усмотрение министра финансов: частная золотопромышленность находилась в ведении Департамента горных и соляных дел министерства, сам министр по должности являлся главноуправляющим Корпуса горных инженеров.

18 февраля 1844 г. Вронченко представил всеподданнейшую докладную записку. Признавая, что некоторые изложенные в отчете Казимирского «предметы заслуживают особого усмотрения», он находил «учреждение особого Комитета для обсуждения этих предметов полезным». Николай I одобрил записку и утвердил предложенный Вронченко состав «Комитета для обсуждения предположений подполковника Казимирского относительно улучшения золотопромышленности в Сибири» [Там же. Л. 98–99]. В него вошли начальник штаба Корпуса горных инженеров генерал-лейтенант К.В. Чевкин, директор Департамента горных и соляных

дел генерал-майор Ф.Ф. Бегер, вице-директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов действительный статский советник И.И. Ламанский, профессор минералогии Института Корпуса горных инженеров и Санкт-Петербургского университета Э.К. Гофман и подполковник Казимирский.

Все члены комитета, за исключением Казимирского, являлись служащими Министерства финансов. Известный геолог, профессор Гофман в 1843 г. совершил по высочайшему повелению обзорное путешествие по золотым промыслам Восточной Сибири и составил их подробное геологическое описание. Часть пути Казимирский и Гофман проехали вместе. В 1844 г. Гофман опубликовал брошюру «О золотых промыслах Восточной Сибири», а полный отчет на немецком языке был удостоен в 1847 г. Демидовской премии [12. С. 18–19]. Первое собрание комитета состоялось вечером 18 февраля в зале Совета министра финансов, а главные вопросы были вынесены на заседание 25 февраля. Итоговый журнал комитета включал 12 пунктов, которые соответствовали основным предложениям Казимирского.

Первым вопросом было рассмотрено предложение «постановить правилом повсеместно на приисках те работы, кои возможно заменить механизмом, отнюдь не исполнять руками человека». Комитет заключил, что «сколь ни полезно было бы при недостатке рабочих для сибирских золотых промыслов заменить там ручную работу лошадьми и машинами, но употреблять к тому принуждение было бы и несоответственно нашему законодательству и крайне затруднительно». Решено было только «внушить золотопромышленникам, что собственная польза их требует, дабы они более старались заменять на промыслах своих ручную работу лошадьми и машинами» [5. Л. 116 об.].

Следующим пунктом обсуждалось замечание Казимирского, что для привлечения большего числа рабочих золотопромышленники не соблюдают правило о максимальном задатке в 25 руб.: штаб-офицер предлагал обязать владельцев приисков «не выдавать задатков более, сколько положено уставом» [Там же. Л. 26]. Члены комитета подтвердили, что в неявке рабочих на прииски виноваты «сами золотопромышленники, которые, нанимая рабочих без должной осмотрительности и снабжая их большими, чем бы следовало, задатками, дают им чрез то средства сначала к пьянству, потом к укрывательству». Но ввиду того, что со стороны «Правительства в этом отношении сделано всевозможное для пользы золотопромышленников», было принято решение «только подтвердить местным начальствам о точном исполнении правил... а золотопромышленникам – о невыдаче задатков рабочим более 25 руб.». Комитет постановил также «обязать золотопромышленников, чтобы не нанимали для своих работ престарелых и увечных с тем, что если подобные люди окажутся на промыслах, то будут высланы в места их жительства на счет золотопромышленников» [Там же. Л. 109–110, 116 об.].

С целью ограничить бесконтрольные заявки на разработку новых приисков Казимирский предлагал «наложить впредь за каждую явку, в земском суде записанную, взыскания по триста рублей серебром», а оставленные надолго шурфы и столбы уничтожить и объявить прииски свободными [Там же. Л. 57 об.–58]. Члены комитета отвергли нововведение, посчитав, что статьи Горного устава «о приеме к заявленным приискам отводов, о назначении сих отводов по старшинству заявок и о лишении заявителей их приисков за неприбытие их или поверенных на сборное место к чиновнику, назначенному для отвода, – ясны и определительны», ввиду чего «остается только подтвердить кому следует о точном исполнении этих статей» [Там же. Л. 114 об.–115].

Равным образом была отвергнута идея обязать золотопромышленников заботиться о состоянии дорог на приисках: комитет постановил, что «к устройству и улучшению дорог на золотые промыслы уже преступлено со стороны местного начальства и остается поручить этот предмет дальнейшему его попечению» [Там же. Л. 115 об.].

В отчете Казимирского резкой критике было подвергнуто введенное в апреле 1841 г. правило о 12-летнем сроке разработки приисков, которое, как представлялось жандармскому подполковнику, «охлаждает рвение искателей золота и останавливает самое производство». Раньше, утверждал Казимирский, золотопромышленник «при открытии работ вынимал золото правильно, мыл пески богатые и бедные и не портил дела» [Там же. Л. 59–61]. Члены комитета согласились с доводами, «главнейше по климатическому положению промыслов Восточной Сибири, на коих производство работ продолжается едва четыре месяца, так что двенадцатилетний срок обращается действительно в 4 года и, следовательно, для правильной разработки приисков очень короток». Однако было решено не отменять недавно введенное правило, а запросить мнение сенатора И.Н. Толстого, которому в 1843 г. была поручена общая ревизия Восточной Сибири [Там же. Л. 115]. Также обсуждался вопрос о повышении штатных окладов служащим в Восточной Сибири чиновникам «при теперешней в том крае дороговизне», и решено было оставить его на усмотрение генерал-губернатора [Там же. Л. 107].

Отдельный раздел отчета Казимирского был озаглавлен «О бессилии золотопромышленников в денежных оборотах». Жандармский офицер считал полезным «учредить в Красноярске и Енисейске конторы ссудных касс в 1 м[иллион] руб. ассигнациями каждую собственно для золотых промыслов, в таком виде, чтобы сии конторы могли снабжать деньгами не только под верный залог, но даже и по квитанциям, которые золотопромышленник представит к сдаче золота» [Там же. Л. 53 об.]. Члены комитета заключили, что на решение этого вопроса направлено «Высочайшее повеление 16 сего февраля о дозволении золотопромышленникам сдавать добываемое ими золото в казну вместо двух два или три раза в год и по выданным на то золото квитанциям

получать деньги из Коммерческого банка», поэтому предложение решено было оставить «без исполнения». Судя по журналу комитета, Казимирский не поддержал общее решение и «остался при прежнем своем мнении» [5. Л. 113 об.–114]. Таким образом, большая часть предложений была под разными предлогами отвергнута. Тем не менее по ряду вопросов комитет признал нужным сделать специальные распоряжения или внести изменения в законы.

Главное внимание в отчете Казимирского было уделено положению воинской стражи и полиции. Охраной порядка на промыслах заведовали отдельные заседатели, которые являлись служащими земского суда, но на время нахождения на приисках освобождались от других должностных поручений. Определение и увольнение этих чинов находилось в ведении Главного управления Восточной Сибири, иными словами, зависело от усмотрения генерал-губернатора. К началу 1840-х гг. на промыслы Восточной Сибири определялись три отдельных заседателя – по одному на северную и южную часть Енисейского золотоносного округа, где находился центр золотодобычи в Сибири, третий обозревал Канский, Нижнеудинский и Иркутский округа.

Казимирский указал, что отдельный заседатель «бывает обременен множеством посторонних дел, поступающих к нему из разных присутственных мест... Вся эта переписка совершенно бесполезна, потому что почтового тракта между промыслами нет и бумаги сии поступают нередко чрез полгода». Учитывая, что «отдельный заседатель, представляя собою единственное лицо местной власти на промыслах, отдаленных и трудных в сообщениях, должен иметь более опытности, образования, бескорыстия и, наконец, значения, чем обыкновенный заседатель земского суда», Казимирский предлагал «отделить их совершенно от земского суда и, поместив их в штат Горного отделения при Главном Управлении Восточной Сибири, переименовать или в горные исправники, или в полицмейстеры частных золотых промыслов, назначив к ним по одному письмоводителю». В таком только случае «благонамеренные и способные чиновники не будут чуждаться этой должности, которая требует в особенности добрых свойств» [Там же. Л. 36 об.–39]. Казимирский не уточнял порядок подчиненности полицейских чинов после предполагаемых изменений.

Члены комитета признали общий ход рассуждений верным, но предпочли не менять служебные обязанности полицейских чинов и не выводить из состава земского суда, ограничившись переименованием должности: «По важности же обязанностей сих заседателей и возвышения звания их в глазах простого народа представляется полезным переименовать их, по примеру подобных должностей на горных заводах, в горные исправники» [Там же. Л. 112 об.–113].

Самое существенное нововведение, предложенное Казимирским, касалось приисковой стражи. К началу 1840-х гг. на прииски Восточной Сибири ежегодно командировались более 300 казаков, которые находились

в подчинении отдельных заседателей. Еще в августе 1842 г. Казимирский писал, что казаки на приисках «слишком много свыклись с рабочими и в большой зависимости промышленников» и добавлял: «Разумея, что [жандармский] штаб-офицер на приисках исправляет некоторым образом должность коменданта, полагать надобно, что все воинские команды и отряды должны быть подчинены ему» [10. Л. 25].

В отчете о состоянии золотопромышленности за 1843 г. Казимирский развивал эту мысль, подчеркивая, что призванный к охране приисков «городовой казак есть более мирный гражданин, чем воин; с малых лет приучаясь к хозяйству, а не к оружию, и готовясь более к гражданской службе, в нем не бывает ни воинской ловкости, ни строгой дисциплины регулярного войска, ни того духа, которым одушевляется солдат. Посельщики рабочие (т.е. ссыльнопоселенцы) поняли очень хорошо, с кем имеют дело, и почти явно смеются над сей стражей, уверенные вполне в превосходстве сил своих» [5. Л. 30 об.–31]. Для предупреждения новых волнений Казимирский предлагал устроить на время летних работ три лагеря пехотных солдат общей численностью в 270 человек, «расположив их вне приисков, в окрестностях селений». «Можно надеяться, – полагал Казимирский, – что сии три небольшие пехотные команды были бы достаточны для удержания в тишине и порядке рабочих всех систем, потому что штыки и пули есть страшное оружие для русского мужика. Сверх того пехотные команды с большею пользою могут быть употреблены во время возвращения рабочих с промыслов, когда они предаются страсти своей погулять». Отряды следовало подчинить жандармскому штаб-офицеру на промыслах, «который обязан представлять ежемесячно рапорты о их состоянии генерал-губернатору, а по окончании лагерной службы их при промыслах произвести инспекторский смотр всем воинским командам, не исключая и казаков». Число казаков предполагалось «уменьшить по расчету. Казаки полезны и даже необходимы на промыслах для ночных обходов по избушкам, где живут рабочие, для караулов в разрезах, где добывается золото и хранится оно; для содержания кордонов и разъездов в случае надобности» [Там же. Л. 32–35 об.]. Начальник VIII жандармского округа генерал-майор Фалькенберг также активно выступал за передачу приисковой стражи под команду жандармского штаб-офицера, уверяя Бенкендорфа, что «находясь в подчиненности лица военного, самые команды точно будут в стройном порядке» [11. Л. 31–35]. Против этого предложения выступали оба сибирских генерал-губернатора.

Члены комитета приняли доводы Казимирского и сошлись на том, что «нахождение на самых приисках казаков, по малочисленности их против рабочих, сколько бесполезно, столько и неудобно, ибо оно, кроме ослабления в мнении рабочих силы этого войска, может иметь и вредное влияние на их нравственность от продолжительного сообщения с рабочими». Поэтому «было

бы гораздо лучше для вящего обеспечения тишины и порядка на промыслах иметь небольшие военные отряды, вне промыслов расположенные, недалеко от оных в приличных местах и предпочтительно из пехоты, с одним или двумя легкими (3-х фунтовыми) орудиями». Все воинские команды следовало подчинить жандармскому штаб-офицеру [5. Л. 111 об.–112 об.].

В заключение отчета Казимирский ходатайствовал о предоставлении ему в дополнение к выделенной 1 тыс. руб. серебром еще 2 тыс. руб. серебром ежегодных ассигнований на наем лошадей и экипажи. Члены комитета признали, что «по местным трудностям перевозов, по обширности их, по неимению на большей части пути почтовых лошадей, по крайней дороговизне фуража, по необходимости иметь при себе 8 жандармов и одного писаря, а равно потому, что штаб-офицер сей обязан выбирать для перевозов своих не проезжие и более удобные дороги, но те пути, по коим проходят пешие рабочие, – означенных денег действительно оказывается недостаточно», но решение вопроса было отложено ввиду особого ходатайства шефа жандармов. Также была одобрена частная мера – запрет на продажу «роскошных товаров» по пути следования рабочих с промыслов с 1 по 20 сентября.

3 марта 1844 г. Вронченко представил Николаю I всеподданнейшую записку «О последствиях рассмотрения предположений подполковника Казимирского относительно улучшения золотопромышленности Восточной Сибири», включавшую резолюции по журналу комитета. Николай I повелел «исполнить» [Там же. Л. 105]. Решение комитета о переименовании отдельных заседателей в горные исправники было внесено в Комитет министров, и 28 марта 1844 г. последовал указ Сената [Там же. Л. 158]. На специальный запрос генерал-губернатора Западной Сибири министр финансов подтвердил, что переименование должности полицейских чинов последовало «без всякого изменения лежавших на них обязанностей» [Там же. Л. 176]. 9 марта министру внутренних дел было сообщено о запрете продажи «роскошных товаров» по пути следования рабочих [Там же. Л. 138].

В тот же день Вронченко направил отношение военному министру А.И. Чернышеву, уведомляя, что Николай I поручил генерал-губернатору Восточной Сибири В.Я. Руперту «войти с представлением о том, чтобы вместо посылаемых ныне для охранения промыслов команд из городских казаков» иметь лагерные отряды из сибирских линейных батальонов [Там же. Л. 128]. Обращение к Руперту было вызвано тем, что войска в Сибири состояли под командой местных генерал-губернаторов. Вронченко мог рассчитывать, что замена приисковой стражи не встретит возражений со стороны генерал-губернатора: в августе 1843 г. Руперт сам ходатайствовал о ежегодном командировании на прииски двух рот солдат, и члены комитета при обсуждении предложений Казимирского приняли это мнение во внимание.

Ответ Руперта в виде рапорта Чернышеву был датирован 6 мая. Генерал-губернатор решительно оспорил

решение комитета: «Для охранения приисков и соблюдения на них порядка в настоящее время достаточно одних тех полицейских мер, для которых назначались до сего туда казаки». Пехотные отряды, «находясь в лагере, в отдаленном расстоянии от места производства работ, не могут быть употребляемы для полицейского надзора, для которого употребляются ныне казаки, и потому не принесут решительно никакой пользы». По мнению Руперта, регулярные войска могут принести пользу только в случае сформирования отдельных рот общей численностью не менее 1 тыс. человек, но «по некомплекту войск, в Восточной Сибири находящихся, и ограниченности их штатов не предстоит никакой возможности командировать от них особые отряды». Руперт полагал, что появление солдат на приисках даст рабочим ложное представление, будто местные власти опасаются их возмущения [13. Л. 11–12].

15 июля 1844 г. Вронченко подробно изложил Чернышеву предысторию вопроса, напомнив, что решение о командировании на прииски пехотных отрядов уже получило высочайшее одобрение, а Руперт «представлял в 1843 г. о командировании на прииски сверх посылаемых на оные казаков, двух рот солдат». Министр финансов резюмировал: «Я и ныне остаюсь при прежнем моем мнении касательно посылки на промыслы военных команд вместо казаков в той мере, как это признано вышеозначенным комитетом». Вронченко предлагал представить совместный всеподданнейший доклад или узнать мнение сенатора Толстого. Чернышев ответил, что оставляет вопрос на усмотрение министра финансов [Там же. Л. 30–33]. В начале августа 1844 г. Вронченко направил отношение Толстому и новый запрос Руперту. Последний вновь отозвался, что солдаты «заменить казачью команду никогда не могут» [Там же. Л. 64].

Дальнейший ход дела во многом зависел от позиции Толстого. Сенатор долго медлил с ответом: его письмо в Министерство финансов было датировано 30 июля 1845 г. и оказалось созвучно позиции генерал-губернатора. Толстой настаивал на сохранении казачьей стражи: «Необходимо требуется ближайший, полицейский надзор за рабочими, заключающийся в отвращении кражи и перевода золота, в удержании от драк, побегов, картежных и азартных игр, в недопущении употребления вина и в пресечении других проступков», поэтому «вредные последствия от удаления казаков с промыслов и от прекращения ближайшего их надзора сами по себе очевидны и еще более убеждают в необходимости такового надзора». От подчинения приисковой стражи жандармскому штаб-офицеру «могут возникнуть неуместные распоряжения и пререкания». Толстой резюмировал: «В командировании отдельных воинских команд, сверх казачьих отрядов, особой надобности не предстоит» [Там же. Л. 74–84]. Решение комитета, получившее высочайшее одобрение, так и не было претворено в жизнь.

Кроме того, в начале марта 1844 г. по отдельному докладу Вронченко Николай I распорядился «отпускать ныне подполковнику Казимирскому на разъезды

по промыслам сумму одну тыс. руб. сер. в год удвоить» с внесением «на будущее время в смету расходов по надзору за золотыми промыслами в Сибири и с представлением Казимирскому при том иметь с собою во время разъездов по промыслам меньшее по возможности число жандармов, ограничиваясь в них существенно лишь надобностью» [10. Л. 93–93 об.].

Впоследствии Казимирский неоднократно выступал с новыми инициативами более частного плана, которые из III отделения передавались на усмотрение министра финансов. В 1853 г., уже в чине генерал-майора, Казимирский был назначен исправляющим должность начальника VIII округа Корпуса жандармов.

Таким образом, комитет 18 февраля 1844 г. представляет редкий пример временного межведомственного государственного учреждения николаевской эпохи.

Специфика комитета обусловлена тем, что инициатива его создания исходила от шефа жандармов, тогда как вынесенные на обсуждение вопросы находились в ведении Министерства финансов. А.Х. Бенкендорф настоял на включении в состав комитета жандармского штаб-офицера. III отделение таким путем оказывало влияние на повестку министерства. В то же время, шеф жандармов в дальнейшем не участвовал в определении состава и порядка работы комитета, а министр финансов, очевидно, не был заинтересован в проведении преобразований, инициированных другим ведомством. Вероятно, это предопределило скромные результаты работы комитета: большой список нововведений, предложенных подполковником Я.Д. Казимирским, был рассмотрен в течение одного заседания, из них претворены в жизнь отдельные частные меры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Yaney G.L. The Systematization of Russian Government. Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. Urbana, IL : University of Illinois Press, 1973. XVI + 430 p.
2. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск : Изд-во Омского ун-та, 1995. 223 с.
3. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах : в 2 т. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1898. Т. 1. С. 73–74.
4. Бибиков Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3. С. 16–24.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 40. Д. 28.
6. Бибиков Г.Н. «Чтобы рабочие люди, на промыслах находящиеся, состояли в надлежном повиновении местным властям»: инструкции жандармским штаб-офицерам на золотых промыслах Западной и Восточной Сибири. 1842 г. // Исторический архив. 2017. № 1. С. 166–171.
7. Баранова Н.Е. «За чувства Ваши ко мне радуюсь и торжеству». Плац-майор Я.Д. Казимирский и декабристы // IV Петряевские чтения : материалы регион. науч.-практ. конф., посвященной 360-летию города Нерчинска и 100-летию со дня рождения краеведа Е.Д. Петряева. Чита : ЗабГУ, 2013. С. 210–215.
8. Клибанов А.И. Из истории идейной жизни декабристов в сибирской ссылке (по письмам декабристов Я.Д. Казимирскому) // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М. : Наука, 1976. С. 52–60.
9. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 258 с.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 3. Д. 542.
11. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 593.
12. Обручев В.А. История геологического исследования Сибири. Период второй (1801–1850). Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1933. 257 с.
13. РГИА. Ф. 37. Оп. 40. Д. 21.

Bibikov Grigory N. The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: grigoriy_bibikov@mail.ru
Rumyantsev Petr P. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: petroom@mail.ru

COMMITTEE ON FEBRUARY 18, 1844 TO DISCUSS THE SITUATION OF THE GOLD INDUSTRY IN EASTERN SIBERIA: HISTORY OF ESTABLISHMENT AND ACTIVITY

Keywords: Siberia; gold industry; gendarmerie; Ministry of Finance; The corps of gendarmes; The III department; A.Kh. Benkendorf; Ya.D. Kazimirsky; F.P. Vronchenko.

The article examines the history of the emergence and activities of the committee established by the Ministry of Finance on February 18, 1844 “to discuss the assumptions of Lieutenant Colonel Kazimirsky regarding improving the gold industry in Siberia”. This committee drew the authors’ attention for some reasons. Firstly, it is a rare example of an interdepartmental institution of the first half of the 19th century, created on the initiative of the chief of the III department and chief of the gendarmes A.Kh. Benkendorf. Secondly, the circumstances of the establishment of the committee show how the department of political police could influence the activities of the ministries. And, thirdly, up to the present time the history of the activities of this committee has not specifically attracted the attention of researchers. The following research tasks were set: 1) to identify the reasons and circumstances of the establishment of the committee; 2) to characterize the composition of the committee; 3) to analyze the information about the issues considered by the committee and their implementation in practice. The main sources for the article were the materials stored in the central state archives of Russia. The article is based on the application of such methods of historical science as narrative, historical-genetic and comparative-historical analysis. The authors came to the following conclusions. The specificity of the committee’s activities is based on the fact that the initiative to create it came from the chief of the gendarmes, whereas the issues submitted for discussion were under the jurisdiction of the Ministry of Finance. Chief of gendarmes A.Kh. Benkendorf insisted on including a gendarme headquarters officer in the committee, thus giving him the opportunity to influence the committee’s activities. However, in the future, Benkendorf himself did not participate in determining the composition and order of the committee’s work, and the finance minister evidently was not interested in carrying out the reforms initiated by another agency. Probably, this predetermined the modest results of the committee’s work: a large list of innovations proposed by the gendarmerie agency was considered during one meeting, of which some partial measures were implemented, but they did not radically affect the development of the Siberian gold industry.

REFERENCES

1. Yaney, G.L. (1973). *The Systematization of Russian Government. Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905*. Urbana: University of Illinois Press.
2. Remnev, A.V. (1995) *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoy polovine XIX veka* [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the 19th century]. Omsk: Omsk State University.
3. Semevskiy, V.I. (1989) *Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh* [Workers in the Siberian gold fields]. Vol. 2. St. Petersburg: M. Stasyulevich.
4. Bibikov, G.N. & Baksht, D.A. (2016) The establishing of gendarmerie supervision on private gold mines in Siberia in 1841-1842. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 16–24. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/3
5. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 37. List 40. File 28.
6. Bibikov, G.N. (2017) “Chtoby rabochie lyudi, na promyslakh nakhodyashchiesya, sostoyali v nadlezhashchem povinovenii mestnym vlastyam”: Instruktsii zhandarmskim shtab-ofitseram na zolotykh promyslakh Zapadnoy i Vostochnoy Sibiri. 1842 g. [“So that the working people in the fields to be properly subordinate to the local authorities”]: Instructions to the gendarme headquarters officers in the gold fields of Western and Eastern Siberia. 1842]. *Istoricheskiy arkhiv – Historical Archive*. 1. pp.166–171.
7. Baranova, N.E. (2013) [“I rejoice your feelings to me.” Platz-Major Ya.D. Kazimierz and the Decembrists]. *IV Petryaevskie chteniya* [The Fourth Petryaev Readings]. Proc. of the Regional Conference. Chita: Transbaikal State University. (In Russian).
8. Klibanov, A.I. (1976) Iz istorii ideynoy zhizni dekabristov v sibirskoy ssylke (po pis'mam dekabristov Ya.D. Kazimirskomu) [From the history of the ideological life of the Decembrists in the Siberian exile (according to the letters of the Decembrists Ya.D. Kazimirsky)]. In: Nechkina, M.V. (ed.) *Problemy istorii obshchestvennoy mysli i istoriografii* [The problems of the history of social thought and historiography]. Moscow: Nauka.
9. Zinoviev, V.P. (2007) *Industrial'nye kadry staroy Sibiri* [Industrial personnel of the old Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
10. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 542.
11. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 593.
12. Obruchev, V.A. (1933) *Istoriya geologicheskogo issledovaniya Sibiri. Period vtoroy (1801–1850)* [History of geological exploration of Siberia. The second period (1801–1850)]. Leningrad: AS USSR.
13. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 37. List 40. File 21.

УДК 930.85

DOI: 10.17223/19988613/55/2

Н.С. Жиртуева

РОЛЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР РУСИ И ВИЗАНТИИ

Целью статьи является анализ роли средневековой Таврики в диалоге культур Руси и Византии. В истории взаимоотношений Византии и Таврики можно выделить два этапа. На первом этапе, в IV–VII вв., христианство было представлено «двоеверием» Херсонеса, а аскетический исихазм не получил распространения. На втором этапе, в VIII–XII вв., культурное взаимодействие осуществлялось по двум основным направлениям. Во-первых, «пещерные монастыри» Таврики стали связующим звеном между византийским и древнерусским монашеством в распространении идей исихазма. Во-вторых, христианство Херсонеса, являвшееся синтезом язычества, арианства и кирилло-мефодиевской традиции, повлияло на становление христианства Руси.

Ключевые слова: Таврика; Русь; Византия; Херсонес Таврический; пещерные монастыри; исихазм.

Полуострову Крым историей было предопределено стать местом, где пересеклись судьбы самых различных народов и культур. Темой исследования в данной статье является роль средневекового Крыма, или Таврики, в диалоге культур Византии и Руси. Этот вопрос еще не был в полной мере освещен в исследовательской литературе, хотя некоторые аспекты проблемы рассматривались в работах А.С. Глушака и Е.К. Дулумана, О.И. Домбровского, В.М. Зубаря, Т.М. Фадеевой, А.Л. Якобсона и др.

После крушения Римской империи Таврика оказалась в сфере влияния ее наследницы Византии. В византийских и итальянских источниках средневековую Таврику называют также Готией. Прокопий Кесарийский именует готами представителей охристианизированной варварской знати из местных, союзных Византии племен [1. С. 221]. Готы получили статус воинской аристократии, активно привлекаемой к военной службе. В IV в. Святое Писание было переведено на готский язык, что способствовало выделению из числа готов ряда епископов.

Со временем усиления византийского владычества в Таврике связана также история возвышения княжества Феодоро. Первоначально оно упоминалось как страна Дори, а ее центр назывался Дорос (с X в. Мангуп). Тем не менее название Готия «имело отнюдь не этническое, а исключительно географическое значение, обозначая собой территорию Юго-Западного Крыма и его южное побережье» [Там же. С. 145]. Грандиозное крепостное строительство, которое началось в стране Дори, свидетельствует о том, что Византия была заинтересована в сохранении своего влияния в этой части Таврики. Были построены крепости на плато Чуфут-Кале и в Каламите, а также укрепления на южном берегу Крыма – Алустан и Гурзувиты. Сооружение крепостей велось в соответствии с византийским фортификационным искусством того времени [2. С. 45; 3. С. 74, 89]. Особое значение Византия придавала Херсонесу Таврическому и Боспору. На них возлагались большие надежды в политике насильственной христианизации в Северном Причерноморье [4. С. 70]. Уже в V в. была создана Херсонская епархия.

Влияние Византии нашло отражение в архитектуре Херсонеса. Типичными для него были многочисленные христианские храмы-базилики, купольные крещальни и мавзолеи. От античности город унаследовал правильную планировку с прямоугольными кварталами и прямыми узкими улицами. Храмы украшались внутри мозаиками и фресками, из мрамора делались полы и колонны. Все мраморные детали для базилик привозились в Херсонес в готовом виде с острова Проконнес в Мраморном море. В V–VII вв. Херсонес становится культурным лидером Таврики. Из отдаленного и крайнего пункта империи он превращается в город, играющий большое значение в византийской политике. Стратегическое положение Херсонеса определялось его соседством с миром «варваров», который не раз становился поводом для тревог империи. С V в. начинается строительство его крепостных стен [5. С. 17–18; 6. С. 18–24].

Как подчеркивают А.С. Глушак, Е.К. Дулуман, В.М. Зубарь и А.Л. Якобсон, утверждение новой веры в самом Херсонесе происходило очень медленно, что объясняется устойчивостью языческих традиций в городе. С конца V в. в культуре Херсонеса начинается активный диалог христианства и античного язычества, что дает основание сопоставить этот процесс с аналогичным процессом, проходившим в то же время в самой Византии, с той лишь разницей, что в Херсонесе язычество оказалось сильнее. Приобщение язычников к христианству во многом начиналось со знакомства и принятия в свой пантеон христианских святых. «Двоеверие» сохранялось в Херсонесе вплоть до XIII в. [4. С. 70; 6. С. 12; 7. С. 35–40].

Город и большая часть полуострова долго оставались верны своим языческим традициям. Христианство было принято в основном представителями социальной верхушки, о чем говорят богатые некрополи в самом Херсонесе и на Боспоре. Основная же масса населения Таврики оставалась языческой, и это язычество было не только древнегреческим, но и «варварским» (скифо-сарматским). В том, что Гурзувиты были по своему этническому составу не греческим городом, убеждает

состав могильника Суук-су, который преимущественно содержит предметы неэллинистической культуры. В VI–VII вв. для Юго-Западной Таврики характерны были типы погребений, имевшие гото-аланское или тавро-скифо-аланское происхождение [8. С. 154].

Среди негреческого населения полуострова были широко распространены ювелирные изделия, в которых применялась инкрустация драгоценными камнями или цветными стеклами. Возникший «полихромный» стиль соединил традиции эллинистического и греко-сарматского искусства. Изделия в этом стиле широко представлены в некрополях Боспора и Гурзувитов. Однако их очень редко можно встретить в некрополях самого Херсонеса, где их отвергали как «варварское» искусство [6. С. 17].

Таким образом, в IV–VII вв., несмотря на основание Херсонской епархии, влияние христианства в Таврике (Готии) было очень незначительным, даже в пределах самого Херсонеса. Чем дальше от города, тем византийское влияние становилось все более слабым. Оно и не могло быть сильным, потому что Херсонес сознательно противопоставлял себя всей остальной Таврике. Христианство этого периода было представлено «двоеверием» Херсонеса, в котором языческий элемент значительно преобладал над христианским. Аскетическое монашеское христианство (или исихазм) не получило распространения на этом этапе истории полуострова.

Ситуация на полуострове существенно изменилась в VIII в., что было связано с иконоборческой политикой византийских императоров-исавров. Император Лев III Исавр издал в 730 г. эдикт против почитания икон, а император Константин V созвал в 754 г. церковный собор, осудивший иконопочитание как идолопоклонство. Подоплекой этих событий было стремление имперской власти подорвать экономическое могущество церкви, лишив ее земельных владений и богатств.

Следствием иконоборческой политики явилась массовая миграция греческого монашества на окраины империи. Эти события нашли отражение в двух «Житиях» – Стефана Нового и Иоанна Готского. В «Житии Стефана Нового» говорится, что монахи-иконопочитатели, «жители пещер и обитатели гор», устремились к святому, ища совета и утешения. Стефан советовал им искать спасения на окраинах империи, куда не достигало влияние иконоборчества. Как наиболее благоприятные были названы северные берега Понта Эвксинского, Боспор, Херсон, Готия, затем – Южная Италия, Малая Азия [1. С. 39].

Так Таврика превратилась в оплот иконопочитателей и гнездо оппозиционных настроений вплоть до победы иконопочитателей на VII Вселенском соборе в 787 г. Недовольные имперской политикой и налоговыми поборами жители Херсонеса отрицательно восприняли новую религиозную политику василевсов. Херсонес постепенно становится местом ссылки опальных вельмож. Но еще более значительную роль в поддержке монашества сыграла Крымская Готия – защищенная «длинными стенами» полоса Южнобережья.

Согласно «Жития Иоанна Готского» в 754 году некий епископ Готии из угождения императору Константину Копрониму подписал определения иконоборческого собора. Поэтому православные Готии, «не принимая участия в новшествах незаконного собрания», предложили в пастыри Иоанна, уроженца Партенита. Приблизительно в 780 г. Иоанн был в Константинополе, где беседовал с императрицей Ириной, поддерживавшей иконопочитателей, и «говорил всем со свободой и дерзновением о принятии святых икон». Вернувшись, Иоанн застал свою страну занятой хазарами, включая крепость Дорос. Договорившись с князем Готии, он вместе со своим народом в 787 г. поднял восстание, выгнал вооруженных хазар из города и даже занял горные проходы. Каган подавил восстание, заключил Иоанна под стражу, откуда тот бежал в Амастриду – город на южном берегу Черного моря. Когда Иоанн скончался, его останки были с почетом переправлены на родину, в Партенит, и погребены в монастыре Святых Апостолов: «Монастырь этот преподобный снабдил всяким благолепием зданий и святых сосудов и различных книг и поместил в нем множество монахов» [Там же. С. 39].

Другой крымский святой иконопочитатель Стефан Сурожский, родом из Каппадокии, учившийся в Константинополе, в 724 г. был поставлен в епископы Сурожа, где обратил в православие много язычников и еретиков. Получив указ об истреблении икон, Стефан отправился в Константинополь, где за ревностную защиту икон был подвергнут мучениям и заточен на много лет в темницу, откуда освобожден уже новым императором. Скончался он в 742 г. и был погребен в Суроже, в храме Святой Софии.

Именно с греческими переселенцами-иконопочитателями связано появление в Таврике наземных и так называемых «пещерных монастырей». Они возникают как на Южном берегу, так и во внутренней горной части края – Чилтер, Шулдан, Инкерман, Партенит, Качикальон [1. С. 40; 9. С. 11]. Интересна конструкция «пещерных монастырей», которые, как правило, имеют подземные дополнения к основной надземной постройке, обычно не сохранившейся.

Монастыри полуострова по форме близки тем, которые строились в то же время в Италии и на Сицилии, что объясняется не только сходством природных условий, но и общностью мировоззрения греков-эмигрантов [10. Р. 34]. Пещерножительство в восточном христианстве имеет древние корни, являясь ранней формой исихазма. «Отцом» монашеского аскетизма на христианском Востоке считается Антоний Великий, а дальнейшее его развитие связано с Макарием Египетским, Исааком Сириним, Иоанном Лествичником и др. Они создали учение о монашестве как высшей форме духовной жизни, которая начинается с «обращения», или усилия воли, направленной к Богу, а далее требует отказа от «мира». Необходимыми условиями монашеской жизни аскеты считали молитву, нестяжательство, борьбу со страстями и пост. Ранний исихазм был преимущественно

направлен на индивидуальное самосовершенствование и представлен египетской и палестинской школами монашества, отличие между которыми заключалось в разном понимании любви. Если в египетской школе любовь понималась как полная отдача Богу, то в палестинской школе любовь направляли на весь «тварный» мир, стремясь уподобиться нравственному идеалу Христа [11. С. 53]. Египетская школа призывала к отшельничеству, в котором ничто не могло препятствовать служению Богу, а пещерничество создавало для этого самые благоприятные условия. Греческие монахи-иконопочитатели сознательно выбирали в Таврике места, пригодные для воссоздания египетской «Фиваиды».

Большой авторитет среди монашества приобрел Успенский монастырь (Чуфут-кале). Расположенный в горной местности, он более всех других напоминал «святую гору» Афон. Монастырь находился в постоянном духовном общении с монастырем в Сумеле, недалеко от Трапезунда. Согласно преданию именно оттуда была перенесена на Успенскую гору чудотворная икона Богоматери – Одигитрия, с которой связано много чудес [1. С. 115]. В VIII в. был восстановлен большой монастырь Апостолов в Партенитах.

Как утверждают многие исследователи, важным следствием миграции греческих монахов-иконопочитателей и ссылки опальных вельмож явилось укрепление позиций православия на полуострове [2. С. 156; 7. С. 41–43; 4. С. 80; 6. С. 34; 9. С. 11]. Монастыри столь активно насаждали христианство, что уже к середине VIII в. в Таврике были учреждены новые епархии – Готская и Сугдейская. Как отмечает И.А. Баранов, на полуострове произошло утверждение православия в его самой ортодоксальной форме. Интенсивная монашеская жизнь явилась толчком к изменению всей экономической, социальной и политической ситуации на полуострове [8. С. 153, 156].

Интересно, что близ монастырей, в юго-западной части полуострова, распространяются плитовые могилы. Подобные захоронения восходят к античным образцам, но особенно широко они были распространены в VIII–IX вв. в районах с сильным влиянием греко-византийской культуры – на Балканах и в Таврике. Но в самом Херсонесе плитовых захоронений не обнаружено. Там сохранялись погребения преимущественно по языческому обряду [8. С. 154; 12. С. 118–119]. Даже базилики Херсонеса по-прежнему продолжали украшаться мозаикой с античными языческими сюжетами. В городе были широко распространены белоглиняные поливные блюда с рельефами, сюжеты которых часто имели также языческие корни. Все это является свидетельством того, что ортодоксальная форма христианства не затронула город, остававшийся верным античным традициям.

Перемены в жизни Херсонеса связаны с просветительской деятельностью святых братьев Кирилла и Мефодия, которые принесли в город идеи неортодоксального православия. Известно, что Мефодий некоторое время сотрудничал с неортодоксальными общинами

Подунавья, в частности с арианами. Корсунская миссия Кирилла составляет важную часть его биографии [13. С. 16].

Иллюстрацией перемен, произошедших в жизни полуострова, является его архитектура. Так, например, главный храм готской епархии в Партенитах (VIII в.), базилика на плато Тепсень (IX в.) и ряд полупещерных монастырей в юго-западном регионе (Каламита, Тепе-Кермен) воспроизводят форму ранней византийской базилики. Однако с конца IX в. в Таврике распространяется крестовокупольный тип храма. Причем архитектура Херсонеса становится провинциальной ветвью византийского зодчества, которая в то время была распространена в Малой Азии и на Балканах. Для нее характерен простой вариант крестово-купольного храма, лишенный изысканной отделки фасада декоративным оформлением [5. С. 19; 14. С. 76].

Постепенно античный натурализм херсонских мозаик вытесняется символическими изображениями. В Херсонесе появляются индивидуальные молельни, которые обычно строились во дворах жилых усадеб богатых горожан. Таврика IX–XII вв. оказалась под влиянием византийского «спиритуалистического» стиля в искусстве, но в его провинциальной форме.

После завоевания Херсонеса (Корсуна) киевским князем Владимиром Херсонес начинает играть важную роль в процессе распространения христианства на Руси. Первая христианская традиция, которая пришла на Русь, была корсунской. Из корсунян была составлена первая христианская парafia, центром которой стала Десятинная церковь. Во времена Владимира эта церковь являлась центром христианства, а ее настоятель Анастас Корсунин фактически возглавлял церковную организацию.

Однако корсунское христианство не может быть отождествлено с византийским. В Херсонесе пользовались другим летоисчислением, что оказало влияние на понимание всемирной истории, отличное от византийского. В Херсонесе почитались западные святые Мартин и Климент, практически игнорируемые в Византии. Сюда, на окраину, высылали поверженных политиков и еретиков, что со временем породило широкую веротерпимость [15. С. 58–64]. Интересен тот факт, что после похода Владимира из Херсонеса были вывезены некоторые ценности, включая мощи святого Климента и его учеников. Святой Климент, ученик апостола Петра и четвертый папа римский, был причислен к лику святых как один из первых христианских мучеников, сосланный в Корсунь и погибший там (ок. 101 г.). О Клименте, конечно, знали во всем христианском мире, но особенно он почитался в Риме и Корсунии. Его почитали также Кирилл и Мефодий, стремившиеся прикоснуться к мощам во время своей миссии. В дальнейшем эта традиция была поддержана Десятинной церковью. Традиция Десятинной церкви оказала существенное влияние на мировоззрение митрополита Илариона. Она также была отражена в «Повести временных лет», которая в XI в. составлялась клиром этой церкви [13. С. 15–22].

Искусство Таврики IX–XII вв. оказало влияние на искусство Киевской Руси, в котором был воспринят не сложный константинопольский вариант зодчества, а провинциальный. Конструкция Десятинной церкви в Киеве во многом воспроизводила тот тип храмов, которые строились в Болгарии и Херсонесе, с удлиненной западной частью, состоявшей из нартекса и экзонартекса. Примечательно, что, как полагает Г.К. Вагнер, в Десятинной церкви «впервые проявился интерес к скульптуре, и притом не византийского, а явно романского характера» [16. С. 32].

Можно согласиться с выводом, который сделал А.Г. Кузьмин: «Десятинная церковь в XI столетии оказывается притягательным центром мощного идейного течения, противостоящего византийской ортодоксии. Ратуя за полную самостоятельность русской церкви и непосредственную связь русского христианства с учением святых отцов, клирики Десятинной церкви в то же время постоянно питались сочинениями и идеями, приходившими из славянских стран, прежде всего тех областей, где более и долее всего сохранялось влияние кирилло-мефодиевской традиции» [15. С. 65]. В целом на Руси сформировался «русский», или «киеворусский», вариант христианства, для которого была характерна нравственная направленность [17. С. 44; 18. С. 1247].

Совершенно противоположным по своей идейной направленности было христианство «пещерных монастырей». Ориентированное на православное аскетическое учение, оно способствовало трансляции идей исихазма в ментальность Руси. Но языческие традиции были настолько сильны в Киеве, так же как и в Херсонесе, что распространение исихазма было возможным только в монашеской культуре. Вплоть до середины XI в. во многих «медвежьих» углах Киевской Руси существовало

даже не христианство, а язычество в чистом виде [19. С. 209]. Как известно, святой Антоний, принявший пострижение на Афоне, в дальнейшем стал основателем Киево-Печерской лавры. В дальнейшем он отказался от поста игумена, предпочитая отшельничество. Игуменом лавры стал ученик Антония – святой Феодосий, который обнаружил одновременно тяготение и к аскетизму, и к практической деятельности на благо монастыря. Именно Феодосий был инициатором введения в монастыре сурового Студийского устава и принципа общежития (киновия). Устав требовал от черноризца полного отречения от всякой собственности, безоговорочного подчинения игумену, строжайшей дисциплины и участия в физическом труде. В Печерской обители уставу следовали еще более последовательно, чем в самой Византии. Феодосий всегда подавал пример самой суровой аскезы [20. С. 846–847].

Таким образом, Таврика в IV–XII вв. оказалась включенной в сферу влияния Византийской империи, что привело к распространению на полуострове христианства. На втором этапе взаимоотношений Византии и Таврики, в VIII–XII вв., Таврике было суждено сыграть роль «культурного моста» между Византией и Русью на протяжении трех столетий, особенно в корсунский период русско-византийских отношений [21. С. 202]. Культурное взаимодействие осуществлялось по двум основным направлениям. С одной стороны, «пещерные монастыри» Таврики стали связующим звеном между византийским и древнерусским (киево-печерским) монашеством в распространении идей исихазма. С другой стороны, христианство Херсонеса, являвшееся синтезом язычества, арианства и кирилло-мефодиевской традиции, сыграло решающую роль в становлении христианства Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фадеева Т.М. Тайны горного Крыма. Симферополь : Бизнес-Информ, 1998. 256 с.
2. Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исарь» Крымского южного бережья // Феодальная Таврика : материалы из истории и археологии Крыма / под ред. С.Н. Бибикова. Киев : Наукова думка, 1974. С. 5–56.
3. Пиоро И.С. Крымская Готия: очерки этнической истории населения Крыма в позднеантичный период и раннее средневековье Киев : Лыбидь, 1990. 198 с.
4. Зубарь В.М., Павленко Ю.В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев : Наукова думка, 1988. 230 с.
5. Асеев Ю.С. Архитектура Крыма. Киев : Госстройиздат УССР, 1961. 239 с.
6. Якобсон А.Л. Крым в средние века. Л.–М. : Наука, 1973. 173 с.
7. Дулуман Е.К., Глушак А.С. Введение христианства на Руси : легенды, события, факты. Симферополь : Таврия, 1988. 184 с.
8. Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика : материалы из истории и археологии Крыма / под ред. С.Н. Бибикова. Киев : Наукова думка, 1974. С. 151–162.
9. Герцен А.Г., Махнева О.А. Пещерные города Крыма. Симферополь : Таврия, 1989. 103 с.
10. Amar J.P. Byzantine ascetic monachism and Greek Bias in the Vita tradition of Ephrem the Syrian // Oriental christiana period. Roma. 1992. Vol. 58, fasc. 1. P. 123–156.
11. Жиртуева Н.С. Православный исихазм в контексте компаративного анализа философско-мистических традиций мира // Вопросы философии. 2017. № 3. С. 52–62.
12. Орлов Р.С. Из истории сельского населения Керченского полуострова в XII–XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья : сб. науч. тр. / под ред. В. Д. Барана. Киев : Наукова думка, 1979. С. 116–129.
13. Златоструй. Древняя Русь. X–XIII в. Дороги человеческой мысли / авт.-сост. А.Г. Кузьмин, А.Ю. Карпов. М. : Мол. гвардия, 1990. 303 с.
14. Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Л. : Наука, 1987. 233 с.
15. Кузьмин А.Г. Падение Перуна : (становление христианства на Руси). М. : Мол. гвардия, 1988. 240 с.
16. Вагнер Г.К. Искусство Древней Руси. М. : Искусство, 1993. 255 с.
17. Наумова Н.В., Глушак А.С. Крещение Руси: исторический дискурс // Парадигмы истории и общественного развития : сб. науч. тр. Севастополь, 2016. Вып. 4. С. 43–49.
18. Наумова Н.В., Глушак А.С. Славянская духовность в контексте восточных и западных мировоззренческих парадигм // Философия и культура. 2016. № 9. С. 1245–1252. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.9.17081.
19. Козлов М.Н. Поздние язычники Древней Руси // GENESIS : исторические исследования. 2016. № 5. С. 205–215. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.5.1933. URL: http://e-notabene.ru/hr/contents_2016_5.html

20. Жиртуева Н.С. Модификации византийского исихазма в культуре Киевской Руси, Московской Руси и Крыма // *Философия и культура*. 2015. № 6. С. 843–852. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.6.14070. URL: http://www.nbpublish.com/fkmag/contents_2015_6.html
21. Колесов М.С. Крым в контексте мировой культуры // *Брега Тавриды*. 1994. № 6. С. 190–214.

Zhirtueva Natalia S. Sevastopol State University (Sevastopol, Russia). E-mail: zhr_nata@bk.ru

THE ROLE OF MEDIEVAL TAVRICA IN THE OF CULTURE'S DIALOGUE OF RUS AND BYZANTIUM

Keywords: Tavrica; Rus; Byzantium; Chersonesus of Taurida; “cave monasteries”; hesychasm.

The aim of this article is the analysis of the role of medieval Tavrica in the of culture's dialogue of Rus and Byzantium. This problem has not been fully covered in the research literature yet. The author refers to the works of researchers such as A. Glushak, E. Duluman, O. Dombrovsky, V. Zubar, T. Fadeeva, A. Yakobson, and others.

The source base consists of archaeological research and hagiographic literature. The methodology of the study is comparative religious analysis. The main research methods used in the article are comparative-historical, analysis, synthesis, generalization, individualization and historical narrative.

The following tasks are envisaged in order to achieve the goal of article. Firstly, the results of interaction between the Byzantine and Tavrica cultures are analyzed at the first stage of their mutual relations. As a result of performed study we infer, that in the 4th-7th centuries, Tavrica was in the sphere of Byzantine influence, which led to the spread of Christianity on the peninsula. However, despite the foundation of the Cherson diocese, the influence of Christianity in Tavrica was very small. The bulk of peninsula's population remained pagan, and this paganism was not only ancient Greek, but also “barbarian” (scythian-sarmatian). The pagan element in this dialogue clearly prevails. The Christianity of Tavrica of 4th-7th centuries was represented by the “duality” of Chersonesus, which was preserved until the 13th century. The ascetic monastic Christianity (or hesychasm) did not spread at this stage of the history of the peninsula.

Moreover, the results of interaction between Byzantium and Tavrica cultures are analyzed at the second stage of their mutual relations. The research gives all the reasons to claim that the situation on the peninsula changed significantly in the 8th century, when Tavrica turned into a stronghold of icon-worshippers. In the second stage of the relations between Byzantium and Tavrica, in the 8th-12th centuries, Tavrica was destined to play the role of a “cultural bridge” between Byzantium and Rus. Cultural interaction was carried out in two main directions. On the one hand, the “cave monasteries” of Tavrica became a link between Byzantine and Old Russian (Kiev-Pechersk) monasticism in spreading the ideas of hesychasm. And, on the other hand, the Christianity of Chersonesus, which was a synthesis of paganism, Arianism and Cyril and Methodius tradition, played a decisive role in the development of Christianity in Russia.

REFERENCES

1. Fadeeva, T.M. (1998) *Tayny gornogo Kryma* [Secrets of the Mountainous Crimea]. Simferopol: Biznes-Inform.
2. Dombrovskiy, O.I. (1974) Srednevekovye poseleniya i “isary” Krymskogo yuzhnoberezh'ya [Medieval settlements and “isary” of the Crimean South Coast]. In: Bibikov, S.N. (ed.) *Feodal'naya Tavrika: materialy iz istorii i arkhologii Kryma* [Feudal Tavrika: materials from the history and archeology of the Crimea]. Kiev: Naukova dumka.
3. Piore, I.S. (1990) *Krymskaya Gotiya: ocherki etnicheskoy istorii naseleniya Kryma v pozdnerimskiy period i rannee srednevekov'e* [Crimean Gothia: sketches of the ethnic history of the Crimean population in the late Roman period and the early Middle Ages] Kiev: Lybid'.
4. Zubar, V.M. & Pavlenko, Yu.V. (1988) *Khersones Tavricheskii i rasprostranenie khristianstva na Rusi* [Tauric Chersonese and the spread of Christianity in Russia]. Kiev: Naukova dumka.
5. Aseev, Yu.S. (1961) *Arkhitektura Kryma* [Architecture of Crimea]. Kiev: Gosstroyizdat USSR.
6. Yakobson, A.L. (1973) *Krym v srednie veka* [Crimea in the Middle Ages]. Moscow: Nauka.
7. Duluman, E.K. & Glushak, A.S. (1988) *Vvedenie khristianstva na Rusi: legendy, sobytiya, fakty* [Introduction of Christianity in Russia: legends, events, facts]. Simferopol: Tavriya.
8. Baranov, I.A. (1974) O vosstanii Ioanna Gotskogo [About the uprising of John of Gotha]. In: Bibikov, S.N. (ed.) *Feodal'naya Tavrika: materialy iz istorii i arkhologii Kryma* [Feudal Tavrika: materials from the history and archeology of the Crimea]. Kiev: Naukova dumka.
9. Gertsen, A.G. & Makhneva, O.A. (1989) *Peshchernye goroda Kryma* [Cave cities of Crimea]. Simferopol: Tavriya.
10. Amar, J.P. (1992) Byzantine ascetic monachism and Greek Bias in the Vita tradition of Ephrem the Syrian. *Oriental Christiana Period*. 58. pp. 123 – 156.
11. Zhirtueva, N.S. (2017) Pravoslavny isikhazm v kontekste komparativnogo analiza filosofsko-misticheskikh traditsiy mira [Orthodox Hesychasm in the context of a comparative analysis of the philosophical and mystical traditions of the world]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 52–62.
12. Orlov, R.S. (1979) Iz istorii sel'skogo naseleniya Kerchenskogo poluoostrova v XII - XIV vv [From the history of the rural population of the Kerch Peninsula in the 12th – 14th centuries]. In: Bran, V.D. (ed.) *Pamyatniki drevnikh kul'tur Severnogo Prichernomor'ya* [Monuments of ancient cultures of the Northern Black Sea Region]. Kiev: Naukova dumka. pp. 116–129.
13. Kuzmin, A.G. & Karpov, A.Yu. (eds) (1990) *Zlatostruy. Drevnyaya Rus'. X-XIII v. Dorogi chelovecheskoy mysli* [Ancient Russia. The 10th – 13th century. Roads of human thought]. Moscow: Molodaya gvardiya.
14. Yakobson, A.L. (1987) *Zakonomernosti v razvitiy srednevekovoy arkitektury IX-XV vv* [Regularities in the development of medieval architecture of the 9th–15th centuries]. Leningrad: Nauka.
15. Kuzmin, A.G. (1988) *Padenie Peruna: (Stanovlenie khristianstva na Rusi)* [The fall of Perun: (The formation of Christianity in Russia)]. Moscow: Molodaya gvardiya.
16. Vagner, G.K. (1993) *Iskusstvo Drevney Rusi* [The Art of Ancient Russia]. Moscow: Iskusstvo.
17. Naumova, N.V. & Glushak, A.S. (2016) The Baptism of Rus: Historical Discourse. *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya – Paradigms of History and Social Development*. 4. pp. 43–49. (In Russian).
18. Naumova, N.V. & Glushak, A.S. (2016) Slavic spirituality in the context of the eastern and western ideological paradigms. *Filosofiya i kul'tura – Philosophy and Culture*. 9. pp. 1245–1252. (In Russian). DOI: 10.7256/1999-2793.2016.9.17081
19. Kozlov, M.N. (2016) Pozdnie yazychniki Drevney Rusi [Late Gentiles of Ancient Russia]. *GENESIS: Istoricheskie issledovaniya – GENESIS: Historical Researches*. 5. pp. 205–215. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.5.19338
20. Zhirtueva, N.S. (2015) Modifikatsii vizantiyskogo isikhazma v kul'ture Kievskoy Rusi, Moskovskoy Rusi i Kryma [Modifications of Byzantine Hesychasm in the culture of Kievan Rus, Moscow Rus and Crimea]. *Filosofiya i kul'tura – Philosophy and Culture*. 6. pp. 843–852. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.6.14070
21. Kolesov, M.S. (1994) Krym v kontekste mirovoy kul'tury [Crimea in the context of world culture]. *Breга Tavriды*. 6. pp. 190–214.

УДК 94 (571.15)
DOI: 10.17223/19988613/55/3

А.А. Калашников, П.А. Афанасьев

ЛЕСНАЯ СТРАЖА И ЛЕСНИЧИЕ ГЛАЗАМИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА ПОСЛЕ СОБЫТИЙ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Анализируется положение лесной стражи и лесничих Алтайского округа в марте–декабре 1917 г. На основе ведомственного делопроизводства, актов, решений крестьянских комитетов, приговоров сельских сходов предпринимается попытка воссоздать собирательный образ лесной стражи и лесничих в глазах населения, а также выявить причины негативного отношения населения к служащим округа. В результате авторы приходят к выводу, что деформированный образ служащих округа способствовал эскалации конфликта между ними и населением.

Ключевые слова: Февральская революция; лесная стража; Алтайский округ.

Лесная стража обеспечивала порядок в лесничествах Алтайского округа, создавая условия для ведения лесного хозяйства Кабинета е.и.в. на территории своих объездов. После февраля 1917 г. авторитет чиновников в бывшем владении императора пошатнулся. Как правило, историки уделяют внимание способам отстранения от службы лесных чинов на Алтае, отмечая неспособность ведения лесного хозяйства и реализации лесоохранных мер назначенными на их место выборными от сельских обществ. Для того чтобы понять причины замены стражи, нападений на нее и потери авторитета института лесничих, мы попытаемся воссоздать собирательный образ объездчиков и лесничих, а также проследить тенденции, влиявшие на формирование негативного отношения к ним со стороны населения. Данная работа проведена на основе анализа рапортов, отношений и донесений служащих Алтайского округа, протоколов заседаний лесных советов, решений исполкомов, приговоров сельских сходов, поступавших в Алтайский губернский земельный комитет и Управление округа, а также донесений начальника округа в Кабинет.

По оценкам Н.Ф. Иванцовой, в марте–апреле 1917 г. выступления крестьян против администрации Алтайского округа составляли 36,8% от общего числа правонарушений в регионе [1. С. 62]. По утверждению историка, население рассматривало систему лесничества и лесной стражи как главное препятствие ликвидации кабинетского землевладения [Там же. С. 61]. С этим утверждением соглашались С.Е. Поляков и М.О. Тяпкин [2. С. 180]. По оценкам Г.П. Жидкова, в большинстве случаев причины отстранения лесной стражи и увольнения лесничих были не личными, а политическими. В представлениях крестьянской массы чины бывшей кабинетской администрации выглядели как анахронизм [3. С. 250]. Это иллюстрируют постановления отдельных сельских обществ, где лесная стража была заменена, так как она поддерживала «старый свергнутый строй» [4. Л. 10]. В докладе начальнику Алтайского округа от 2 апреля 1917 г. старший лесничий М.Н. Львов отмечал, что необходимость замены обуславливалась просьбами крестьян, мотивированными тем, что «должны быть новые

власти, а не старые», а также обвинением лесничих в потворстве объездчикам или якобы недоброжелательном отношении лесничего к населению [5. Л. 59 об.]. В приговоре сельского общества села Суслово от 16 апреля замена объездчиков обуславливалась их грубым отношением к населению [6. Л. 6 об.]. Недоброжелательность отношения и, как следствие, некомпетентность служащего определялись населением по-своему. Сельским сходом, проходившим 25 сентября в Ново-Озерском лесничестве, было решено не принимать на службу нового лесничего, потому как эту должность занимал некий Морев, отличавшийся хорошим поведением и усердным отношением к службе [7. Л. 126]. Однако старший лесничий К.П. Перетолчин после поездки в Ново-Озерское лесничество в рапорте Управлению округа отмечал крайне удручающее положение в нем хозяйства и считал необходимой замену лесничего «дабы бесхозяйственность не пустила более глубоких корней» [Там же. Л. 125 об.].

Необходимость согласованных действий с внезапно появившимися после Февральской революции новыми органами власти ставила служащих Алтайского округа в подчиненное положение. Крестьянские комитеты диктовали собственную политику в области земельно-лесного хозяйства. Весьма красноречиво это иллюстрирует решение сельского схода деревни Усть-Чумышской, проходившего 10 октября 1917 г. На нем было объявлено, что лес и земля принадлежат народу, а потому право ими распоряжаться имеют лишь комитеты [Там же. Л. 123]. В противовес обезоруженной, лишенной знаков и клейм страже представители комитетов выглядели куда более внушительно. Так, председатель павловского комитета «и днем и ночью разгуливал по селу при шашке через плечо и с двумя нашими казенными револьверами» (револьверы были изъяты у лесной стражи [Там же. Л. 78 об.]. Население предлагало клеймить не лес, а самих объездчиков, нанося им удары по шее [8. Л. 7 об.]. Только лояльность со стороны исполкомов (а их составы регулярно обновлялись) обеспечивала лесной страже право на существование. В заявлении о прекращении работы служащих Петровского лесничества сообщалось, что после убийства лояльно

настроенного к ним члена исполкома поддерживаемый ими относительный порядок был нарушен, а лесная стража «терроризирована, а потому и бессильна» [7. Л. 208]. Служащими Аламбайского лесничества была принята резолюция, согласно которой к нарушителям лесного устава предпринималось только «убеждение словом», так как составление протоколов вело к обострению отношений с населением [9. Л. 18 об.]. Население, видя беспомощность лесной стражи, переставало воспринимать ее как серьезную силу.

Смещение с должности лесных чинов и нападения на лесную стражу были обусловлены и личностным фактором. На совещании Согласительной комиссии, проходившем 9 марта 1917 г. в Барнауле, сообщалось об обостренных отношениях населения с отдельными объездчиками [5. Л. 28 об.]. В марте в Петровском лесничестве произошло нападение на лесничего с целью личной мести [Там же. Л. 50]. За год до описываемых событий в Барнаульском лесничестве был зафиксирован случай стрельбы пьяного объездчика в женщин и битья их кнутом за нарушение правил побочного пользования лесом [10. Л. 10–18]. Отдельные представители лесной стражи, отрицательно зарекомендовав себя в отношениях с населением, способствовали формированию негативной репутации низовых служащих округа, что сказывалось в дальнейшем.

Постепенно у населения сложился стереотип о халатном исполнении обязанностей лесной стражей. Обязанное платить за пользование лесом, население было убеждено, что чинов округа тайно продавали лес на сторону для собственного заработка. Этим же население объясняло лесные пожары, свойственные весенним и летним месяцам: «Когда наступала весна, стража, чтобы скрыть следы преступления, поджигала участки, где были порубки» [5. Л. 90]. Случаи такой продажи действительно были. Учитывая малый заработок объездчиков, установленный в размере 25–35 руб. в месяц [2. С. 169], в условиях войны и инфляции это был один из способов не столько заработка, сколько поддержания текущего благосостояния. Старший лесничий В.П. Моношко в докладе о поездке в июне–июле 1916 г. по лесничествам округа сообщал, что часть стражи меняет службу на более прибыльную [11. Л. 36 об.–37]. К 1917 г. жалованье было несколько увеличено, но цены росли быстрее. В петиции, отправленной в исполком Томского губернского народного собрания служащими Сузунского лесничества, было отмечено, что за время войны, несмотря на общее повышение цен на продукты первой необходимости в среднем на 400%, содержание лесной стражи было увеличено только на 50%, а администрации – на 25% [12. Л. 36 об.]. В.П. Моношко также отмечал, что обмундирование стражи «нередко не соответствует достоинству округа», но «дороговизна жизни и материи заставляет закрывать глаза на это обстоятельство» [11. Л. 45]. Павловский лесничий С. Чернов также коснулся вопроса внешнего вида стражи в письме в Алтайский губернский земельный комитет:

«Буду ждать и надеяться, что стража у меня опять примет должный вид, а то понимаешь – ходят без пояса и без знака, ну прямо шпана, а не объездчик. Да вот, вещь пустая и смешная, а в деле она имеет громадное значение – стройности нет» [7. Л. 79 об.]. Крестьяне, обязанные подчиняться людям, чье благосостояние было порой ниже их собственного, не воспринимали их всерьез или же считали равными себе. Поэтому неудивительно, что лесная стража объясняла обострение конфликта с населением своей малообеспеченностью жалованьем [Там же. Л. 46 об.]. Не избегали нападок населения и лесничие и их помощники, обладавшие большим достатком, но это было связано с убеждением людей в том, что служащие живут за их деньги, уплаченные за пользование земельно-лесными ресурсами округа.

Стоит также отметить непостоянство состава лесной стражи. В 1914 г. мобилизация оставила округ без квалифицированных кадров. На 1 января 1915 г. объездчиков, назначенных инспекцией, осталось 102 человека, а 1 175 были наняты лесничими [13. Л. 3]. В дальнейшем часть должностей вновь были занята бывшими служащими, однако костяк лесной стражи состоял из нанятых в годы войны. Такие объездчики не пользовались авторитетом, а в отчетах лесничих отмечалась «распущенность» и зависимость этой стражи от местного населения [11. Л. 16 об., 17, 21, 26, 31]. Текущее кадров не позволяла установить виновных в нарушениях лесного устава среди них, что формировало у населения стереотипное восприятие объездчика как преступника. Изменчивость состава стражи создавала у населения образ непостоянства самого института власти, что после Февральской революции способствовало легкости в принятии решений о смещении стражи и ее замене на выборную.

Проводя в 1917 г. «чистку» среди низших чинов Алтайского округа, население было убеждено, что самостоятельное ведение лесами будет более успешным, чем ранее при контроле лесных чинов. Назначая на должности объездчиков людей, непригодных для службы, комитеты обосновывали это броскими фразами: «физической работы им нет», «протоколов больше не будет и писать нечего» [14. Л. 10 об.]. Объездчики в глазах крестьян были не только естественным препятствием для бесконтрольного пользования лесом, но и рассматривались как причина проблем в хозяйстве округа.

Со времени, прошедшего с первых замен лесной стражи в марте 1917 г., кризис отношений между населением и служащими Алтайского округа углублялся. На логичные вопросы, замечания и требования, касавшиеся земельно-лесного хозяйства, служащие получали в ответ грубую брань. В Коростелевском лесничестве человек, которого лишь попросили предъявить лесорубочный билет, обещал награду за убийство объездчика или помощника лесничего [Там же. Л. 46]. Примечательны фразы, которые говорил «потерпевший»: «Какие такие билеты»; «Ты по старому режиму»; «Какие такие «лесничие» и «помощники», убивать вас надо!

Ишь, какую шубу сшил на наши деньги» [14. Л. 46]. В Сузунском лесничестве объездчиков называли шпионами, опричниками, царскими прислужниками, сторонниками старого «прижима», «не считаясь с их гражданским и чисто человеческим чувством достоинства, требуя в то же время больше, чем просто вежливое отношения к себе» [12. Л. 36–36 об.]. Не случайно павловский лесничий С. Чернов в своем письме в Алтайский губземком писал: «Теперь каждый служит двум Богам: населению и Временному правительству» [7. Л. 78–78 об.]. На сходе в селе Токаревка солдатский делегат заявил: «Вся вообще администрация лесничества – сволочь и кровопийцы» [3. С. 247]. После подобных фраз не удивляют сведения с мест о том, что где-то был избит и ограблен объездчик только потому, что он – «объездчик» [5. Л. 113 об.–114].

Понимая всю тяжесть сложившейся ситуации, 7 декабря 1917 г. начальник Алтайского округа Л.Л. Маслов разослал лесничим конфиденциальный циркуляр, в котором говорилось о возможности для них и членов лесной стражи покинуть службу в случае вынесения советом лесничества решения о невозможности ведения хозяйства [9. Л. 4]. Результат не заставил себя долго ждать. Так, 22 декабря 1917 г. прекратили свою работу служащие Нижне-Петровского лесничества; 1 февраля 1918 г. коробейниковский лесничий Гуляев сообщал, что стража повсеместно отказывается от службы, а в заключение он сам просил освободить его от службы [7. Л. 204, Л. 194]. В отношении Алтайского губернского исполкома (земской управы) к Алтайскому губернскому исполкому совета крестьянских депутатов от

15 января 1918 г. сообщалось, что служащие Петровского лесничества также прекратили свою службу [Там же. Л. 208].

Таким образом, лесные чины Алтайского округа в период революционных потрясений 1917 г. оказались неспособны к несению службы по ряду причин, конкретизирующихся в отдельных лесничествах округа. Объездчики, лесничие и их помощники не воспринимались населением всерьез, они были лишены даже средств самозащиты. Объездчик воспринимался населением как символ старого режима, осколок самодержавия. Кроме того, регулярные перемены в составе служащих не создавали устойчивых отношений между населением и лесной стражей, а достойных кадров, формировавших положительное отношение к деятельности служащих, катастрофически не хватало. Эскалация конфликта населения и лесных служащих была связана и с политикой Управления округа, которое на донесения с мест, как правило, отвечало необходимостью установления «тесных сношений» с комитетами, обладавшими в революционных условиях реальной властью на местах. Все это создавало в глазах населения образ лесной стражи как жалких, неспособных ее сопротивлению, не имевших реальной власти людей, которые должны были просто исчезнуть как напоминание о прошлом. Лесная стража, формально сохраняя должности, из-за регулярных замен населением и потери изначальных функций к концу 1917 г. фактически перестала существовать в своем первоначальном виде, чему в немалой степени способствовал деформированный в глазах населения образ служащего округа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванцова Н.Ф. Сибирское крестьянство в 1917 – начале 1918 гг. М. : Прометей, 1990. 167 с.
2. Тяпкин М.О., Поляков С.Е. Лесоохрана в Алтайском округе в 1908–1919 гг. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVIII – начала XX вв. : сб. науч. статей / под ред. Ю.М. Гончарова, Т.Н. Соболевой. Барнаул, 2003. С. 166–193.
3. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск : Наука, 1973. 264 с.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 4682.
5. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 540.
6. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4731.
7. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 5.
8. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4700.
9. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775.
10. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4175.
11. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4550.
12. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 13.
13. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4482.
14. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4718.

Kalashnikov Andrey A. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia). E-mail: astralnykeks@gmail.com

Afanasyev Pavel A. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia). E-mail: pavel_afanasev@mail.ru

FOREST GUARD AND FORESTERS THROUGH THE EYES OF THE RURAL POPULATION OF THE ALTAI DISTRICT AFTER THE EVENTS OF THE FEBRUARY REVOLUTION

Keywords: February Revolution, forest guards, Altai district.

The article analyzes the situation of the forest guards and foresters of the Altai district after the events of the February Revolution. The purpose of the article is to reconstruct the perception of the forest guards and foresters by the peasant population. The sources for the article were the materials deposited in the State Archives of the Altai Region: the office documents of local authorities, decrees of peasant committees and village assemblies. One of the objectives of the article is to identify the reasons for the widespread negative attitude of the population towards the employees of the Altai district. On the basis of the studied materials the authors show that after the February Revolution the population considered the forest guard and the administration of the forestry as the main obstacles in the liquidation of the land ownership of His Majesty's Cabinet in the Altai. The reasons for the removal of the forest guards from the service were in most cases political, because district officials were associated by the peasant mass with the monarchy that had collapsed. In the opinion of the authors

an important role in the negative attitude towards the forest guard was also played by the personal dislike of the population towards its representatives. The second direction of the study was the concretization of circumstances due to which the forest guard was unable to perform service under the new conditions. The authors argue that the population did not already perceive seriously the foresters, their assistants and riders. The article presents the facts that testify to the widespread dependency of the lower forest ranks of the district on the local peasant population and new authorities. They independently changed the local officials of the district, deprived them of their means of self-defense, accused them of various malfeasances, obliged them to coordinate their actions. The authors suppose that the volatility of the forest guard and its regular replacements did not form a stable relationship between the forest guard and the population. In such conditions the service of forest ranks became dangerous for their life. Therefore, in December 1917, the foresters and the ranks of the forest guard were allowed to leave the service in cases of impossibility of further management of the economy, which caused their mass leaving the service in some forestry. As a result of the research the authors came to the conclusion that the considered reasons, factors and circumstances created in the eyes of the population the image of the forest guards as pathetic, incapable of resisting, having no real power authorities. The forest guard of the Altai district in the period of revolutionary upheaval proved incapable of performing the service, which was facilitated by the deformed image of the district employee in opinion of the population.

REFERENCES

1. Ivantsova, N.F. (1990). *Sibirskoe krest'yanstvo v 1917 – nachale 1918 gg.* [The Siberian peasantry in 1917 – early 1918]. Moscow: Prometey.
2. Tyapkin, M.O. & Polyakov, S.E. (2003) *Lesookhrana v Altayskom okruge v 1908–1919 gg.* [Forest protection in the Altai region in 1908–1919]. In: Goncharova, Yu.M. & Soboleva, T.N. (eds.) *Naselenie, upravlenie, ekonomika, kul'turnaya zhizn' Sibiri XVIII – nachala XX vv.: Sbornik nauchnykh statey* [Population, management, economics, cultural life of Siberia in the 18th – early 20th centuries]. Barnaul: [s.n.]. pp. 166–193.
3. Zhidkov, G.P. (1973) *Kabinetnskoe zemlevladienie (1747–1917 gg.)* [Cabinet land ownership (1747–1917)]. Novosibirsk: Nauka.
4. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4682.
5. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 540.
6. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4731.
7. The State Archive of the Altai Territory. Fund 229. List 1. File 5.
8. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4700.
9. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4775.
10. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4175.
11. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4550.
12. The State Archive of the Altai Territory. Fund 229. List 1. File 13.
13. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4482.
14. The State Archive of the Altai Territory. Fund 4. List 1. File 4718.

УДК 94 (571.5) + 94 (517.3)
DOI: 10.17223/19988613/55/4

Л.В. Кальмина, Л.В. Курас

ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ КУПЕЧЕСТВО В ПЛАНАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ: ПЕРЕМЕНА РОЛЕЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии» № 14-18-00552.

Анализируется роль забайкальского купечества в создании транспортной инфраструктуры в регионе. Если в планах проведения Транссибирской магистрали участие купечества ограничилось обсуждением, то в проектах сооружения Кяхтинской железнодорожной линии, соединяющей Транссибирскую магистраль с Китаем через Монголию, забайкальское предпринимательское сообщество выступило в качестве инициатора и спонсора. Лоббируя возможные варианты траектории ветки Мысовая–Кяхта и Верхнеудинск–Кяхта, кяхтинское и верхнеудинское купечество преследовало цель экономического подъема своих городов.

Ключевые слова: Забайкалье; Транссибирская магистраль; Кяхтинская ветка; Монголия; купечество.

Забайкальской области предстояло сыграть одну из наиболее значительных ролей в планах укрепления позиций Российской империи на внутриазиатском пространстве. Военный губернатор Забайкалья Е.М. Жуковский еще в 1861 г. отмечал, что «из Забайкальской области идет ближайшая и единственная до сего времени торговая дорога в Пекин» и что здесь сосредоточены «почти единственные в Восточной Сибири военные силы для действия, в случае нужды, на Китай» [1. С. 33–34]. Однако для выполнения предназначенной ей миссии области требовалось обрести экономический вес. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков в письме военному губернатору Забайкальской области Е.О. Мациевскому сетовал на то, что «Забайкалье далеко отстало на пути культурного самосовершенствования и развития не только от Европы, но даже и от ближайшего соседа своего – Приамурья» [2. Оп. 1. Д. 10847. Л. 64].

Главным тормозом развития забайкальской экономики региональное купечество не без основания считало отсутствие транспортной инфраструктуры, что при затруднительной и потому дорогостоящей системе перевозок не позволяло населению области «пользоваться многими произведениями не только Европейской России, и даже Сибири». Возможный выход продукции местной промышленности «если не на ту сторону Уральского хребта, то по крайней мере в губернии, лежащие от Иркутска до Западной Сибири включительно» забайкальские предприниматели связывали со строительством железных дорог [Там же. Д. 2257. Л. 6].

В планах области развитие местных путей сообщения стояло еще до начала строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. Военный губернатор Забайкалья Я.Ф. Барабаш в 1886 г. отправил циркулярное письмо крупным забайкальским предпринимателям с просьбой высказать свое мнение о предполагаемом строительстве узкоколейной железной дороги Сретенск–Байкал. Представителям деловой элиты Забайкалья предлагалось ответить на два вопроса: о ее

целесообразности, поскольку при довольно вялом характере перевозки грузов существовала опасность ее убыточности, и – в случае положительного решения – об источниках ее финансирования.

Немногочисленные противники сооружения дороги в качестве аргумента выдвигали прекращение доставки гужевым транспортом, что принесет убытки, поскольку перевозка казенных грузов приносила неплохой доход, и вероятную печальную участь главной составляющей забайкальской торговли – Верхнеудинской ярмарки, так как Нижегородская и Ирбитская ярмарки при проведении железной дороги сразу же резко снизили объемы [Там же. Д. 2257. Л. 8–9; 3. 1898. № 121]. Однако их сомнения потонули в хоре сторонников строительства, высказавшихся за его безусловную полезность для региональной экономики. По мнению местного купечества, рельсовый путь от Сретенска до Байкала «устранит всякие препятствия к скорейшему передвижению грузов» и «удешевит провозную плату против гужевой», что, в свою очередь, снизит цену привозных товаров и позволит «доступно приобретать продукты из тех местностей, где таковые в изобильном количестве, в местности, где продукты не рождаются». Уравнивание цены на хлеб даст возможность в неурожайные годы снабжать «зону рискованного земледелия», каковой было Забайкалье, хлебом из других округов. Проведение рельсового пути виделось местным предпринимателям действенным средством избавления от «неблаговидных сторон нашего жалкого пути сообщения» (дороговизны провозной платы и «неисправности возчиков») и роста «в торговом люде и вообще в народе энергии и более предприимчивости в развитии торговли» [2. Оп. 1. Д. 2257. Л. 11, 13, 14, 17]. Наиболее дальновидные и амбициозные понимали геополитическую роль будущей дороги: при соединении ее с планирующейся к строительству Транссибирской магистралью, которая одним концом «упрется» в Тихий океан, а другим пойдет в западном направлении, «улучшив путь от Иркутска к Томску»,

строительство станет полезным «не только для одного Забайкалья», но и всего Государства». Поэтому в противовес предлагавшим самый экономный вариант – узкоколейную ветку от Сретенска до Верхнеудинска, с тем чтобы далее грузы и пассажиры доставлялись по р. Селенге и через Байкал, – предлагали сразу строить ее ширококолейной, хотя это и потребует повышенных временных и денежных затрат [2. Оп. 1. Д. 2257. Л. 11, 21, 22, 24].

Первоначальным капиталом для сооружения даже узкоколейки область не располагала. Никаких источников ее финансирования не предлагало и местное купечество, за исключением отдельных горячих голов, готовых «приобрести мирно», а в случае неудачи – не оставившись и перед захватом правого берега Амура, где изобилие золотых россыпей даст необходимые средства для строительства [Там же. Л. 22]. В большинстве своем купечество, очевидно, рассчитывало на кредиты, поскольку предполагалось, что дорога, выстроенная даже по самому затратному варианту, быстро себя окупит. Будучи уверенными, что по крайней мере забайкальский участок трассы будет сооружаться с использованием исключительно местных строительных материалов, забайкальские предприниматели связывали со строительством дороги надежды на «блестящее положение» Петровского железодельного завода, строительство нового завода в Нерчинско-Заводском округе, интенсивную разработку местных рудников и угольных копей. Надо отдать им должное: ими руководил не только сугубо местный интерес экономического развития области (что само по себе достойно уважения) – они пеклись и о государственной пользе. Произведенные на месте рельсы, по их мнению, давали сразу три преимущества перед покупкой их за границей: «развитие железно заводского дела, заработок рабочему люду и сохранение звонкой монеты в России». Купечество было убеждено, что отказ от дорогостоящих импортных товаров, экономия на расходах по ремонту дорог, содержании почтовых трактов и конвойных команд для сопровождения арестантов, а также «прилив народонаселения и капиталов» как неизбежное следствие строительства рельсовых путей быстро принесут «солидные цифры для покрытия расхода на эксплуатацию предполагаемой дороги» [Там же. Л. 21, 23, 24]. На этом этапе при обсуждении проектов железнодорожного строительства забайкальское купечество было участником «мыслительного процесса», но не спонсором.

Амбициозным планам забайкальских предпринимателей по стремительному развитию Забайкалья с проведением Великого Сибирского пути не суждено было сбыться. На первых порах железной дороге не удалось вдохнуть жизнь в сонную экономику Забайкалья. Транссибирская магистраль как крупнейший железнодорожный проект Российского государства стала не столько непосредственным откликом на неотложные экономические потребности развития связей с Сибирью, сколько дальновидным, стратегически ориентированным проектом [4. С. 116]. Быстрый рост получили

лишь отрасли, которые не создавали конкуренции европейской России и углубляли специализацию края как сырьевого прироста: по переработке сельхозсырья (мукомольная, кожевенная) и по производству строительных материалов (цементная, кирпичная и лесопильная). Развитие отраслей, которые содействовали бы формированию промышленного комплекса Забайкалья, по-прежнему запаздывало: с проведением железной дороги сюда хлынул поток товаров, более дешевых, чем могла предложить местная промышленность. Не оправдались и надежды забайкальского купечества на развитие местной металлургической промышленности, которая обеспечила бы производство рельсов для железной дороги. Сибирские металлургические заводы, первоначально увеличив производительность до максимальной в своей истории, затем зачахли, не имея возможности конкурировать с более дешевым уральским металлом. Петровский чугуно-литейный и железодельный завод, принадлежавший Кабинету и впоследствии сданный в аренду частной компании, в 1909 г. фактически прекратил работу с большими убытками [5. С. 87].

Государственную власть этот факт поначалу не беспокоил. Цель выхода России на Восток была достигнута. Комитет Сибирской железной дороги отмечал, что «Китай и Япония с приближением к их пределам сибирской железной дороги станут более доступными как для сбыта отечественных продуктов, так и для вывоза к нам предметов производства этих стран» [3. 1894. № 7]. Однако и Россия, и Китай, заботясь об интенсификации торгового обмена, в то же время держали в уме военное соперничество за безраздельное господство на Востоке (не говоря уже о Японии, претендовавшей на роль лидера в Азиатско-Тихоокеанском регионе). Российские военные агенты еще до проведения Транссиба выдвигали изучение способов «безостановочного и возможного продвижения» армии по Монголии в качестве важнейшей задачи администрации Забайкальской области и настаивали на немедленном создании транспортной инфраструктуры для обеспечения войск, «оперирующих на таком театре войны, как монгольское плоскогорье» [6. С. 140]. Китай, в свою очередь, оценивал Россию как очень серьезного противника, и истинная цель ее затрат на постройку железных дорог для него не была секретом [3. 1897. № 65]. Он разработал развернутый план «необходимых к сооружению» железнодорожных линий, к выполнению которого сразу же приступил. На сооружение ветки от Тяньцзиня Китай ежегодно затрачивал около 2 млн долларов [Там же. 1894. № 7]. А ее соединение с Транссибирской магистралью обеспечило бы ему победу в железнодорожной гонке за экономическое влияние в Монголии.

России следовало поторопиться с «симметричным ответом» во избежание окончательной потери монгольского рынка, на котором прочно обосновались привезенные морем европейские товары. Однако сложившиеся «ножницы» между осознанием этого факта и реальными действиями были очевидны: русское купечество

оказалось не готово насытить товарами монгольский рынок [7. С. 71]. В печати отмечалось, что вывоз русских изделий через Кяхту «крайне ничтожен и почти не повышается», но российское купечество, уютно существующее под сенью протекционистской политики, это обстоятельство совершенно не смущает [8. 1897. № 50].

Роль достойного ответа китайским амбициозным планам предназначалась железнодорожной ветке, соединяющей Китай с Транссибирской магистралью и идущей через Монголию. Планы ее строительства носились, что называется, в воздухе: желательность ее проведения для более тесного российско-китайского торгового сотрудничества отмечал еще цесаревич Николай, в 1891 г. предпринявший поездку по предполагаемой траектории будущего Транссиба [3. 1894. № 7]. Однако в начале XX в. ее гипотетическая желательность превратилась в настоятельную необходимость для обеспечения стратегического и экономического преимущества России в Монголии.

На совещаниях о развитии путей сообщения у Иркутского генерал-губернатора вопрос о проведении этой ветки стал обсуждаться регулярно. Некоторые представители деловых кругов были против ее проведения, опасаясь, что подобные действия будут представлять для Сибири серьезную опасность: при своей перенаселенности Китай вряд ли удержится от искушения использовать ее для мирного (или даже военного) вторжения на российскую территорию. В качестве аргумента против Кяхтинской ветки приводилась и узость монгольского рынка, который, дескать, не стоил усилий российского купечества по обеспечению там своего господства. Считая железнодорожное строительство в Монголии напрасной тратой денег и сил, противники строительства призывали оставить «мечты о подчинении Китая, Монголии и др.» и предлагали ограничиться улучшением путей сообщения «вдоль» Сибири для ее успешной колонизации [9. С. 198]. Однако в большинстве своем забайкальское купечество осознавало важность строительства железнодорожной линии, соединяющей Кяхту с Монголией с перспективой ее дальнейшего проведения до Пекина. И на этот раз дискуссии перешли в практическую плоскость. Представители забайкальского купечества уже не ограничивались ролью «выразителя мнения», но проявляли готовность финансировать и изыскания, и само строительство, хотя и руководствовались при этом разными мотивами. Кяхтинское купечество, обеспокоенное потерей городом статуса центра чайной торговли после начала доставки чая морем и по железной дороге, обошедшей город стороной, считало ее проведение панацеей для укрепления местной экономики и возрождения кяхтинской торговли и торопилось использовать предоставленный шанс для обеспечения Кяхте процветания. Верхнеудинское предпринимательское сообщество тоже не хотело упустить свой шанс, который мог ему дать выход в трансграничное пространство. Предвидевшее стратегическое значение Транссибирской магистрали и дальновидно

просчитавшее перспективы развития города при проведении через него рельсового пути, оно обманулось в своих ожиданиях. Магистраль не потянула за собой никакой инфраструктуры, город не приобрел роли мощного промышленного узла, а его многолетний бренд – Верхнеудинская ярмарка, – как и предсказывали скептики, сразу резко снизила объемы [10. Оп. 1. Д. 577. Л. 3; 11. С. 162–163].

Предлагалось несколько проектов траектории соединения Кяхтинской ветки с Транссибирской магистралью: Мысовая–Кяхта, Верхнеудинск–Кяхта и через Бийск с охватом Алтайского горного округа. Последний вариант, который лоббировали коммерсанты Западной Сибири, готовые вложить в строительство собственные деньги, был забракован практически сразу, поскольку оставшаяся в таком случае в стороне Кяхта полностью лишалась и без того незначительной торговли с Монголией [9. С. 222–223]. Кяхтинское купечество, бывшее сторонником Мысовского направления, не поскупилось на проведение изысканий по этому маршруту, которые обошлись ему в 20 тыс. руб. [12. С. 1]. В итоговой записке, основанной на данных проводившего изыскания инженера А.И. Верблунера, главной целью соединения Кяхты с Сибирской магистралью рельсовым путем называется возрождение «сухопутной торговли России с Китаем по издревле избранному пути через Кяхту и удержание за русскими Монгольского рынка». Кяхтинское купечество было сильно обеспокоено тем фактом, что Китай, запланировавший постройку железной дороги из Пекина в Монголию, при отсутствии рельсового пути до Кяхты наводнит Монголию привезенными морем иностранными товарами и в обмен «увезет все, что можно увезти из Монголии». Отстаивая свой вариант, кяхтинское купечество делало акцент на экономическом значении дороги, отводя целям стратегическим второстепенные роли. Тем не менее стратегический мотив в обосновании тоже прозвучал: в случае захвата железной дороги противником или ее занятости срочными грузами можно было использовать параллельно идущий водный путь по Байкалу [13. С. 3, 28–29]. Главными аргументами в пользу Мысовского варианта стали краткость предложенной траектории по сравнению с Верхнеудинской и готовность кяхтинского купечества построить ее на свои средства без привлечения казенных денег, поскольку «только его представители, всегда отличавшиеся сплоченностью, инициативой, предприимчивостью и широким пониманием государственных интересов», смогут оживить торговлю «на Кяхте» и направить постройку и эксплуатацию новой дороги «на служение целям огромной государственной важности» [Там же. С. 1, 3, 27].

На верхнеудинском варианте настаивали купечество города и Верхнеудинская городская дума, организовавшие летом 1911 г. экспедицию для рекогносцировки проектируемой железнодорожной линии [14. С. 31–53]. В отличие от соперников, преследующих коммерческую выгоду, верхнеудинское купечество в своем обосновании

в первую очередь показало себя блюстителем государственных интересов, готовым ради них пожертвовать собственной прибылью. Обратив внимание на усиленное вооружение Китая, создающее угрозу для российских границ, верхнеудинская деловая элита особенно подчеркнула, что «коммерческая выгода и значение дороги при настоящей конъюнктуре не могут первенствовать в выборе направления» и «решительным моментом... должен явиться стратегический расчет» [12. С. 8]. Быть может, стратегическое видение верхнеудинцев сыграло свою роль. Хотя главное, чем руководствовалось Министерство путей сообщения при выборе варианта прокладки дороги, были, конечно, объективно сложившиеся преимущества верхнеудинского варианта: выгодное географическое положение города – в «сердце» западной части Забайкалья; выполнявшиеся им функции центра промышленного района, в окрестностях которого работали цементный и деревообрабатывающий заводы и разрабатывались угольные копи; широкая долина Селенги, густо населенная русскими людьми; обилие прилегающих плодородных земель, которые при хорошем урожае реально превращали город в региональный «склад» продовольствия. Преимущества Мы-

совской ветки ее более краткой траекторией и исчерпывались – ее пришлось бы прокладывать по территории с низкой плотностью населения и обширными пастбищами кочевников.

В апреле 1913 г. Государственная Дума приняла окончательное решение о сооружении железнодорожной линии Верхнеудинск–Кяхта за счет казны. В октябре того же года Совет Министров рассмотрел вопрос о возможности строительства ветки Кяхта–Урга для соединения Забайкалья с Монголией непрерывным железнодорожным путем. Практически сразу было принято решение о начале проведения изыскательских и проектных работ на монгольском направлении [15. С. 119]. Кяхтинское и иркутское купечество пыталось оспорить данное решение в специально подготовленной записке, в которой доказывало выгоду мысовского направления, однако их доводы не были приняты во внимание. Особое межведомственное совещание, созванное в начале 1915 г. для разработки плана железнодорожного строительства в России, отдало предпочтение верхнеудинскому варианту как «имеющему большее значение для развития края» [16. С. 290]. Однако построить линию до событий 1917 г. Российская империя не успела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Константинова Т.А. «Генерал-майора Е.М. Жуковского назначить Военным губернатором Забайкальской области...» // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2016. Т. 15. С. 31–38.
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о).
3. Забайкальские областные ведомости.
4. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / под ред. В.В. Алексеева. М. : Наука, 2000. 246 с.
5. Кальмина Л.В., Плеханова А.М. «А был ли мальчик?», или Можно ли считать забайкальские экономические опыты 1900–1920-х гг. модернизационными преобразованиями? // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 2 (14). С. 85–96.
6. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб. : Изд. военно-ученого комитета Главного штаба, 1891. Вып. XLVIII. 277 с.
7. Третьяков В.В. Общество и вопросы развития транспортных коммуникаций в регионе в начале XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2004. С. 69–72.
8. Восточное обозрение.
9. Труды совещания 1906 г. в г. Иркутске о путях сообщения в Сибири : в 2 т. : материалы / под ред. В. Попова. Иркутск : Изд. канцелярии Иркутского генерал-губернатора, 1908. Т. II. 479 с.
10. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10.
11. Улан-Удэ – 350: история и современность : в 2 т. / под ред. Б.В. Базарова. Иркутск : Оттиск, 2016. Т. I: XVII – начало XX в. 372 с.
12. Котов А.С. Общая записка, составленная на основании рекогносцировочных данных по обследованию железнодорожного пути Верхнеудинск–Кяхта. Верхнеудинск : Тип. А.К. Кобылкина, 1911. 11 с.
13. Изыскания железной дороги на Кяхту от станции Мысовой Забайкальской железной дороги до Кяхты : общая записка. СПб. : Знаменская тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1910. 86 с.
14. Мельников И.И. Геологическая рекогносцировка для проведения железнодорожной линии Верхнеудинск–Кяхта // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского Географического общества. СПб. : Сенатская тип., 1912. Т. XIV, вып. 1–2. С. 31–53.
15. Третьяков В.Г. Монголия как геополитический центр притяжения железнодорожного строительства в конце XIX – начале XX века // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука : ст. участников 3-й Междунар. науч.-практ. конф. : сб. науч. тр. Иркутск ; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. Кн. 3, ч. 1. С. 110–120.
16. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 308 с.

Kalmina Lilia V. Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). E-mail: kalminal@gmail.com

Kuras Leonid V. Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). E-mail: kuraslv@yandex.ru

THE TRANSBAIKAL MERCHANTS WITHIN RAILWAY CONSTRUCTION PLANS IN INNER ASIA: ROLE CHANGE

Keywords: Transbaikal Region; Trans-Siberian railway; the Kyakhta line; Mongolia; the merchants.

The goal of this article is to expose the role of the merchant class in the development of transport infrastructure of Transbaikalia, which would provide economic growth of the region and fulfilling of its role of an outpost on the eastern periphery of the empire.

The sources used in the study can be conveniently divided into four groups: correspondence of the military governor of Transbaikalia with regional merchants; protocols of consultations at the governor-general of Irkutsk about construction of the Kyakhta railroad line; reports of the specialists about explorations to build a railroad line through Kyakhta; newspaper articles expressing public opinion on the necessity to create a transportation infrastructure in the East. The analysis of the source base allowed exposing the entire spectrum of opinions about the expediency of railroad construction in the region and defining arguments in favor (and against) building of this or that route as well as prospective sources of its financing.

The construction of the Trans-Siberian railroad became the first major state project aimed at development of eastern territories of the Russian Empire. The strive of Russia to further consolidate its positions in the East and economically conquer the Mongolian market awoke to life the plan of constructing the Kyakhta railroad branch connecting China, via Mongolia, with the Trans-Siberian railroad. Two possible scenarios, from Mysovaya to Kyakhta and from Verkhneudinsk to Kyakhta were lobbied by Kyakhta and Verkhneudinsk merchants with prosperity of their towns in mind and readiness to financially support the construction. The final choice was made in favor of the Verkhneudinsk variant as a more suitable for the strategic goals of the empire. However, the First World War and the following turmoil put an end to all construction plans.

The merchant "behavior" was in direct dependence with the expected profits. Prospects of the Trans-Siberian railroad sparked interest in the Transbaikalian entrepreneur community. And though at this stage merchants had yet been financially unable to support the state project, it took an active part in the discussion of its implementation.

Plans to expand the transportation infrastructure with the further "implementation" into the Mongolian-Chinese space triggered initiative of the Transbaikalian business circles. Realizing the importance of the Kyakhta railroad branch for prosperity of their towns the merchants of Verkhneudinsk and Kyakhta lobbied routes profitable to them, paid for the exploration work in the planned construction sites and showed serious intentions of financially supporting its construction.

The merchants of Verkhneudinsk won the competition. The choice of their supported variant was explained by the industrial development and high density of population of the territory through which the railroad line would run, whereas the Mysovaya line would run across lands of the nomads. However, the Russian Empire did not have time to implement the "Kyakhta project".

REFERENCES

1. Konstantinova, T.A. (2016). "Major-General E.M. Zhukovsky to Be Appointed Military Governor of Transbaikal Area...". *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – The Bulletin of Irkutsk State University. History*. 15. pp. 31–38. (In Russia).
2. The State Archives of Transbaikal Territory (GAZK). Fund 1(o).
3. *Zabaykal'skie oblastnye vedomosti*.
4. Alekseev, V.V. (ed). (2000) *Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII-XX veka* [Russian Modernization Experiences in the 18th – 20th centuries]. Moscow: Nauka.
5. Kalmina, L.V. & Plekhanova, A.M. (2014). "A byl li mal'chik?", ili možno li schitat' zabaikal'skie ekonomicheskie opyty 1900–1920-kh gg. modernizatsionnymi preobrazovaniyami [And if it was only a phantom?, or is it possible to treat transbaikal economic experience of 1900-1920-s as modernization?]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 2(14). pp. 85–96.
6. Military-Scientific Committee of the General Staff. (1891) *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp. XLVIII*. [Collection of Geographical, Topographical and Statistical Materials of Asia] (1891). St. Petersburg: Izd. Voenno-uchennogo komiteta glavnogo Shtaba.
7. Tretyakov, V.V. (2004). *Obschestvennost' i voprosy razvitiya transportnykh kommunikatsiy v regione v nachale XX v.* [The Public and Transport Communication Development in the Region at the Beginning of 20th Century]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik*. pp. 69–72.
8. *Vostochnoye obozreniye*. (1897). 50.
9. Popov, V. (ed). (1908) *Trudy soveshchaniya 1906 g. v g. Irkutske o putyakh soobshcheniya v Sibiri: v 2-kh t. T. 2* [Irkutsk Conference's Works, 1906, Devoted to Transport Communication in Siberia]; Vol. 2. Irkutsk: Izdanie Kantselyarii Irkutskogo General-Gubernatora.
10. *The State Archives of Buryat Republic (GARB)*. Fund 10. List 1. File 577.
11. Bazarov, B.V. (ed.) (2016). *Ulan-Ude – 350: istoriya i sovremennost'*: v 2-kh t. V.1. [Ulan-Ude – 350: History and Modernity. In 2 vols]. Ulan-Ude: Ottisk.
12. Kotov, A.S. (1911) *Obschaya zapiska, sostavlenaya na osnovanii rekognostsirovочnykh dannyykh po obsledovaniyu zheleznodorozhnogo puti Verkhneudinsk – Kyakhta* [General Information Made Up on the Basis of Research Data on Verkhneudinsk - Kyakhta Railway Investigation]. Verkhneudinsk: Tipografiya Kobylkina.
13. Anon. (1910) *Izyskaniya zheleznoy dorogi na Kyakhtu ot stantsii Mysovoy Zabaykal'skoy zheleznoy dorogi do Kyakhty. Obschaya zapiska*. [Railway Survey to Kyakhta from Transbaikal Railway Station Mysovaya to Kyakhta]. St. Petersburg: Znamenskaya tipografiya inzh. Bershtein.
14. Melnikov, I.I. (1912). *Geologicheskaya rekognostsirovka dlya provedeniya zheleznodorozhnoy linii Verkhneudinsk – Kyakhta* [Geological Survey of Verkhneudinsk – Kyakhta Railway Construction]. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Russkogo Geograficheskogo obschestva*. 14. St. Petersburg: Senatskaya. pp. 31–53.
15. Tretyakov, V.V. (2014). *Mongoliya kak geopoliticheskiy tsentr prityazheniya zheleznodorozhnogo stroitel'stva v kontse XIX – nachale XX veka*. [Mongolia as geopolitical centre of railway construction influence at the end of 19th – early 20th centuries]. In: Sukhodolov, A.P. (ed.) *Rossiya i Mongoliya v nachale XX veka; diplomatiya, ekonomika, nauka* [Russia and Mongolia in early 20th Century: Diplomacy, Economy, Science]. Vol 3(1). Irkutsk: Baikal State University. pp. 110–120.
16. Startsev, A.V. (2003). *Russkaya torgovlya v Mongolii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Russian Trading in Mongolia (the second half of 19th – early 20th centuries)]. Barnaul: Altai State University. 2003. 308 p.

УДК 94(571.1/5)1917/1918"
DOI: 10.17223/19988613/55/5

Е.Н. Косых

ВЛИЯНИЕ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ НА УМЕРЕННО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ПЕРИОДИКУ РЕГИОНА НОЯБРЯ 1917 – МАЯ 1918 г.

Исследуется партийно-классовая дифференциация периодической печати региона во время установления так называемой первой советской власти в Сибири в ноябре 1917 – мае 1918 г., анализируются политические и материально-технические условия издания газет и журналов, их количественные характеристики, раскрываются идейно-политические установки редакций, делается обоснованный вывод о многопартийности и плюрализме умеренно-социалистических периодических изданий региона на протяжении исследуемого времени.

Ключевые слова: газеты; журналы; умеренно-социалистическая периодическая печать; Сибирь; антибольшевистские настроения; гражданская война в России; социально-культурные установки.

В год 100-летия революционных событий 1917 г. и начала гражданской войны в России и Сибири в исторической науке и публицистике продолжаются дискуссии по различным аспектам истории страны и нашего региона. Специалисты и неспециалисты пытаются ответить на ряд острых вопросов: была ли революция закономерной и не совершили ли большевики насилие над историей, повернув развитие России с «нормального» буржуазно-демократического пути в тупик? Возможен ли был тогда, в 1917–1918 гг., не революционный, а реформистский выход из кризиса? Какова была степень поддержки советской власти в массах?

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы показать, что Октябрьская революция и начало Гражданской войны вслед за Февральской революцией представляли собой громадный социальный и политический взрыв российского, в том числе сибирского, общества, в результате которого в стране окончательно сложилась принципиально новая общественно-политическая ситуация, когда временно свободная теперь от цензуры периодическая печать превратилась в эффективное средство борьбы враждовавших между собой социально-политических сил.

Источниковую базу исследования составил весьма широкий круг разнообразных по емкости и содержанию архивных и главным образом опубликованных источников – делопроизводственные документы, справочные издания, периодическая печать, материалы личного происхождения. Естественно, что основным источником для изучения темы являются общероссийские и сибирские газеты и журналы ноября 1917 – первой половины 1918 г. Методология и методика исследования включают в себя три основных уровня: общенаучный, общеисторический и конкретно-исторический, наше исследование основывается на принципах объективности и историзма, в числе конкретно-исторических методов использованы источниковедческий, историко-сравнительный, библиографический и историко-генетический.

Позитивное освещение заявленной темы может дать дополнительный материал для рассмотрения проблем Октябрьской революции в Сибири. Кроме того, эта тема совершенно недостаточно рассмотрена в работах сибирских историков. Известны лишь немногочисленные факты, приведенные в монографиях А.Л. Посадского [1. С. 149–152], В.Г. Хандорина [2. С. 162–175], В.В. Шевцова [3. С. 582–591] и в статьях С.А. Красильникова [4. С. 160–184] и В.В. Шевцова [5. С. 31–48].

Учитывая степень неразработанности, а также научную значимость вопроса, мы постарались создать цельную, обобщенную картину отношения умеренно-социалистической периодики ноября 1917 – мая 1918 г. к политическим событиям того времени, так как эта периодика составляла основу мелкобуржуазной агитационно-пропагандистской системы воздействия на местное население и прививала различным его слоям определенные социальные и политические установки.

В период революции 1917 г. и начального этапа Гражданской войны в России и Сибири как ее составной части периодика, как известно, была центральным элементом классовых, ожесточенно враждующих между собой пропагандистских систем Зауралья в силу внутренне присущих периодической печати свойств непрерывности, оперативности, интенсивности и направленности на широкие слои населения, поскольку она попадала в самые отдаленные уголки региона. Другое отличительное свойство периодики, делавшее ее незаменимым средством агитационно-пропагандистского воздействия на сибиряков, – это комплексный, практически всеобъемлющий характер материалов газет и журналов, выражающийся в том, что в них сосредоточены все виды информации – от сообщающей до убеждающей и даже внушающей.

В состав Сибири включаются, по мере движения с запада на восток, Тобольская, Томская, Алтайская, Енисейская, Иркутская губернии, Акмолинская, Забайкальская и Якутская области. Переименование отдельных губерний и областей Сибири советской властью в марте–мае 1918 г. нами не учитывается.

Решение альтернатив общественного развития в России, и в Сибири в том числе, в октябре 1917 г. в пользу большевистско-коммунистического выбора сразу поставило теперь уже оппозиционную умеренно-социалистическую печать, как и буржуазно-кадетскую, перед многими почти неразрешимыми проблемами.

Большевики, приходя к власти в различных районах Сибири и руководствуясь декретами и директивами Центра, обрушили административные, политические и экономические репрессии на редакционные коллективы неугодных им по политическим соображениям газет и журналов. Этим они почти сразу существенно уменьшили не только количественные, но и качественные характеристики периодики.

В период существования за Уралом так называемой первой советской власти, с ноября 1917 по май 1918 г., в регионе, по данным последнего издания указателя «Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.)» [6. С. 95–101], были закрыты по различным причинам 42 умеренно-социалистических издания, в том числе два журнала – «Кооперативная мысль» (Новониколаевск) и «Бюллетень временной Енисейской губернской земской управы» (Красноярск).

В этот период прекратился выход таких широко известных в регионе эсеро-меньшевистских газет, как «Голос свободы», «Земская газета» (Томск), «Единение» (Иркутск), эсеровских – «Сибирь» (Иркутск), «Путь народа» (Томск), «Знамя труда» (Красноярск), «Слово трудового крестьянства», «Вечерняя заря» (Омск), «Тобольские губернские ведомости», «Забайкальская рабочая газета» (Чита) и др. С ноября 1917 по май 1918 г. снизилось не только общее количество эсеро-меньшевистских газет в регионе до 6 наименований, но и количество их номеров в месяц – со 190 до 71. По нашим подсчетам, в ноябре 1917 г. тиражировалось 570 тыс. этих газет, а в мае 1918 г. – только 200–220 тыс. [Там же. С. 14–53]. Если в ноябре 1917 г. в Сибири издавалось 20 правозэсеровских газет (280 номеров в месяц, 840–850 тыс. экз.), то в мае 1918 г. – уже только 9 газет (66 номеров в месяц, 200 тыс. экз.).

И только общее количество меньшевистских газет в регионе росло: с 2 в ноябре–декабре 1917 г. до 5–6 в январе, 9 в марте и 7 в мае 1918 г. Рост шел в основном за счет пропорционального уменьшения количества газет объединенных социал-демократов по мере ликвидации их местных организаций. Большевики Сибири, как известно, не играли решающей роли в агитационно-пропагандистских усилиях умеренно-социалистических партий. Так, в ноябре 1917 г. в регионе издано только 44 номера меньшевистских газет, в декабре – 29, в январе 1918 г. – 22, в феврале – 28, в марте – 60, в апреле – 87 и в мае 1918 г. – 54 номера. По нашим оценкам, невелико и общее количество экземпляров меньшевистских газет того времени в крае в месяц: ноябрь 1917 г. – 130 тыс., декабрь 1917 г. – 90 тыс., январь 1918 г. – 60 тыс., февраль – 90 тыс., март – 180 тыс., апрель – 260 тыс. и май 1918 г. – 160–165 тыс. экз. На 10–11 млн человек населения Сибири того времени этого явно мало.

В ноябре 1917 г. в Сибири было тиражировано 95 номеров большевистских газет (до 350–360 тыс. экз.), 563 номера (1 млн 700 тыс. экз.) умеренно-социалистических и 290 номеров (2 млн 900 тыс. экз.) буржуазно-кадетских. А с февраля 1918 г., когда сказались первые ощутимые результаты политических, административных и экономических репрессивных действий большевиков региона против периодической печати их политических противников, количественные показатели заметно меняются. В апреле 1918 г., на пике успеха так называемой первой советской власти в Сибири, на 255 номеров 29 умеренно-социалистических и 82 номера 5 буржуазно-кадетских газет уже приходилось 410 номеров большевистско-коммунистических газет. И соответственно 730 тыс., 240 тыс. и 1 млн 500 тыс. экз. в месяц. Май 1918 г., в конце которого начала падать советская власть в Сибири, не изменил этой тенденции.

Всего за 7 месяцев – с ноября 1917 по май 1918 г. – в Сибири тиражировано не менее 2 230 номеров 93 умеренно-социалистических, 1 237 номеров 27 буржуазно-кадетских и 1 899 номеров большевистско-коммунистических газет. Количество экземпляров этих газет за указанные месяцы соответственно 6 млн 660 тыс., 7 млн 755 тыс. и 6 млн 560 тыс. экз.

Кроме того, в ноябре 1917 – мае 1918 г. в Сибири было выпущено не менее 117 номеров правозэсеровских, 69 номеров меньшевистско-интернационалистических, 52 номера коалиционных, 47 номеров областных, 17 номеров анархистских и 9 номеров левозэсеровских газет – соответственно 340 тыс., 250 тыс., 160 тыс., 115 тыс., 45 тыс. и 35 тыс. экз. за 7 месяцев революции. Эти цифры солидны даже в расчете на 10–11 млн человек населения Сибири и, нам думается, реально отражали агитационные возможности трех пропагандистских площадок газетной периодики.

Другое соотношение агитационно-пропагандистских возможностей складывалось в то время в журнальной периодике. Здесь периодике большевиков так и не удалось наверстать большого отставания от периодики эсеро-меньшевистской и буржуазной. Создается впечатление, что большевики особо и не стремились кого-либо догонять, памятуя о необходимости больших материальных затрат на издание журналов.

В журнальной периодике Сибири на протяжении всего периода с ноября 1917 по май 1918 г. бесспорно лидировали, и с большим отрывом, эсеро-меньшевистские издания. Это в большинстве кооперативные журналы. Советская власть, которой по экономическим соображениям была необходима местная кооперация, старалась не трогать ее журналы. Было приостановлено издание только одного такого журнала – «Кооперативное слово» (Новониколаевск).

Существенно уменьшив количество небошевистской периодики к маю 1918 г., большевики не сумели подавить ее качественно, идейно. Разгон законно избранного Учредительного собрания, местных органов самоуправления, наметившийся разрыв между словами

и делами большевиков, а затем подписание унижительного для России Брестского мирного договора с кайзеровской Германией и ее союзниками способствовали довольно быстрому и заметному снижению их популярности среди населения региона.

В частности, умеренно-социалистические издания Сибири – газеты и журналы «Алтайский крестьянин», «Народное дело» (Красноярск), «Народные мысли» (Мариинск), «Томский кооператор», «Сибирская кооперация» (Новониколаевск), «Многострадальный путь народа» (Томск), «Наша деревня» (Иркутск), «Забайкальский луч» (Чита) – остро реагировали на все перипетии созыва и разгона Учредительного собрания. В этой части периодической печати Сибири данная тема превратилась в некий фетиш, символ демократии и прогресса, противопоставленный государственным институтам молодой советской власти. Так, в самом авторитетном региональном умеренно-социалистическом журнале «Сибирская кооперация» (№ 11–12 за 1918 г.) напечатаны и прокомментированы резолюции I съезда кооперативных союзов Сибири. Например, в резолюции «О политическом моменте» говорится: «Власть Учредительному собранию, осуществляющему свою волю через органы местного городского и земского самоуправления, – вот единый лозунг момента, призванный сплотить вокруг себя всю трудовую демократию в смертный для родины и революции час» [7. С. 18].

Съезд, по словам местных эсеро-меньшевистских идеологов В.Н. Махова, П.Н. Маркова, С.Г. Дёмина и др., постановил углубить деятельность кооперативных союзов в народных массах, организуя их вокруг органов местного самоуправления и Учредительного собрания.

Используя психологический механизм предписания, эти политические деятели внушали массам, что советская власть совершает постоянное насилие над членами Учредительного собрания, и поэтому местная кооперация «окажет действенную поддержку Учредительному собранию в его борьбе с насильниками народной воли». Крестьянам и рабочим объяснялось, что нельзя признавать созданного в результате большевистского переворота нового центрального правительства, нужно отказать ему во всякой поддержке и не подчиняться его распоряжениям и декретам. Правосоциалистические идеологи заявляли, что сибиряки должны потребовать «от лиц, присвоивших себе наименование СНК, немедленной передачи Учредительному собранию всего захваченного ими государственного механизма», а также немедленного освобождения заключенных в тюрьмах министров Временного правительства, и квалифицировали их аресты как «преступление над народом и революцией».

В.Н. Махов, С.Г. Дёмин, Н.М. Григорьев и другие эсеро-меньшевистские лидеры региона через прессу внушали народным массам Сибири, что необходимо «начать немедленное собиание исполнительной власти снизу путем образования крепких местных объединений, облеченных авторитетом, основанным на всенародном доверии». Они опубликовали и ряд крестьянских

протестов, протестов различных сибирских и общероссийских организаций и съездов против разгона Учредительного собрания в Петрограде в январе 1918 г. и против «притеснений» областной думы. Так, по словам журналистов «Томского кооператора», II Всесибирский кооперативный съезд в том же январе 1918 г. в Новониколаевске от имени делегатов вынес аналогичный протест и принял воззвание, в котором призвал поддерживать Учредительное собрание, собирать хлеб и посылать его в фонд «Хозяина земли Русской» [8. С. 3–5].

В воззвании «Братья-крестьяне» отмечалось и то, что кооперативный съезд потребовал от Временной Сибирской областной думы созвать Всесибирское Учредительное собрание, которое, в свою очередь, должно действовать в строгом контакте с Всероссийским Учредительным собранием. Тут же делегаты съезда постановили, что если Всероссийское Учредительное собрание не сможет собраться вновь, то Сибирское Учредительное собрание «должно организовать государственную власть в Сибири совершенно самостоятельно».

Другие умеренно-социалистические газеты и журналы региона поместили на своих страницах массу статей, в которых пропагандировалось областничество. К примеру, не выходящая первые двадцать дней декабря 1917 г. из-за известных событий в Иркутске крупнейшая эсеровская газета региона «Сибирь» 22–23 декабря поместила материалы под названиями «Автономия Сибири», «Сибирь автономна», «Сибирская областная дума», «К созыву сибирского Учредительного собрания», перепечатала широко известное тогда обращение Чрезвычайного сибирского областного съезда «К народам Сибири!».

Редактор газеты И.Г. Гольдберг и его сотрудники убеждали крестьянство и вообще все население региона, что «в дни государственного распада, в дни гражданской борьбы, в судорогах небывалой катастрофы великого Российского государства» новое объединение России возможно лишь при самоопределении ее частей. Тут же доказывалось, что автономия области и самоопределение народностей – это завоевание российской революции, что выход из экономического и финансового тупика в момент государственного безвластия «возможен только инициативой демократии на местах», что от спасения областей и окраин зависит спасение государства в целом [9].

И.Г. Гольдберг в передовых статьях газеты комментировал и разъяснял слова из «Воззвания к народам России», в которых говорилось, что необходимо «немедленно, теперь же позаботиться о денежных средствах для Сибири, необходимо сегодня и завтра найти меры к предотвращению голода, должно, ни минуты не медля, достать все необходимые предметы для крестьянского хозяйства и обихода... нужно создать внутренний порядок на местах, связать работу и деятельность земских и городских самоуправлений. Без ближайшего разрешения этих задач Сибирь, брошенная и отрезанная от центра, погибнет и развалится» [Там же].

Эти же вопросы поднимались и в специальном областническом издании региона – красноярском журнале «Сибирские записки», редактируемом младшим из братьев Крутовских, Владимиром Михайловичем. В частности, в январско-февральской книжке за 1918 г. содержится пространная статья «Трагизм русской революции» за подписью «М.Л.Б.»; основная мысль, проходящая и через эту работу, та же – спасение России в Учредительном собрании, в самоопределении ее частей. Автор дал и яркое определение сущности большевизма, его доктрины: «Свободная Россия не как самоцель, но как орудие освобождения мирового пролетариата. Такова сердцевина идеологии, вернее сказать, маниакального бреда большевиков и их подголосков – интернационалистов. Буйная мечта представляется им столь великой, столь грандиозной, что в сравнении с ней кровь, грязь, преступление, обман – только неизбежная мелочь и минометное орудие для наших революционных сверхчеловеков» [10. С. 25].

Умеренно-социалистическая периодика Сибири конца 1917 – первых месяцев 1918 г. активно растолковывала народным массам и программные положения правых эсеров, меньшевиков и народных социалистов по вопросам земли и вообще собственности. Правоэсеровские газеты, особенно «Сибирь» (Иркутск), «Народное дело» (Чита), «Жизнь Алтая» (Барнаул), «Знамя свободы» (Новониколаевск), «Слово трудового крестьянства» (Омск), обвиняли В.И. Ленина и других большевиков в заимствовании сводного крестьянского наказа, вошедшего в известный «Декрет о земле», выступали против немедленных захватов земли. Так, например, в статье Гиршина «Декрет о земле и ловкие маневры Ленина» из томского «Пути народа» доказывалось, что «Декрет о земле» является эсеровским законом, на том основании, что он соответствовал «духу эсеровской программы» [11. С. 2].

Читинское «Народное дело», используя известный психологический прием стереотипизации, внушало местному крестьянству в статье «Большевики и земельный вопрос», что Учредительное собрание планомерно наделит селян собственностью. Статья заканчивалась словами: «Только тот, кто не верит трудовому крестьянству, кто ждет нового нашествия помещиков в деревню, может призывать малосознательные массы к беспорядочному захвату земель» [12. С. 1]. Таких примеров можно привести десятки. Многие правоэсеровские и эсеро-меньшевистские газеты и журналы перепечатали из столичных газет «Письмо к крестьянам» В.М. Чернова. В нем лидер правых социалистов-революционеров России доказывал крестьянству, что большевики претворились сторонниками уравнилельного распределения земли, а на самом деле они защищают одних батраков, а остальных крестьян считают мелкими буржуями и противниками социализма.

Кроме того, народные массы Сибири тех лет очень волновал и вопрос о войне и мире. Умеренно-социалистическая периодическая печать Зауралья ноября 1917 –

мая 1918 гг. полна статей, документальных публикаций, писем с мест, перепечаток, заметок на эту тему. Именно на этой проблематике правоэсеровская, меньшевистская и народно-социалистическая периодика все более смыкается с периодикой буржуазно-кадетской. Эти газеты и журналы, идя в фарватере столичной печати, уверяли народные массы Сибири, что большевики до прихода к власти обещали «немедленный мир», а став правящей партией, заговорили о трудностях заключения мира и необходимости бороться за него.

И «Сибирская жизнь» (Томск), и «Свободная Сибирь» (Красноярск), и «Сибирская речь» (Омск), и «Забайкальская речь» (Чита), и «Сибирь» (Иркутск), и «Знамя труда» (Минусинск), и «Знамя свободы» (Новониколаевск), и другие буржуазно-кадетские, умеренно-социалистические газеты и журналы Сибири сразу же охарактеризовали ленинский «Декрет о мире» как откровенный призыв к сепаратному миру с кайзеровской Германией. Об этом, в частности, прямо написал в статье «Приятные перспективы» известный кадетский публицист из «Сибирской жизни», профессор Томского университета И.М. Аносов. Анализируя последствия такого мира для будущего России, он отметил, что сепаратный мир существенно усилит Германию переброской освободившихся на востоке войск на Западный фронт, возвращением первоклассных войск в виде военнопленных, перекачкой в Германию из России продовольственных и других материальных ресурсов [13. С. 1].

На следующий день, 3 декабря 1917 г., И.М. Аносов, развивая эту тему в статье «Перемирие и мир», указывал на связь В.И. Ленина и большевиков с германским Генеральным штабом, на то, немецкие генералы Гинденбург и Людендорф хотят иметь гарантии заключения такого мира. Он отмечал, что русская большевистская революция – это один из результатов германских побед. Эту тему немедленно подхватили буржуазно-кадетские и часть крайне правых эсеро-меньшевистских газет региона.

В этой периодике постоянно отмечалось, что ленинские «Декрет о мире» и «Декрет о земле» деморализующе действуют на российских солдат, которые поспешат покинуть фронт в надежде на скорый передел земли. Умеренно-социалистические газеты и журналы в лице своих идеологов постоянно доказывали населению Сибири, что сепаратный мир грозит России многими бедами, так как союзники – Англия, Франция, Япония и САСШ (как тогда назвались США) – немедленно предпримут интервенцию с целью восстановить Восточный фронт. Наиболее рельефно эта мысль выражена в статье одного из публицистов правоэсеровской иркутской газеты «Наша деревня» под названием «Нам грозит новая война!». Ориентируясь на низкий идейно-политический и образовательный уровень местного крестьянства, автор статьи популярно объясняет, что 23 августа 1914 г. Россия заключила договор с Англией и Францией о том, что ни один из союзников не заключит отдельного перемирия или мира. Все обязались не прекращать

войны без общего согласия. Мы, социалисты, – продолжал правозсеровский публицист, – все время были против войны. Мы доказывали рабочим и крестьянам, что все те вопросы, из-за которых разгорелась война, должны «быть решены мирным путем. Но мы всегда говорили, что нельзя заключать отдельного (сепаратного) мира с Германией и Австрией» [14. С. 1].

Такой отдельный мир, доказывал автор статьи, был бы изменой перед союзными не правительствами, а народами Франции, Италии, Англии и Сербии, потому что после сепаратного мира немцы возьмут все свои войска с русского фронта и пошлют их во Францию и Италию, попытавшись добиться решающего перевеса в примерно равной борьбе. Далее правозсеровский идеолог указывал, социалисты, как и большевики, считают, что «война должна быть закончена, но ее надо закончить сообща», а иначе вся победа будет за Германией, а от этого плохо будет и союзникам, и нам. В силу этого союзные страны не смогут примириться с тем, что по вине России они будут побеждены Германией, и это будет иметь тяжелые последствия для России и для Сибири. Публицист тут же называет их: «Во-первых, союзники смогут заключить мир с Германией на выгодных для себя условиях. Тогда Германия вознаградит себя за наш счет... Во-вторых, союзники смогут нас наказать за измену большевиков. Уже полгода тому назад было известно, что если мы заключим отдельный мир с немцами, Япония объявит нам войну. Японцы давно не прочь отобрать у нас Восточную Сибирь. И теперь они выполняют свое желание благодаря большевикам. Если будет заключен большевиками мир с Германией без наших союзников и во вред нашим союзникам, – японцы высадят свое войско и через Китай и Манчжурию войдут к нам и отберут Владивосток, Хабаровск, Благовещенск и всю Восточную Сибирь – до Иркутска» [Там же]. А большевики, продолжал журналист, не смогут оказать сопротивления японцам, поэтому может статься, что Россия и Сибирь надолго попадут в чужеземное рабство, тогда прощай и земля, и воля, и все, что дала революция. Отсюда, делает окончательный вывод автор статьи, не слушайте большевиков и выступайте против сепаратного мира.

Брестский мир задел самые глубокие национальные чувства россиян и сибиряков. Поток подобных статей и заметок все увеличивался. Увеличивалась с начала 1918 г. и эффективность оппозиционной большевикам агитации и пропаганды в массах. Об этом достаточно откровенно писал автор передовой «Новониколаевск, 28 (15) февраля» из правозсеровской газеты «Дело свободы». Он, в частности, заявил о том, что как только Совет Народных Комиссаров приступил к «ликвидации войны», так сразу стал заметен «перелом в настроении масс не только в пользу большевиков». События последних дней, продолжал он, показывают, что Советы скоро останутся в одиночестве, без народных масс, и «одной из причин этого является заключаемый ими мир» [15. С. 1]. Статья заканчивалась такими словами: «Сторонники

Советов разочаровываются в правильности шага Совета Народных Комиссаров, убеждаясь воочию, что революции в Германии не произошло, что мировой революционный пожар не вспыхнул, что мир без аннексий и контрибуций превратился в позорный для России мир с контрибуциями и аннексиями, размеры которых пока неизвестны. Противники советской политики укрепились еще более на своих позициях, имея в руках неопровержимые доказательства верности своих положений и о необходимости обороны страны» [Там же]. Эта оценка Брестского мирного договора и связанных с ним коллизий обратна противоположна ленинским выводам о необходимости «мирной передышки», которые безропотно поддерживала местная большевистско-коммунистическая печать.

Умеренно-социалистическая периодика региона, стремясь закрепить новые тенденции в настроении масс, широко использовала такой метод воздействия на психологию сибирского населения, как публикация материалов и решений съездов, конференций, совещаний, собраний социально-классовых, политических, религиозных, национальных и других организаций, делегаты которых по тем или иным причинам были недовольны советской властью и Брестским миром. В этих публикациях умеренно-социалистические идеологи прямо заявляли, что партия большевиков и ее разновидность – партия так называемых «левых социалистов-революционеров» – вместо решительной, организованной социальной борьбы с буржуазным строем пошли более легким, но преступным путем обмана трудящихся масс, измученных войной и разрухой, заменив эту борьбу поверхностными декретами, бьющими на внешний эффект, развратили и разложили революционное сознание масс и довершили разрушение хозяйственного аппарата России, вступили на путь контрреволюции, искусно замаскировав его под социалистический цвет.

Такие агитация и пропаганда приносили свои плоды. Так, в признанном большевистском центре – Красноярске – в апреле – начале мая 1918 г. при пере выборах Красноярского совета в него дополнительно прошли 13 меньшевиков и правых эсеров против 4–5 большевиков [16. С. 1].

Это свидетельство того, что в последние месяцы так называемой первой советской власти в Сибири, перед временным падением ее в регионе умеренно-социалистические публицисты во многом подготовили идейно-политически победу «демократической контрреволюции» и если не поддержку, то по крайней мере нейтральное отношение к ней со стороны широких масс крестьянства и значительной части рабочих Зауралья во время так называемого «белочешского мятежа». По утверждению управляющего делами Сибирского правительства адмирала А.В. Колчака Г.К. Гинса, редакция правосоциалистической томской «Земской газеты» провела в мае 1918 г. среди местного крестьянства социологический опрос, и только в 7 из 102 анкет население высказалось за большевиков [17. С. 53–56].

Конечно, в создании подобных настроений в Сибири того времени нельзя отрицать роль и антибольшевистского подполья, активно готовившего выступление белогвардейских сил [18. С. 20–25]. Некоторые редакторы и сотрудники региональных периодических умеренно-социалистических изданий, как потом выяснилось, вели прямую антисоветскую, антибольшевистскую деятельность не только печатной агитацией и пропагандой, но и конкретным участием в работе подпольных организаций. Так, в марте 1918 г. на Судженских каменноугольных копиях был раскрыт заговор против советской власти, и выяснилось, что во главе его стоял член редакционной коллегии правозероверской газеты «Путь народа» (Томск) С.А. Кудрявцев [19. С. 2]. Уже после белогвардейского переворота в Сибири в антибольшевистской подпольной деятельности признавался и редактор меньшевистского «Алтайского луча» (Барнаул) В.И. Николаев [20. С. 77].

В результате, как вспоминал о времени накануне майско-июньских событий 1918 г. старый большевик,

комиссар транспорта и сообщений Центросибири В.В. Рябиков, города Западной и Восточной Сибири представляли собой «кипящий котел, готовый взорваться в каждую минуту. Велась невиданная политическая агитация... Эсеры и меньшевики агитировали за Учредительное собрание и вели подкуп под советскую власть, против большевиков, не стесняясь в выборе средств» [21. С. 45].

Белочешский переворот, начавшийся в конце мая 1918 г., привел не только к кардинальной смене власти в Сибири, но и к весьма значительным изменениям в средствах массовой информации. Как отмечает исследователь периодики региона конца мая – середины ноября 1918 г. Д.Л. Шереметьева, на территории, подконтрольной антибольшевистским органам власти, сеть изданий фактически складывалась заново, советско-большевистский блок газет перестал существовать [22. С. 129–134]. Такие же тенденции в развитии правительственной периодической печати Сибири лета-осени 1918 г. отмечает в своей новой монографии и В.В. Шевцов [23. С. 591].

ЛИТЕРАТУРА

1. Посадсков А.Л. Сибирская книга и революция. 1917–1918. Новосибирск, 1977.
2. Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири периода революции и гражданской войны. Томск, 2010.
3. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск, 2016.
4. Красильников С.А. Периодическая печать Сибири в период октября в системе политической пропаганды. К постановке проблемы и методов исследования // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в годы строительства социализма. Новосибирск, 1984.
5. Шевцов В.В. Революция и Гражданская война в освещении губернских ведомостей Сибири // Новый исторический вестник. 2014. № 4 (42).
6. Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.) : указатель газет и журналов. Томск, 2009.
7. Сибирская кооперация. Новониколаевск, 1918. № 11–12.
8. Томский кооператор. Томск, 1918. № 5.
9. Сибирь. Иркутск, 1917. 22–23 декабря.
10. Сибирские записки. Красноярск, 1918. № 1–2.
11. Путь народа. Томск, 1917. 10 ноября.
12. Народное дело. Чита, 1917. 5 ноября.
13. Сибирская жизнь. Томск, 1917. 2 декабря.
14. Наша деревня. Иркутск, 1917. 23 декабря.
15. Дело свободы. Новониколаевск, 1918. 28 (15) февраля.
16. Дело рабочего. Красноярск, 1918. 29 (16) апреля.
17. Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925.
18. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921.
19. Знамя революции. Томск, 1918. 2 апреля.
20. Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965.
21. Рябиков В.В. Центросибирь. Новосибирск, 1949.
22. Шереметьева Д.Л. Власть и пресса Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2009. Т. 8, вып. 1: История.
23. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск, 2016.

Kosykh Evgeniy N. Tomsk State University of architecture and bilding (Tomsk, Russia). E-mail: history@tsuab.ru

INFLUENCE OF THE EARLY PHASES OF THE CIVIL WAR IN SIBERIA ON MODERATE AND SOCIALIST PERIODICAL PRESS OF THE REGION IN THE LATE 1917 – MAY, 1918

Keywords: newspapers; magazines; moderate and socialist periodicals; Siberia; anti-Bolshevist moods; social and political life; agitation and propaganda system.

The purpose of the article is to analyze party-class differentiation of the press of the Trans-Ural region during establishment of the so-called first Soviet power in Siberia. Positive interpretation of our subject gives additional material for consideration of sharp and unresolved problems of the October Revolution and the Civil War in Siberia. Besides, this subject has not been sufficiently considered in monographs by A.L. Posadsky, V.G. Handorin, V.V. Shevtsov and in articles by S.A. Krasilnikov and V.V. Shevtsov.

Considering the insufficiency of scientific developments on the subject and also its scientific importance, we tried to create the integral, generalized picture of the attitude of the moderate and socialist periodical press in the late 1917 – May, 1918 to political and public events of that time, as that periodical press formed the basis of small bourgeoisie agitation and propaganda system of impact on the population and imparted certain social and political resolutions to various social groups.

The source base of the research was made by a wide range of the sources: office work documents, reference media, periodicals and materials of a personal origin. The main sources for studying of the subject were the all-Russian and Siberian newspapers and magazines of the late November, 1917 – May, 1918.

The technique and methodology of the research include the principles of historicism and objectivity; historiographic, bibliographic, comparative historical and genetic historical methods were used.

While conducting the research, the author had come to the conclusions: the Bolsheviks, coming to the power at the end of 1917 and at the beginning of 1918 in various areas of Siberia, brought down repressions on editorial collectives of newspapers and magazines, undesired to them for political reasons. Thereby, they significantly reduced not only quantitative, but also qualitative characteristics of that periodical press practically at once.

However, local Communists and Bolsheviks did not manage to suppress non-Bolshevist periodical press ideologically. Dispersal of the legitimately elected Constituent Assembly, municipalities of domicile, signing of the separative Brest peace treaty with Germany and its allies, promoted quite fast and marked weakening of their popularity among the population of the region. It also developed either not support or neutral attitude from broad masses of the peasantry and considerable part of workers during the so-called “Czech Mutiny” in Siberia.

REFERENCES

1. Posadskov, A.L. (1977) *Sibirskaya kniga i revolyutsiya. 1917–1918* [The Siberian Book and the Revolution. 1917–1918]. Novosibirsk: Nauka.
2. Khandorin, V.G. (2010). *Ideyno-politicheskaya evolyutsiya liberalizma v Sibiri perioda revolyutsii i grazhdanskoj vojny* [The ideological and political evolution of liberalism in Siberia during the period of the revolution and civil war]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Shevtsov, V.V. (2016) *Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [The government periodical press of Siberia (the second half of the twentieth - the beginning of the twentieth century)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Krasilnikov, S.A. (1984) *Periodicheskaya pechat' Sibiri v period oktyabrya v sisteme politicheskoy propagandy. K postanovke problemy i metodov issledovaniya*. [Siberian Periodicals in October in the system of political propaganda. To the formulation of the problem and methods of research]. In: Volkova, V.N. (ed.) *Knizhnoe delo Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody stroitel'stva sotsializma - Book business of Siberia and the Far East in the years of building socialism*. Novosibirsk: SB RAS.
5. Shevtsov, V.V. (2014) *Revoljutsiya i Grazhdanskaya vojna v osvshchenii gubernskikh vedomostey Sibiri* [The Russian Revolution and the Civil War Following the Siberian Provincial News Bulletins]. *Novyy Istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 4(42).
6. Kosykh, E.N. (2009) *Periodicheskaya pechat' Sibiri (mart 1917 – may 1918 gg.)*. *Ukazatel' gazet i zhurnalov* [Siberian periodicals (March 1917 – May 1918). Index of newspapers and magazines]. Tomsk: Tomsk State University.
7. *Sibirskaya Kooperatsiya*. (1918) 11-12.
8. *Tomskiy Kooperator*. (1918). 5.
9. *Sibir'* (1917). 22th–23th December.
10. *Sibirskie zapiski*. (1918) 1-2.
11. *Put' naroda* (1917) 10th November.
12. *Narodnoe delo* (1917) 5th November.
13. *Sibirskaya zhizn'* (1917) 2nd December.
14. *Nasha derevnya* (1917) 23th December.
15. *Delo svobody* (1918) 28th February.
16. *Delo rabochego* (1918) 29th April.
17. Boldyrev, V.G. (1925). *Direktoriya, Kolchak, interventy* [Directory, Kolchak, interventionists]. Novonikolaevsk.: Tsentropoligraf.
18. Gins, G.K. (1921) *Sibir', soyuzniki i Kolchak* [Siberia, the Allies and Kolchak]. Beijing: [s.n.].
19. *Znamya revolyutsii* (1918) 2nd April.
20. Soskin, V.L. (1965) *Ocherki istorii kul'tury Sibiri v gody revolyutsii i grazhdanskoj vojny* [Essays on the History of Siberian Culture in the Revolution and Civil War]. Novosibirsk: [s.n.].
21. Ryabikov, V.V. (1949) *Tsentrosibir'* [Centrosibir]. Novosibirsk: [s.n.].
22. Sheremeteva, D.L. (2009) *Vlast' i pressa Sibiri v period “demokraticheskoy kontrrevolyutsii” (konets maya – seredina noyabrya 1918 g.)* [The power and press of Siberia in the period of “democratic counter-revolution” (the late May – mid-November 1918)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 8(1).
23. Shevtsov, V.V. (2016) *Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Siberian government periodicals (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.

А.Ю. Перетягко

КАЗАЧЬЯ СОСЛОВНАЯ УТОПИЯ: ЗАМЕЧАНИЯ ХОПЕРСКИХ ДЕПУТАТОВ НА ПРОЕКТ НОВОГО «ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ ДОНСКИМ ВОЙСКОМ» В 1863 г.

Статья посвящена общественному идеалу казаков Хоперского округа Земли Войска Донского, характерному для 1860 гг. Основным источником служат материалы работы депутатов от хоперских станиц над новым вариантом проекта «Положения об управлении Донского войска» в 1863 г., найденные автором в фонде Х.И. Попова Государственного архива Ростовской области. Автор показывает, что казачий общественный идеал, несмотря на отдельные элементы, кажущиеся прогрессивными (выборность чиновников, расширение местного самоуправления), по существу предполагал возврат к позднесредневековой общественной структуре и поэтому был утопией, игнорирующей реалии Российской империи второй половины XIX в.

Ключевые слова: донское казачество; общественный идеал донского казачества; «Положение об управлении Донского войска»; Х.И. Попов; преобразования Донского войска 1860 гг.

Рассуждая о переустройстве общества, о возможных реформах, общественные, политические и государственные деятели часто исходят из представлений о некоем идеальном порядке, к которому нужно стремиться. Их представления о «правильном» и «неправильном» общественном устройстве находят отражение в программах политических партий и государственных документах, в газетных статьях и художественных книгах. Заметно реже историки сталкиваются с текстами, сохранившими представления простых людей прошедших эпох об обществе и государстве, в которых они бы хотели жить. А если кому-то и посчастливилось завладеть подобным текстом, то неизбежно возникает следующий вопрос: насколько репрезентативны были представления его автора для других людей, даже принадлежавших к той же социальной группе или сословию?

Когда в 1863 г. донской атаман П.Х. Граббе допустил до составления нового «Положения об управлении Донского войска» депутатов от станиц [1. С. 350–351], едва ли он задумывался над подобными вопросами. Впрочем, возможно, что и задумывался. Современный историк А.А. Волвенко обратил внимание на тот факт, что как раз 21 марта этого года, когда решение генерала утверждалось в Санкт-Петербурге, сам он сделал в своей записной книжке весьма многозначительную и неожиданную для чиновника запись: «Деспотизм имеет на разум нации такое же влияние, как пленение на человека: он делает нацию низкой и порочной. Сколько раз будет она подвержена испытаниям? Воспользоваться уроками политики может только нация, их пережившая, не имея возможности передать свой опыт будущим поколениям» [2. Р. 40]. Не менее любопытна и запись от 1 декабря 1862 г., в которой атаман писал, что «политика всегда будет искусством уступать людским страстям» [Ibid. Р. 40]. При всей неоднозначности этих высоких фраз, в которых вроде бы нет прямых указаний на ситуацию на Дону, трудно не связать их с первой за много лет попыткой узнать мнение представителей станиц о возможных преобразованиях, чтобы с учетом этого мнения хотя бы попытаться скорректировать

правительственную политику. Этот в полном смысле слова демократический проект носил отпечаток личности самого П.Х. Граббе: мы уже отмечали в другой нашей статье, что он в принципе был крайне нетипичным атаманом, отстаивавшим пожелания простого казачества перед имперской властью [3. С. 120–121]. Несмотря на постигшую его в конечном счете неудачу, старый генерал заслужил любовь казаков и уже после отставки отвечал письмо одного казачьего офицера такими трогательными словами: «Тихий закат последних дней моих согрет этим теплым сочувствием до конца любезного мне Дона» [4. С. 749]. Поэтому представляется вполне возможным, что П.Х. Граббе, некогда связанный с декабристским движением [2. Р. 36], включил станичных депутатов в состав комитета, готовившего новое «Положение об управлении Донского войска», не ради успокоения ситуации на Дону или аппаратной борьбы с Военным Министерством, но из самого желания узнать «народную волю», представление простых жителей Дона об общественном идеале.

Следует оговорить, что практика введения представителей от казачества в разного рода комиссии и комитеты, решающие донские дела, не представляла собой чего-то принципиально нового. Однако обычно в роли таких «представителей» выступали назначенные сверху офицеры, к тому же занимающие подчиненное положение по отношению к своим руководителям неказачьего происхождения [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.–3]. Но на сей раз дело обстояло иначе. Депутаты для составления нового «Положения об управлении Донского войска» именно избирались, причем отдельно от каждого из станичных обществ, от беспоместных чиновников и от дворян [1. С. 350]. Что еще важнее для темы нашего исследования, судя по сохранившимся архивным документам, представители субсословных групп и заседали отдельно, а станичные представители были еще и разделены по округам. Даже редактирование составленных в итоге сводов замечаний было в некоторых случаях проведено не правительственными чиновниками, но самими депутатами [6. Р. 374].

Если бы все созданные в результате тексты были обнаружены историками, то мы бы обладали уникальным комплексом материалов, при помощи которых можно было бы в полной мере восстановить представления разных субсословных и территориальных групп казаков начала 1860-х гг. об идеальном общественном устройстве. К сожалению, до недавнего времени в научный оборот был вовлечен только неполный свод замечаний на «Положение об управлении Донского войска», составленный депутатами от станиц Хоперского округа [7. С. 20–24]. Однако нам удалось обнаружить в фонде Х.И. Попова Государственного архива Ростовской области полную версию этого интереснейшего документа [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240], а также аналогичный свод замечаний, подготовленный черкасскими станичными депутатами [Там же. Д. 70]. Первый из этих текстов, крайне подробный и детализированный, позволяет установить, каким был общественный идеал простых хоперских казаков начала 1860-х гг. И в своей статье мы попытаемся частично восстановить этот идеал, начав с ключевых вопросов о сословном статусе казачества и его особом положении на территории Земли Войска Донского.

В основе хоперского проекта лежала идея о том, что название «Земля Войска Донского» следует понимать буквально. Современному историку А.А. Волвенко принадлежит смелое предположение, в соответствии с которым в 1870 г. Военное Министерство, переименовав «Землю Войска Донского» в «Область Войска Донского», преследовало символические цели: «При любой интерпретации наименование “Земля Войска Донского”, корнями уходящее в средневековую эпоху расширения московского царства, указывало на принадлежность земли ее владельцу, Войску Донскому, на *которой* казаки собственно и проживают. Наименование “Область” не подразумевает конкретного владельца, кроме, естественно, царствующей династии, подчеркивает окраинный, *присоединенный* характер территории, население которой теперь располагалось в *Области*, без монополии на земельную собственность (курсив автора. – А.П.)» [8. С. 22]. Возможно, кому-то такое предположение покажется слишком смелым, но для самих казаков разница между «Землей» и «Областью» была вполне чувствительной. Даже в 1910 г. будущий донской атаман П.Н. Краснов писал: «Само название “Донская область”, “Область Войска Донского” пора заменить старым, так много говорящим казакам, названием “*Земля донских казаков*” (курсив автора. – А.П.)». Б.Н. Корниенко, исследователь донского национализма, однозначно трактует это предложение как «символическое закрепление донских земель за казачеством» [9. С. 101].

И хоперский проект как раз однозначно предполагал, что Земля Войска Донского рассматривается как территория, принадлежащая исключительно донскому казачеству. Показательны уже сами формулировки хоперских депутатов: они считали, что новое «Положение

об управлении Донского войска» должно быть отредактировано с позиций «справедливых польз и желаний казачьего сословия» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 1 об.], а некоторые статьи переданного им на рассмотрение предварительного проекта отвергались исключительно на том основании, что они «составят только лишнее для станиц отягощение» [Там же. Л. 24 об.]. Интересы неказачьих жителей Дона во внимание не принимались вовсе. Так, ходатайство иногородних, просивших, чтобы им разрешили свободно покупать недвижимость на Дону, отвергалось исключительно по той причине, что сами казаки выступили против [Там же. Л. 24–26]. Отсутствуют в тексте и попытки взглянуть на ситуацию сверху, с точки зрения выгод и невыгод государства и региона. И в итоге хоперские депутаты боролись за максимальное расширение традиционных сословных привилегий казачества даже в тех случаях, когда это противоречило тенденциям времени и здравому смыслу. А о том, какие привилегии имели для представителей хоперских станиц наибольшее значение, можно судить из нижеследующего их разбора.

В административном устройстве Земли Войска Донского хоперский проект, на первый взгляд, не предполагал принципиальных изменений в тех властных структурах, которые уже существовали на начало 1860-х гг. В частности, в нем ни словом не упоминалась возможность восстановления Войскового Круга, которая позже неоднократно озвучивалась донскими общественными деятелями [9. С. 93; 10. С. 383–384]. Однако фактически под видом незначительных корректировок текущего порядка хоперские депутаты предлагали полностью перестроить систему управления Донским войском, передав контроль над ней от столичных властей представителям рядовых станичников.

Прежде всего новое «Положение об управлении Донского войска» виделось хоперским депутатам не только административным документом, регулирующим все стороны жизни казачества, но и общественным договором, гарантирующим сословные права казаков. Об этом можно судить по тому, что предлагалось запретить правительству вносить односторонние поправки в этот документ без разрешения казачьих депутатов. Дословно по этому поводу было написано следующее: «Желательно, чтобы в проект положения вписано было, что всякое изменение в положении этом, касательно образа службы, владения землею и других прав и привилегий, дарованных войску Монархами, на будущее время должно согласовываться с участием депутатов всего войска» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 79–79 об.]. К сожалению, более подробно это свое предложение хоперские депутаты не обосновывали, зато это сделали выступившие с аналогичной идеей депутаты от Черкасского округа. Они напоминали правительству о том, что еще недавно донское население было взволновано слухами о грядущих изменениях сложившегося порядка. Воспротив подобные изменения без их утверждения выборными делегатами от казаков, правительство не только

успокоило бы Дон, но и сумело избежать таких ситуаций в отдаленной перспективе [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 2]. В случае реализации этих смелых планов «Положение об управлении Донского войска», первый вариант которого в 1835 г. был навязан донцам насильно и вызвал недовольство даже среди генералов [11. Р. 108–109] стало бы своеобразной донской конституцией, гарантирующей не столько обязанности, сколько права и привилегии казачества.

А важнейшие из этих прав и привилегий должны были быть связаны как раз с административным устройством региона. Хоперские депутаты настаивали на том, чтобы гражданские чиновники, входящие в состав войскового и окружных правлений, избирались не от дворян, но от всего казачьего сословия [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 2–2 об., 68 об.–69]. Инструментом для этого должны были стать земства, очевидно, чисто казачьи по своему составу или имеющие особую казачью курию. При этом долю станичных представителей в земствах предполагалось существенно расширить [Там же. Л. 67 об.], и законодательно зафиксировать, что не менее 50% войскового земского собрания должны составлять станичные депутаты [Там же. Л. 68]. Таким образом, формально не требуя восстановления Войскового Круга, хоперцы де-факто предлагали превратить в него войсковое земское собрание, назначающее чиновников и при этом состоящее в основном из выборных депутатов от станиц.

Впрочем, хоперские депутаты не были уверены, что правительство пойдет на столь радикальную реформу. Уже переданный им для обсуждения проект «Положения об управлении Донского войска» предполагал, что войсковое правление будет избираться от земств, однако в нем не было четко прописано, каким образом должны формироваться сами земства. И поэтому хоперцы опасались, что и земские собрания, и войсковое правление будут состоять из представителей «одного сословия» [Там же. Л. 2–2 об.]. Эта часть текста полностью противоречит остальным, поэтому, как нам кажется, ее нельзя понимать буквально. К тому же само слово «сословие» трактовалось хоперскими депутатами не всегда корректно: так, они объединяли всех лиц, не происходящих из духовенства, в некое «светское сословие» [Там же. Л. 65]. Как следует из контекста, представители хоперских станиц были совсем не против того, чтобы земства были чисто казачьими, но не хотели, чтобы они состояли исключительно из казачьих дворян, которые, видимо, и подразумевались под «одним сословием». В том случае, если правительство не сможет пойти на уступки в данном вопросе, хоперцы предлагали хотя бы включить в войсковое правление депутатов от «всех сословий» [Там же. Л. 2–2 об.]. К сожалению, это высказывание расшифровать труднее: под «всеми сословиями» явно не подразумевались иногородние, о чем мы подробнее напишем ниже, однако трудно сказать, получили бы место в войсковом правлении представители коренных крестьян Дона. На наш взгляд, скорее

нет, а под «всеми сословиями» подразумевались все казачьи субсословия: дворяне и священники казачьего происхождения, торговые казаки и простые станичники.

Реформы местной администрации, разработанные хоперскими депутатами, были достаточно близки к тем, на проведении которых в 1881 г. настаивали члены «комиссии 106», избранные от донских станиц. Правда, последние требовали заменить всесословные земства чисто казачьим Войсковым Кругом, имеющим право на законодательную инициативу, но это различие не должно вводить нас в заблуждение: тот орган, который предлагали создать хоперцы в начале 1860-х гг., не имел с всесословными земствами остальной Российской империи ничего общего и в действительности куда больше напоминал исторический Войсковой Круг. Остальные же предложения этой части «комиссии 106» почти полностью повторяли хоперский проект: так, рекомендовалось «чтобы на все должности гражданские избрать представителей от населения края», «чтобы выборы чиновников на гражданские должности были не по старому Положению 1835 г. (в соответствии с этим документом в выборах чиновников принимали участие только дворяне. – *А.П.*), а с участием наравне и наших депутатов», «чтобы заведывание войсковыми хозяйственными делами было вручено Хозяйственному Выборному Гражданскому Управлению» и чтобы решение финансовых вопросов происходило с участием «нескольких человек из наших представителей» [10. С. 383–384].

Такое сходство между предложениями двух групп депутатов, избранных от простых казаков с разницей почти в два десятилетия, заставляет нас признать, что вариант местной администрации, описанный в хоперском проекте, действительно представлял собой своеобразный казачий идеал. Хотя он специально не вычленялся и тем более не анализировался исследователями, предложения станичной части «комиссии 106» рассматривались многими позднейшими историками, причем им давалась положительная оценка. Так, С.Г. Сватиков, хотя и осуждал «сословную узость» этих предложений, в то же время утверждал, что их реализация дала бы Дону «широкое самоуправление на началах автономии» [Там же. С. 386]. Известный советский и российский историк А.И. Козлов вообще считал, что между казачьей концепцией Войскового Круга и либеральной концепцией земских собраний не было принципиальной разницы. Он писал по этому поводу: «Земство или войсковой круг – название особой роли не играло. Суть заключалась не в форме, а в содержании» [12. С. 117–118]. Однако, на наш взгляд, ситуация была значительно сложнее. Восстановление Войскового Круга в том виде, каким его представляли простые казаки, было шагом не вперед, к демократическому местному самоуправлению XIX–XX вв., но назад, к сословной системе позднего Средневековья и раннего Нового времени, немного «замаскированной» под современные социальные институты. И без того значительную разницу между казаками и коренными крестьянами

предполагалось дополнительно увеличить, дав первым из них исключительное право выбирать чиновников. Между тем на начало 1860-х гг. доля крестьян среди донского населения составляла уже около 1/3 [13. С. 227]. С учетом специфического отношения казаков к представителям других сословий, о котором мы напишем чуть ниже, закрепление за ними всех гражданских должностей, скорее всего, со временем привело бы к острому конфликту в донском обществе, подобному тому, что наблюдался в годы гражданской войны.

В отношениях с другими сословиями казаки претендовали на исключительные права [14]. Реализация предложений, рассмотренных нами выше, передавала все чиновничьи должности на Дону под контроль представителей казачьего сословия. Однако хоперцам этого было недостаточно. Их не устраивала ситуация с занятием церковных должностей, когда священники из казаков и иногородних обладали равными правами. Дело не ограничилось призывом давать первым преимущество над вторыми (об этом сюжете мы уже писали в одной из своих статей [15. Р. 1402]). Представители хоперских станиц доходили до откровенно дискриминационных, унижающих самое человеческое достоинство идей, например, требуя, чтобы иногородний священник, назначенный в казачью станицу, мог построить в ней не более одного дома, причем земля под этим домом оставалась бы в станичной собственности, чтобы в случае перевода церковнослужитель был обязан продать дом своему преемнику или одному из казаков-станичников. При этом для казаков из других станиц ничего подобного не предусматривалось [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 23–23 об.]. Таким образом, дело было даже не в меркантильных интересах казачества: и в тех случаях, когда станичники не получали от этого реальной выгоды, лица иных сословий должны были явно ощущать себя гостями на казачьей земле.

Если такие правила предлагались для представителей привилегированного сословия, духовенства, то что было говорить о простых чужаках? Купцов и мещан, судя по всему, депутаты предлагали не пускать на постоянное жительство в станицы, не ограничиваясь существовавшим прежде запретом на продажу им недвижимости. «По новому положению о войске Донском для развития местной торговли увеличивается торговое общество из казаков, а для развития ремесла допускаются в станичные ремесленники, с освобождением от службы и с установлением пошрины, при каковых условиях торговля и ремесла могут развиваться сами собою; допущение же постоянного водворения в станицах иногородних не столько будет способствовать, сколько, напротив, послужит препятствием» [Там же. Л. 25 об.]. После подобной риторики не покажется удивительным, что борьбу с незаконной торговлей, производимой неказачьими купцами и мещанами, хоперцы предлагали возложить не только на чиновников, но и... на их конкурентов из казаков. В Хоперском округе предлагалось создать собрание доверенных от Донского купеческого

округа, важнейшими обязанностями которого объявлялись прием новых торговых казаков, развитие местной торговли и «борьба с иногородними», нарушающими правила этой торговли [Там же. Л. 8 об.–9]. Характерно, что и в этом случае текст носит ярко выраженную ксенофобскую окраску и не предполагает той возможности, что незаконную торговлю могут вести и казаки. Поэтому вполне возможно, что хоперские депутаты понимали, какой опасный инструмент они хотят дать в руки своим одностаничникам-торговцам, разрешив им контролировать конкурентов неказачьего происхождения, но не видели в этом ничего неправильного.

Наказание за покупку недвижимости иногородними на донской земле, по мнению хоперских депутатов, следовало ужесточить. Несмотря на формальный запрет, в начале 1860-х гг. тайное приобретение земли в станицах иногородними не представляло собой чего-то исключительного [16. Р. 944]. И хоперцы, чтобы покончить с подобной практикой, предлагали конфисковывать незаконно построенную недвижимость, причем в пользу станичных властей [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 26].

Мы снова убеждаемся, что предложения хоперских депутатов предполагали получение Землей Войска Донского статуса, уникального для Российской империи, однако теперь видим и то, что в рамках этого статуса представители других сословий, прибыв на Дон, поражались бы в правах. Хоперцы требовали неравенства даже в сферах торговли, религиозной деятельности и, вероятно, образования. Во всяком случае они не выступили против вошедшей в итоговый проект «Положения об управлении Донского войска» статьи, согласно которой и при занятии учительских должностей казаки должны были получать преимущества перед неказачьями. Как ни странно, именно это вызвало особое возмущение министра внутренних дел Российской империи П.А. Валуева, высказавшегося по этому поводу совершенно определенно: «Увлечение к предвзятой идее о замкнутости является неразумным; в ст. 442, на основании коей все должности по учебным заведениям замещаются училищными чинами обоюбого пола, преимущественно из казачьего сословия. Тут не сделано даже никакой оговорки, следовательно, допускается прямое заключение о преимуществе менее способных, если только они принадлежат к казачьему сословию, над более способными, если последние, по происхождению из уроженцев Империи, не подходят к этому условию» [17. С. 18]. Ограниченные в правах, зависимые от станичных властей, имеющих право выгнать их в любое время, иногородние в большинстве случаев даже не могли бы кому-то пожаловаться на произвол: окружные и войсковые гражданские должности занимались бы казачьими чиновниками, которые в основной массе разделяли мнение о особом положении казаков.

Нам представляется, что именно здесь следует подробнее остановиться на предположении о потенциальной «конфликтности» предложений хоперских депутатов. Ю.Д. Гражданов отмечал, что с началом

гражданской войны на Дону произошла резкая дифференциация психологии населения – разделение жителей на «своих» и «чужих» (крестьян и казаков) [18. С. 18]. По мнению исследователя, неспособность казачьего правительства наладить диалог с крестьянством стала одной из причин нестабильности красновского режима, и в конечном счете его падения [Там же. С. 236]. Между тем хоперский проект еще за полвека до этого предполагал превращение Земли Войска Донского в чисто казачью в политическом смысле территорию, где сосуществовали бы выборное казачье гражданское правительство и дискриминация неказачьего населения. О каком-либо диалоге с крестьянами, составлявшими, напомним, около 1/3 жителей Дона, хоперские депутаты даже не задумывались. И в этих условиях, при всем различии ситуаций 1860-х и 1910-х гг., именно местное казачье правительство выступило бы в качестве силы, угнетающей священников и купцов невойскового происхождения, коренных крестьян и иногородних на фоне явного расширения прав казачества. Избежать конфликтов при этом едва ли представлялось возможным.

Впрочем, ко второй половине XIX в. донское казачество уже разделилось на несколько субсословных групп, и отношение станичных депутатов как минимум к одной из этих групп, к донским дворянам, было очень неоднозначным. Историками отмечалось, что основная масса казачьего населения в начале 1860-х гг. негативно относилась к желанию части помещиков свободно продавать полученные от войска земли, причем недовольство донских общественных деятелей по этому поводу находило поддержку у начальника штаба Донского войска, князя А.М. Дондукова-Кораскова [19. Р. 25–33]. Однако хоперские депутаты шли еще дальше, открыто и публично противопоставляя «корыстные устремления» этой части дворянства интересам всего казачьего сословия. Их высказывание на эту тему настолько интересно, что мы приведем его целиком: «Мнение помещиков, желающих продавать иногородним земли, полученные ими от войска в виде дара, с таким же ограничением, которое положено и теперь, основано на одних видах личной их выгоды и противоречит общему праву на владение землями Войска Донского (курсив мой. – А.П.)» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 16 об.]. Иными словами, и в этом случае во главу угла ставились желания «казачьего сословия», т.е. большинства простых станичников, а интересы даже иных казачьих субсословий должны были отойти на второй план.

Этим противопоставление донских дворян и простых станичников в хоперском проекте не ограничивалось. Нами уже разрабатывался сюжет о том, как хоперские депутаты требовали свободно допустить детей из простых казачьих семей до обучения в школе урядников в Санкт-Петербурге на том основании, что она финансировалась за счет денег от всего войска, а уже несколькими страницами ниже они же просили принимать девочек из таких семей в «Донской институт для девиц», ни словом не упомянув о том факте, что он

содержится за счет особых пошлин и пожертвований с дворянства [20. Р. 823]. Еще важнее то, что в хоперском документе была отвергнута идея, в соответствии с которой право участвовать в земских окружных собраниях получили бы только лица, имеющие доход с недвижимости не менее 500 руб. в год. Депутаты вообще сначала хотели допускать до работы в земских собраниях «всех имущих казаков», и только позднее согласились на ценз в размере 100 руб. ежегодного дохода [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 67–67 об.]. К сожалению, мы не владем информацией о том, насколько эти цифры соотносятся с доходом жителей Хоперского округа в начале 1860-х гг. Однако в следующем десятилетии известный донской экономист И.В. Тимошенко досконально изучил состояние хозяйств Урюпинской станицы этого округа. И, по его сведениям, даже беднейшее из казачьих хозяйств в станице имело ежегодный доход, равный 145 руб. 50 коп. Среднее же хозяйство зарабатывало 268 руб. [21. С. 35]. Если считать эти цифры относительно репрезентативными и для интересующего нас периода (а за прошедшие годы не наблюдалось ни стремительного обогащения, ни стремительного обеднения казачьих хозяйств), то выходит, что отвергнутое хоперскими депутатами предложение наделить пассивным избирательным правом в важнейший орган, назначающий донских чиновников, только дворян и богатейших казаков, а хоперский проект открывал земские собрания для большинства представителей казачьего сословия, кроме самых бедных.

Мы еще вернемся к конфликту между рядовым казачеством и донским дворянством, когда будем говорить о предусмотренной хоперским проектом реформе землепользования. Завершить же эту часть нашей статьи будет уместно указанием на то, что предложения представителей от хоперского округа снова очень напоминали идеи, высказанные избранной от станиц частью «комиссии 106». И в 1881 г. простые станичники четко противопоставили себя донскому дворянству, выступив со следующим заявлением: «Мы зависим от доброй воли господ землевладельцев, и она очень часто обращается в произвол». Возмущение станичных депутатов вызывало и то, что выборные должности в земствах (гражданские чиновники к этому времени уже назначались), несмотря на формальную доступность для казаков, де-факто были захвачены помещиками: «Самые умные, честные, и даже первые старики не решаются быть гласными, и приходится замещать в гласные господ офицеров» [10. С. 385]. Противниками казачества, менее полезными для государства, были объявлены и крестьяне: «Крестьян потому считаем мы против себя, что с ними у нас интересы противоположные и, сказать по правде, согласия между нами никогда не было, а главное, они зависят от помещиков и военную службу несут далеко меньшую» [Там же. С. 384–385]. В итоге представители станиц в «комиссии 106» приходили к выводу, что желания казачьих дворян и крестьян часто совпадали и противостояли собственно казачьим интересам:

«Крестьяне никак не могут быть в земских собраниях на стороне наших интересов, когда таковые сталкиваются с помещичьими интересами» [10. С. 385]. Таким образом, предложение части членов этой комиссии заменить земства войсковым кругом было связано не только с надеждой на восстановление местного самоуправления, но и с желанием провести смену элит на Дону, передав частичный контроль над местной администрацией от дворян станичным депутатам.

В земельном вопросе казаки настаивали на общевойсковой собственности донской земли. Мы снова позволим себе обратиться к проекту черкасских депутатов, поскольку в нем при большей краткости содержится мотивировка некоторых идей, которые хоперцы обосновывали только желанием казачества. Черкасские депутаты прямо писали: «*Земли войска Донского принадлежат в собственность не одному какому-либо сословию (речь идет о частных владельцах из дворян. – А.П.), но всему войску (курсив мой. – А.П.)*» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 5]. Их хоперские коллеги не выносили подобную мысль в отдельное предложение, но, как следует из приведенной в предыдущем части нашей статьи цитаты, исходили из принципа «общего права на владения землями Войска Донского» [Там же. Д. 240. Л. 160б]. Как же конкретно должны были реализовываться эти общие положения?

Прежде всего, депутаты требовали, чтобы на Дону не было частной собственности на землю, а продажа участков иногородним запрещалась [Там же. Л. 16–16 об.]. Однако этот сюжет уже достаточно раскрыт в современной историографии [17. С. 17–18], и поэтому мы не будем на нем останавливаться. Куда более любопытен тот факт, что представители хоперских станиц жаловались на недостаток земли и требовали провести ее масштабное перераспределение. В исторической литературе господствует мнение о том, что в 1860–1870-х гг. «благополучие донских казаков, несмотря на проводимые реформы, являлось чуть ли не эталонным» [8. С. 55]. Да и сами казаки последующих поколений рассматривали период до 1870-х гг. как время экономического благополучия [22. С. 1]. Однако в действительности те проблемы, которые позднее привели к острому экономическому кризису казачества, начали намечаться уже с 1850-х гг. Прежде всего это относится к обезземеливанию. Как жаловались хоперцы, при уже межевании станичной земли в 1848–1858 гг. власти исходили из численности населения станиц на 1837 г., в то время как в действительности оно сильно возросло. В результате при определении границ юртовых земель размеры территории, приходящейся на казачий пай, почти никогда не достигали положенных 30 десятин, а и к 1860-х гг. в некоторых станицах упали до 20 десятин из-за дальнейшего роста населения [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 12 об.–13]. Депутаты признавали, что и имеющиеся участки вполне достаточны для поддержания благосостояния казачьих семей, однако требовали расширения всех юртов до положенных им границ. Мотивировали они это

тем, что не стоило дожидаться времени, когда благосостояние станиц начнет приходить в упадок из-за малоземелья, но следовало принимать меры немедленно [Там же. Л. 13 об.]. В подобной мотивировке была изрядная доля лукавства: Военное министерство понимало проблему и предлагало в том случае, если размер юрта падал до опасных пределов (менее 20 десятин на взрослого казака мужского пола), увеличивать его до положенных размеров за счет войсковых земель [Там же. Л. 12–12 об.]. Однако депутатов это не устраивало, и они требовали все, положенное им по закону, исходя из того, что все юртовые наделы должны быть доведены до положенных им размеров немедленно [Там же. Л. 13 об.].

Между тем свободных земель в Хоперском округе было явно недостаточно для проведения подобного мероприятия. Но представители станиц видели выход из положения, столь оригинальный, что мы воспроизведем их слова целиком. «По изложенным выводам мы, при всем нашем уважении к заслугам Благородного Дворянства Войска Донского и желании содействовать возможному обеспечению настоящего и будущего положения его, в необходимости находимся сказать, что отвод в потомственное пользование беспоместным и малопоместным чиновникам земель из запасов неизбежно поставляет станичные общества в стеснительное положение, тем более что для частных наделов необходимы земли более удобные, и затем могут оставаться запасы самые невыгодные и недостаточные по количеству земли» [Там же. Л. 31–31 об.]. Речь шла, ни много ни мало, об уничтожении донского помещичьего землевладения! Более того, заплатить за это уничтожение должны были сами помещики: предлагалось обложить их земли дополнительными налогами, за счет которых был бы сформирован особый капитал для выплат донским чиновникам и офицерам. Как только этот капитал достиг бы необходимых размеров, раздачу срочных участков следовало прекратить, а уже полученные донскими дворянами земли начать конфисковывать, заменяя денежными выплатами [Там же. Л. 32–33 об.]. Как видим, хоперский проект был даже более суров по отношению к донским помещикам, чем по отношению к иногородним: земли, полученные предками дворян за заслуги, предлагалось отобрать, чтобы решить проблемы простых станичников. Важно отметить, что подобные радикальные идеи разделялись не всеми казаками, но все же были характерны не только для Хоперского округа: черкасский проект не содержит подобных идей, но отобрать землю у помещиков и передать ее станицам предложили также усть-медведицкие депутаты [Там же. Л. 31 об.–32].

Аналогичному разгрому должны были подвергнуться и войсковые земли специального назначения. Представители хоперских станиц были уверены, что ни войсковой конный завод, ни войсковые леса не приносят серьезной пользы. Поэтому следовало, не пытаясь улучшить их работы, передать отведенные под них

участки ближайшим станицам [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 27–28 об.]. Любопытно, что и здесь не обошлось без ксенофобских высказываний: особого возмущения удостоились лесничие за то, что они нелегально сдавали прилегающие к лесам пахотные земли и сенокосы «даже иногородним» [Там же. Л. 27 об.].

Таким образом, территории донских станиц предполагалось максимально увеличить, причем за счет участков, иногда уже несколько десятилетий находящихся в пользовании казаков, относящихся к дворянскому сословию, или войсковых властей. С учетом этого факта не стоит считать, что в конфликте рядового казачества и донского дворянства были виноваты исключительно дворяне. Важно оговорить и то, что станицы едва ли получили бы от реализации этой части хоперского проекта какую-либо выгоду. Дело в том, что многоземелье на Дону доходило до того, что до 1860 г. во всех донских станицах земля по старинке запахивалась свободно, исходя из того, сколько мог обработать каждый хозяин [13. С. 249], и даже в 1874 г. ее правильный раздел проводился только в 40 станицах из 110 [23. С. 10]. Впрочем, возможно, самое яркое доказательство избыточности юртовых участков содержит сам документ, подготовленный хоперскими депутатами. В нем отмечалось, что если около межи между двумя станицами с обеих сторон находились хутора, принадлежащий их хозяевам скот часто заходил на участки чужих станичников, что неизбежно порождало конфликты. Чтобы решить эту проблему, депутаты предлагали... полностью выводить из использования квадратную версту по меже, запрещая ведение хозяйства на ней [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 82 об.–83]. Очевидно, что, если предлагалось оставлять простаивающими такие огромные участки, земля на Дону еще не имела реальной ценности, а борьба за доведение станичных юртов до положенной пропорции представляла собой принципиальную борьбу за привилегии, а не за решение реальных проблем казачества.

Однако даже предложенных хоперцами мер было недостаточно для доведения всех станичных юртов до пропорции в 30 десятин на душу. Дело в том, что при некоторых из этих юртов просто не было свободной земли. Но и тут был предложен выход, пусть на первый взгляд и достаточно странный. Было предложено передавать станицам «чересполосные участки», не придавая большого значения их географическому расположению. Столь неортодоксальное решение станет понятным, если обратить внимание на то, что переданные станицам таким образом территории предполагалось использовать главным образом для выпаса станичных табунов [Там же. Л. 13 об.–14]. Более того, депутаты заявляли, что «для пользы целого общества (станичного. – *А.П.*) первое всего нужны пастбища для табунов» [Там же. Л. 15]. И действительно, как раз в 1863 г. известный донской статистик Н.И. Краснов писал: «Хлебопашество у казаков находится во младенческом состоянии. Казак охотнее выбирает более легкие промыслы: скотоводство,

овцеводство, виноделие, рыболовство и торговлю, и только в бедных угодьями и запасною землею округам Усть-Медведицком и Хоперском казаки стали обращать внимание на земледелие» [13. С. 248]. Генерал Н.А. Маслаковец приводил и конкретные цифры: по его сведениям, в середине XIX в. казачьи семейства запахивали в среднем не более 5 десятин [14. С. 3]. Таким образом, лишь небольшая часть станичных юртов использовалась для земледелия: основной их массив отводился для скотоводства. И вариант, предложенный хоперскими депутатами, в этих условиях имел право на жизнь и был самым простым способом в полной мере реализовать зафиксированные в законодательстве казачьи привилегии.

Как ни странно, и эти на первый взгляд логичные предложения фактически тянули Донское войско назад в прошлое. Обеспечение казаков участками в 30 десятин обрекало Дон оставаться крайне малонаселенным регионом. Все тому же Н.И. Краснову принадлежат расчеты, согласно которым, если бы плотность населения Земли Войска Донского соответствовала хотя бы приуральским губерниям, на Дону жило бы 1 400 671 душ мужского пола против 468 331 в действительности [24. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 134–135]. Не остановившись на этих вычислениях, статистик написал целое исследование о невыгодности казачьей системы службы в экономическом отношении, недавно опубликованное нами [25–27]. А из самих рассуждений хоперских депутатов видно, что они считали нормой и выведение из хозяйственного оборота обширных земельных участков, и преобладание скотоводства над земледелием. С этой точки зрения важно не столько то, что они предлагали увеличивать и так избыточные площади, приходящиеся в станицах на душу населения, сколько то, что ими был разработан реальный механизм, введение которого в жизнь значительно замедлило бы процесс казачьего обезземеливания за счет передачи станицам большей части войсковых земель. И развитие сельского хозяйства на Дону еще больше затормозилось бы из-за полного сохранения традиционного казачьего пренебрежения к тяжелой сельскохозяйственной работе, сложившегося в условиях архаичного пограничья [16. Р. 941–942].

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что и в области перераспределения земли хоперский проект был близок к предложениям избранных от станиц членов «комиссии 106». Эта комиссия вообще-то не должна была заниматься земельным вопросом, но это не помешало входящим в ее состав станичникам выразить свое неудовольствие тем, что «состоявшийся закон о наделе казаков землею до тридцатидесятиной пропорции не приведен в исполнение с 1869 г., несмотря на неоднократное настоятельство населения» [10. С. 384]. Впрочем, более детально в земельную проблему члены «комиссии 106» вникать не стали, вернувшись к разрешению вопросов местного самоуправления.

Как видно из всего вышеизложенного, хоперские депутаты хотели, чтобы российское законодательство

зафиксировало на Дону своеобразную казачью «сословную утопию». Они выступали за автономию и самоуправление, но не Земли Войска Донского как региона, а донского казачества как сословного института, владеющего этим регионом. Соответственно, как политические, так и экономические привилегии простые казаки должны были получить за счет максимального ограничения как полномочий имперских властей, так и прав и возможностей других сословий на донской территории. От реализации хоперского проекта пострадала бы даже местная войсковая администрация, а также те представители казачьего сословия, которые выделялись из общей массы простых станичников.

Казачий общественный идеал представлял собой шаг назад, к сословной демократии позднего Средневековья, когда привилегированное положение и самоуправление одних сословий соседствовали с полным бесправием других. Казаки хотели не только свободы и благополучия для себя, но и права контролировать остальное население Дона, запрещая иногородним священникам полноценно приобретать дома в станицах, лично борясь с незаконной торговлей российских купцов и мещан, а также изгоняя иногородних простым решением станичных властей. Эти предложения гармонично сочетались с идеей, в соответствии с которой гражданское чиновничество должно было быть выборным, но выборным исключительно от казачества.

Вопросы о том, как такое устройство будет сочетаться с законами Российской империи, хоперских депутатов не интересовали. Не волновал их и вопрос о том, как в изменившихся условиях будет функционировать лишенная важных источников дохода и поставленная в зависимость от станичных депутатов войсковая администрация. Нам представляется уместным процитировать Н.И. Краснова, который, выступая против сторонников идеи сохранения казачьих привилегий, задавал им вопрос: «Справедливо ли не указать мер для благоденствия временнообязанных крестьян, этой трети населения донской земли, предки которых носили иногда славное имя малороссийских или запорожских казаков?» [13. С. 232]. Военный министр Д.А. Милютин, получив разработанный с участием хоперских депутатов проект нового «Положения об управлении Дон-

ского войска», был лаконичен и суров: «Новочеркасский комитет представил проект, проникнутый духом замкнутости, обособленности, старинных привилегий казачества, без всякого внимания к новым преобразованиям в государстве» [28. С. 184–185]. Но, возможно, самым емким образом сформулировал важнейший недостаток всех проектов переустройства Дона, исходящих от станичных властей, новочеркасский прокурор А.А. Чигринцев: «Казаки находят, что они оказали “России” такие чрезвычайные услуги, за которые на вечные времена должны пользоваться исключительно благоприятным положением в государстве» [29. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 4 об.].

Именно поэтому казачий общественный идеал представлял собой утопию: шансы на его реализацию в условиях Российской империи второй половины XIX в. стремились к нулю, причем не только из-за нежелания имперского правительства делиться полномочиями с местным выборным самоуправлением, но и потому, что при всем своем несовершенстве Россия Александра II и Александра III уже не была средневековым государством и не могла позволить столь открыто нарушать права всех прочих сословий ради одного казачества.

Однако казаки, избранные депутатами от станиц, раз за разом возвращались к своему общественному идеалу, когда Военное министерство пыталось ввести их в комиссии и комитеты. Мы уже показали, что между предложениями хоперских депутатов в 1863 г. и станичных депутатов в «комиссию 106» в 1881 г. было много общего. А в 1899 г., когда генерал Н.А. Маслаков возглавил комиссию, созданную для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт Войска Донского, ее избранные от станиц члены А.А. Донецкий и В.Я. Бирюков выступили с некоторыми предложениями, предусмотренными и хоперским проектом [14. С. 1–11]. Безусловно, с течением времени казачий общественный идеал несколько трансформировался, да и представители разных округов могли не сходиться в деталях. Однако обобщающие идеи о превосходстве казачества над другими сословными группами, проживающими на Дону, и об особой, исключительно казачьей принадлежности территории Земли Войска Донского господствовали среди станичников всю вторую половину XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краснов И.И. Беспоместные и мелкопоместные чиновники войска Донского // Русский вестник. 1865. Т. 58. С. 329–351.
2. Volvenko A.A. Don Atamans of the Age of “Great Reforms” (the 1860s – 1870s) // Russkaya Starina. 2017. 8 (1). P. 34–54.
3. Перетяцько А.Ю. «Мы ненавидим всю силу нашего сердца рабский произвол, который царствовал во всех частях Вашего управления»: о причинах непопулярности атамана М.И. Черткова на Дону // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 118–127.
4. Граббе П.Х. Записная книжка графа П.Х. Граббе. М., 1888. 750 с.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО).
6. Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Higher and Secondary Education of the Don Cossacks in the Context of the Epoch: the Time of the Great Reforms // European Journal of Contemporary Education. 2017. № 6 (2). P. 367–377.
7. Волвенко А.А. Нереализованный проект Положения о войске Донском // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 20–24.
8. Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов н/Д., 2017. 226 с.
9. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
10. Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.

11. Volvenko A.A. Chebotarev A.P. – “the Grey Cardinal” of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 15, is. 2. P. 106–114.
12. Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века // *Казачество: прошлое и настоящее*. Волгоград, 2000. С. 95–125.
13. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
14. Маслаковец Н.А. Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донуцкого. Новочеркасск, 1899. 11 с.
15. Peretyatko A.Y. “Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order”: the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part II // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46, is. 4. P. 1401–1415.
16. Peretyatko A.Y. “Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order”: the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45, is. 3. P. 937–948.
17. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.) // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. 2014. Т. 16, № 3. С. 12–20.
18. Гражданов Ю.Д. Всевеликое Войско Донское в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). Ростов н/Д., 2015. 240 с.
19. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 13, is. 1. P. 19–37.
20. Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. № 6 (4). P. 817–829.
21. Тимощенков И.В. Урюпинская станица и прилегающие к ней местности. Новочеркасск, 1875. 71 с.
22. Бирюков В.Я. Доклад члена Комиссии В.Я. Бирюкова о влиянии воинской службы донских казаков на их хозяйственный быт. Новочеркасск, 1899. 13 с.
23. Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону : материалы для обычного права. М., 1885. Вып. 1. 432 с.
24. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
25. Peretyatko A.Y. N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” // *Russkii Arkhiv*. 2016. Vol. 14, is. 4. P. 301–320.
26. Peretyatko A.Y. N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. Part II // *Russkii Arkhiv*. 2017. Vol. 5 (1). P. 33–51.
27. Peretyatko A.Y. N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. Part III // *Russkii Arkhiv*. 2017. Vol. 5 (2). P. 142–158.
28. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867. М., 2005. 696 с.
29. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).

Peretyatko Artyom Y. Joint Laboratory of the International Network Center for Fundamental and Applied Research (Washington, USA) and Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

THE COSSACK ESTATE UTOPIA: COMMENTS OF KHOPEL DEPUTIES ABOUT THE NEW DRAFT OF “REGULATION OF THE ADMINISTRATION OF THE DON HOST” IN 1863

Keywords: Don Cossacks; social ideal of Don Cossacks; “Regulation of the administration of the Don Host”; H.I. Popov; reforms of the Don Cossacks in 1860s.

The social ideal of ordinary Cossacks of the second half of the XIX century has not attracted the attention of historians. This fact is determined by the specifics of the source base: it is difficult to reliably and explicitly identify the social ideal of the illiterate rural population in a state in which there were no representative authorities. But we found in the State archive of the Rostov region materials of the work of deputies from the Kхоper villages on a new version of the draft of “Regulation of the administration of the Don Host” in 1863. We will compare this detailed text with the information about the work of village deputies in other election commissions and try to restore some aspects of the Cossack social ideal.

In the article we show that deputies perceived the name “The Land of the Don Army” literally. They believed that the territory of the Don possess to the Cossacks. This was manifested in three spheres: the local administrative structure, the estate structure of society and the land tenure system. In the opinion of the Kхоper Cossacks, civil officials were to be elected, but exclusively from the Cossack class and a majority of votes to be given to the cadet deputies. The rights of non-Cossack estate groups in the Don and subestate groups of the Cossacks, who stood out from the mass (the Don Nobility and the Don Kalmyks), should seriously cut back in favor of ordinary Cossacks. Finally, the Don land should have literally possessed to the Don Host, and individual people could only be its temporary users. The deputies demanded a redistribution of land, the destruction of landlordism and the increase of the village yurts to the size of thirty tithes per capita. The new “Regulation of the administration of the Don Host” was to become unusual “Cossack Constitution”. Its text was supposed to legislate these changes. It would be impossible to make any correctives to this text without the permission of the Cossack deputies.

Social ideal of Cossacks contained some elements that seem progressive (elected officials, development of local self-government), but in general it is anticipated return to the late medieval social structure and, therefore, was the utopia that ignored the realities of the Russian Empire in the second half of the XIX century. At the same time, it was quite stable, and it was defended by elected representatives from the villages in a many public commissions in 1860–1890, which hampered the dialogue between the Cossacks and the government.

REFERENCES

1. Krasnov, I.I. (1865) *Bespomestnye i melkopomestnye chinovniki voyska Donskogo* [Incompetent and petty officials of the Don army]. *Russkii vestnik*. 58. pp. 329–351.
2. Volvenko, A.A. (2017) Don Atamans of the Age of “Great Reforms” (the 1860s – 1870s). *Russkaya Starina*. 8(1). pp. 34–54.
3. Peretyatko, A.Yu. (2017) “My nenavidim vseyu siloyu nashego serdtsa rabskiy proizvol, kotoryy tsarstvoval vo vsekhn chastyakh Vashego upravleniya”: o prichinakh nepopulyarnosti atamana M.I. Chertkova na Donu [“We hate with all the strength of our heart the slavish tyranny that reigned in all parts of your government”: the reasons for the unpopularity of Ataman M.I. Chertkova on the Don]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – Tomsk State University Journal of History*. 48. pp. 118–127. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/48/20
4. Grabbe, P.Kh. (1888). *Zapishnaya knizhka grafa P. Kh. Grabbe* [Notebook of Count P.H. Grabbe]. Moscow: M.G. Volchaninov.
5. *The State Archive of Rostov Region*.
6. Peretyatko, A.Y. & Zulfugarzade, T.E. (2017) Higher and Secondary Education of the Don Cossacks in the Context of the Epoch: the Time of the Great Reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2). pp. 367–377. DOI: 10.13187

7. Volvenko, A.A. (2006). Nerealizovannyi proekt Polozheniya o voyske Donskom [The unrealized draft of the Regulations on the Don Army]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza - Scientific Thought of Caucasus*. 1. pp. 20-24.
8. Volvenko, A.A. (2017) *Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskiy period (II pol. XIX – nach. XX vv.)* [Essays on the History of the Don Cossacks in the late imperial period (the 2nd half of the 19th – early 20th centuries)]. Rostov-on-Don: [s.n.].
9. Kornienko, B.S. (2013) *Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914)* [Right Don: Cossacks and the ideology of nationalism (1909–1914)]. St. Petersburg: European University.
10. Svatikov, S.G. (1924) *Rossiya i Don (1549 – 1917 gg.)* [Russia and the Don (1549 – 1917)]. Belgrad: [s.n.].
11. Volvenko, A.A. (2015). Chebotarev A.P. – “The Grey Cardinal” of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*. 15. pp. 106–114. DOI: 10.13187/hhct.2015.15.106
12. Kozlov, A.A. & Kozlov, A.I. (2000) Imperskaya politika ogosudarstvleniya, militarizatsii i zakreposhcheniya kazakov v XIX – nachale XX veka [The imperial policy of statehood, militarization and enslavement of Cossacks in the 19th and early 20th centuries]. In: Urusova, M.N. et al. *Kazachestvo: proshloe i nastoyashchee* [Cossacks: the past and the present]. Volgograd: [s.n.]. pp. 95–125.
13. Krasnov, N.I. (1863) *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voyska Donskogo* [Materials: for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Land troops Don.]. St. Petersburg: [s.n.].
14. Maslakovets, N.A. (1899). *Predstavlennye g. Predsedatelem komissii soobrazheniya po povodu dokladov gg. Mordvintseva, Biryukova i Donutskogo* [The views presented by the Chairman of the Commission on the reports of Messrs. Mordvintsev, Biryukov and Donitsky]. Novocheerkassk: [s.n.].
15. Peretyatko, A.Y. (2017). “Before Giving to the Nation or Tribe a New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order”: the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part II. *Bylye Gody*. 46. pp. 1401–1415.
16. Peretyatko, A.Y. (2017). “Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order”: the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I. *Bylye Gody*. 45. pp. 93–948.
17. Volvenko, A.A. (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoy politike epokhi “Velikikh reform”. (1860–1870 gg.) [The Don Cossacks in the government policy of the “Great Reforms”. (1860–1870)]. *Izvestiya Samarskogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk - Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 3. pp. 12–20.
18. Grazhdanov, Yu.D. (2015) *Vsevelikoe Voysko Donskoe v gody Grazhdanskoy voyny (1918-1919 gg.)* [The Great Don Army during the Civil War (1918–1919)]. Rostov-on-Don: Antei.
19. Volvenko, A.A. (2015) Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I [Cossackmania. The Don Case (1860). Part I]. *Russkaya Starina*. 13. pp. 19–37.
20. Peretyatko, A.Y. & Zulfugarzade, T.E. (2017) Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4). pp. 817-829. DOI: 10.13187/ejced.2017.4.81
21. Timoshchenkov, I.V. (1875). *Uryupinskaya stanitsa i prilegayushchie k ney mestnosti* [Uriupinsk stanitsa and adjacent areas]. Novocheerkassk: [s.n.].
22. Biryukov, V.Ya. (1899). *Doklad chlena Komissii V.Ya. Biryukova o vliyaniy voinskoy sluzhby donskikh kazakov na ikh khozyaystvennyy byt* [Biryukov about the influence of the military service of the Don Cossacks on their economic life]. Novocheerkassk: [s.n.].
23. Kharuzin, M.N. (1885) *Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava* [Information about the Cossack communities on the Don: materials for customary law]. Moscow: [s.n.].
24. The Russian State Military Historical Archive.
25. Peretyatko, A.Y. (2016). N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. *Russkii Arkhiv – Russian Archive*. 14. pp. 301–320. (In Russian). DOI: 10.13187/ra.2016.14.301
26. Peretyatko, A.Y. (2017a) N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. Part II. *Russkii Arkhiv – Russian Archive*. 5(1). pp. 33–51.
27. Peretyatko, A.Y. (2017b) N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. Part III. *Russkii Arkhiv – Russian Archive*. 5(2). pp. 142–158.
28. Milyutin, D.A. (2005) *Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1865–1867* [Memories of General-Field Marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1865–1867.]. Moscow: ROSSPEN.
29. Department of Manuscripts of the Russian National Library.

УДК 94(47).031

DOI: 10.17223/19988613/55/7

Е.И. Сорогин, В.В. Менщиков

МАМАЙ И ШИБАНИДЫ

Представлен анализ взаимоотношений Мамай и представителей династии Шибанидов в период «Великой Замятни». Анализ проводится на основании восточных источников, русских летописей, нумизматического материала, а также историографии. В результате исследования делаются выводы о бесконфликтных взаимоотношениях Мамай и большинства Шибанидов (за исключением взаимоотношений с Мюридом), а также отдельный вывод о взаимоотношениях с Азиз-шейхом. Причины конечного поражения Мамай также рассматриваются через призму взаимоотношений с Арапшей.

Ключевые слова: Мамай; Шибаниды; «Великая Замятня»; Азиз-шейх.

Золотая Орда в 60–70-е гг. XIV в. погрузилась в период многокомпонентного кризиса, вошедшего в историю как «Великая Замятня». В ходе «Великой Замятни» на ключевые политические позиции в 1361–1378 гг. выдвинулись, с одной стороны, представители династии Шибанидов, с другой – Мамай. Данная статья ставит своей целью рассмотреть взаимоотношения, сложившиеся между Мамаем и представителями династии Шибанидов.

Исследователи выделяют несколько причин, по которым Шибаниды вышли за пределы своего улуса и включились в борьбу за власть. В.В. Трепавлов считал, что одной из причин стали перемены в этническом составе улуса Шибанидов и приток кочевников-кипчаков вследствие развала Чагатайского улуса [1. С. 59]. Д.Н. Маслюженко делает предположение, что участие в борьбе за власть принимали те Шибаниды, которые или не имели своего крупного юрта, или имели его, но внутренние и внешние проблемы вынуждали их захватывать престол с помощью силы [2. С. 62].

Всего в 60–70-е гг. XIV в. в борьбе за власть в Золотой Орде приняли участие семь Шибанидов, чья династическая принадлежность определена – Хызр-хан, Тимур-ходжа, Мюрид, Азиз-шейх, Ильбек, Каганбек, Арабшах [3]. Из них Хызр-хан (как и Тимур-ходжа и Мюрид) автором относятся к потомкам Кадака, сына Шибана по линии Шибан–Кадак–Тола–Бука–Мангутай–Хызр-хан. Источники – и «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар», и «Нусрат намэ» – утверждают, что именно этот Хызр-хан имел сына, который его убил [4. С. 37, 350]. Это соотносится с дальнейшими событиями в Золотой Орде (убийством Хызр-хана его сыном Тимур-ходжей и убийством Тимур-ходжи братом Хызра Мюридом).

Мамай на первоначальном этапе «Великой Замятни» не выступает как самостоятельный политический деятель. В период правления Кульпы, Науруза и Хызра Мамай не противостоит сарайским ханам. Реконструировать взаимоотношения Кульпы и Науруза (1359–1361) с Мамаем на основании современной источниковой базы не представляется возможным (как и династическую принадлежность этих двух ханов). Хызр-хан,

исходя из сообщений Утемиш-ходжи и «Анонима Искандера», был приглашен на престол. Утемиш-ходжи описывает события следующим образом: «Тай-Туглыбегим, которая была знаменита, жена Узбек-хана [и] мать Джанибек-хана – была жива в то время, [когда] не осталось никого из потомства Саин-хана. Сказала [тогда] упомянутая бегим: “Теперь ханство и юрт достанутся потомству Шайбан-хана”. Был в то время сын Мангутая из потомства Шайбан-хана, [которого] звали Хызр-оглан. Юрт Мангутая, назначенный [ему] Саин-ханом, находился в [местности] под названием Ак-Куль. Мы упоминали уже выше, почему [Мангутай] отделился от прочих огланов [Йочи] и находился в своем юрте. Одним словом, упомянутая бегим призвала Хызр-оглана и сделала [его] ханом на троне Саин-хана в вилайете Сарая» [5. С. 110]. «Аноним Искандера» сообщает, что Хызр-хан пришел к власти в результате заговора знати и убийства ею предыдущего хана [6. С. 130]. Таким образом, в восточных источниках Хызр-хан фигурирует как приглашенный (поставленный знатью) хан из династии Шибанидов (в отличие от русских летописей, где Хызр-хан является завоевателем и даже убийцей Науруза). За приглашением, очевидно, стояла как Тайдула-хатун, так и часть знати, включая Мамай (судя по тому, что в источниках нет упоминаний о противостоянии Мамай и Хызра). Утемиш-ходжи сообщает о попытке Тайдулы связать себя замужеством с Хызр-ханом, но в иных источниках упоминаний об этом нет [5. С. 113]. Однако и восточные авторы, и русские летописи однозначно сходятся во мнении, что именно Хызр-хан убил Тайдулу [5. С. 113; 7. С. 286].

Мамай в конфликте Хызр-хана и Тайдулы занял, видимо, либо нейтральную позицию, либо поддерживал Тайдулу. Косвенным доказательством этого является тот факт, что в Азове чеканились монеты Кильдебека, одного из ставленников Тайдулы, которого она, по сообщениям Утемиш-ходжи, хотела возвести на престол [5. С. 113]. После убийства Тайдулы-хатун Мамай не стал открыто выступать против Хызр-хана (возможно, просто не успел). Хызр-хан был убит своим сыном Тимур-ходжей. Последний, видимо, не имел вообще никакой поддержки традиционной «золотоордынской» знати,

правил недолго (в источниках от 3 дней до 5 недель), монеты с его именем встречаются только в Новом Сараяе [8. Табл. 1], хотя на них он фигурирует с титулом «хан» [9. С. 106]. Именно после убийства Хызр-хана Мамай поднимает мятеж, и часть знати присоединяется к нему. Тем временем Тимур-ходжа был убит, и в Новом Сараяе воцарился Мюрид (брат Хызр-хана).

Причины мятежа Мамай до сих пор остаются под вопросом. Р.Ю. Почекаев считает, что причиной стал переворот в Синей Орде, когда Тенгиз-Бука, глава киятов, был убит Тука-Тимуридами, и таким образом, потеряв поддержку в Синей Орде, Мамай был вынужден откочевать на запад [10. С. 124]. По мнению автора, основной причиной стал тот факт, что Шибаниды, пришедшие к власти в результате поддержки традиционной «золотоордынской знати», попытались эту знать отстранить от власти. Мамай, который после смерти Тайдулы оставался наиболее влиятельной фигурой среди старой аристократии, был против этого. С Тимур-ходжой, убийцей Хызр-хана, договоренности, очевидно, достигнуты не были. При этом Мамай, по сообщениям русских летописей, восстал против власти Тимур-ходжи не сразу же после убийства Хызр-хана, как должно было быть, если бы Мамай является его сторонником, а только через 7 дней. Ушли ли эти 7 дней на подготовку мятежа или на попытки переговоров с Тимур-ходжой, нам неизвестно, но именно действия Тимур-ходжи, а затем Мюрида привели к тому, что единое военно-политическое пространство Золотой Орды вскоре раскололось на «Мюридову» и «Мамаеву» Орду [11. С. 233; 7. С. 73–74].

Сложным остается вопрос взаимоотношений Мамай и Кильдебек. А.П. Григорьев считал Кильдебек противником Мамай, выразителем интересов оппозиции, возглавляемой Яглыбаем, знати, недовольной пришедшими с Востока Джучидами. Причем в основе конфликта лежал конфликт между старинным тюркским племенем канглы (откуда происходил Яглыбай) и изначально монгольским племенем кыйат (откуда происходил Мамай) [12. С. 145]. При этом, по мнению А.П. Григорьева, именно Мамай выбил Кильдебек из Сарая, а уж затем сам был изгнан Мюридом [12. С. 146–147].

Однако данная точка зрения противоречит сообщениям русских летописей, согласно которым Кильдебек был убит Мюридом. Рогожский летописец рассказывает: «В Орде тако бысть замятия, Хидырев сын Мурут на единой стороне Волги, а на другой Кильдебек и межи их бысть сеча и Кильдебек убили» [7. С. 290]. Новгородская летопись просто упоминает: «И ин(ь) ц(а)рь Вкिल्дибик, тои многих поби, а последи ж(е) самъ убьен бысть» [13. С. 121]. Можно согласиться с тезисом Р.Ю. Почекаева о поддержке Кильдебек Яглыбаем и примкнувшим к ним Мамаем [10. С. 125].

Достоверно известно, что с приходом Мюрида, брата Хызра, в Золотой Орде определилась расстановка сил. Территория Золотой Орды по правому берегу Волги контролировалась Мамаем, левобережье Волги

оставалось за сарайскими ханами. При этом Мамай выступает основным противником Мюрида. И.М. Миргалеев полагает, что причиной противостояния Мамай и Мюрида является то, что последний выступил против эмиров Ак Орды [14. С. 697]. Сам Мюрид исчезает со страниц русских летописей в 1363 г. Именно в этот момент заканчивается чеканка его монет в Новом Сараяе [8. С. 20]. М.Г. Сафаргалиев ошибочно полагает данную дату датой смерти Мюрида и со ссылкой на «Аноним Искандера» приводит обстоятельства смерти Мюрида (якобы он был убит старшим эмиром Ильясом) [15. С. 386]. Однако, даже если факт убийства имел место, Мюрид был убит не в 1363 г., а позже, так как в Гюлистане сохранились его монеты, отчеканенные в 1364 г. [8. С. 36]. Очевидно Мюрид был изгнан из Нового Сарая и некоторое время продолжал править в Гюлистане.

Таким образом, можно сделать вывод, что в ходе событий 1361–1362 гг. происходит серьезная трансформация взаимоотношений Мамай и Шибанидов. Если в 1361 г. Мамай вместе с Тайдулой-хатун поддержал приход Хызр-хана к власти, то позднее, в результате политики Хызра, а затем действий его сына Тимура, его точка зрения меняется. Очевидно, идея передачи власти Шибанидам как просто «чингизидам» (которая скорее характерна для представителей монгольского племени кыйат) в среде местной аристократии уступила идее передачи власти представителям «алтан уруг», легитимность которых привязывалась исключительно к «батуидам» (в частности, Абдулла фигурирует как потомок Узбек-хана).

Следующим Шибанидом, который вмешался в борьбу за престол в Золотой Орде, является Азиз-шейх. Его династическая принадлежность долго оставалась спорной (в частности, Стэнли Лэн-пуль относил его к Тукатимуридам, М.Г. Сафаргалиев – к Ордаичеидам). В последних исследованиях Азиз-шейх относится к Шибанидам по линии Шибан–Сайилкен–Кутлук–Тимур–Боралди–Балык-оглан–Тун-Ходжа-олан–Азиз-Баба [16. С. 375; 17. С. 37; 18. С. 38–39].

Азиз-шейх ориентировочно правил в 1364–1367 гг. В этот период его монеты чеканились в Гюлистане, Сарай ал-Джедиде и даже в Азове [8. С. 36]. Наиболее интересным является тот факт, что ни в русских летописях, ни в восточных источниках мы не находим никакого упоминания о военных столкновениях Мамай и Азиз-шейха (хотя восточные источники, за исключением «Анонима Искандера», вообще игнорируют фигуру Азиз-шейха). Более того, Азиз-шейх начал активно налаживать контакты с русскими князьями (в частности, на Русь были последовательно направлены послы Оурусманды и Барам-ходзя). На Руси в этот период наиболее влиятельным князем становится Дмитрий Иванович, будущий «Донской», которого поддерживал Мамай. Азиз направил ярлык на великое княжение сначала Дмитрию Константиновичу Суздальскому (тот отступает в пользу Дмитрия Ивановича Московского), затем ярлык на княжение в Нижнем Новгороде Борису Константиновичу (но тот также без боя уступает Дмитрию

Ивановичу и Дмитрию Константиновичу). Обычно исследователи трактуют этот факт как доказательство противостояния Азиз-шейха и Мамаю. Р.Ю. Почекаев так писал об этих событиях: «Абдаллах с подачи Мамаю выдал ярлык на Нижний Новгород Дмитрию Константиновичу Суздальскому – в противовес ярлыку, выданному Азиз-Шейхом Борису Константиновичу, брату Дмитрия. Таким образом, Мамай и “его” хан демонстрировали, с одной стороны, противостояние сарайскому монарху, с другой – поддержку своему вассалу и союзнику Дмитрию Московскому, который к этому времени помирился и даже породнился с Дмитрием Суздальским» [10. С. 55]. Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский прямо называли Азиз-шейха противником Абдаллаха [19. С. 278]. Но при этом данные исследователи игнорируют тот факт, что обладатели ярлыков от разных ханов не решились на военное столкновение (хотя такие столкновения были обычной практикой).

Далее Р.Ю. Почекаев пишет, что в 1365–1367 гг. Мамай провел скрытную работу, в результате которой подкупленные эмиры Азиз-шейха зарезали его прямо в постели, имя его дискредитировали, а Абдаллах и Мамай беспрепятственно заняли Сарай [20. С. 56].

Доказательств причастности Мамаю к убийству Азиз-шейха на данный момент нет. «Аноним Искандера» утверждает, что Азиз-шейх был зарезан из-за скверных обычаев, которые он установил три года спустя после начала правления [6. С. 130], но доказательств, что слухи об этих обычаях были пущены эмиром, нет. При всем скептицизме в отношении «Анонима Искандера» как объективного источника, данная хронология подтверждается и нумизматическими данными, и русскими летописями [7. С. 73, 86; 8. С. 36].

Нами последовательность взаимоотношений Мамаю и Азиз-шейха интерпретируется следующим образом. Азиз-шейх пришел к власти, прежде всего, как ставленник городской аристократии. Привязка имени Азиза к Сейид-Ате (возможно, потомку сейида, обратившего Узбека в ислам), наличие приставки «шейх» говорит о том, что Азиз-шейх нашел поддержку также и у исламских проповедников [6. С. 130]. Косвенным подтверждением этого факта является то, что монеты Азиза начинают чеканиться в Азове, Новом Сарае, Гюлистане. Фактически Азиз-шейх выступает компромиссной фигурой, с которой были согласны все ключевые стороны конфликта. Мамай и Абдаллах как минимум сохраняли нейтралитет, не пытаясь захватить Новый Сарай или Азов, может даже и поддерживали Азиз-шейха, возможно, видя в нем лидера, который реально сможет восстановить могущество Золотой Орды. Азиз-шейх к 1367 г. укрепился во власти и даже смог назначить в Волжскую Булгарию своего ставленника Хасана. Но попытка привлечь на свою сторону степную знать, вернувшись к старым обычаям, была пресечена городской знатью. В этих условиях Мамай и Абдаллах просто занимают престол в Новом Сарае, воспользовавшись отсутствием сильного кандидата.

Во взаимоотношениях Азиза и Мамаю есть один спорный момент, связанный с ярлыком Бюлека от 1379 г., где Бюлек и Мамай, подтверждая права русской православной церкви, ссылаются на ярлык Азиза: «Пред Чингис царь, а после того цари Азиз, Берендебек» [21. С. 198]. Кроме того, известны монеты, на которых выбито имя «Азиз Джанибек хан», датированные 767 г. хиджры (1365–1366 гг.). А.П. Григорьев считает, что в ярлыке речь идет либо о транскрипции имени Джанибек, либо вообще о приставке к имени Бердибек, а монеты просто неправильно интерпретированы, перепутаны 6 и 7 [8. С. 40]. Нами же поддерживается точка зрения Р.Ю. Почекаева, согласно которой Азиз Джанибек, так же как и Азиз-ходжа, Азиз-шейх, Азиз Баба, относится к одному из имен хана Азиза [16. С. 375]. С учетом того, что «Джанибек» с тюркского переводится как «властитель жизни, властитель мира», в отношении Азиза определение «Джанибек» может выступать не только как личное имя, но и как одна из форм титулования. В русских летописях хан Джанибек, правивший с 1342 по 1357 г., никогда не упоминается под именем Азиз.

После смерти Азиз-шейха следующим Шибанидом, который вмешивается в борьбу за престол в Новом Сарае, становится Ильбек (Ибак, Эльбек). Ильбек являлся сыном Минг-Тимур-хана, сына Бадагула, сына Джочи-Буки, сына Бахадура, сына Шибан-хана [4. С. 34]. Махмуд Бен Вали писал, что Ибак (Эльбек) был старшим сыном Минг-Тимур-хана, причем сыном от законной жены «из потомков Самана» [Там же. С. 348]. Однако власть Минг-Тимур-хана перешла к сыну от одной из наложниц. В этих условиях Эльбек, очевидно, вступает в борьбу за престол в Новом Сарае, по сути, лишившись возможности править в улусе Шибанидов. Сама деятельность Ильбека, как и его сына Каганбека, крайне слабо освещена в источниках. Ибн Халдун пишет о вражде Ильбека и Каганбека с Ходжи-Черкесом и Урус-ханом [22. С. 391]. А.П. Григорьев на основании монетного материала считает, что Каганбек владел Новым Сараем как минимум с 1375 по 1377 г. [8. С. 45–46]. Мамай в этот период также ведет активную борьбу с Урус-ханом, но, несмотря на общего противника, информации о союзнических отношениях Мамаю с Ильбеком и Каганбеком нет. Утемиш-ходжи, описывая события данного периода, упоминает о попытке Тохтамышя привлечь Каганбека к борьбе с Мамаем: «Через несколько дней [Тохтамыш-оглан] передал через своих инаков [Кан-баю]: “Хан-владыка – и отец мне, и старший брат. Мой долг – рубить за него саблей. Черный человек Мамай завладел всем народом. Встал бы [Кан-бай] во главе нас, да пошли бы мы на него [Мамай] походом. Лишь только б выдал нам Господь Всевышний его, превеликим ханом стал бы [Кан-бай], да и мы обзавелись бы конями и шубами”. И Кан-бай, услышав эти слова, поначалу наладился выступить в поход, [но] потом снова устроил еще раз совет и отменил поход» [5. С. 117–118]. Исходя из данного текста, можно сделать вывод, что

Тохтамыш был готов признать верховенство Каганбека – «превеликим ханом мог бы стать» – (родители Каганбека были из знатных семей – отец из Чингизидов, мать из династии Саманидов), но только в случае разгрома Мамаю. Каганбек же просто не пошел на конфликт с Мамаем.

В 1377 г. в Золотой Орде появляется племянник Ильбека и двоюродный брат Каганбека Арабшах. Русские источники так пишут об этом событии: «В год 6885 (1377). В этом же году перешел из Синей Орды за Волгу некий царевич по имени Арапша, и захотел он пойти ратью на Нижний Новгород... А в то самое время поганые князья мордовские подвели тайно рать татарскую из мамаевой Орды на князей наших. В том же году пришёл прежде названный царевич Арапша, и повоевал, и пожёг тогда Заурусье» [23. С. 152–153]. В русской историографии Арапша традиционно выступает союзником Мамаю. Данная точка зрения базируется как на сообщении Никоновской летописи, что «перебежа из Синие Орды за Волгу некий царевич, именем Арапша, в Мамаеву Орду Воложскую» [24. С. 27], так и на том, что Арапша сыграл не последнюю роль в разгроме русских на реке Пьяне в 1377 г. Хотя Р.Ю. Почекаев считает, что разгром русских на реке Пьяне был скорее стечением обстоятельств, когда из-за «замешкавшегося» Арапши русские князья, получившие известие, что он стоит Волчьих водах, расслабились и были разгромлены войсками из мамаевой Орды [10. С. 150–151]. Тем не менее на основании анализа источников говорить о конфликте Мамаю и Арапши на том этапе мы не можем. При этом впоследствии у Утемиш-ходжи мы встречаем прямое указание, что некий Араб-оглан, родной брат

Каганбека, оказал существенную помощь Тохтамышу в борьбе с Мамаем, за что Тохтамыш пожаловал Араб-оглану «весь народ, принадлежавший Шайбан-хану» [5. С. 118].

Здесь можно предположить, что Мамай не предполагал в Арапше серьезного противника или надеялся, что, как и в случае с другими Шибанидами (за исключением Мюрида), между Арапшей и Мамаем будет сохраняться нейтралитет. Однако Арапша, захватив Новый Сарай в 1378 г., предпочел (в отличие от своего брата Каганбека) поддержать Тохтамыш в борьбе с Мамаем. Этот факт в сочетании с поражением в Куликовской битве привел к гибели Мамаю и объединению Золотой Орды под властью Тукатимурида Тохтамыша.

Подводя итог рассмотрению взаимоотношений Мамаю и Шибанидов можно сделать следующие выводы:

1. В источниках практически нет упоминаний о том, что Мамай первым инициировал конфликты с Шибанидами, пытавшимися захватить власть в Золотой Орде. Да и сами конфликты были ограничены боевыми столкновениями только с одним Шибанидом – Мюридом, который выступил против эмиров Ак Орды.

2. Мамай не конфликтовал с Азизом, правившим в Новом Сарае на протяжении трех лет. Более того, чеканка Азизом монет в Азове, а также ссылка в ярлык 1379 г. Бюлеком на Азиза свидетельствует о том, что Мамай признавал власть Азиза, а Новый Сарай был им захвачен только после того, как Азиз был убит в результате заговора городской знати.

Мамай не предусмотрел возможности союза Шибанида Арапши и Тукатимурида Тохтамыша, что в конечном счете и стало одним из факторов поражения Мамаю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М. : Вост. лит., 2002. 752 с.
2. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2008. 168 с.
3. Сорогин Е.И. К вопросу о генеалогии ханов Золотой Орды в период «Великой Замятни». URL: <http://pravitelimira.ru/portal/node/145>
4. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. Алма-Ата : Наука, 1969. 655 с.
5. Утемиш-ходжи. Чингиз-намэ. Алма-Ата : Гылым, 1992 г. 296 с.
6. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды : взвращения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М. –Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2.
7. Полное собрание русских летописей. М. : ЯСК, 2000. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. 432 с.
8. Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. 1983. Вып. VII. С. 9–54.
9. Сабитов Ж.М., Рева Р.Ю. Сравнение сведений «Муизз ал-Ансаб» и «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» о ханах Улуса Джучи с данными нумизматики // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 102–114.
10. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб. : Евразия, 2010. 408 с.
11. Полное собрание русских летописей. М. : ЯСК, 2000. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. 248 с.
12. Григорьев А.П. Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования // Тюркологический сборник. 2006. М. : Вост. лит., 2007. С. 117–168.
13. Полное собрание русских летописей. М. : ЯСК, 2004. Т. 43: Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. 367 с.
14. Золотая Орда в мировой истории. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.
15. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М. : ИНСАН, 1996. 768 с.
16. Почекаев Р.Ю. Аннотированный список имен // Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М. : АСТ : АСТ Москва, 2007. 445 с.
17. Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды : каталог-определитель. М. : Москва, 2005. 80 с.
18. Сорогин Е.И. Хан Азиз и его роль в «Великой Замятне» // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всерос. науч. конф. Курган, 2014. С. 38–40.
19. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.
20. Почекаев Р.Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб. : Евразия, 2010. 288 с.
21. Полное собрание русских летописей. М. : ЯСК, 2005. Т. 20: Львовская летопись. 896 с.
22. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / под ред. В.Г. Тизенгаузена. СПб., 1884. Т. 1.
23. Воинские повести Древней Руси. Л. : Лениндат, 1985. 495 с.
24. Полное собрание русских летописей. М. : ЯСК, 2000. Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. 264 с.

Sorogin Evgeniy I. Kurgan State University (Kurgan, Russia). E-mail: jospen@mail.ru

Menshchikov Vladimir V. Kurgan State University (Kurgan, Russia) E-mail: oid@kgsu.ru

MAMAI AND SHIBANIDS

Keywords: Mamai; Shibanids; “Great Zamyatnya”; Aziz-Sheikh.

In the present research we analyze the relations between Mamai and Shibanids, who were the pretenders to the supreme power in Golden Horde during “Great Zamyatnya” period. The selection of this research objectives is due to the fact that Shibanids were the most active participants in the struggle for the throne in the New Saray. In previous studies the author identified 17 khans parties of “Great Zamyatnya” – Culpa, Nauruz, Khizir-Khan, Timur-hodge, Ordumelik, Kildebek, Murid, Hair-Pulad, Aziz-Sheikh, Abdullah, Bulek, Hadg-Cherkes, Ilbek, Kaganbek, Urus-Khan, Arapsha, Tokhtamysh. 7 of them belong to the Shibanids khans (Khizir-Khan, Timur-hodge, Murid, Aziz-Sheikh, Arapsha, Ilbek, Kaganbek), 3 of them belong to the Tukatimurids khans (Hair-Pulad, Urus-Khan, Tokhtamysh), genealogy of the other khans is unknown.

The major information sources are Eastern sources (persian and arabic chronicles, collected by V. G. Tizengauzen; the works of Mahmoud ben Emir-Wali), Russian Chronicles (“Rogozhsky chronicle”, “Patriarchal chronicle”, “Novgorod chronicle”, “Lviv chronicle”) and numismatics data (materials published by A.P. Grigoriev and R.Z. Sagdeeva). The cross-sectional analysis of three types of sources allows to determine the most objective picture of the relations between Mamai and Shibanids.

As a result of the research it was found out that initially Mamai participated in the invitation to the throne by the first of Shibanids – Khizir-Khan, and the rebellion was raised only when Khizir-Khan was killed by his son. Mamai’s military conflict during the “Great Zamyatnya” period was only with one of the Shibanids – Murid. Mamai supported Aziz-Sheikh (who ruled for 3 years), his coins were minted in Azov, Mamai referred to him in one of the labels cited in the “Lviv chronicle” (where the name Aziz-Sheikh stands next to the name of Berdibek). With Ilbek Mamai do not conflict, having a common enemy – Urus-Khan. The Kaganbek, despite the call by Tokhtamysh, also did not go to the conflict with the Mamai (although at the same time, Tokhtamysh was ready to recognize the Kaganbek as “Great Khan”). With the arrival of Shibanid Arapsha - the allied Mamai Mordovian princes acted together with him, however Arapsha subsequently preferred an alliance with Tukatimurid Tokhtamysh. This alliance, as well as Battle of Kulikovo, led to the final defeat of Mamai.

These conclusions allow us to make a reevaluation of Mamai’s role in the events of “Great Zamyatnya”, because traditionally in Russian historiography it is believed that Mamai was in conflict with all pretenders to the throne. In fact, the main destabilizing factor in the politics of the Golden Horde in this period was not Mamai (who was trying to unite the Horde under the authority of either controlled Khan or someone from the Shibanids), and the urban aristocracy and Tukatimurids. A member of the Tukatimurids dynasty Tokhtamysh had won.

REFERENCES

1. Trepavlov, V.V. (2002) *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow: Vostochnaya literatura.
2. Maslyuzhenko, D.N. (2008) *Etnopoliticheskaya istoriya lesostepnogo Pritobol'ya v srednie veka* [Ethnopolitical history of the forest-steppe Tobol area in the Middle Ages]. Kurgan: Kurgan State University.
3. Sorogin, E.I. (2005) *K voprosu o genealogii khanov Zolotoy Ordy v period "Velikoy Zamyatni"* [On the genealogy of the Golden Horde khans in the period of the “Great Distemper”]. [Online] Available from: <http://pravitelimira.ru/portal/node/145>.
4. Suleimenov, B. (ed.) (1969) *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV – XVIII vv.* [Materials on the History of Kazakh Khanates in the 15th – 18th centuries]. Alma-Ata: Nauka.
5. Anon. (1992) *Utemish-khodzhi. Chingiz-name* [Utemish-Haji. Chingiz-nam]. Alma-Ata: Fylym.
6. Tizengauzen, V.G., Romaskevich, A.A. & Volinyi, S.L. (eds) (1941) *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy: Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinyim* [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde: Extracts from Persian works, collected by V.G. Tiesenhausen and processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volynym]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
7. Anon. (2000) *Rogozhskiy letopisets. Tverskoy sbornik* [Rogozhsk Chronicles. The Tver Collection]. Vol. 15. Moscow: Yazyki russkoy kultury.
8. Grigorev, A.P. (1983) *Zolotoordynskie khany 60-70-kh godov XIV v.: Khronologiya pravleniy* [The Golden Horde Khans of the 1360-70s: Chronology of the Rule]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki*. 7. pp. 9–54.
9. Sabitov, Zh.M. & Reva, R.Yu. (2016) A comparison of information about the Jochid Khans contained in “Mu’izz Al-Ansab” and “Tavarikh-i Guzida-i Nusrat-Nama” with the numismatic data. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 1. pp. 102–114. (In Russian).
10. Pochekaev, R.Yu. (2010) *Tsari Ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordy* [The Tsar of the Horde. Biographies of khans and rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg: Evraziya.
11. Bychkov, A.F. (ed.) (2000) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 10. Moscow: Yazyki russkoy kultury.
12. Grigorev, A.P. (2007) *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy: mestopolozhenie gorodov, ikh naimenovaniya* [Historical geography of the Golden Horde: the location of cities, their names]. In: Klyashtorny, S.G. & Sultanov, T.I. (eds) *Tyurkologicheskii sbornik* [Turcologica]. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 117–168.
13. Novikova, O.L. (ed.) (2004) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 43. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur.
14. Mirgaleev, I.M. & Khautala, R. (2016) *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan': Institute of History.
15. Safargaliev, M.G. (1996) *Raspad Zolotoy Ordy* [The Golden Horde collapse]. In: Muslimov, I.B. (ed.) *Na styke kontinentov i tsivilizatsiy* [At the crossroads of continents and civilizations]. Moscow: INSAN.
16. Pochekaev, R.Yu. (2007) *Annotirovannyi spisok imen* [Annotated list of names]. In: Sultanov, T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [Genghis Khan and the Chingizid. Fate and Power]. Moscow: AST.
17. Sagdeeva, R.Z. (2005) *Serebryanye monety khanov Zolotoy Ordy. Katalog-opredelitel'* [Silver coins of the Golden Horde Khans. The Ranging Catalogue]. Moscow: Moskva.
18. Sorogin, E.I. (2014) [Khan Aziz and his role in the “Great Distemper”]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri* [History, economics and culture of medieval Turkic-Tatar states in Western Siberia]. Proc. of the Second All-Russian Conference. Kurgan. pp. 38–40. (In Russian).
19. Grekov, B.D. & Yakubovskiy, A.Yu. (1950) *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and Its Fall]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
20. Pochekaev, R.Yu. (2010) *Mamai. Istoriya "antigeroya" v istorii* [Mamai. The story of the “anti-hero” in history]. St. Petersburg: EVRAZIYA.
21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 20. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur.
22. Tizengauzen, V.G. (1884) *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde]. St. Petersburg: [s.n.].
23. Ponyrko, N.V. (ed.) (1085) *Voinskie povesti Drevney Rusi* [Old Rus Martial Tales]. Leningrad: Lenizdat.
24. Platonov, S.F. (ed.) (2000) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 11. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur.

УДК 947

DOI: 10.17223/19988613/55/8

А.В. Сушко

К ОЦЕНКАМ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ В МАСШТАБАХ МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЙ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-00421.

Статья посвящена оценкам значения революции в России в масштабах мировой и национальной историй в течение XX – начала XXI в. Поддерживается точка зрения о наличии единой Русской революции, в ходе развития которой были Февраль и Октябрь как ее важнейшие этапы. Победившие в ходе революции в России большевики предложили человечеству идею, позволившую Русской революции заслуженно получить статус «Великой» революции в мировой истории. Это была идея «социальной справедливости». В то же время Русская революция, не выработав национальной идеи, для русского народа стала катастрофой. Автор приходит к выводу, что в современных условиях социалистическая идея имеет политическую перспективу в случае ее сочетания с национальной идеей, способной активизировать созидательный потенциал русского народа.

Ключевые слова: революция в России; Русская революция; Февральская революция; Октябрьская революция, социализм.

Революцию в России историки традиционно называют «Великой». При этом на протяжении XX столетия толкование величия революции изменялось. В марте 1917 г. русская либеральная и социалистическая интеллигенция в большинстве с восторгом встретила отречение императора Николая II от престола. Исследовавший эмоциональную атмосферу Февраля В.Б. Аксенов отмечает, что «радостно принявшие революцию современники назвали ее первые недели “медовым месяцем”, развивая тем самым аллгорию России-невесты, обвенчавшейся со свободой. Другие окрестили февральские дни “великой бескровной революцией”» [1. С. 19]. После победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и утверждения в результате кровавой Гражданской войны у власти большевиков свет Февраля померк, и «Великим» стал Октябрь. В советской историографии за ним закрепилось официальное название «Великая Октябрьская социалистическая революция». Крах коммунистической партии и распад СССР в общем не поколебали оценки величия революции в России в профессиональном сообществе современных отечественных историков. Однако оценки этого величия стали разными. Историки-либералы стали говорить о величии Февраля, историки социалистических взглядов продолжают писать о Великом Октябре, большинство же отечественных историков стали говорить об одной Великой Русской / Российской революции и, соответственно, ее февральском и октябрьском этапах. Подтверждением сказанному служат материалы круглого стола «Революция 1917 года в России: причины и предпосылки», состоявшегося 1 марта 2017 г. в Новосибирске. Его соорганизаторами были Институт истории Сибирского отделения РАН и Новосибирский государственный университет. Ведущие сибирские историки дали однозначный утвердительный ответ на поставленный вопрос. Директор Сибирского института управления РАНХиГС С.Р. Сверчков, председатель отделения

Российского исторического общества в Новосибирске, заявил, что «Великая Российская революция – главное событие XX века для нашей страны и для всего мира». Заведующий сектором ИИ СО РАН, профессор НГУ В.И. Шишкин подчеркнул, что «Февральская революция 1917 года – это выдающееся событие, это событие не только российской, но и мировой истории, это великая революция, это народная революция» [2].

В пользу понимания единства революции в России, где в 1917 г. было не две, а одна революция, приведем два аргумента. Во-первых, признание единства революции соответствует смысловому содержанию понятия «революция», отражающему масштабный процессуальный характер события, имеющего внутренние этапы развития. Германские исследователи, стоявшие у истоков научного направления «история понятий», проанализировав появление и содержание понятия «революция», пишут: «Новое понятие обладало способностью поднимать “беспорядки”, “войну”, “гражданскую войну” над уровнем чисто теологического, чисто юридического или чисто политического толкования и помещать их в контекст большой временной протяженности». При этом они подчеркивают, что «только с появлением слова “революция” в его “физико-политическом значении” было найдено такое понятие, которое демонстрировало необходимость самих этапов протекания процесса» [3. С. 616–617]. Во-вторых, точка зрения об одной революции в России (революционном процессе, составными частями которого являются Февраль и Октябрь) исключает возможность считать Февраль или Октябрь (в зависимости от политических предпочтений) «плохой революцией» – ошибкой исторического развития.

В этой связи важно, что современники разных убеждений, пережившие революцию, в основном не разделяли Февраль и Октябрь. Один из главных творцов Октября Л.Д. Троцкий настаивал на том, что «Февральская

революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции» [4. С. 24]. Его идеологический оппонент, известный русский эмигрантский историк А.А. Керсновский утверждал, что «русская революция представляет одно и нераздельное и неразрывное целое». Историк, справедливо критикуя точку зрения о «хорошем» Феврале и «плохом» Октябре, возлагал вину за трагедию русского народа в первую очередь на политиков Февраля, не снимая ответственности за историческую драму русского народа и с Октября. Он писал: «Вина Ленина, зря погубившего тридцать миллионов русских жизней, огромна. Но еще больше ответственность Керенского, давшего возможность Ленину погубить эти тридцать миллионов жизней. Это самая страшная ответственность, какую знает История...» [5. С. 327–328]. В большинстве своем современные российские историки также поддерживают точку зрения о едином революционном процессе в России. Например, С.В. Тютюкин на круглом столе, посвященном 90-летию революции в России, состоявшемся в Институте российской истории РАН, говорил: «Революционные события 1917 г. и ряда последующих лет включают в себя: свержение царизма и провозглашение России демократической республикой, установление и упрочнение советской власти и Гражданскую войну, закрепившую победу большевиков, действовавших от имени рабочих и беднейших крестьян. Таким образом, мы можем говорить о Великой российской революции 1917–1921 гг. – великой по своим масштабам, глубине произошедших в ее результате социально-политических трансформаций, последствий и всемирному значению» [6. С. 171].

В современных условиях для России актуально внутреннее самопознание Русской революции в интересах настоящего и будущего общественно-политического развития страны. В декабре 2016 г. Президент России В.В. Путин в послании к Федеральному Собранию об этом сказал следующее: «Наступающий, 2017 год – год столетия Февральской и Октябрьской революций. Это весомый повод еще раз обратиться к причинам и самой природе революций в России. Не только для историков, ученых – российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий» [7]. Принимая во внимание неоднократно менявшиеся в отечественной историографии и историческом сознании россиян оценки революционных событий в России, в год столетия Русской революции правомерно поставить вопрос об основаниях, дающих право утверждать о величии Русской революции в мировой и отечественной истории.

Если оценивать Русскую революцию в масштабах мировой истории, то ее величие, обусловленное влиянием революционных событий на развитие человечества, не вызывает сомнений. Современные историки связывают Русскую революцию с развитием ситуации в мире – с вызовом модерна, исходившего от Запада. В.Б. Шепелева пишет: «Для России к 1917 г. обозначилась крайне

сложная ситуация: жесткий вызов эпохи модернизации совместился с разворачиванием в мире “эпохи осознанной необходимости” – ее требований. И Первая мировая война заставила ведущие страны-участницы действовать в рамках нового алгоритма – “осознанной необходимости” – посредством системы ГМК. Уточним: монополистический капитализм уже фактически, по необходимости, есть вступление в “эпоху осознанной необходимости”. На гносеологическом уровне марксизм, по определению Зб. Бжезинского, кладет конец “эпохе исторической бессознательности”. А в России А.И. Герцен впервые в мире формулирует идею выбора пути исторического развития – сущностную идею “эпохи осознанной необходимости”, идею, как бы из недр сегодняшней постнеклассики» [8. С. 38]. М.А. Фельдман подчеркивает связь Октября с глобальными процессами. Он отмечает, что «понимание Октябрьской революции как части мирового процесса социального освобождения выводит и на признание того, что весь советский проект – составная часть подобных трансформаций не только в научной, технологической, технической, военно-технической, но и в социальной сфере в широком понимании этого термина» [9. С. 172].

По влиянию на мир в XX в. революционные события в России уступают только двум мировым войнам. Победившие в ходе революции в России большевики предложили человечеству идею, позволившую Русской революции заслуженно получить статус «Великой» революции в мировой истории. Это была идея «социальной справедливости». В результате победы социалистической революции в России большая часть истории XX в. определялась борьбой российской цивилизации (в образе СССР), начертавшей на своих знаменах идею «социальной справедливости», с либеральным капиталистическим Западом. Об этом выдающийся британский историк Арнольд Тойнби писал: «С момента коммунистической революции, последовавшей за либеральной революцией 1917 г., Россия бросила вызов Западу, какого он не знал со времен второй оттоманской осады Вены в 1683 г. Коммунистический российский вызов Западу был не только вызовом господству Запада над всем остальным миром; это был также вызов западному либерализму от имени западной идеологии, которая теперь стала действенной силой в великой незападной стране. Под предводительством России коммунизм вознамерился соревноваться с либерализмом за умы и сердца незападного большинства человечества, которые еще не предались ни одному из двух этих соперничающих жизненных путей. Российский коммунизм также бросил вызов либерализму на его родной земле, в западных странах» [10. С. 220]. Долгое время исход этой борьбы был не ясен. Но поражение СССР в холодной войне в значительной мере обесценило значение Русской революции в мировой истории, серьезно ударив по популярности социалистической идеи во всем мире.

Если оценивать революцию в России в масштабах национальной истории русского народа, то ее величие

не представляется бесспорным. Здесь уместно сравнить революции во Франции и в России с точки зрения значимости для национальной истории. Предшествовавшая Русской революции Великая Французская революция прочно закрепила за собой статус «Великой» за счет утверждения «идеи нации». Она стала именно Великой *Французской* революцией, породившей нацию французов, представители которой сегодня с величайшим уважением и гордостью относятся к этому ключевому событию своей истории. В честь Великой Французской революции установлен государственный праздник – День взятия Бастилии, отмечающийся военным парадом в Париже и фейерверками по всей стране. В результате революции французы сакрализировали французскую нацию. Американская исследовательница Лия Гринфилд об этом пишет: «Она была не просто нацией – она была Великой Нацией, *La Grande Nation*, самой национальной из всех наций, доводившей до совершенства все добродетели, которых требовал новый культ» [11. С. 184]. Породив современную французскую нацию, революция стала национальной «Французской» и «Великой» для французского народа. Французская революция стала «Великой» и для остального человечества, сделав национальную идею сакральным эталоном построения общества и государства. В этом отношении она показала возможный путь развития другим народам – путь модернизации общества через строительство нации как гражданской, политической общности. При этом следует подчеркнуть, что Великая Французская революция не отрицала культурных ценностей и норм. Она утвердила, что в основе бытия нации французов лежат ценности и нормы модернизированной французской культуры.

Революция в России развивалась по иному, чем Великая Французская революция, пути. Она отвергла идею нации, поднятую на знамена революции во Франции. Февраль и Октябрь обратились к вопросу о власти и проблемам социального переустройства бывшей Российской империи, не поставив вопроса о национально-политической модернизации жизни русского народа. Современный российский философ А.В. Нехаев следующим образом определяет сущностное отличие «национальной» Французской революции от «национальной» Русской: «Национальная революция, подобная Великой Французской, комплементарна эмансипирующей силе национализма, которая обычно находит выражение в той или иной партикулярной доктрине гражданского национализма. Народная же революция, подобная Великой Русской, напротив, комплементарна репрессивной силе национализма, манифестируемой различного рода эксклюзивными формами этнического национализма. Великая Французская революция приравнивала народ (по крайней мере в лице третьего сословия) к нации, Великая Русская революция, напротив, растворила нарождающуюся нацию в безликих народных массах. Великая Французская революция сменила старый режим (*L'ancien régime*) национальным государством,

Великая Русская революция – государством партийным» [12. С. 7].

Вопрос о строительстве «русской нации» революционные партии в России не поднимали. Русский религиозный философ Н.А. Бердяев, переживший революцию в России, возлагал вину за это на революционеров. Он писал об их деятельности: «Для вас не существует России как высшей реальности, как цельного замысла Божьего, для вас существует лишь народ, не народ – нация, не живое существо, не цельный организм, существующий тысячелетие, объединяющий все поколения, а народ – крестьяне и рабочие с их преходящими материальными интересами. Во имя блага народа вы убивали Россию, убивали великую нацию с великой судьбой» [13. С. 496]. Для русского народа революция в России стала национальной катастрофой. В такой негативной ее оценке в масштабе национальной истории сходились большинство представителей интеллектуальной элиты страны, не принадлежавших к лагерю победителей. Историк и лидер кадетов П.Н. Милюков писал о революции как о «великой национальной катастрофе», перед лицом которой оказался русский народ [14. С. 21]. Такого же мнения придерживался русский религиозный философ И.А. Ильин. Он писал: «Революция есть катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет» [15].

Пришедшие в результате Русской революции к власти большевики предложили оригинальный социалистический путь развития страны, который воспринимался современниками как грандиозный социальный эксперимент. Максим Горький, много сделавший для развития революционного процесса в России, был поражен жестокостью политики большевиков в отношении русского народа. В «Несвоевременных мыслях» Горький писал: «Вообразив себя Наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, довершая разрушение России – русский народ заплатит за это озерами крови». При этом «певец революции» видел в социалистическом эксперименте большевиков и национальную подоплеку, отмечая, что «Ленин “вождь” и – русский барин, не чуждый некоторых душевных свойств этого ушедшего в небытие сословия, а потому он считает себя вправе проделать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу» [16. С. 83–84]. Максим Горький был только одним из многих современников революционных событий, писавших о Русской революции как о грандиозном эксперименте. Известный писатель русской эмиграции И.Ф. Наживин, наблюдавший воочию за развитием Русской революции, в своих записках о ней также писал: «Несколько лет тому назад какой-то фельетонист предложил правительству проект: вместо того, чтобы тратить бесконечные миллионы на борьбу с революцией, отдать эти колоссальные средства революционерам вместе с одной из самых богатых областей России, с тем чтобы область

эту с помощью этих миллионов они бы сделали опытным полем революции, на котором бы и применили свои теории на практике. Если опыт их удастся, то все человечество, конечно, пойдет за ними, своими спасителями, а если не удастся, придется смириться им. В наши дни волею судеб таким опытным полем стала вся Россия с ее необъятными пространствами, с ее колоссальными богатствами, все без исключения внешние препятствия пали с легкостью прямо волшебной, – твори, созидай! И сотворили: в несколько месяцев от богатого, старого и красивого дома остался только пепел да безобразно торчащие обгорелые трубы, и среди всего этого разрушения, и срама, и крови – зверообразное, страшное, безумное существо, бывший хозяин старого дома...» [17. С. 38].

В современной российской историографии взгляд на Октябрь как национальную катастрофу утвердился довольно прочно. На круглом столе, посвященном 90-летию Октября, об этом единодушно говорили большинство участников, придерживающихся различных исторических и общественно-политических взглядов. А.Н. Медушевский подчеркнул, что в широком смысле «это цивилизационная катастрофа, отказ от правового европейского пути развития, ретрадиционализация общества, как говорил П.Н. Милоков, переход его из XX в. в XVII-й, разрушение институтов гражданского общества и политической демократии, созданной Февральской революцией и всем предшествующим развитием...» [6. С. 168]. Л.Г. Протасов, сделав акцент на революционной модернизации, также охарактеризовал Октябрь как катастрофу. Историк заявил: «В целом Октябрь явился катастрофической (в научном понимании термина) формой модернизации России, варварской формой прогресса» [Там же. С. 170]. Объясняя причину катастрофы, постигшей Россию, А.Н. Боханов абсолютно верно заметил: «Наша революция отличалась от Французской, от Английской революции, потому что это была первая в мире революция, где интернационализм победил национализм, а идея классовый борьбы победила национальную идею» [Там же. С. 169]. Можно спорить о том, была в России одна революция или две, но бесспорен факт, что социалистический Октябрь определил характер развития страны, отвергнув русскую национальную идею формулировкой которой занималась значительная часть отечественной интеллигенции в начале XX в. Революция пожертвовала русскими национальными задачами во имя мессианской идеи социализма. В этой связи С.Л. Франк лаконично определил революцию как «самоубийство великого народа» [18. С. 251]. В этой связи правомерно задаться вопросом: а может ли национальное самоубийство в стране, его совершившей, носить название «Великой революции»?

Однозначно ответить на поставленный вопрос невозможно. При ответе на него необходимо иметь в виду как минимум три противоречивых обстоятельства. Во-первых, не отрицая имевшего место заговора

имперских верхов против императора и активного участия иностранцев в революционных событиях, следует подчеркнуть, что это была именно народная революция, так как ее поддержали народные массы. Они приняли в ней самое активное участие. Русский народ в массе своей в ходе Февраля поддержал либералов и умеренных социалистов, не решивших оперативно основные вопросы, породившие революцию. Тогда в Октябре он пошел за радикальными социалистами-большевиками. Либеральный историк П.М. Милоков увидел специфически русские черты в революции в России. О ее исторических корнях он писал: «Изучение русской истории приобретает в наши дни новый своеобразный интерес, ибо по социальным и культурным пластам, оказавшимся на поверхности русского переворота, внимательный наблюдатель может наглядно проследить историю нашего прошлого. То, что поражает в современных событиях постороннего зрителя, что впервые является для него разгадкой векового молчания “сфинкса”, русского народа, то давно было известно социологу и исследователю русской исторической эволюции. Ленин и Троцкий для него возглавляют движение, гораздо более близкое к Пугачеву, к Разину, к Болотникову – к 18-му и 17-му векам нашей истории, – чем к последним словам европейского анархо-синдикализма» [14. С. 17]. Философ Н.А. Бердяев еще в годы Гражданской войны в России указывал, что «русский коммунизм более традиционен, чем обыкновенно думают, и есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи» [19. С. 397]. Революция в России была русской народной революцией. Советское национал-строительство явилось следствием Русской революции, которая привела к власти в России коммунистов. Они с опорой на отдельные элементы русской культуры попытались создать новую социальную общность – советский народ. Британский русист Дж. Хоскинг признал модернизированную русскую специфику советского проекта: «Советский Союз оказался в определенном смысле по-настоящему русским. Большевизм возродил элементы уходящей в прошлое, в XVI в., и унаследованной от него системы русских мифов и символов, идею, что у России особая миссия в этом мире – жить праведно и распространять “правду” (т.е. истину и справедливость), которая основывалась на эгалитаризме и на скромном образе жизни простого трудового народа» [20. С. 464].

Во-вторых, революция стала показателем кризиса традиционных основ культуры русского народа, нуждавшихся в модернизации в условиях мировой войны. Один из руководителей белого движения Юга России А.И. Деникин свой фундаментальный труд, посвященный Русской революции, назвал «Очерки русской смуты». В его начале он описывает падения религиозности народа, видя в этом показатель кризиса культуры, явившегося основной причиной революции. А.И. Деникин писал: «Религиозность русского народа, установившаяся за ним веками, к началу XX столетия несколько

пошатнулась. Как народ-богоносец, народ вселенского душевного склада, великий в своей простоте, правде, смирении, всепрощении – народ поистине христианский терял постепенно свой облик, подпадая под власть утробных, материальных интересов, в которых сам ли научался, его ли научали видеть единственную цель и смысл жизни». В качестве иллюстративного примера генерал приводит следующий эпизод: «Мне невольно приходит на память один эпизод, весьма характерный для тогдашнего настроения военной среды. Один из полков 4-й стрелковой дивизии искусно, любовно, с большим старанием построил возле позиций походную церковь. Первые недели революции... Демагог поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм – это предрассудок. Поставил самовольно в нем роту, а в алтаре вырыл ровик для... Я не удивляюсь, что в полку нашелся негодяй-офицер, что начальство было терроризовано и молчало. Но почему 2–3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни?» [21. С. 64]. Ответ на поставленный генералом вопрос очевиден – народ переживал мировоззренческий кризис. Вместе с народом кризису оказалась подвержена и Русская Православная Церковь (РПЦ), веками оберегавшая национальные традиции. Накануне Русской революции, духовенство РПЦ, по наблюдениям современных исследователей, постепенно не только политизировалось, но и левело [22. С. 271]. Это означало, что даже самая консервативная часть русской интеллигенции перестала выполнять роль по сохранению традиционной культуры народа, духовно дезориентированного в условиях военных катаклизмов.

В-третьих, политическая элита России не генерировала национальной идеи. Накануне Февраля правые партии, выступавшие с национальными лозунгами русского народа, превратились, по замечанию исследователя Ю.И. Кирьянова, в «недееспособные партийные объединения, потерявшие какую-либо значимость в общественном движении» [23. С. 229]. В революционных условиях расколота на противоборствующие политические партии либеральной и социалистической ориентации, чуждая народу элита не сориентировала его на национальную идею, а повела в политическую борьбу под социально-классовыми лозунгами. Для того, чтобы по характеру революция была национальной «Русской», она должна была поставить на повестку дня вопрос о модернизации имперского народа в русскую нацию. Но этого ее вождями не было сделано. Следует признать, что главная причина отрицания Русской революцией национальной идеи заключается в том, что со времен Петра I элита в значительной степени стала состоять из иностранцев и «инородцев», оказавшихся на государственной службе, для которых была близка идея Великой России как государства, но чужды национальные ценности и идеалы культуры русского народа. После победы Февраля в стране не нашлось политической силы, выступившей с национальными

лозунгами. Боровшиеся за власть политические партии взяли на вооружение западные социальные идеологии. Выступавшие за преобразование России по западным образцам кадеты представляли либеральную альтернативу развития страны. Социалистическая альтернатива предлагала умеренный (большинство эсеров и меньшевики) и радикальный варианты (большевики и левые эсеры) развития страны. Таким образом, в 1917 г. не нашлось политической партии, способной заявить о национальных интересах русского народа, когда-то создавшего российскую государственность. А.И. Вдовин написал об исторической судьбе русского народа в XX в. правдиво и трагично: «Осмысление пути русского народа через драматический XX век приводит к убеждению, что коренная причина разрушения Российской Империи в 1917 г. и Советского Союза в 1991 г. заключается в отчуждении между государством и русским народом, в равнодушии наиболее многочисленного народа к судьбе “империи”, утратившей способность к выражению и защите его национальных интересов и ценностей» [24. С. 3]. Сто лет назад политическая элита бывшей Российской империи отвергла «русскую национальную идею», ориентируясь на решение социальных вопросов и пытаясь построить общество на основе социальных принципов. Революция сделала роковой для русской культуры выбор в пользу сначала «обрусивания» (термин П.Б. Струве), а затем и «осовечивания». В СССР коммунистами была выбрана модель построения многонациональной советской нации – советского народа. Это была социальная общность, создававшаяся в результате грандиозного по своим масштабам эксперимента по модернизации человека в условиях перехода от аграрно-индустриального к индустриальному обществу. Эта общность оказалась в значительной мере оторванной от кода русской культуры, сохраняя лишь его отдельные элементы.

События столетней давности перекликаются с современностью. В настоящее время, как и 100 лет назад, российская элита стремится «обрусиваться», понимая необходимость национальной консолидации граждан, ставит вопрос о формировании не русской, а российской нации. В октябре 2016 г. Президент России В.В. Путин поддержал идею создания отдельного федерального закона о российской нации [25]. Об опасности «обрусивания» русских еще 100 лет назад аргументированно предупреждал известный философ и политический деятель П.Б. Струве. Накануне Русской революции он писал: «Для меня важно сейчас подчеркнуть, что – ради идеала человеческой, справедливой и разумной государственности – русская интеллигенция обесцвечивает себя в “русскую”. Этот космополитизм очень “государственен”, ибо “инородцев” нельзя ни физически истребить, ни упразднить как таковых, т.е. нельзя сделать “русскими”, а можно лишь воспрять в единое “русское” лоно и в нем упокоить. Но позвольте мне, убежденному стороннику “государственности”, восстать против обнаруживающейся в этом случае чрезмерности

культы государственного начала. Позвольте мне сказать, что так же, как не следует заниматься “обрусением” тех, кто не желает “русеть”, так же точно нам самим не следует себя “обрусивать”. Прошу прощения за это варварское слово, но его нужно было выдумать, ибо на самом деле интеллигенция давно “обрусивает” себя, т.е. занимается тем, что – во имя своего государственного идеала – безнужно и бесплодно прикрывает свое национальное лицо» [26. С. 221].

В юбилейный год Русской революции следует подчеркнуть, что если и ставить вопрос о нации в России, то в соответствии с ее историей и уроками Русской революции это должна быть «русская нация». Русские сумели включить в орбиту созданной ими цивилизации сотни народов, которые имели массу выгод от совместного проживания в полиэтническом и поликонфессиональном «государстве русского народа», исторически являвшимся наднациональным образованием, скрепленным русской державной идеей, русским языком и русской культурой. В дореволюционной истории России было множество русских немцев, евреев, грузин, армян и пр. – людей, не терявших связей со своей культурой и одновременно идентифицировавших себя с русской культурой. При таком подходе самый многочисленный в России народ исторически считал государство «своим», испытывал чувство национальной гордости. Распад СССР не привел к «русскому ренессансу». Однако XXI в. уже актуализировал русскую идею, дающую шанс российской государственности наращивать свое геополитическое влияние и расширять пространство за счет «русского мира». Именно об этом свидетельствуют события «русской весны», в ходе которых народ Крыма сделал выбор в пользу присоединения к России на основании истории русского народа, сделавшей легитимным выбор крымчан. Идею «русской весны» лаконично выразил известный политик, спикер парламента Новороссии Олег Царев: «Русская весна – это Россия, встающая с колен. Русская весна – это проснувшаяся вера русских в себя, в свои силы. Русская весна – это Крым уже дома и Донбасс, стоящий на пороге с протянутыми к России руками» [27]. Именно русская история и культура дали право крымчанам поставить вопрос о воссоединении с исторической родиной. В контексте сказанного нельзя не согласиться с известным отечественным специалистом по истории русского народа Н.А. Нарочницкой, выступающей против оторванной от истории идеи построения нации «россия» и поддерживающей идею развития русского гражданского движения. Исходя из исторического опыта бытия России, она обоснованно подчеркивает, что «восстановление именно нации как единого приемственно живущего организма: с общими целями, ценностями, с общим духом, мирозерцанием, с общими историческими переживаниями – вот что даст энергию, заставит опять поверить в свои силы и созидать. Сегодня нас учат тому (часто это делается косвенно или прямо), что нация – это так, совокупность индивидов

с отметкой в паспорте. Однако это не так, это совершенно не так. Категории “я” и “мы” живут неслиянно и нераздельно. Принадлежность к “мы” наделяет личность “я” такими качествами, которых вообще не было у этой личности самой по себе» [28. С. 93].

Таким образом, исходя из самого значения термина «революция», Русская революция не может рассматриваться как событие небольшой временной продолжительности. Точка зрения о наличии в России с февраля по октябрь 1917 г. двух революций сформировалась под влиянием политической конъюнктуры и, исходя из научного понимания термина «революция», представляется неверной. Единство Великой Русской революции как исторического процесса, включающего в себя Февраль, Октябрь и Гражданскую войну, обусловлено процессуальностью революции как исторического явления, подразумевающего этапность развития и влекущего за собой радикальные перемены в основных сферах общественного устройства. Утверждение идеи единства Великой Русской революции позволяет рассматривать революцию как закономерный процесс развития российской цивилизации, не навешивая на его этапы ярлыки, диктуемые политической конъюнктурой, и целостно оценить это событие в масштабах мировой и национальной истории.

Завершение Гражданской войны в России, являющейся органичной частью Русской революции, определило финал революционного процесса, установившего пребывание у власти в России коммунистов и старт реализации советского проекта, где Россия существовала в форме СССР. Основой развития Советского Союза стала идея «социальной справедливости», поднятая на знамена Русской революцией. Идея «социальной справедливости», лежащая в основе коммунистической идеологии в XX в., в результате распада СССР потерпела политическое поражение на значительной части планеты. Большинство коммунистических государств перестали быть таковыми, отказавшись от коммунистической идеологии. На первый взгляд это должно было означать развеличивание Русской революции в мировой истории. Однако в исторической перспективе это не очевидно и не предопределено. Во-первых, идею «социальной справедливости», поднятую на знамена Русской революции, продолжает проводить крупнейшая на планете цивилизация, социалистическое государство демократической диктатуры народа – Китай. Во-вторых, позиции коммунистов и социалистов в России и ряде стран современного мира в последние годы укрепляются на фоне глубокого культурного упадка Западной цивилизации, свидетельствующего о кризисе либеральных ценностей. Социализм и в настоящее время привлекателен для значительной части человечества. Поэтому величие революции в России в масштабах мировой истории по сей день остаются неоспоримым.

Оценки величия Русской революции в мировой и национальной историях не совпадают. Величие революции в России в масштабах национальной истории

представляется далеко не таким однозначным, как в истории мировой, из-за катастрофичности революционных событий для русской культуры и русского народа. Слияние в революции в России двух противоположных начал – «русскости» и «антирусскости» – антиномично. Революция стала катастрофой, поставившей под угрозу существование традиционных ценностей и норм русской культуры и лишившей русский народ державного статуса. Историческая трагедия заключалась в том, что в ходе революции полиэтничная элита бывшей Российской империи не ставила целью революционных преобразований модернизацию жизни русского народа путем создания современной «русской нации». В отличие от Франции, где революция создала нацию французов, Русская революция отвергла проект национального гражданского строительства. От революции русский народ попытался получить осуществление своих многовековых идеалов и чаяний социальной справедливости. Они были успешно увязаны вожжами революции с идеей классовой борьбы. Классовая борьба делала реализацию русской национальной идеи невозможной, поскольку национальная идея требует гражданского согласия, классового мира и социального партнерства. Однако Русская революция выдвинула мессианскую социалистическую

идею мирового масштаба и, несмотря на русскую катастрофу в национальном измерении, революционное социалистическое строительство в России ментально стало глубоко русским народным проектом.

События Русской революции, определившие развитие российской цивилизации в XX столетии и серьезно повлиявшие на развитие человечества, требуют извлечения исторических уроков. Они свидетельствуют, что социалистическая идея в России имеет политическую перспективу только в сочетании с национальной идеей, способной активизировать созидательный потенциал русского народа и при этом сохранить многовековую традиционную полиэтничную и поликонфессиональную специфику России. В этой связи значение Русской революции в мировой и национальной историях зависит не от ушедшего прошлого, а от настоящего и будущего. С должной исторической дистанции значение величия революции в России в истории можно будет оценить по меньшей мере еще через сто лет, в год 200-летия Русской революции. Многие в этой оценке будут зависеть от того, смогут ли современные сторонники социализма учесть фатальную ошибку Русской революции, отвергнувшей «национальную идею» во имя идеалов «социальной справедливости».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов В.Б. Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 17–32.
2. О круглом столе, посвященном столетию революции 1917 года URL: http://www.history.nsc.ru/news/krustol_1917.htm (дата обращения: 01.10.2015).
3. Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Революция, бунт, смута, гражданская война // Словарь основных исторических понятий : избранные ст. : в 2 т. / сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон. М. : Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. 736 с.
4. Троцкий Л.Д. История русской революции : в 2 т. М. : ТЕРРА ; Республика, 1997. Т. 1 : Февральская революция. 464 с.
5. Керсновский А.А. История русской армии : в 4 т. М. : Голос, 1994. Т. 4. 368 с.
6. Российские революции: 90 лет спустя : круглые столы в институте Российской истории РАН // Отечественная история. 2008. № 6. С. 167–211.
7. Послание Президента России Федеральному Собранию 1 декабря 2016 года URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 01.10.2015).
8. Шепелева В.Б. Историки «советского проекта» в контексте постнеклассической познавательной парадигмы // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 1 (14). С. 36–42.
9. Фельдман М.А. Социалистическая мысль в преддверии столетия Октября // Общественные науки и современность. 2016. № 1. С. 170–175.
10. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М. : Айрис-пресс, 2003. 592 с.
11. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М. : ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
12. Нехаев А.В. Революция 1917 года в России: поражение «нации» или победа «народа»? // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 6–8.
13. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Судьба России : сочинения. М. : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 1998. 736 с.
14. Милкоков П.Н. История второй русской революции. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 767 с.
15. Ильин И.А. Русская революция как катастрофа, преступление и безумие URL: <https://history.wikireading.ru/342788> (дата обращения: 01.10.2015).
16. Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). М. : МО Союза журналистов СССР ; Ассоциация «Ротация» при участии МСП «Интерконтракт», 1990. 192 с.
17. Наживин И.Ф. Записки о революции / вступ. ст. А.В. Посадского. М. : Кучково поле, 2016. 384 с.
18. Франк С.Л. De profundis // Из глубины : сб. статей о русской революции. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 251–269.
19. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Избранные труды. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 767 с.
20. Хоскинг Д. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 544 с.
21. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты / предисл. А.С. Пученкова. М. : АЙРИС-пресс, 2017. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917). 672 с.
22. Буддаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М. : Новый хронограф, 2015. 720 с.
23. Кирьянов Ю.И. Численность и состав правых партий в России в 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война : (материалы междунар. науч. коллоквиума). СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 216–229.
24. Вдовин А.И. Русские в XX веке. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 448 с.
25. Путин подал национальную идею. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/31_a_10295957.shtml (дата обращения: 01.10.2015).
26. Струве П.Б. Интеллигенция и национальное лицо // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М. : СКИМЕНЬ ; ПРЕНСА, 2004. 352 с.
27. Царев О. Что такое «Русская Весна»? URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1457031842 (дата обращения: 01.10.2015).
28. Нарочницкая Н.А. Сосредоточение России. Битва за русский мир. М. : Изборский клуб ; Книжный мир, 2015. 320 с.

Sushko Alexey V. Omsk State Technical University (Omsk, Russia). E-mail: Alexsushko@rambler.ru

ON EVALUATIONS OF THE RUSSIAN REVOLUTION IN THE SCALE OF WORLD AND NATIONAL HISTORIES

Keywords: Revolution in Russia; Russian Revolution; February Revolution; October Revolution; socialism.

The article is devoted to the analysis of changes in significance evaluations of the Russian Revolution on the scale of world and national histories from 20th century to beginning of the 21st century. The main article's problem is the question of determining the grounds that give historians right to assert the greatness of the Russian Revolution into the frame of world and national histories. To solve the problem posed, the author turned to the discussion in historiography about the existence of two or one revolution in the Russian history in 1917. On the basis of the history of concepts toolkit the article supports the point of view about existence of a single historical event, and the February and the October were its most important stages. The question of Russian Revolution greatness into the frame of world and Russian histories is solved on the basis of the principle of interdisciplinary synthesis. The author relies on a wide range of works of historians and philosophers in his conclusions. Memoirs of contemporaries about events of the Russian revolution are used as a main source for the article. The problem of criteria determining for greatness of the Russian Revolution into the frame of world and national histories is solved separately in the article. A comparative analysis of the Great French and Great Russian Revolutions is used to solve it. As a result, the author came to the following conclusions. Firstly, the greatness of the Russian Revolution into the frame of world history is due to the influence of revolutionary events on the mankind development, and it is beyond doubt. The Russian Revolution offered mankind a groundbreaking idea of social justice expressed in communist ideology as the basis for development of society at the time. The communist ideology in Russia had specifically Russian features. The main of these was the messianism. The Russian Revolution had spurred throughout the 20th century many people to see the communism as an alternative to Western liberalism. Secondly, the Russian Revolution developed in a different way than the Great French Revolution. It rejected the idea of the nation raised on the banner of the revolution in France. The revolution in Russia became a national catastrophe for the Russian people on the national history scale. Thirdly, the Russian Revolution significance into the frame of world and national histories depends not on the past but on the present and the future. Much in these evaluations will depend on whether modern supporters of socialism can take into account the fatal error of the Russian Revolution that rejected the "national idea" in the name of the ideals of the "social justice".

REFERENCES

- Aksenov, V.B. (2017) Revolyutsiya i nasilie v voobrazhenii sovremennikov: slukhi i emtsii "medovogo mesyatsa" 1917 g. [Revolution and violence in the imagination of contemporaries: rumors and emotions of the "honeymoon" of 1917]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 17–32.
- Institute of History, SB RAS. (2017) *O kruglom stole, posvyashchenom stoletiyu revolyutsii 1917 goda* [About the round table devoted to the centenary of the revolution of 1917]. [Online] Available from: http://www.history.nsc.ru/news/krusto_1917.htm. (Accessed: 1st October 2017)
- Bulst, N., Kosellek, R., Mayer, C. & Fish, J. (2014) Revolyutsiya, bunt, smuta, grazhdanskaya voyna [Revolution, rebellion, unrest, civil war]. In: Zaretskiy, Yu., Levinson, K. (eds) *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: Izbrannye stat'i v 2-kh t.* [Dictionary of Basic Historical Concepts: Selected Articles in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Trotskiy, L.D. (1997) *Istoriya russkoy revolyutsii: V 2 t.* [The History of the Russian Revolution: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: TERRA; Respublika.
- Kersnovskiy, A.A. (1994) *Istoriya russkoy armii v 4-kh tomakh* [History of the Russian army in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Golos.
- Institute of Russian History, RAS. (2008) Rossiyskie revolyutsii: 90 let spustya. Kruglye stoly v institute Rossiyskoy istorii RAN [Russian revolutions: 90 years later. Round tables at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 167–211.
- President of the Russian Federation. (2016) *Poslanie Prezidenta Rossii Federal'nomu Sobraniyu 1 dekabrya 2016 goda* [Address of the President of Russia to the Federal Assembly on December 1, 2016]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>. (Accessed: 1st October 2017).
- Shepeleva, V.B. (2016) The origins of "the Soviet project" in the context of post non-classical cognitive paradigm. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik – North Eastern Journal of the Humanities*. 1(14). pp. 36–42. (In Russian).
- Feldman, M.A. (2016) Socialist Thought in Anticipation of the Centennial of the October. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 1. pp. 170–175. (In Russian).
- Toynbee, A. (2003) *Tsvivilizatsiya pered sudom istorii* [Civilization on Trial]. Translated from English by E. Zharkov, A. Kharitonovich, I. Kiseleva. Moscow: Ayris-press.
- Greenfeld, L. (2012) *Natsionalizm. Pyat' putey k sovremennosti* [Nationalism: Five Roads to Modernity]. Translated from English by T. Gringolts, M. Virozub. Moscow: PER SE.
- Nekhaev, A.V. (2017) Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: porazhenie "natsii" ili pobeda "naroda"? [The revolution of 1917 in Russia: the defeat of the "nation" or the victory of the "people"?]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya "Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'" – Omsk Scientific Bulletin. Society. History. Modernity*. 2. pp. 6–8.
- Berdyaev, N.A. (1998) *Sud'ba Rossii: Sochineniya* [The Fate of Russia: Works]. Moscow: EKSMO-Press; Kharkov: Folio.
- Milyukov, P.N. (2001) *Istoriya vtoroy russkoy revolyutsii* [The History of the Second Russian Revolution]. Moscow: ROSSPEN.
- Ilin, I.A. (n.d.) *Russkaya revolyutsiya kak katastrofa, prestuplenie i bezumie* [Russian revolution as a catastrophe, crime and madness]. [Online] Available from: <https://history.wikireading.ru/342788>. (Accessed: 1st October 2017).
- Gorky, M. (1990) *Nesvoevremennyye mysli i rassuzhdeniya o revolyutsii i kul'ture (1917–1918 gg.)* [Untimely thoughts and arguments about revolution and culture (1917–1918)]. Moscow: Union of Journalists of the USSR.
- Nazhivin, I.F. (2016) *Zapiski o revolyutsii* [Notes on the Revolution]. Moscow: Kuchkovo pole.
- Frank, S.L. (1990) De profundis. In: Askoldov, S.A. et al. *Iz glubiny: Sbornik statey o russkoy revolyutsii* [From the depths: Collection of articles about the Russian revolution]. Moscow: Moscow State University. pp. 251–269.
- Berdyaev, N.A. (2001) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN.
- Hosking, D. (2012) *Praviteli i zhertvy. Russkie v Sovetskom Soyuze* [Rulers and Victims. The Russians in the Soviet Union]. Translated from English by V. Artyomov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Denikin, A.I. (2017) *Ocherki Russkoy Smuty* [Essays on the Russian Troubles]. Vol. 1. Moscow: AYRIS-press.
- Buldakov, V.P. & Leonteva, T.G. (2015) *Voyna, porodivshaya revolyutsiyu* [The war that gave rise to the revolution]. Moscow: Novyy khronograf.
- Kiryanov, Yu.I. (1999) Chislennost' i sostav pravyykh partiy v Rossii v 1914–1917 gg. [The number and composition of right-wing parties in Russia in 1914–1917]. In: Smirnov, N.N. (ed.) *Rossiya i Pervaya mirovaya voyna* [Russia and WWI]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 216–229.
- Vdovin, A.I. (2004) *Russkie v XX veke* [The Russians in the Twentieth Century]. Moscow: OLMA-PRESS.
- Vinokurov, A. (2016) *Putin podal natsional'nyu ideyu* [Putin submitted a national idea]. [Online] Available from: https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/31_a_10295957.shtml. (Accessed: 1st October 2017).
- Struve, P.B. (2004) *Intelligentsiya i natsional'noe litsvo* [Intellectuals and the national face]. In: Sergeev, S.M. et al. *Natsiya i imperiya v russkoy mysli nachala XX veka* [Nation and Empire in Russian Thought of the early 20th Century]. Moscow: SKIMEN; PRENSA.
- Tsarev, O. (2016) *Chto takoe "Russkaya Vesna"?* [What is the "Russian Spring"?]. [Online] Available from: http://rusvesna.su/recent_opinions/1457031842. (Accessed: 1st October 2017)
- Narochnitskaya, N.A. (2015) *Sosredotochenie Rossii. Bitva za russkiy mir* [The concentration of Russia. Battle for the Russian world]. Moscow: Izbor-skiy klub, Knizhnyy mir.

УДК 94(571.16)''1905/1917"
DOI: 10.17223/19988613/55/9

О.А. Харусь

ОБЩЕСТВА ОБЫВАТЕЛЕЙ И ИЗБИРАТЕЛЕЙ В СИБИРИ КАК ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России (проект № 33.1687.2017/4.6).

Рассмотрены уставные нормы и программные положения обществ обывателей и избирателей в Сибири. Проанализированы основные направления и результаты их деятельности в 1909–1910 гг. Определено значение обществ в двух измерениях: как идеального проекта и как практического опыта модернизации местного самоуправления. Сделан вывод о соответствии целей и ключевых ориентиров обществ либеральной стратегии социально-политического развития. Выявлены причины провала попыток либеральной общественности обеспечить демократизацию системы городского самоуправления на основе учета мнений и интересов населения.

Ключевые слова: городское самоуправление; Сибирь; либерализм; начало XX века.

Специфика системы местного самоуправления в Сибири начала XX в., связанная с отсутствием земских учреждений, наложила отпечаток на многие социально-политические процессы в регионе. В частности, это обстоятельство придавало особый импульс действиям инициативной общественности по разработке проектов земской реформы. С другой стороны, в сложившихся обстоятельствах возможности для практической деятельности на ниве местного самоуправления имелись только в городе и были ограничены рамками действующего Городового Положения. Именно поэтому в Сибири особую активность проявили общества обывателей и избирателей, деятельность которых в Европейской России не стала сколько-нибудь заметным явлением социально-политической жизни ввиду преимущественной концентрации внимания общественности на организации работы в земстве, воспринимавшемся как высшая форма самоуправления.

Осенью 1909 г., в преддверии очередных выборов в городские думы, общества обывателей и избирателей появились во всех крупных городах Сибири, в частности в Томске, Омске, Красноярске, Иркутске, Барнауле, Чите [1. С. 601]. Их деятельность широко освещалась в местной прессе, стала предметом пристального внимания органов власти различного уровня и, естественно, не могла остаться незамеченной историками [2. С. 101–102; 3. С. 178–185; 4. С. 134–135; 5. С. 29–30]. Однако содержащиеся в научной литературе фрагментарные и весьма лаконичные сведения не позволяют составить комплексное представление о роли и значении этих организаций в общественно-политической жизни региона.

Между тем этот эпизод в истории местного самоуправления, по-видимому, заслуживает более глубокого осмысления, поскольку демонстрирует специфический опыт взаимодействия инициативной общественности региона с институтами власти. Особый интерес, в частности, представляет вопрос о соотношении целей и намерений

организаторов обществ обывателей и избирателей с результатами их деятельности. Поскольку все исследователи сходятся во мнении относительно доминирующей роли кадетов в этих организациях, замыслы учредителей и направленные на их реализацию практики целесообразно рассматривать в контексте идеологических и программных установок партии народной свободы для выявления степени соответствия тактических действий стратегическим ориентирам либералов. Отмеченные обстоятельства стали основанием для постановки центральной проблемы данной статьи, суть которой сводится к определению значения обществ обывателей и избирателей в двух измерениях: как идеального проекта и как его практического воплощения в конкретно-исторических условиях начала XX в.

Доминирование либерально настроенных представителей инициативного меньшинства в составе учредителей и в руководстве обществ обывателей и избирателей в Сибири подтверждают данные самых разнообразных по происхождению и характеру источников. Список учредителей барнаульского общества открывала фамилия мирового судьи кадета К.Э. Клярнера [6. Л. 2]. Членами кадетской партии были все 9 членов-учредителей красноярского общества [3. С. 180]. Учредителями иркутского общества являлись кадеты Б.П. Шостакович, С.Е. Шишкин, Г.И. Русанов, Д.З. Белкин [7. Л. 194]. Прочные позиции заняли кадеты и в руководстве созданных при их непосредственном участии организаций. В Омске председателем правления общества обывателей и избирателей был избран член кадетской партии А.А. Морозов [8. 1910. 14 марта]. В состав комитета томского общества входили кадеты А.И. Макушин, И.П. Свинцов, А.Н. Гаттенбергер, П.И. Иванов, В.Л. Малеев, А.А. Жемчужников [Там же. 4 февр.]. Семь из двенадцати мест в руководстве иркутского общества принадлежало кадетам (П.И. Федоров, С.Е. Шишкин, Б.П. Шостакович, Г.И. Русанов, Б.А. Ельяшевич,

И.С. Фатеев, Д.З. Белкин). К тому же кадеты А.С. Первунинский и И.Ф. Астраханцев числились кандидатами в члены комитета общества [7. Л. 193–194]. В Красноярске 6 из 12 членов комитета были кадетами [3. С.180], а председателем комитета общества являлся один из лидеров местных кадетов Д.Е. Лаппо [8. 1909. 1 дек.].

Таким образом, факты убедительно свидетельствуют о том, что инициатива в создании обществ обывателей и избирателей принадлежала либералам, и именно они задавали тон в определении направлений их деятельности. Вместе с тем к работе в этих организациях подключились и представители умеренного крыла социалистических партий [5. С. 30]. В Красноярске в числе учредителей общества значились социал-демократы В. Новодворский и А. Кузнецов (впрочем, в состав комитета они не вошли) [9. С. 334–335]. В Чите роль учредителей общества взяли на себя лидеры эсеро-областнического направления [3. С. 181]. Участие в деятельности обществ членов различных партий, а также беспартийных «прогрессивных элементов» ставит под сомнение правомерность трактовки предназначения этих организаций как инструмента усиления политического веса и влияния кадетов. Мнение черносотенцев, расценивших создание обществ как «одну из новейших кадетских затей» с целью провести «в гласные “своих”, т.е. чисто кадетских дельцов» едва ли может служить убедительным аргументом в пользу такой точки зрения [4. С. 135]. Более точное и адекватное представление о целях и общих принципах функционирования любой организации позволяет составить обращение к уставным документам, поскольку, как правило, они не несут идеологической нагрузки и не являются компонентом агитационно-пропагандистской деятельности.

Основные задачи общества обывателей и избирателей, согласно Уставу, заключались в «достижении возможнейшего благоустройства» городов, «в объединении и взаимном ознакомлении членов между собой в целях сознательного выбора гласных в думу, а также всестороннем ознакомлении членов общества с техникой и порядками городского хозяйства путем живого обмена мнений между гласными думы и обывателями и их избирателями» [6. Л. 5; 7. Л. 194; 10. С. 2–3]. Таким образом, изначально общества были ориентированы на выстраивание горизонтальных коммуникаций между населением и органами местного самоуправления, что должно было положительно сказаться на решении проблем городского благоустройства. Предусмотренная уставом возможность членства в обществах *всех* жителей города не моложе 25 лет вне зависимости от пола (как и персон, не проживающих в данном городе, но имеющих право по имущественному цензу быть городскими избирателями именно в этом городе) [6. Л. 5; 10. С. 1], создавала условия для привлечения к обсуждению вопросов городского управления широкого круга лиц и позволяла рассчитывать на формирование у горожан ощущения причастности к организации местного самоуправления, а вместе с тем и ответственности за

состояние дел в этой сфере. Сами же общества должны были представлять собой организационную форму коллективного взаимодействия граждан, потенциально способную претендовать на роль равноправного участника диалога с институтами власти.

В период избирательной кампании основные усилия обществ были направлены на повышение уровня гражданской активности и ответственности избирателей. Особое значение руководители организаций придавали составлению списков достойных, с их точки зрения, кандидатов в гласные и обеспечению им поддержки со стороны электората. По словам председателя красноярского комитета Д.Е. Лаппо, при отборе кандидатов первостепенное внимание обращалось на их работоспособность, деловитость и опытность, а отнюдь не на политические пристрастия [8. 1909. 11 нояб., 1 дек.]. Томский комитет обращался к избирателям с призывом «забыть партийные счеты и дать дорогу наиболее талантливым, наиболее энергичным и наиболее преданным интересам Томска» представителям различных сфер деятельности [Там же. 20 нояб.]. Этот рефрен в заявлениях комитетов обществ звучал неоднократно, а все подозрения в том, что общество является кадетским, отвергались самым решительным образом [Там же. 10 нояб., 21 нояб.; 11. 1910. 8 мая].

Стремясь придать демократичность процедуре выдвижения кандидатов, комитет томского общества обывателей и избирателей разослал списки избирателей членам общества и предложил отметить желательные кандидатуры [8. 1909. 27 окт.; 11. 1910. 10 янв.]. На основании 184 списков, возвращенных с пометками (всего было разослано около 400 экз.), комитет наметил кандидатов в члены городской думы. Составленный комитетом список получил одобрение на общих собраниях общества 8 и 15 ноября 1909 г. и 20 ноября был опубликован в газете «Сибирская жизнь» [8. 1909. 20 нояб.]. Сопоставление этого списка с имеющимися данными о членах либеральных партий в Томске [1. С. 670–680, 706–711] показало, что кадетами являлись лишь 14% (14 из 100) кандидатов общества обывателей и избирателей. 11% от общего числа лиц, включенных в этот список, в разное время состояли в рядах «Союза 17 октября», причем двое из них еще в 1906 г. выступили учредителями черносотенного по своей политической ориентации «Русского народного общества за Веру, Царя и Отечество». Тот факт, что 75% кандидатов в члены городской думы составляли горожане, членство которых в какой-либо политической партии установить не удалось, можно, по-видимому, расценивать как своего рода подтверждение внепартийного характера этой общественной инициативы. По весьма приблизительным подсчетам В.В. и В.Г. Третьяковых [3. С. 182], в выставленном красноярским обществом обывателей и избирателей списке кадеты составляли 15–30% от общего числа кандидатов, а потому и в этом случае нет оснований для однозначного утверждения о стремлении обеспечить доминирование в думе своим идейным

единомышленникам. В частности, в этот список были включены и лица с черносотенными убеждениями на том основании, что они «удовлетворяют условиям правильной и полезной общественной деятельности» [8. 1909. 1 дек.].

Агитация, проводившаяся обществами обывателей и избирателей накануне выборов в городские думы, в ряде случаев заметно повлияла на их исход. Так, большинство избранных гласными городской думы на 1911–1914 гг. в Барнауле были рекомендованы именно обществом обывателей и избирателей [11. 1910. 21 нояб.]. На выборах в Томске из 64 человек, получивших большинство избирательных голосов, 54 являлись кандидатами общества обывателей и избирателей [Там же. 8 мая]. В Красноярске и Чите не менее 50% гласных были избраны из числа кандидатов этих обществ [3. С. 182]. Успех сопутствовал кандидатам общества и на городских выборах в Иркутске. Согласно информации, поступившей на имя начальника Иркутского губернского жандармского управления, общество «сумело провести в новый состав гласных городской думы довольно значительное число лиц» [7. Л. 174, 194]. Собственный корреспондент газеты «Сибирская жизнь» в Иркутске считал прямой заслугой общества заметную активизацию избирателей, провал на выборах членов управы и многих видных гласных из среды местного купечества, «являвшихся приверженцами добрых старых порядков в области городского управления и хозяйства», и замену их «прогрессивными элементами» [8. 1909. 3 дек.]. Несмотря на серьезную конкуренцию со стороны «стародумцев» и чиновничества, сгруппировавшегося вокруг «Союза Михаила Архангела» и редакции черносотенной газеты «Голос Сибири» [Там же. 1914. 14 мая], в городскую думу Омска на 1910–1913 гг. были выбраны как лидеры местной кадетской организации, так и руководители действовавшего в годы Первой революции омского комитета «Союза 17 октября» [12. Л. 1, 3, 13, 17, 161].

Представительство кандидатов обществ обывателей и избирателей в новом составе городских дум, казалось, давало шанс на практическую реализацию программы, намеченной в период избирательной кампании. 27 октября 1909 г. в газете «Сибирская жизнь» был опубликован «Проект желательной программы будущей деятельности томской городской думы, выработанный комитетом общества обывателей и избирателей». Программа предусматривала комплекс мер: *в области народного образования* (введение бесплатного и общедоступного начального образования, развитие системы внешкольного и низшего профессионального образования, улучшение материального положения учащихся в городских школах и пр.), *в сфере медицины и санитарии* (бесплатное больничное лечение для малоимущих, увеличение числа коек в больницах и т.п.), *городского благоустройства* (мостовые, мосты, освещение, осушение), *городских финансов* (обращение к правительству с ходатайством о реформе системы городского обложения, в частности о введении городского подоходного

налога, строгая экономия в хозяйственных расходах, установление контроля думы над ведением всего городского хозяйства и др.), а также *меры попечения о нуждах населения* (удешевление предметов первой необходимости посредством организации хозяйственных заготовок от города для продажи, устройство городских попечительств о бедных, создание городской биржи труда для ищущих работу и т.п.) [8. 1909. 27 окт.]. Аналогичные по своему характеру мероприятия были намечены и в докладе «Наши очередные задачи», с которым на собрании иркутского общества обывателей и избирателей выступал член комитета кадет П.И. Федоров [11. 1910. 2 февр.].

Таким образом, программа действий представителей обществ в качестве гласных думы была лишена какой бы то ни было политической окраски и фокусировалась исключительно на решении городских проблем. Соответственно, эти планы не имели никаких точек соприкосновения и с программными положениями кадетской партии по вопросам местного самоуправления [13. С. 54]. Тем не менее в целом предполагавшийся вектор деятельности обществ, как и сам по себе замысел их создания, в полной мере соответствовал либеральной стратегии общественного развития.

Считая реорганизацию системы местного самоуправления важной составляющей реформирования государственного строя, либералы были убеждены в том, что решение подобных вопросов относится к числу прерогатив законодательной власти. Эта позиция нашла свое отражение в нормативных документах обществ обывателей и избирателей. Так, §7 Устава общества обывателей и избирателей г. Томска гласил: «В Обществе обсуждаются только вопросы, подлежащие ведению Городской Думы, согласно действующего Городового Положения» [10. С. 3]. Вполне естественно, что и программа, которой рекомендовалось придерживаться представителям общества в городской думе, не выходила за рамки законодательно очерченной зоны компетенции органов местного самоуправления. Вместе с тем либерально настроенное меньшинство полагало, что для успеха реформ «сверху» абсолютно необходима поддержка «снизу», а потому одну из своих задач видело в содействии становлению городских дум в качестве «организованной формы общественной самодеятельности» [8. 1905. 18 нояб.]. Не последняя роль в решении этой задачи отводилась обществам обывателей и избирателей.

Газета «Сибирская жизнь» писала: «Для скорейшего и всестороннего освещения многих вопросов на помощь городской думе должно прийти общество обывателей и избирателей, в рядах которого много общественных работников, обладающих знаниями и опытом по всем отраслям городского хозяйства. Общество должно работать самым энергичным образом, а в некоторых случаях даже брать на себя инициативу разработки тех или иных вопросов» [8. 1910. 31 янв.]. На плодотворную работу общества «параллельно с новой

управой и думой» рассчитывали и либералы Красноярска [8. 1910. 16 апр.].

Общество обывателей и избирателей представлялось либералам своеобразной «маленькой думой», обладающей несомненными преимуществами перед городским самоуправлением ввиду доступности для любого жителя города, желающего поставить какие-либо проблемы городского хозяйства и потребовать их разработки, а также ввиду отсутствия заформализованности в его деятельности. «Такая подвижная и легкодоступная организация, как комитет – исполнительный орган общества обывателей, может в любое время внести в городскую думу соответствующий доклад и повлиять на разрешение вопроса в указанном направлении», – уверяла читатель газета «Сибирская жизнь» [Там же. 23 янв.].

Однако иллюзии либералов по поводу возможного воздействия возглавлявшихся ими обществ обывателей и избирателей на деятельность городского самоуправления были решительно развеяны местной администрацией. В январе 1910 г. в ответ на просьбу комитета барнаульского общества допустить его представителей к участию в заседаниях думы и городских комиссий, а также разрешить ознакомиться с документацией городской управы последовал протест городского головы против «активного вмешательства в дела городского общественного управления» [6. Л. 24, 25]. Томский губернатор однозначно отказал в удовлетворении просьбы. В заключении томского губернского управления руководителям общества напоминалось, что таковое «не только не относится к числу распорядительных или исполнительных органов в деле городского хозяйства, но даже городская дума не имеет права... возложить на него обязанности подготовительных комиссий». Констатируя, что «названное общество вышло из пределов предоставленных ему его уставом прав при достижении своих целей», губернское управление приняло меры для «разъяснения» обществу сферы его компетенции [Там же. Л. 22, 26]. В Омске администрация изыскала правовое основание для пресечения активности общества обывателей и избирателей в разъяснении Сената, признававшем недопустимость параллельной деятельности общества и городского самоуправления [8. 1910. 13 июня].

Таким образом, надежды, которые либералы возлагали на общества обывателей и избирателей, не оправдались. Их неспособность при существовавшей системе административных запретов и притеснений повлиять даже на решение проблем городского масштаба вызвала разочарование как у руководителей, так и у рядовых членов. После проведения городских выборов деятельность этих организаций постепенно сходит на нет, резко снижается интерес к ним населения. Газета «Сибирская жизнь» вынуждена была констатировать убежденность жителей Томска в том, что главная роль общества обывателей и избирателей с окончанием выборов в городскую думу выполнена и дальнейшая его деятельность не может представлять большого интереса и

значения [Там же. 23 янв.]. В красноярском обществе с декабря 1909 г. перестали созываться общие собрания и заседания комитета. Члены комитета начали выходить из него, «не считая для себя возможным только числиться в этом звании», а у рядовых членов «отпала всякая охота к работе и утрачена всякая надежда на деятельность комитета» [Там же. 16 апр.]. Иркутское общество после завершения избирательной кампании также, по информации органов полиции, «никаким массовым выступлением о себе не заявляло и деятельность его... была направлена главным образом к вербованию возможно большего числа членов» [7. Л. 195].

Действительно, в условиях стремительного распада обществ обывателей и избирателей либералы вынуждены были прежде всего сконцентрировать внимание на пополнении их рядов. Однако призывы активно включиться в деятельность общества уже не находили отклика у горожан. Осенью 1909 г. общие собрания отличались многочисленностью и оживленностью. В омское и томское общества записалось тогда приблизительно по 300 человек [8. 1909. 3 нояб.; 1910. 23 янв., 10 марта]. После же проведения выборов собрания стали посещать лишь очень незначительные группки горожан. На собрании томского общества 2 февраля 1910 г. присутствовали около 50 его членов, а 4 апреля удалось собрать уже только 30–40 человек [Там же. 1910. 4 февр., 8 апр.]. В Красноярске собрание членов общества 21 марта 1910 г. посетили менее 20 человек с учетом членов комитета. Для обсуждения же вопроса о ликвидации красноярского общества на собрание 4 декабря 1911 г. из 187 членов явились лишь 10 [Там же. 1910. 15 апр., 16 апр.; 1911. 10 дек.].

Все попытки либералов добиться оживления деятельности обществ обывателей и избирателей наталкивались на пассивность их членов. Среди членов иркутского общества, например, не нашлось желающих принять участие в деятельности комиссий по разработке вопросов, намеченных программой общества [11. 1910. 17 февр.]. Стремление руководства поправить бедственное финансовое положение общества путем увеличения членских взносов, являвшихся единственным источником денежных поступлений, также не вызвало сочувствия у большинства членов [Там же. 3 февр.]. Либералы Омска намеревались придать новый импульс деятельности общества обывателей и избирателей путем пересмотра некоторых его уставных положений. В частности, предлагалось заменить членов правления общества, избранных в городскую думу, новыми, чтобы обеспечить роль общества «как выразителя приговора общественного мнения над деятельностью гласных». Ставился омиачи и вопрос о необходимости «регулярного, а не случайного созыва общих собраний членов общества, что... уставом не предусмотрено, но легко может быть применено в практике» [8. 1910. 10 марта].

В конечном итоге превратить общества обывателей и избирателей в постоянно действующие организации так и не удалось. По распоряжению Министерства

внутренних дел во второй половине 1910 г. общества обывателей и избирателей были повсеместно закрыты [8. 1910. 25 авг., 16 сент.; 11. 1910. 29 авг.; 14. 1910. 7 сент.; 15. Л. 293]. Этот акт местные либералы восприняли как яркий пример правительственной политики подавления всех ростков общественной самодеятельности и общественного самосознания. Расценивая подобную политику как «борьбу против самых основ того общественного строя, при котором население призвано быть активным деятелем государственной жизни», редакция газеты «Сибирская жизнь» сочла ее совершенно неуместной в конституционном государстве и противоречащей принципам свободы, провозглашенным в Основных законах империи [8. 1910. 25 авг.]. Поток жалоб от руководителей закрытых обществ захлестнул правительствующий Сенат, но все они были оставлены без последствий [Там же. 25 авг., 14 окт., 19 окт., 4 нояб.].

Общества обывателей и избирателей не смогли выполнить возлагавшуюся на них миссию. Вполне успешно справившись с ролью своеобразного предвыборного штаба, они встретили решительный отпор со стороны властных структур при попытке модернизировать систему местного самоуправления на основе учета мнений и интересов горожан. Более того, в известной мере либералы получили результаты, прямо противоположные тем, на которые рассчитывали. Устойчивые позиции консерваторов в большинстве городских дум Сибири, поддержка, оказывавшаяся им со стороны администрации и влиятельных кругов цензовой буржуазии, бдительный контроль властей за деятельностью либералов, индифферентность и пассивность большинства горожан блокировали попытки выстроить эффективную систему взаимодействия органов самоуправления и общественности. В свою очередь, явная неспособность обществ обывателей и избирателей сколько-нибудь заметно преобразить систему городского самоуправления породила разочарование и не могла не повлиять негативно на мотивацию гражданской активности.

Анализ опыта обществ обывателей и избирателей как своего рода проектной модели организации местного самоуправления предполагает дифференцированный подход к определению их роли и значения в «идеальном» (на уровне замыслов) и «технологическом» (практика воплощения замыслов) измерениях.

Замыслы организаторов обществ обывателей и избирателей были созвучны либеральным представлениям о конституционном строе, правовом государстве, гражданском обществе. Этот контекст нельзя упускать из виду при определении стратегической направленности их деятельности. Объяснение данной инициативы

исключительно стремлением «либеральных элементов приблизиться к непосредственному участию в управлении общественной жизнью, приобрести массовую опору в среде населения» [3. С. 185] смещает акцент на тактические маневры (которые, безусловно, имели место), а потому представляется несколько упрощенным.

Местному самоуправлению отводилась важная роль в либеральной теории гражданского общества. Привлечение общественности к решению вопросов в сфере местного самоуправления (а именно в этом, по-видимому, и состояла первоочередная цель обществ обывателей и избирателей) было призвано обеспечить двойной эффект: сделать власть более открытой и тем самым создать необходимые гарантии законности и целесообразности управления, с одной стороны, и при этом придать дополнительный импульс развитию гражданской инициативы и ответственности – с другой [16. С. 78–79]. В соответствии с замыслом учредителей и руководителей комитетов общества обывателей и избирателей должны были стать формой организации коллективных действий с целью обеспечения демократизации системы местного самоуправления в Сибири и важным шагом на пути формирования культуры гражданского участия в деятельности соответствующих институтов.

Однако выход на «технологический» уровень, связанный с практической реализацией намеченного, оказался сопряжен с мощным корректирующим воздействием целого ряда факторов реальной социально-политической ситуации. В результате попытки выстроить горизонтальные, основанные на принципе обратной связи отношения власти и населения в формате системы местного самоуправления потерпели фиаско. Диалог власти и общества, на который рассчитывали инициаторы либерального проекта, так и не стал реальностью. При этом либералы получили дополнительную возможность убедиться в обоснованности своих представлений о возможности реорганизации системы местного самоуправления только при условии проведения общеполитических реформ.

При отсутствии институциональных основ для гражданского общества любая инициатива «снизу» жестко блокируется «сверху», а это, в свою очередь, оказывает деморализующее и демотивирующее воздействие на население. Однако в долгосрочной перспективе невосприимчивость к сигналам общественности и ригидность власти чреватые не только протестными настроениями, но и мощными социальными взрывами. Одним из множества эпизодов в продвижении Российской империи по этому пути в начале XX в. стала история обществ обывателей и избирателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1998. 813 с.
2. Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск : Изд-во Том.ун-та, 1978. 170 с.
3. Третьяков В.В., Третьяков В.Г. Кадеты Восточной Сибири в 1905–1907 гг. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 240 с.
4. Толочко А. П. К истории организационной деятельности либералов в Сибири в 1907–1914 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 133–137.
5. Макаруч С.В., Звягин С.П. Гражданская культура городского населения Сибири: местное самоуправление во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (33-2). С. 24–32.

6. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 6481.
7. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 601. Оп. 1 Д. 116.
8. Сибирская жинь. Томск.
9. Макачук С.В. Партийно-политическое влияние в городском самоуправлении Красноярска. 1905–1917 гг. // Актуальные проблемы местного самоуправления в Российской Федерации. Кемерово, 2005. С. 334–340.
10. Устав общества обывателей и избирателей гор. Томска. Томск, 1909. 8 с.
11. Сибирь. Иркутск.
12. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 25.
13. Программа конституционно-демократической партии (партии народной свободы) // Российские либералы: кадеты и октябристы. М. : РОССПЭН, 1996. С. 51–58.
14. Речь. СПб.
15. ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 138.
16. Вострикова В.В. Гражданское общество в теории нового российского либерализма (конец XIX – начало XX вв.) // Сергей Александрович Муромцев – председатель Первой Государственной думы: политик, ученый, педагог. Орел, 2010. С. 70–80.

Kharus Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

SOCIETIES OF INHABITANTS AND VOTERS IN SIBERIA AS A LIBERAL PROJECT FOR ORGANIZATION OF THE LOCAL GOVERNMENT

Keywords: municipal government; Siberia; liberalism; beginning of the 20th century.

The author aims to identify the role and significance of the Societies of inhabitants and voters (*Obshchestvo obyvatelei i izbiratelei*) for social and political life in Siberia. To do that, the author has conducted a comprehensive study of the organizational basis, goals, aims and objectives, main directions, and results of the work of these Societies in 1909–1910. The research is based on such primary sources as unpublished documents of the local administration, and materials of the regional press, which contained the information on meetings of the Societies, number of their members, initiatives of their leaders, and on how people reacted to these initiatives. The analysis of the bylaws of the Societies shows that their main mission was to ensure meaningful cooperation between citizens and the local government regarding municipal improvement. The slates of the Societies' candidates at the elections to the city dumas demonstrates that the majority of these candidates were non-partisan. Their agenda as the members of the city dumas did not have any political overtone and focused only on solving the problems of the city. At the same time, the author came to a conclusion that, overall, their strategy of social and political development was liberally oriented. The facts presented in the article prove that the creation of the Societies of inhabitants and voters was initiated by the liberals, and it was the liberals who set a tone to the work of the Societies. During the electoral campaign to the city dumas, the Societies directed their main efforts towards increasing social activity and responsibility of voters. The leaders and the active members of the Societies believed that once their representatives were elected to the self-government bodies, they would be able to participate directly in solving the problems of the municipal improvement. But these intentions were strongly opposed by the authorities. In the second half of 1910, the Ministry of the Internal Affairs ordered to close the Societies of inhabitants and voters. When studying the experience of the Societies as a project model for the organization of the local governance, the author suggests a differentiated approach to identification of their role and significance in the "ideal" and the "technological" dimensions. The ideas of the initiators of the Societies of inhabitants and voters were consonant with liberal views on the "state of law" and the civil society. In practice, the attempts to build horizontal communication between the authorities and citizens in a format of self-government system failed. This fact proves the validity of the assumption that the reorganization of the system of local self-government was possible only if the whole political system was reformed.

REFERENCES

1. Kharus, O.A. (1998) *Liberalizm v Sibiri nachala XX veka* [Liberalism in Siberia in the early 20th century]. History Doc. Diss. Tomsk.
2. Mosina, I.G. (1978) *Formirovanie burzhuazii v politicheskuyu silu v Sibiri* [Formation of the bourgeoisie in political power in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Tretyakov, V.V., & Tretyakov, V.G. (1997) *Kadety Vostochnoy Sibiri v 1905 – 1907 gg.* [Cadets of Eastern Siberia in 1905–1907]. Irkutsk: Irkutsk State University.
4. Tolochko, A.P. (2012) On the history of the organizational activities of the Liberals in Siberia in 1907–1914. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(20). pp. 133–137. (In Russian).
5. Makarchuk, S.V. & Zvyagin, S.P. (2015) *Grazhdanskaya kul'tura gorodskogo naseleniya Sibiri: mestnoe samoupravlenie vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Civil culture of Siberian urban population: local self-government in the second half of the 19th and early 20th centuries]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 4(33-2). pp. 24–32.
6. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 3. File 6481.
7. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 601. List 1. File 116.
8. *Sibirskaya zhin'*. (Tomsk).
9. Makarchuk, S.V. (2005) *Partiynno-politicheskoe vliyanie v gorodskom samoupravlenii Krasnoyarska. 1905 – 1917 gg.* [Party and political lobbying in the city self-government of Krasnoyarsk. 1905–1917]. In: *Aktual'nye problemy mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii* [Topical problems of local self-government in the Russian Federation]. Кемерово: [s.n.]. pp. 334–340.
10. Society of Residents and Voters of Tomsk. (1909) *Ustav obshchestva obyvateley i izbirateley gor. Tomsk* [Charter of the Society of Residents and Voters of Tomsk]. Tomsk: [s.n.].
11. *Sibir'*. (Irkutsk).
12. The State Archives of the Omsk Region (GAOO). Fund 30. List 1. File 25.
13. The Constitutional Democratic Party. (1996) *Programma konstitutsionno-demokraticheskoy partii (partii narodnoy svobody)* [Program of the Constitutional Democratic Party (Party of People's Freedom)]. In: Pavlov, D.B. & Shelokhaev, V.V. (eds) *Rossiyskie liberaly: kadety i oktyabristy* [Russian liberals: Cadets and Octobrists]. Moscow: ROSSPEN. pp. 51–58.
14. *Rech'*. (St. Petersburg)
15. The State Archives of the Omsk Region (GAOO). Fund 190. List 1. File 138.
16. Vostrikova, V.V. (2010) *Grazhdanskoe obshchestvo v teorii novogo rossiyskogo liberalizma (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Civil society in the theory of new Russian liberalism (the late 19th – early 20th centuries)]. In: Shelokhaev, V.V. et al. *Sergey Aleksandrovich Muromtsev – predsedatel' Pervoy Gosudarstvennoy dумы: politik, uchenyy, pedagog* [Sergey Alexandrovich Muromtsev – Chairman of the First State Duma: politician, scientist, teacher]. Орел: ID Orlik. pp. 70–80.

УДК 323.174

DOI: 10.17223/19988613/55/10

М.Б. Шорова

АКТУАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В СССР В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-х гг.

Исследуются основные условия и факторы актуализации национального вопроса в СССР в условиях глобальных системных изменений второй половины 1980-х гг. Выявляются законодательные инициативы союзного руководства на исходе советской эпохи, направленные на государственно-политическую стабилизацию, но при этом спровоцировавшие выход национального вопроса на первый план общественно-политической жизни страны. Привлеченные источники и литература позволяют проследить, как руководством страны пересматривались теоретические основы партийной национальной политики, что привело к отходу от тезиса об окончательном решении национального вопроса.

Ключевые слова: СССР; национальный вопрос; национальное самосознание.

Характер и содержание национального вопроса в России существенным образом менялись на различных этапах исторического развития. Итоги советской национальной политики были подведены на XXVII съезде КПСС (25 февраля – 6 марта 1986 г.), на котором было подчеркнуто, что «национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решен» [1. С. 156].

По мнению некоторых современных исследователей, заявлять об этом в условиях, когда сохранялось неравенство национальностей, а этническая солидарность использовалась для достижения социальных и политических преимуществ, было несколько поспешно [2. С. 227]. Усиливавшиеся центробежные процессы в ряде регионов СССР требовали незамедлительного внимания к национальным проблемам, а правящая партия запаздывала с принятием своевременных и адекватных мер и механизмов их решения.

Осенью 1987 г. состоялся пленум ЦК КПСС, посвященный 70-летию Октябрьской революции. На нем М.С. Горбачев призвал довести до конца начатый в середине 1960-х гг. процесс «восстановления справедливости» и реабилитировать невинно пострадавших в результате необоснованных репрессий [3]. Учитывая, что многие репрессии в Советском Союзе носили этнический характер, высказывание Генерального секретаря ЦК КПСС не могло не повлиять на дальнейший процесс актуализации национального вопроса и углубления национальной проблемы.

Исторический фактор становится неременной составляющей идеологии национальных движений. С этого времени начинается процесс политизации их деятельности. Во многом он шел параллельно с демократизацией советского общества, важным этапом которого стала XIX партийная конференция (28 июня – 1 июля 1988 г.). Она открыто обсудила вышедшие на поверхность конфликты [4. С. 267–276], признала ошибочной абсолютизацию некоторых успешных результатов национальной политики.

Было отмечено, что «негативные явления, накапливаясь десятилетиями, игнорировались, загонялись внутрь, не получая должной партийной оценки», в результате чего «некоторые вопросы начали осложняться и приобрели в ряде случаев националистическую окраску» [5. С. 145–146]. Причиной обострения межнациональных отношений М.С. Горбачев считал также неумение соединить воедино национальные и общенародные интересы. Поэтому, по его мнению, максимальный учет «интересов каждой нации и народности» стал вопросом «исторической важности» [6. С. 65].

Конференция предложила уточнить комплекс нормативных актов, регулирующих положение, права и обязанности союзных, автономных республик, других национальных образований [Там же. С. 63–64]. Кроме того, возникла необходимость создания государственных и общественных институтов по межнациональным проблемам [Там же. С. 66]. Теперь, главной задачей Совета Национальностей Верховного Совета СССР должно было стать рассмотрение вопросов межнациональных отношений, соблюдение законодательства в этой сфере [Там же. С. 53]. Для глубокой научно-теоретической разработки проблем национальных отношений конференция вынесла решение о созыве специального Пленума ЦК КПСС.

Проект платформы «О национальной политике партии в современных условиях» стал достоянием гласности за месяц до открытия сентябрьского (1989 г.) пленума ЦК КПСС [7]. В связи с этим было проведено совещание руководителей центральных средств массовой информации по вопросу их ответственности при освещении состояния и проблем межнациональных отношений. «Обновление общества невозможно без обновления и национальной политики, без исправления ошибок прошлого и радикальных перемен», – отмечалось на совещании. Отныне основополагающим принципом национальной политики должно было стать равенство всех народов и людей независимо от национальности [8].

В повестке дня пленума ЦК КПСС, начавшего работу 19 сентября 1989 г., стояли вопросы о созыве

очередного съезда партии и о национальной политике [9. С. 3]. Постановление по первому вопросу было принято без каких-либо сложностей [Там же. С. 13]. Бурное обсуждение вызвал доклад М.С. Горбачева по второму вопросу. Оценив современное состояние межнациональных отношений как сложное, он указал на причины их обострения – ошибки и деформации предшествующих десятилетий. Их следствием стали «проблемы социально-экономические и государственно-правовые, экологические и демографические, развития языка и культуры, сохранения национальных традиций» и особенно акты «несправедливости и беззакония в отношении некоторых народов», допущенные в годы войны [Там же. С. 18].

Переоценка недавнего исторического прошлого была объективно вызвана политикой нового руководства страны, которое вновь прибегло к теме «реабилитации» как рычагу давления на общественность для коррекции ее гражданской позиции в своих интересах. При этом считалось важным не выпустить идею «реабилитации» из состояния декларации, обсуждая ее во всех властных структурах, призывая к немедленному созданию нормативно-правовой базы для устранения допущенной несправедливости. Для исключения негативных последствий пленум призвал «сделать все для восстановления поправленных прав» этих народов [Там же. С. 19].

Наряду с федеративным переустройством СССР и дальнейшим расширением прав и укреплением суверенитета союзных республик указывалось на необходимость рассмотрения вопроса «о дискриминационном положении» РСФСР и «придании нового статуса советским автономиям». Речь шла о расширении прав автономных областей и округов, возможности создания национальных районов в местах компактного проживания национальностей, а также общесоюзных советов граждан крупных по численности наций, у которых нет собственной территориальной автономии. Новая национальная политика призвана была обеспечить «широкие возможности для удовлетворения специфических интересов каждого народа и укрепления гарантий прав граждан вне зависимости от их национальной принадлежности» [Там же. С. 29].

Председатель Госплана СССР Ю.Д. Маслюков предложил использовать опыт первых лет советской власти и для решения особо острых национальных вопросов создать государственное образование по типу Наркомнаца [Там же. С. 118–119]. Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р.Н. Нишанов дополнил его идею предложением перевести политические установки на язык законодательных актов, укреплять и развивать правовые основы регулирования национальных отношений [Там же. С. 74–78].

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР В.И. Воротников признал, что недостаточное внимание развитию национальных экономик и культур, воспитанию национальных кадров стало следствием того, что «длительное время мы недооценивали всю глубину национальных процессов, тешили себя иллюзиями» [Там же. С. 86].

В работе пленума приняли участие руководители северокавказских партийных организаций. Они добивались принятия решений о повышении национально-государственного статуса возглавляемых ими территорий. Их взгляд на поднятые вопросы изнутри мог представить пленуму рассматриваемые проблемы в несколько ином ракурсе.

Так, первый секретарь Чечено-Ингушского обкома партии Д.Г. Завгаев заметил, что на межнациональные отношения оказывают влияние не только политические, но и хозяйственные и кадровые решения, требующие более взвешенных подходов. Подвергнув критике решения некоторых республик о провозглашении родного языка государственным, он предостерег от повторения знакомой ошибки – «перескакивания через естественные этапы того или иного процесса, как это уже было с “полным решением национального вопроса”» [Там же. С. 134–135].

Руководитель дагестанских коммунистов М.Ю. Юсупов указал на отсутствие механизма по преодолению причин, породивших неравномерность развития республик и регионов, что, по его мнению, приводит к стигмулированию неоправданных, дорогостоящих миграционных потоков внутри и вне пределов республики. А это, в свою очередь, может стать причиной возникновения новых зон социальной и национальной напряженности [Там же. С. 168].

Первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии Е.А. Елисеев акцентировал внимание на создании равных прав и возможностей всем республикам и нациям и механизма повседневного управления национальными процессами. В экономике, по его мнению, таковым мог бы стать региональный хозрасчет, способный обеспечить органичное единство экономических интересов национальных образований и государства. В законодательной сфере этот механизм виделся в виде Палаты Национальностей Верховного Совета Союза, в союзных и автономных республиках и областях – комиссий по межнациональным отношениям. В сфере исполнительной власти – в виде Госкомитета по совершенствованию межнациональных отношений с соответствующими подразделениями в союзных, автономных республиках и других национальных образованиях. Е.А. Елисеев также не обошел проблему «совершенствования языковой политики», ибо важную роль в «раскручивании» этнической мобилизации в национальной республике играет именно язык [10]. 20 сентября 1989 г. пленум ЦК принял платформу «О национальной политике партии в современных условиях» и поручил партийным организациям всех уровней разработать соответствующие мероприятия [11].

В новой платформе КПСС решение национального вопроса в советской истории условно делилось на два периода: «при» и «после» Ленина. Признавалось, что деформации более пагубно сказались на межнациональных отношениях на втором этапе. Под видом защиты государственных интересов ограничивалась

самостоятельность республик, размывалась грань между компетенцией Союза и республик, суверенитет которых становился формальным. Другой причиной обострения национальных проблем назывались массовые репрессии, противоречия экстенсивного индустриально-экономического развития, игнорирование его социальных и экологических последствий. Решения XX съезда партии по устранению последствий беззакония не удалось полностью реализовать, и курс на окончательную ликвидацию последствий сталинизма стал главным рычагом воздействия руководства страны на общественное настроение. При этом не учитывалось, что национальные проблемы были следствием «главным образом не политики “национального гнета”, а тем, что идеология и практика государственного социализма формально закрепляли этнические и национальные различия» [12. С. 54].

В платформе отмечалась пагубность «недооценки реальных общественных процессов» и указывалось, что «рост национального самосознания пробуждал интерес к истории своего народа, его культурным ценностям и традициям». Однако догматические установки на форсированное сближение наций, утверждение о якобы окончательном решении национального вопроса на деле вели к унитаризму, умалению национального многообразия и особенностей духовной жизни.

В заключение указывалось, что советское общество, вступив на путь радикальных реформ и критически переосмыслив свое прошлое, поставило задачу «вливать новую энергию в экономическую, политическую, духовную жизнь каждого народа... и открыть простор свободному национальному развитию». Отмечалась, что достижение поставленной задачи потребует радикального преобразования советской федерации, восстановления законных прав и интересов народов автономных республик, областей и округов. На качественно новый уровень следовало поднять политику в области культуры, последовательно проводить в жизнь конституци-

онные принципы равноправия граждан вне зависимости от их расовой, религиозной и национальной принадлежности [13].

Примером реализации положений новой партийной платформы стало создание 15 ноября 1989 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Государственного комитета РСФСР по национальным вопросам. В его структуру вошли: Главное управление национального образования, законодательства и правовых вопросов; Главное управление социально-экономического развития и национальных программ; Главное управление межнациональных отношений; Управление национально-культурного развития и подготовки национальных кадров; Управление народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Управление информации и научно-методических работ; Управление делами [14. С. 80].

Таким образом, национальный вопрос был признан руководством страны и на местах приоритетным в политике советского государства. Однако на деле решения пленума вместо разрядки ситуации привели к противоположному эффекту. Этнорегиональные противоречия, проявившиеся в СССР, вызвали «на поверхность проблемы совместимости культур, или способов жизнедеятельности и стереотипов восприятия» [15. С. 179–280]. Активизация десятков ранее латентных этнических конфликтов, возникновение их новых очагов «сформировали в общественном сознании, особенно на Северном Кавказе, образ этнической катастрофы» [16. С. 32].

При этом практические шаги центрального руководства страны, отличаясь догматизмом и неэффективностью, вызывали раздражение и непонимание противоборствующих сторон. На данном этапе советское руководство как субъект управления, по справедливому замечанию Ж. Тощенко, так и не нашло механизма согласования интересов человека, наций и государства [17. С. 204]. В результате национальные идеи стали доминирующими в массовом общественном сознании и разрушительными для союзного государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза // Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М. : Политиздат, 1986. С. 121–188.
2. Тишков А.В. Этничность и национализм в постсоветском пространстве // Региональные проблемы межнациональных отношений в России / под ред. Н.А. Томилова. Омск, 1993. С. 265–277.
3. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается : доклад на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октябрьской революции // Труд. 1987. 8 нояб.
4. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса : пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Аспект-Пресс, 1994. 317 с.
5. О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны : резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС // Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г. М. : Политиздат, 1988. 160 с.
6. Горбачев М.С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки : доклад Генерального секретаря ЦК КПСС от 28 июня 1988 г. // Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г. М. : Политиздат, 1988. 160 с.
7. Национальная политика партии в современных условиях (проект платформы) // Кабардино-Балкарская правда. 1989. 18 авг.
8. Совецание в ЦК КПСС // Кабардино-Балкарская правда. 1989. 11 авг.
9. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19–20 сентября 1989 г. М. : Политиздат, 1989. 255 с.
10. Выступление первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома КПСС Е.А. Елисеева на Пленуме ЦК КПСС 19 сентября 1989 года // Кабардино-Балкарская правда. 1989. 23 сент.
11. О национальной политике партии в современных условиях : постановление пленума Центрального Комитета КПСС от 20 сентября 1989 г. // Кабардино-Балкарская правда. 1989. 21 сент.

12. Боров А.Х., Битова Е.Г. Проблемы демократизации и этнополитической реконструкции в Северо-Кавказском регионе : методология анализа // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. 1998. № 2. С. 52–58.
13. Национальная политика партии в современных условиях : платформа КПСС // Кабардино-Балкарская правда. 1989. 26 сент.
14. Тузов Н.В. Этнический и религиозный факторы во внутренней политике России на стыке веков // Религия. Культура. Образование. 2007. № 1. С. 79–84.
15. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М. : Наука, 1995. 142 с.
16. Авксентьев В.А. Этнические проблемы Северного Кавказа в контексте общероссийских и мировых этнических процессов // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. 1998. № 2. С. 32–35.
17. Симонян Р.Х. Размышления над книгой Ж.Т. Тощенко. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М., 2003, 432 с. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII, № 2. С. 203–207.

Shorova Maryana B. Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia). E-mail: mshorova@mail.ru

UPDATING OF THE NATIONAL QUESTION IN THE USSR UNDER CONDITIONS OF SOCIAL-POLITICAL TRANSFORMATIONS IN THE SECOND HALF OF THE 1980s

Keywords: the USSR; the national question; national identity.

The aim of the study was to identify the main conditions and factors of actualization of the national question in the Soviet Union in the second half of 1980-ies.

To achieve objectives it is necessary to solve following research tasks: to consider initiatives of the authorities aimed at the solution of the national question in the country; to explore the process of mobilization and politicization of the national movements; to determine the vectors of the national question.

The methodological basis of research are the principles of historicism (review events and developments in the interrelationship and interdependence in the concrete historical situation and in chronological order), objectivity (the desire to make the study reliable) and the principle of consistency (the events and phenomena of the past are seen as links in a system).

Source base of the research consists of party materials (party program, the resolutions and decisions of the Plenum, party platforms, etc.). Source analysis of documents of the Communist party allows reconstructing the political-ideological attitudes, and directing their implementation. Appeal to party documentation as a historical source is extremely important for reliably convincing historical reconstruction of the investigated events of the Soviet era, creating a holistic and dynamic picture of it. Also the reports of the Secretary-General of the CPSU Central Committee M.S. Gorbachev, which reflected large-scale changes in ideology, economy and political life of the country, were used.

The analysis of the research problems led to the following conclusions:

1. The national question had taken a key role in public-political life of the USSR in the second half of the 1980s, because it appeared as a major threat to the whole system of the existing government. This caused a revision of the theoretical foundations of the party's national policy and the abandonment of the thesis of the final solution. Thus, the national question was recognized, though with obvious delay, priority for the management.
2. Initiatives of the party and state leadership, aimed at stabilizing the ethno-political life of the country, provoked the emergence of the national question to the fore.
3. The two vectors of the national question were designated. On the one hand, in the framework of updating of the Russian state, the national question was reduced to the determination of the powers of the Centre and republics, to seek to raise the level of their national-state status. The "vertical" dimension of the national question has not boded any complications between the parties. On the other hand, the process of ethnic mobilization has translated the national question in the "horizontal" plane – worsened inter-ethnic relations.

REFERENCES

1. The CPSU. (1986) Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza [The program of the Communist Party of the Soviet Union]. In: *Materialy XXVII s"ezda Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* [Proceedings of the 27th Congress of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: Politizdat. pp. 121–188.
2. Tishkov, A.V. (1993) Etnichnost' i natsionalizm v postsovetskom prostranstve [Ethnicity and nationalism in the post-Soviet space]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Regional'nye problemy mezhnatsional'nykh otnosheniy v Rossii* [Regional problems of interethnic relations in Russia]. Omsk: [s.n.]. pp. 265–277.
3. Gorbachev, M.S. (1987) Oktyabr' i perestroika: revolyutsiya prodolzhaetsya (na torzhestvennom zasedanii, posvyashchennom 70-letiyu Oktyabr'skoy revolyutsii) [October and Perestroika: the revolution continues (at the solemn meeting dedicated to the 70th anniversary of the October Revolution)]. *Trud.* 8th November.
4. Zdravomyslov, A.G. (1994) *Sotsiologiya konflikta: Rossiya na putyakh preodoleniya krizisa* [Sociology of conflict: Russia on the way to overcome the crisis]. Moscow: Aspekt-Press.
5. The CPSU. (1988) Rezolyutsiya XIX Vsesoyuznoy konferentsii KPSS "O nekotorykh neotlozhnykh merakh po prakticheskomu osushchestvleniyu reformy politicheskoy sistemy strany" [Resolution of the 19th All-Union Conference of the CPSU "On some urgent measures for the practical implementation of the reform of the political system of the country"]. In: *Materialy XIX Vsesoyuznoy konferentsii Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza, 28 iyunya – 1 iyulya 1988 g.* [Materials of the 19th All-Union Conference of the Communist Party of the Soviet Union, June 28 – July 1, 1988]. Moscow: Politizdat.
6. The CPSU. (1988) Doklad General'nogo sekretarya TsK KPSS M.S. Gorbacheva "O khode realizatsii resheniy XXVII s"ezda KPSS i zadachakh po uglubleniyu perestroiki" ot 28 iyunya 1988 goda [Report of the General Secretary of the Central Committee of the CPSU, M.S. Gorbachev "On the implementation of the decisions of the 27th Congress of the CPSU and the tasks of deepening perestroika" of June 28, 1988]. In: *Materialy XIX Vsesoyuznoy konferentsii Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza, 28 iyunya – 1 iyulya 1988 g.* [Materials of the 19th All-Union Conference of the Communist Party of the Soviet Union, June 28 – July 1, 1988]. Moscow: Politizdat.
7. *Kabardino-Balkarskaya pravda.* (1989a) Natsional'naya politika partii v sovremennykh usloviyakh (proekt platformy) [National party policy in modern conditions (project platform)]. 18th August.
8. *Kabardino-Balkarskaya pravda.* (1989b) Soveshchanie v TsK KPSS [Meeting in the Central Committee of the CPSU]. 11th August.
9. The CPSU. (1989) *Materialy Plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS, 19-20 sentyabrya 1989 g.* [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU, September 19–20, 1989]. Moscow: Politizdat.
10. *Kabardino-Balkarskaya pravda.* (1989c) Vystuplenie pervogo sekretarya Kabardino-Balkarskogo obkoma KPSS E.A. Eliseeva na Plenumе TsK KPSS 19 sentyabrya 1989 goda [Speech by the First Secretary of the Kabardino-Balkarian Regional Committee of the CPSU E.A. Eliseev at the Plenum of the Central Committee of the CPSU on September 19, 1989]. 23rd September.

11. *Kabardino-Balkarskaya pravda*. (1989d) Postanovlenie plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS ot 20 sentyabrya 1989 goda "O natsional'noy politike partii v sovremennykh usloviyakh" [Resolution of the Plenum of the Central Committee of the CPSU of September 20, 1989 "On the national policy of the party in modern conditions"]. 21st September.
12. Borov, A.Kh. & Bitova, E.G. (1998) Problemy demokratizatsii i etnopoliticheskoy rekonstruktsii v Severo-Kavkazskom regione: metodologiya analiza [Problems of democratization and ethno-political reconstruction in the North Caucasus region: an analysis methodology]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severokavkazskiy region*. 2. pp. 52-58.
13. *Kabardino-Balkarskaya pravda*. (1989e) Natsional'naya politika partii v sovremennykh usloviyakh (platforma KPSS) []. 26th September.
14. Tuzov, N.V. (2007) Etnicheskiy i religioznyy faktory vo vnutrenney politike Rossii na styke vekov [Ethnic and religious factors in the internal politics of Russia at the turn of the century]. *Religiya. Kul'tura. Obrazovanie*. 1. pp. 79–84.
15. Landa, R.G. (1995) *Islam v istorii Rossii* [Islam in the history of Russia]. Moscow: Nauka.
16. Avksentev, V.A. (1998) Etnicheskie problemy Severnogo Kavkaza v kontekste obshcherossiyskikh i mirovykh etnicheskikh protsessov [Ethnic problems of the North Caucasus in the context of national and world ethnic processes]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severokavkazskiy region*. 2. pp. 32–35.
17. Simonyan, R.Kh. (2005) Razmyshleniya nad knigoy Zh.T. Toshchenko. Etnokratiya: istoriya i sovremennost' (sotsiologicheskie ocherki). M., 2003, 432 s. [Reflections on the book by Zh.T. Toshchenko "Ethnocracy: history and modernity (sociological essays)". M., 2003, 432 p.]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 8(2). pp. 203–207.

УДК 94(571.1)

DOI: 10.17223/19988613/55/11

Т.К. Щеглова

КАЗНА И КРЕСТЬЯНСТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В БОРЬБЕ ЗА АРЕНДУ СЕЛЬСКИХ ЯРМАРОЧНЫХ ПЛОЩАДЕЙ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Целью статьи является анализ казенного ярмарочного арендно-оброчного хозяйства в контексте модернизации на рубеже XIX–XX вв., этапов его развития, путей и способов получения доходов от ярмарочных площадей, их места в общих поступлениях. Характеризуются система зачисления ярмарочных площадей в оклад, проведения торгов по сдаче ярмарочных площадей в аренду, проблемы с обустройством и содержанием ярмарочных площадей. Описывается складывающееся вокруг арендных ярмарочных доходов противостояние региональной власти с крестьянскими обществами и церковью, с центральной властью. На примере ярмарочных площадей показано влияние казенного арендно-оброчного хозяйства Западной Сибири на развитие материальной базы региональных рынков и сельское торговое предпринимательство.

Ключевые слова: Тобольская губерния; Томская губерния; государство; казенное хозяйство; ярмарочные площади; аренда; сельское общество; торговое предпринимательство; тенденции

Одной из обсуждаемых проблем формирования рыночной экономики является развитие торговой инфраструктуры по продвижению производимого продукта и ее технико-экономическое оснащение. Решение этой проблемы сопряжено с необходимостью изучения производственной базы торговли, ее способности поддерживать промышленное и сельскохозяйственное предпринимательство в меняющихся материально-технических условиях производства и транспортировки. В России ее состояние было обусловлено нерешенностью вопросов земельной собственности и значительной ролью казенного сектора в экономике и народном хозяйстве, в Сибири – государственной (казенной) собственностью на землю, наличием казенно-оброчного хозяйства, крестьянско-общинным землепользованием и массовым землеустройством на рубеже XIX–XX столетий.

Ярмарочные площади являлись частью производственной базы торговли, занимали центральные территории и имели постоянные торгово-производственные помещения, которые приносили доход, как правило, лишь в период проведения торговли на ярмарке, но требовали содержания в течение всего года. В Западной Сибири ярмарочные площади с середины XIX в. вошли самостоятельными статьями в казенно-оброчное хозяйство с доходом в казну Главного управления Западной Сибири.

Однако в сибирской историографии при сформировавшемся устойчивом внимании исследователей к развитию ярмарок второй половины XIX в. и меньшем внимании к началу XX в. вопросами развития материальной базы ярмарок не занимались вообще. Невнимание историков к этой проблеме при тенденциях роста численности ярмарок и их торговых оборотов на территории Сибири в период утверждения рыночной экономики [1–2] негативно влияет на решение ключевой проблемы этого периода – определение темпов и уровня экономической модернизации России.

В статье автором предпринимается попытка проанализировать переустройство хозяйственной жизни Сибири под влиянием рыночной экономики через призму состояния ярмарочного арендно-оброчного хозяйства. Для этого, с одной стороны, ставится задача определить степень влияния на развитие ярмарочной производственной базы вопросов землепользования, землеустройства, развития казенного арендно-оброчного хозяйства, с другой стороны, выявить влияние производственной базы ярмарок на развитие торгового предпринимательства и втягивание крестьян в рыночно-предпринимательскую деятельность. Анализируется способность самого ярмарочного хозяйства адаптироваться к новым социально-экономическим требованиям. Также ставится задача определить место ярмарочных арендно-оброчных статей в развитии казенного и предпринимательского хозяйства в условиях рыночной модернизации.

В проведенном исследовании автором используются документы региональных архивов Западной Сибири – Омска (Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (БУ ИсА), Тобольска (Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО «ГА в г. Тобольске»)), и центрального Российского государственного исторического архива (РГИА). Первую группу документов составляют нормативно-распорядительные указы и циркуляры о формировании казенного хозяйства, его арендно-оброчных статей, условиях их сдачи в аренду. Во вторую группу входят историко-статистические сведения о казенных арендных статьях, материалы ревизий арендных ярмарочных площадей и др. Третью группу выявленных в архивах источников представляют делопроизводственные документы, содержащие описания производственных помещений ярмарочных площадей, переписку государственных учреждений и крестьянских обществ вокруг вопросов о принадлежности и содержании ярмарочных площадей и производственных помещений и т.д.

Хронологически основное внимание автора сосредоточено на конце XIX – начале XX в. Но в связи с тем, что истоки формирования ярмарочного хозяйства относятся к середине XIX в., автор проводит решение поставленных в статье задач через выделение этапов взаимоотношений государства и крестьян вокруг вопросов обустройства и пользования ярмарочными площадями.

Начало первого этапа, который охватывает несколько десятилетий, относится к середине XIX в. На этом этапе комиссией по ревизии государственных имуществ при Главном управлении Западной Сибири были разработаны основные положения казенно-оброчного хозяйства Западной Сибири, а для управления казенно-оброчным хозяйством в 1849 г. было создано IV отделение по государственным имуществам [3]. В него наряду с земельными статьями и рыбными ловлями были включены ярмарочные площади и устраиваемые на казенный счет во время ярмарок в селениях государственных крестьян лавки и балаганы. За основу сдачи в аренду казенных площадей Сибири были взяты «кондиции на отдачу в содержание ярмарочных площадей», разработанные в 1840-е гг. Тобольской казенной палатой. Первая ревизия казенных ярмарочных площадей 1850-х гг. показала, что строительство и содержание торговых помещений требует значительных расходов от казны, поэтому при «огромных издержках» «ожидаемые выгоды от этой меры весьма сомнительны».

Для оптимизации расходов постановлением генерал-губернатора Западной Сибири от 27 сентября 1863 г. было признано более выгодным отдавать в оброчное содержание только сами ярмарочные площади, предоставляя право устраивать лавки и балаганы арендаторам площадей. Новый Устав о казенных оброчных податях (1867 г.) закрепил право государства на учреждение ярмарок и сдачу их площадей в аренду, отрегулировал вопросы их обустройства, содержания, эксплуатации и уплаты оброчных денег. В этих условиях Главным управлением Западной Сибири была инициирована работа по составлению планов ярмарочных площадей и зачислению их в клад казенно-оброчных статей. Отводом земли занимались губернские землемеры. В 1868 г. были проведены первые торги по сдаче площадей в аренду в Томской и Тобольской губерниях [4. Л. 2.].

Уже на первом этапе при включении ярмарочных площадей в казенно-оброчное хозяйство губернские власти столкнулись с нерешенностью земельного вопроса и отсутствием информации о принадлежности производственных помещений на ярмарочных площадях, так как в предыдущие годы обустройством ярмарочных площадей занимались и казна, и крестьяне. Многие ярмарочные площади располагались на центральных площадях сельских поселений при церквях, и торгово-производственные помещения были выстроены на средства крестьянского общества или церковного прихода. В таких случаях часто доходы от ярмарочных площадей передавались сельскими обществами

церквям на строительство, ремонт или содержание соборов, церковноприходских школ, духовных училищ и т.д. По мнению и крестьян, и церкви, они имели полное право на доходы от сдаваемых на время ярмарки торговых помещений.

В результате многие выигравшие первые торги арендаторы стали жаловаться на отказы церкви или сельского общества отдать им торговые помещения на ярмарочных площадях. По требованию генерал-губернатора Западной Сибири в 1871 г. была проведена очередная ревизия в казенных селениях с определением принадлежности торгово-производственных помещений в пользу Главного управления. После этого началась переторжка ярмарочных площадей. Так, по торгам 20 сентября 1871 г. Ялutorовским полицейским окружным управлением были сданы в аренду 25 казенных площадей на 12 лет на сумму 2 642 руб. 95 коп. [5. Л. 4.]. Переторжки в условиях нерешенности земельных вопросов и разграничений землепользования спровоцировали борьбу крестьян и церковных причтов против региональных администраций. Это не остановило работу по изъятию ярмарочных площадей в «оброчное состояние» вплоть до 1882 г.

На этом этапе в соответствии с Уставом о казенных оброчных статьях (ст. 16 и 43) практиковалось два пути получения доходов от ярмарочных статей на казенных площадях. Приносящие доход ярмарочные площади отдавались в аренду в «срочное» содержание (на срок) целиком, что предполагало ремонт и содержание помещений и производственных объектов (весы, скотобойни и др.) на площади арендаторами круглогодично, а не только во время проведения ярмарки. В случаях отсутствия на торгах желающих взять в аренду ярмарочная площадь сдавалась в «хозяйственное управление», при котором затраты по круглогодичному содержанию ярмарочных площадей, ремонту, строительству, охране осуществлялись на казенный счет, а на время ярмарки отдавалась крестьянскому обществу с уплатой краткосрочной аренды. Для казны это было невыгодно, так как доходы не всегда оправдывали расходы на содержание, что подрывало саму идею казенного арендно-оброчного хозяйства. Но в этот период господства ярмарок в ввозно-вывозной торговле сибирских регионов единичные случаи не влияли на общую картину поступлений от ярмарочной торговли.

На этом этапе был создан региональный механизм контроля над арендно-оброчными статьями, предусматривавший смешанное государственно-общественное иерархическое распределение обязанностей: от волостного правления до Главного управления Западной Сибири, которое непосредственно подчинялось в вопросах ярмарочного арендно-оброчного хозяйства МВД. В губерниях за арендно-оброчные статьи перед Главным управлением отвечали губернские казенные палаты (в соответствии со ст. 4 Устава о казенных оброчных статьях (изд. 1876 г.)). Проведение ярмарочно-арендных процедур было возложено на Третье отделение

казенных палат, сведения о содержании ярмарочных площадей, штрафы и пени поступали в Хозяйственное отделение. Казенные палаты ежемесячно уведомляли Контрольную палату Западной Сибири (Омск) при Главном управлении Западной Сибири [5–9]. Ответственными исполнителями по производству торгов на местах и заключению контрактов являлись окружные исправники, которые как чины полиции подчинялись казенным палатам. Сборщиками оброка с отданных в аренду ярмарочных площадей являлись уездные казначейства. Они ведали документами на аренду ярмарочных площадей (контракты, условия, квитанции). За отдаваемые в хозяйственное распоряжение площади отвечали волостные правления.

Торги по сдаче ярмарочных площадей в аренду проводились, как правило, под контролем уездных администраций. Условия предусматривали участие всех желающих; выигрывал тот, кто предлагал наибольшую сумму. Арендная оплата вносилась в уездное казначейство 2 раза в год (по полугодиям) за полгода вперед. Для экономии казенных средств по сдаче площадей в аренду выставлялись сразу несколько площадей. В 1871 г. ялуторовский окружной полицейский на проводимых торгах выставил сразу 25 площадей [5. Л. 7.].

Стоит отметить, что на этом этапе, во второй половине XIX в., государственная политика сохраняла своими узаконениями привлекательность и жизнедеятельность ярмарочных торгов, идущих от указов, в частности о беспошлинной торговле на ярмарках 1817 г. [10]. Это проявлялось, например, в том, что арендаторов ограничивали в ценах на сдаваемые на ярмарочных площадях торговые места. Оброчная ярмарочная политика предусматривала деление торговых помещений на 1-й и 2-й разряды в зависимости от расположения лавок на площади. Лавки 1-го разряда располагались на более бойких торговых местах, 2-го разряда – на периферии. Арендатор обязан был к началу ярмарки распечатать ценники с указанием платы за лавки, балаганы, возы; развесить их в нескольких местах площади для общего обозрения. Самовольное повышение цен было возможно только по веской причине и с согласия губернской казенной палаты. Наблюдение за ценами и сбором денег вели сельские и городские органы самоуправления.

В результате усилий региональных администраций ярмарочное оброчное хозяйство и доходы от него на протяжении всего первого этапа росли. По ревизии 1871–1872 гг. в Тобольской губернии числилось 50 оброчных статей, по ревизии 1880 г. – 93 ярмарочных площади с платой в 7,8 тыс. руб. 8 коп. Это было всего лишь в 2 раза меньше платы по земельным статьям, которая составляла 14,4 тыс. руб. А относительно платы за арендные рыболовные статьи (1,8 тыс. руб.) – в 4 раза больше. К концу XIX в. в казне числилось уже 102 ярмарочных площади с доходом 13 483 руб. [11. Л. 22.], что составляло до трети всех казенных арендно-оброчных поступлений. Меньше ярмарочные доходы казны были в Томской губернии, так как на ее территории в

казенный оброк были отнесены только ярмарки на государственных землях. Доходы с ярмарочных площадей на кабинетских землях обширного Алтайского округа шли в казну Кабинета е.и.в.

Второй этап начинается на рубеже XIX–XX вв. Существенное влияние в условиях капитализации производства, роста экономической состоятельности предпринимательства, внедрения рыночных принципов в развитие торгово-производственной инфраструктуры оказала корректировка ярмарочного законодательства России. Среди нововведений, неоднозначно повлиявших на ярмарочное оброчное хозяйство, стала отмена беспошлинной торговли на ярмарках I–IV разрядов для профессиональных торговцев и введение в 1880-е гг. торговых свидетельств и патентных билетов. В Сибири последствия такого поворота смягчило сохранение беспошлинной торговли для всех, в том числе купцов на самых массовых сельских ярмарках V разряда с торговлей не более недели, и для крестьян на ярмарках I–IV разрядов (за исключением Нижегородской) [10]. На состояние ярмарочной сферы рынка повлияли и кардинальные изменения в процедуре учреждения ярмарок, увеличившие полномочия регионов: если в XIX в. вопросы открытия или закрытия ярмарок, изменения сроков торговли на них решались через МВД, то в начале XX в. они были переданы региональным властям (губернским управлениям). Это повышало их ответственность за арендное ярмарочное хозяйство и доходы в казну. В совокупности все эти факторы для Сибири, где быстрый рост ярмарок шел за счет сельских недельных торгов с вовлечением в торговлю сельскохозяйственного производителя, привели к обострению вопросов об использовании ярмарочных площадей в крестьянских селениях.

На борьбу казны и крестьян в начале XX в. влияли условия и факторы формирующегося рыночного производства, требующего иной организации производственной базы торговли. В этот период обозначилась проблема старения материальной базы сельских ярмарок, созданной во второй половине XIX в. Сельские ярмарочные площади, в отличие от городских ярмарочных площадей, втянутых в начале XX в. в техническую модернизацию, не обновлялись. На развитие городской производственной базы благоприятное влияние оказывали реформы в области управления и самоуправления территорий [12.]. Среди них – введение на городских и крупных сборно-распределительных ярмарках I–II разрядов самоуправления в лице выборных ярмарочных комитетов, которым передавались вопросы содержания ярмарочных площадей и получения доходов в пользу города с уплатой государству оброчных податей. Государство, таким образом, делегировало выросшим на ярмарочной торговле предпринимателям обязанности по финансовому и производственному обеспечению жизнедеятельности ярмарок. Для сельских ярмарок новыми факторами развития производственной базы ярмарочных площадей стали реформы в области земле-

пользования, противоречиво отражавшиеся на ярмарочном хозяйстве.

На первый взгляд на новом этапе больших изменений в казенно-оброчном хозяйстве не произошло. По данным 1912 г., общая сумма доходов от ярмарочных статей увеличилась в Тобольской губернии до 33 тыс. руб. (с 7 тыс. в 1880-е гг.). Это составляло пятую часть от всех поступлений в 178 тыс. руб. (табл. 1, 2). Однако при уменьшении доли в общих доходах казенно-оброчного хозяйства сдача

в аренду ярмарочных площадей не потеряла своей привлекательности, так как по сравнению с другими статьями она имела очень высокий коэффициент доходности на единицу используемой земли. Средний доход с одной десятины ярмарочной площади составлял 168 руб., а с земельной статьи – всего 0,11 руб., с рыбных ловель – также 0,11 руб. Этот фактор способствовал укреплению решения центральных властей сохранять ярмарочные площади в казенном арендно-оброчном хозяйстве.

Таблица 1

Доходность оброчных статей Тобольской губернии в 1912 г.

Уезды	Земельные статьи			Рыбные ловли			Ярмарочные площади			Итого по уездам		
	Территория, дес.	Доход, руб.		Территория, дес.	Доход, руб.		Территория, дес.	Доход, руб.		Территория, дес.	Доход, руб.	
		Валовый	Чистый		Валовый	Чистый		Валовый	Чистый		Валовый	Чистый
Туринский	1 829	116	116	427	167	167	1	20	20	4 298	310	310
Ялуторовский	33 530	4 772	4 572	16 011	1 194	1 194	4	165	165	17 844	1 475	1 475
Тюменский	33 373	2 354	2 354	–	–	–	41	11 786	11 186	33 571	16 558	15 758
Курганский	81 787	25 660	25 180	600	371	371	16	328	328	93 989	3 053	3 053
Тарский	136 606	10 089	9 789	–	–	–	33	7 562	7 562	81 820	33 222	32 742
Ишимский	369 981	35 181	34 701	415	195	195	22	2 606	2 606	137 043	12 890	12 590
Тюкалинский	638 995	68 314	66 694	–	–	–	54	8 602	8 602	370 035	43 783	43 303
Тобольский	3 870	123	123	–	–	–	25	2 463	2 463	639 020	70 777	69 157
Итого	1 299 971	146 609	143 529	17 453	1 927	1 927	196	33 532	32 932	1 317 620	182 068	178 388

Сост. по: ТФ ГА ТюмО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 266.

Таблица 2

Изменения в казенных оброчных статьях за 1903–1910 гг.

Статьи	1903		1911		1910		1905	
	Кол-во	Руб.	Кол-во	Руб.	Кол-во	Руб.	Кол-во	
<i>Переоброчено</i>								
Земельные статьи			718			372	525	–
Ярмарочные площади			68		18 978	64	950	–
Рыбные ловли			5			4	51	–
<i>Исключено из оклада</i>								
Земельные статьи	–	113,90	–	–	–	–	–	46
Ярмарочные площади	7	74	–	–	2	38	–	6
Рыбные ловли	–	–	–	–	–	–	–	–
<i>Образовано вновь</i>								
Земельные статьи	121	4 089,30	51	–	–	–	–	134
Ярмарочные площади	–	–	2	–	–	–	–	1
Рыбные ловли	1	12	–	–	–	–	–	–

Сост. по: Обзор Тобольской губернии за 1903, 1910, 1911. Тобольск, 1904, 1912, 1914.

Позиция же региональных властей была не так однозначна. Это было обусловлено как накопившимися проблемами в производственной базе ярмарок, так и новыми обстоятельствами, связанными с землеустроительными работами, изменениями в структуре регионального товарного рынка и местом ярмарок в нем. Это показали очередные ревизии казенного арендно-оброчного хозяйства. Они выявили как доходные ярмарочные площади, так и те, арендные доходы от которых были меньше расходов на их содержание. В отчетах с мест писалось, что торговые помещения на площадях большинства сельских ярмарок обветшали, ремонт ярмарочных сооружений производился в крайних случаях и некачественно. Это отпугивало торговцев от взятия в аренду площадей или лавок и приводило к потерям казны. Примером является описание казенной ярмарочной площади в селе Слободчиковском. На ней после наводнения 1911 г. было отремонтировано всего несколько балаганов на сумму 225 руб., остальные балаганы остались «пустопорожними местами с частью уцелевших столбов». Согласно отчету это привело к уменьшению приезда торговцев. [13. Л. 50]. Высокие

арендные доходы оставались в некоторых городах (Ишим, Тюмень, Курган) и в крупных торговых селах, расположенных в зонах развитого товарного сельского хозяйства и на транспортных артериях.

Исходя из разной доходности ярмарочных площадей, Управление государственным имуществом Западной Сибири предложило сохранить в казне сельские ярмарочные площади с высокими арендными доходами, а убыточные ярмарочные площади исключить из казны и передать крестьянским обществам на выгодных для казны условиях. К этому подталкивала и накапливаемая задолженность Управления государственных имуществ по содержанию ярмарочных площадей. Как правило, деньги для ремонта их производственной базы брались губернскими казенными палатами в местных казначействах на условиях кредита. Но официального ответа на запрос в МВД не было.

В результате на данном этапе региональные власти встали перед выбором – сохранить ярмарочную арендную статью в казенных доходах или отказаться. В связи с неупорядоченностью ярмарочного хозяйства вопросы о судьбе ярмарочных площадей стали решаться

индивидуально. Часто толчком к рассмотрению судьбы ярмарочной площади служило ходатайство самих сельских обществ о передаче им ярмарочных площадей. В них крестьяне основанием указывали «плохое состояние производственной базы казенного имущества». Управление государственным имуществом, вынужденное ориентироваться на позицию центральных властей, отказывало, ссылаясь на декларативное заявление об исключительном земельном праве казны со ссылками на указы Департамента государственных имуществ МВД от 22 ноября 1852 и 4 октября 1890 г. В условиях землеустроительных работ и формирования наделов сельских обществ это послужило основанием к противостоянию казны и крестьянских обществ.

Факторами, обострявшими борьбу вокруг ярмарочного хозяйства, стали выявляемые в ходе землеустроительных работ нарушения крестьянскими обществами межевых границ казенных ярмарочных площадей. Происходило это в том числе и по объективным причинам, главной из которых стал рост крестьянского населения и разрастание жилого и производственного сектора населенных пунктов. В выявленных ревизиями случаях указывалось, что расположенные в центре казенные ярмарочные площади застраивались крестьянскими усадьбами, на них выносились ограды, хозяйственные и жилые постройки. Об этом в жалобах указывали и арендаторы ярмарочных площадей, по мнению которых, стеснение площадей становилось «препятствием для расширения торговли в ярмарочные дни». Так, курганский мещанин Ив. Меньщиков, взявший в аренду Лебяжьевскую ярмарочную площадь на срок с 1912 до 1918 г. по цене 1 301 руб., писал, что не может пользоваться ярмарочной площадью в показанных на планах границах, поскольку около десятины казенного места было занято крестьянскими усадебными постройками. Более того, крестьяне, проживавшие по границе площади, в период ярмарочной торговли сдавали в аренду усадебные места, а торговые помещения на площади оставались пустующими [13. Л. 79].

Чтобы сохранить интерес купцов к аренде казенных ярмарочных площадей, Управление пыталось запретить торговлю во время ярмарок из других мест, выстроенных вне казенных площадей на общественной земле, в том числе из стационарных производственных помещений, в которых в селе велась торговля в течение года. Запрещалась во время ярмарки также торговля из домов и дворов села, где она проходила. Было запрещено производить какие-либо торговые операции на усадебной земле, находящейся в непосредственной близости с казенной ярмарочной площадью. Наконец, всем крестьянам, проживающим в поселении, где функционировала ярмарка, запрещалась сдача помещений под торговлю вне ярмарочной площади или на местах усадьбы около нее, не входящих в состав ярмарочной площади.

Управление в соответствии с Уставом о казенных оброчных статьях (изд. 1908 г.) разработало систему

мер борьбы с самовольной застройкой площади и организацией любых торгово-производственных действий вне ее границ. Одним из способов борьбы с нарушителями стало снесение своевольной застройки. Это было поручено лесничим, под патронажем которых проходили землеустроительные работы. В 1913 г. Лебяжьевский лесничий возбудил вопрос о сношении лавки курганского купца Ивана Кропанина, построенной вблизи ярмарочной площади, «бок о бок с казенными торговыми помещениями». Это, по мнению лесничего, «существенно нарушает интересы арендатора и делает для него невыгодной уплату аренды за Лебяжьевскую ярмарочную площадь в сумме 1 300 руб.» Лесничий выразил опасение, что примеру купца Кропанина последуют другие торговцы, «ярмарочная площадь совершенно обесценится» и «потеряет арендатора. Тем самым будет нанесен урон казне». [Там же. Л. 113].

Вторым способом борьбы с нарушителями указов стало изъятие самовольной постройки в казну на основании того, что она эксплуатировалась без уплаты в казну. Это, например, произошло с построенной торговцем Москвичевым лавкой на казенной Абатской ярмарочной площади. Показательным примером стало дело о ярмарочной площади в с. Армизонском 1914 г. История своими корнями уходила в 1902 г., когда крестьянин села Армизонского У.У. Привалов выстроил на Армизонской ярмарочной площади лавку и использовал ее под торговлю во время ярмарки. Арендатор площади в период с 1 января 1900 по 1 января 1906 г. шадринский мещанин А. Колмогоров ничего не смог сделать. Последующие арендаторы также не справились с крестьянином. Это смогло сделать в 1914 г. Тобольское земельное управление. Оно, ссылаясь на ст. 116 Устава о казенных оброчных статьях (изд. 1908 г.), в соответствии с которой все строения, возведенные и не убранные при наступлении срока аренды, переходят в пользу казны, обратило в казну лавку, разрешив торговать только с уплатой ярмарочного сбора. Все протесты и аргументы У.У. Привалова в расчет не были приняты, даже тот, что лавка перед передачей ее в казну была отремонтирована им за 250 руб.

Еще одним способом борьбы с самовольной застройкой стала легализация своевольной застройки с превращением ее в источник дохода. Более того, желающим было разрешено за свой счет строить лавки на ярмарочной площади с годичной уплатой аренды в казну. Привлекательность данного решения для торговцев и особенно крестьян состояла в том, что построенные на ярмарочной площади сооружения могли использоваться не только на время открытия торговли на ярмарке, но круглогодично между ярмарочными мероприятиями. Этим мотивировал свое намерение крестьянин Д.П. Реутов, которому разрешили в 1912 г. на ярмарочной площади крупного торгового села Мокроусовское построить лавку, заняв землю по 35 коп. за аршин, с уплатой за строение на казенной площади 30 руб. в год.

Но уплотнение застройки ярмарочных площадей и наступающая теснота негативно отражались на арендной привлекательности. Поэтому на этом этапе в начале XX в. одним из выходов стал перенос ярмарочных площадей из центра населенного пункта на окраину. Для торговли за селом в таком случае использовались места выгона или чистое поле. Подобный подход не являлся чем-то новым в ярмарочной практике. Производственная база ярмарок включала не только торговые сооружения центральной площади, но и оборудованные места за границей жилой зоны. На центральной площади велась торговля промышленным товаром, съестными товарами, а за селом – сырыми и необработанными, в том числе скотоводческими товарами, сеном, живым скотом и др.

Однако опыт переноса всей торговли на окраину или за грань села как средство борьбы с уплотнением оказался негативным. Торгующие с неохотой меняли оборудованные места и продолжали торговлю на старом месте, что приносило убытки арендаторам, у которых обустроенные торговые места на новом месте пустовали.

Администрация усмотрела в этом скрытую форму бойкота крестьянами аренды оставшихся в казне ярмарочных площадей. В архивах отложилось много документов от лесничих с описанием конкретных ситуаций споров крестьянских обществ с арендаторами ярмарочных площадей. Примером может служить шестилетняя история, с 1908 по 1914 г., вокруг ярмарочной площади в селе Гольшмановское Ишимского уезда. В 1908 г. из-за близости торговых строений к церкви и жилым постройкам Управление государственных имуществ с согласия крестьян перенесло ярмарочную площадь вместе со всеми постройками за село. Но никто из торгующих не перенес саму торговлю на новое место. Основная торговля прошла на старой торговой площади с использованием помещений и мест, предоставляемых крестьянами в выходящих на площадь усадьбах. Ишимский лесничий расценил это как уловку сельского общества обманом завладеть доходами с ярмарки. Он сообщал, что объездчику приходилось «водворять всех торгующих в базарные дни в с. Гольшмановское на казенную площадь, для чего обращаться за содействием к Гольшмановскому становому приставу» [13. Л. 20, 169]. В последующие годы ему приходилось привлекать полицию и с ее помощью отправлять торговцев на новое место. Хотя сам он признавал, что торговля за селом объективно неудобна для жителей из-за ее отдаленности, о чем и писал в своих отчетах. В такой ситуации Управление предложило сельскому обществу выкупить площадь в собственность, но расположенную не в центре, а на окраине. Однако сельское общество отказалось и в очередной раз организовало торговлю на старом месте в центре села. Такая же история произошла с ярмарочной площадью в слободе Туринской.

Скученность и изношенность торговых помещений, их непрезентабельный вид в начале XX в. были характерны для многих ярмарочных площадей, находящихся

«в казне». Учитывая опыт, Главное управление Западной Сибири стало требовать при учреждении новых ярмарок заранее проектировать застройку центральной части населенных пунктов с выделением достаточной земли под ярмарочную площадь. В крупном торговом селе Абатском такая возможность представилась после пожара 23 мая 1902 г., когда выгорела центральная часть села, включая площадь и 130 жилых домов. Губернский землемер Овешков, выполняя требование Главного управления, произвел новую планировку жилых усадеб с выделением специального места под ярмарочную площадь. Однако уже в 1913 г. крестьянский начальник констатировал, что новая площадь беспорядочно и без всякой системы застраивалась новыми балаганами, которые от ярмарки к ярмарке стояли пустыми. За короткое время на отведенной площади вновь создались «скученность возведенных на ней ярмарочных построек, близость жилых домов, нахождение на ней двух церквей, пожарного депо и почтово-телеграфного отделения» [Там же. Л. 136].

Таким образом, в отличие от происшедшего в начале XX в. переоборудования городских ярмарочных площадей, большинство ярмарочных строений на принадлежащих казне сельских площадях приходили в негодность. Производственная база ярмарок нуждалась в круглогодичном уходе, торговые и производственные помещения требовали капитального ремонта и финансовых вложений. Исходя из этого, лесничие в своих докладных Главному управлению Западной Сибири стали предлагать продать или даже передать ярмарочные площади крестьянским обществам. В 1912 г. лебяженский лесничий обосновал свое предложение о продаже торгово-производственных строений Верхне-Глубоковской ярмарки тем, что «казенные постройки на ярмарочной площади пришли в совершенную ветхость: крыши сгнили, а также часть и стены, так что постройки эти совершенно не удовлетворяют назначения и торговцы отказываются занимать их». Им были подготовлены торги с установлением начальной цены в 15 руб. Однако Тобольское губернское управление отказало ему на основании того, что с 1907 по 1912 г. площадь при сдаче ее хозяйственным способом давала доход от 200 до 403 руб. в год. Лесничему было предложено отремонтировать здания и сдавать их в аренду [Там же. Л. 30, 33].

В результате, губернские правления в решении вопросов аренды и / или продажи ярмарочных площадей оказались между двумя позициями. С одной стороны, администрация Западно-Сибирского генерал-губернаторства в лице Омской контрольной палаты и Управления государственными имуществами, реализуя позицию МВД, требовали увеличивать доходы от казенных ярмарочных площадей. С другой стороны, региональные учреждения в лице губернских землеустроительных учреждений и лесничих, исходя из реального положения вещей, предлагали пересмотреть вопросы аренды ярмарочных площадей, мотивируя тем, что в

отличие от земельных статей ярмарочные площади требовали значительных расходов на свое содержание.

Губернские администрации первоначально, защищая интересы государства, также вынуждены были рассматривать передачу ярмарочных площадей как посягательство на казенные доходы. Например, это проявилось в жестких оценках поведения крестьян во время спора за Омутинскую ярмарочную площадь, когда претензии местных крестьян и церкви к новым границам, проведенным поземельно-устроительной партией, вылились в общественный протест. Губернское правление сочло, что этот «поднимаемый гвалт ввиду того, что местные кулаки, пользуясь поземельным устройством», является ничем иным, как «желанием вышеозначенную площадь отнять у казны». А «в помощь этим кулакам, – по мнению чиновников, – впряглось, судя по всему, и духовенство» [13. Л. 43].

Но и не реагировать на участвовавшие споры и настойчивость лесничих и землеустроителей региональные власти не могли. Это привело в 1914 г. к неожиданному повороту в обострившейся борьбе крестьянского общества и западносибирской администрации, после того как к разрешению проблемы подключились губернаторы Тобольской и Томской губерний. Они затребовали копии указов 1852 и 1890-х гг. о праве казны сдавать ярмарочные площади в аренду, на которые ссылалось Главное управление Западной Сибири и на которые они опирались в своей практике с середины XIX в. Запрос губернаторов привел к парадоксальному результату. Оказалось, что в Управлении госимуществом Западной Сибири, так же как и в Департаменте государственных земельных имуществ МВД, копии текстов этих указов отсутствовали.

Само по себе это событие не являлось чем-то исключительным. Несмотря на проведенную кодификацию 1830-х гг. и издание полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ), в государственной юридической практике сохранялась неразбериха. Начались поиски оригиналов в сенатском архиве, которые выявили, что под номером № 7174 от 4 октября 1890 г., на который ссылались региональные власти, числится указ по делу чиновника Ярославского губернского правления Догаева. Получалось, что на протяжении нескольких десятилетий основанием для обоснования собственности казны на ярмарочные площади служили указы, тексты которых не сохранились и не вошли ни в одно опубликованное издание актов, имеющих законную силу.

Этой ситуацией и воспользовались региональные власти, что послужило отправной точкой формирования новой ситуации в ярмарочно-арендном хозяйстве, позволяющей говорить о новом качественном этапе в ярмарочном арендно-оборочном хозяйстве. Тобольское губернское управление в 1914 г. уведомило Управление земельных и государственных имуществ Западной Сибири, что не будет выполнять указ от 31 декабря 1912 г. о запрещении крестьянским обществам взимать сборы за торговлю на ярмарочных площадях, поступивших в их

надел, на основании того, что «высочайшее повеление от 22 ноября 1852 г. и разъяснение Правительствующего Сената от 4 октября 1890 г., на которых основано означенное выше требование как не вошедшее при кодификации в свод действующих законов, обязательной силы ныне не имеют, тем более что узаконений этих не оказалось в Полном собрании законов Российской империи и даже в самом Управлении Земледелия» [13. Л. 144].

Но ни западносибирская администрация, ни МВД не согласились на передачу крестьянским обществам доходов с ярмарочных площадей. После переписки заинтересованных сторон было принято временное компромиссное решение. Сельским обществам разрешили получать доход с казенно-оборочных ярмарочных статей на тех площадях, которые поступили в их надел с утверждения Министерства внутренних дел после землеустройства. Но если заключенные ранее казной контракты с торговцами по срокам сдачи в аренду не закончились, ярмарочная площадь оставалась в оброке у казны. Передача ярмарочных площадей разрешалась только по завершению контракта. Однако на деле переход ярмарочных площадей в руки сельских обществ сдерживало главное условие передачи ярмарочной площади крестьянам – обязанность сельских обществ выкупить все строения, имеющиеся на площади.

На этом этапе обострение споров казны и сельских обществ совпало с кардинальными переменами в хозяйственной жизни Сибири. Происходили значительные изменения в инфраструктуре торговой сети. Развитие стационарной торговли способствовало формированию обустроенных помещений, эксплуатируемых ежедневно и оснащенных производственно-торговым оборудованием в соответствии с требованиями производства (например, холодильниками). Это не могло не отразиться и на отношении к ярмаркам сибирских администраций, которые опасались падения ярмарочной торговли. Но оказалось, что в отличие от других регионов европейской России эти изменения не носили тотального характера, поскольку были обусловлены особенностью развития транспортной инфраструктуры Сибири, например ограниченными возможностями Транссибирской железной дороги, протянувшейся с запада на восток. Изменения торговой инфраструктуры коснулись территорий, непосредственно оказавшихся в зоне влияния железнодорожного транспорта. На обширных территориях к северу и югу от Транссибирской магистрали их влияние на торговлю и ее инфраструктуру носило опосредованный характер, что проявилось в развитии видового многообразия форм торговли, в том числе способствовало и дальнейшему развитию ярмарочной торговли [14]. Этот фактор поддерживал решимость центральных и западносибирских администраций сохранить ярмарочные площади в качестве источников дохода в казне.

Обременительность содержания ярмарочных площадей, на которых торговля велась периодически, настораживала и крестьян. Их беспокоили состояние ярмарочного казенного хозяйства в их селениях и расходы на

содержание площадей тех ярмарок, которые не давали дохода – ни прямого (аренда), ни опосредованного (через саму торговлю). Эта настороженность в полной мере выявилась на новом, третьем этапе взаимоотношений казны и крестьян вокруг ярмарочных площадей. Проявилось это в том, что первые пытались убыточные ярмарочные площади не просто передать, а продать (ярмарочные производственные помещения) крестьянам. Вторые не желали брать на себя убыточные торговые площади или просили по истечении аренды оставить их за обществом, но не для торговли, а чтобы использовать землю для расширения жилой застройки.

Примером демонстрации меняющихся потребностей казны и крестьян вокруг ярмарочных площадей является препирательство Брылинского крестьянского общества и Тобольского губернского правления. Поводом послужила попытка продажи последним ярмарочной площади в октябре 1914 г. Село Брылинское, расположенное в 25 верстах от города Кургана, оказалось в зоне влияния городского рынка и начавшейся модернизации производственной базы. Ярмарка теряла свою привлекательность и для торговцев, и для крестьян, и для казны, что проявилось в резком уменьшении торговых оборотов и арендных доходов. Первоначально губернское управление предложило крестьянам села купить ярмарочную площадь за 120 руб. Но сельское общество соглашалось только за половинную цену – 52 руб., и с уплатой не всей суммы, а по 1 руб. в год в течение нескольких десятилетий. На условиях отсрочки платежей на 5 лет соглашались купить казенную ярмарочную площадь и крестьяне сел Утятское и Дымковское [15. Л. 113–112].

Это препирательство на первый взгляд кажется доказательством падения значения ярмарок и ярмарочных доходов в производственной жизни. На самом деле обе стороны не собирались отказываться от ярмарочных статей дохода. Двойственное отношение стало отражением сложных процессов в хозяйственном развитии сибирских территорий, в том числе в самом казенно-оборочном хозяйстве и в крестьянском производстве. С одной стороны, можно предположить, что оно свидетельствовало о неспособности казенно-оборочного хозяйства вписаться в новые экономические реалии. Что касается крестьян, то, возможно, они стали осознавать, что содержание торговых мест требует новых подходов к их обустройству, сельская торговля вписалась в рыночную экономику. С другой стороны, и те и другие на данном этапе не видели замены ярмарочной торговли другими формами продвижения товаров сельскохозяйственного производства в тех социально-экономических и транспортных условиях, в которых находилось западносибирское предпринимательство.

Эта двойственность отразилась и в документах о борьбе за Брылинскую ярмарочную площадь. Крестьяне села Брылинское, которые решили в конце концов взять на себя ярмарочную площадь, осознавали, что ярмарка

потребуется от них дополнительных расходов, в том числе «введения порядка и льготных условий для ярмарочных торговцев, устройства удобных и приличных торговых помещений...» Но обосновали свое решение значением ярмарки для крестьянского хозяйства в условиях формирования рыночной экономики, «не без основания полагая, что торговля как важный и чуть ли не первый двигатель и показатель экономического благосостояния данной местности может быть развита при более активном выступлении местного общества увеличением числа ярмарок». В приговоре сельского общества писалось: «Наше общество решило ходатайствовать... о передаче нашему Брылинскому обществу в собственность торговой площади, находящейся при Брылинском, с ясным сознанием своей будущей плодотворной и интенсивной деятельности для развития торговли» [Там же. Л. 25].

Среди факторов риска в новых условиях хозяйственной модернизации, влиявших на доходное значение ярмарочных площадей и для казны, и для крестьян, стало падение интереса к ярмарочным площадям со стороны главных арендаторов – профессиональных предпринимателей и купцов. Если в предыдущие этапы конкуренция между купцами и сельскими обществами на торгах по сдаче ярмарочных площадей в аренду была жесткой, то на этом этапе, во второе десятилетие XX в., купцы все меньше участвовали в торгах по сдаче в аренду ярмарочных площадей. Падение интереса во многом было обусловлено устаревшей и не отвечающей требованиям торговли производственной базой ярмарок и происходящими и в производстве, и в торговой инфраструктуре изменениями. Развитие рыночной экономики требовало стационарных пунктов торговли, гарантирующих круглогодичное продвижение производимых товаров быстро и качественно.

Примером меняющегося отношения профессиональных торговцев к аренде ярмарочных площадей много. Показательной является история ярмарочной площади в с. Усть-Ламенском, которая находилась с 1887 по 1907 г. в аренде трех сельских обществ – Усть-Ламенского, Подволяжного и Загремяйского. В 1908 г. ярмарочная площадь с торгов ушла в аренду ишимскому купцу Петру Бобкову, который давно претендовал на нее. Но, наконец взяв ее в аренду на срок с 1909 по 1914 г. по довольно высокой цене – 2 010 руб. в год [13. Л. 4], он потерпел убытки. Падение интереса профессиональных предпринимателей к ярмарочной торговле подтверждает и уменьшение количества приобретаемых свидетельств и билетов для торговли на ярмарках Тобольской губернии с 2 495 в 1898 г. до 204 в 1904, 169 в 1905 и 102 в 1914 г. (табл. 3).

Это обстоятельство также подрывало казенное ярмарочное арендно-оборочное хозяйство, т.к. для казны имели значения прямые доходы от сдачи площадей в аренду. Действительно, падение интереса профессиональных предпринимателей к аренде казенных площадей сельских ярмарок вело к падению казенных арендно-ярмарочных доходов.

Этому способствовало и сохранение беспопытной торговли на ярмарках V разряда, к которым относилось подавляющее большинство сельских торгов Западной Сибири, что существенно урезало доходы арендаторов. Часто отказ от аренды объяснялся арендаторами именно этой причиной: «В виду воспрещения взимать с торговцев плат с сельскохозяйственных продуктов от дальнейшей аренды отказался» [13. Л. 4]. Тенденцию отказа торговцев брать в аренду казенные ярмарочные

площади сформулировал Муромцевский лесничий как «непрерывное понижение с течением времени доходности от казенных ярмарочных площадей вверенного лесничества, причиною чему является упадок ярмарочной торговли казне». Эта тенденция способствовало изменению позиции Западносибирской администрации и запустила на данном этапе процесс передачи (на разных условиях) убыточных казенных ярмарочных площадей крестьянам.

Таблица 3

Число годовых свидетельств и билетов на право торговли на ярмарках Тобольской губернии

Год	Кол-во	Год	Кол-во	Стоимость
1893	1 587	1898	2 495	8 037
1894	1 805	1904	204	2 609
1895	2 205	1905	169	2 178
1896	2 209	1914	102	1 672
1897	2 199	–	–	–

Сост. по: Обзоры Тобольской губернии за 1905. Тобольск, 1906.

Сохранившиеся делопроизводственные документы подтверждают, что главной причиной начавшегося процесса являлось стремление казны освободиться от убыточных ярмарочных площадей с устаревшей производственной базой, на содержание которой требовались расходы, превышавшие доходы. Именно этими причинами объяснил продажу казенной ярмарочной площади в селе Чаша салтарайский лесничий. По его словам, ярмарочная площадь в 920 кв. саженей не «являлась единственным местом купли-продажи в этом селе... рядом с ней есть много свободной площади, на которой выстроены магазины, балаганы и т.п., хорошо приспособленные к своему назначению, вследствие чего большинство помещений на казенной ярмарочной площади пришли в ветхость, то в будущем... нет оснований надеяться, что эта ярмарочная площадь будет давать доход казне» (в 1913 г. ее сдали всего за 90 руб. 6 коп.) [15. Л. 14].

У крестьян также произошел определенный пересмотр отношения к аренде ярмарочных площадей: заинтересованность в прямых доходах от сдачи производственной базы ярмарок в аренду уступила в новых рыночных условиях опосредованному значению ярмарок, выражавшемуся в поддержке развивающегося товарного крестьянского хозяйства. В отличие от торговли промышленными товарами, уходящими с ярмарок, торговля сельскохозяйственными товарами по-прежнему сезонно мобилизовалась на сельских ярмарках и сосредоточивалась в руках торгующих крестьян. Ярмарки в начале XX в. сохраняли значение в продвижении сельскохозяйственной продукции от производителя к потребителю. Эволюция ярмарок в крестьянские рынки лишала смысла аренду площадей и для сельских обществ, и для профессиональных торговцев. Но сельские общества, воспользовавшись ситуацией, в которой оказалась казна, стали торговаться над выгодными условиями взятия на себя казенных ярмарочных площадей, добывая другими источниками доходов.

Так, в 1912 г. крестьянка с. Частоозерное Ст. Кузлякова, узнав, что Черноозерская ярмарочная площадь

«из-за бездоходности оставалась незаарендованной в 1907, 1908, 1909 г.», ходатайствовала о передаче ей площади без торгов. И казна, не найдя на торгах желающих взять площадь в аренду, вынуждена была в 1910 и 1911 гг. отдать ей. Непосредственные доходы Кузляковой от сдачи мест на ярмарочной площади были не столь значительными – всего 8 руб. в 1911 г. Но, имея около площади мелочную лавочку, «не стесняя приезжих на ярмарке лишними товарами, недовырученную арендную плату она наверстывает усиленной торговлей в своей лавочке» [13. Л. 7]. Этим обстоятельством предлагал воспользоваться лесничий прииртышского лесничества и предложил вновь отдать ей площадь без торгов, но за 15 руб. в год на три года. На этих условиях Ст. Кузлякова отказалась. По подобным причинам в 1912 г. остались невостребованными площади в селах Серебрянском, Верблюженском, Любине и других.

При отсутствии желающих брать находящиеся на балансе казны ярмарочные площади в аренду их содержание приносило убытки, даже в таких крупных торговых селах, как Омутинское и Мокроусовское, имевших во второй половине XIX в. одни из самых крупных сельских ярмарок Тобольской губернии [16]. Омутинская ярмарочная площадь была сдана только со вторых торгов и полтора месяца не состояла в арендном содержании. В это время надзор за ней был возложен на заведующего Мокроусовской ярмарочной площадью объезчика Сизикова. Ему для охраны незаарендованной площади пришлось 1,5 месяца прожить в с. Омутинском, которое находилось в 200 верстах от родного села Мокроусовское. А свои обязанности по ярмарочной площади в родном селе он передал весовщику Бочарову. В конечном итоге за три месяца охраны двух ярмарочных площадей в Омутинском и Мокроусовском губернскому управлению пришлось выплатить значительную сумму в 50 руб., из них 30 рублей были взяты из предыдущих доходов Омутинской ярмарочной площади и 20 руб. – из доходов Мокроусовской ярмарочной площади. [13. Л. 11–12]. И лишь в 1912 г. их площади

были переданы в хозяйственное управление сельским обществам. Одновременно казна искала пути использования их территорий для других целей. И в 1913 г. Управление государственных имуществ Западной Сибири ухватило за прошение Мокроусовской пожарной дружины о выделении места (дл. 15 саж. и шир. 10.) под сад за счет казенной ярмарочной площади, так как «это место совершенно свободно и никакого дохода Управлению государственных имуществ не приносит». [17. Л. 1–6].

С 1914 г. Главное управления имуществом Западной Сибири отказалось от безвозмездной передачи площадей и, несмотря на отсутствие документов о праве казны на ярмарочные площади, перешло к перманентной продаже малопродуктивных ярмарочных площадей (табл. 4). В этот год к площадям, «не представляющим большой ценности», были отнесены площади в селах Ярославское (арендная плата за 1912–1917 гг. составила 47 руб. в год), в Давыдовском (10 руб. 50 коп.), Утятском (50 коп.), Барабинском (6 руб.).

Таблица 4

Доходность ярмарочных площадей, предназначенных казной в 1913–1915 гг. к продаже (руб., коп.)

Название	Размеры, дес.	Средняя доходность за последние годы	Наибольшая средняя цена за 18 лет	Ежегодный доход	Стоимость площади по доходности	Стоимость торговых помещений на площади	Капитальная стоимость
<i>Лебяженское лесничество</i>							
Казаркинская	1,0	85,64	150		1 712,80		
Боровская	1,04	17,65	30		353		
Спорновская	1,0	15,19	18		303,80		
Меньшиковская	1,75	12,60	23		252		
Михайловская	1,0	9,97	12,50		199,40		
Лопушинская	3,0	6,53	18,50		130,60		
<i>Боровляинское лесничество</i>							
Усть-Суерская	0,31			31,50	630	350	
Брылинская	2,0			150	3 000	1 139	
Першинская	0,37			73	1 469,20	32	
Красноярская	0,33			100	2 000	6	
<i>Викуловское лесничество</i>							
Озернинская	1 250 саж.			11, 81	236,20		
Каргалинская	2,1290			46,80	936		
<i>Солоновское лесничество</i>							
Теплодубровская	–	66,61					
Кашенская	–	46,30					
Бутыринская	–	11,01					
<i>Туринское лесничество</i>							
Благовещенская	1,0			18,20	364	50	413,62
Усениновская	0,11			15,15	303	130	432,96
Дымковская	0,81			31,55	631	170	800,70
Слободо-Туринская	1,89			100	2 000	930	2929
<i>Муромцевский лесничий</i>							
Муромцевская					7 200	1 200	8 400
Красноярская					2 398	400	2 798
Евгацинская					620	700	1 320
Пустынская					332	5	337
Копьевская					596	–	596

Сост. по: ТФ ГА ТюмО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 336.

В отношении ярмарочных площадей, которые приносили доход, Главное управление придерживалось прежней политики и попыталось в условиях противостояния западносибирских и губернских администраций сохранить их в собственности казны. К ним относились ярмарочные площади с доходом от 1 тыс. руб. в год и выше. Среди них, например, площади таких известных крупных торговых сел, как Абатское с платой в 1913 г. 1 101 руб., Армизонское – 912 руб., Усть-Ламенское – 2 010 руб. и др. Но даже относительно них лесничество говорили о бесперспективности ярмарочного арендно-оброчного хозяйства, аргументируя запущенностью ярмарочных строений, необходимостью капитального ремонта и т.д. Более того, лесничество предлагали «пока не поздно выгодно продать казенные ярмарочные площади по оценке, исходящей из доходности от них за последние 5 лет, капитализируя из 5% годовых с прибавлением стоимости строений».

Но Главное управление государственным имуществом настояло на продаже только тех ярмарочных площадей, которые перестали приносить доход. Поэтому процесс продажи ярмарочных площадей на первом этапе охватил мелкие сельские ярмарки с арендой от 50 коп. до 5 руб. В подобные площади «по их безыгодности» попали в 1913 г. выставленные на продажу по предложению Солоновского лесничего казенные ярмарочные площади в селах Теплодубровском, Кашенском, Бутыринском. И лишь ярмарочные площади с большими оборотами торговли остались за казной. Оставалось определить критерии «доходности ярмарок», в том числе размеры арендной платы, уйдя от общих оценок, таких как «обороты всегда были небольшие, а в последнее время арендная плата крайне незначительна».

По предложению Тобольского управления земледелия и государственных имуществ была установлена

планка в 100 руб. При доходах от аренды выше этой суммы «целесообразно было оставлять площади в казне», а «включение их в крестьянские наделы не представлялось безусловно необходимым». Определив критерии доходности ярмарочных площадей, Омская контрольная палата предложила с выгодой для себя использовать затянувшиеся землеустроительные работы для пересмотра статуса ярмарочных площадей, находящихся в казне. С 1913–1914 гг. при выделении крестьянских наделов ярмарочные площади, которые не давали больших доходов, стали отводить в крестьянские наделы. Важно было успеть, не дожидаясь окончания в таких селах землеустроительных работ, в условиях выявившегося правового недоразумения (отсутствия документов, подтверждающих собственность казны на ярмарочные площади) не безвозмездно передать, а продать ярмарочные площади. Продажа бездоходных ярмарочных площадей базировалась на установках, чтобы «они не отошли к ним [крестьянам] бесплатно по результатам землеустройства». А к 1915 г. был составлен новый реестр ярмарочных площадей для их продажи из казны в крестьянские общества.

Ценовая политика сформировалась на основе «Правил для оценки мелких земельных и лесных участков и оброчных статей, отчуждаемых из казны и приобретаемых казною», составленных на основании закона от 29 мая 1897 г. и утвержденных 17 мая 1898 г. В § 19 Правил говорилось, что стоимость базарных площадей «производится по действительно получаемому от них доходу, если таковой доход установлен по договорам, заключенным в течение последних 5 лет, или же выручался каким-либо другим способом, вполне обеспечивающим получение наивысшей доходности имущества. Помножением суммы этого дохода на число 20 определяется и самая стоимость таковых имуществ. В случае, если бы означенные имущества в течение последних 5 лет не приносили совсем никакого дохода или приносили таковой в несоответственно малом размере, то стоимость их определяется по соображениям с доходностью однородных имуществ, расположенных в ближайшей местности» [15. Л. 6–7]. А так как доходы многих ярмарочных площадей Западной Сибири

были ниже, чем ценность имеющихся в ее составе построек, то §20 предусматривал при продаже площади ориентироваться на ценность построек на ярмарочной площади.

О приобретаемых или отчуждаемых строениях и площадях составлялся акт и предоставлялась отчетность в Управление государственных имуществ с планом и ведомостью. Так, в 1913 г. Бобылевская площадь была выставлена на продажу за 3 600 руб. из расчета того, что площадь сдавалась в аренду с наименьшим годовым оброком 176 руб. и высшим 291 руб. 15 коп. Стоимость была определена, исходя из 176 руб. После попытки крестьян с. Бобылевского добиться продажи на льготных условиях, площадь отдали в хозяйственное управление с намерением в дальнейшем сдать с «соревновательных торгов». После долгих споров крестьян губернского правления был произведен перерасчет, но он увеличил стоимость до 4 696 руб. 80 коп. из расчета: выручено за последние пять лет 1 154 руб. 20 коп., т.е. в среднем – 230 руб. 84 коп., следовательно, согласно §19 общая сумма увеличилась.

Однако Омская контрольная палата в 1915 г. не оценила усилия губернских администраций и предупредила Тобольское управление земледелия и государственных имуществ, что считает заниженной устанавливаемую им стоимость казенных ярмарочных площадей. По ее мнению, следовало брать за основу «не действительный доход данных оброчных статей, которые большей частью сдаются ниже частновладельческих, а среднюю арендную плату смежных частновладельческих ярмарочных площадей [18. Л. 144].

Анализ табл. 5 показал, что количество оброчных ярмарочных статей уменьшилось с 143 в 1902 г. до 91 в 1915 г. (на 36,4%), тогда как стоимость оброчных статей уменьшилась незначительно: с 36 тыс. в 1902 г. до 31 тыс. в 1911 г. (на 13,9%). Это свидетельствовало, что переобработка шла в основном за счет мелких малопродуктивных ярмарок. В 1903 г. было исключено из оклада 7 ярмарочных площадей с доходом 74 руб., в 1905 г. – 6 ярмарочных площадей с доходом 4,6 тыс. руб. и в 1910 г. – 2 с доходом в 38 руб. За этот же период были образованы новые ярмарочные площади: в 1905 г. – одна с доходом 2 тыс. руб., в 1911 г. – две.

Таблица 5

Оброчные статьи за 1902–1915 гг., состоящие в Управлении Земледелия государственных имуществ

Статьи	1902		1904		1905		1910		1911		1913		1914		1915	
	Кол-во	Стоимость	Кол-во	Стоимость	Кол-во	Стоимость	Кол-во	Стоимость	Кол-во	Стоимость	Кол-во	Стоимость	Кол-во	Стоимость	Кол-во	Стоимость
Земельные статьи	1 152	115 814,5	1 259	124 742,23	1 249	134 997,92	1 158	145 531	1 115	129 520	985	924	–	832	–	
Ярмарочные площади	143	35 691,52	134	36 212,43	134	36 212,3	102	29 661	100	30 573	92	91	–	91	–	
Рыбные ловли	22	1 135,86	23	1 127,86	24	1 481,16	16	1 521	15	1 462	15	15	–	22	–	
Водяные мельницы	–	–	–	–	–	–	2	150	2	150	2	2	–	6	–	
Всего	–	–	–	–	–	–	1 287	176 863	1 232	161 705	1 094	1 032	188 627	951	171 390	

Сост. по: Обзор Тобольской губернии за 1903, 1904, 1910, 1911, 1913, 1914 годы. Тобольск, 1904, 1905, 1911, 1913, 1915, 1916.

Таким образом, анализ арендно-оборочного ярмарочного хозяйства показал происходившие глубокие изменения в инфраструктуре торговой сети в условиях развития рыночной экономики. С одной стороны, для начала XX столетия показателен рост как числа ярмарок, так и их оборотов, что должно свидетельствовать об их адаптации к новым социально-экономическим условиям капитализации при сохраняющихся транспортно-технических проблемах. С другой стороны, анализ аренды как казенных, так и крестьянских ярмарочных площадей показывает происходящие глубинные изменения в ярмарочной производственной

сфере, как инфраструктуре рынка, так и во всем рыночном пространстве, частью которых в начале XX в. оставались и ярмарки. Архаичность обустройства ярмарочных площадей, их помещений, торгового оборудования при сохранении сезонности и периодичности самой торговли показывает, что ярмарки медленно адаптировались к новым рыночным условиям. Формирование и развитие арендно-оборочного хозяйства как попытки казенного предпринимательства показывает, что казенный сектор с трудом перестраивался, оставаясь в формате минимума расходов для получения максимума доходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щеглова Т.К. Динамика развития ярмарочной торговли Западной Сибири в условиях капиталистической модернизации начала XX в. : к вопросу о ее темпах в центре и на окраинах // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири : тез. докл. и сообщ. Четвертых науч. чтений памяти проф. А.П. Бородавкина (1919–1996) / АлтГУ; отв. ред. В.А. Моисеев, Ю.М. Гончаров. Барнаул, 2003. Кн. II. С. 245–253.
2. Щеглова Т.К. Территориальное развитие торговой инфраструктуры Западной Сибири и Степного края в период капиталистической модернизации : традиции и новации в размещении ярмарок в начале XX века // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. : сб. материалов конф. Новосибирск, 2003. С. 218–232.
3. Осипов В.П. Из истории создания управления государственными имуществами в Западной Сибири в 40–50-е гг. // Проблемы истории Сибири XIX–XX вв. Омск, 1995. С. 25–39.
4. Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (БУ Иса). Ф. 3. Оп. 9. Д. 14105.
5. БУ Иса. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11122.
6. БУ Иса. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11118.
7. БУ Иса. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11126.
8. БУ Иса. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11129.
9. БУ Иса. Ф. 3. Оп. 8. Д. 12272.
10. Щеглова Т.К. Правовые условия развития сибирско-азиатской ярмарочной торговли во второй половине XIX в. (Западная Сибирь и Степные области) // Россия и международные отношения в Центральной Азии : (регион. аспект) : сб. науч. ст. / АГУ, Ист. фак., Алт. центр востоковед. исслед.; отв. ред. В.А. Моисеев. Барнаул, 2001. С. 67–82.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 2122.
12. Щеглова Т.К. Торговые сообщества и власть: инициатива и государственное регулирование в условиях развития рыночного хозяйства в XIX – начале XX // Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике в исторической ретроспективе : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 180-летию сиб. реформ М.М. Сперанского, Иркутск, 25–26 февр. 2003 г. Иркутск, 2004. Ч. II–III: Работа секций. С. 20–29.
13. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО «ГА в г. Тобольске»). Ф. 185. Оп. 1. Д. 334.
14. Щеглова Т.К. Сельское предпринимательство и его влияние на материальную культуру алтайской деревни (села) в условиях модернизации (начало XX века) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. : [сб. науч. тр.] / АлтГУ ; отв. ред. Ю.М. Гончаров. Барнаул, 2005. С. 206–225.
15. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 185. Оп. 1. Д. 336.
16. Щеглова Т.К. Мокроусовские ярмарки // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в. 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск : Акад. изд-во «Гео». С. 58.
17. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 185. Оп. 1. Д. 23.
18. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГА ТюмО). Ф. 185. Оп. 1. Д. 336.

Shcheglova Tatyana K. Altay pedagogical university (Barnaul, Russia). E-mail: tk_altai@mail.ru

TREASURY AND PEASANTRY OF THE WESTERN SIBERIA IN COMPETITION FOR THE LEASE OF VILLAGE FAIR AREAS IN THE CONTEXT OF MARKET ORIENTED MODERNIZATION AT THE TURN OF THE XIX CENTURY

Keywords: Tobolsk governorate; Tomsk governorate; state; state-owned enterprise; fair areas; lease; rural community; commercial business; tendencies.

The aim of the article is to analyze the state fair lease labor-rent enterprise in the context of reorganizational modernization of economic life of Siberia. The ability of fair manufacturing base to adapt to new social economic realities is analyzed. The objective is to define the role of fair lease labor-rent items in the development of state-owned enterprise in the context of market-based economy. The most important issue of the analyzed phenomena is the relations between treasury and rural communities, the influence of land utilization and land arrangement issues on them, the ways and means of getting income from fair areas.

The foundation of the source base is constituted by the materials of regional archives of Western Siberia and Russian state historical archives; published historical statistical and narrative sources.

The author points out the stages of development of state fair enterprise, describes the ways of use of fair areas. The article presents characteristic of the system of converting fair areas into demesne lands, bidding for leasing fair areas, problems with arrangement and maintenance of fair areas. The analysis of attempts of the state to increase the profitability of fair labor-rent items allows to make the conclusions that at the first stage the income from fair labor-rent enterprise was constantly increasing and constituted one third of total treasure incomes, taking the second place after land items, that stimulated the Head department of Western Siberia to defend the right of the state for fair areas.

At the same time some new factors with contradictory influence on the attitude of the treasury and peasantry to fair areas have been revealed: deteriorating of material base of rural fairs; land arrangement on state lands in the context of peasant mass migrations. The conflict of peasant communities and the church with local authorities concerning lease fair income was revealed. It was proved that the

conflict initiated some revisions of fair enterprise and certain changes in lease labor-rent policy of the Head department of Western Siberia with reservation for the treasury the lands bringing considerable income and disposal to peasant communities unprofitable lands on beneficial terms. It caused certain discrepancies with central authorities that, in spite of reduction of fair lease income by the year 1913 to one fifth of total treasury incomes and increasing expenses on maintenance of fair areas, forced to look for some alternative decisions. However the failures in sales of unprofitable fair lands showed that both enterprisers and peasants were beginning to lose their interest to fair areas. That was caused by the changes of market structure and fair state policy.

In the end the conclusion is made that the development of treasury fair lease labor-rent enterprise in Western Siberia in the context of modernization demonstrates negative consequences for the development of material base of regional markets and rural trade enterprise.

REFERENCES

1. Shcheglova, T.K. (2003) Dinamika razvitiya yarmarochnoy trgovli Zapadnoy Sibiri v usloviyakh kapitalisticheskoy modernizatsii nachala XX v.: k voprosu o ee tempakh v tsentre i na okrainakh [The dynamics of the development of fair trade in Western Siberia under the conditions of capitalist modernization in the early 20th century: on the issue of its pace in the center and on the outskirts]. In: Moiseev, V.A. & Goncharov, Yu.M. (eds) *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri* [Historical experience of the economic and cultural development of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 245–253.
2. Shcheglova, T.K. (2003) Territorial'noe razvitiye trgovoy infrastruktury Zapadnoy Sibiri i Stepnogo kraya v period kapitalisticheskoy modernizatsii: traditsii i novatsii v razmeshchenii yarmarok v nachale XX veka [Territorial development of the trade infrastructure of Western Siberia and the Steppe Territory in the period of capitalist modernization: traditions and innovations in the placement of fairs at the beginning of the 20th century]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Sibirskoe obshchestvo v kontekste modernizatsii XVIII–XX vv.* [Siberian society in the context of modernization of the 18th – 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 218–232.
3. Osipov, V.P. (1995) Iz istorii sozdaniya upravleniya gosudarstvennymi imushchestvami v Zapadnoy Sibiri v 40– 50-e gg. [From the history of the State Property Management in Western Siberia in the 40–50s]. In: *Problemy istorii Sibiri XIX–XX vv.* [Problems of Siberian History of the 19th – 20th centuries]. Omsk: [s.n.]. pp. 25–39.
4. The Historical Archive of Omsk rRegion (BU IsA). Fund 3. List 9. File 14105.
5. The Historical Archive of Omsk rRegion (BU IsA). Fund 3. List 7. File 11122.
6. The Historical Archive of Omsk rRegion (BU IsA). Fund 3. List 7. File 11118.
7. The Historical Archive of Omsk rRegion (BU IsA). Fund 3. List 7. File 11126.
8. The Historical Archive of Omsk rRegion (BU IsA). Fund 3. List 7. File 11129.
9. The Historical Archive of Omsk rRegion (BU IsA). Fund 3. List 8. File 12272.
10. Shcheglova, T.K. (2001) Pravovye usloviya razvitiya sibirsko-aziatskoy yarmarochnoy trgovli vo vtoroy polovine XIX v. (Zapadnaya Sibir' i Stepnye oblasti) [Legal conditions for the development of the Siberian-Asian fair trade in the second half of the 19th century. (Western Siberia and Steppe regions)]. In: Moiseev, V.A. (ed.) *Rossiya i mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii* [Russia and International Relations in Central Asia]. Barnaul: Altai State University. pp. 67–82.
11. The Russian State Historical Archive. Fund 1287. List 7. File 2122.
12. Shcheglova, T.K. (2004) [Trade communities and power: initiative and state regulation in the conditions of development of the market economy in the 19th and early 20th centuries]. *Rossiya i Sibir': problemy vzaimodeystviya v regional'noy politike v istoricheskoy retrospektive* [Russia and Siberia: Problems of Interaction in Regional Politics in Historical Retrospective]. Proc. of the International Conference. Irkutsk. February 25–26, 2003. Irkutsk. pp. 20–29. (In Russian).
13. The State Archive in the City of Tobolsk. Fund 185. List 1. File 334.
14. Shcheglova, T.K. (2005) Sel'skoe predprinimatel'stvo i ego vliyanie na material'nyu kul'turu altayskoy derevni (sela) v usloviyakh modernizatsii (nachalo XX veka) [Rural entrepreneurship and its influence on the material culture of the Altai village in the conditions of modernization (the beginning of the 20th century)]. In: Goncharov, Yu.M. (ed.) *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVII–nachala XX vv.* [Modern historical Siberian studies of the 17th – early 20th centuries]. Barnaul: Altai State University. pp. 206–225.
15. The State Archive in the City of Tobolsk. Fund 185. List 1. File 336.
16. Shcheglova, T.K. (2012) Mokrousovskie yarmarki [Mokrousovo fairs]. In: Rezun, D.Ya. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri* [Encyclopedic dictionary on the history of merchants and commerce in Siberia]. Novosibirsk: Geo. p. 58.
17. The State Archive in the City of Tobolsk. Fund 185. List 1. File 23.
18. Tobolsk Branch of State Archive of Tyumen region. Fund 185. List 1. File 336.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 54(4)
DOI: 10.17223/19988613/55/12

С.В. Кондратьев

СЕРЖАНТЫ И ПОДМАСТЕРЬЯ ПРАВА В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ АНГЛИИ

Статья посвящена двум группам адвокатов, венчающим вершину адвокатского сообщества предреволюционной Англии – сержантам (*serjeants-at-law*) и подмастерьям (*apprentices*) права. Показаны краткая история возникновения и становления сержантов и подмастерьев, сфера их профессиональной деятельности, численность, уровень доходов. Особое место в статье уделено репрезентативным, ритуальным и церемониальным практикам, демонстрирующим высокий статус сообществ.

Ключевые слова: Англия; юристы; адвокаты; сержанты; подмастерья; ритуал; высший разряд.

Юристы общего права, по мнению современных исследователей, по своему весу и степени воздействия на общество занимали центральное место среди профессиональных групп предреволюционной Англии [1. Р. 27; 2. Р. 2; 3. 127–129; 4. Р. 81]. Реформация позволила выдвинуть из структур управления клириков, и их место поспешили занять юристы общего права. Перераспределение земель и общий экономический рост вызвали невиданное ранее увеличение имущественных исков. Между 1490 и 1640 г. только в Суде Королевской скамьи количество тяжб выросло в 17, а в Суде Общих тяжб – в 12 раз [5. Р. 11–12]. Быстрый рост числа тяжб привел к увеличению численности готовивших юристов общего права судебных подворий как минимум в пять раз и предоставлению права заниматься адвокатской практикой непосредственно после допуска к стойке (*bar*) их выпускникам – барристерам [6. Р. 52].

По оценке Томаса Уильсона, написавшего трактат «Англия в 1600 г.», на «острове Англия, который мог когда-то похвастаться, что не имеет ни юристов, ни лис», теперь нет «ни одного провинциального городка, ни деревушки, свободных от них», а «сословие» юристов общего права за последние «40–50 лет... так разрослось, так разбогатело, так вознеслось, что никакое другое сословие не решается сталкиваться с ним. Их число сейчас столь велико, что, по правде сказать, они едва ли выживут, если не будут жить за счет других» [7. Р. 24–25].

По степени значимости современник выделяет 12 судей общего права, около 30 сержантов (*serjeants*), около 2 000 адвокатов (*counsellors*) и клерков, т.е. «обилие атторнеев» (*many attorneys*) и «неопределенное число» солиситоров и мелких крючкотворов (*solicitors and pettyfoggers*) [Ibid. Р. 25].

Джон Бейкер, признанный знаток английской правовой системы раннего Нового времени, полагает, что

профессия адвоката появляется в Англии в начале XIII в. Именно тогда в свитках Королевского совета (*Curia Regis*) можно встретить упоминания об адвокатах и клерках. В 1275 г. появился акт, определивший наказание для юристов за обман клиентов. В 1280 г. был издан специальный лондонский ордонанс, который вводил присягу для адвокатов и запрещал им представлять обе стороны в процессе. Примерно в это же время аналогичная практика появилась в Суде Королевской скамьи. После 1300 г., продолжает Джон Бейкер, происходит размежевание между адвокатами (*pleaders*), представлявшими интересы сторон, и клерками (*attorneys*), которые помогали адвокатам, готовили материалы или исполняли секретарские функции в судах. В XIII в. среди адвокатов выделяется группа (*counters*, или *narrators*), из числа которых стали подбираться судьи [8. Р. 156–157; 9. 145–147].

Джон Фортеस्कью, канцлер Англии во второй половине XV в., говорит о двух категориях «адвокатов» – «сержантах» (*serjeants-at-law*) и «других, сведущих в праве, которые в народе зовутся «подмастерья» (*apprentices*)¹ [10. Р. 70]. Эдвард Кок, в начале XVII в. главный судья королевства, в своих комментариях к дополнениям к Великой хартии вольностей (*Articuli super cartas*) Эдуарда I (1300) замечает, что совет или наставление в праве можно получить у трех лиц: 1) сержантов, которые в дополнениях названы адвокатами «*counters*»; 2) «подмастерьев» (*apprentices of law, apprenticii legis*), которые в ходе разбирательства называются также адвокатами и знатоками права (*homines consiliarii, et in lege periti*). В дополнениях они обозначены словом «знатоки» (*sages*). Но они могут быть названы и «законоведами» (*officium ingenii*); 3) «атторнеев» (*attornies of law*), или делопроизводителей, документоведов (*officium laboris*), которые следуют указаниям «знатоков». Их

также обозначаются как «подручных знатоков права» (sages gents) [11. P. 563+].

Очевидно, что сержанты и подмастерья представляли из себя вершину (upper branch) адвокатского сообщества. Несмотря на этот факт, пока – в отличие от барристеров и клерков – не появилось исследования о сержантах и подмастерьях права предреволюционной Англии. Пространное введение Джона Бейкера к изданной им фундаментальной подборке документов о корпорации сержантов представляет из себя общий очерк, охватывающий период с XIV по XIX в. [12. P. 3–129]. Благодаря исследованию В. Преста стало ясно, что количественное увеличение числа тяжб привело к появлению барристеров, которые агрессивно расширяли свою практику [3]. Однако влияние этих факторов на численность и корпоративную замкнутость сержантов и подмастерьев права, на их статус не выяснено. Цель данной статьи – показать место корпорации сержантов в адвокатском сообществе Англии, их статус, сферу профессиональной деятельности, численность, уровень доходов, а также реконструировать репрезентативные, ритуальные и церемониальные практики.

Сержанты (serjeants-at-law). В XIV в. сержанты организовались в братство, или гильдию, получившую название «община сержантов права», или «община чепца» (order of serjeants-at-law, order of coif). С начала XV в. сержанты располагались в двух своих подворьях (inns): на Флит-стрит и на Чансери-лейн. В конце XVI в. унаследовавший здание на Флит-стрит некий Монтегю вознамерился выселить сержантов и судей из здания. Однако был «принужден» пойти с ними на мировую за «некую ренту» [13. P. 76–77].

Сержанты обладали монопольной привилегией вести дела в самом доходном королевском суде – Суде Общих тяжб. Кроме того, они вели дела также в Канцелярии, Звездной палате, Суде по делам опеки, Палате прошений. Только из числа сержантов в центральные и местные суды назначались королевские судьи [2. P. 10].

Структура не сохранившегося «Трактата об адвокате, или лице, практикующем в праве» (Treatise touching the Counsellor or Practizer of the Lawes) Дж. Додриджа позволяет судить о профессиональных обязанностях сержанта. Их три: 1) давать «приватные» советы и консультации клиенту у себя на дому (his Private Counsell given at home in his Chamber to his Client); 2) составление разного рода поземельных договоров (the drawing of Assurances and Conveiances, which are of sundry sorts); 3) публичная защита интересов клиента в судах, которая осуществляется в четыре формы: письменное изложение позиции (обращение в суд), правовая аргументация, опровержение аргументов противоположной стороны в ходе судебного разбирательства, представление фактических доказательств, защита дел в судах справедливости» (his Pleadings for his Client <...>: In point of Law: In Argument of Demurrers: In matter of fact, as in giving or delivering of Evidence. And the Patronage of Causes in Courts of equitie) [14].

Число сержантов росло медленно. В XIV в. оно колебалось между 6 и 9 человеками [15. P. 17]. Т. Вильсон в 1600 г. пишет, как мы видели, о 30 сержантах [7. P. 25]. В 1640 г. их было не более 27 [13. P. 111]. На рубеже XVI–XVII вв. Джон Стоу сообщает, что при вакансии из статуса адвокатов (counselors, utter barristers, apprentices at law) по желанию государя можно продвигнуться в статус сержантов» [15. P. 79].

Сержанты назначались отобранной группой. Сержант при появлении вакансий выбирался из списков, которые подавали судебные подворья лорду-канцлеру. Тот, в свою очередь, передавал списки королю и получал распоряжение своим приказом назначить день и вызвать отобранных претендентов в Канцелярию. Прием новых сержантов в сообщество обставлялся тождественной многоэтапной церемонией. Одетый в черную мантию и в сопровождении двух бенчеров (управляющих) своего подворья каждый сержант шествовал через холл Вестминстера в Канцелярию, где старейший сержант зачитывал патент и передавал его ему, после чего за «клерком короны» новоявленный сержант произносил присягу служить «народу короля». Затем старейший сержант от имени братства просил Канцлера передать монарху заверения верности, благодарности и кольцо, которое, поцеловав, вручал канцлеру. Канцлер принимал кольцо, целовал его также, давал обещание вручить королю и произносил речь с наставлениями для неопита [16. P. 151].

После этого в назначенные дни в каждом сержантском подворье в присутствии всех судей общего права происходило торжественное принятие новых членов в братство. Новоявленные сержанты становились напротив судей. Главный судья Англии произносил речь, в которой говорил о высоком статусе сержантов и наставлял их быть честными в выполнении долга, не обманывать клиентов и не волокитить тяжбы. Затем главный судья Суда Общих тяжб еще раз зачитывал приказы об их назначении. В заключение все вновь назначенные сержанты опускались перед стоящим напротив судьей на колени. Им возлагали на головы белые чепцы, повязывали вокруг шеи красные капюшоны [Ibid. P. 152].

Через некоторое время все выходили на улицу и следовали по городу в четко регламентированной процессии. В Суде Общих тяжб каждого сержанта в отдельности подводили к стойке, затем ставили на колени перед лордом-канцлером, которому они вручали в знак признательности кольца [Ibid. P. 153].

Затем все переходили к торжественному обеду, на котором за одним столом сидели члены Тайного совета и лорды, за другим – мэр и олдермены Лондона, за третьим – судьи, «старейшие» сержанты, королевский атторней и королевский солиситор, за четвертым, стоящим ниже трех первых, – новоявленные сержанты. Последние время от времени вставали и произносили здравицу последовательно каждому вышестоящему столу [16. P. 153].

В назначенный день новичкам предстояло еще раз предстать перед судьями Суда Общих тяжб и продемон-

стрировать свое знание права, прецедентов и искусство вести тяжбу. Делать это надлежало по-французски. Весь акт напоминал защиту диссертации, которая предшествует получению степени [Ibid. P. 154].

Сержанты выделялись особым одеянием. Они носили, подобно судьям, на голове специальную из белого шелка шапочку, похожую на чепец (coif), алый капюшон, мантию – красную в торжественных случаях и черную или темно-бордовую в повседневной адвокатской жизни, и овечью пелерину вокруг плеч [8. P. 156–158; 10. P. 74].

Дж. Фортеस्कью считал сержантов высшими знатоками общего права, сопоставимыми с докторами гражданского права, получающими степень в университетах. Он несколько иначе передает процедуру вступления сержанта в должность. При появлении вакансий будущие сержанты отбирались в числе «7 или 8 человек зрелого возраста» главным судьей Суда Общих тяжб «по совету и с согласия всех остальных судей». Затем список с именами посылали лорду-канцлеру. В назначенный день будущие сержанты должны были предстать перед монархом, принести присягу «служить народу короля» и получить приказ (writ) о новом звании и достоинстве. Им полагалось закатить семидневное празднество и потратить на него каждому «не менее 400 марок». Им надлежало также раздать множество золотых колец с девизом общей стоимостью в 40 фунтов. Кольца разной ценности и достоинства полагались государю, герцогу, архиепископу, лорду-канцлеру, лорду-казначее, каждому присутствующему на церемонии графу и епископу, президенту Тайного совета, главным судьям судов общего права и барону Палаты Казначейства, каждому присутствующему на церемонии лорду парламента, каждому аббату и прелату, «великому рыцарю», хранителю канцелярского архива и прочим вплоть до клерков Суда Общих тяжб. Также надлежало раздать платье своим слугам, друзьям и знакомым [10. P. 70–72]. Рассказ Дж. Фортеस्कью часто воспроизводился английскими юристами и антикварами XVII в. Практически дословное его воспроизводство можно увидеть у Уильяма Дагдейла. Из приведенного У. Дагдейлом списка видно, что 1555 г. каждый новоявленный сержант подарил не менее 40 колец [17. P. 111–113, 130]. Очевидно, что юрист, становящийся сержантом, должен быть человеком состоятельным. Т. Вильсон пишет, что судьи и сержанты «ежегодно получают с людей в судах от 20 или 30 тыс. фунтов». Эд. Кок стал сержантом и судьей в 1606 г., но уже в 1600 г. он, по свидетельству Т. Вильсона, мог, «благодаря свои землям, монетам и должности», потратить около 12–14 тыс. фунтов [7. P. 25].

Д. Уайтлок, вступавший в должность одновременно с неким Джорджем Шерли (George Shurley) [18. P. 330], оставил подробное описание собственной сержантской инвеституры. 20 июня 1620 г., сообщает он, президентом Совета Уэльса герцогом Нортумберлендом ему было отправлено 2 предписания (warrant). Одно, за

подписью короля, было составлено на английском и латинском языках и гласило: «Яков, милостью Господа, король Англии, Шотландии, Франции и Ирландии, защитник веры, нашему верному и преданному канцлеру лорду Френсису Бэкону шлем привет. Мы желаем и повелеваем, чтобы по получению сего письма, отдавая должное его значимости и авторитету, вы послали бы за большой королевской печатью приказ такой формы, тона и содержания: “Яков, милостью Господа, король Англии, Шотландии, Франции и Ирландии, защитник веры, дорогому и верному нашему эсквайру (armigero) Джеймсу Уайтлоку из Лондона шлем привет. По рекомендации нашего совета, по получении сего повелеваем вам в течение 15 дней после праздника Святой Троицы получить степень и звание сержанта права (statum et gradum servientis ad legem). Повелеваем вам строго повиноваться и быть готовым в назначенный день принять предписанные степень и звание. А пропустивший пусть заплатит 1 000 фунтов”» [19. P. 78].

Второе предписание было датировано неделей раньше (14 июня), подписано фаворитом Яков I Джорджем Бэкингом, носившим тогда титул маркиза и занимающим должность лорда-адмирала, и адресовано генеральному солиситору Томасу Ковентри (Thomas Coventry). Оно сообщало, что Д. Уайтлок займет должность главного судьи в Честере, которую освободит Томас Чемберлен (Thomas Chamberleyne) [Там же. P. 78].

По получении этого приказа и «в соответствии с древним обычаем подворья, – продолжает Д. Уайтлок, – я был посажен во главе стола бенчеров». В день Святого Петра (29 июня) он прибыл в Канцелярию и подошел с двумя юристами к барьеру. Сделав поклон, Д. Уайтлок представил приказ, попросил зафиксировать его появление в протоколе и передал приказ клерку Канцелярии. Затем речь произнес канцлер Ф. Бэкон, сказавший, что король, проинформированный о его «соответствии» (sufficiencie), «призывает его сейчас на степень и звание сержанта права». Но не для того, чтобы оставить здесь, а «поднять выше» и направить главным судьей в Честер, на место Томаса Чемберлена, который придет в Лондон и станет судьей Суда Королевской скамьи. Канцлер заметил, что если бы Д. Уайтлок становился бы сержантом, то он бы говорил о его адвокатском долге (matter of pleading), но поскольку сержантство – лишь промежуточная ступень для получения должности судьи, то он стал пространно рассуждать о «долге судьи провинциального совета» [Там же. P. 79–80].

В ответном слове Д. Уайтлок поделил «жизнь профессора права» на три периода – годы учебы, когда искусство изучается долго, а время течет быстро, время практики, когда пожинаются плоды учебы, и время служения стране, когда надлежит исполнять гражданский долг перед государством в таком месте, на которое оно его призывает. Юрист «начинает жизнь, как философ, ибо обретает знания, продолжает, как эконом (aeconumus), ибо зарабатывает средства для жизни, а заканчивает, как политик, в служении стране». Д. Уайтлок

благодарит короля и всех за то, что они сразу дают ему две возможности, обещает преодолеть все свои «слабости» и сделать все, чтобы оправдать доверие [19. P. 80–81].

После этого, получив из рук клерка свиток, Д. Уайтлок принес присягу верности королю. Затем клерк зачитал его сержантскую присягу: «Ты должен поклоняться, что будешь старательно и праведно служить народу короля, как сержант права. Ты будешь искренне защищать их и сторониться всяких ухищрений. Ты никогда не будешь корысти ради или другой выгоды намеренно волокитить, затягивать и откладывать их дела. Если ты будешь делать дело надлежащим образом, Господь поможет тебе» [Ibid. P. 81–82].

Церемония имела продолжение в подворье Миддл-темпл, где утром казначей вручил ему в зале 10 фунтов и кошелек в качестве дара. В ответ юрист обратился к подворью с речью, в которой выразил глубокое сожаление, что ему приходится покидать своих «старых друзей» и лишаться удовольствия ежедневных с ними бесед. Он вспомнил, как они вместе пришли в подворье из университета, выросли в нем, вместе «участвовали в упражнениях» и получали звания барристеров и бенчеров. Затем он выразил признательность подворью «в целом», которое все время «лелеяло и поддерживало» его и дважды выразило ему «свою любовь». Первый раз во время его «чтения» (которое предшествовало получению статуса бенчера) и «сейчас», когда он становится сержантом. Он вновь и вновь подчеркивает, что «расставание» не является его решением. И это расставание не следует считать «разводом наших умов». Он обещает всегда «оплачивать» ту «доброту», которую шла от подворья. Поэтому рекомендует смело обращаться к нему, если он в его силах будет оказать подворью содействие [Ibid. P. 82].

Затем Д. Уайтлока присутствующие сопроводили до сержантского подворья, расположенного на Флит-стрит. Там он переоделся в платье сержанта. В костюме отсутствовали, однако, два важнейших символических элемента – чепец и алый капюшон. Но они вскоре найдут своего героя. В новом облачении, в сопровождении свит (tipstaves) он следовал за слугой, который нес те самые важнейшие элементы гардероба сержанта. Войдя в залу, юрист предстал перед восседающими на специальном возвышении двумя главными судьями – Генри Хобертом (Henry Hobart; Общие тяжбы) и Генри Монтегю (Henry Mountague; Королевская скамья). Д. Уайтлок дважды, обращаясь к главному судье Суда общих тяжб, где сержантам принадлежала монополия на адвокатуру, проинформировал того, что явился сюда по требованию. Затем Г. Монтегю произнес короткую речь, и юрист опустился перед ним на колени. Г. Монтегю надел на его голову белый чепец и возложил на правое плечо красный капюшон. Главный судья поднял юриста и повел его в залу. Впереди шли четыре «его человека» вместе с должностными лицами Суда Общих тяжб, Палаты Казначейства, комендантом тюрьмы Флит и приставом (usher) Палаты Казначейства. Сам

адвокат шествовал в чепце, чем выделялся среди прочих, идущих с непокрытыми головами. Красный колпак сержанта нес рядом один из его людей. За ним и его красным колпаком следовало все подворье Миддл-темпл. Процессия двигалась в Вестминстер, в Суд Общих тяжб. В суде Д. Уайтлок занял правое кресло против стойки. К нему двинулись два «старейших сержанта», которые, подойдя к стойке, развернулись и отвесили трижды почтительные поклоны суду. Затем, сделав еще по поклону в разные стороны, сержанты подвели Д. Уайтлока к стойке. Здесь все трое сделали три низких поклона. Оставшись один, Д. Уайтлок еще раз низко поклонился суду и обратился к нему, сказав, что явился по требованию. После чего «произошло назначение», и два упомянутых выше сержанта сопроводили неопита к его месту. Там находились младшие сержанты по возрасту. Наш герой оказался стоящим с Уильямом Джонсом, главным судьей Ирландии. Покинув суд, юрист отправился, как он пишет, «домой, в Сержант-инн». Вечером Д. Уайтлок устроил для «судей, сержантов, атторнеев Суда по делам опеки и Суда герцогства ланкастерского, хранителей архивов приказов и протонатариев Судов Общих тяжб и Королевской скамьи» ужин [Ibid. P. 83].

Очевидно, Д. Уайтлок опустил некоторые акты церемонии. В частности, он ничего не говорит о подаренных кольцах, но они приведены в скрупулезно подсчитанном бюджете. Вся церемония обошлась Д. Уайтлоку в 207 фунтов, 6 шиллингов и 11 пенсов, т.е. в два раза дешевле, чем сказано у Д. Фортеस्कью. Изготовление и приобретение одежды стоило 61 ф., 19 ш. и 9 п., праздничное застолье – 63 ф., 5 ш. и 3 п., лошадь и седло – 6 ф., 10 ш., плата различным лицам – 10 ф., 13 ш. и 4 п., подарочные кольца – 45 ф., 14 ш. и 8 п. и специальная серебряная тарелка для канцлера – 19 ф., 3 ш. и 5 п. Упомянуто, что для процессии ему понадобилось семь лошадей и четыре человека. Ему удалось сэкономить, отказавшись от заказа черной и бордовой мантий [Ibid. P. 84].

Дж. Фортеस्कью подчеркивает, что никакие другие «адвокаты», сколь бы сведущи они ни были, не могут становиться судьями, если они не принадлежат к корпорации сержантов. По его мнению, «ни один адвокат мира не может сравниться по знаниям с тем, кто в Англии занимает должность сержанта». Только сержанты могут вести дела в Суде Общих тяжб, поскольку там разбираются дела о «собственности». Чтобы стать сержантом, необходимо не менее 16 лет состоять членом одного из судебных подворий (Inns of court). Судьи и сержанты никогда, даже в присутствии короля, не могут обнажать голов и снимать свои чепцы [10. P. 72–73]. Спустя 150 лет можно встретить практически дословный пересказ Дж. Фортеस्कью о назначении сержанта и о том, что будущий сержант должен практиковаться в праве не менее 16 лет, прежде чем начать претендовать на право вступления в корпорацию [20. P. 81].

Однако в начале XVII в. сержантами становились гораздо более почтенные лица, которые по 30, 40 и более лет являлись членами судебных подворий [12. P. 41, 63].

В 1614 г. Э. Кок, выступая в Иннер-темпле перед одиннадцатью новыми членами сержантской корпорации, заметил, что самые «юные» вступают в нее после 28-летнего пребывания в судебном подворье, а самые старые – после 44 лет [21. Р. 347]. Уже с XIV в. все сержанты принадлежали к благородному сословию: во времена Эдуарда III они именовались «рыцарями», а во времена Ричарда II – «эсквайрами» и «джентльменами». Все сержанты, как и судьи Королевской скамьи и Общих тяжб, обязаны были являться во время парламентских сессий в верхнюю палату и консультировать лордов [22. Р. 688–689]. Во время торжественных мероприятий с участием короля они входили в процессию и следовали за судьями [15. Р. 157].

Э. Кок специально подчеркивал и высокий статус и древность института сержантов. В отличие от баронов Казначейства, которые получают от короля патенты на должности, говорил он, сержанты назначаются королем приказами, что свидетельствует о том, что сержанты древнее. Сержанты служат подданным короля без проволочек, честно и умело, имеют «статус и степень» (*statum et gradum*) и призываются королем в качестве советников по праву (*Councell of Lawe*) [21. Р. 347].

Особое место в гильдии сержантов занимали так называемые «королевские сержанты» (*King's or Queen's Serjeants*), которые изначально представляли интересы короля в Суде Общих тяжб. Первое назначение 4 королевских сержантов датируется 1315 г. При Тюдорах и ранних Стюартах короли назначали от 2 до 4 королевских сержантов. Карл I в 1623 г. сократил их число до двух. Королевские сержанты вели королевские дела, служили экспертами при подготовке правовых документов, представляли интересы королевской власти в судах. В Суде Королевской скамьи они обладали привилегией сидеть, как и судьи, за стойкой, а в Суде Общих тяжб, как остальные адвокаты, – стоять перед ней. Королевские сержанты присягали не «народу короля», а «королю и его народу», выделялись тем, что носили не белые, а черные чепцы с белой окантовкой. В отличие от сержантов, которые зарабатывали на жизнь частной адвокатской практикой, королевским сержантам полагалось жалование. В середине XV в. это жалование составляло 40 фунтов в год, к нему полагалась доплата на «мантию» и, как было уточнено при Елизавете Тюдор, на «мешочек, бутылку чернил и бумагу» в размере одного фунта, 6 шиллингов и 11 пенсов [13. Р. 24–25, 59–60].

Подмастерья (apprentices). В XIII в. появились первые юридические школы. С 1280-х гг. их слушатели именовались «учениками», или «подмастерьями суда» (*apprentices of the Bench*), который надстраивает специальную галерею, где они могли набираться опыта во время судебных заседаний. Некоторые подмастерья, пройдя обучение, могли стать сержантами. Но большинство довольствовалось адвокатской практикой в Королевской скамье, Канцелярии и других судах, становилось советниками лордов, клерками или официалами

[8. Р. 159]. В XV в. «подмастерья» – уже не ученики, а, как мы видели у Дж. Фортескью, почтенные адвокаты. О том, что подмастерья в XIV в. были «студентами», а в XV в. – адвокатами (*pleaders*), писал во второй половине XVII в. Уильям Дагдейл [16. Р. 143]. Современные исследователи отмечают тесную связь «подмастерьев» с Судебными подворьями (*Inns of Court*), где все они числились «лекторами» (*readers*) и управляющими, бенчерами (*benchers*) [23. Р. 88–90]. На рубеже XVI–XVII в. Джон Стоу писал, что после того, как адвокаты (*counselors, or utter barristers*) 14 или 15 лет пробудут членами одного из Судебных подворьев, бенчеры избирают их членами «скамьи», сажают «среди себя». После же чтения двух лекций студентам судебного подворья эти юристы «именуются подмастерьями» (*apprentices at law*) [14. Р. 78–79]. Известно, что если барристеру назначалось второе публичное чтение, то после него он становился бенчером. Собственно, именно об этом говорит свидетельство Д. Стоу. Ричард Хаттон между барристерами и сержантами ставит «второй ранг», на котором находится «лектор, или подмастерье» [24. Р. 354]. В 1631 г. сержант Роберт Хит в своей речи перечисляет все ступени юридической профессии – студент, барристер, старейший барристер, лектор, или бенчер, подмастерье и сержант [25. Р. 367]. В 1580 г. новоявленный сержант Уолмсли (*Walmsley*) специально подчеркивал, что сержанты как цеховые мастера стоят выше подмастерьев [26. Р. 312]. Очевидно, что современники видели в подмастерьях управляющих иннами бенчеров, одновременно занимающихся адвокатской практикой. Их место в этом поделенном на разряды обществе было несколько выше, чем место бенчеров. Между 1500–1540 гг. таких «подмастерьев-лекторов» в четырех Судебных иннах было 188 человек, примерно четверть из этого числа стала сержантами, а некоторые баронами Палаты Казначейства и судьями центральных судов общего права [23. Р. 90]. Видимо, «подмастерья» были предшественниками барристеров, которые активно заявили о себе и своих притязаниях на адвокатуру в XVI столетии [27. Р. 144].

Итак, несмотря на очевидную трансформацию английской предреволюционной адвокатуры, вызванную стремительным увеличением числа имущественных тяжб, вершина ее осталась неизменной. Сержанты права по-прежнему монопольно вели частную практику в разбирающем гражданские иски Суде Общих тяжб. Сержанты, объединенные в специальные подворья, были по меркам тех дней состоятельными людьми, связанными корпоративной солидарностью, имеющими хорошие и устойчивые связи с королевским двором и структурами управления. Единство корпорации и ее статус поддерживались создаваемыми веками ритуалами, церемониями, соответствующим одеянием. Источники показывают, что дорога к статусу сержанта была медленной и долгой, занимая не менее 25–30 лет. Нередко юрист уже добивался значительных успехов на ниве служения королю, становился генеральным солиситером (главным

стряпчим) или даже генеральным атторнеем (королевским прокурором), как это было с Эд. Коком в 1606 г., а только потом ее награждали статусом сержанта права.

Источники содержат мало сведений о подмастерьях права, упоминая только о их существовании и о их за-

нятиях частной практикой. Ясно, что они были лекторами и бенчерами судебных иннов. По-видимому, подмастерья теряли былое значение по мере расширения адвокатской деятельности пока до конца корпоративно не оформившихся барристеров..

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Слово «apprentice» (подмастерье) восходит к французскому глаголу «apprendre» (учиться, узнавать).

ЛИТЕРАТУРА

- Ives E. W. *Common Lawyers of Pre-Reformation England*. Cambridge, 1983.
- Brooks C.W. *Pettyfoggers and Vipers of Commonwealth. "Lower branch" of the Legal Profession in Early Modern England*. Cambridge, 1986.
- Prest W. *Rise of the Barristers. A Social History of English Bar, 1590–1640*. Oxford, 1986.
- Sommerville J.P. *Politics and Ideology in England, 1603–1640*. London, 1999.
- Brooks C.W. *Lawyers, Litigation and English Society Since 1450*. London, 1998.
- Prest W. *Inns of Court under the Elizabeth I and the Early Stuarts 1590–1640*. London, 1972.
- Wilson T. *State of England, anno Dom. 1600 // Camden Miscellany. 3rd ser.* London, 1936.
- Baker J.H. *Introduction to English Legal History. 4th ed.* Oxford, 2007.
- Rose J. *Ambidextrous Lawyer: Conflict of Interest and Medieval and Early Modern Legal Profession // University of Chicago Law School Roundtable. 2000. Vol. 7, is. 1.*
- Fortescue J. *On Law and Governance of England / ed. by S. Lockwood*. Cambridge, 2002.
- Coke E. *Institutes of Laws of England*. London, 1797. Part II.
- Baker J.H. *Order of Serjeants at Law. A Chronicle of Creations, with Related Texts and Historical Introduction*. London, 1984.
- Thynne. *Of the Antiquity of Houses of Law // A Collection of curious written by the eminent antiquaries upon several heads in our English Antiquities / ed. by T. Hearn*. London, 1771. Vol. I.
- Doddridge J. *English lawyer describing a method for the managing of the lawes of this land*. London, 1631.
- Stow J. *A Survey of London*. Oxford, 1908. Vol. I.
- Chauncy H. *Historical Antiquates of Hertfordshire: with Original of Counties, Hundreds or Wapentakes, Boroughs, Corporations, Towns, Perishes, Villages, and Hamlets*. London, 1826. Vol. I.
- Dugdale W. *Origines Juridicales; Or Historical Memorials of the English Laws, Courts of Justice, Forms of Tryal, Punishment in Cases Criminal, Law-Writers, Law-Books, Grants and Settlements of Estates, Degree of Serjeant, Inns of Court and Chancery*. London, 1680.
- Calls of Shurley and Whitlocke in 1620 // Baker J.H. Order of Serjeants at Law. A Chronicle of Creations, with Related Texts and Historical Introduction*. London, 1984.
- Liber Famelicus of Sir James Whitlocke / ed. by J. Bruce*. London, 1858.
- Whitlock. *Of Antiquity, Use and Privilege of Places for Students, and Professors of common Laws of England // A Collection of curious written by the eminent antiquaries upon several heads in our English Antiquities / ed. by T. Hearn*. London, 1771. Vol. I.
- Calendar of the Inner Temple Records / ed. by F.A. Inderwick*. London, 1898. Vol. II.
- Selden J. *Titles of Honour*. London, 1672.
- Baker J. *Legal Profession and Common Law: Historical essays*. London, 1986.
- Hutton's description // Baker J.H. *Order of Serjeants at Law. A Chronicle of Creations, with Related Texts and Historical Introduction*. London, 1984.
- Heath' call in 1631 // Baker J.H. *Order of Serjeants at Law. A Chronicle of Creations, with Related Texts and Historical Introduction*. London, 1984.
- Serjeant Walmsley's description // Baker J.H. *Order of Serjeants at Law. A Chronicle of Creations, with Related Texts and Historical Introduction*. London, 1984.
- Brooks C.W. *Common Lawyers // Lawyers in Early Modem Europe and America / ed. by W. Prest*. New York, 1981.

Kondratiev Sergey V. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: skondratiev@utmn.ru

SERGEANTS-AT-LAW AND APPRENTICES IN PREREVOLUTIONARY ENGLAND

Keywords: England; lawyers; advocates; sergeants-at-law; apprentices; ritual; upper branch

The article aims at describing the two upper orders of advocates in the Pre-Revolutionary England: sergeants-at-law and apprentices. The following tasks are set to achieve this goal: to demonstrate the historical evolution of sergeants-at-law and apprentices as special orders; to define the place of sergeants-at-law and apprentices in the body of lawyers; to depict the professional and social status of sergeants-at-law and apprentices; to reveal the incomes of pleading practices of upper branch lawyers; to consider the representative and ceremonial practices used by orders of lawyers of upper branch.

The author used the cultural anthropology approach that implies a presentation of generalized knowledge about a given historical cultural phenomena; in this case, the formalized order of lawyers - sergeants-at-law bound by steady socio-cultural and professional ties, lifestyle, commonly lived in Sergeant inns; and apprentices at law that were members of a larger and more complicated inns of court where apprentices constituted an influential and reputable group.

The problematic field of the research is that to present day the essential socio-cultural and professional characteristics of advocacy communities have not been clarified, ceremonial and presentation practices have not been described.

The sources for the research became the treatises of English lawyers and antiquaries (John Fortescue, Thomas Wilson, Edward Coke, John Stow, William Dugdale, James Whitlock) that recorded particular characteristics the sergeants-at-law and apprentices. After the research, the author came to the following conclusions: in the sixteenth and the first part of the seventeenth centuries, sergeants-at-law and apprentices constituted the so-called "upper branch" of English lawyers. Both orders emerged in the thirteenth century, as bodies of pleaders in the High Courts of the English common law. Sergeants, united in a special fraternity, were an elite body of advocates, distinguished by their wealth, connected by corporative solidarity, having the good and sustained ties with the royal court and structures of the government. The unity of order and its status were supported by an elaborate centuries-old ceremonies, rituals, and special garments. The sources prove that the way to a sergeant degree was slow and long and took at least fifteenth years.

In the thirteenth century apprentices were simply sergeants' pupils. However, in the Tudor and early Stuart England sergeants were chosen from those who had been admitted twice to public readings in the inns of court and who had practiced as apprentices. By that time, apprentices became rightful lawyers practicing in royal courts.

REFERENCES

1. Ives, E.W. (1983) *Common Lawyers of Pre-Reformation England*. Cambridge University Press.
2. Brooks, C.W. (1986) *Pettyfoggers and Vipers of Commonwealth. "Lower branch" of the Legal Profession in Early Modern England*. Cambridge University Press.
3. Prest, W. (1986) *Rise of the Barristers. A Social History of English Bar, 1590–1640*. Oxford: Clarendon Press.
4. Sommerville, J.P. (1999) *Politics and Ideology in England, 1603–1640*. London: Longmans.
5. Brooks, C.W. (1998) *Lawyers, Litigation and English Society Since 1450*. London: Hambledon Press.
6. Prest, W. (1972) *The Inns of Court under the Elizabeth I and the Early Stuarts 1590–1640*. London: Rowman and Littlefield.
7. Wilson, T. (1936) State of England, anna Dom. 1600. *Camden Miscellany*. 3.
8. Baker, J.H. (2007) *Introduction to English Legal History*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press.
9. Rose, J. (2000) Ambidextrous Lawyer: Conflict of Interest and Medieval and Early Modern Legal Profession. *University of Chicago Law School Roundtable*. 7(1).
10. Fortescue, J. (2002) *On Law and Governance of England*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Coke, E. (1797) *Institutes of Laws of England*. Pt. II. London: [s.n.].
12. Baker, J.H. (ed.) (1984) *Order of Serjeants at Law. A Chronicle of Creations, with Related Texts and Historical Introduction*. London: Selden Society.
13. Thynne. (1771) Of the Antiquity of Houses of Law. In: Hearn, T. (ed.) *A Collection of Curious Written by the Eminent Antiquaries upon Several Heads in our English Antiquities*. Vol. 1. London: [s.n.].
14. Doddridge, J. (1908) *English lawyer describing a method for the managing of the lawes of this land*. London: I. More.
15. Stow, J. (1908) *A Survey of London*. Vol. I. Oxford: [s.n.].
16. Chauncy, H. (1826) *Historical Antiquates of Hertfordshire: with Original of Counties, Hundreds or Wapentakes, Boroughs, Corporations, Towns, Perishes, Villages, and Hamlets*. Vol. I. London: [s.n.].
17. Dugdale, W. (1680) *Origines Juridicales; Or Historical Memorials of the English Laws, Courts of Justice, Forms of Tryal, Punishment in Cases Criminal, Law-Writers, Law-Books, Grants and Settlements of Estates, Degree of Serjeant, Inns of Court and Chancery*. London: [s.n.].
18. Anon. (1984) Calls of Shurley and Whitelocke in 1620. In: Baker, J.H. *Order of Serjeants at Law. A Chronicle of Creations, with Related Texts and Historical Introduction*. London: Selden Society.
19. Bruce, J. (1858) *Liber Famelicus of Sir James Whitelocke*. London: [s.n.].
20. Whitlock, J. (1771) Of Antiquity, Use and Privilege of Places for Students, and Professors of common Laws of England. In: Hearn, T. (ed.) *A collection of curious written by the eminent antiquaries upon several heads in our English antiquities*. Vol. 1. London: [s.n.].
21. Inderwick, F.A. (ed.) (1898) *Calendar of the Inner Temple Records*. Vol. 2. London: [s.n.].
22. Selden, J. (1672) *Titles of Honour*. London: [s.n.].
23. Baker, J. (1986) *Legal Profession and Common Law: Historical essays*. London: Hambledon Continuum.
24. Anon. (1984) Hutton's description. In: Baker, J.H. *Order of Serjeants at Law. A Chronicle of Creations, with Related Texts and Historical Introduction*. London: Selden Society.
25. Anon. (1984) Heath' call in 1631. In: Baker, J.H. *Order of Serjeants at Law. A Chronicle of Creations, with Related Texts and Historical Introduction*. London: Selden Society.
26. Anon. (1984) Serjeant Walmsley's description. In: Baker, J.H. *Order of Serjeants at Law. A Chronicle of Creations, with Related Texts and Historical Introduction*. London: Selden Society.
27. Brooks, C.W. (1981) Common Lawyers. In: Prest, W. (ed.) *Lawyers in Early Modern Europe and America*. New York: Holmes & Meier.

УДК 94(510)

DOI: 10.17223/19988613/55/13

Е.Н. Наземцева

СОВЕТСКОЕ ГРАЖДАНСТВО КАК ФАКТОР БЕСПРАВИЯ? ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В СИНЬЦЗЯНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Рассматриваются проблемы политико-правового положения советских граждан и бывших подданных Российской империи, получивших советское гражданство во второй половине 1920-х гг., их влияние на советско-китайские отношения в центрально-азиатском регионе. Особое внимание уделено деятельности советских консулов в Синьцзяне по защите прав советских граждан и русских эмигрантов, желающих получить советское гражданство, взаимодействию консулов с руководством провинции и НКВД СССР.

Ключевые слова: русская эмиграция; советские граждане; Синьцзян.

Проблемы политического и социального положения советских граждан в Китае в 1920–1940-е гг. получили освещение в научных исследованиях лишь недавно. Однако в основном внимание ученых традиционно сосредоточено на изучении советской колонии в Маньчжурии. Лишь некоторые исследователи уделяли внимание положению советских граждан в других провинциях Китая [1–3]. Изучение советской колонии в крупнейшей провинции Китая – Синьцзяне – из-за практически полностью закрытых источников пока остается неисследованной темой. Между тем она здесь была довольно многочисленной. Ее представляли как бывшие подданные Российской империи и русские эмигранты, принявшие советское гражданство, так и советские служащие, прибывшие в Синьцзян в 1920-е гг. для работы в консульствах и на различных предприятиях.

Влияние СССР в Синьцзяне в этот период было довольно значительным. Это касалось как внешнеполитических, так и экономических аспектов. Уже в мае 1920 г. были возобновлены торговые контакты между Синьцзяном и Советской Россией. К моменту установления официальных межгосударственных взаимоотношений между Китаем и СССР два сопредельных государства уже четыре года вели здесь активную торговлю. Даже после разрыва отношений между СССР и Китаем в 1927 и 1929 гг. в провинции продолжали функционировать советские консульства, равно как и китайские в Средней Азии и Казахстане. Продолжалась и двусторонняя торговля [4. С. 451]. Укреплению советских позиций способствовала и постройка в 1929–1932 гг. Туркестано-Сибирской железной дороги [5. С. 78].

Этому благоприятствовала и внутривнутриполитическая обстановка в провинции: ослабление китайских позиций и рост влияния мусульманских кругов. Нанкин не имел возможности оказывать влияние на ситуацию. Единственным выходом для местной администрации стало сотрудничество с советскими представителями, которые могли оказать политическую и военную помощь. Однако не все в администрации губернатора Синьцзяна Ян Цзенсиня разделяли эту линию. Некоторые

выступали за ориентацию на Нанкин. Тесное сотрудничество вызывало у них опасения за суверенитет провинции. Это, в свою очередь, приводило к ухудшению политического и правового положения рядовых советских граждан, а также тех, кто недавно получил или собирался получить советский паспорт.

29 июня 1925 г. Коллегией НКВД было принято согласованное с ОГПУ предложение экономико-правового отдела НКВД «О предоставлении консулам в Западном Китае особых прав по оформлению гражданства» [6. Л. 18]. Бывших российских граждан – купцов и духовенство, являвшихся мусульманами, «в связи с выяснившимся благожелательным настроением» Коллегия НКВД с согласия ИНО ОГПУ разрешила восстанавливать в гражданстве без запроса центра [7. Л. 5]. Кроме того, советским консулам в Западном Китае было предоставлено право одновременно и амнистировать на месте бывших рядовых солдат и казаков, и сразу же выдавать им местные визы на въезд в СССР, учитывая, что в отношении амнистированных возможны репрессии со стороны местных китайских властей. К тому же отдел Среднего Востока был против разделения вопросов о применении амнистии и выдаче виз на въезд. Это объяснялось тем, что раздельное решение вопроса об амнистии и визах могло привести к тому, что в Западном Китае окажутся советские граждане с советскими паспортами, въезд которых в СССР мог быть признан в центре недопустимым. В то же время консулам было предписано амнистировать лишь тех лиц, которые были хорошо известны, «как заслуживающие применения акта об амнистии». Для тех бывших рядовых солдат и казаков, в отношении которых у консульств имелись малейшие сомнения, применение амнистии и разрешение въезда в СССР должны были проводиться через центр [8. Л. 22].

Тем не менее расширение прав консулов в Западном Китае не способствовало решению вопросов о регистрации бывших русских граждан и эмигрантов, так как по имеющимся у советских властей данным консульствам чинились всевозможные препятствия. Например,

8 августа 1926 г. консульство СССР в Чугучаке обратилось к местному даоиню с просьбой о разрешении регистрации и содействии в проведении учета бывших русских граждан, желающих получить советское гражданство, а также разрешении расклеить объявление о регистрации. Но в ответном письме даоиня просьба консульства была отклонена. Следующим письмом на имя даоиня консульство, оспаривая его доводы, указывало, что китайские консулы в СССР оповещают свободное свое население не только объявлениями, но и через прессу [9. Л. 33]. Однако это снова не возымело действия.

Среди примеров притеснений советских граждан были и запреты переезжать из одного города в другой, и произвольные выселения из пределов Китая, и аресты, «производимые в целях устрашения и достижения определенных домогательств, и принуждения к исполнению различного рода работ (в большинстве случаев они выражались в требованиях предоставления бесплатно или за весьма мизерное вознаграждение подвод для обслуживания китайских чиновников). При отказах от исполнения советские граждане подвергались избиениям. Широко практиковалось и оставление китайскими властями без наказания уголовных преступлений – убийств, грабежей, насилий, совершаемых в отношении граждан СССР, даже в тех случаях, когда советские консульства сообщали синьцзянским властям все данные, необходимые для арестов преступников [Там же. Л. 3].

В консульства поступало огромное количество сообщений об открытии китайскими властями чуть ли не похода против советских граждан, вплоть до того, что распускались слухи об их выселении из городов, в которых отсутствовали советские консульства, и вселении в города пребывания консульств. Анализируя обстановку, советские представители пришли к выводу о неслучайности репрессий китайских властей по отношению к советским гражданам, тем более что гонения принимали организованный характер [Там же. Л. 11–12]. В 1927–1928 гг. китайские власти усилили репрессивные меры по отношению к советским гражданам: при переезде их из одного города в другой требовали специальный пропуск, на письма консульства о выдаче таких пропусков отвечали, что это исключительно их дело; советским гражданам была запрещена торговля в тех городах, где отсутствовали советские представители. Местные налоги снимались с совграждан на 90% больше, чем с китайцев.

Вызывало недовольство советской стороны и правовое положение русских женщин в провинции, в особенности в приграничной полосе. По мнению консулов, оно было «исключительно тяжелое». Это объяснялось тем, что, выходя замуж за китайцев, женщина, по мнению китайских властей, теряла советское гражданство и становилась бесправным объектом эксплуатации мужа. Выходили же замуж женщины за китайцев из-за бедности, «обрекая себя на вечное рабство». В связи с этим советское консульство считало, что «вопрос о правовом

положении русских женщин-согражданок, вышедших замуж за китайцев, не может не остановить на себе нашего самого серьезного внимания» [Там же. Л. 74].

Спорным оказывалось и положение тех женщин, которые регистрировали свой брак с белогвардейцами. Согласно указаниям заведующего отделом Среднего Востока В.М. Цукермана, не следовало «чинить препятствия и отказывать в регистрации брака в том случае, если данный белогвардеец не является особенно злым и особенно сильно проявившим свое антисоветское настроение». Однако Генеральное консульство затруднялось «в выборе критерия, которым оно могло бы руководствоваться в деле определения степени антисоветскости того или иного белогвардейца, тем более что сам факт нерегистрации белогвардейца до сего времени уже, казалось бы, в достаточно степени свидетельствует о его отношении к соввласти», и просило на этот счет специальных указаний [Там же. Л. 15].

Одной из особенностей обстановки в Синьцзяне являлось то обстоятельство, что лица, подавшие заявление о восстановлении их в совгражданстве, рассматривались китайскими властями уже как совграждане с соответствующими отсюда выводами правового и юридического характера. Это толкало последних по целому ряду случаев искать помощи в советском консульстве, которое на основе существующих циркуляров этой помощи им оказывать не имело права, ибо они еще не являлись совгражданами. Некоторые зарегистрированные обращались в Генеральное консульство с просьбами о регистрации браков, разводов, рождений, руководствуясь в данном случае соображениями легализации гражданского состояния на случай возвращения в СССР [Там же. Л. 15].

Особое недовольство советской стороны вызывал вопрос защиты прав советских граждан в провинциальных судах, так как китайцы, пользуясь отказом от консульской юрисдикции, судили советских граждан не по европейским законам, как это предполагала советская сторона при отказе от юрисдикции, а по кодексу даидинской династии, а так как в Синьцзяне вообще не было специального судебного органа и законов, то часто судили уездные начальники. На протяжении второй половины 1920-х гг. не было случая, когда бы дело в суде, будь оно гражданского или уголовного характера, если одной стороной выступал совгражданин, а другой – китаец, было решено в пользу совгражданина; при этом в большинстве случаев все обстоятельства дела с полной несомненностью говорили в пользу последних [Там же. Л. 13]. Все это приводило к тому, что те русские, которые хотели бы получить совгражданство, старались перейти в китподданство [9. Л. 78]. Началась паника и в советской колонии.

Консулы оказывались фактически бессильными в защите прав советских граждан. Каждый раз, когда по какому-нибудь конкретному случаю консульства обращали внимание китайских властей на недопустимое отношение к советским гражданам, от китайских властей

следовал один и тот же ответ, что «выступления консульств нарушают китайский суверенитет, противоречат международному праву и что вообще консульства не должны принимать жалобы от советских граждан, так как этим нарушается отказ Правительства СССР от консульской юрисдикции и прав экстерриториальности, предусмотренных советско-китайским соглашением от 31 мая 1924 г.» [9. Л. 2].

Консулы СССР считали, что необходимо принять соответствующие меры для облегчения жизни советских граждан и указать китайским властям на то, что «нельзя ставить советских граждан на ступень бесправных рабов, поставленных в такое положение исключительно потому, что они советские граждане, в то время когда так называемые «международные граждане» – белогвардейцы – пользуются всеми правами и преимуществами» [Там же. Л. 12]. Консул в Чугучаке видел причину этого в слишком мягкой политике по отношению к Китаю вообще и китайцам в СССР в частности: «...до сих пор мы все это незаконно пропускали безнаказанно для китайцев и никаких репрессий как внутри СССР, так и здесь не принимали... мы к разрешению таких вопросов подходим слишком мягко», – и предлагал создать такую обстановку для китайских властей, «которая заставила бы их слушаться и уважать наши законы, так же как мы обещали уважать их законы в пекинском соглашении» [Там же. Л. 78–79].

В конце концов советские представители вынуждены были направить в НКВД просьбу обратить серьезное внимание на положение дела защиты советских граждан, «так как в результате бессилия консульств против чинимого синьцзянскими властями террора и произвола в среде местного населения граждан СССР возникают недоброжелательные к консульствам настроения». Кроме того, консульства считали необходимым сделать специальное представление центральным властям Синьцзяна, для чего Коллегии НКВД предоставили проект специального меморандума [Там же. Л. 5].

НКВД предложил ввести институт аксакалов из советских граждан, которые могли бы выступать во всех китайских учреждениях для защиты интересов граждан СССР. Однако консулы в Синьцзяне были против этого. Они объясняли свою позицию тем, что если официальные консульства в своих выступлениях перед китайскими властями не в состоянии влиять на них для вынесения правильного решения, а с китайской стороны всегда следовали «демагогические письма со ссылками на Пекинское соглашение, отказ от юрисдикции и т.п.», то тем более влияние не смогут осуществить аксакалы, уже не говоря о том, что они, по мнению консулов, также подвергались бы всевозможным притеснениям со стороны китайцев, и консулам пришлось бы выступать перед китайцами в их защиту. Кроме того, по мнению консулов, китайские власти не допустили бы организации института аксакалов и рассматривали бы попытки к его созданию как нарушение суверенитета и укрепление СССР в провинции. Это,

в свою очередь, могло усилить, с одной стороны, репрессии против советских граждан вообще, а с другой – еще больше помешать работе по оформлению советского гражданства бывшим российским подданным, которых еще не успели восстановить. Восстановленных же пока было не более 20–25% «всего имеющегося в Синьцзяне количества». Поэтому вопрос об аксакалах предлагалось оставить открытым, а вплотную подойти к созданию в Синьцзяне сильной советской колонии [Там же. Л. 13].

Доводом против создания в Синьцзяне института аксакалов служило и то соображение, что, по мнению советских представителей, «если китайцы даже и соглашались на создание института аксакалов, то они, безусловно, потребуют создания аналогичного института для китграждан внутри СССР», но «разница между нашими и китайскими аксакалами будет заключаться в том, что наши аксакалы будут подвергаться в Синьцзяне всевозможным гонениям, а китайские аксакалы в СССР будут заниматься демагогией и мешать соответственному подходу со стороны соввластей к китгражданам» [Там же. Л. 14].

Кроме того, случаи разрешения того или иного дела в пользу советских граждан часто объяснялись неустойчивостью положения дудзюня, когда по соображениям политического характера он был вынужден идти на уступки советским консулам и требовать того же от даоиней, а при укреплении своего положения игнорировал представления советской стороны. Не желая ставить интересы советских граждан в зависимость от колебаний положения дудзюня, советские консулы настаивали на необходимости «выступить в Синьцзяне единым фронтом» и требовать от китайских властей применения к советским гражданам европейских методов судебно-следственной процедуры, имея в виду, что и п. 7 Пекинского соглашения гласил, что СССР согласен отказаться от консульской юрисдикции лишь при условии, что в Китае к совгражданам будут применяться приемлемые для нас судебно-следственные методы [Там же. Л. 13].

В результате на специальном совещании экономическо-правового отдела НКВД по синьцзянским вопросам было принято решение поручить отделу Среднего Востока и 2-му отделу частного права экономико-правового отдела составить проект меморандума для вручения синьцзянским центральным властям, выработать проект реторсий по отношению к синьцзянским гражданам в СССР, поручить 2-му отделу направить консулам СССР в Синьцзян инструкцию о порядке информирования центра по вопросам правового положения граждан СССР в Синьцзяне [9. Л. 7]. Кроме того, было принято решение установить максимально сокращенный порядок для прохождения дел о восстановлении в советском гражданстве лиц из Синьцзяна, «ввиду специфических условий этой провинции», а также разрешить консулам СССР оказывать содействие лицам, подавшим заявления о восстановлении их в советском

гражданстве, еще до их восстановления в таковом «ввиду длительности срока прохождения этих дел и в случаях, если консул имеет основание полагать, что данному лицу не будет отказано в восстановлении» [9. Л. 8].

Отношение китайского руководства к советским гражданам и проведению регистрации русских эмигрантов и бывших российских подданных демонстрировала ситуация, сложившаяся в Кашгарском округе провинции.

Бывших русско-подданных здесь было довольно много. Еще в 1914 г. представителем русского консульства В.М. Федоровым совместно с Уполномоченным китайскими властями чиновником И Цзе была проведена регистрация всех российских подданных Кашгарского консульского округа, и после детального выяснения вопросов подданства был составлен полный список глав семей русско-подданных, скрепленный подписями и печатями русского и китайского представителей. Было зарегистрировано 2 312 семейств (из отчета российского консульства за 1915 г.) [10. Л. 1]. Сверх того было еще зарегистрировано 174 семейства, не вошедших в списки по аксакальствам. Всего же в Кашгаре проживали свыше 10 000 бывших русско-подданных [Там же. Л. 9]. Кроме того, в Кашгарском округе имелось 24 аксакальства, и только по 13 южным аксакальствам было точно установлено количество земли, принадлежащей русско-подданным. Таким образом, русско-подданным только в южной части Кашгарии принадлежало 4 500 десятин земли, что при местном земельном голоде являлось весьма внушительной цифрой [Там же. Л. 2].

Китайское правительство с первого года республиканского строя решительно боролось с иностранным землевладением в Китае, и в частности в Кашгарии, но вследствие не менее решительных контрдействий русского и английского консульств русские и английские подданные вплоть до Первой мировой войны не только сохраняли здесь земельную собственность, но и продолжали ее увеличивать покупкой и самовольными захватами у китайских подданных. Мировая война ослабила влияние русских и англичан в Синьцзяне, что сразу проявилось в возникновении непрерывных земельных конфликтов между консульствами – английским и русским – с одной стороны и китайским властями – с другой. К моменту открытия в Кашгаре советского консульства в 1925 г. окончательно определилось следующее положение: китайские власти сохранили земельную собственность за английскими старожилами и бывшими русско-подданными, лишив возможности дальнейшего округления землевладения прикупкой земли у китайских подданных. Оказывая противодействие образованию советских колоний в Кашгарии из бывших российских подданных, кашгарский даотай Ма в переписке с советским Генеральным консулом в Кашгаре М.Ф. Думписом истолковал регистрацию русско-подданных в советском гражданстве как переход из одного подданства в другое. В своем письме от 28 июля 1927 г. № 13 Ма

писал Думпису: «Вопрос относительно бывших российских подданных, проживающих на китайской территории, разбирался в прошлом году между Полномочным Представителем СССР господином Караханом и Китайским Министерством Иностранных Дел в Пекине. И тогда г[осподи]н Карахан заявил, что лица, не зарегистрированные в советских представительствах, хотя имеющие в прошлом какие-либо заслуги, не считаются больше российскими подданными и не принимаются в советское подданство. Следовательно, лица, проживающие на китайской территории и не имеющие своей родины, подчиняются китайским законам и пользуются полным покровительством китайских властей, и когда они захотят принять какое-либо подданство, то должны сперва заявить об этом китайским властям... Представители Китайской Республики в советских городах выдают своим подданным документы на право временного проживания в таковых, но они совершенно не предпринимают конкретных шагов к тому, чтобы принять в китайское подданство лиц, не имеющих родины, и не просят представителей СССР помогать им в этом деле. Мне известно, что в Алтае, Чугучаке и Кульдже советские представители посылали своих секретарей по городу уговаривать людей принимать советское подданство и даже расклеивали объявления. Когда это стало известно китайским властям, то последние перестали дружески посещать советских представителей» [Там же. Л. 3–4].

Таким образом, Ма, с одной стороны, признал советское правительство, добровольно отказавшееся от всяких прав на бывших российских подданных в Кашгаре, а с другой – фактически опротестовывал производившуюся в Шара-Сумэ, Чугучаке и Кульдже регистрацию советских граждан. Ма считал, что если бывшие российские подданные желали принять советское подданство, то они должны прежде всего явиться к китайским властям и заявить им об этом, а также предоставить точные сведения о размерах имеющегося у них недвижимого имущества [Там же. Л. 4]. И «если не встретится никаких препятствий к этому», то даотай должен сообщить генерал-губернатору провинции, а тот – в Пекин. Только после того, как Пекин санкционирует этот вопрос, советскому генеральному консулу будет разрешено принимать бывших российских подданных в советское гражданство [Там же. Л. 4].

Тем не менее М.Ф. Думпис продолжил проводить регистрацию бывших российских подданных, но делал это более осторожно, стараясь не вызывать недовольства и подозрения китайских властей. Так, восстановив в советском гражданстве 19 человек, он передал паспорта на согласование кашгарскому даотая, однако последний отказался вернуть их. Назначенный в 1928 г. новый Генеральный консул СССР в Кашгаре Б.П. Постников направил письмо в Урумчи Генеральному консулу Л.М. Гавро, чтобы он добился от губернатора Синьцзяна распоряжения кашгарскому даотая о выдаче 19 бывшим российским подданным, восстановленным

в советском гражданстве советских паспортов, переданных на согласование кашгарскому даотаю. Однако Гавро считал, что Думпису вообще не следовало передавать паспорта китайским властям, а нужно было вручить их непосредственно вновь зарегистрированным советским гражданам. В создавшейся же обстановке он полагал, что необходимо вновь заготовить 19 паспортов и выдать их совгражданам, чтобы избежать прецедента [10. Л. 5]. Постников же остался на стороне Думписа и, изучив старый архив консульства, пришел к выводу, что точь-в-точь как рекомендовал поступить Гавро, действовал в 1910–1914 гг. Генеральный консул Российской империи в Кашгаре С.В. Соков, «раздававший по своему усмотрению, не спрашивая согласия китайских властей тун шанпяо, следствием чего были повсеместные погромы русских колоний в Кашгарии». Но, как справедливо отмечал Постников, «тогда Соков мог для защиты русско-подданных и своего престижа опереться на специально вызванный сильный экспедиционный отряд», в новой же обстановке такая крайняя мера «является абсолютно исключенной» [Там же. Л. 5]. Тем не менее паспорта все же были возвращены даотаю консульству [Там же. Л. 43].

Постников указывал на другие меры противодействия китайских властей регистрации в советском гражданстве бывших российских подданных, например угрозу конфискации недвижимого имущества зарегистрировавшихся с принудительной высылкой их в СССР. Однако так как сохранение за англоподданными-старожилами права владения недвижимостью отнюдь не вытекало из договорных соглашений о капитуляциях, то ссылка на это положение была, по мнению консула, достаточной для противодействия китайской аргументации, настаивающей на лишении советских граждан не только владения имуществом, но и права постоянного жительства на территории Кашгарии. Кроме того, упоминание о возможности выселения на основе взаимности китайских подданных – уйгур – из советского Туркестана обратно в Синьцзян также «было бы весьма полезным». По мнению Постникова, китайцы, абсолютно равнодушные к материальному положению своих подданных уйгур находящихся в СССР, «весьма встревожатся при мысли о принесении ими в Синьцзян советской заразы» [Там же. Л. 6].

Регистрация бывших российских подданных действительно рассматривалась советскими представителями в провинции, в особенности в Кашгаре, как одно из средств советской разведки. В частности, еще М.Ф. Думпис предлагал открыть в г. Таш-Кургане консульское агентство для наблюдательной деятельности в сторону Индии (Гильгитское направление), так как, по разным сведениям, в данном районе имели место интенсивная работа Англии «по устройству военной коммуникации и скопление англо-индийских войск в Гильгитском направлении» [Там же. Л. 9]. Однако прибывший в Кашгар Постников был против открытия такого агентства до достижения соглашения с китайской

стороной относительно восстановления в советском гражданстве бывших российских подданных, обосновывая это тем, что только после того, как в Кашгарии появятся советские граждане, уместно будет начинать с китайскими властями переговоры о дополнительном консульском учреждении в Кашгаре, а именно в Таш-Кургане [Там же]. В то же время он понимал необходимость иметь в пределах Кашгарского округа, особенно на границах с Индией, Тибетом и Ганьсу, «хотя бы несколько десятков признанных советских граждан – постоянных жителей тех мест», так как только при их наличии консульство успешно могло бы «протянуть свои наблюдательные щупальца к важнейшим очагам политики Центральной Азии», поэтому призывал применить все возможные рычаги воздействия на синьцзянское правительство [Там же. Л. 6].

Из-за позиции китайских властей бывшие русско-подданные в Кашгаре не стремились получить советское гражданство, так как небезосновательно опасались репрессий с их стороны. Например, в мае 1928 г. в Фай-базане произошла драка между китайскими подданными и бывшими русско-подданными, не принявшими еще советского гражданства. Бывшие русско-подданные, пожаловавшиеся на это уездному начальнику, были посажены в тюрьму. На словесный протест генерального консула СССР даоинь кашгарского округа Ма возразил, что советское консульство не имеет никакого отношения к бывшим русско-подданным, так как они не являются советскими гражданами [Там же. Л. 43].

Другой случай произошел во время одной из поездок генконсула Постникова по округу. Он, в частности, отмечал, что при его проезде через селение Янгигисар все проживавшие там бывшие русско-подданные «пудирали из города, опасаясь, что если я вызову их к себе, то их накажут китайцы, если же они не явятся ко мне по моему вызову, то им попадет от меня». В Яркенде на следующий день после приезда советского консула группа купцов, бывших русско-подданных, явилась к уездному начальнику перезаверять свое китайское подданство, «дабы не подумали о них чего плохого». От бывшего русского аксакала Мулла-Ахуна Постников узнал о том, что почти все бывшие русско-подданные Яркендского уезда приняли китайское подданство под давлением со стороны китайских властей: бывших русско-подданных заковывали в цепи, конфисковывали имущество и т.п., наиболее тяжело пострадавшие от преследований погибли в тюрьме [Там же. Л. 27].

В результате Постников во время своей поездки старался не контактировать с бывшими русско-подданными, пытаясь тем самым заверить китайские власти в безобидности своих намерений, так как даоинь Ма действительно опасался возникновения волнений населения из-за производства их регистрации [Там же. Л. 28]. Кроме того, сам Постников даже рекомендовал всем, обращающимся к нему, «пока ограничиться сохранением своего сравнительно выигрышного положения “николаевских подданных” до того момента когда будет

объявлено о регистрации» [10. Л. 29]. Тем не менее во время своей поездки Постников в течение первых трех дней выдал 27 советских паспортов, однако из-за отношения китайских властей дальнейшую выдачу паспортов все же приостановил. В то же время он попросил НКВД поставить в Урумчи вопрос о ситуации с регистрацией бывших русских подданных в Кашгарском округе «в полном объеме» [Там же. Л. 66].

Учитывая сложившуюся ситуацию, НКВД рекомендовал в беседах с Ма подчеркивать, что ни в одной стране власти не ставили препятствий СССР в проведении регистрации, объявления советских представительств о регистрации помещались в газетах и т.д., развеять подозрения Ма в якобы стремлении советских представителей создать революционные очаги в Кашгарии из восстановленных в советском гражданстве бывших русско-подданных, убедить даоиня в том, что советские власти восстанавливают в советском гражданстве лишь тех из бывших русско-подданных, кто имел «бесспорные доказательства принадлежности к российскому подданству» и «кто добровольно, без всякого принуждения» просил о восстановлении [Там же. Л. 57]. В случае продолжения противодействия Постникову рекомендовалось прервать свою поездку и возвратиться в Кашгар. В то же время НКВД требовал довести дело регистрации до конца, обеспечив ее нормальное проведение [Там же. Л. 58], для чего Генконсулу СССР в Урумчи НКВДом было направлено соответствующее письмо с приказом настаивать перед дудзюнем на том, чтобы кашгарские власти не чинили препятствий проведению регистрации в Кашгарии, а также указать дудзюню, что «постоянные уверения урумчинских властей в дружбе и добрососедских с СССР отношениях несовместимы с таким фактом, как отношение администрации даоиня Ма к б[ывшим] росс[ийским] гражданам» [Там же. Л. 56].

Постников предлагал пойти на компромисс, ограничившись легализацией советского гражданства не всей десяти тысячной массы, а нескольких сотен, чтобы таким образом хоть как-то обеспечить наличие постоянного советского элемента на границах Индии и Тибета. Отказ же от восстановления в советском гражданстве большинства бывших русско-подданных он предлагал мотивировать перед китайскими властями тем, что СССР стремился «ликвидировать наследие русификаторской

политики Царского Правительства в Синьцзяне, оставив советское гражданство лишь за действительными выходящими с территории Царской России, сохранившими донине родственную или имущественную связь с Родной» [Там же. Л. 67]. Если же «упорство» китайских властей преодолеть не удастся, то вопрос о регистрации бывших русско-подданных в Кашгаре предполагалось использовать как противовес претензиям китайских властей в политических или экономических переговорах, тем более что обстановка политического замешательства в Синьцзяне после убийства губернатора Ян Цзенсиня благоприятствовала этому [Там же. Л. 67].

Подобное отношение к вопросу регистрации в советском гражданстве наблюдалось не только в Кашгарском округе, аналогичное положение сложилось и в других округах Синьцзяна. При этом высшие китайские чиновники упорно настаивали на срочном принятии советскими властями решительных мер к радикальному смягчению советского торгового и пограничного режимов в применении к китайским подданным [Там же. Л. 68].

Тем не менее непримиримая позиция китайских властей в Кашгарии все же заставила советское консульство признать регистрацию советских граждан фактически открыто сорванной китайскими властями [Там же. Л. 51].

Таким образом, несмотря на установление советско-китайских отношений, положение советских граждан и получивших советское гражданство бывших подданных Российской империи во второй половине 1920-х гг. было достаточно сложным. Причина этого заключалась в неоднозначном отношении китайских властей к укреплению в Синьцзяне позиций Советского Союза. Вместе с тем попытки советских консулов защитить советских граждан оказались практически безрезультатными. Обращения же в НКВД также не приводили к изменению ситуации, что было закономерно, так как советское руководство не считало необходимым открыто заявлять о данной проблеме, опасаясь, с одной стороны, широкой огласки своего укрепления в Западном Китае, а с другой – ослабления позиций из-за возможного скандала. В результате приоритет внешнеполитических интересов советского руководства приводил к уязвимости и противоречивости политико-правового положения советских граждан в Синьцзяне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Даоинь – начальник города или области.

² Кодекс дайцинской династии (1644–1911) – Да цинлуй ли, т.е. законы дайцинской династии и дополнения к ним, воспроизведенные из кодекса предшествовавшей минской династии (1368–1644).

³ Дуцзюнь – прежнее название губернаторов в Китае, державших в своих руках гражданскую и военную власть.

⁴ Консульская юрисдикция – судебная власть консулов над своими соотечественниками на иностранной территории.

⁵ Реторсии (позднелат. *Retosio* – обратное действие) – предусмотренные международным правом ограничительные меры, предпринимаемые государством в ответ на аналогичные действия другого государства, наносящие экономический или моральный ущерб другому государству, например ограничение прав иностранцев, повышение таможенных пошлин. Являются ответом на правомерные действия другого государства, должны быть пропорциональны вызвавшему их акту и прекращаются с момента восстановления прежнего положения. Не предусматривают применения вооруженной силы или угрозы ее применения.

⁶ Аксакальство – административная единица округа. Во главе аксакальства стоял аксакал, объединявший административную и политическую власть.

⁷ Даотай – начальник округа или области.

⁸ Билеты, служившие удостоверением русского подданства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблажей Н.Н. С востока на восток: российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007.
2. Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014.
3. Яхимович С.Ю. Советские граждане в Северной Маньчжурии (1924–1935 гг.). Хабаровск, 2015.
4. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимодействий. М., 2004.
5. Противостояние : очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века. М., 1995.
6. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0253. Оп. 1. П. 1. Д. 1.
7. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 4. Д. 408.
8. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 4. П. 275. Д. 4007.
9. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 5. П. 300. Д. 5036.
10. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 153. Д. 59.

Nazemtseva Elena N. Military History Research Institute Military Academy of General Staff, Russian Armed Forces Moscow, Russia). E-mail: elenanazz@mail.ru

SOVIET CITIZENSHIP AS FACTOR OF ILLEGALITY? THE PROBLEMS OF THE POLITICAL AND LAW STATUS OF SOVIET CITIZENS IN XINJIANG IN THE SECOND HALF OF THE 1920s

Keywords: Russian emigration; USSR; Republic of China.

The aims of the article are to study the problems of the political and law status of Soviet citizens and former subjects of the Russian Empire who received Soviet citizenship in the second half of the 1920s, to determine their influence on Soviet-Chinese relations in the Central Asian region. The study is based on the service and administrative documentation of the People's Commissariat for Foreign Affairs (PCFA) and the Foreign Department of the United State Political Service of the USSR and personal correspondence of Soviet consuls from the Foreign Policy Archive of the Russian Federation and the Central Archive of the Federal Security Service. The article also describes the historiography of the problem.

The strengthening of the political and economic influence of the USSR in Xinjiang in the 1920s had conflicting consequences. A significant part of the political circles of Xinjiang, in particular, the heads of districts, opposed it, as feared for the sovereignty of the province. This led to a deterioration in the political and law status of ordinary Soviet citizens, as well as those who recently received or were about to receive a Soviet passport. Expansion of the rights of Soviet consuls, registration of former subjects of the Russian Empire and Russian emigrants, registration of those wishing to soviet citizenship could not change the situation. Soviet citizens were forbidden to trade, moved from city to city, they were charged with increased taxes, they were evicted from China, forced to perform various kinds of work, many were beaten, arrested and even executed. Attempts by Soviet consuls to protect the rights of Soviet citizens were not successful.

Thus, despite the establishment of Soviet-Chinese relations, the position of Soviet citizens in the second half of the 1920s was difficult. The reasons for this were the ambiguous attitude of the Chinese authorities towards strengthening the position of the Soviet Union in Xinjiang, as well as the lack of necessary law norms in China in general and in Xinjiang in particular to regulate the status of Soviet citizens. An important reason was the refusal of the Soviet leadership from consular jurisdiction in China. However, the Soviet leadership did not openly conflict with the Chinese authorities, giving priority to foreign relations. As a result, Soviet citizens in Xinjiang were held hostage to high politics. This affected the attitude of the new Soviet citizens – former subjects of the Russian Empire and Russian emigrants – to the USSR, and ultimately indirectly contributed to the weakening of the USSR's position in Western China.

REFERENCES

1. Ablazhey, N.N. (2007) *S vostoka na vostok: Rossiyskaya emigratsiya v Kitae* [From the East to the East: the Russian emigration in China]. Novosibirsk: SB RAS.
2. Krotova, M.V. (2014) *SSSR i rossiyskaya emigratsiya v Man'chzhurii (1920–1930-e gg.)* [The USSR and the Russian emigration in Manchuria, the 1920s–1930s]. St. Petersburg: Asterion .
3. Yakhimovich, S.Yu. (2015) *Sovetskie grazhdane v Severnoy Man'chzhurii (1924–1935 gg.)* [Soviet citizens in Northern Manchuria (1924–1935)]. Khabarovsk: Ministry of Interior of Russia.
4. Voskresenskiy, A.D. (2004) *Kitay i Rossiya v Evrazii: Istoricheskaya dinamika politicheskikh vzaimovliyaniy* [China and Russia in Eurasia: Historical Dynamics of Political Interactions]. Moscow: Muravey.
5. Zolotarev, V.A. (1995) *Protivostoyanie. Oчерki voenno-politicheskoy konfrontatsii pervoy poloviny XX veka* [Confrontation. Essays on the military-political confrontation of the first half of the twentieth century]. Moscow: [s.n.].
6. The Foreign Policy Archive of the Russian Federation (AVP RF). Fund 0253. List 1. File 1.
7. The Central Archive of the Federal Security Service of Russia. Fund 2. List 4. File 408.
8. The Foreign Policy Archive of the Russian Federation (AVP RF). Fund 054. List 4. P. 275. File 4007.
9. The Foreign Policy Archive of the Russian Federation (AVP RF). Fund 054. List 5. P. 300. File 5036.
10. The Foreign Policy Archive of the Russian Federation (AVP RF). Fund 0100. List 12. P. 153. File 59.

Ван Чаолинь, Е.В. Савкович

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЯСА РАЗВИТИЯ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ КНР В НАЧАЛЕ 2010-х гг.

Рассматриваются основные механизмы формирования новой геополитической и геоэкономической структуры на Западе КНР (Синьцзян-Уйгурский автономный район), а также региональные варианты трансграничного сотрудничества. Прагматизм китайского руководства в данном проекте успешно сочетался с набором идеологических штампов. Основное внимание уделяется рассмотрению механизмов практической реализации стратегии развития Синьцзяна на современном этапе.

Ключевые слова: КНР; Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР); приграничное сотрудничество; Центральная Азия.

Одной из задач национального развития Китая на современном этапе стало повышение инвестиционной привлекательности регионов. И если для Гуанчжоу, Шанхая и Пекина она воспринимается как данность, то для пограничных, относительно слабо развитых регионов проблема по-прежнему остается острой. В этой связи китайское правительство занимает активную позицию по формированию информационной, инновационной и торговой сети на границах КНР, что выражается как в перераспределении финансовых и инвестиционных ресурсов внутри страны (преференции, льготы, создание специальных экономических зон), так и в продолжении политики и практики «выхода вовне» при доминирующей роли экспорта в торговле и поиске ресурсов за пределами государства. Таким образом, в развитии пограничных регионов, к которым относится, в частности, и Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая (СУАР КНР), важнейшую роль играет внешний фактор. Хотя в национальном рейтинге конкурентоспособности регионов (*шэн цюй фачжэнь шуйтин цзинчжэньли*) Синьцзян занимает последние 30–31 места [1. С. 39], государство вкладывает огромные средства в его развитие, в том числе в так называемую «трансграничную модель развития» [2]. В китайской научно-исследовательской литературе также можно встретить понятие «пояс развития» (*фачжэнь дай*), например в сочетании «приморский пояс развития» (*яньхай фачжэнь дай*), для восточной части достаточно часто используются словосочетания «экономический круг» (*цинци цюань*) или «круг развития» (*фачжэнь цюань*). Последней по времени появления следует считать инициативу «Один пояс, один путь», которая теперь чаще называется «Пояс и путь» (*и дай и лу*). В целом все вышеперечисленные понятия описывают модель развития, ее форму (формат) и уже показали свою эффективность на примере национальных стратегий развития.

Тот факт, что большинство информационных и пропагандистских сообщений по поисковым запросам «Синьцзян», «Урумчи», «СУАР» начинается с предложения: «Синьцзян является важнейшими воротами на Северо-Западе КНР, транспортным мостом и западной

частью второй Транссьевразийской магистрали» [3], говорит о позиционировании региона и его ориентации на внешний рынок.

Что касается самого Синьцзяна, то он обладает особой региональной спецификой и выделяется среди остальных административно-территориальных образований в составе КНР. С точки зрения географии и экономики регион разделен на две части – Северный Синьцзян и Южный. Экономически более развитой является северная часть с центром в г. Урумчи, здесь сосредоточено 70–90% производственных и финансовых структур, находятся органы управления автономным районом. Фактически отдельной экономической и политической частью СУАР является Синьцзянский производственно-строительный корпус (СПСК), который в высокой степени интегрирован в национальную экономику. Со своей стороны, государство вкладывает огромные ресурсы и в развитие Южного Синьцзяна, что объясняется комплексом причин политического, экономического и социального характера. Была поставлена задача ликвидации разрыва между Синьцзяном и развитыми регионами КНР, и выбранной моделью стала «модель трансграничного роста и развития» [2].

В этой связи можно отметить создание в Кашгаре специальной экономической зоны (СЭЗ), являющейся одной из шести самых крупных СЭЗ в КНР [4. С. 40]. Полное название данной структуры – Кашгарская зона экономического развития (*Каши цзинци кайфацюй*), и ее резиденты пользуются практически всеми льготами и привилегиями, доступными в других СЭЗ Китая [5]. Важность такого рода механизма регионального развития и сотрудничества неоднократно подчеркивалась на уровне партии и правительства, а начальный период создания и оформления пришелся на 2010 г.

Для реализации проекта «экономического пояса» государство выбрало еще один город в северной части Синьцзяна, на границе с Республикой Казахстан, имеющий хороший потенциал развития – им стал проект развития г. Хоргос, который с китайской стороны стал называться Зона экономического развития Хоргос, с казахстанской при поддержке Китая был открыт

Международный центр приграничного сотрудничества Хоргос (*Хоргос гоцзи бяньцзин хэцзо чжунсинь*). Данные территории и проекты, которые на них осуществлялись, формировали своеобразный пояс развития. В частности, в 2018 г. была введена в эксплуатацию высокоскоростная железнодорожная магистраль Урумчи–Хоргос. В информационном поле КНР она уже названа «центральной частью начинающегося в Китае Нового Великого Шелкового пути» и «стратегической железной дорогой для всех приграничных государств» [6].

В документе «Некоторые мнения Госсовета КНР о поддержке создания экономических районов развития в Хоргосе и Кашгаре», принятом Госсоветом КНР в 2011 г., отмечались их важная роль в развитии Китая и СУАР, стратегическое расположение, в том числе возможности выхода на сопредельные территории стран Центральной, Южной и Западной Азии, а также транзитом – на страны Европы и Ближнего Востока [7]. Логистические преимущества позволяли осуществлять и наращивать как приграничную торговлю, так и транзитный потенциал и СЭЗ, и всего региона в целом.

Представленная для развития формула отразила некоторые внешнеполитические и внутривнутриполитические установки, появившиеся в КНР к началу 2000-х гг., и являлась развитием процесса «выхода вовне» (*цзоу чу цюй*) для китайских предприятий. Теоретическая составляющая «реформ открытости и развития» в Китае также постоянно развивалась и совершенствовалась, в начале 2000-х годов оформившись в стратегию «Большого освоения Запада КНР» (*Сибу да кайфа*). Традиционно считается, что лозунг впервые озвучил в 1999 г. в Сиане тогдашний Председатель КНР Цзян Цзэминь [8. С. 7]. Западные провинции Китая получали помощь в размере около 30 млрд юаней, которую предполагалось потратить в том числе на создание передовой инфраструктуры для развития приграничного сотрудничества [9. С. 19].

Наибольшее внимание к Синьцзяну начинает проявлять уже следующий Председатель КНР Ху Цзиньтао. В рамках проводимого им внешнеполитического курса была создана и начала реализовываться формула «стабильная граница – процветающая граница, богатый народ – процветание вокруг нее» (*вэньцзян синцзян, фумин синбянь*). Она отразила основные политические и экономические задачи: при стабильном развитии экономики страны развивать внешнеэкономические связи с приграничными государствами. Региональное развитие трактовалось как повышение уровня жизни населения в пределах административной единицы, а оценивалось с помощью набора основных макроэкономических показателей.

К середине 2000-х гг. в стратегию развития открытости экономики на западном участке границы были внесены дополнения, что отразилось и в новых лозунгах. В частности, появляется следующий: «подтягивать внутреннее, поддерживать связь с внешним, приходить с Востока и двигаться на Запад» (*вайин нэйлян, дунлян*

сичу, силай дунцюй) [10. С. 387]. Он отразил желание центрального правительства реализовать конкурентные преимущества отдельных частей КНР. Транзитный потенциал западной части должен был использоваться для расширения доступа китайских товаров из восточной части страны на рынки Центральной Азии, России и Европы.

Кроме того, данная формулировка отражала растущую заинтересованность Китая в ресурсном обеспечении со стороны стран-соседей. Создание зон развития, ориентированных на Северный (Хоргос) и Южный Синьцзян (Кашгар) позволяло решить проблему доступа китайского капитала в регион, а также его последующее размещение в необходимых отраслях и проектах сопредельных стран. Развитие инфраструктуры позволяло расширить транзитный потенциал территорий.

При этом Хоргос ориентировался на соседний Казахстан, а также регионы, в которые проходил железнодорожный маршрут через его территорию (Россия, страны Европы), а Кашгар – преимущественно на развитие торговли с Афганистаном, Пакистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном.

Важным условием для развития СЭЗ в СУАР являлось формирование и дальнейшее развитие транспортных магистралей и сервисов для торговли и инвестиций. Данный проект стартовал в Китае с начала 2000-х гг. и привел к существенному росту количества и качества всех видов транспорта в СУАР – авиа, железнодорожного и автомобильного. Кроме того, инфраструктурные проекты, реализуемые с соседними странами Центральной Азии, дополнили имеющиеся преимущества региона – были построены нефтепровод из Казахстана, газопровод «Центральная Азия–Китай», модернизированы авто- и железнодорожные магистрали, ведущие к границе. Отдельно обустроивались пункты пропуска через границу, где применялись сервисы, характерные для восточных территорий Китая и хорошо себя зарекомендовавшие. Более развитые восточные провинции направляли в Синьцзян как финансовые средства, так и технологические комплексы, помогали с реализацией проектов [11].

К моменту реализации проектов СЭЗ были созданы необходимые условия для регионального развития. Власти подчеркивали, что «при реализации новой модели трансграничного развития Синьцзяна были приняты необходимые документы, отработаны варианты специальной экономической политики, механизмы привлечения капиталов как китайского, так и иностранного происхождения, собраны материально-технические и людские ресурсы, что было подкреплено изменением производственной структуры СУАР, трансфером технологий, ускорением урбанизации и другими необходимыми для этого процессами» [7].

Стратегическое развитие региона было связано с форсированием идеологического обеспечения как присутствия КНР в регионе, которое было сложно оспорить, так и расширения всех видов связей с соседними

государствами. Оно нашло отражение в формулировании проекта «нового Великого Шелкового пути», который в дальнейшем стал называться «Один пояс, один путь» и не всегда соотносился с маршрутами прошлого.

Итоговый проект, представленный новым Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., подкреплял лидерские амбиции Китая в Центральной, Южной и Западной Азии и основывался на экономической мощи восточного Китая, транспортных коммуникациях, созданных в западной части. Все сопредельные государства так или иначе принимали участие в китайской инициативе, а собственно китайская территория была связана как сетью аэропортов гражданского назначения, так и высокоскоростными магистралями.

К этому периоду в двух приграничных частях Синьцзяна проводилось строительство и монтаж инфраструктуры, создавалась основа для трансграничного взаимодействия и развития.

Наибольшую выгоду от СЭЗ получали муниципальные и региональные власти, а именно города (городские округа) Кашгар и Хоргос. На них была возложена задача сбора статистики, они же публиковали ежегодные отчеты о развитии как собственно городских территорий, так и функционирующих на них специальных образований. Так, по итогам 2016 г. общий объем инвестиций в г. Хоргос составил 3,21 млрд юаней, по сравнению с 2015 г. рост составил 26,2% [12]. Несмотря на то, что в основном это были инвестиции в сферы строительства и инфраструктуры (учитывались в том числе сданные объекты), цифры для регионального бюджета значительные. Однако при этом в 2016 г. сократились внешнеторговые операции, достигнув пика в 2014 г. (с 14 до 9,3 млрд долл.) [Там же]. Это было связано преимущественно с конъюнктурными причинами (в том числе падением платежеспособного спроса в России, Казахстане и Кыргызстане).

В этот же период начинается формирование собственного формата для СЭЗ Хоргос, в региональных программных документах она стала называться «Один район, четыре парка» (*шюй, сыюань*) [Там же]. «Четыре парка» объединяли технологические и научные парки Хоргос, Инин, отдельный район Синьцзянского производственно-строительного корпуса (СПСК) и Циншуйхэ. Инвестиционная привлекательность парков была различной: если в рассматриваемый период Хоргос смог привлечь только в основной капитал 2,8 млрд юаней инвестиций, то Инин – 336 млн, район СПСК – 460 млн, производственный парк Циншуйхэ – 270 млн. При этом по объему выпущенной продукции лидировали Инин и отдельный район СПСК. Объяснить это можно ориентацией преимущественно на сферу услуг у Хоргоса, а парк Циншуйхэ был просто небольшим по размерам.

Что касается южного Синьцзяна, то муниципалитет Кашгара отчитывался следующими цифрами. В 2015 г. общий объем инвестиций составил 80,7 млрд юаней, а рост составил 15% по сравнению с предшествующим

годом [13]. Для регионального развития рост инвестиционных потоков обеспечивался в основном перераспределением внутренних инвестиций, при этом между 2010 и 2015 гг. он составил почти 2,2 раза [Там же]. Наибольшее количество инвестиций и проектов приходилось на сферу недвижимости (около 1/3), второй важной областью инвестирования оставалось производство. Внешнеторговые операции также немного ушли в минус, составив 1,15 млрд долл. (сокращение составило 4,3%), однако при ведущей роли экспорта (1,14 млрд) сокращение показателя по импорту практически не изменило общей суммы [Там же].

По-прежнему важным источником для регионального развития Кашгара оставалась помощь других регионов КНР. Так, в 2015 г. четыре восточные провинции принимали участие в 346 проектах на территории региона, а общая капитализация проектов составила 4,8 млрд юаней. Всего же за пять лет (2010–2015 гг.) в Кашгар было вложено более 9,2 млрд юаней от регионов-спонсоров [11].

Непосредственно по СЭЗ Кашгар статистика сообщала о 8,8 млрд юаней инвестиций, что составило около 10% от всех инвестиций в регионе [14]. Инвестиции направлялись преимущественно в капитальное строительство и производственную сферу. Одним из крупнейших региональных проектов в формате СЭЗ стало создание Международного логистического центра при участии инвесторов из Шэньчжэня и Гуанчжоу. Осуществлялось проектирование и строительство новых транспортных магистралей и развязок, призванных обеспечить доступность территории, в том числе и для иностранных инвесторов.

В соответствии с заявленными целями государство продолжило работу над проектом развития специальных зон на границах Синьцзяна уже в рамках долгосрочных проектов. Основные задачи для Кашгара были поставлены в документе «Общий план развития Кашгарской зоны экономического развития на 2011–2020 гг.» [15]. Аналогичный документ был принят и для СЭЗ Хоргос.

Документу предшествовал ряд других, в частности «Предложения ЦК КПК и Госсовета КНР по стимулированию программ и моделей долгосрочного трансграничного роста и безопасности Синьцзяна» [2], принятые в 2010 г. Одной из проблем была признана нехватка инвестиций и низкая инвестиционная активность, что привело к появлению в 2012 г. документа «Предложения по финансовой поддержке строительства СЭЗ Кашгар и Хоргос» [16]. В нем, в частности, предусматривались меры по облегчению механизмов инвестирования, совершенствованию системы платежей и кредитования, созданию и продвижению финансовых инноваций, повышению уровня финансового обслуживания, страхования и ряд других [17]. Особое внимание уделялось развитию трансграничных операций в китайских юанях, реализации межгосударственных соглашений по валютному контролю, надзору в сфере финансовых операций.

Активизация государственной власти в сфере развития внешнеэкономических связей произошла также не случайно. Для подготовки к реализации столь масштабного проекта, как «Один пояс, один путь», правительство Китая вело разработку и других планов развития. Так, в официально опубликованном документе «Постановление Народного правительства о некоторых важных вопросах, касающихся всестороннего углубления реформы», принятом 15 ноября 2013 г. народным правительством Китая, отмечалось, что необходимы «развитие приграничной открытости, создание ключевых пунктов на границе, в приграничных городах, системы районов сотрудничества, которые бы включали во взаимные обмены большое количество людей... а также ускорение логистики, развитие туризма... и другие специальные мероприятия как комплексная практика» [17].

Особое внимание уделялось созданию финансовых структур, которые бы обеспечивали развитие, в том числе банковских учреждений, способных выдавать кредиты под проекты. Так как параллельно с созданием СЭЗ в СУАР развивается система спонсорской помощи более развитых провинций менее развитым, Кашгар и Хоргос начинают получать так называемую адресную помощь, а в регионе создаются филиалы банковских структур восточной части страны. Для сопредельных государств также предусматривались вложения в инфраструктурные проекты, которые могли осуществляться как в самом Китае, так и в пограничных с ним государствах. Все эти мероприятия обеспечивали цель создания новой многосторонней и многоуровневой структуры открытости. В нее включались проекты экономического пояса Нового Великого Шелкового пути, а также Морского Шелкового пути [Там же].

Включение в проект «Один пояс, один путь» территорий Кашгара и Хоргоса не потребовало дополнительных обоснований, они достаточно органично были включены в процесс. Так, в некоторых китайских работах встречается отсылка к тому, что именно Кашгар являлся когда-то одним из отправных пунктов Великого Шелкового пути, а в настоящее время может стать «мостом для открытости на Западе КНР» [18, 19]. В данном случае формулировка скорее идеологическая, так как и сам Синьцзян, и более общий «китайский Запад» часто назывались «мостом открытости» [20].

Представляется, что основные итоги деятельности новых точек развития и пояса развития в Синьцзяне в целом будут подведены в 2020 г., так как именно в этот период КНР будет пересматривать целый ряд завершившихся к тому моменту проектов.

Существующие как в Северном, так и в Южном Синьцзяне механизмы регионального развития многообразны, однако призваны в первую очередь обеспечить рост национальной экономики. Их привлекательность для иностранных инвесторов и бизнесменов пока могут оценить только китайские компании, а также ограниченное количество предприятий, обслуживающих приграничную торговлю.

Для крупных иностранных инвесторов Синьцзян по-прежнему остается малопривлекательным, в том числе из-за причин политического плана. Система СЭЗ, двух- и многосторонние межгосударственные соглашения будут способствовать расширению торговли, однако это не приведет к существенному росту. В том числе это связано с низкой потребительской активностью и платежеспособностью пограничных стран.

Инвестиции в СЭЗ в основном представлены перераспределением имеющихся ресурсов центральными властями и в основном вкладываются в инфраструктуру и недвижимость; приоритет производственной сферы не всегда и не везде соблюдается. Некоторые «бонусы» от приграничного статуса уже получила Республика Казахстан, построив при участии Китая Международный центр приграничного сотрудничества Хоргос. Он дополняет имеющуюся инфраструктуру на территории КНР и позволяет существенно улучшить логистику. Данные проекты являются экспериментальными, в ближайшей перспективе здесь возможно изменение территориальных рамок (расширение проекта на соседние территории).

Подводя итоги, следует отметить, что к настоящему моменту Китай накопил большой опыт создания и использования различных экономических механизмов для перераспределения ресурсов, что можно отметить на примере региональной политики в отдельных частях страны. Кроме того, именно приграничное сотрудничество Синьцзяна отличается большим разнообразием проектов и может быть использовано для поиска партнеров и развития трансграничного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжунго шэн цюй цзинци цзунхэ цзинчжэн ли фачжань баогао, 2014–2015 нянь (Доклад о развитии и конкурентоспособности административных единиц КНР: комплексные оценки). Пекин : Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2016.
2. Вэй туйцзинь Синьцзян куаюэ ши фачжань хэ чанчжи цюань дяньдин сысянь цзичу (Основные идеологические императивы для стимулирования развития трансграничной модели в СУАР и долгосрочной политической стабильности) // Жэньминь жибаован. 2010. 18. нояб. URL: <http://theory.people.com.cn/GB/13246292.html>
3. Улумуци ши гайкуан (Общая характеристика г. Урумчи) // Официальный сайт народного правительства г. Урумчи. 2017. 20 авг. URL: <http://www.urumqi.gov.cn/zjsf2/sfgk/48.htm>
4. Ван Чао, Полоник С.С. Современная экономика Китая. Минск : Право и экономика, 2016.
5. Гуаньюй цзиньжун чжичжи Каши Хоргос цзинци кайфацхой цзяньшэдэ ицзянь (Льготы и преференции определены специальным документом правительства КНР «Предложения по финансовой поддержке экономических районов развития в Хоргосе и Кашгаре») // Чжунго жэньминь ван. 2012. 07 нояб. URL: <http://finance.people.com.cn/money/n/2012/1107/c218900-19518946.html>
6. Синьцзян чжэсе дифан юван тун гаоте, Улумуци чжи Инин Сань сяоши даода! (Новые возможности высокоскоростных железных дорог в Синьцзяне: от Урумчи до Инина за три часа!) // Инин шэнхо ван. 2016. 14 марта. URL: <https://read01.com/n6xyLm.html#.W2ASrdUzbDc>

7. Гоюань гуаньюй чжичиши Каши Хоргос цзинци кайфацой цзяньшэ дэ жога нь цзянь и (Некоторые мнения Госсовета КНР о поддержке создания экономических районов развития в Хоргосе и Кашгаре). 2011. № 33 // Чжунхуа жэньминь гун хэ го Чжунъян жэньминь чжэньфу (Официальный сайт Народного правительства Китайской Народной Республики). URL: http://www.gov.cn/zwgk/2011-10/08/content_1963929.htm
8. Кондрашова Л.И. Китайская программа освоения западных регионов страны // Стратегия развития западных регионов КНР : экспресс-информация. М., 2001. № 9.
9. Синьцзян вэйуэр цычжэицой гомин цзинци хэ шэхуэй фачжань ди ши у унянь цзихуа ганяо (Основные положения 10-го пятилетнего плана экономического и социального развития для народной экономики СУАР) // Чжунхуа жэньминь гун хэ го гоцзя фачжань хэ гайгэ вэйюаньхуэй (Государственный комитет по делам реформы и развития КНР, официальный сайт). URL: <http://www.sdpc.gov.cn/fzgh/ghwb/dfgh/W020050614802779946348.pdf>
10. Чжунъян ую юй Чжунго сибу дакайфа (Пять государств Центральной Азии и стратегия большого освоения запада КНР) / под ред. Чжао Чанцин. Пекин, 2004.
11. Савкович Е.В. Программы адресной помощи СУАР КНР и ее влияние на отношения КНР с государствами Центральной Азии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 6 (97),
12. Хоргос цюй (ши) 2016 нянь гоминцзинци хэ шэхуэй фачжань тунци гунбао (Публичный статистический отчет о социальном и экономическом развитии района (города) Хоргос в 2016 году) // Официальный сайт правительства г. Хоргос. URL: <http://www.xjhegs.gov.cn/info/1822/9607.htm>
13. Каши дицой 2015 нянь гомин цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци гунбао (Публичный статистический отчет о социально-экономическом развитии региона Кашгар в 2015 году) // Официальный сайт правительства Кашгара. 2016. 21 марта. URL: <http://kashi.gov.cn/Item/32010.aspx>
14. Каши цзинци кайфа цюй: Сычоу «тэцюй» гучэн синьчуан (Кашгарская зона экономического развития: особый район Шелкового пути, старый город, новые традиции) // Цзиньжун цзе. 2015. 25 авг. URL: <http://finance.jrj.com.cn/2015/08/25132219706093.shtml>
15. Каши цзинци кайфа цюй цзунти фачжань гуйхуа. 2011–2020 нянь (Общий план развития Кашгарской зоны экономического развития на 2011–2020 гг.) // Каши цзинци кайфа цюй (Официальный сайт Кашгарской зоны экономического развития). URL: <http://www.kstq.gov.cn/XXGK/XXGK/201309/00001336.html>
16. Сыбу вэй фавэнь чжичиши Каши, Хоргос цзинци кайфа цюй цзяньшэ (Четыре министерства опубликовали документ по поддержке зон экономического развития Кашгар и Хоргос) // Жэньминь ван. 2012. 07 нояб. URL: <http://finance.people.com.cn/n/2012/1107/c1004-19518581.html>
17. Чжунгун чжунъян гуаньюй цюаньянь шэньхуа гайгэ жога нь цзюэдин (Постановление Народного правительства о некоторых важных вопросах, касающихся всестороннего углубления реформы) // Чжунхуа жэньминь гун хэ го Чжунъян жэньминь чжэньфу (Официальный сайт Народного правительства Китайской Народной Республики). 2013. 15 нояб. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2013-11/15/content_2528179.htm
18. Каши цзай «И дай и лу» куанцзяся дэ чжаньлюэ дивэй (Стратегическое положение Кашгара в рамках проекта «Один пояс, один путь») // Официальный сайт народного правительства Кашгара. 2015. 21 июля. URL: <http://www.kashi.gov.cn/Item/27051.aspx>
19. «И дай и лу» шандэ Синьцзян. Каши линькун цзинци кайфа цзяньшэ тису (Синьцзян в проекте «Один пояс, один путь», в Кашгаре ускоряется экономическое развитие) // Sohu.com. 2017. 29 мая. URL: http://www.sohu.com/a/144530861_697224
20. Сяньдай сычоу чжилу. Синь даду цюа (Современный Шелковый путь. Новый материковый мост). Пекин, 1991.

Wang Chaolin. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: wcl19910218nn@163.com

Savkovich Yevgeni V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: savkovic@sibmail.com

XINJIANG ECONOMIC DEVELOPMENT BELT IN THE EARLY 2010s

Keywords: China; Xinjiang; Cross-border cooperation; Central Asia.

Since the beginning of the new century Chinese government has introduced a new regional development program – so called “China Western Development” strategy. It was closely connected with the development of China itself, the gap between Chinese West and East, geopolitical changes, etc.

The “Rise of China” concept and the changes in the international role of China, particularly within the border region (Central, South and West Asia) formulated a new regional strategy for it. Under the new leadership of Xi Jinping PRC announced the “One Belt, One Road” initiative for all neighboring countries.

Nation-wide programs for regional development were adopted by central government in early 2000s, with the “China Western Development” (or Open Un the West Program). Its purpose was to stabilize and secure unstable and insecure Xinjiang. Up to the mid-2000s central government with the support of regional authorities implemented a full-scope measures focused on XUAR development. It included preferences in trade, construction, e-commerce, different benefits for local and international investors, establishment of special economic zones, etc.

PRC government set a number of key points local territories for Regional Development Belt. It was Khorgos economic development zone (Northern Xinjiang) and Kashgar Comprehensive Bonded Zone (Southern Xinjiang). Cooperation program was linked with the ancient Silk Road routes through the territories of modern Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan. Also, Kashgar bordered by Pakistan and Afghanistan started to develop cooperation with these two countries. The paper focuses on Chinese central and municipal statistics, legal acts and other documents for regional development of Xinjiang, especially Kashgar and Khorgos special economic zones.

Up to 2020 Chinese regional development strategy will be the experimental, then some of the key points would be changed. Now the “Development Belt” of Xinjiang is the part of the Chinese Great Project “One Belt, One Road” and also a source for regional development. Changing trans-regional economic model is oriented toward “Big Asia” (East, Central, South and West Asia) and those markets with Chinese products and services.

The general prerequisite for SEZ development in Xinjiang was the changes in logistics and infrastructure. Also, the development of the cross-border services and management both for local and international companies were revised. The results of such policy were the qualitative improvement in transportation, the increasing of trans-border projects with Central Asian states and transit volumes in Xinjiang. The main conclusions could be as follows: the Chinese government through the different legal acts announced the number of preferential policies on investment, taxation, financial and credit subsidies to make development zones in Kashgar and Khorgos competitive. The modern regional policy has different mechanisms for development. Neighboring countries such as Kazakhstan also could get benefits from the cooperation with China and Chinese projects (so called win-win principle).

REFERENCES

1. Anon. (2016) *Chzhunguo shen tsyuy tszintszi tszunkhe tszinchzhen li fachzhan' baogao, 2014-2015 nyan'* [Report on the Development and Competitiveness of Administrative Units of the PRC: Comprehensive Assessments]. Beijing: Shekhuey kesyue ven'syan' chuban'she.

2. *Renmin zhibao*. (2010) Vey tuytszin' Sin'tsyan kuayue shi fachzhan' khe chanchzhi tszyuan' dyan'din sysyan' tszichu [Main ideological imperatives to stimulate the development of a cross-border model in the XUAR and long-term political stability]. 18th November. [Online] Available from: <http://theory.people.com.cn/GB/13246292.html>.
3. Urumqi People's Government of Official S. (2017) *Obshchaya kharakteristika g. Urumchi* [General characteristics of the city of Urumqi]. [Online] Available from: <http://www.urumqi.gov.cn/zjsf2/sfgk/48.htm>.
4. Wang Chao, Polonik, S.S. (2016) *Sovremennaya ekonomika Kitaya* [Modern Economy of China]. Minsk: Pravo i ekonomika.
5. *Zhonggu zhenmin van*. (2012) L'goty i preferentsii opredeleny spetsial'nym dokumentom pravitel'stva KNR "Predlozheniya po finansovoy podderzhke ekonomicheskikh rayonov razvitiya v Khorgose i Kashgare" [Benefits and preferences determined by a special document of the Government of the PRC "Proposals for the financial support of economic development areas in Khorgos and Kashgar"]. 7th November. [Online] Available from: <http://finance.people.com.cn/money/n/2012/1107/c218900-19518946.html>.
6. *Yining Shenho-wang*. (2016) Sin'tsyan chzhese difan yuvan tun gaote, Ulumutsi chzhi Inin San' syaoshi daoda! [New features of high-speed railways in Xinjiang: from Urumqi to Yingin in three hours!]. 14th March. [Online] Available from: <https://read01.com/n6xyLm.html#.W2ASrdUzbDc>.
7. The People's Government of the People's Republic of China Official Website. (2011) *Gouyuan' guan'yuy chzhichshi Kashi Khorgos tszintszi kayfatsyuy tszyan'shede zhogan' tszyan' i* [Some opinions of the PRC State Council on supporting the creation of economic development areas in Khorgos and Kashgar]. 33. [Online] Available from: http://www.gov.cn/zwgk/2011-10/08/content_1963929.htm.
8. Kondrashova, L.I. (2001) Kitayskaya programma osvoeniya zapadnykh regionov strany [Chinese program of development of the western regions of the country]. *Strategiya razvitiya zapadnykh regionov KNR. Ekspres-informatsiya*. 9.
9. The State Committee of Reform and Development of the PRC. (n.d.) *Sin'tsyan veyuer tszychzhtsyuy gomin tszintszi khe shekhuey fachzhan' di shi u unyan' tszikhua ganyao* [Osnovnye polozheniya 10-go pyatiletnego plana ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya dlya narodnoy ekonomiki SUAR]. [Online] Available from: <http://www.sdpc.gov.cn/fzgh/ghwb/dfgh/W020050614802779946348.pdf>.
10. Zhao Changqing. (ed.) (2004) *Chzhun"Ya ugo yuy Chzhungo sibu dakayfa* [Five States of Central Asia and the Strategy of the Great Development of the West of China]. Beijing: [s.n.].
11. Savkovich, E.V. (2013) Programma adresnoy pomoshchi SUAR KNR i ee vliyanie na otnosheniya KNR s gosudarstvami Tsentral'noy Azii [The program of targeted assistance to the XUAR of the PRC and its influence on the relations of the PRC with the states of Central Asia]. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 6(97).
12. The Khorgos City Government Official Website. (2016) *Khorgos tsyuy (shi) 2016 nyan' gomintszintszi khe shekhuey fachzhan' tuntshi gunbao* [Public Statistical Report on Social and Economic Development of the Khorgos District (City) in 2016]. [Online] Available from: <http://www.xjhegs.gov.cn/info/1822/9607.htm>.
13. Kashgar Government Official Site. (2015) *Kashi ditsyuy 2015 nyan' gomin tszintszi khe shekhuey fachzhan' tuntsshchi gunbao* [Public Statistical Report on the Social and Economic Development of the Kashgar Region in 2015]. [Elektronnyy resurs]. [Online] Available from: <http://kashi.gov.cn/Item/32010.aspx>.
14. *Jinzhong Jie*. (2015) Kashi tszintszi kayfa tsyuy: Sychou "tetsyuy" guchen sin'chuan [Kashgar economic development zone: a special area of the Silk Road, the old city, new traditions]. 25th August. [Online] Available from: <http://finance.jrj.com.cn/2015/08/25132219706093.shtml>.
15. The Kashgar Economic Development Zone Official Website. (2013) *Kashi tszintszi kayfa tsyuy tszunti fachzhan' guykhua. 2011–2020 nyan'* [General Development Plan of the Kashgar Economic Development Zone for 2011–2020]. [Online] Available from: <http://www.kstq.gov.cn/XXGK/XXGK/201309/00001336.html>.
16. *Renmin Wang*. (2012) Sybu vey faven' chzhichshi Kashi, Khorgos tszintszi kayfa tsyuy tszyan'she [Four ministries published a document on the support of Kashgar and Khorgos economic development zones]. [Online] Available from: <http://finance.people.com.cn/n/2012/1107/c1004-19518581.html>.
17. The People's Government of the People's Republic of China Official Website. (2013) *Chzhungun chzhun"yan guan'yuy tsyuan'myan' shen'khua gayge zhogan' ven'ti de tszyuedin* [People's Government Decree on some important issues related to the comprehensive deepening of reform]. [Online] Available from: http://www.gov.cn/jrzq/2013-11/15/content_2528179.htm.
18. Kashgar Government Official Site. (2015) *Kashi tszay "I day i lu" kuantszyasya de chzhan'lyue divey* [The strategic position of Kashgar in the framework of the project "One belt, one way"]. [Online] Available from: <http://www.kashi.gov.cn/Item/27051.aspx>.
19. Sohu.com. (2017) "I day i lu" shande Sin'tsyan. Kashi lin'kun tszintszi kayfa tszyan'she tisu [Xinjiang in the project "One belt, one way", in Kashgar, economic development is accelerating]. [Online] Available from: http://www.sohu.com/a/144530861_697224.
20. Anon. (1991) *Syan'day sychou chzhilu. Sin' dalu tsyao* [Modern Silk Road. New Mainland Bridge]. Beijing: [s.n.].

УДК 94 (430).087у
DOI: 10.17223/19988613/55/15

А.Н. Сорокин

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ АДЕНАУЭРА

Выделяются основные приоритеты внешней политики первого федерального канцлера ФРГ. Анализируется место Советского Союза во внешнеполитической концепции Конрада Аденауэра. Рассматриваются основные представления Аденауэра о Советском Союзе, его внутренней и внешней политике. Выделяются представления канцлера об экспансионистском характере советской внешней политики, приводятся их основные обоснования. Анализируются стратегические установки, ожидания Аденауэра относительно советской внешней политики.

Ключевые слова: внешняя политика ФРГ; Конрад Аденауэр; холодная война.

Федеративная Республика Германия как государство возникла как продукт холодной войны, поэтому изначально уже имела прозападный, что в то время означало антисоветский, вектор развития. Первым главой западногерманского государства стал Конрад Аденауэр (1949–1963), который вошел в историю ФРГ как канцлер западной интеграции. На время его правления приходится вхождение ФРГ в европейские и трансатлантические интеграционные объединения и союзы.

Отношения ФРГ с Советским Союзом резко контрастировали с кооперационной западной политикой Аденауэра. Первый федеральный канцлер воспринимал расширение советской сферы влияния в Европе как угрозу, для сдерживания которой была необходима консолидированная оборонительная позиция сплоченного и сильного Запада. Антисоветская риторика, отказ от советских инициатив по воссоединению Германии и тупик в германском вопросе, неутешительным символом которого стало возведение Берлинской стены, отсутствие значимого прямого конструктивного взаимодействия СССР–ФРГ, за исключением восстановления дипломатических отношений и возвращения на родину последних немецких военнопленных, – таков баланс восточной политики Аденауэра. Не следует, конечно, забывать, что позиция Западной Германии очень сильно зависела от политики западных союзников, а канцлерство Аденауэра во многом пришлось на период наивысшего обострения холодной войны. Тем не менее ограниченной возможностью для маневра ФРГ, особенно после формального восстановления суверенитета в 1955 г., обладала. В немецкой исторической науке обоснованно господствует точка зрения, согласно которой в системе канцлерской демократии Конрад Аденауэр безраздельно владел приоритетом в разработке и осуществлении внешней политики. В этой связи первостепенное значение приобретает изучение внешнеполитических взглядов Аденауэра, которые помогли бы объяснить сугубо прозападную ориентацию, антисоветский курс, отклонение проектов воссоединения. Внешнеполитическую концепцию Аденауэра при этом можно определить как совокупность его взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики ФРГ.

Конрад Аденауэр, возглавив ФРГ в преклонном возрасте 73 лет, имел за плечами долгие прожитые годы. «Немец четырех эпох», он вырос и сложился как личность и политик в Германской империи, управлял Кёльном в период Веймарской республики, был свидетелем господства национал-социализма и, наконец, возглавил Западную Германию после Второй мировой войны [1]. Поэтому формирование его внешнеполитической концепции в историографии ФРГ рассматривается как результат исторического опыта. Как констатирует известный немецкий историк А. Дёринг-Мантойффель, «его основные политические убеждения были, в конце концов, концентрированным и очищенным от мусора текущей политики опытом, который он получил в течение своей жизни под углом своего мировоззрения» [2. S. 31].

Самый признанный в ФРГ историк-исследователь Аденауэра, Г.-П. Шварц, выделяет 5 главных факторов, с учетом которых, по мнению первого федерального канцлера, должна была выработываться западногерманская внешняя политика: «1) упадок Европы и связанный с этим подъем двух супердержав – СССР и США; 2) стремление к экспансии и власти коммунистических держав, в первую очередь Советского Союза, а также Китая и вообще разнообразных коммунистических движений, включая режим ГДР; 3) политическое и мировоззренческое противостояние между тоталитарно-коммунистическими и свободными государствами – холодная война; 4) структурные слабости свободных демократий; 5) роковое течение новейшей истории» [3. S. 79].

«Решающим опытом» Г.-П. Шварц называет осознание упадка Европы и отмечает некую ностальгию Аденауэра по европейскому доминированию до 1914 г. Причины падения Европы налицо: европейские державы ослабили друг друга в двух мировых войнах и этим создали условия для подъема двух держав-гегемонов: СССР и США. Деколониацию он также понимал в контексте потери власти Европой. Длительная разобщенность привела к зависимости европейского мира от неевропейских государств, к которым Аденауэр причислял и Советский Союз. Эта политическая и экономическая зависимость таила для Аденауэра угрозу

европейской культуре, основам «христианского Абенд-ланда» [3. S. 79–80].

Действительно, во многих выступлениях Аденауэра начиная с 1948 г. прослеживается эта линия, об этом он говорил и в последней официальной речи 16 февраля 1967 г. в Мадриде. Аденауэр сравнивал ситуацию 1900 и 1960 гг., сожалея об утрате Европой своих позиций: «В 1900-е гг. политические процессы в мире управлялись из Европы. Европейские великие державы Великобритания, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Италия, Испания и другие европейские страны играли решающую роль в осуществлении этой политики» [4. S. 239].

Приоритет во внешнеполитической концепции Аденауэра, безусловно, отдавался включению ФРГ в западную систему союзов. Западная Европа выступала при этом как основной экономический и политический партнер, США – прежде всего как гарант безопасности и главный привилегированный союзник Европы. Что касается восточного направления, то здесь Аденауэр исходил из экспансионистского характера внешней политики СССР в отношении Европы вообще и ФРГ в частности. Отсюда «антисоветская» установка, которая наложила отпечаток на концепцию Аденауэра. В условиях конфликта Восток–Запад он испытывал постоянное беспокойство по поводу того, что Советскому Союзу за счет дипломатических маневров, политико-военного давления и внутренней подрывной деятельности на Западе удастся втянуть ФРГ, а может быть, и всю Западную Европу, в сферу своего господства [5].

Немецкие историки выделяют так называемый «потсдамский комплекс» Аденауэра, т.е. боязнь перед новой изоляцией Германии. Этимология здесь восходит к Потсдамской конференции, на которой судьба Германии решалась без ее участия антигерманской коалицией ведущих мировых держав. Поэтому Аденауэр с опаской относился к конференциям четырех держав, двусторонним встречам СССР–Франция или СССР–США. В подобных контактах он видел угрозу западной интеграции с участием ФРГ. Сам Аденауэр следующим образом выразился по этому поводу: «Бисмарк говорил о своем кошмаре коалиций против Германии. У меня тоже есть свой кошмар: он называется Потсдам. Опасность общей политики великих держав в ущерб Германии существует с 1945 г. и также продолжила существовать после основания Федеративной Республики. Внешняя политика ФРГ с самого начала была направлена на то, чтобы выбраться из этой зоны опасности. Германия не должна оказаться между жерновов, тогда она пропала» [6. S. 186].

Германская политика играла в ФРГ особую роль. Достижение воссоединения Германии декларировалось политической элитой страны как высшая цель внешней политики. Показательно в этом смысле, например, заявление вице-президента бундестага, члена СДПГ Карло Шмидта: «Правительство и оппозиция едины в том, что объединение Германии есть высшая цель любой немецкой внешней политики, и ничто не сможет

сделать достижение этой цели невозможным» [7. S. 4]. ФРГ создавалась как временное образование, до восстановления единства. Воссоединение страны стало для ФРГ конституционным наказом. Преамбула Основного закона 1949 г. гласила: «Весь немецкий народ призывается завершить объединение и освобождение Германии в порядке свободного самоопределения» [8. С. 9]. Аденауэр не раз высказывался в подобном ключе. В одной из речей 1950 г. он провозглашал: «Восстановление единства Германии – наша величайшая цель, которую мы никогда не упускаем из вида и которую мы – в этом я твердо убежден – также и достигнем. К нашим немецким братьям и сестрам в Восточной зоне зываю я отсюда, из Гослара: крепитесь и надейтесь на нас. Мы снова будем вместе» [9. S. 191].

Углубленный анализ внешнеполитической концепции и практики первого федерального канцлера дает другую картину. Г.-П. Шварц определяет главные цели внешней политики Аденауэра как триаду: свобода, мир, единство. Приоритет однозначно принадлежал обеспечению свободы в смысле западных демократических ценностей, что в глазах Аденауэра было автоматически связано с продвижением западной интеграции. Последняя может пониматься и как инструмент, и как цель внешней политики [3. S. 85]. Также Аденауэр придавал большое значение сохранению мира, гарантию которого он видел и в наличии собственных боеспособных вооруженных сил в рамках западного оборонительного союза [10. S. 68]. Он любил цитировать высказывание Дж.Ф. Даллеса о том, что государство без вооруженных сил – не самостоятельное государство, в лучшем случае протекторат.

Касаясь последнего компонента триады, Г.-П. Шварц пишет: «В конце концов он так же рассматривал и воссоединение – согласно знаменитой формуле «в мире и свободе» – как главную цель своей политики. Но она была четко подчинена обеспечению свободы (и тем самым западной интеграции) и обеспечению мира» [3. S. 86]. Таким образом, ведущий исследователь внешнеполитической концепции первого федерального канцлера констатирует подчиненное, не ключевое значение воссоединения среди основных внешнеполитических целей Аденауэра. А. Дёринг-Мантойффель отмечает, что представление о подчиненном характере германской политики Конрада Аденауэра, закрепившееся в историографии ФРГ, восходит именно к интерпретации Г.-П. Шварца [2. S. 104]. Ни один из историков ФРГ не рассматривает воссоединение как главную, приоритетную цель внешней политики Аденауэра. Х. Хафтендорн считает западную интеграцию доминирующей структурой политики безопасности Конрада Аденауэра [11. S. 69-73]. По ее мнению, воссоединение без вхождения в западную систему союзов не стояло на повестке дня [Ibid. S. 78]. Г. Нидхарт отмечает, что «приоритет внешней политики Аденауэра заключался не в восстановлении немецкого единства, а в консолидации западного государства как равноправного партнера в западном союзе» [12. S. 813].

Таким образом, воссоединение любой ценой не рассматривается в историографии ФРГ в качестве первоочередной и важнейшей задачи внешней политики Аденауэра. Точнее, как формулирует Г.-П. Шварц, Аденауэр «не был заинтересован в воссоединении, которое вырывало бы Германию из тесной связи с Западом» [3. S. 101]. Приоритет в его внешней политике Г.-П. Шварц отводит защите Западной Германии от советского проникновения, преодолению внешнеполитической изоляции, возвращению политической свободы действий ФРГ и безвозвратной экономической, политической и военной интеграции немецкого государства в западноевропейское сообщество государств [Ibid]. Западная интеграция, по мнению Аденауэра, со временем должна была способствовать уходу Советского Союза из ГДР, т.е. обеспечить воссоединение.

Итоги Второй мировой войны кардинальным образом изменили международную обстановку и соотношение сил. Превращение Советского Союза в супердержаву, создание социалистического блока государств в Восточной Европе и распространение коммунистической идеологии в мире – все это Аденауэр воспринимал как советскую угрозу.

Можно выделить две составляющие убеждений Аденауэра, которые в итоге вылились в жесткий антисоветский курс. С одной стороны, он прагматично пытался использовать фактор «советской угрозы» для интеграции ФРГ в западное сообщество и продвижения собственной партии во внутренней политике. Наличие внешнего врага способствовало включению ФРГ в западные интеграционные объединения и консолидации западногерманского общества вокруг партии и фигуры первого федерального канцлера. С другой стороны, Аденауэр действительно опасался роста влияния СССР после Второй мировой войны.

В своих умозаключениях он постоянно проводил аналогии между царской Россией и Советским Союзом. Главной чертой внешней политики обоих государств являлось, по его мнению, стремление к экспансии, расширению территории и сферы влияния. Г.-П. Шварц называет понимание политики СССР как продолжения экспансионистской политики царизма типичным для немцев «стереотипом бюргерского сознания» [Ibid. S. 80]. Корнями эти представления Аденауэра уходят в кайзеровскую эпоху. Г.-П. Шварц воспроизводит взгляд на Россию немецкой буржуазии 1880-1890-х гг., который прочно вошел в сознание Аденауэра: «Царская империя – автократически управляемый колосс, экспансионистский, неуправляемый паровой коток, который может быть остановлен только за счет превосходящей силы и за счет выигральной политики союзов» [13. S. 148]. Аденауэр часто употреблял выражение «русский колосс».

Он подчеркивал традиционно завоевательный характер русской политики: «Цель русских была однозначна. Россия... вела натиск на Запад, натиск для захвата или покорения новых областей в Европе» [6. S. 148; 14. S. 27]. Это мнение Аденауэра как представителя

немецкой политической элиты в полной мере отражает вековой страх и недоверие Запада в отношении России. В то время как для СССР исторически «дранг нах остен» был содержанием и символом немецкой политики на востоке, Аденауэр видел основной целью русской и советской политики в Европе «дранг нах вестен».

Идеологическим обоснованием русской экспансии Аденауэр считал панславизм, после 1917 г. – коммунизм: «Россия... вела постоянный экспансионистский натиск. Он получал помощь и поддержку последние два столетия за счет панславизма, а после революции 1917 г. – за счет коммунизма» [15. S. 201]. В своих «Воспоминаниях» он передает содержание беседы с индийским премьером Дж. Неру 14 июля 1956 г. В этом разговоре федеральный канцлер, касаясь политической ситуации в мире, дает свою характеристику супердержавам США и СССР: «В отличие от Соединенных Штатов, Россия опирается на очень продолжительную историю. Эту историю нужно знать, если хочешь понять русскую политику...

На протяжении столетий в русской истории просматриваются определенные тенденции, например активная политическая экспансия и натиск на Азию и Запад с намерением установить русскую власть над другими народами. Это не специфическая особенность сегодняшнего режима, такая тенденция существовала еще при царях. Я говорил о сильных исторических связях и указал, что цари рассматривали себя наследниками восточноримских императоров, которые, в свою очередь, простирали свои гегемонистские притязания на весь известный в то время мир. Через Восточноримскую империю и различные браки это притязание распространить свое господство на весь мир перешло к царям. Панславистская идея, по моим впечатлениям, – более сильный момент, чем коммунистическая идея. Коммунизм служит только панславизму. Я вспоминаю в этой связи собственные наблюдения в Москве, где воспоминания о царях и русской истории хранятся бережнее, чем о Ленине и во время моего визита о Сталине» [16. S. 183].

Такие выводы Аденауэр делал из русской истории. Подтверждение своих взглядов он находил в некоторых работах о Советском Союзе западногерманских авторов. Особым вниманием он удостоил книгу Дитера Фриде «Русский перпетуммобиле», ее в беседе с журналистами канцлер назвал «лучшим произведением по русской истории, которое я знаю» [17. S. 69]. Аденауэр неоднократно рекомендовал эту книгу для чтения собеседникам, чтобы те могли понять вековые экспансионистские тенденции русской и советской политики. Произведение Фриде было преподнесено им в подарок, в частности, Дж. Кеннеди. Автор книги в 1945 г. работал в Берлине как свободный журналист. Затем он был задержан советскими властями и насильно удерживался в советской зоне до 1955 г. Вероятно, личная судьба автора сильно повлияла на резкость его оценок. Фриде отстаивал тезис, что советская экспансия идентична агрессивной политике царей [18].

В отличие от царской России Аденауэр воспринимал СССР как неевропейскую державу, «как полную противоположность западноевропейскому миру... ужасающую силу с совсем другим духом и образом мысли» [19. S. 102]. Распространение влияния СССР на Европу означало для него угрозу европейским устоям, традициям, культуре – всему, что олицетворяло Европу. В своих выступлениях, говоря о СССР, Аденауэр поддерживал и подчеркивал этот образ врага, несущего угрозу Европе. Негативная эмоциональная оценка СССР как азиатской, чуждой и враждебной державы была особенно характерна для Аденауэра в первые годы после окончания Второй мировой войны и создания ФРГ. В одном из писем 1946 г. Аденауэр взывал: «Опасность велика. Азия стоит на Эльбе» [Ibid. S. 102].

В своих «Воспоминаниях» Аденауэр следующим образом оценил советскую экспансию с 1940 г.: «Советская Россия подчинила себе в эти годы огромную область, частично путем прямой агрессии, частично путем превращения соответствующей страны в зависимое от России государство-сателлит. При проведении этих мероприятия действовал всегда один рецепт: сначала создание пятой колонны в соответствующей стране, состоящей из слепо подчиняющихся Советскому Союзу, способных к любому насилию людей, одновременно – запугивание и паралич противостоящих Советскому Союзу кругов за счет любых видов террора, выборы с единым списком, формирование зависимого от Советской России правительства за счет парламента, появившегося на основе так называемых единых выборов. Таким методом Советский Союз присоединил в 1940 г. Литву, Латвию и Эстонию, подчинил своему господству как государства-сателлиты: в 1945 г. Албанию и Югославию, в 1948 г. Румынию, Чехословакию и Северную Корею, в 1949 г. Болгарию, Польшу и Венгрию, в 1950 г. Маньчжурию. В советской зоне Германии Советский Союз создал государство-сателлит по обычной методике» [20. S. 375].

Однако после прямого контакта с советским руководством в 1955 г. и, главное, после закрепления ФРГ в системе западных союзов Аденауэр уже так не подчеркивал «азиатскую» сущность Советского Союза. Десталинизацию, приход к власти Хрущева он расценивал не как начало новой эпохи, а как «борьбу диадохов», внутренний конфликт. Сущность внешней политики СССР от этого не менялась. Согласно Шварцу, Аденауэр понимал десталинизацию «в первую очередь как борьбу за власть одинаково тоталитарных, внешнеполитически более или менее опасных групп» [3. S. 91–92]. Нестабильность ситуации от этого не становилась меньше, внешняя политика Москвы казалась еще более непредсказуемой. Разговоры Советского Союза о необходимости сокращения вооружений и мирного сосуществования Аденауэр оценивал как тактические ходы в процессе продолжения все той же экспансионистской политики. По его мнению, то, что некоторые западные политические деятели и часть общественности понимали как субстанциональные улучшения, было лишь жестами,

которые ничего не стоили. В письме Дж.Ф. Даллесу от 25 июля 1955 г. он так характеризует ситуацию: «С окончанием Женевской конференции мы вступили в новую фазу отношений Восток–Запад, которая таит не меньше опасностей, чем предыдущая. Мы должны в большей мере считаться с маневрами по разрядке Советов, которые направлены на то, чтобы обмануть общественное мнение наших стран по поводу истинных целей Советского Союза, усыпить наши народы и этим одновременно размягчить силу сопротивления и сплоченность Запада и разрушить его единство. Я думаю, сегодня больше, чем когда-либо, необходимы бдительность и сотрудничество западных правительств, чтобы действительно противостоять этой русской тактике» [15. S. 472].

Обличительная риторика Аденауэра, в которой СССР представлялся как «самое агрессивное коммунистическое государство», а русские – как «самый воинственный народ последнего столетия», соседствовала с трезвым суждением, что от Советского Союза в настоящем не исходит прямой военной опасности [19. S. 108]. Аденауэр считал конфликтный образ действий СССР во внешней политике рационально контролируемым и также контролируемым со стороны Запада. Рациональное поведение и страх риска со стороны Советского Союза не приводили, однако, к успокоению Аденауэра, ибо эти факторы, по его мнению, свидетельствовали лишь об ограниченных силовых возможностях, а не о настоящем стремлении к политике сохранения мира. В «Воспоминаниях» 1955–1959 гг. Аденауэр заключает: «Опасность вооруженного конфликта была с некоторого времени сдерживаема русскими; не нам, свободным народам, в угоду, а в угоду себе» [16. S. 140].

К тоталитарному образу Советского Союза прибавлялось отношение Аденауэра к его лидеру, с которым канцлеру пришлось иметь дело. В «Воспоминаниях» он дает такую оценку Н.С. Хрущеву: «Хрущев был человеком большой жизненной энергии, даже брутальности, я сам узнал это в Москве. Он был гораздо эмоциональнее, чем Булганин. Булганин обладал холодной жесткостью, насколько это можно оценить, Хрущев – страстной, живой, вулканической жесткостью. Диктаторски управляемое государственное образование, которое испытывает большие внутренние сложности, – это, безусловно, относилось к Советскому Союзу – с таким человеком как Хрущев во главе, таило в себе, конечно, большую опасность для развития внутри и во вне, чем если бы им руководил более холодный человек, который спокойно оценивает вещи» [Ibid. S. 113].

Узнав о свержении Хрущева в 1964 г., Аденауэр так вспомнил о нем в беседе с личным секретарем: «Ловкий человек, без сомнения. Умный, хитрый и очень искусный. При этом грубый, без комплексов, должен сказать. У человека были грубые манеры, поэтому нельзя было трусливо жаться, поэтому нужно было платить той же монетой» [21. S. 166].

Аденауэр не был готов к уступкам со стороны ФРГ и Запада Советскому Союзу. Действительная разрядка

напряженности, изменение международной ситуации, которые могли принести и воссоединение Германии, виделись ему возможными лишь после отказа СССР от своей экспансионистской политики, ухода из ГДР и желательного из всей Восточной Европы [22. S. 18–22]. Канцлер верил, что однажды это произойдет. Аденауэр полагал, что Советский Союз перед лицом силы Запада вспомнит о собственных проблемах и вынужден будет обратиться вовнутрь. Эти мысли постоянно повторяются в размышлениях и разговорах Аденауэра с 1952 г. и до последних лет канцлерства. В частности, воспоминания и архив Аденауэра фонда «Дом федерального канцлера Конрада Аденауэра» (в разделе «Протоколы бесед с ведущими зарубежными политиками») содержат немало свидетельств подобного рода. Можно систематизировать подобные предположения, или ожидания, Аденауэра в две большие группы.

1. Внутренние факторы. Канцлер был убежден, что советская экономика находится под сильным внутренним давлением. Рано или поздно, как он полагал, в СССР наступит экономический кризис. Он подчеркивал потребность советской экономики в западном капитале и западных технологиях и врожденные слабости плановой системы. Наряду со многими советологами Аденауэр считал, что недостаточно развитое промышленное производство, особенно товаров народного потребления и в жилищном секторе, могут вынудить московское руководство радикально перестроиться. Внутриэкономическая ситуация и требование населением улучшения своего жизненного стандарта окажут в долгосрочной перспективе давление на советскую программу вооружений, вынудят к сотрудничеству с Западом. Общая политика разоружения покажется соблазнительнее, что приведет московское руководство к курсу на разрядку. Возвращаясь к своим впечатлениям от визита в Москву, Аденауэр утверждал итальянскому министру иностранных дел в 1956 г., что России нужен мир, так как «социальное положение в России плохое», не хватает жилья, продовольствия, люди плохо одеты, подавлены [23]. На встрече с американским послом в 1958 г. Аденауэр отмечал, что Хрущев хочет иметь успех в глазах русской общественности и для этой цели «должен консолидировать внутреннее положение и поднять жизненный стандарт населения». Он не мог сделать этого, по мнению канцлера, с поддержанием настоящего состояния гонки вооружений [24].

2. Внешние факторы. Аденауэр видел в стремлениях Югославии к самостоятельности, в венгерских и польских событиях 1956 г. признаки растущей напряженности в Восточном блоке [6. S. 160–167]. В беседе с Дж. Неру в 1956 г. Аденауэр, например, заметил, что «события в Венгрии доказали, что международный коммунизм потерпел поражение» [23]. Самый значительный вес во внешнеполитической концепции Аденауэра имела его так называемая «китайская теория», которая активно пропагандировалась им с середины 1950-х гг. и до конца канцлерства. В ее основе лежало убеждение, что

латентная напряженность между Москвой и коммунистическим Китаем рано или поздно станет детерминантом советской внешней политики, побудит Москву к компромиссной позиции по отношению к Западу, отказу от экспансии в Европу. Важнейшую роль сыграл неофициальный разговор с Хрущевым на даче в сентябре 1955 г., где последний выразил опасения по поводу Китая. Впоследствии Аденауэр очень часто возвращался к этому разговору в своей аргументации. В «Воспоминаниях» он так описывает ситуацию на сентябрьских переговорах 1955 г.: «Беспокойство перед Красным Китаем четко звучало в разговорах... Хрущев снова начал говорить о Красном Китае. Он назвал Красный Китай самой большой проблемой. “Представьте себе, в Красном Китае сегодня уже свыше 600 миллионов человек. Ежегодно добавляется еще двенадцать миллионов. Все они люди, которые живут горстью риса. Что станет, – и при этом он всплеснул руками, – что станет из этого?” Я подумал: дорогой друг, ты будешь однажды очень рад, если тебе больше не надо будет держать войска на Западе! Хрущев сказал довольно неожиданно: “Мы можем решить эту задачу! Но это очень тяжело. Поэтому я прошу Вас, помогите нам. Помогите нам справиться с Красным Китаем”» [15. S. 527–528]. Официально же во время московских переговоров 1955 г. вопрос о Китае затронут не был, о чем свидетельствуют протоколы бесед [25].

Впоследствии Аденауэр часто вспоминал этот разговор на даче, он произвел на него глубочайшее впечатление: Хрущев просил помощи канцлера ФРГ против Китая. Конфликт СССР с Китаем для Аденауэра – вопрос времени, их противоречия фундаментальны. «Однажды эта великая Россия будет противостоять огромной Азии, прежде всего Китаю. В коммунизме нет места для двух повелителей. Китай претендует на господство» [4. S. 131]. Аденауэр постоянно презентовал свои размышления о неминувости советско-китайского конфликта и влиянии этого фактора на советскую политику своим собеседникам, что показывает, насколько серьезно он в это верил. Например, в 1958 г. канцлер высказывает осторожный оптимизм относительно приостановки советской экспансии на Запад при встрече с канадским премьер-министром. Причина оптимизма – большие внутренние сложности Советского Союза и «развитие красного Китая, что русским стало по-настоящему неприятно» [24]. Посланнику США по особым поручениям Харриману Аденауэр в 1961 г. говорит, что «Советы больше боятся Китай, чем американцев» [Ibid.]. Во время беседы с корреспондентом «Нью-Йорк Таймс» в 1962 г. Аденауэр называет одной из главных задач СССР противостояние амбициям Китая, которые становятся все очевиднее [26].

Таким образом, в комплексе убеждений Аденауэра в отношении Советского Союза можно выделить как пронизательные, трезвые оценки, так и аффективные предубеждения. В его взглядах соседствовали представления об «азиатской» воинственной державе и

о рациональной, не нацеленной на вооруженный конфликт советской политике, о несоответствии между военной и экономической мощью Советского Союза и о неминуемости глобального конфликта двух коммунистических экспансионистских колоссов – СССР и Китая.

Аденауэр не рассматривал СССР как равноправную великую державу, стремящуюся к признанию в рамках сложившегося международного баланса сил. Канцлер видел в советской политике константный экспансионистский натиск. Можно выделить две составляющие, из которых Аденауэр выводил агрессивный характер внешней политики СССР: традиционное русское

стремление к расширению территории и заявка коммунизма на мировое господство. Советский Союз представлялся канцлеру как чуждое, враждебное образование, «азиатская диктатура». Разрядка напряженности в холодной войне, по его мнению, могла быть достигнута не путем взаимных уступок, а в результате сдачи СССР своих позиций, отказа от экспансии на Запад. Предпосылки свертывания наступательной советской политики Аденауэр видел в необходимости решения внутренних проблем (несоответствие военной мощи и уровня жизни населения, балласт гонки вооружений) и в растущих противоречиях с Китаем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петелин В.Б. Конрад Аденауэр: патриарх германской политики // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 142–169.
2. Doering-Manteuffel A. Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. Außenpolitik und innere Entwicklung 1949–1963. Darmstadt: WissenschaftlicheBuchgesellschaft, 1983. 279 S.
3. Schwarz H.-P. Das außenpolitische Konzept Konrad Adenauers // Adenauer-Studien I. Mainz : Matthias-Grünwald-Verlag, 1971. S. 71–108.
4. Adenauer K. Erinnerungen 1959–1963. 3. Auflage. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1983. 375 S.
5. Синдеев А.А. От мировой войны к европейскому миру под эгидой Германии («Проект Аденауэра»). М. : ЛКИ, 2010. 255 с.
6. Weidenfeld W. Konrad Adenauer und Europa. Die geistigen Grundlagen der westeuropäischen Integrationspolitik des ersten Bonner Bundeskanzlers. Bonn : Europa-Union-Verlag, 1976. 438 S.
7. Von Adenauer zur Grossen Koalition. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland 1956–1966. Eine Dokumentation. Bonn : InterNationes, 1996. 198 S.
8. Шварцкопф Д., Врангель О. Шансы Германии. Политика без иллюзий. М. : Прогресс, 1966. 230 с.
9. Adenauer K. Reden 1917–1967. Eine Auswahl / Hrsg. von H.-P. Schwarz. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1975. 495 S.
10. Baring A. Außenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europäischen Verteidigungsgemeinschaft. München / Wien : Oldenbourg, 1969. 492 S.
11. Haftendorn H. Sicherheit und Entspannung: zurAussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1955–1982. Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 1983. 767 S.
12. Niedhart G. Außenpolitik in der Ära Adenauer // Modernisierung im Wiederaufbau. Die westdeutsche Gesellschaft der 50-er Jahre. Bonn : Dietz, 1993. S. 805–818.
13. Schwarz H.-P. Adenauer. Der Aufstieg: 1876–1952. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1986. 1021 S.
14. Adenauer K. Teegespräche 1959–1961. Berlin :SiedlerVerlag, 1988. 804 S.
15. Adenauer K. Erinnerungen 1953–1955. 5. Auflage. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1994. 556 S.
16. Adenauer K. Erinnerungen 1955–1959. 4. Auflage. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1989. 551 S.
17. Adenauer K. Teegespräche 1961–1963. Berlin : SiedlerVerlag, 1992. 700 S.
18. Friede D. Das russische Perpetuum mobile. Würzburg : Marienburg-Verlag, 1959. 244 S.
19. Niedhart G., Altmann N. Zwischen Beurteilung und Verurteilung: Die Sowjetunion im Urteil Konrad Adenauers // Adenauer und die deutsche Frage. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. S. 99–117.
20. Adenauer K. Erinnerungen 1945–1953. 6. Auflage. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1987. 589 S.
21. Poppinga A. Meine Erinnerungen an Konrad Adenauer. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1970. 353 S.
22. Schwarz H.-P. Die deutschlandpolitischen Vorstellungen Konrad Adenauer 1955–1958 // Rhöndorfer Gespräche. Stuttgart / Zürich : Belsler, 1979. Band 2: Entspannung und Wiedervereinigung. S. 18–22.
23. Adenauer-Archiv. Bestand III/54. Gesprächaufzeichnungen mit führenden ausländischen Politikern // Stiftung Bundeskanzler-Adenauer-Haus.
24. Adenauer-Archiv. Bestand III/25. Gesprächaufzeichnungen mit führenden ausländischen Politikern // Stiftung Bundeskanzler-Adenauer-Haus.
25. Визит Канцлера Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г. : документы и материалы / отв. ред. А.В. Загорский; Моск. отд-ние Фонда им. К. Аденауэра. М. : Права человека, 2005. 231 с.
26. Adenauer-Archiv. Bestand III/55. Gesprächaufzeichnungen mit führenden ausländischen Politikern // Stiftung Bundeskanzler-Adenauer-Haus.

Sorokin Aleksei N. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: SorokinAN@omsu.ru

THE SOVIET UNION IN FOREIGN-POLICY CONCEPTION OF ADENAUER

Keywords: German foreign policy; Konrad Adenauer; Cold war.

This article is devoted to the analysis of the Soviet Union's role in foreign-policy conception of federal chancellor Konrad Adenauer, and his images of the USSR. For sources we used published private artistic legacy of Adenauer (his memoirs, speeches, interviews with journalists), and German archival records of Konrad Adenauer Foundation, such as the minutes of meetings with senior foreign politics. Western integration was main foreign policy priority of first federal chancellor of FRG, while the reunion of Germany was not his key and primary goal. At the same time, defensive and anticipating strategy was used towards the USSR. Post-war extending of the Soviet sphere of influence and the Soviet Union's turning into superpower Adenauer saw as the threat, and used permanent position of economically and politically strong West as opposition. Adenauer recognized the USSR politics as continuation of expansion policy of czarist regime, thus he always drew an analogy between foreign policy of the Russian Empire and the Soviet Union. Communism was seen as ideological ground for expansion that replaced Pan-Slavism. Chancellor perceived the USSR as non-European state, more like Asian dictatorship. In Adenauer's opinion, stages of easing of tension and De-Stalinization did not change the nature of Soviet foreign policy. Federal chancellor assumed that current Soviet policy did not carry the direct threat of war. Adenauer's conception of domestic economics was based on expectations of crises in the USSR. Adenauer believed that domestic economic situation and people's claims to improve their social standards of living, in long-term outlook, could put the pressure on Soviet arms programme, and as a result, Soviet politics would gladly cooperate with the West. As external factors, Adenauer underlined the inevitability of the USSR conflict with Red China that could ease Soviet pressure on the Europe. In Konrad Adenauer's persuasions towards the Soviet Union and its foreign policy, we can point on both clear-eyed, understanding assessments and affective prejudices. Easing of tension in the Cold war, to his opinion,

could be obtained not by mutual concessions, but because of the Soviet Union's renunciation and refusal of expansion into the West. Konrad Adenauer believed that the background for curtailment of assertive Soviet policy lied in the need of finding solutions to inner problems (e.g. contradiction of military power and social standard of people's living, and the ballast of Arms race) and in growing tensions with China.

REFERENCES

1. Petelin, B. (2006) Konrad Adenauer: patriarch germanskoy politiki [Konrad Adenauer: Patriarch of German politics]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History Journal*. 3. pp. 142–169.
2. Doering-Manteuffel, A. (1983) *Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. Außenpolitik und innere Entwicklung 1949–1963* [The Federal Republic of Germany in the Adenauer era. Foreign Policy and Internal Development 1949–1963]. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
3. Schwarz, H.-P. (1971) Das außenpolitische Konzept Konrad Adenauers [The Foreign Policy Concept of Konrad Adenauer]. In: Morsey, R. & Repgen, K. (eds) *Adenauer-Studien I*. Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag. pp. 71–108.
4. Adenauer, K. (1983) *Erinnerungen 1959–1963* [Memories 1959–1963]. 3rd ed. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
5. Sineev, A.A. (2010) *Ot mirovoy voyny k evropeyskomu miru pod egidoy Germanii ("Proekt Adenauera")* [From world war to the European world under the auspices of Germany ("The Adenauer Project")]. Moscow: LKI.
6. Weidenfeld, W. (1976) *Konrad Adenauer und Europa. Die geistigen Grundlagen der westeuropäischen Integrationspolitik des ersten Bonner Bundeskanzlers* [Konrad Adenauer and Europe. The spiritual foundations of Western European integration policy of the first Chancellor of Bonn]. Bonn: Europa-Union-Verlag.
7. Fröhlich, D. (ed.) (1996) *Von Adenauer zur Grossen Koalition. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland 1956–1966. Eine Dokumentation* [From Adenauer to the Grand Coalition. History of the Federal Republic of Germany 1956–1966. Documentation]. Bonn: InterNationes.
8. Schwarzkopf, D. & Wrangel, O. (1966) *Shansy Germanii. Politika bez illyuziy* [Chances of Germany. Politics without illusions]. Moscow: Progress.
9. Adenauer, K. (1975) *Reden 1917–1967. Eine Auswahl* [Speeches 1917–1967. A selection]. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
10. Baring, A. (1969) *Außenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europäischen Verteidigungsgemeinschaft* [Foreign Policy in Adenauer's Chancellor Democracy. Bonn's contribution to the European Defense Community]. Munich/Vienna: Oldenbourg.
11. Haftendorn, H. (1983) *Sicherheit und Entspannung: zur Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1955–1982* [Security and Relaxation: Foreign Policy of the Federal Republic of Germany, 1955–1982]. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft.
12. Niedhart, G. (1993) Außenpolitik in der Ära Adenauer [Foreign Policy in the Adenauer era]. In: Schild, A. (ed.) *Modernisierung im Wiederaufbau. Die westdeutsche Gesellschaft der 50-er Jahre* [Modernization in reconstruction. West German society of the 50s]. Bonn: Dietz. pp. 805–818.
13. Schwarz, H.-P. (1986) *Adenauer. Der Aufstieg: 1876–1952* [Adenauer. The Ascent: 1876–1952]. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
14. Adenauer, K. (1988) *Teegespräche 1959–1961* [Tea Talks 1959–1961]. Berlin: Siedler Verlag, 1988. 804 S.
15. Adenauer, K. (1994) *Erinnerungen 1953–1955* [Memories 1953–1955]. 5th ed. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
16. Adenauer, K. (1989) *Erinnerungen 1955–1959* [Memories 1955–1959]. 4th Auflage. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
17. Adenauer, K. (1992) *Teegespräche 1961–1963* [Tea Talks 1961–1963]. Berlin: Siedler Verlag.
18. Friede, D. (1959) *Das russische Perpetuum mobile* [The Russian Perpetuum mobile]. Würzburg: Marienburg-Verlag.
19. Niedhart, G. & Altmann, N. (1988) Zwischen Beurteilung und Verurteilung: Die Sowjetunion im Urteil Konrad Adenauers [Between Appraisal and Conviction: The Soviet Union in Conrad Adenauer's opinion]. In: Foschepoth, J. (ed.) *Adenauer und die deutsche Frage* [Adenauer and the German question]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. pp. 99–117.
20. Adenauer, K. (1987) *Erinnerungen 1945–1953* [Memories 1945–1953]. 6th ed. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
21. Poppinga, A. (1970) *Meine Erinnerungen an Konrad Adenauer* [My memories of Konrad Adenauer] Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
22. Schwarz, H.-P. (1979) Die deutschlandpolitischen Vorstellungen Konrad Adenauer 1955–1958 [The German political ideas of Konrad Adenauer, 1955–1958]. In: *Rhöndorfer Gespräche* []. Vol. 2. Entspannung und Wiedervereinigung [Rhöndorfer talks. Volume 2. Relaxation and reunification]. Stuttgart/Zurich: Belsler. pp. 18–22.
23. Adenauer Archive. (n.d.) Bestand III/54. Gesprächaufzeichnungen mit führenden ausländischen Politikern [Talks with leading foreign politicians]. *Stiftung Bundeskanzler-Adenauer-Haus*.
24. Adenauer Archive. (n.d.) Bestand III/25. Gesprächaufzeichnungen mit führenden ausländischen Politikern [Talks with leading foreign politicians]. *Stiftung Bundeskanzler-Adenauer-Haus*.
25. Zagorskiy, A.V. (ed.) (2005) *Vizit Kantslera Adenauera v Moskvu 8–14 sentyabrya 1955 g.: dokumenty i materialy* [Chancellor Adenauer's visit to Moscow on September 8–14, 1955: documents and materials]. Moscow: Prava cheloveka.
26. Adenauer Archive. (n.d.) Bestand III/55. Gesprächaufzeichnungen mit führenden ausländischen Politikern [Talks with leading foreign politicians]. *Stiftung Bundeskanzler-Adenauer-Haus*.

УДК 94+321.1+351/354
DOI: 10.17223/19988613/55/16

В.В. Федюшин

К ВОПРОСУ ОБ УСТРОЙСТВЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ МАЙЯПАНСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Статья посвящена изучению административной системы Майяпанской державы. Автор исходит из необходимости критически использовать имеющиеся данные о политической организации постмайяпанских образований. В частности, критике подвергнуто историографическое представление о происхождении «провинций» контактного периода из административных частей Майяпанской державы. Доказывается, что минимальной и вездесущей единицей политической организации как майяпанского, так и контактного периода являлось небольшое образование номового типа – ках. Его внутреннее деление на административно-политические (кучтеель) и географические (какаб) составляющие не претерпело изменений в течение позднего постклассического периода.

Ключевые слова: майя; Юкатан; постклассический период; политическое устройство.

Майяпанская держава – последнее крупное доиспанское политическое образование на территории Юкатанского полуострова, существовавшее в XIII – первой половине XV в. Историческая память о нем ко времени конкисты стала важным элементом идеологии правящих династий северо-западной части полуострова, но касалась преимущественно организации высшего уровня власти. Вместе с тем организация управления входившими в состав политики подчиненными или ассоциированными территориями представляет не меньший интерес, чем функционирование верхнего уровня политической системы.

При попытке ответить на вопрос о политической организации Майяпанской державы нельзя обойтись без изучения реалий контактного периода (вторая четверть XVI в.), наиболее полно отраженных в испанских и индейских письменных источниках. Необходимо, конечно, отдавать себе отчет в том, что от падения Майяпана до завоевания полуострова испанцами прошло столетие, и внешне ситуация кардинально изменилась: к XVI в. на Юкатане существовало несколько десятков политических образований разной величины. Однако эволюция нижних уровней управления не могла быть столь же резкой, как в случае с верховной властью. Косвенно об этом говорит тот факт, что знать, принадлежавшая разным политиям, находившимся зачастую в конфликтных отношениях, была в значительной степени едина. Единство это выражалось как в породненности большинства правящих линиджей [1. Р. 21–32], так и в наличии общего сословного сознания, проявлявшегося, в частности, в однородности архитектурного и изобразительного стиля и религиозных практик (к примеру, паломничества к общим священным местам [2. Р. 152–182, 195–198; 3. Р. 81–87, 150–152]). Формы политической организации майя северного Юкатана первой половины XVI в., несмотря на многочисленность независимых политий разного размера, также не имели сильных региональных отличий [4. Р. 42–43; 5. Р. 76]. Все это говорит о том, что социальная и политическая

структура майя-юкатеков сформировалась либо до, либо во время существования Майяпанской державы. Потому при изучении нижних уровней управления последней нельзя обойтись без относительно богатого материала середины XVI в.

Наиболее четким проявлением былой административной системы Майяпанской державы вплоть до второй половины XX в. считалось разделение полуострова на полтора десятка относительно крупных территориальных единиц, чему немало поспособствовала раннеколониальная терминология: в раннеколониальных источниках эти земли известны как «провинции» (см., напр., [6. С. 110 и далее]; рис. 1). С данной предпосылкой тесно было связано другое представление – о том, что «провинции» XVI в. являлись действительными политическими образованиями.

Однако зафиксированное в раннеколониальных источниках деление лишь отчасти коррелировало с реальной политической ситуацией. Несмотря на попытки американского антрополога Р. Ройса представить «провинции» в роли действительных политических единиц, пусть и разного устройства [7. Р. 3, 6–8], более поздние работы мексиканского историка С. Кесады [1. Р. 6] и его японского коллеги Ц. Окоши Харады [8. Р. 86–88] заставляют отказаться от такого их рассмотрения. Действительно, некоторые из «провинций», судя по всему, были объединены под властью одной династии (к примеру, Ах-Кануль, Мани, Сотута, Ах-К'ин-Чель). Однако большинство их отличала крайне слабая либо нулевая внутренняя политическая интеграция [1. Р. 138–139].

Отнюдь не все «провинции» середины XVI в. могли входить в состав Майяпанской державы. Это касается не только отдаленных южных областей Юкатана, но и северо-восточного побережья. Так, в «Сообщении из Вальядолида» 1579 г.¹ говорится, что «в древности индейцы провинции Чикинчель называли этих [индейцев] вильи² Вальядолид и провинций Купуль и Кочвах *ах-майя*, оскорбляя их [этим] как людей подлых и низких, злобного рассудка и наклонностей» [9. Т. 2. Р. 37]. Эта

же информация повторяется в «Сообщении из Пополы, Синсимато и Самьоля» [9. Т. 2. Р. 216]. Впрочем, надо отметить, что последний документ принадлежит перу главного алькальда Вальядолида Диего Сармьенто де Фигероа, бывшего по крайней мере редактором «Сообщения» и из самой виллы. В приведенное им значение слова «майя» поверить сложно, однако вряд ли стоить

ставить под сомнение, во-первых, сам факт такого именованья туземцев Купуля и Кочваха жителями Чикинчеля, а во-вторых, враждебное отношение жителей этой «провинции» к *ахмайя*. Само это определение является, несомненно, политонимом, который в данном случае сохранился в обиходе жителей, очевидно, некогда пограничного и не зависящего от Майяпана региона [10. Р. 29–30].

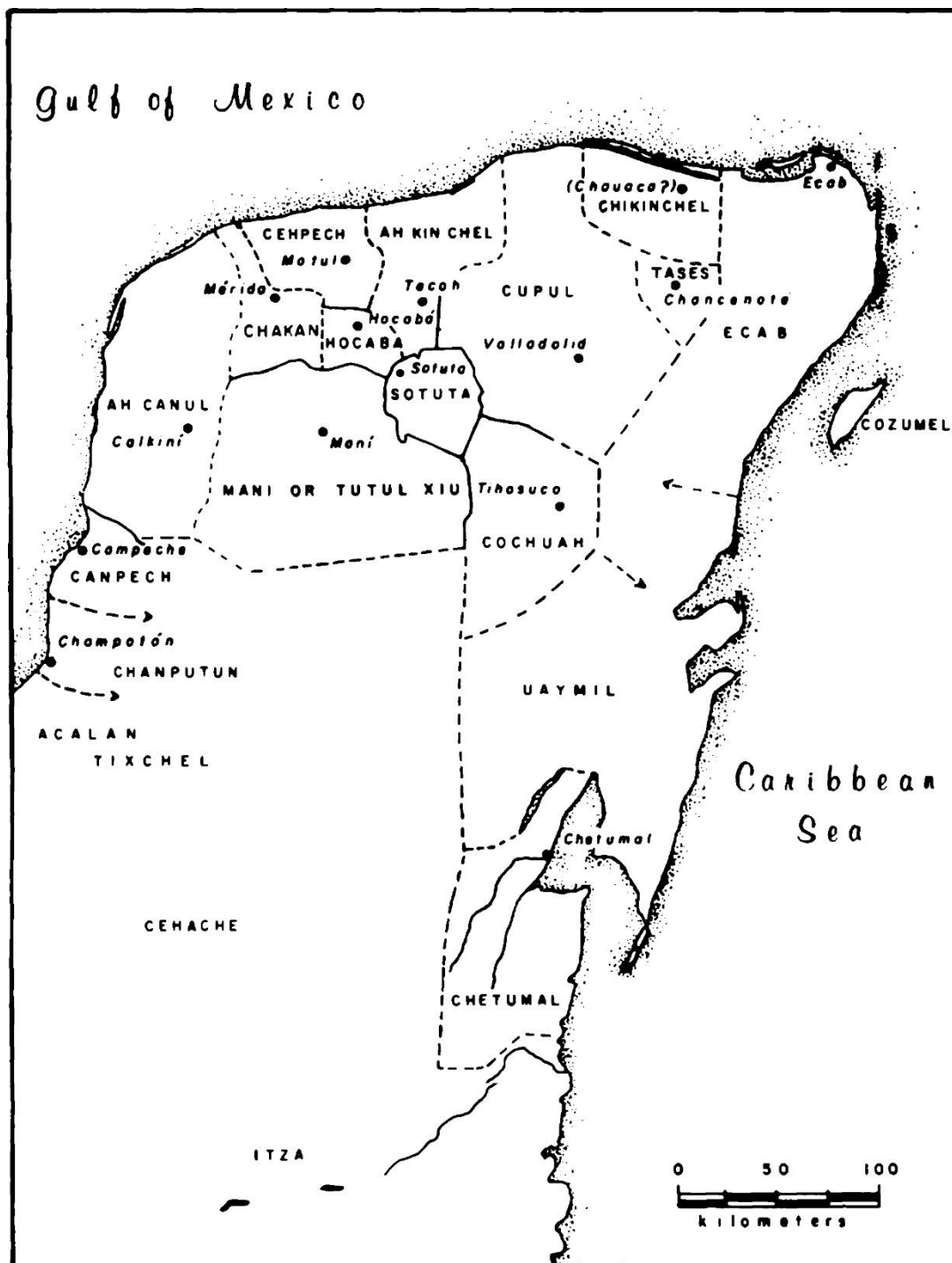

Рис. 1. «Провинции» периода конквисты (реконструкция Р. Ройса с дополнениями Э. Эндрюса). Источник: Andrews A.P. The Political Geography of the Sixteenth Century Yucatan Maya: Comments and Revisions // Journal of Anthropological Research. Vol. 40, is. 4. P. 589–596

Представляется, что деление на «провинции» (по крайней мере в том виде, в каком оно дошло до нас в испанских источниках) отражает не политическую картину

позднего постклассического Юкатана, а устоявшееся в общественном сознании майя разделение полуострова на «земли», частично обусловленное политическими

(Мани, Сотута), частично – культурными и этническими (Ах-Кануль, Чикинчель) отличительными чертами [11. С. 95–96]. Поэтому данную категорию из анализа политико-административных структур придется исключить.

Основной политической, а также территориально-административной единицей эпохи конкисты являлось небольшое образование номового типа, состоявшее из селения и его непосредственной сельскохозяйственной округи – *ках* (юк. *cah*). Термин *cah*, переводимый испанцами как «селение» (исп. *pueblo*) [12. Р. 170], относился, по-видимому, в первую очередь именно к номовому центру. Известные словари колониального времени рядом выражений прямо подтверждают данную мысль. В частности, во всех из них *noh cah* переводится с незначительными вариациями как «город или большое селение» [Ibid. Р. 59, 164; 13. Fol. 61r; 14. Р. 245; 15. Fol. 68r, 144r]. Противоположное по смыслу значение – «маленькое селение» – также образуется при помощи слова *cah*: *chanchan cah* [12. Р. 164; 13. Fol. 61r; 15. Fol. 14v, 144r, 180v] или *pet cah* [13. Fol. 374r; 15. Fol. 14v, 144r]. Однако ряд свидетельств заставляет расширить эту трактовку. «Сообщения с Юкатана» не делают разграничения между самим центром и подчиненной ему территорией. Зачастую термин *pueblo* используется в них для обозначения не только селения, но и подвластной ему округи [11. С. 94–95]. Стоит отметить «Сообщения» с восточной части полуострова, где присутствует формула *con sus sujetos* («со своими подчиненными [селениями]») [9. Т. 2. Р. 197, 215, 216, 218, 231, 232, 246, 283, 320]. Скорее всего, их составители попросту не видели смысла в именовании и каком-либо выделении селений, подчиненных *кахам*. Это заставляет полагать, что номовый центр (*cah*) в эпоху конкисты с точки зрения организации политической жизни был очень плотно интегрирован с подчиненными ему мелкими поселениями, обладая над ними полным суверенитетом. Такая интеграция не вызовет удивления, если обратить внимание на размеры этих общностей. Приводимые энкомендеро³ в «Сообщениях» размеры поселений весьма скромны. Так, к примеру, Чавакха ко времени осуществления раздела земель между конкистадорами насчитывала 600 податных индейцев [Ibid. Р. 246] (что дало бы 2 000–2 500 человек в целом [16. Р. 29]), Цонот – 600 [9. Т. 2. Р. 84], Тисимин – 600 [Ibid. Р. 284], Чансепоте – 600 [Ibid. Р. 246], Темуль – более 500 [Ibid. Р. 102], Исамаль – 500 [Ibid. Т. 1. Р. 304], Таби – 400 [Ibid. Р. 165], Кехак – 400 [Ibid. Т. 2. Р. 284], Кинакама – 400 [Ibid. Т. 1. Р. 375], Китилькум и Кавич – 400 вместе [Ibid. Р. 180], Чунхухуб – более 300 [Ibid. Р. 165], Вайма – 300 [Ibid. Т. 2. Р. 170], Кициль и Ситильпеч – 300 вместе [Ibid. Т. 1. Р. 198], Чечимила – 200 податных [Ibid. Т. 2. Р. 250], Кантунилькин – 120 [Ibid. Р. 170], Какальчен – 100 [Ibid. Р. 284]. Близка им численность селений, входивших в состав государства ица (от нескольких сотен до 2 тыс. жителей в конце XVII в.) [17. Р. 61], и независимой политики лакандонов в Петене (приблизительно 3 тыс. человек

в 1630 г., около 1 тыс. человек в 1695 г.), аналогичной по своей организации *каху* Северного Юкатана [18. Р. 165].

Еще Р. Ройс обратил внимание на упоминаемый в словаре из Мотуля термин *кучтеель* (юк. *cuchteel*). Термин этот многозначен, но выражает в целом понятия одной семантической категории – подчиненности. Так, применительно к человеку *cuchteel* может означать «подданный, вассал, находящийся под управлением другого», «семья или люди, которых кто-либо имеет в доме», «прихожанин»; с другой стороны – и «подразделение, часть селения» [13. Fol. 87v]. Р. Ройс, дословно приняв последний вариант, определил *кучтеель* как «мельчайшую организационную единицу, округ (*ward*) или район (*barrio*) поселения» [7. Р. 7]. Такая трактовка *кучтееля*, вписывающая его внутрь центрального поселения *каха*, представляется поверхностной. Стоит иметь в виду, что словарь из Мотуля, равно как и прочие францисканские словари, составлялся спустя достаточно долгое время после осуществления редуций [19], в ходе которых множество поселений насильственно сводилось в одно. Неудивительно, что прежняя социальная организация могла выражаться по-новому, уже в географическом делении поселения-редукции. Следовательно, нет нужды рассматривать *кучтеель* в качестве элемента поселенческой организации внутри главного селения *каха*, как делал это Р. Ройс.

Кучтеель (соседскую общину, состоявшую из нескольких большесемейных коллективов) на более высоком уровне представлял *ахкучкаб* (*ah cuchcab*) – по определению францисканского словаря XVI в. из Мотуля, «индеец-принципал (*indio principal*), которому поручена некая часть [селения] для сбора подати и прочих дел общины (*cosas de comunidad*)» [13. Fol. 11v, 12r]. Очевидно, синонимичен ему другой термин – *ахчунт'ан* (*ah chun than*), переводимый как «принципал селения» [Ibid. Fol. 15v]. Сложно сделать окончательный вывод о природе власти *ахкучкаба*. С одной стороны, полномочия, перечисленные в процитированном отрывке, не выходят за пределы полномочий должностных лиц. Так его рассматривает, к примеру, С. Кесада [1. Р. 20]. Однако представляется, что *ахкучкаб* в доиспанское время мог играть куда большее значение, быть наиболее знатным представителем соседской общины и именно потому представлять ее перед двором *батаба*. По крайней мере в раннеколониальных источниках мы почти не встречаем, кроме одного случая, упоминаний назначения *ахкучкабов* правителями селений. Этот единственный случай – «Сообщение из Синанче и Эгума». Его составитель Хуан де Ла Камара, однако, четко указывает на то, что *ахкучкабы* выбирались правителем из наиболее знатных представителей *кучтеелей* («*dividian el pueblo por sus barrios... y nombraban un hombre rico y hábil [para que] tuviese cargo de cada uno de ellos*») [9. Т. 1. Р. 123]. Стоит отметить и сам факт того, что *ахкучкабы* именуется принципалами: это подчеркивает их высокое положение в обществе [13. Fol. 11v, 12r; 9. Т. 1. Р. 110 et passim]. Немаловажным представляется и свидетельство

составителей «Сообщения из Мамы и Кантемо» (в числе которых указан и представитель местной знати Алонсо Печ) о том, что наряду с касиками (общий термин, относящийся к правителям, но тяготеющий к *батабу* [11. С. 100–101]) существовали принципалы, которые «имели под своей рукой индейцев», располагали собственными святилищами, контролируя, таким образом, отправленные культы [9. Т. 1. Р. 110].

В то же время источниками – как испанскими, так и юкатекскими – зафиксирована другая территориальная и, возможно, административная единица, входившая в состав *каха* – *какаб*. Словари дают достаточно определенное значение: «предместье» (исп. *arrabal*) [12. Р. 19], «маленькое селение» (исп. *pueblo pequeño* [13. Fol. 60r]), «деревня» (исп. *aldea* [15. Fol. 14v]), «местечко» (исп. *lugarillo* [15. Fol. 144v]). О земледельческом характере *какаба* говорит и зафиксированное в словаре из Мотуля выражение *sacab luum* – «плодородная земля» [13. Fol. 60r].

Подчиненность, вхождение *какабов* в состав *каха* очевидны. В рассказе о приходе ица в Юкатан, содержащемся в книге Чилам-Балам из Чумайеля, *какабы* значатся в числе неотделимых частей *каха* как территориальной единицы: «*kabanzah peten u caahooob, kabanzah cheen u caahooob || kabanzah sacab u caahooob, kabanzah luum u caahooob*» («они назвали части своих *кахов*... сенокоты⁴ своих *кахов*... *какабы* своих *кахов*... землю своих *кахов*») [20. Р. 225]. В то же время известны два топонима, образованных от данного корня – Цуккакаб (юк. *tzuc sacab* – «несколько / больше одного *какабов*» [21. Р. 29, 132–133]) и Нохкакаб [7. Р. 15; 22. Р. 40, 88]. Вполне вероятно, что Цуккакаб имел статус *каха* – так, его представитель Хуан Вициль с титулом *ah canan* (от юк. *canantah* – «охранять») в 1557 г. участвовал в съезде правителей при разделе земель в Мани [21. Р. 62–63].

В связи с этим встает вопрос о соотношении *кучтееля* и *какаба*. На первый взгляд эти термины выглядят чуть ли не синонимами и обозначают определенную часть *каха*. Однако с этой точкой зрения можно поспорить.

Как справедливо указывает С. Кесада, из четырех приведенных значений слова *cuchteel* в майяских текстах практически повсеместно встречается лишь одно – «вассал, подчиненный» [1. Р. 7–11]. Лишь в одном весьма спорном месте хроники из Калькини можно допустить (как делает это Ц. Окоши Харада) понимание термина *cuchteel* в географическом смысле. Отрывок этот заслуживает внимания. Речь идет о выходе знатных династий из разрушенного Майяпана. Текст выглядит следующим образом: «...*Na Chan Che || Na May Tayu || Na Pot Canche || Ah Kul Couoh † || yetel ah cipul || yetel ah quepech || u ch'aci u cuchteel || ah xiub lae*» («Начан-Че, Намай-Тайю, Напот-Канче, Ахкуль-Ковох, и Купули, и Кехпечи *ch'aci* *кучтеель* Шивов») [22. Р. 87]. Глагол *ch'aci*, как делает Баррера Васкес, можно перевести как «разрушили». Однако сведений о войнах перечисленных групп с Шивами сразу после падения Майяпана у нас нет. Напротив, Печи, Купули и тем более Ковохи, скорее всего, состояли с ними в союзнических отношениях [23]. Уместной с точки

зрения соответствия содержания другим источникам выглядит версия Ц. Окоши Харады, также возможная: «...*прошли по кучтеелям Шивов*» [22. Р. 87 п. 220]. В данном случае очевидна географическая локализация *кучтееля*. Впрочем, на основании лишь одного свидетельства рано делать выводы: в конце концов отрывок записан в 1594 г. [Ibid. Р. 86], и связанное с локализацией (и, возможно, вызванное колониальной политикой сведения *кахов* в редукции [24. Р. 158–191]) значение термина уже могло закрепиться в языке майя.

В остальном же, если не брать во внимание этот отрывок (надежность которого, как видно, остается спорной), представляется верным считать термин *sacab* относящимся к географии, поселенческой структуре, а *cuchteel* – к административной и социальной структуре *каха*. Вполне вероятно, что зачастую они могли полностью накладываться друг на друга.

Важно отметить, что части *каха* могли иногда играть самостоятельную роль. Фрагмент легендарной истории Экбалама, приведенный в «Сообщении» из данного поселения, смешивает целый ряд правителей классического периода в собирательный образ Коч-Каль-Балама и обозначает пять древних храмов как «здание» самого Коч-Каль-Балама и четыре, выстроенные «другими сеньорами и капитанами», которые «признавали Коч-Каль-Балама сеньором, и он был высшим [правителем]» [9. Т. 2. Р. 138]. Сложно не увидеть за фигурой мифологизированного правителя и четырех подчиняющихся ему «капитанов» внутреннее деление крупной общины-*каха* на более мелкие части. Название селения Тихоцук (юк. *ti ho tzuc*), верно истолкованное его энкомендеро Антонио Мендесом как «пять частей» [Ibid. Р. 198], также свидетельствует в пользу его образования в результате синойкизма отдельных общин (то же можно сказать об уже упоминавшемся Цуккакабе). И, напротив, «Сообщение из Кикиля» информирует об отселении «нескольких частей» (исп. *algunas parcialidades*) из-за нашествия саранчи [Ibid. Р. 267].

Базовой ячейкой общества постклассических юкатеков, несомненно, была большая семья, находившаяся под властью патриарха. Словарь из Мотуля называет его *ah chun cahil*, [*ah*] *chun na* и [*ah*] *chun otoch*, что во всех случаях переводится как «господин дома или отец семейства» [13. Fol. 15r, 445r]. К сожалению, нет каких-либо других свидетельств, которые бы указывали на права, обязанности и политико-административные функции (если они были) главы большой семьи. Юкатекское название такой единицы тоже до конца не ясно: ему может соответствовать большое количество терминов. Ц. Окоши Харада склоняется к варианту *cuchcabal* [25. Р. 208 п. 1], что вполне оправданно [13. Fol. 86r]; *cuchteel* [Ibid. Fol. 87v] и *mek'el'te* (юк. *mekelte*) [Ibid. Fol. 304r] также могут, согласно словаря из Мотуля, обозначать большую семью.

Наиболее сложной формой политики на Юкатане эпохи конкисты являлся *кучкабаль* (термин омонимичен приведенному выше, но, несомненно, имеет другое

значение). В ряде случаев *кучкабаль* представляется взаимозаменяемым по отношению к «провинции» термином. Автор словаря из Мотуля переводит выражение *u cuchcabal Maní, Mutul* как «провинция или комарка Мани, Мотуля и т.д.» [13. Fol. 86r]. Несмотря на то, что термин *cuchcabal* в испаноязычных источниках, кроме словарей, не употребляется, в «Историко-географических сообщениях» он зачастую передается с помощью термина *provincia* [11. С. 95–96].

Правитель *кучкабали* на Северном Юкатане именовался *халач-виником* (юк. *halach uinic*). В колониальную эпоху применение этого термина претерпело изменения, но смысл его (правитель более высокого ранга, нежели правители отдельных *кахов*) остался: так, в словаре из Мотуля *halach uinic* обозначает высокие посты уже в колониальной администрации – должности епископа и губернатора [13. Fol. 176v].

Размеры *кучкабалей*, судя по всему, могли достаточно сильно варьировать. Так, *кучкабаль* Мани, одно из крупнейших политических образований юкатеков к началу конкисты, включал в себя около двух десятков селений-*кахов* [26. Р. 53]. 17 «селений» находилось во власти Начи-Кокома, правителя *кучкабали* Сотута [27. С. 208]. В других регионах Юкатана аналогичные политические образования могли достигать более крупных размеров. Так, власть столицы петенских ица Нохпелена, согласно списку селений, указанному последним его правителем Кан-Эком, распространялась на 53 селения [17. Р. 62–63]. Акалан, другое крупное государство, охватывавшее юго-западную часть Юкатана, имел в своем составе 76 селений-*кахов* [28. Р. 290–292]. Население *кучкабали* в среднем составляло несколько десятков тысяч человек. Так, цenz 1549 г. относительно населения *кучкабали* Сотута дает цифру в 15 тыс. человек, Мани – 32,5 тыс. чел [27. С. 208]. Г. Джонс рассматривает цифру в 48 тыс. человек как в целом соответствующую общей численности населения Петена, большую часть которого занимало государство ица, по размерам и устройству напоминающее североюкатанские *кучкабали* [17. Р. 137].

В рамках *кучкабали*, вероятно, осуществлялось совмещение военно-политической власти с религиозной. По вполне объяснимым причинам раннеколониальные источники по Северному Юкатану обходят связь между политической и религиозной властью стороной. Связано это, скорее всего, со стремлением знатных династий (которые и поставляли большую часть историко-этнографических сведений испанцам) «откреститься» от участия в языческих ритуалах. Однако «Сообщения с Юкатана» указывают на наличие высших жрецов, *ахк'инов* (юк. *ah kin*), в столицах *кучкабалей* – Сотуте [9. Т. 1. Р. 146], Саки [Ibid. Т. 2. Р. 43–45], на Косумеле [Ibid. Р. 187]. Наиболее очевидно такое положение для политики ица в Петене, где верховная власть, приобретающая черты дуальности, осуществлялась двумя родственниками (двоюродными братьями), носившими одно имя: *ахав* Кан-Эк и *ахк'ин* Кан-Эк [17. Р. 104]. Вполне

возможно, что жрецы отдельных *кахов* находились в прямой зависимости от верховного жреца, проживающего в столице, как это следует из источников, касающихся петенских ица [17. Р. 104].

Административный аппарат под управлением *халач-виника* насчитывал, судя по всему, десятки человек. Так, в «Своде законов Начи Кокома» кроме самого правителя в списке придворных упоминаются 2 «принца», 5 главных жрецов, 5 военачальников («генералов»), 3 знахаря, 2 жреца и совет с неизвестным числом участников – всего, по меньшей мере, 17 человек, не считая совета [29. Р. 131–132]. Данные этого, безусловно, позднего документа подтверждаются сведениями о государстве ица в Петене, прослойка высшей знати которого включала в себя несколько десятков человек, по меньшей мере 22 из которых были членами совета при правителе [17. Р. 84–86].

Подчиненные *батабы* вынуждены были платить дань *халач-винику*. Значительная часть натуральных податей была сопряжена с календарем и сельскохозяйственным циклом. «Сообщения с Юкатана» упоминают хлопковые накидки [9. Т. 1. Р. 69], кур, маис, мед [Ibid. Р. 269], воск, чили, фасоль, дичь [Ibid. Р. 133–134, 274], и хотя эти товары перечисляются в разных комбинациях, смысл в них вкладывается повсюду один: «От всего, что производила земля, они давали такому правителю в знак признания его сеньории» [Ibid. Р. 274]. Не вызывает сомнения, что подача подобных сведений была выгодна как составителям «Сообщений» (лишний раз демонстрируя распространенность сбора дани среди доиспанских майя и, следовательно, приемлемость податей в рамках энкомьенды), так и самим индейцам (в условиях резкого упадка торгового обмена после конкисты [30] наиболее удобным видом платежей для *кахов*, безусловно, была поставка продуктов натурального хозяйства) [31. С. 38–39]. В то же время в отдельных местах информаторы создают совсем уж идиллическую и неправдоподобную картину: так, автор «Сообщения из Сотуты и Тиболона» пишет о том, что подать была не больше одной курицы с индейца в год [9. Т. 1. Р. 146], а в «Сообщении из Цана, Панабчена и Моны» и вовсе говорится о том, что «дань была очень ограниченной и почти добровольной», «не более чем признанием его [*халач-виника*] сеньории» [Ibid. Т. 2. Р. 252–253]. Вряд ли это правда. Так, в «Сообщениях» с восточной части полуострова все-таки говорится и о том, что в качестве дани правителю передавали престижные товары, явно не входившие в урожай обычного общинника. В частности, называются цветные драгоценные камни или, скорее, ракушки (*cuzcas coloradas*) [Ibid. Р. 37, 44, 86, 126, 298], прямо говорится, что это была «их монета» [Ibid. Р. 323], а также жад [Ibid. Р. 323]. Можно предположить, что в рамках Майяпанской державы доля дани, выплачиваемая ценными средствами обмена, могла быть выше, чем в середине XVI в., как за счет куда более развитой дальней торговли [32. Р. 269–424], так и в силу географической

отдаленности периферийных районов, снижающей выгодность доставки продуктов натурального хозяйства [Ibid. P. 405–407]. В то же время в словарях зафиксирован и другой вид дани. Речь идет о податях *шимте* (*ximte*), *лот* (*lot*) и *лоч-ломтах* (*loch lomtah*); о *шимте* известно, что она платилась бобами какао [13. Fol. 459v, 273r, 271v]. Как замечает А.В. Пакин, примененный составителем словаря термин *деррама* относится к нерегулярным, экстренным сборам [33. P. 67]. Не последнее значение в служении *халач-винику*, естественно, имело предоставление *батабами* ему военных отрядов [29. P. 130–131].

Таким образом, к моменту прихода испанцев в политико-административном устройстве общества майя-юкатеков можно проследить три, местами – четыре уровня. Из них большая семья и соседская община (*кучтеель*) вряд ли имели политическое значение; последняя, впрочем, в исключительных ситуациях (отселение, объединение с другими общинами) могла выступать как отдельная политическая единица. Впрочем, практически сразу *кучтеель* вливался в уже существующую или входил в новосозданную общинную структуру *каха*, административной частью которого являлся.

Ках являлся базовой территориальной и политической единицей майя-юкатеков и включал в себя от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Состоял он из ряда соседских общин (*кучтеелей*), объединенных вокруг одного центра. Вряд ли такая полития могла быть самодостаточной, существовать вне окружения подобных или более сложных обществ. Исследователя не должна смущать политическая «независимость» отдельных *кахов*: знать любого политического образования была связана с правящим классом других политий посредством брачных союзов, регионального обмена и через общие для представителей господствующих линиджей всего Юкатана религиозно-идеологические практики. Сословие знати на всем полуострове в известной степени оказалось единым, и вряд ли эта унификация могла произойти после уничтожения Майяпанской державы.

В ряде случаев *кахи* могли выступать в роли независимых политий, как это было в Чикинчеле и Чакане, однако в большинстве своем они оказывались инкорпорированы в более сложные региональные структуры – *кучкабали*. Судя по всему, организация власти на уровнях *кучкабала* и *каха* была весьма сходной, различаясь прежде всего в размерах двора, войска и т.п. Тем не менее представляется, что *кучкабали*, охватывавшие значительные территории, заселенные десятками тысяч человек, в отличие от *кахов* были самодостаточны с точки зрения сохранения политической сложности и эффективности эксплуатации населения (примером чему может служить весьма обособленная, но не утрачивавшая сложности полития ица в Петене).

Однако каковы основания полагать, что политическая и административная система, сложившаяся к приходу

испанцев, существовала – разумеется, под сенью еще одного верховного политического центра – в эпоху Майяпанской державы?

В отличие от представления Р. Ройса о «провинциях» как остатках административной системы государства с центром в Майяпане, в целом опровергнутого в последние годы, второе его утверждение – о непременном и повсеместном присутствии между *кахом* и центральной властью прослойки в виде *кучкабала* – разделяется большинством майянистов до сих пор (см. напр., 1. P. 14–27). Бытует и прямо противоположная точка зрения, допускающая «внезапное» появление *кучкабала* сразу вслед за разрушением Майяпана и, таким образом, низводящая сам Майяпан до уровня своеобразного «большого *кучкабала*», власть которого опиралась непосредственно на *кахи* [34. P. 132]. Обе эти версии представляются в равной степени ошибочными.

Весьма вероятно, что центральное правительство Майяпана вполне могло взаимодействовать с отдельными *кахами* напрямую. Показателен случай с тяжбой *батабов* Кавкеля за прибрежные солончаки. Согласно решению Аудиенсии, местные правители сохранили за собой привилегию на получение «подарков» за допуск к соледобыче, которая была предоставлена им еще майяпанским владыкой [6. С. 212]. Можно было бы предположить, что и здесь имелся *кучкабаль*, а центральные власти действовали напрямую, минуя местного *халач-виника* по какой-то субъективной причине (например, из-за конфликта с ним). Однако никакого упоминания крупных политических образований в «провинции» Чакан в источниках нет. Более того, само название этой «провинции» переводится с юкатекского попросту как «саванна» [24. С. 79]. Следовательно, говорить о каком-либо политическом или историческом контексте выделения этой «провинции» (например, о вхождении ее в прошлое в какой-либо *кучкабаль*) не приходится.

В то же время нет оснований делать выводы и об отсутствии *кучкабала* в политико-административной системе Майяпанской державы. Наличие у определенных династий контроля над обширными владениями, не уступавшими в размере *кучкабалам* эпохи конквисты, очевидно. Так, Кокомы в период расцвета гегемонии контролировали двадцать два селения к югу и востоку от Майяпана, не считая самой столицы, – территорию, значительно превышавшую их позднейшие владения в рамках «провинции» Сотута [35]. Вряд ли можно сомневаться в том, что некоторые другие династии, прежде всего Шивы [36], также владели значительными территориями. Об этом говорят хотя бы уже упомянутый выше спор о знатности и предубеждение Кокомов и Шивов по отношению к «выскочкам» – Ч'елям [6. С. 124]. Сомнительно, чтобы двумя главными линиджами исчерпывались майяпанские роды, владевшие *кучкабалами*.

Представляется, что майяпанская политико-административная система на разных землях была неоднородной, могла быть и пяти-, и четырехуровневой.

В первом случае речь идет о вхождении в державу относительно крупных региональных государств (*кучкабалей*), во втором – об инкорпорации отдельных *кахов*. Эта инкорпорация там, где множество *кахов* не находилось под управлением одного линиджа, была, очевидно, прямой, через описанное еще у Ланды принудительное проживание представителей или правителей подчиненных земель в столице [6. С. 113]. Следы подобной системы (конечно, на более мелком уровне) можно найти в *кучкабале* Калькини («провинция» Ах-Кануль), *батабы* которого имели постоянные резиден-

ции в столице из-за необходимости участвовать в работе совета при правителе [24. С. 180]. Однако неравенство между влиятельными родами, владевшими десятками селений, и отдельными *батабами* (или даже представителями нескольких *кахов*, если таковые имелись) было чересчур велико. Несмотря на отсутствие четко выраженной царской власти и принцип «совместного правления» (юк. *tul tepal*) правителей всех подчиненных земель, политическая система Майяпанской державы зависела от борьбы за гегемонию между несколькими наиболее могущественными линиджами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Сообщения» из различных поселений, рассматриваемые здесь и далее – документы из корпуса так называемых «Историко-географических сообщений с Юкатана» [9], составленных испанскими колонистами по приказу Филиппа II в 1579–1581 гг. Корпус насчитывает 50 «Сообщений», касающихся географических особенностей, хозяйственного уклада, истории и этнографии региона.

² Вилья – в Испании и ее колониальных владениях особый тип муниципального образования, не обладавший всеми правами и привилегиями города. В XVI в. на Юкатане существовал лишь один город (Мерида) которому в административном плане были подчинены три вильи (Сан-Франсиско-де-Кампече, Вальядолид и Саламанка-де-Бакалар).

³ Энкомендеро – владелец энкомьенды; энкомьенда – право на получение ренты (отрабочной, товарной или денежной) с определенной группы (поселения или его части) индейцев на основании помощи в ее христианизации.

⁴ Сенот – карстовый провал в известняковой породе, открывающий доступ к подземным водам; главный источник воды в северной части Юкатана, не имеющей открытых водоемов.

ЛИТЕРАТУРА

- Quezada S. Maya lords and lordships. Norman, 2014.
- Patel S.U. Journey to the east: Pilgrimage, politics, and gender in Postclassic Mexico : PhD diss. Berkeley, 2012.
- Palka J.W. Maya pilgrimage to ritual landscapes: Insights from archaeology, history, and ethnography. Albuquerque, 2014.
- Masson M.A., Cepecs S. Political organization in Yucatán and Belize // The Postclassic mesoamerican world / ed. by M.E. Smith and F.F. Berdan. Salt Lake City, 2003. P. 40–44.
- Folan W.J. The political and economic organization of the Lowland Maya // Mexicon. 1980. Vol. 2, n. 5. P. 73–77.
- Ланда Д. Сообщение о делах в Юкатане. М. –Л., 1955.
- Roys R.L. The political geography of the Yucatan Maya. Washington, 1957.
- Okoshi Harada T. Tenencia de la tierra y territorialidad: conceptualización de los mayas yucatecos en vísperas de la invasión española // Conquista, transculturación y mestizaje: Raíz y origen de México / ed. por L. Ochoa. México, 1995. P. 81–89.
- Relaciones Histórico-Geográficas de la Gobernación de Yucatán (Mérida, Valladolid y Tabasco) / ed. por M. de la Garza et al. México, 1983. T. 1–2.
- Gabbert W. Becoming Maya: Ethnicity and social inequality in Yucatán since 1500. Tucson, 2004.
- Федюшин В.В. Доиспанская политическая организация майя северного Юкатана в представлении европейских колонистов 2-й пол. XVI в. // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 93–105.
- Vocabulario de Maya Than. Codex Vindobonensis N.S. 3833. Facsímil y transcripción crítica anotada. / ed. R. Acuña. México, 1993.
- Arzápalo Marín R. Calepino de Motul. Diccionario maya-español. México, 1995.
- Diccionario maya-español de Ticul / ed. J. Pío Pérez. Mérida, 1870.
- de Ciudad Real A. Diccionario de Motul (español-maya). Motul, s.n. [manuscrito].
- Cook S.F., Borah W. Essays in Population History: Mexico and the Caribbean. Berkeley, 1974. Vol. 2.
- Jones G.D. The conquest of the last Maya kingdom. Stanford, 1998.
- de Vos J. La paz del Dios y del Rey: La conquista de la selva lacandona, 1525–1821. México, 1993.
- Bolles D. The Mayan Franciscan vocabularies: A preliminary survey. S.n., 2003.
- Bolles D. A translation of the edited text of Post Conquest Mayan literature. Lancaster, 2003.
- Memoria de la distribución de los montes (Maní a 15 de agosto de 1557) // Papeles de los Xiu de Yaxá, Yucatán / ed. por S. Quezada y T. Okoshi Harada. México, 2001. P. 55–65.
- Códice de Calkiní / ed. por T. Okoshi Harada. México, 2009.
- Rice P.M. The Kowoj in geopolítico-ritual perspective // The Kowoj: Identity, migration, and geopolitics in Late Postclassic Petén, Guatemala / ed. by P.M. Rice and D.S. Rice. Boulder, 2009. P. 21–54.
- Пакин А.В. Социально-политическая организация общества юкатанских майя в конце позднего постклассического периода (1441–1541 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2014.
- Okoshi Harada O. Ch'ibal y cuuchcabal: Una consideración sobre su función en la organización política de los mayas yucatecos del posclásico // El despliegue del poder entre los mayas: Nuevos estudios sobre la organización política / ed. por A. L. Izquierdo y de la Cueva. México, 2011. P. 207–224.
- Papeles de los Xiu de Yaxá / ed. por S. Quezada y T. Okoshi Harada. México, 2001.
- Гуляев В.И. Города-государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе). М., 1979.
- Scholes F.V., Roys R.L. Los chontales de Acalán-Tixchel. México, 1996.
- Gubler R. Datos genealógicos inéditos del linaje Cocom de Yucatán // Mesoamérica. 1993. Vol. 14, № 25. P. 115–133.
- Cepecs S. Mayas, Spaniards, and salt: World systems shift in Sixteenth-century Yucatán // The Postclassic to Spanish-Era transition in Mesoamerica: Archaeological perspectives / ed. by S. Cepecs and R.T. Alexander. Albuquerque, 2005. P. 117–138.
- Кнорозов Ю.В. «Сообщение о делах в Юкатане» Диэго де Ланда как историко-этнографический источник // Ланда Д. Сообщение о делах в Юкатане. М. –Л., 1955. С. 3–96.
- Masson M.A., Peraza Lope C. Kukulcan's realm: Urban life at Ancient Mayapán. Boulder, 2014.
- Пакин А.В. Дань в обществе юкатанских майя // Развитие цивилизации и Новый Свет : Первые Кнорозовские чтения. / отв. ред. А.П. Логунов. М., 1999. С. 67–68.
- Vargas Pacheco E. Cabecera, unidad y esfera política: Dinámica de la provincia de Acalán // Nuevas perspectivas sobre la geografía política de los mayas / ed. por T. Okoshi Harada, L.A. Williams-Beck y A.L. Izquierdo. México, 2006. P. 127–158.

35. Gubler R. *Primus inter pares: The ruling house of Cocom* // *INDIANA*. 2001. Vol. 17/18. P. 239–268.
36. Okoshi Harada O. *El cuuchcabal de los Xiu: Análisis de su formación y consolidación*. // *Contributions in New World archaeology*. 2012. Vol. 4. P. 229–249.

Fedyushin Vladislav V. Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: vladfedyushin@gmail.com

ON THE STRUCTURE OF MAYAPAN STATE ADMINISTRATIVE SYSTEM

Keywords: Maya; Yucatan; Postclassic period; political structure.

The article discusses the administrative system of the Mayapan state, a regional Late Postclassic Maya hegemony that controlled an extensive area of the Northern Yucatan. My objective is to reconstruct the hierarchy of administrative tiers of this early state. To achieve this, the examining of the main elements of sociopolitical and geographical organization among the Yucatec Maya of the Contact period (i.e., “province”, *cuchcabal*, *cah*, *cuchteel*, *cacab*, and extended family) – with the emphasis on supralocal, the most unstable structures – is supposed. The sources used are of Early Colonial origin. These are Diego de Landa’s *Relación de las cosas de Yucatán*, the corpus of *Relaciones de Yucatán* of 1579–81, a number of Franciscan dictionaries (*Calepino* and *Diccionario* of Motul, *Bocabulario de Maya Than*, and *Diccionario de Ticul*), and documents from the local noble dynasties’ (Cocom, Xiu, and Canul) archives. I conclude that: 1) Contact-period “provinces” of Yucatan in most cases demonstrate no continuity with the former second-rank supralocal polities subjugated to Mayapan. Some of them (Mani, Sotuta, etc.) could probably have some Mayapan-era prototypes, albeit different in scales and contours. A number of other “provinces” (Chakan, Ah Kin Chel, etc.) obviously cannot be linked to any supposed subpolity inserted into Mayapan state. 2) Still, such polities undoubtedly existed along with directly subjected local structures (*cah*) as did Caucel whose rulers in the middle of the 16th century pretended to hold a privilege granted by the Mayapan government. 3) The administrative system of the Mayapan-led hegemony lacked uniformity. Depending on specific conditions (absence or existence of a supralocal polity analogous to the 16th-century *cuchcabal*) it could have 4 or 5 hierarchical tiers. The second variation was possible if there was in the region a supralocal polity analogous to the 16th century *cuuchcabal*, a sort of quite extensive early state with a population of several tens of thousands. 4) *Cah*, a type of geographically and politically organized community having its own settlement center and rural zone as well as its own military and bureaucratic organization was the basic territorial and political unit. 5) *Cah* was divided into village communities called *cuchteelob* that were primarily social, and not political, organizations. They could recourse to independent political activity only in anomalous conditions, and it used to be limited to synecism and subsequent formation of a new *cah*. This articulation by *cuchteelob* probably used to coincide with the simultaneous infra-*cah* geographical division by rural settlements called *cacabob*.

REFERENCES

1. Quezada, S. (2014) *Maya lords and lordships*. Norman: University of Oklahoma.
2. Patel, S.U. (2012) *Journey to the east: Pilgrimage, politics, and gender in Postclassic Mexico*. PhD diss. Berkeley.
3. Palka, J.W. (2014) *Maya pilgrimage to ritual landscapes: Insights from archaeology, history, and ethnography*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
4. Masson, M.A. & Cepecs, S. (2003) Political organization in Yucatán and Belize. In: Smith, M.E. & Berdan, F.F. (eds) *The Postclassic mesoamerican world*. Salt Lake City: The University of Utah Press. pp. 40–44.
5. Folan, W.J. (1980) The political and economic organization of the Lowland Maya. *Mexicon*. 2(5). pp. 73–77.
6. Landa, D. (1955) *Soobshchenie o delakh v Yukatane* [Report on affairs in Yucatan]. Translated from Spanish by Yu. Knozorov. Moscow; Leningrad: USSR AS.
7. Roys, R.L. (1957) *The political geography of the Yucatan Maya*. Washington: Carnegie Institution of Washington.
8. Okoshi, H.T. (1995) Tenencia de la tierra y territorialidad: conceptualización de los mayas yucatecos en vísperas de la invasión española [Land tenure and territoriality: conceptualization of the Yucatec Maya on the eve of the Spanish invasion]. In: Ochoa, L. (ed.) *Conquista, transculturación y mestizaje: Raíz y origen de México* [Conquest, transculturation and miscegenation: Root and origin of Mexico]. México: Universidad Nacional Autónoma de México. pp. 81–89.
9. Garza, M. de la et al. (eds) (1983) *Relaciones Histórico-Geográficas de la Gobernación de Yucatán (Mérida, Valladolid y Tabasco)* [Historical-Geographical Relations of the Government of Yucatán (Mérida, Valladolid and Tabasco)]. Vol. 1–2. México: Universidad Nacional Autónoma de México.
10. Gabbert, W. (2004) *Becoming Maya: Ethnicity and social inequality in Yucatán since 1500*. Tucson: University of Arizona Press.
11. Fedyushin, V.V. (2017) Pre-Hispanic Political Organization of the Northern Yucatan Maya in the Views of the Late 16th Century European Colonists. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2. pp. 93–105. (In Russian).
12. Acuña, R. (1993) *Bocabulario de Maya Than. Codex Vindobonensis N.S. 3833. Facsimil y transcripción crítica anotada*. México: Universidad Nacional Autónoma de México.
13. Arzápalo, M.R. (1995) *Calepino de Motul. Diccionario maya-español* [Calepino de Motul. Mayan-Spanish dictionary]. México: Universidad Nacional Autónoma de México.
14. Pío Pérez, J. (ed.) (1870) *Diccionario maya-español de Ticul* [Mayan-Spanish Dictionary of Ticul]. Mérida: [s.n.].
15. Ciudad Real, A. de (n.d.) *Diccionario de Motul (español-maya)* [Dictionary of Motul (Spanish-Mayan)]. Motul: [s.n.]. [Manuscript].
16. Cook, S.F. & Borah, W. (1974) *Essays in Population History: Mexico and the Caribbean*. Vol. 2. Berkeley: University of California Press.
17. Jones, G.D. (1998) *The conquest of the last Maya kingdom*. Stanford: Stanford University Press.
18. de Vos, J. (1993) *La paz del Dios y del Rey: La conquista de la selva lacandona, 1525–1821* [The peace of God and the King: The conquest of the Lacandon jungle, 1525–1821]. México: Secretaría de Educación y Cultura de Chiapas.
19. Bolles, D. (2003) *The Mayan Franciscan vocabularies: A preliminary survey*. [s.l.; s.n.].
20. Bolles, D. (2003) *A translation of the edited text of Post Conquest Mayan literature*. Lancaster: [s.n.].
21. Quezada y T, S. & Okoshi Harada, T. (2001) Memoria de la distribución de los montes (Mani a 15 de agosto de 1557) [Memory of the distribution of the mountains (Mani to August 15, 1557)]. *Papeles de los Xiu de Yaxá, Yucatán*. pp. 55–65.
22. Okoshi Harada, T. (2009) *Códice de Calkiní* [Calkiní Codex]. México: [s.n.].
23. Rice, P. M. (2009) The Kowoj in geopolitico-ritual perspective. In: Rice, P.M. & Rice, D.S. (2009) *The Kowoj: Identity, migration, and geopolitics in Late Postclassic Petén, Guatemala*. Boulder: University Press of Colorado. pp. 21–54.
24. Pakin, A.V. (2014) *Sotsial'no-politicheskaya organizatsiya obshchestva yukatanskikh mayya v kontse pozdnego postklassicheskogo perioda (1441–1541 gg.)* [Socio-political organization of the Yucatan Mayan society at the end of the late postclassical period (1441–1541)]. History Cand. Diss. Moscow.
25. Okoshi Harada, O. (2011) Ch'ibal y cuuchcabal: Una consideración sobre su función en la organización política de los mayas yucatecos del posclásico [Ch'ibal and cuuchcabal: A consideration of their role in the political organization of the Yucatecan Mayas of the post-Classic]. In: Izquierdo y de la Cueva, A.L. (2011) *El despliegue del poder entre los mayas: Nuevos estudios sobre la organización política* [The deployment of power among the Maya: New studies on political organization]. México: Universidad Nacional Autónoma de México. pp. 207–224.

26. Quezada, S. & Okoshi Harada, T. (eds) (2001) *Papeles de los Xiu de Yaxá* [Papers of the Xiu de Yaxá]. México: Plaza y Valdes.
27. Gulyaev, V.I. (1979) *Goroda-gosudarstva maya (Struktura i funktsii goroda v ranneklassovom obshchestve)* [Maya City States (Structure and functions of a city in an early class society)]. Moscow: Nauka.
28. Scholes, F.V. & Roys, R.L. (1996) *Los chontales de Acalán-Tixchel* [The chontales of Acalán-Tixchel]. México: CIESAS.
29. Gubler, R. (1993) Datos genealógicos inéditos del linaje Cocom de Yucatán [Unpublished genealogical data of the Cocom de Yucatán lineage]. *Mesoamérica*. 14(25). pp. 115–133.
30. Kepecs, S. (2005) Mayas, Spaniards, and salt: World systems shift in Sixteenth-century Yucatán. In: Kepecs, S. & Alexander, R.T. (eds) *The Postclassic to Spanish-Era transition in Mesoamerica: Archaeological perspectives*. Albuquerque: University of New Mexico Press. pp. 117–138.
31. Knorozov, Yu. V. (1955) “Soobshchenie o delakh v Yukatane” Diego de Landa kak istoriko-etnograficheskiy istochnik [“Report on the affairs in the Yucatan” Diago de Landa as a historical and ethnographic source]. In: Landa, D. (ed.) *Soobshchenie o delakh v Yukatane* [Report on affairs in Yucatan]. Translated from Spanish by Yu. Knorozov. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 3–96.
32. Masson, M.A. & Peraza Lope, C. (2014) *Kukulcan's realm: Urban life at Ancient Mayapán*. Boulder: University Press of Colorado.ed.
33. Pakin, A.V. (1999) Dan' v obshchestve yukatanskikh maya [Tribute in the society of the Yucatan Maya]. In: Logunov, A.P. (ed.) *Razvitie tsivilizatsii i Novyy Svet: Pervye Knorozovskie chteniya* [Development of civilization and the New World: The first Knorozov readings]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 67–68.
34. Vargas Pacheco, E. (2006) Cabecera, unidad y esfera política: Dinámica de la provincia de Acalán [Head, unit and political sphere: Dynamics of the province of Acalan]. In: Okoshi Harada, T., Williams-Beck, L.A. & Izquierdo, A.L. (eds) *Nuevas perspectivas sobre la geografía política de los mayas* [New perspectives on the political geography of the Maya]. México: UNAM. pp. 127–158.
35. Gubler, R. (2001) Primus inter pares: The ruling house of Cocom. *INDIANA*. 17/18. pp. 239–268. DOI: 10.18441/ind.v17i0.239-267
36. Okoshi Harada, O. (2012) El cúchcabal de los Xiu: Análisis de su formación y consolidación [The cúchcabal of the Xiu: Analysis of their formation and consolidation]. *Contributions in New World Archaeology*. 4. pp. 229–249.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 930.1:39

DOI: 10.17223/19988613/55/17

В.С. Глинкин

ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА ЧЖУАН КИТАЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена изучению этногенеза чжуан. Чжуаны – народ, проживающий на юге КНР. В настоящее время являются самым многочисленным этническим меньшинством Китая, их численность составляет примерно 16 млн чел. Чжуаны по-прежнему остаются одной из самых «невысказанных» учеными этнических общностей КНР. В статье приводятся различные трактовки и подходы к этногенезу чжуан, распространенные в китайской и иностранной историографии, а также версии причин, побудивших власти КНР дать чжуанам самоопределение на уровне автономного района.

Ключевые слова: чжуаны; Гуанси-Чжуанский автономный район (ГЧАР); этногенез; национальное строительство; конструирование этничности.

Чжуаны – народ, говорящий на чжуанском языке тай-кадайской языковой семьи. Они являются самым большим этническим меньшинством из 55 официально признанных правительством в КНР. В качестве самостоятельного этноса они также проживают во Вьетнаме.

Целью данной статьи является выявление в отечественной и зарубежной литературе подходов к изучению этногенеза чжуан. Ставится вопрос о характере формирования чжуан как этноса – было ли это результатом национальной политики КНР и следствием конструирования из близких по языку и культуре этнических групп в рамках созданного Гуанси-Чжуанского автономного района или естественный ход этнических процессов в чжуанской среде привел к появлению нового этноса, который и был оформлен в автономный район в результате национального строительства.

Данный этнос изучали многие ученые на протяжении более чем ста последних лет. Изучение чжуан шло неравномерно, в нем выделяется несколько этапов, для каждого из которых характерны свои особенности, начиная от национальной принадлежности ученых и поставленных ими научных целей и заканчивая решением проблем этногенеза чжуан, их этногенетических связей с народами Юго-Восточной Азии.

Наиболее широко изучение народов Китая развернулось после образования КНР. В 1953 г. власти страны начали проводить работу по выявлению и официальному признанию неханьских этносов. В Лунчжоу, Луншэн, Пинго и другие уезды провинции Гуанси со значительным чжуанским населением были направлены экспедиции, призванные собрать материалы по истории, языку, традициям и современному состоянию южно-китайских малочисленных народностей, в том числе и чжуан. Проведены исследования по разным аспектам жизни этого народа. В частности, изучалось и его происхождение.

Относительно вопроса об этногенезе чжуан существует несколько точек зрения. Первая из них заключается

в том, что чжуаны – автохтонное население Гуанси, потомки наньюэ, говоривших на языках тайской языковой семьи. Согласно второй точке зрения, чжуаны являются потомками чжэцзянских юэ или потомками жителей районов к северу и северо-западу от Гуанси и Гуандуна [1. С. 29]. Следовательно, современные чжуаны – это потомки местных, более древних этносов, трансформировавшихся в ходе этнических процессов в новый этнос. Этому традиционному подходу в решении проблемы этногенеза чжуан противостоит мнение о том, что чжуаны – фактически полностью сконструированный этнос [2] либо что они частично сконструированы вследствие политики национального строительства в «коммунистическом» Китае.

Как следует из традиционных работ по этногенезу чжуан, своим происхождением они увязываются с племенами юэ. В этой связи достаточно логично было бы остановиться, хотя бы кратко, на происхождении племен юэ. В рамках данной статьи, не углубляясь в древнейшие этапы истории племен юэ, остановимся подробнее на их рассмотрении в более близком к современности времени.

В разные периоды китайские историографы использовали название «юэ» для племен как на севере Китая, так и на юге. Во времена Шан и Западной Чжоу (II – начало I тыс. до н.э.) юэ назывались племена, жившие далеко к северу от современной Гуанси. С периода Весны и Осени и Борющихся царств (770–221 гг. до н.э.) термин «юэ» стал применяться к некитаизированным племенам, жившим на обширных территориях на юге и востоке современного Китая, от провинции Цзянсу до провинции Юньнань и далее до Вьетнама. [3. С. 93]. В этой связи очевидно, что рассматривать юэ как группу племен с единой культурой и языком не представляется возможным, слишком различны природные условия их обитания и существенны географические расстояния. К тому же в китайской историографии не сохранилось

упоминаний о возможной миграции юэ с севера на побережье. Вероятно, племена юэ принадлежали к разным языковым семьям, являлись разными культурными общностями.

Со времен династии Цинь племена юэ разделялись китайскими летописцами на многие подгруппы. На юге, в области Линнань, выделялись группы яньюэ, иуэ, лоуэ, наньюэ и др. [4. С. 478]. Это деление давало китайским исследователям возможность объяснить различия в культурах племен юэ.

Среди китайских историков, однако, не было единодушия в вопросе о способе выделения групп юэ и, следовательно, о числе общностей, относимых к юэ. Так, одни ученые выделяли две группы юэ: северную – северные юэ (北越), жившие на территории центрального и северного Гуандуна, а также в Фуцзяни и Чжэцзяне, и южную юэ (南越), представители которой проживали на юго-западе современной провинции Гуандун, на юге и западе Гуанси и в северном Вьетнаме.

Другие ученые считали, что юэ включали в себя три группы. Первая группа – наньюэ. Они были распространены в центральной и северной части современной провинции Гуандун. В древности, кроме того, они встречались на территориях Фуцзяни, Чжэцзяна, юге Цзянсу. Вторая группа – сиоу, которые проживали на территории уездов Сицзян и Гуйцзян в Гуанси. И наконец, третья группа – лоуэ, которые были распространены на юго-западе Гуандуна, в прилегающих районах Гуанси и на севере Вьетнама, где для их обозначения используется термин «лаквьет» [5. С. 68].

При этом, какую бы версию деления племен юэ мы ни избрали в качестве основной, будут недостатки и проблемы ее обоснования. Например, археологическая карта не дает очень четкой картины границ между двумя или тремя группами юэ, что свидетельствует о сильной размытости этнокультурных границ, а значит, о достаточной консолидации этой общности.

Главным является то, что, по мнению китайских ученых, современные чжуаны ведут свое происхождение от южной группы юэ. При этом некоторые китайские историки разделяют южную подгруппу юэ на более мелкие подгруппы, юго-западную и юго-восточную. Можно согласиться с таким уточнением, учитывая, что живущие на западе племена юэ не были так подвержены влиянию ханьцев, как, например, прибрежные юэ в Гуандуне. Согласно выводам китайских исследователей, от южных юэ ведут свое происхождение, помимо чжуан, и другие народности: мяо, яо, дун, буи и другие народы Южного Китая и северных районов Индокитая.

Следует заметить, что вопрос о происхождении чжуан в разные исторические периоды китайской историографией освещался по-разному. Были точки зрения, базировавшиеся на миграционном характере этногенеза чжуан. Одна из первых версий происхождения чжуан заключалась в том, что чжуаны якобы пришли в Гуанси с востока, в частности из Хунани. Но эта точка зрения опровергается, например, в работе одного из основоположников

чжуанской историографии, Хуан Сянфая. Как отмечает автор, «Гутяньские чжуаны мигрировали из Хунани, но не все чжуаны мигрировали с Хунани» [6. С. 93].

Согласно другой «миграционной» теории, чжуаны мигрировали в Гуанси с севера, например из провинций Шаньдун, Хунань и др. Как пишет в своем исследовании Цинь Шэнминь, эта версия также не имеет под собой реальных оснований. Он отмечает, что родословные книги и надгробные памятники, по записям которых был сделан вывод о происхождении предков чжуан с севера Китая, были либо отредактированы во времена династий Мин и Цин, либо установлены во времена этих династий. Таким образом, от описываемых событий их уже отделяли сотни лет. Если изложенные в этих источниках сведения правдивы, то получается, что до династии Сун в Гуанси вовсе не должно было быть чжуан. Но это не так. – они упоминаются в хрониках более ранних династий. Более того, китайскими учеными было доказано, что родословные книги местных чиновников содержат в себе много неправдивой информации [7]. Следовательно, выводы, сделанные на их основании, должны подвергаться тщательной проверке.

Несмотря на различные мнения отдельных исследователей, самой распространенной и доказанной версией в китайской историографии считается та, что чжуаны являются автохтонным населением Гуанси. Она изложена в качестве основной в капитальном труде по истории чжуан, изданном в Китае: «Полной истории чжуан» (壮族通史). В качестве доказательств приводятся обширные данные по истории, археологии, антропологии, топонимике и др. [6].

Однако среди исследователей, преимущественно западных, распространен тезис о том, что чжуаны являются «новым», сконструированным этносом. Причина конструирования, по мнению этих ученых, кроется в политике национального строительства Китая, например для того, чтобы обезопасить важные в стратегическом плане приграничные и богатые ресурсами территории Гуандуна и Гуанси. Для этого макрорегион Линнань, включающий в себя современные Гуанси и Гуандун, было якобы решено разделить не просто на провинции, а на провинцию и автономный район. Таким образом, две территории, имеющие много общего еще со времен династий Цин и Хань, потеряли свое единство; к тому же, чтобы еще более укрепиться на этих территориях, центральные власти проводили политику ее заселения ханьцами, т.е. китайцами (чаще – жителями более северных районов). С помощью подобных мер центральное правительство КНР боролось с возможным сепаратизмом в этом очень важном стратегически регионе. Таковую точку зрения в своей книге отстаивает, например, Кэтрин Кауп [2. С. 52].

Сходную точку зрения выражают и другие западные ученые, среди которых Мосли, Дрейер. Эта точка зрения, на наш взгляд, не является состоятельной и представляется слишком политизированной: невозможно «создать» новый этнос с характерной для него культурой,

языком, самоназванием абсолютно на «пустом месте», да еще в течение кратчайшего времени. Например, К.П. Кауп, с одной стороны, доказывает, что чжуаны – это не более чем политический конструкт, а с другой – описывает различия между разными группами чжуан, например в провинциях Юньнань и Гуанси. В этой связи встает вопрос: если чжуаны целиком сконструированы правительством КНР «с нуля», зачем было придумывать какие-то дополнительные различия и группы? Культурные, региональные различия, как правило, встречаются у всех этносов, что объясняется сложностью этногенеза любого народа.

Своеобразным выглядит и мнение относительно чжуанского этногенеза в работе *The Zhuang: Longitudinal study of their history and culture* профессора Джеффри Барлоу. Он пишет: «Мы согласимся с точкой зрения Мосли в том, что чжуаны – сконструированная этническая идентичность. Однако мы не считаем, что чжуаны – фиктивная идентичность. Под термином «сконструированная» мы понимаем то, что чжуаны появились под влиянием ханьцев и в результате влияния ханьцев. Без ханьцев не было бы чжуан, но чжуаны существуют и обладают всеми этническими признаками на групповом и на личном уровнях» [5. С. 389].

В этнологии давно изучен феномен оппозиции «свои–чужие», следствием которой является обострение

восприятия межэтнических культурных различий при тесных контактах, а, значит, происходит усиление собственного этнического сознания или этнической идентичности. В данном случае перед нами классический пример усиления именно чжуанской идентичности в противовес ханьской. Но для того, чтобы это явление появилось, необходимо наличие объективных культурных различий, которые способствуют осознанию собственной (в данном случае – чжуанской) идентичности.

В качестве вывода можно констатировать, что чжуаны – этнос с очень сложным этногенезом. Они были сформированы как продукт взаимодействия большого количества разнообразных этнических компонентов и исторических ситуаций. На протяжении исторического процесса они, их этнические предки подвергались попыткам насильственной ассимиляции и переживали периоды подъема культуры. Бурное развитие чжуан именно в XX в., политизация исторических процессов дали основания некоторым специалистам полагать, что чжуаны являются продуктом этнического конструирования. Подходы к этногенезу чжуан в настоящее время различны, но основной считается точка зрения, согласно которой чжуаны существуют как самостоятельный этнос и являются коренным населением Гуанси, потомками древних племен юэ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Москалёв А.А. Гуанси-Чжуанский и Нинся-Хуэйский автономные районы КНР / отв. ред. Т.П. Рахимов. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1979.
2. Кауп К.Р. *Constructing the Zhuang. Ethnic Politics in China*. London : Lynne Rienner Publishers, 2000.
3. Meacham W. Defining the Hundred Yue // *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association* 1996. Vol.15 (2). P. 93–100.
4. Ван Чжунхань. Чжунго миньцзуши гайяо (Общие сведения о народах Китая). Тайюань : Шаньси цзяоюй чубаньшэ, 2004.
5. Barlow J. *The Zhuang: A Longitudinal Study of Their History and Their Culture*. URL: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/20839422.html>
6. Хуан Сяньфань и др. Чжуанцзу тунши (Полная история чжуан). Наньнин : ГЧАР, 1988
7. Цинь Шэнминь. Гуаньюй чжуандайцзудэ миньцзу циюань вэньти (К вопросу об этногенезе чжуан и дай). URL: <http://www.ixueshu.com/document/3d454d033176c26b318947a18e7f9386.html?page=5#original> (дата образования: 20.12.2017).

Glinkin Vitaly S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: glinkinvs@yandex.ru

ISSUE OF CHINESE ZHUANG PEOPLE'S ETHNOGENESIS IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Keywords: GZAR; Zhuang people; Ethnogenesis; Ethnicity construction.

The People's Republic of China is by its constitution a multinational state with 56 nationalities. Han is the largest nationality in China and Han people take approximately 95 % of PRC's population. Nevertheless the rest 55 nationalities have together around 100 million of people and present great variety of languages, religions and customs.

The article is devoted to the issue of Zhuang people ethnogenesis. Zhuang people are far the most populous ethnic minority among the 55 ethnic minorities, which are now officially recognized by the PRC government. The majority of Zhuang population of 16 million of people live in Guangxi-Zhuang Autonomous Region, or GZAR. The region was established in 1958 by the decision of the PRC government instead of former Guangxi province.

Despite the fact that Zhuang people are numerous, there is a relatively small number of scholars doing their research on Zhuang issues.

The goal of this article is to explore and clarify the question of Zhuang ethnogenesis. In ancient and modern Chinese historiography there were at least 5 versions of Zhuang's origin. 1. They came from the East, from Hunan and Guangdong. 2. They came from the North, Shandong or Hunan. 3. They came from Southwest, from Sichuan. 4. The Zhuang are product of assimilation of Han people and local non-Han peoples. 5. They are indigenous people of Guangxi region.

The sixth version of Zhuang origin is stated by some Western scholars. They claim, that Zhuang people are constructed identity created deliberately by PRC government to oppress possible separatism in the region of Guangxi and Guangdong, which is far from Beijing, and is critically important from political and economical perspectives.

The sources for the article include the wide range of articles and books on Chinese, English and Russian languages. Some of them are rarely or never used in Russian historiography. Apart from articles by Chinese authors, the literature sources include masterpiece work by Jeffrey Barlow and Huang Xiangfan which are classical for Zhuang studies.

The question is still remaining controversial to some extent, but the most sustainable version now is that Zhuang people are local inhabitants and are indigenous people of the region. The main theoretic founding of the article is that Zhuang people are to some extent "constructed" identity, but they are not fictive identity, and "constructed" in this case means "formed in contact with Han" but not "created by the Chinese government right after the PRC itself appearance". It is stated that no government can create a national minority of such

population with such range of intra-group varieties without any pre-existing conditions and features of a separate minority like language, common traditions, culture, habits, etc.

REFERENCES

1. Moskalev, A.A. (1979) *Guansi-Chzhuanskiy i Ninsya-Khueyskiy avtonomnye rayony KNR* [Guangxi-Zhuang and Ningxia-Hui Autonomous Regions of China]. Moscow: Nauka.
2. Palmer Kaup, Kath. (2000) *Constructing the Zhuang. Ethnic Politics in China*. London. Lynne Rienner Publishers.
3. Meacham, W. (1996) Defining the Hundred Yue. *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*. 15(2). pp. 93–100
4. Wang Zhonghan. (2004) *Chzhungo min'tszushi gayyao* [General information about the peoples of China]. Tayyuan: Shanxi Jiaoyu Chubanshe
5. Barlow, J. (2011) *The Zhuang: A Longitudinal Study of Their History and Their Culture*. [Online] Available from: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/20839422.html>.
6. Huang Xiangfan et al. (1988) *Chzhuantszu tunshi* [The full story of chuang]. Nanning: GChAR.
7. Qin Shenming. (n.d.) *Guan'yuy chzhuandaytszude min'tszu tsiyuan' ven'ti* [On the ethnogenesis of Chuang and Dai]. [Online] Available from: <http://www.ixueshu.com/document/3d454d033176c26b318947a18e7f9386.html?page=5#original>. (Accessed: 20th December 2017).

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ

УДК 903.2(57)

DOI: 10.17223/19988613/55/18

А.А. Казаков

О ГРАНИЦЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННО-МЕНТАЛЬНЫХ ЗОН В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

На основании археологических источников сформулирована гипотеза о существовании на Евразийском континенте двух мультикультурных суперрегионов – Европы и Азии, внутри которых преимущественно и осуществлялись культурные контакты, приводящие к культурногенетическим процессам, в результате чего появлялись новые археологические культуры. Основываясь на одном из материальных комплексов эпохи великого переселения народов, представляющем культуру гуннов, очерчены регионы влияния европейских и азиатских гуннов, определена культурологическая граница между Европой и Азией во второй половине IV – первой половине V в., выделены погребально-поминальные комплексы азиатских гуннов на территории Западной Сибири, их признаки, намечены границы миграционного коридора и направление культурных связей.

Ключевые слова: гунны; ареал распространения; раннее Средневековье; культурогенез; Европа; Азия.

Одним из ключевых вопросов практически всех археологических исследований является изучение проблем культурогенеза – зарождения, развития (эволюции), исчезновения или трансформации различных археологических культур. Среди множества факторов, способствующих началу культурногенетических процессов, основным, пожалуй, является инокультурное влияние на местное аборигенное население, восприятие им культурных образцов, которые трансформируют главные культурообразующие признаки воспринимающей культуры, изменяя ее облик. Выявление культурных инноваций и является одной из главных задач археологии. Наряду с их выявлением необходимо еще и понять, кому эти инновации принадлежат, какая археологическая культура является их носителем, т.е. определить направления культурных связей.

Задача отождествления выявленных культурных инноваций с конкретными археологическими культурами является достаточно сложной. Начиная с эпохи Средневековья она усложняется, так как в этот период, благодаря развитым средствам коммуникации и другим факторам, процессы взаимообмена различными культурными традициями упрощаются, инвентарный комплекс унифицируется, и схожие типы изделий распространяются на широких территориях, что затрудняет определение их принадлежности к конкретным археологическим культурам [1. С. 7].

Кроме того, на последних, поздних этапах раннего железного века формируются достаточно крупные культурно-исторические общности, определяющие культурный облик огромных регионов. Для территории Западной Сибири такой культурно-исторической общностью является кулайская [2, 3], послужившая основой для формирования археологических культур эпохи раннего Средневековья, что также сближает их основные

культурообразующие признаки [4]. Подобная культурная унификация позволила некоторым исследователям высказать точку зрения об отказе от употребления понятия «археологическая культура» и замене его более широким понятием «этнокультурной общности» [5], что не получило поддержки подавляющего большинства специалистов.

Сложности с идентификацией культурных инноваций, их отождествлением с конкретными археологическими культурами привели к тенденции указывать не конкретного носителя культурной инновации, а направление культурных связей. Это достаточно обоснованное положение, так как указанная тенденция унификации инвентарного комплекса, сближение культур позволяют найти следы выделенной инновации у нескольких археологических культур единого культурно-исторического региона, и в этом случае направление культурных связей будет достаточно объективно указывать культурный субстрат-донор, у которого данная инновация заимствована.

Работа с материалами лесостепного Алтая первого тысячелетия позволила выделить один очень интересный материальный комплекс, позволивший включить культуры эпохи раннего Средневековья как лесостепного Алтая (прежде всего), так и Западной Сибири в целом в контекст мировой истории, рассматривать их не отдельно от бурных исторических процессов, происходящих в районах Средиземноморья и Туркестана, а как их неотъемлемую составную часть. Этот же комплекс позволяет говорить о преимущественно юго-западном и западном направлениях культурных контактов населения лесостепного Алтая и юга Западной Сибири в эпоху великого переселения народов (вторая половина IV – первая половина V в.). Это комплекс полихромных изделий гуннского типа, носителем которых являются

легендарные гунны. Кроме самих полихромных изделий о гуннской принадлежности мощнейшего культурного импульса эпохи раннего Средневековья, способствующего изменению культурного облика населения лесостепного Алтая, а затем и всей Западной Сибири [4], говорят и другие культуродиагностирующие признаки, о которых речь пойдет ниже.

Первые изделия полихромного стиля на территории лесостепного Алтая были найдены Алексеем Павловичем Уманским при исследовании «княжеского» захоронения близ с. Тугозвоново на р. Чарыш в 1959 г. и опубликованы почти 20 лет спустя, лишь в 1978 [6]. В это же время А.П. Уманским была выдвинута гипотеза о Тугозвоновском погребении как наиболее восточном пункте распространения полихромных изделий, однако в силу ряда обстоятельств она не получила должного осмысления среди специалистов [7. С. 83]. В настоящее время на территории Западной Сибири и Туркестана известно 10 пунктов находок изделий полихромного стиля гуннского типа, маркирующих восточную границу их распространения. Основываясь на работах И.П. Засецкой и А.К. Амброза можно говорить, что весь комплекс полихрома подразделяется на два основных типа [7].

А.К. Амброзом дано объяснение этому явлению, суть которого заключается в том, «что перед нами следы двух одинаково могущественных объединений: одного – с центром на Дунае и границами от Венгрии и Польши до Волги, другого – с центром где-то в Азии и границами от устьев Дуная до Киргизии и, может быть, Алтая» [8. С. 66]. И.П. Засецкая также подтверждает существование двух основных групп, но объясняет это гендерными особенностями, не исключая и других вариантов (различная хронология или этнокультурная принадлежность) [9. С. 69].

Учитывая, что одни и те же вещи датируются этими исследователями по-разному, признаем, что вопросы хронологии полихрома пока остаются достаточно спорными и далекими от разрешения. Автор склоняется к достаточно узким хронологическим границам их широкого бытования, а именно во второй половине IV – первой половине V в. с возможностью появления наиболее ранних изделий на рубеже III–IV вв. и доживания наиболее поздних до рубежа V–VI вв.

Мы же остановимся на достаточно обоснованном положении, что в интересующий нас хронологический отрезок бытования изделий полихромного стиля, встреченных в рассматриваемых погребениях, существовало два могущественных объединения, локализованных в различных географических регионах. Их основу составляли родственные этнокультурные образования гуннского круга. Вслед за другими исследователями будем называть их европейскими гуннами и азиатскими гуннами.

Даже при беглом знакомстве с рассматриваемыми изделиями полихромного стиля, маркирующими границу их восточного распространения, совершенно очевидно, что они относятся к 3-му типу по типологии А.К. Амброза и к подгруппе «В», 1-й стилистической

группе И.П. Засецкой, а следовательно, маркируют зону влияния представителей азиатских гуннов «с центром где-то в Азии и границами от устьев Дуная до Киргизии и, может быть, Алтая» [8. С. 66], по гениальному предположению А.К. Амброза.

Несмотря на то, что гуннской проблематике посвящено большое количество работ, «эпоха великого переселения народов» вызывает живейший интерес огромного количества исследователей, приближение к истине пока еще далеко. Пытаясь разобраться в крайне мозаичной картине различных точек зрения на эту проблему, становится понятным, что это задача отдельного крупного фундаментального исследования, на которое необходимо потратить не один год и даже не одно десятилетие. Для нас в настоящее время важна концептуальная основа гуннологии – кто же такие гунны и какова их этническая, культурная и языковая принадлежность?

Основу современной гуннологии представляют работы Н.Н. Крадина и С.Г. Боталова. К сожалению, их концепции сильно различаются, и пока не видно позиций, в которых их точки зрения были бы схожими. Исходя из того, что истина не может быть субъективной, и если к одному результату независимо не пришли хотя бы двое крупных ученых, полемизирующих между собой, можно констатировать вслед за Н.Н. Крадиным, что, несмотря на значительные достижения в изучении как хунну, так и гуннов, пока еще далек от разрешения один из основных вопросов истории великого переселения народов, а именно – кто такие гунны и откуда они взялись? Ряд исследователей ведет их историю от хунну монгольских степей, однако до сих пор нет ни одной специальной археологической работы, которая бы показала реальное сходство археологических памятников хунну и гуннов. По меткому замечанию Н.Н. Крадина, «если бы это было так просто, то это уже давно было бы сделано» [10. С. 23].

Краткий, емкий и достаточно полный историографический обзор хуннской проблематики, проведенный Н.Н. Крадиным, позволил выделить две основные культурные хуннские провинции – северных и южных хунну. Причем «для памятников южных хунну не характерны единство погребального обряда и присутствие типичных для данной культуры предметов инвентаря». Исследований, посвященных культуре южных хунну, крайне мало [Там же. С. 15]. Устоявшейся является еще одна точка зрения, крайне важная в решении сложнейшего вопроса об этнокультурной принадлежности, – хунну были полиэтнической и многоязычной кочевой империей [Там же. С. 22].

Таким образом, в настоящее время можно говорить о том, что пока не существует определенной, конкретной культурной, этнической, языковой или территориальной привязки, которую можно было бы однозначно идентифицировать с хунну и определить как центр, основу или ядро хуннского образования. Понятие «хунну» не является ни этнонимом, ни названием культуры, ни названием племенного союза. Это собирательное название

различных этнокультурных образований, имеющих сходства в менталитете и на этой основе составляющих единое целое, сплоченное в общее огромное культурно-историческое пространство, имеющее свои границы.

Иными словами, мы наблюдаем эпохальное ментальное единство, которое никоим образом не исключает и междоусобной вражды, и войн между различными этнокультурными образованиями, входящими в это единство, и не предполагает единого центра управления, централизованного союза или предгосударственного образования, хотя и не исключает племенных союзов и даже государственных образований в отношении некоторой части данного ментального единства.

Подобная картина не является редкостью для истории, скорее это определенная закономерность. Похожие явления мы наблюдаем в Древней Греции при полисной системе. Древние греки сознавали свое единство, свое отличие от варваров, однако единого, централизованного государства не имели. Полисы (города-государства) враждовали между собой, воевали друг с другом, что прекрасно описано Гомером, однако при внешней угрозе объединялись для отражения агрессии всех негреков-варваров. В этом случае мы также наблюдаем ментальное единство, осознание себя единой общностью, отличной от других, но состоящей из различных самостоятельных объединений, причем не всегда единоэтничных и единопольных. Наиболее близкой для нас является ситуация в Древней Руси периода феодальной раздробленности.

Аналогичную картину мы видим и в гуннской проблематике. С.Г. Боталов в одной из своих последних работ достаточно наглядно показал наличие двух достаточно крупных гуннских образований — гуннов европейских и гуннов азиатских [11]. Европейских гуннов он связывает с поздними сарматами [Там же. С. 45, 48], признавая дискуссионность своей точки зрения, которая разделяется далеко не всеми исследователями. Причем характеризуя компоненты, приведшие к подобной трансформации сарматов, С.Г. Боталов совершенно справедливо указывает на юго-восточное влияние. Интересным является и его замечание по поводу тюркского компонента в составе гуннского объединения, суть которого заключается в том, что «мы не склонны абсолютизировать тюркскую компоненту в составе гуннского объединения. По сути дела, данные имена отражают... восточные элементы... подобно восточным археологическим маркерам...» [Там же. С. 34].

Говоря о азиатских гуннах, С.Г. Боталов приходит к мнению, что «история азиатских гуннов неразрывно связана с раннетюркской, точнее, раннетелесской исторической фавбулой» [Там же. С. 61].

Таким образом, выделение двух основных типов полихромных украшений И.П. Засецкой и ее вывод о восточном происхождении стиля перегородчатой инкрустации в полихроме, который «в памятниках степной полосы юга России большая редкость» [12. С. 19],

совпадение ее выводов с типологией А.К. Амброза, высказавшего положение о наличии двух могущественных объединений, локализованных в различных географических регионах, основу которых составляли родственные этнокультурные образования гуннского круга, подтверждаются исследованиями С.Г. Боталова, выводы которого основываются уже не только на анализе изделий полихромного стиля с привлечением небольшого объема сопутствующего им инвентаря, но и на анализе огромного комплекса археологических источников, накопленного в последнее время и достаточно хорошо документированного.

В связи с последними достижениями хунно- и гуннологии, итоговые положения которых кратко охарактеризованы выше, следует признать вслед за Н.Н. Крадиным и С.Г. Боталовым, что возможности нарративных источников в настоящее время исчерпаны и фабула исторических событий, в них изложенных и достаточно полно охарактеризованных И.П. Засецкой [12, 13], должна быть пересмотрена с учетом данных, полученных на основании более объективного археологического материала, анализ которого позволяет выделить два крупных ментальных образования — хунну и гуннов, внутри которых выделяются по две группы — северных и южных хунну и европейских и азиатских гуннов. Причем если культура северных хунну и европейских гуннов достаточно неплохо изучена в настоящее время, то с изучением южных хунну и азиатских гуннов дела обстоят значительно хуже.

Как уже говорилось ранее, происхождение гуннов от хунну — тезис, который ранее считался практически незыблемым — в настоящее время на археологическом материале пока никем не подтвержден, что вызывает обоснованные сомнения в его истинности. Некоторую ясность в этот вопрос может внести решение проблемы происхождения полихромного стиля, которая так же, как и многие другие, до сих пор остается открытой. Большинство авторов считают, что полихромный стиль является явлением синкретичным, вобравшим в себя элементы различных этнокультурных образований, и производство полихромных изделий было рассредоточено по различным мастерским [13. С. 75].

Центром сложения полихромного стиля считают восток полуострова Крым, а авторство отдают мастерам Боспорского царства. Связано это, вероятнее всего, с первыми массовыми находками полихрома на Госпитальной улице в г. Керчь в конце XIX в., массовость которых, впрочем, объясняется и другими причинами — соотношением некоторыми исследователями керченских склепов с захоронениями высшей боспорской знати, а может, даже и правителей Боспора [Там же. С. 72].

Основные элементы полихрома, определяющие его синкретичный характер, выделены И.П. Засецкой. В наиболее общем виде «это античные традиции, элементы сарматского искусства и новые веяния, отвечающие вкусам и запросам пришельцев-гуннов» [12. С. 7]. Более детально — полихромный стиль римской эпохи,

пришельцев-варваров, кочевников южнорусских степей гуннской эпохи [13. С. 75].

Если стилистическим особенностям полихромных изделий находят аналогии в различных достаточно крупных историко-культурных областях, совершенно справедливо указывая на синкретичность этого эпохального явления, то районы зарождения и привнесения в этот стиль техники перегородчатой инкрустации (клуазонне) пока определяются достаточно расплывчато и связываются с восточным влиянием [12. С. 25]. Более того, даже отрицается наличие подобной техники в мастерских европейских гуннов и находки изделий полихромного стиля, выполненных в технике перегородчатой инкрустации, связываются только с восточным импортом [13. С. 73].

По поводу синкретичности полихромного стиля следует признать, что, зародившись из элементов различных этнокультурных групп, он впитал в себя вкусы и эстетические предпочтения огромного количества населения большого региона, единая ментальность которого в эпоху великого переселения народов обусловлена многими причинами, среди которых можно выделить две основных.

Во первых, это объединение их в единое политическое образование – Римскую империю, что способствовало не только обмену материальными элементами культуры, фиксируемыми на археологических материалах, но и сложению государственной, имперской идеологии, впитавшей в себя элементы духовной культуры огромного количества различных этнокультурных групп, входящих в состав данной империи, а следовательно, и выработке на их основе единой глобальной концепции миропонимания, сближению мировоззренческих позиций. Причем это касается не только и даже не столько представителей европейских народов, у которых это ментальное единство уже существовало, а прежде всего философско-мифологических представлений представителей восточного средиземноморья и севера Африки, которых варварами назвать крайне сложно, учитывая, что именно на этих территориях и появились первые цивилизации – Месопотамская и Египетская. Можно с уверенностью утверждать, что уровень развития культуры этих регионов ни в коей мере не уступал, а в некоторых направлениях даже и превосходил уровень развития культуры метрополии – Рима.

В качестве наглядного примера взаимопроникновения и синтеза нового учения в духовной сфере можно привести возникновение христианства, которое впитало в себя элементы духовной культуры и запада, и востока, и северной Африки (Египта) [14; 15. С. 225–249]. Именно благодаря своему синкретичному характеру христианство получило столь широкое распространение, так как представители различных культур, различных ментальных типов находили в этом учении близкие им по духу элементы, что значительно облегчало восприятие данной мировой религии в огромном регионе.

Столь близкое единство способствовало и обмену технологическими приемами. Даже беглый просмотр ювелирных изделий как Древнего Египта, так и Египта позднего царства позволяет говорить, что они исполнены в технике перегородчатой инкрустации, причем эта техника является доминирующей. То есть, по мнению автора, техника перегородчатой инкрустации зародилась именно в Древнем Египте, затем, благодаря имперской политике Рима, способствующей созданию единого культурного пространства, распространилась и на запад. Не противоречат этому и данные, полученные И.А. Бажан и М.Б. Щукиным, разрабатывающими вопрос о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи великого переселения народов. По их мнению, истоки этого стиля лежат на востоке и связаны с династией сасанидов [16].

Во-вторых, благодаря развитым средствам коммуникации, единым историческим судьбам и тесным, порой далеко не мирным контактам «варварских» народов, приведших к сложению племенного союза, мощь которого привела к краху Римской империи, можно говорить еще об одной огромной культурно-исторической провинции с единой, «варварской» ментальностью, о единой, несмотря на некоторые различия, мультикультуре, ментальной зоне с доминированием элементов европейской культуры, что обусловлено римской завоевательной-объединительной политикой и варварской пассионарной активностью. Тесные контакты этих ментальных групп привели к сложению зоны единой европейской ментальности, границы которой постоянно меняются во времени и пространстве.

Таким образом, мы можем говорить о формировании в рассматриваемую эпоху основы современной идеологической парадигмы – философско-мировоззренческих систем Европы и Азии, которые накладывают своеобразный отпечаток и на элементы материальной культуры.

Анализ ареалов распространения различных стилистических групп изделий полихромного стиля, выделенных И.П. Засецкой и картографировавшей их [13. Карта], позволяет достаточно четко выделить внутри единого суперрегиона их распространения в эпоху великого переселения народов два ареала. Их границы маркируются распространением двух основных типов полихрома, которые, в свою очередь, позволяют говорить об определенном этнокультурном различии представителей европейских и азиатских гуннов.

Так, изделия первой стилистической группы распространены в восточном ареале (восточное побережье Черного моря, северное побережье Каспийского моря, Туркестан и Западная Сибирь) и контактной зоне (Крым, среднерусская возвышенность и западное побережье Черного моря, до правобережья Волги). Изделия варианта «А» 1-й стилистической группы встречены только восточнее левобережья Волги, достаточно хорошо маркируя зону влияния азиатских гуннов. Изделия 2-й стилистической группы характерны для территории Европы

(западнее Черного моря) и редко встречаются в контактной зоне. Изделия 3-й и 4-й стилистических групп являются универсальными и встречены на всей территории распространения изделий полихромного стиля гуннского типа, свидетельствуя о культурно-исторической близости и единой ментальности западных и восточных гуннов. Изделия же 5-й стилистической группы встречены только на территории Европы (западнее Черного моря) и не встречаются даже в контактной зоне. Наряду с изделиями варианта «А» 1-й стилистической группы они маркируют зону влияния европейских гуннов.

Благодаря единой ментальности, эти ареалы более «чисты» на периферии и имеют «зону культурной диффузии», в которой мирно сосуществуют представители как одной, так и другой ментальной группы. Наиболее

восточные памятники с изделиями полихромного стиля 1 стилистической группы (по И.П. Засецкой) оставили представители азиатских гуннов, принадлежащие к единой европейской мультикультуре (рис. 1).

Достаточно аморфно определившись с культурной принадлежностью рассматриваемых памятников (азиатские гунны), определив доминирование юго-западного и западного направлений культурных связей в эпоху великого переселения народов для крайней восточной периферии зоны европейской мультикультуры, являющихся основными в культурогенетических процессах на отдельных территориях, попытаемся выяснить, хотя бы в наиболее общих чертах, кто же такие эти азиатские гунны, восточную границу влияния которых мы наблюдаем на материалах рассматриваемых захоронений?

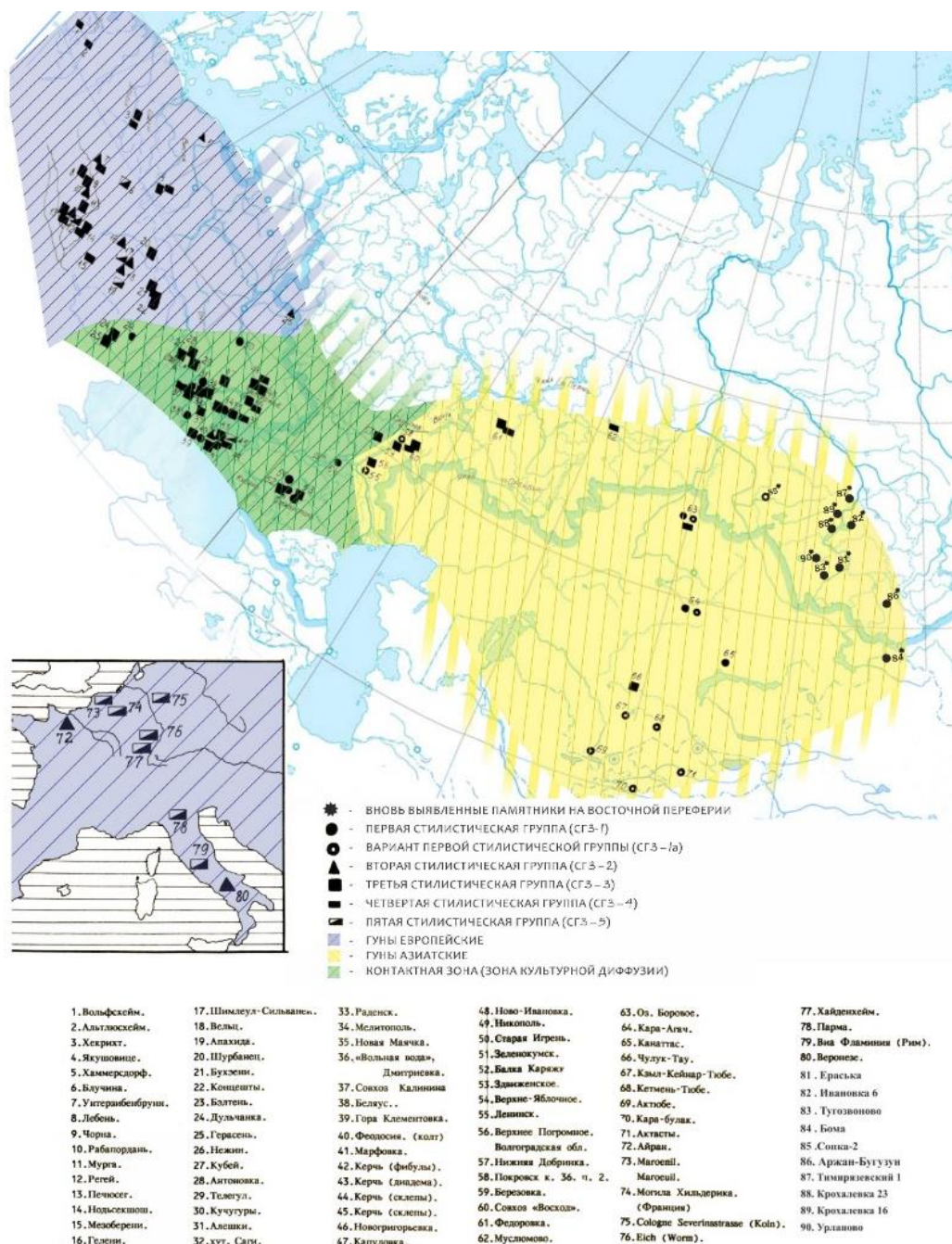

Рис. 1. Ареалы распространения изделий полихромного стиля различных стилистических групп (на основе [13])

Кроме изделий полихромного стиля, наметивших в общих чертах направление поиска (юго-запад–запад), в нашем распоряжении имеется еще один источник, который может пролить свет на этнокультурную принадлежность населения, оставившего интересные нас памятники, содержащие изделия полихромного стиля. Это погребальный обряд.

Рассматривая материалы гуннских погребений различных регионов, мы сталкиваемся с огромной вариативностью погребальной обрядности. Причем гунны, оставившие эти погребения, либо приспособивались под погребальную обрядность населения различных регионов, либо, учитывая их полиэтничность, собираемость названия гуннов, могли быть представителями местного населения.

Это предположение подтверждается археологическим материалом, анализ которого привел А.К. Амброза к идентичному выводу для северокавказских погребений [8. С. 41], а И.П. Засецкую – в отношении погребений южнорусских степей, соотносимых с гуннами [13. С. 12]. Мы наблюдаем подобные тенденции и на памятниках восточной периферии распространения полихромного стиля. При внимательном рассмотрении поминально-погребальных комплексов восточной периферии, в инвентаре которых присутствуют изделия полихромного стиля, их можно разделить на две основные группы.

Первую составляют погребения, в которых изделия полихромного стиля органически вписываются в комплекс инвентаря, представлены комплексно, в составе законченного изделия, а не единичными экземплярами, и образуют целостное единство. Эти изделия не имеют признаков вторичного использования, переделки и приспособления для их крепления не в составе целого комплексного изделия и используются по своему прямому назначению. Кроме того, эти погребально-поминальные комплексы по своему обряду отличаются от массового, типичного для конкретной археологической культуры региона обряда захоронения, вычлняясь из него по ряду признаков. В то же время они объединяются рядом схожих признаков погребального обряда. К этим погребально-поминальным комплексам относятся Тугозвово, Ераська, Сопка 2 (погребение № 688), Аржан-Бугузун и Бома.

Интересно, что погребальный обряд этих погребально-поминальных комплексов зависит от региона их местонахождения и приближен к существующему в среде основной массы населения, проживающего в этих регионах.

Так, погребально-поминальные комплексы Тугозвово, Ераська и Сопка 2 (погребение № 688) локализованы в регионах кулайско-фоминского культурного единства и хронологически совпадают с раннеединцовскими памятниками (памятниками сошниковского этапа единцовской культуры). В погребально-поминальной обрядности их объединяет ориентация преимущественно в восточном направлении, одиночная ингумация, бескурганное захоронение в грунтовых

ямах. Несмотря на некоторые общие черты, эти комплексы выделяются из общей массы такими особенностями, как захоронения вне могильного поля (одиночные), богатство инвентаря, глубокие могильные ямы, отсутствие в погребениях и рядом с ними керамических сосудов.

Это позволяет рассматривать характеризующие погребения как близкокультурные, но в то же время и культурноинородные. Вероятнее всего, подобное положение объясняется не только этнокультурными отличиями, а прежде всего особой статусной принадлежностью погребенных. То же можно сказать и о погребально-поминальном комплексе Аржан-Бугузун. Будучи слабо знакомым с китайскими материалами, по отношению к погребально-поминальному комплексу Бома сделаю лишь подобное предположение.

Вторую группу составляют погребения, совершенные по типичному для региона погребальному обряду. Изделия полихромного стиля представлены в них единичными экземплярами. Кроме того, ряд изделий имеет признаки их переделки для вторичного использования, т.е. они не представляют собой органичного комплекса. К этим комплексам относятся погребение курганного могильника Ивановка-6, кургана 35 Тимирязевского курганного могильника-1, кургана 6 курганного могильника Крохалевка 23 и могилы 2 кургана 1 курганного могильника Крохалевка-16.

Подобное положение позволяет выдвинуть гипотезу о принадлежности погребений первой группы собственно гуннам, датировав ее достаточно узким временем, а вторую группу погребений отнести к типичным погребениям культур локального региона, подвергшихся гуннскому влиянию. Вторичное использование полихромных изделий в этих погребениях, изъятие их из единого комплекса не позволяют рассматривать эти находки как четкий хронологический маркер. В этом случае они схожи с нумизматическими находками, которые в погребально-поминальных комплексах ввиду их достаточно длительного хождения способны определять лишь нижнюю хронологическую границу, оставляя верхнюю открытой.

Более того, данные погребения следует датировать более поздним временем, чем погребения первой группы, не исключая возможности того, что эти памятники, на которых зафиксирован явно местный погребальный обряд с местным вещевым комплексом, из которого вычлняются только единичные изделия, выполненные в полихромном стиле, являются погребениями наиболее влиятельных представителей местного социума, облеченных властными полномочиями и принадлежавших к высшей страте.

О погребениях первой группы можно говорить, что они оставлены, вероятнее всего, пришельцами, воспринявшими особенности элитной погребальной обрядности, характерной для гуннского мира в целом, в инокультурной среде после долгого в ней проживания, либо достаточно тесного и постоянного взаимодействия. Об этом свидетельствуют в двух случаях антропологический тип

погребенных, не свойственный местному населению (Тугозвоново и № 688), и во всех трех случаях – особенности погребальной обрядности (глубокие ямы, в двух случаях сопроводительное захоронение коня (Ераська и № 688), наличие полихрома в вещевом комплексе, богатство инвентаря (большое количество и разнообразие), отсутствие керамики), которые не позволяют соотносить эти погребения с местными погребальными традициями. Кроме того, обращает на себя внимание и не свойственная местному населению особенность – кольцевая деформация черепа, зафиксированная на черепках из Тугозвоново и погребения № 688 могильника Сопка 2, – во всех случаях наличия антропологического материала хорошей сохранности.

Публикация (спасибо С.В. Алкину за возможность ознакомления с китайскими материалами) по комплексу Бома не позволяет даже на предположительном уровне выдвинуть гипотезу о принадлежности этих погребений представителям местной элиты или пришельцам.

Редкость и изолированность подобных комплексов, отсутствие отдельных некрополей также являются отличительной чертой гуннских захоронений. Эта особенность позволяет предположить, что погребения принадлежали людям, имевшим особый, очень высокий статус и относящимся даже не к элите местного общества, а к элите общества, занимающего вышестоящее, управляющее положение по отношению к местному. Можно предположить, что это послы-координаторы, представители управляющей элиты гуннского общества, объединившего в своем составе многие территории, в том числе и лесостепного Алтая, Новосибирского и Томского Приобья.

Вероятнее всего, именно они были призваны ориентировать находящиеся под их влиянием социокультурные образования на достижение общих для всего гуннского объединения целей, а само понятие «гунн» обозначало не представителя конкретной этнокультурной группы, а именно представителя, призванного координировать усилия различных этнокультурных образований в составе огромного гуннского объединения. Отсюда и возникают непреодолимые до сих пор трудности в этнической, культурной, языковой и территориальной идентификации гуннов.

Понимая, насколько подвержены критике подобные гипотезы, позволю себе их опубликовать, надеясь, что это даст повод развитию познавательной активности, способствующей решению вопросов социальной реконструкции обществ в интереснейший период истории – период великого переселения народов, заложивший основы многих этнических групп современности.

Несмотря на огромную вариабельность погребального обряда, что было отмечено выше, можно выделить и признаки, объединяющие все рассматриваемые погребения, присущие лишь этой группе погребальных памятников и выделяющие их из общей массы памятников конкретных территорий.

Это одиночные погребения или маленькие кладбища из 2–4 могил, наличие изделий полихромного

стиля и обычай искусственной деформации черепов. Вероятнее всего, именно эти элементы погребальной обрядности как несвойственные местному населению регионов маркируют погребения «избранных». Кроме того, наличие изделий полихромного стиля гуннского типа в ряде других погребений с абсолютно местным погребальным обрядом позволяет нам отнести 10 рассматриваемых погребений к гуннско-европейскому кругу памятников и, учитывая наиболее восточные их координаты, определить восточные границы влияния европейской мультикультуры, наметив на Евразийском континенте границы двух крупнейших культурно-исторических провинций – европейской и азиатской. Наиболее восточной точкой находок изделий полихромного стиля гуннского типа можно считать координату порядка 89° в.д. (Аржан-Бугузун), зона контакта между европейской и азиатской мультикультурами, маркирующая преимущественное направление культурно-исторических связей, пролегает преимущественно в районе между 80 и 90° в.д. (рис. 2).

Более конкретную этнокультурную привязку азиатских гуннов находим в работе С.Г. Боталова. По его мнению, это хиониты и эфталиты, а в последующем – эфталиты [11. С. 59–60]. Еще более точную археологическую привязку части азиатских гуннов, мигрировавших на территорию лесостепного Алтая, называют А.А. Тишкин и В.В. Горбунов. Они считают, что мы имеем дело с носителями кенкольской археологической культуры [17. С. 72]. В.В. Горбунов в своей последующей работе уточняет культурные новации, привнесенные кенкольским компонентом [18. С. 94]. Этому не противоречат и антропологические определения, сделанные по черепам из Тугозвоново и Сопки 2 (№ 688).

На это же направление указывают и аналогии фибулы из Ивановки-6. Помимо приведенных в статье А.П. Бородовского аналогий из Актасты, Борового, Кетмень-Тюбе [19. С. 284], мы находим аналогии в Кызылкайнар тобе и Актобе [11. С. 77].

Очень интересно, что, по мнению С.Г. Боталова, этот регион позиционируется как территория раннетюркского культурогенеза [Там же. С. 61, 64]. Именно это обстоятельство послужило крайне интересному явлению: азиатские гунны, будучи сами в культурном отношении немного тюрками (пратюрками? прототюрками? предтюрками?), подготовили благоприятную почву для последующей тюркизации региона, о чем автором уже писалось ранее [20; 21. С. 130–136]. В дальнейшем подобное развитие событий было поддержано С.Г. Боталовым и В.С. Мосиным [22. С. 33–36].

Со временем позиция автора немного изменилась: стала более обширной, а следовательно, и более доказательной источниковая база, указывающая на доминирующий характер именно западногуннского (юго-западного) влияния на трансформацию фоминского этапа кулайской культуры в одинцовскую культуру, преобладание западного (юго-западного) направления связей в позднекулайскофоминский период [23]. Эта база более

проработана и более осмысленна. Признавая возможность связи гуннского культурогенеза с южными хунну автор уже не так категоричен в этом вопросе, считая, что наличие подобной связи требует более высокого уровня доказательств, чем гипотеза. Сам процесс пост-гуннского влияния более обширен, чем представлялся ранее, и если для достаточно локальной территории, каковой является Барнаульско-Бийское Приобье, его последствия более или менее известны, то к чему привели контакты аборигенного населения других регионов с представителями азиатских гуннов, пока трудно

сказать. Стало более ясным направление культурных связей и регион, с которым он связан. Наметились два суперрегиона культурного влияния – европейский и азиатский, или западный и восточный, границы которых не совпадают с географическими границами Европы и Азии и, кроме того, со временем изменяются в пространстве. Кроме того, проведенное исследование позволило более конкретно разграничить две зоны влияния гуннов – гуннов европейских и гуннов азиатских, чьи культура и история очень тесно взаимосвязаны.

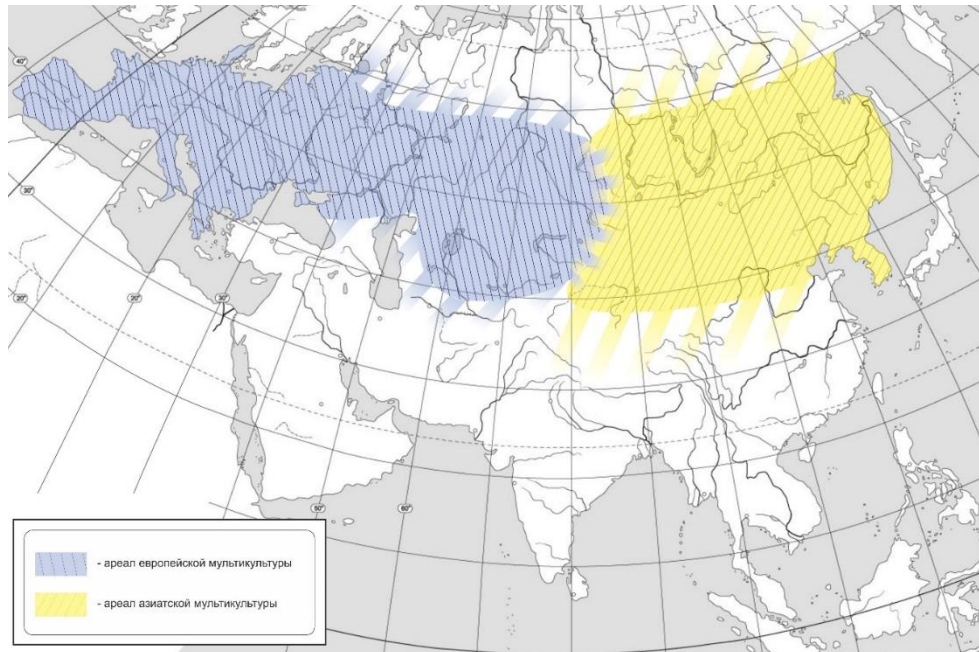

Рис. 2. Ареалы с преобладанием западных и восточных культурных связей во второй половине IV–V в.

Говоря о характере связей представителей управляющей верхушки общества азиатских гуннов, оставивших крайние восточные захоронения с полихромом, с населением конкретных территорий, необходимо отметить, что, будучи надолго оторванными от метрополии, они были вынуждены брать с собой пускай небольшие, но хорошо вооруженные и обученные отряды сопровождения, обеспечивающие их безопасность. Стремясь к более полному «вхождению» в культурную среду населения, которым необходимо управлять, пришельцы, пользуясь огромным, непререкаемым авторитетом, вынуждены были перенимать как вещевой комплекс аборигенного населения, так и некоторые элементы нематериальной культуры, например погребальной обрядности, оставляя нетронутой те ее стороны, которые подкрепляли их статусное положение.

Высокий социальный статус пришельцев способствовал тому, что многие элементы материальной культуры перенимались у них местным населением. Так, для территории лесостепного Алтая можно говорить, что именно благодаря контактам гуннов с представителями местного населения были запущены культурогенетические процессы, приведшие к трансформации фоминского этапа кулайской культуры в единцовскую

культуру с выделением переходного этапа – сошниковского. Обряд кремации был замещен обрядом ингумации, широкое распространение получил обычай искусственной деформации черепа, который ранее на этой территории не фиксируется, появляется, вероятнее всего, привнесенный пришельцами предтюрокский (или раннетюрокский? «первой миграционной волны»?) компонент – обряд сопроводительного захоронения коня.

Не абсолютизируя гуннского влияния, признавая участие и других культурных компонентов в формировании единцовской культуры, можно говорить, что именно юго-западногуннский компонент являлся доминирующим.

В целом культурно-исторический облик региона изменился несильно. Мы не наблюдаем резкой смены культуруобразующих признаков, которые на этой территории развивались эволюционным путем на протяжении всего первого тысячелетия и даже начала второго, о чем красноречиво свидетельствует непрерывное эволюционное развитие керамического комплекса от кулайско-фоминского к единцовскому и далее к басандайско-сросткинскому, и погребальных традиций. Однако гуннское влияние в дальнейшем повлекло за собой и радикальные изменения культурного облика

региона, связанного с его последующей тюркизацией, что значительно стимулировало процессы культурогенеза сросткинской культуры на территории лесостепного Алтая.

Уже сейчас на имеющемся материале можно предположить путь миграции представителей азиатских гуннов на территорию лесостепного Алтая. Этот миграционный коридор маркируют такие памятники, как курганный могильник Усть-Пустынка, где исследовано погребение человека с кольцевой деформацией черепа [24], находка гуннского котла на Поликарповой гриве близ с. Черная Курья Мамонтовского района [25], погребение на р. Чарыш близ с. Тугозвново [6], погребение

на р. Ераська около Барнаула [26, 27], комплекс погребений на разных памятниках Ближние Елбаны, где встречены погребения с кольцевой деформацией черепа [28].

Таким образом, прослеживается миграционный коридор, проходящий по долинам рек Чарыш, Барнаулка и Касмала. Вероятнее всего, это направление представителями азиатских гуннов было выбрано неслучайно, оно проходило по знакомой им экологической нише степей-лесостепей, вдоль крупных водных артерий – рек Чарыш, Барнаулка и Касмала (рис. 3). В дальнейшем распространение культурного влияния этой группы населения происходило по долине р. Оби как в северном, так и в южном направлении.

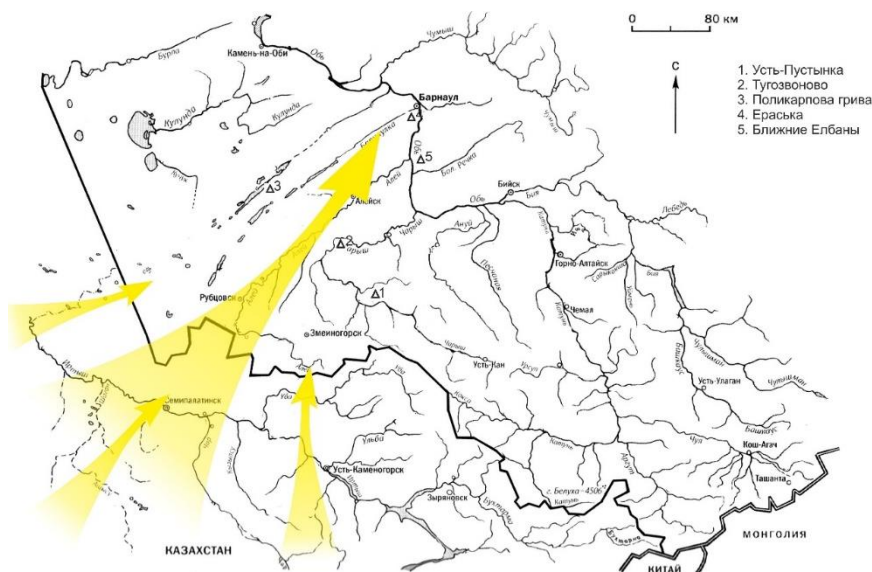

Рис. 3. Направление и маршрут миграции азиатских гуннов в эпоху великого переселения народов

Абстрагируясь от конкретных исторических процессов в конкретных регионах, можно определить с контактной зоной, восточной границей распространения европейской ментальности, преобладающих культурных связей, заимствованные элементы которых влияют на культурогенетические процессы двух огромных суперрегионов. Эту границу маркируют рассматриваемые нами памятники. Не отвергая возможности находок полихромного стиля гуннского типа в более восточных областях, на сегодняшний день накопленный фонд археологических источников позволяет провести границу западного влияния именно по предложенному варианту.

Мы видим две крупнейших культурно-исторических провинции – европейскую и азиатскую, и можем провести зону их контакта в эпоху великого переселения народов. Восточнее мы наблюдаем зону культурных доминант, имеющих свои корни в культуре северных и южных хунну. Подобное разграничение надолго определило культурное своеобразие двух огромных регионов Европы и Западной Сибири – Восточной Сибири и Дальнего Востока. Этот тезис подтверждается и другими археологическими маркерами, к которым можно отнести находки предметов «древнеримского импорта» [29].

Кроме этого в пользу предложенной гипотезы говорят и находка гуннского котла на Поликарповой гриве

у с. Черная Курья Мамонтовского района Алтайского края [25], и погребения с искусственной кольцевой деформацией черепа, связываемой исследователями со среднеазиатскими традициями (Тугозвново, Сопка 2, Усть-Пустынка, БЕ и т.д.) [30]. О юго-западных–западных направлениях связей свидетельствуют панцирные пластины с фигурным краем [31], кольчатые псалии и др. Каждая из вышеперечисленных категорий требует самостоятельного исследования.

Таким образом, можно с большой долей вероятности утверждать, что на материалах эпохи великого переселения народов прослеживается наличие двух крупных мультикультурных суперрегионов – Европейского и Азиатского, Европы и Азии как самостоятельных мультикультурных провинций, внутри которых и происходит подавляющее большинство культурных контактов, приводящих в действие механизмы культурогенеза, в результате которых образуются новые этнокультурные образования. Контакты запад–восток, Европа–Азия крайне затруднены, так как они не воспринимаются как «свои–свои», а воспринимаются как «свои–чужие». Это происходит на уровне ментального осознания целостной мультикультурной среды, внутри которой и происходят основные процессы культурного обмена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плетнева С.А. Введение // Археология СССР / Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981. С. 5–8.
2. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 255 с.
3. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Наука, 1979. 125 с.
4. Казаков А.А., Казакова О.М. О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии // Известия Алтайского государственного университета (исторические науки и археология). 2016. № 4 (92). С. 238–243.
5. Илюшин А.М. Верхнеобская этнокультурная общность (по материалам из Кузнецкой котловины) // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск : Том. гос. ун-т, 1993. С. 74–77.
6. Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
7. Казаков А.А. О восточной границе распространения изделий полихромного стиля // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 1 (45). С. 83–92.
8. Амброз А.К. Хронология древности Северного Кавказа 5–7 вв. М. : Наука, 1989. 134 с.
9. Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников Южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (постановка вопроса) // Советская археология. 1971. № 1. С. 53–71.
10. Крадин Н.Н., Кан Ин Ук. Современные исследования по археологии хунну в Евразии // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов : сб. науч. тр. / гл. ред. С.Г. Боталов, отв. ред. Н. Н. Крадин, И. Э. Любчанский. Челябинск : Изд. центр ЮурГУ, 2013. С. 11–30.
11. Боталов С.Г. О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов : сб. науч. тр. / гл. ред. С. Г. Боталов, отв. ред. Н. Н. Крадин, И. Э. Любчанский. Челябинск : Изд. центр ЮурГУ, 2013. С. 31–87.
12. Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи : По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа. Л. : Аврора, 1975. 80 с.
13. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец 4–5 вв.). СПб., 1994. 224 с.
14. Казаков М.М. Лекция 8: Возникновение христианства и его ранняя история. URL: <http://mmkaz.narod.ru/religions/index.htm>
15. Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. СПб. : Журнал «Нева» ; Летний Сад, 2000. 464 с.
16. Бажан И.А., Щукин М.Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазанне эпохи великого переселения народов // Археологический сборник / Б.Б. под ред. Пиотровского. Л. : Искусство, Ленингр. отд-ние, 1990. № 30. С. 83–96.
17. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Средневековые воины Алтая // Природа. 2002. № 9.
18. Горбунов В.В. Этнокультурная ситуация на территории лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии : сб. науч. тр. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 92–95.
19. Бородовский А.П. Древнее серебро в Сибири (обзор проблематики) // Древности Алтая : межвуз. сб. науч. тр. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2003. № 11. С. 44–58.
20. Казаков А.А. Одиновская культура Барнаульско-Бийского Приобья : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Барнаул, 1996. 297 с.
21. Казаков А.А. Одиновская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2014. 152 с.
22. Боталов С.Г., Мосин В.С. Урало-Сибирская лесостепь в древности и средневековье (к осмыслению праурто-самодийского единства) // Финно-Угрика. 2007. № 10. С. 10–72.
23. Ширинов Ю.В. Истоки орнаментального стиля фоминской торевтики // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии : сб. науч. тр. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул : Азбука, 2010. С. 165–169.
24. Алехин Ю.П., Гельмелъ Ю.И. Курган гунно-сарматского времени у с. Усть-Пустынка Краснощековского района // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 94–95.
25. Иванов Г.Е. Алтайская деревня на перекрестках истории: летопись Мамонтовского района. Барнаул, 2016. 500 с.
26. Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.
27. Казаков А.А. Изделия полихромного стиля из погребения на р. Ераська // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 106–114.
28. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. –Л., 1956. № 48. 256 с.
29. Бородовский А.П. К вопросу о позднеиримском «импорте» и его репликах на территории Верхней Оби // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 134–139.
30. Тур С.С. К вопросу о происхождении и функциях обычной кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул : Изд-во АГУ, 1996. С. 237–249.
31. Кубарев Г.В. Защитный доспех с фигурными пластинами (происхождение, распространение и конструктивные особенности) // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск : Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 103–120.

Kazakov Alexander A. Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Barnaul, Russia)

ON THE BORDER OF CIVILIZATION-MENTALITY ZONES IN GREAT MIGRATION PERIOD BY ARCHAEOLOGICAL SOURCES

Keywords: Huns; habitat; Early Middle Ages; cultural genesis; Europe; Asia.

This article is aimed at identifying the eastern border of polychrome style objects that have been culture indicators demarcating the influence area of the Hunnic cultures after receiving new materials from 9 burial complexes in the Western Siberia and Northern China during recent 50 years (Tugozvonovo, Eras'ka, Sopka 2 (tomb № 688), Ivanovka 6, Timeryazevskii kurgan burial 1, Krokhalievka 23, Krokhalievka 16, Arzhan-Buguzun, Boma). Analysis of burial-memorial complexes, containing polychrome style objects, helped to identify both the burials of cultures from other regions, that is belonging to the Huns and the burials representing local cultural traditions. The Hunnic burial-memorial complexes belonging to a different culture were a source of cultural innovations and transformations, which in their turn led to a change in the culture of the vast region. The distinctive features of those burial-memorial complexes, different from local burial grounds, are the following: large depths of the ground grave pits, ring deformation of the skulls, a number of polychrome style objects, and single graves. Polychrome style objects marking the eastern border of their distribution are similar in their stylistic peculiarities. Identification of geographical coordinates of the burial-memorial complexes with polychrome style objects, led to draw the eastern boundary of their distribution, which is in the area between 80 and 90 degrees East longitude. The most easterly is burial-memorial complex Arzhan-Buguzun, located at 89 degrees East longitude. The eastern border of the polychrome style objects distribution has made it possible to put forward a hypothesis about the inclusion of the Western Siberia archaeological cultures in the early Middle Ages in the range of cultures belonging to the Hunnic cultural unity characterized by prevailing West direction of cultural contacts, and draw a border with the cultures of predominantly eastern direction of cultural ties. It leads to dividing the Eurasian continent into two largest multicultural super-regions - Europe and Asia, and it must be noted that their geographical boundaries do not coincide with the cultural boundaries, which are constantly

changing in space over time. Such inclusion of huge territories (of Western Siberia) in global historical processes of the Great Migration Period allows to take a fresh look at the early Middle Ages period of the region, the history of which is closely connected with the turbulent historical events of that most interesting period of the world history, when the basis for most modern ethnicities was laid.

REFERENCES

- Pletneva, S.A. (1981) *Vvedenie. Arkheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Introduction. Archeology of the USSR. Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow: Nauka.
- Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza* [Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age]. Tomsk: Tomsk State University.
- Troitskaya, T.N. (1979) *Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [Kulay culture in Novosibirsk Ob Oblast]. Novosibirsk: Nauka.
- Kazakov, A.A. & Kazakova, O.M. (2016) On Centers of Culture Genesis in the South of Western Siberia in the First Millennium A.D. *Izvestiya Altayskogo Gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4(92). pp. 238–243. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2016)4-40
- Ilyushin, A.M. (1993) Verkhneobskaya etnokul'turnaya obshchnost' (po materialam iz Kuznetskoy kotloviny) [Verkhneobskaya ethnocultural community (a case study of the Kuznetsk basin)]. In: Pletneva, L.M. (ed.) *Kul'turogeneticheskie protsessy v Zapadnoy Sibiri*. Tomsk: Tomsk State University. p. 74–77.
- Umanskiy, A.P. (1978) Pogrebenie epokhi “velikogo pereseleniya narodov” na Charyshe [Burial referring to the “Great Migration of Peoples” in Charysh]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient Cultures of Altai and West Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 129–163.
- Kazakov, A.A. (2017) On Eastern border of polichrome style objects spreading. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(45) Tomsk: Tomsk State university. pp. 83 — 92. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/45/13
- Ambroz, A.K. (1989) *Khronologiya drevnosti Severnogo Kavkaza 5 — 7 vv* [Chronology of the Antiquity of the North Caucasus, the 5th – 7th centuries]. Moscow: Nauka.
- Zasetskaya, I.P. (1971) O khronologii i kul'turnoy prinadlezhnosti pamyatnikov Yuzhnorusskikh stepey i Kazakhstana gunnskoy epokhi (postanovka voprosa) [On the chronology and cultural affiliation of monuments of the South Russian steppes and Kazakhstan of the Hunnic era (on the question)]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 53–71.
- Kradin, N.N. & Kan, In Uk. (2013) Sovremennyye issledovaniya po arkheologii khunnu v Evrazii [Modern research on the archeology of the Hun in Eurasia]. In: Botalov, S.G. (ed.) *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov* [The Hun Forum. Problems of origin and identification of the culture of the Eurasian Huns: Collection of scientific treatises]. Chelyabinsk: South Urals State University. pp. 11–30.
- Botalov, S.G. (2013) O gunnakh evropeyskikh i gunnakh aziatskikh [About the European and Asian Huns]. In: Botalov, S.G. (ed.) *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov* [The Hun Forum. Problems of origin and identification of the culture of the Eurasian Huns: Collection of scientific treatises]. Chelyabinsk: South Urals State University. pp. 31–87.
- Zasetskaya, I.P. (1975) *Zolotyie ukrasheniya gunnskoy epokhi. Po materialam Osoboy kladovoy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Gold jewelry of the Hunnic era. On the materials from the Hermitage's Special Pantry]. Leningrad: Avroara.
- Zasetskaya, I.P. (1994) *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets 4–5 vv.)* [Culture of nomads of the South Russian steppes in the Hunnic era (the late 4th – 5th centuries)]. St. Petersburg: Ellipse LTD.
- Kazakov, M.M. (n.d.) *Lektsiya 8. Vozniknovenie khristianstva i ego rannyyaya istoriya* [Lecture 8. Chritianity and its early history]. [Online] Available from: <http://mmkaz.narod.ru/religions/index.htm>.
- Korostovtsev, M.A. (2000) *Religiya Drevnego Egipta* [Religion of Ancient Egypt]. St. Petersburg: Neva, Letii Sad.
- Bazhan, I.A. & Shchukin, M.B. (1990) K voprosu o vozniknovenii polikhromnogo stilya kluzanne epokhi velikogo pereseleniya narodov [On the emergence of the polychromic style of the cloisan during the Great Migration of Peoples]. In: Piotrovskiy, B.B. (ed.) *Arkheologicheskiy sbornik* [Archaeological Collection]. Leningrad: Iskusstvo. pp. 83–96.
- Tishkin, A.A. & Gorbunov, V.V. (2002) *Srednevekovyye voyny Altaya* [Medieval warriors of Altai]. *Priroda*. 9.
- Gorbunov, V.V. (2004) Etnokul'turnaya situatsiya na territorii lesostepnogo Altaya v epokhu “velikogo pereseleniya narodov” [Ethnocultural situation in the territory of the forest-steppe Altai in the era of the “Great Migration of Peoples”]. In: Kiyushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (eds.) *Kompleksnyie issledovaniya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii* [Comprehensive studies of ancient and traditional societies of Eurasia]. Barnaul: Altai State University. pp. 92–95.
- Borodovskiy, A.P. (2003) Drevnee srebro v Sibiri (obzor problematiki) [Ancient silver in Siberia (a review of the problematics)]. *Drevnosti Altaya*. 11. pp. 44–58.
- Kazakov, A.A. (1996) *Odintsovskaya kul'tura Barnaul'sko-Biyskogo Priob'ya* [The Odintsovo culture of the Barnaul-Biysk Ob area]. Archeology Cand. Diss. Thesis. Barnaul.
- Kazakov, A.A. (2014) *Odintsovskaya kul'tura Barnaul'sko-Biyskogo Priob'ya* [The Odintsovo culture of the Barnaul-Biysk Ob area]. Archeology Cand. Diss. Thesis. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
- Botalov, S.G. & Mosin, V.S. (2007) Uralo-Sibirskaya lesostep' v drevnosti i srednevekov'e (k osmysleniyu praugro-samodiyskogo edinstva) [Ural-Siberian forest-steppe in Old and Middle Ages (on the Praugro-Samoyedic unity)]. *Finno-Ugrika – Fenno Ugrica*. 10. pp. 10–72.
- Shirin, Yu.V. (2010) Istoki ornamental'nogo stilya fominskoy torevitki [The origins of the ornamental style of Fominsk toretics]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Torevika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii* [Toretics in ancient and medieval cultures of Eurasia]. Barnaul: Azbuka. pp. 165–169.
- Alekhin, Yu.P. & Gelmel, Yu.I. (1991) Kurgan gunno-sarmatskogo vremeni u s. Ust'-Pustynka Krasnoshchekovskogo rayona [Mound of the Hunno-Sarmatian time near Ust'-Pustynka of Krasnoshchekovskiy district]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Okhrana i issledovanie arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya* [Protection and research of archaeological monuments of Altai]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 94–95.
- Ivanov, G.E. (2016) *Altayskaya derevnya na perekrestkakh istorii: letopis' Mamontovskogo rayona* [Altai village at the crossroads of history: the chronicle of Mamontovsky district]. Barnaul: AZBUKA.
- Egorov, Ya.V. (1993) Novoe issledovanie pogrebeniya voyna epokhi velikogo pereseleniya narodov na Altae [A new study of the war burial referring to The Great Migration of Peoples in the Altai]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri* [Culture of the Ancient Peoples of Southern Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 77–80.
- Kazakov, A.A. (2016) Polychrome style objects from the burial site on the Eras'ka river. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 106–114. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/15
- Gryaznov, M.P. (1956) *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka* [The history of the ancient tribes of the Upper Ob River in excavations near Bolshaya Rechka]. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Borodovskiy, A.P. (2016) On the Late Roman “Import” and Its Replicas on the Territory of the Upper Ob Region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(42). Pp. 134–139. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/24
- Tur, S.S. (1996) K voprosu o proiskhozhdenii i funktsiyakh obychaya kol'tsevoy deformatsii golovy [On the origin and functions of the custom of ring head deformation]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri*. Barnaul: Altai State University. pp. 237–249.
- Kubarev, G.V. (2007) Zashchitnyy dospekh s figurnymi plastinami (proiskhozhdenie, rasprostranenie i konstruktivnye osobennosti) [Protective armor with figured plates (origin, distribution and design features)]. *Altai-Sayanskaya gomayaya strana i sosednie territorii v drevnosti* [Altai-Sayan highland and neighboring territories in the Old Times]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 103–120.

УДК 39

DOI: 10.17223/19988613/55/19

С.Ю. Колесникова, В.М. Кулемзин

КАЛЕНДАРИ ОБЩЕСТВ С РАЗНЫМИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

Рассматриваются традиционные календари обществ с разными экономическими системами. Описываются характерные особенности формирования календарей в обществах различных хозяйственно-культурных типов: собирателей, охотников и рыболовов, мотыжного, а также плужного земледелия.

Ключевые слова: культура; хозяйственный уклад; традиционный календарь; сравнительный анализ.

Календарь как один из элементов культуры является значимым показателем и источником изучения мировоззрения того или иного народа. Неудивительно, что рассмотрению календарей разных обществ посвящено большое количество научных работ. В трудах философов, историков, этнографов, лингвистов и ученых других научных направлений представлено многоплановое исследование календарей. В частности, в ряде работ рассматривались особенности календарей конкретных народов, в некоторых работах проводился типологический анализ разных календарей многих обществ. Авторы анализировали способы презентации календарей (металлические, деревянные, каменные, устные и пр.), отдельные исследователи предпринимали попытки дать классификацию календарных систем и пр. Представить обобщенную целостную картину календарных систем народов мира трудно (по разным причинам). В данной статье предлагается краткий обзор и анализ традиционных календарей обществ с разными экономическими системами. Целью работы является выявление основных особенностей формирования традиционных календарей.

Предлагаемый анализ календарей базируется на известной классификации обществ по хозяйственно-культурным типам (ХКТ). Согласно этой классификации выделяются три основных группы, отличающихся друг от друга все более и более высокой производительностью труда: 1-я группа – общества с преобладающей экономической ролью охоты, собирательства и отчасти рыболовства (так называемая культура охотников, собирателей, рыболовов); 2-я группа – общества с преобладанием мотыжного (ручного) земледелия и животноводства (культура ранних земледельцев и скотоводов); 3-я группа – ХКТ плужного (пашенного) земледелия с использованием тягловой силы домашних животных [1. С. 177–221].

Авторами данной статьи в ряде работ уже было проведено исследование традиционных устных календарей обществ, проживавших в разных природно-климатических зонах, основанное на упомянутой выше классификации [2–4]. Авторы более детально исследовали календари обществ 1-го и 2-го ХКТ. В качестве основных выводов исследования были выявлены некоторые

закономерности формирования традиционных устных календарей упомянутых обществ.

Календарь обществ с 1-м ХКТ. 1. У охотников, собирателей, рыболовов не было и не могло быть понятий «год», «месяц». 2. У охотников, собирателей, рыболовов не могло быть понятий «лунный», «солнечный» календарь. 3. Календарь охотников, собирателей, рыболовов представляет собой совокупность временных отрезков – микросезонов – без четко зафиксированных начала, продолжительности и окончания. Их количество 12–13. 4. Причины возникновения календаря и мотивация для формирования тех или иных микросезонов основана в большинстве случаев на хозяйственной деятельности этносов. 5. Названия микросезонов представляют собой в основном обозначения фрагментов хозяйственной деятельности членов обществ и природно-климатических факторов, типичных для территории проживания этноса.

Календарь обществ со 2-м ХКТ. 1. Понятия о месяце и годе (вероятно, солнечных) у ранних земледельцев и скотоводов могло быть. 2. У ранних земледельцев и скотоводов могли быть понятия «лунный», «солнечный» календарь. 3. Календарь представлял собой совокупность месяцев с фиксированными продолжительностью, началом и окончанием. Их количество 12–13. 4. Причины возникновения календаря и мотивация для формирования тех или иных месяцев основана в большинстве случаев на хозяйственной деятельности этносов. 5. Названия месяцев представляют собой в основном обозначения фрагментов хозяйственной деятельности членов обществ и природно-климатических факторов, типичных для территории проживания этноса. Видно, что в формировании календарей обществ 1-го и 2-го ХКТ присутствуют как общие черты, так и принципиальные различия (пп. 1–3).

В данной статье в качестве продолжения сравнительного исследования рассмотрим особенности формирования календарей некоторых наиболее исследованных обществ 3-го ХКТ, в которых ведущее место занимают пашенное земледелие и скотоводство. К ним можно причислить календари древних цивилизаций Египта, Месопотамии, Греции, доколумбовой Америки, Китая, Юго-Восточной Азии, Индии.

1. *Древний Египет*. В ходе своей истории Египет использовал несколько видов календарей. Возможно, на заре своего существования Египет имел лунный календарь. Лунный месяц начинался утром, когда убывающая луна становилась невидимой. Соответственно, календарные дни начинались в Египте с восходом солнца. Лунные месяцы имели длину 29 или 30 дней, но последовательность «полных» и «пустых» месяцев находилась в весьма сложной зависимости от движений Солнца и Луны [5. С. 794]. Многие религиозные праздники по своей природе ассоциировались с фазами Луны и поэтому были зафиксированы в лунном календаре.

Около IV тысячелетия до н.э. Египет как сельскохозяйственное государство не мог удовлетвориться простым лунным годом. Деятельность его жителей очень сильно зависела от Нила, от разлива вод и их убывания. Важность этого факта привела к пониманию, что год должен начинаться с лунным месяцем, соответствующим началу половодья. Но начало разлива вод очень непостоянно (с начала мая до начала июня, иногда «разброс» составлял около двух месяцев). Как следствие, древние египтяне попытались найти более точную основу для фиксации длины лунного года, для чего стала использоваться звезда Сириус. Однако хотя календарь, основанный на разливе Нила и появлении Сириуса, удовлетворял потребностям земледельческой и религиозной деятельности, он был недостаточен для административного руководства. Поэтому позже, приблизительно в III тысячелетии до н.э., в Египте был изобретен гражданский календарь [6. С. 229].

Гражданский календарь Древнего Египта – солнечный календарь. Он использовался в основном в административной и хозяйственной жизни Египта, так как из-за непредсказуемости вставок в лунном календаре по нему часто невозможно было указать заранее дату какого-либо будущего события. Сначала продолжительность года была установлена в 360 дней. Год делился на 12 месяцев по 30 дней, месяц – на три большие недели по 10 дней или 6 малых недель по 5 дней. Греки называли их соответственно *декадами* и пентадами. В дальнейшем продолжительность года была уточнена. В конце года стали добавляться пять дополнительных дней, которые считались праздниками богов, т.е. было осуществлено «усреднение» серии лунных и сельскохозяйственных лет. Гражданский календарь был универсальным для всего государства, несмотря на существование религиозного лунного календаря, основанного на простом наблюдении.

Самым древним из египетских календарей, о которых есть более или менее достоверные данные, является календарь XVIII Династии (1500 г. до н.э.). Он имел три компонента: а) примитивный сезонный календарь, основанный на годовом половодье Нила и падении уровня воды в нем; б) сложная система магических ритуалов, способствующих тому, чтобы гарантировать ежедневное возвращение солнца из подземного мира и появление богатых вод Нила в нужный сезон; в) четко

структурированный календарь праздников, не имевший прямого астрономического значения, но основанный на системе счета дней [5. С. 121].

2. *Древняя Месопотамия*. Как и в Древнем Египте, сельскохозяйственный характер цивилизации на определенном этапе обуславливал преимущественную важность сезонов солнечного года. Соответственно, появились попытки соотносить лунные месяцы более или менее точно с сельскохозяйственными сезонами. Это привело к добавлению, когда это было необходимо, 13-го месяца к обычному 12-месячному календарю. На протяжении многих веков эти вставки (интеркаляции) осуществлялись произвольным способом в зависимости от сельскохозяйственной ситуации. При этом города, удаленные друг от друга на небольшие расстояния, могли иметь совершенные различные способы добавления 13-го месяца. Всякий раз, когда того требовали нужды хозяйственной деятельности, использовались исключительно формальные гражданские месяцы с фиксированной длиной в 30 дней, а не реальные лунные месяцы.

Одним из государств, в котором уже примерно в III тысячелетии до н.э. удалось при счете времени разработать относительно четкий лунно-солнечный календарь, был Древний Вавилон – одно из могущественных государств Древней Месопотамии. Древнеавилонский календарный год состоял из 12 месяцев, названия которых в основном были связаны с особенностями быта древних вавилонян. Например, в названии месяца «Нисану» имеется корень, значение которого «двигаться», «Айру» значит «яркий», «Абу» – «враждебный», «Шабату» – «Разрушение» (дождями и ливнями) и т.д. Добавочные месяцы в календарь вставлялись по распоряжению властей. Сам месяц начинался в тот вечер, когда впервые вскоре после захода Солнца на небе был виден новый серп Луны. Поэтому и сутки в Древнем Вавилоне начинались с вечера [7. С. 170–171].

Другие жители Древней Месопотамии, шумеры, изначально имели лунный календарь [8. С. 226]. В основе отсчета времени лежали наблюдения за фазами Луны, месяц начинался вечером с появлением полумесяца, календарный день начинался с заходом солнца. Лунный календарь служил для нужд сельскохозяйственной деятельности и определения религиозных праздников. Названия месяцев соответствовали видам деятельности, праздникам или именам богов. Впоследствии шумеры, как и египтяне, приблизительно в 2500 г. до н.э. стали пользоваться лунно-солнечным календарем с определенными, хотя и неизвестными нам, правилами вставки 13-го месяца. Этот календарь применялся для урегулирования ведения финансовых и других видов деятельности.

3. *Древняя Греция*. Изначально календарь Древней Греции был довольно примитивным, в нем распознавались отрезки дня, дни считались рассветами [9. С. 362–363]. Были известны четыре сезона, а также определенные фазы звезд и солнцестояние. Древние греки знали лунные месяцы, но никак их не называли. Однако, как

в Египте и в других государствах, усложняющееся хозяйство требовало новых приемов и способов счета времени.

Для своевременного проведения земледельческих работ греки согласовывали свою жизнь со сменой времен года, с видимым годичным движением Солнца по небу [7. С. 174]. Приблизительно в IX в. до н.э. древние греки знали, как в ритме со сменой сезонов изменяется вид звездного неба. Эту ежегодно повторяющуюся смену видимости звезд они и использовали в быту как своеобразный солнечный календарь. Сутки у древних греков начинались с заката Солнца и состояли из ночи и следующего за ней дня. День они делили на пять частей («рано», «перед полуднем», «полдень», «пополуденное время», «вечер»). На протяжении суток греками использовались специальные приборы для измерения времени – *гномон* (солнечные часы) и *скафис* (солнечные часы в виде чаши-полусферы).

Приблизительно в I в. до н.э. в своей деловой и общественной жизни греки пользовались лунно-солнечными календарями. Календарный год при данной системе состоял из 12 месяцев. Названия месяцев этих календарей происходили обычно от названий празднеств, отмечавшихся в соответствующем месяце. По некоторым данным, первоначально древние греки начинали свой год с зимнего солнцестояния. Потом начало года было перенесено на летнее солнцестояние. Дни месяца древнегреческого календаря делились на три декады. Первые 10 дней просто считались – с первого по десятый, 9 следующих назывались «первым», «вторым» и так далее с прибавлением слов «после десяти», остальные дни считались в обратном порядке «девятый от конца месяца», «восьмой от конца месяца» и т.д. Примечательно, что древние греки в каждый день месяца чувствовали одного или нескольких богов, которым был посвящен этот день.

4. Доколумбовая Америка. В глубокой древности (к концу I тысячелетия до н.э.) на Американском континенте, на территории Мезоамерики (ориентировочно Центральная и Южная Мексика, Гватемала, Белиз, западные районы Сальвадора и Гондураса) и в Андах (Боливия, Перу) возникли совершенно уникальные раннеклассовые цивилизации майя, сапотеков, кечуа, инков и др., достигшие высокого уровня культуры. Но ни у одного из народов древней Америки не обнаружено таких высокоразвитых календаря и системы времяисчисления, как у древних майя классического периода (начало нашей эры – IX в. н.э.) [10. С. 136]. Практические нужды сельского хозяйства вызвали к жизни точный календарь, который стал в руках жречества могучим орудием идеологического воздействия на массы. Точное летосчисление, возникшее сначала из календарных потребностей, позже было связано с чисто религиозными учениями о смене богов, управляющих Вселенной, и с культом правителя города-государства.

Во всех майяских системах календаря основной единицей является день («к'ин»). О делениях дня на какие-то части (часы, минуты) у майя мы ничего не знаем.

Вероятно, день начинался в момент солнечного заката или восхода. Весь календарь майя представлял собой сложный механизм из циклов различных размеров. Основной его был период в 260 дней, состоявший из комбинации «недельного» цикла (13 дней) и «месячного» (20 дней). 20-дневный месяц является, по-видимому, промежутком времени от посева до прополки посевов [7. С. 234]. Каждый день месяца имел свое название, напоминающее о самом важном в это время. Как полагают исследователи культуры майя, 260-дневный период вначале был промежутком времени от посева до сбора урожая. Последовательность восемнадцати 20-дневных месяцев составляла 360-дневный год, к концу которого добавляли 5 дней, носивших название «дней без имени». 260-дневный период имел распространение по всей Мезоамерике и, очевидно, был тем зерном, из которого выросли все остальные календарные системы. Происхождение его неясно, но, вероятнее всего, его истоки надо искать в сельскохозяйственной деятельности древних обитателей Мезоамерики. Таким образом, майя использовали одновременно три разных года – год продолжительностью в 260 дней («цолькин»), год в 360 дней («тун»), год в 365 дней («хааб»).

Кроме этих основных циклов майя использовали и ряд других, самого разнообразного характера. Среди них можно назвать прежде всего 52-летний цикл (вечный календарь майя, календарный круг), а также 9-дневную неделю, цикл в 819 дней, 17-дневную неделю богов земли, цикл планеты Венера, лунный цикл. Важное значение имел «долгий счет» (летосчисление по эре, происхождение которого не совсем ясно), который мыслился у майя также циклически (после завершения 13 больших циклов отсчет начинался заново, период составлял 347 000 лет) [10. С. 139].

Что касается других высокоразвитых государств Мезоамерики, то в основе их календарных систем в основном лежали, как и у майя, два основных календаря – 260-дневный (часто называемый в зарубежной литературе ритуальным, служащий для религиозных целей, предсказания будущего и пр.) и 365-дневный (так называемый годовой, предназначенный как для религиозных, так и для практических сельскохозяйственных целей) [11. С. 255–257]. У ацтеков кроме этих двух основных применялся широко и 52-летний цикл.

5. Древний Китай. Народы Китая уже в глубокой древности вели счет дням по сменам фаз Луны. Но их ежедневные потребности, весь уклад их жизни, земледельческий цикл работ вынуждали как можно тщательнее определять наступление тех или иных годичных сезонов, совершенствовать календарь. Древнекитайские астрономы установили продолжительность синодического месяца в 29,5 дня и солнечного года в 366 дней. Издревле в Китае было принято делить месяц на три декады. Порядковые обозначения дней декады назывались «десять небесных ветвей» Для обозначения месяцев года использовались 12 символов («12 земных

ветвей»), которые соответствовали названиям созвездий и названиям животных [7. С. 194].

Рядом с календарями, в которых как число месяцев в году, так и количество дней в месяце были различными, в Древнем Китае примерно с XXVI в. до н.э. существовал счет времени по циклам, где каждый цикл состоял из 60 лет. Фактически 60-летний китайский циклический календарь является лунно-солнечным. Число 60 является результатом умножения двух характерных чисел – 5 и 12. Число 5 символизирует пять стихий (вода, огонь, металл, дерево, земля), число 12 соответствует промежутку времени, на протяжении которого «царственная» планета Юпитер проходит через 12 созвездий. Составными элементами 60-летнего цикла являлись десятичный цикл «небесных ветвей» и двенадцатеричный цикл «земных ветвей».

Одна из особенностей формирования китайских календарных систем состояла в том, что почти каждый император стремился провести реформу старого календаря и сформировать свой собственный календарь (что не всегда приводило к улучшению способа времяисчисления). Например, по мнению Е.Р. Лича, на определенном этапе в Древнем Китае существовали два календаря – один для крестьян, основанный на сезонах, другой для писарей, он представлял собой систему чисел [5. С. 121]. Таким образом, систем счета времени в Древнем Китае было много, и здесь продемонстрированы лишь некоторые.

6. *Юго-Восточная Азия. Вьетнам.* Некогда у жителей Вьетнама – вьетов – существовал календарь, основанный на лунных периодах, также использовался лунно-солнечный древнекитайский календарь. Широко распространена традиция исчисления времени по циклам: десятичному (ему соответствуют планеты) и двенадцатеричному, состоящему из «земных ветвей», отождествленных с названиями 12 животных. Существовала также практика определения событий по династиям [12. С. 34–37].

Бали. У балийцев зафиксированы три календаря, принадлежащие по своему происхождению к трем разным культурам: балийский, индо-балийский, григорианский. Первые два календаря являются календарями народными, связанными с сельскохозяйственными работами – основным занятием балийцев. Балийский календарь представляет собой уникальную комбинацию дней, каждый из которых имеет свое название и в течение одной недели, состоящей из десяти дней, и на протяжении года повторяется несколько раз. Индо-балийский календарь *сака* – лунно-солнечный, известен на Бали, видимо с I тысячелетия н.э. Он регулировал не только сельскохозяйственную деятельность, но и религиозную. Существовал на Бали и жреческий календарь, предназначенный для регулирования хозяйственных занятий. Он был основан не на астрономических наблюдениях, а лишь на наблюдениях круговорота природных явлений на Бали [Там же. С. 354–357].

Камбоджа. Времяисчисление в Камбодже было тесно связано с хозяйственной деятельностью кхмеров –

жителей Камбоджи. Год издавна был лунно-солнечным, и счет времени велся по лунно-солнечному календарю. Заимствованный из Индии, этот календарь (*пракрадетин, прадетин*) основывался на движении Луны вокруг Земли и корректировался затем с учетом обращения Солнца по эклиптике. С древних времен составление календаря находилось в ведении дворцовых жрецов (*хорá*), выполнявших функции астрономов. Кхмерский лунно-солнечный календарь группирует дни в лунные месяцы, лунные месяцы – в годы, а годы – в большие шестидесятилетние циклы. Лунные месяцы, именовавшиеся санскритскими терминами, для упрощения написания в письмах и документах обозначались порядковыми числительными. Кроме того, кхмеры также использовали месяцы солнечного календаря. Они обозначались, как и месяцы лунного календаря, санскритскими терминами и соотносились со знаками зодиака.

Шестидесятилетний цикл используется кхмерами, как и другими народами Юго-Восточной Азии, с давних времен. Он основан на сочетании особого десятилетнего (десятиричного) и двенадцатилетнего (двенадцатеричного) животного цикла. В Камбодже (как и в Таиланде и Лаосе) использовались также три традиционные эры в летосчислении. До середины 1970-х гг. в стране официальной считалась Буддийская эра (Путха сакарать), начинающаяся с 543 г. до н.э., она использовалась как в быту, так и для религиозных целей. Великая эра (Сака, Маха сакарать) восходит к 78 г. н.э. Точное происхождение этой эры неизвестно. Использовалась изначально в Индии, затем была распространена в Юго-Восточной Азии. Малая эра (Тьолла сакарать), вероятно, бирманского происхождения, началась в 638 г. н.э., была принята и адаптирована кхмерами под влиянием сиамцев. Использовалась населением для деловой переписки, оформления деловых бумаг до первой половины XX в.

Существует еще четвертая эра – христианская (новая), которая появилась в Камбодже в конце XIX в., после установления французского протектората. Она широко используется в административной жизни, хотя полностью не вытеснила традиционные эры исчисления. В целом календарь кхмеров является уникальной многослойной системой, сочетающей в себе черты индийской, китайской, индо-иранской, бирманской и других культур. В основе календаря лежит преимущественно хозяйственная, а также религиозная и государственная деятельность кхмеров. Эти базовые сферы жизни обусловили появление того или иного компонента календаря [Там же. С. 150–155].

Индия. По мнению исследователя протоиндийского календаря М.Ф. Альбедиль, протоиндийский календарь земледельцев сформирован из трех подсистем: солнечной (земледельческой), государственной (гражданской) и жреческой (ритуальной). Названия каждой подсистемы отражают природно-климатические условия проживания, особенности флоры и фауны, поведения животных. В обозначениях месяцев жреческого календаря проявляется тесная смысловая связь представлений

о времени с жертвоприношением, так как базовым словом календаря является слово «жертва». В качестве основного, базового цикла времени был выделен протоиндийцами год, который членился на более мелкие циклы – полугодия, каждое полугодие делилось на сезоны, состоящие из месяцев, месяцы (лунные) делились на светлую и темную половины. Было понятие «большой год» – пятилетие, основанное на лунно-солнечном согласовании. Кроме того, был еще 12-летний цикл, основанный на согласовании движения Солнца и Юпитера. Года 12-летнего цикла имели символы: 12 зверей и 12 растительных символов. Существовал у протоиндийцев и 60-летний цикл Юпитера, совмещавший 5-летие с 12-летием. Для обозначения годов в 60-летнем цикле употреблялись два набора символов: 5 символов стихий и 12 растительных символов. Этот цикл рассматривался как «сезон богов». [13. С. 81, 82, 92–94].

Представленный краткий обзор календарных систем обществ 3-го ХКТ показывает, что причины, механизмы, время формирования календарей достаточно разнообразны. Самые главные особенности этих календарей

включаются в следующем. 1. У земледельцев было сформировано понятие о месяце и годе. 2. У земледельцев были сформированы понятия «лунный», «солнечный» календарь. 3. Календарь представлял собой совокупность месяцев с фиксированными продолжительностью, началом и окончанием. 4. Причиной формирования календарей развитых земледельцев является не только хозяйственная деятельность и необходимость ее регулирования. Важными основаниями можно считать также развитую религиозную деятельность в ряде обществ, явно выраженную развитость институтов власти и административных структур в некоторых обществах. 5. Названия месяцев представляют собой как обозначения фрагментов деятельности членов обществ и природно-климатических факторов, так и другие названия (имена богов, числительные и пр.).

Таким образом, нами рассмотрены некоторые особенности формирования календарных систем обществ 1-го ХКТ – охотников, рыболовов, собирателей, 2-го ХКТ – ранних земледельцев и скотоводов, а также отличительные черты календарей обществ 3-го ХКТ – пашенных земледельческих обществ (таблица).

Различия календарных систем обществ трех хозяйственно-культурных типов

Общества 1-го ХКТ	Общества 2-го ХКТ	Общества 3-го ХКТ
Не были сформированы понятия «год, месяц»	Были сформированы понятия «год, месяц»	Были сформированы понятия «год, месяц»
Не были сформированы понятия «лунный», «солнечный» календарь	Были сформированы понятия «лунный», «солнечный» календарь	Были сформированы понятия «лунный», «солнечный» календарь
Основными составляющими элементами календарей были «микросезоны» – временные отрезки без фиксированных начала, продолжительности и окончания	Основными составляющими элементами календарей были «месяцы» – временные отрезки с фиксированным началом, продолжительностью и окончанием	Основными составляющими элементами календарей были «месяцы» – временные отрезки с фиксированным началом, продолжительностью и окончанием
–	–	Причина возникновения календаря – развитая религиозная деятельность
–	–	Причина возникновения календаря – развитие институтов власти и административных структур
Названия микросезонов представляют собой в основном обозначения фрагментов хозяйственной деятельности членов обществ и природно-климатических факторов, типичных для территории проживания этноса	Названия месяцев представляют собой в основном обозначения фрагментов хозяйственной деятельности членов обществ и природно-климатических факторов, типичных для территории проживания этноса	Названия месяцев представляют собой как обозначения фрагментов деятельности членов обществ и природно-климатических факторов, так и другие обозначения (имена богов, числительные, знаки зодиака и пр.)

Исследование позволяет сделать три основных вывода.

1. Существуют общие черты и различия в формировании календарей обществ с разными экономическими системами. В качестве единой основы календарей всех трех типов обществ можно считать хозяйственную деятельность. Названия составляющих элементов календаря (микросезонов, месяцев) в основном представляют собой обозначения фрагментов деятельности членов обществ и природно-климатических условий проживания.

2. Можно говорить о том, что в рассматриваемых обществах моноукладное хозяйство обслуживалось одной календарной системой, основанной на конкретных занятиях людей. Полиукладность хозяйства привела к созданию нескольких календарей, каждый из которых соотносился с определенной сферой деятельности членов общества.

3. Исследование основывается на характеристике обществ, утративших во многом на сегодняшний день свой традиционный уклад. Восстановить древний исторический пласт в большинстве случаев не представляется возможным. Понятно, что календари таких обществ давно забыты, не используются членами обществ, заменены современными универсальными календарями. Поэтому календарные системы во многих научных трудах и в данной статье представлены лишь фрагментарно, информация о них лишена стройности и четкости изложения. Но даже представленный здесь краткий обзор и анализ показывают, насколько разнообразны и уникальны были системы счета времени рассматриваемых обществ. Безусловно, более подробный детальный анализ календарей хотя бы одного из описанных обществ внесет вклад в развитие исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985. 271 с.
2. Колесникова С.Ю. К проблеме формирования календарных названий охотников, собирателей, рыболовов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. Вып. 4 (41): Серия: Гуманитарные науки (история, археология, этнология). С. 98–103
3. Колесникова С.Ю. Универсальная модель календаря в традиционной культуре народов мира : дис. ... д-ра культурологии. Томск, 2000. 302 с.
4. Кулемзин В.М., Лукина Н.М. Васюганско-ваховские ханты, 19-20 вв. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 225 с.
5. Leach E.R. Primitive Time-reckoning // *A History of Technology*. 1954. Vol. 1. P. 110–127
6. Saggs H.W.F. *Civilization before Greece and Rome*. London : B.T. Batsford LTd, 1989. 322 p.
7. Климишин И.А. Календарь и хронология. М. : Наука, Глав. ред. физ.-мат. лит., 1990. 480 с.
8. Hawkes J. *The first great civilizations*. London : Hutchinson, 1973. 475 p.
9. Nillson M.P. *Primitive Time-reckoning*. London–Paris–Oxford–Leipzig, 1920. 384 p.
10. Кинжалов Р.В. Культура древних майя. Л. : Наука, 1971. 364 с.
11. Smith M.E. *The Aztecs*. Blackwell Publishers, 1996. 361 p.
12. Календарные обычаи и обряды народов Юго-Восточной Азии. Годовой цикл. М. : Наука ; Вост. лит., 1993. 448 с.
13. Альбедиль М.Ф. Протоиндийское «колесо времени» // Календарь в культуре народов мира. М. : Наука, 1993. С. 70–101.

Kolesnikova Svetlana Y. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: Svetlana_kolesnikova_64@mail.ru

Kulemzin Vladislav M. Tomsk State University, Tomsk, Russia). E-mail: bersa@sibmail.com

THE CALENDARS OF THE SOCIETIES WITH DIFFERENT ECONOMIC SYSTEMS.

Keywords: culture; economic system; traditional calendar; comparative study.

A calendar as one of the culture elements is a significant sign and a source of the study of the people's worldview.

The creation of the common integrated system of the calendars of world people belongs to important problems. A brief review and a comparative study of traditional calendars of societies with different economic systems is given in this paper. The aim of the article is to reveal basic peculiarities of the forming of calendars. Comparative-historical, historical and typological methods are used in the paper. The investigated societies are classified in accordance with 3 types: type 1 – hunter-fishers-gatherers, type 2 – early farmers-breeders, type 3 – developed farmers-breeders. Authors studied various calendars systems originated in these societies according to given types. Researchers give special consideration to calendars of ancient civilizations of Egypt, Mesopotamia, Greece, Pre-Columbian America, China, South-East Asia, India. Main characteristics of the origin and structure of the calendars are investigated in the study. The authors revealed the regularities of the calendars' forming of every society type, showed the general and different features of these calendars.

1) General features.

– The monoeconomical structure was served by one calendar based on activity of the people. The multieconomical structure resulted in many calendars which were connected with specific sphere of activity.

– The basis of the forming of calendars was an economical activity; names of the structural elements of calendars (months, microseasons) were markings of fragments of the economical activity and climatic – natural conditions of habitation.

2) Different features.

– The notions “year”, “month”, notions “moon”, “solar” and etc. calendars were not formed in the societies of the 1 type.

– The notions “year”, “month”, notions “moon”, “solar” and etc. calendars were formed in the societies of the 2, 3 type.

– The structural elements of the calendars of the 1 type societies were “microseasons” – time periods without fixed beginning, duration and end.

– The structural elements of the calendars of the 2, 3 types societies were “months” – time periods with fixed beginning, duration and end.

– Reasons of the calendar's forming of the societies of the 3 type were not only the economical activity, but the religious activity, developing of the authority and administrative services.

– Names of the months and microseasons of the calendars of the 1 and 2 types societies were markings of fragments of the economical activity and climatic – natural conditions.

Names of the months of the calendars of the 3 type society were both markings of fragments of the economical activity and climatic – natural conditions and other designations (names of gods, numerals, signs of the zodiac etc.).

REFERENCES

1. Cheboksarov, N.N. & Cheboksarova, I.A. (1985) *Narody. Rasy. Kul'tury* [Peoples. Races. Cultures]. Moscow: Nauka.
2. Kolesnikova, S.Yu. (2004) K probleme formirovaniya kalendarnykh nazvaniy okhotnikov, sobirateley, rybolovov [On the formation of calendar names of hunters, gatherers, fishermen]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 4(41). pp. 98–103
3. Kolesnikova, S.Yu. (2000) *Universal'naya model' kalendarya v traditsionnoy kul'ture narodov mira* [A universal calendar model in the traditional culture of the peoples of the world]. Culturology Dr. Diss. Tomsk.
4. Kulemzin, V.M. & Lukina, N.M. (1997) *Vasyugansko - vakhovskie khanty 19 - 20 vv* [Vasyugan-Vakhov Khanty of the 19th – 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Leach, E.R. (1954a) Primitive time-reckoning. *A History of Technology*. 1. pp. 110–127
6. Saggs, H.W.F. (1989) *Civilization before Greece and Rome*. London: B.T. Batsford LTd.
7. Klimishin, I.A. (1990a) *Kalendar' i khronologiya* [Calendar and Chronology]. Moscow: Nauka.
8. Hawkes, J. (1973) *The first great civilizations*. London: Hutchinson.
9. Nillson, M.P. (1920) *Primitive Time-reckoning*. London-Paris-Oxford-Leipzig: C.W.K. Gleerup.
10. Kinzhalov, R.V. (1971a) *Kul'tura drevnikh mayya* [Culture of the Ancient Maya]. Leningrad: Nauka.
11. Smith, M.E. (1996) *The Aztecs*. Blackwell Publishers.
12. Dzharlygasinova, R.Sh., Kryukov, M.V. (eds) (1993) *Kalendarnye obychai i obryady narodov Yugo-Vostochnoy Azii. Godovoy tsikl* [Calendar customs and rituals of the peoples of Southeast Asia. Annual cycle]. Moscow: Nauka.
13. Albedil, M.F. (1993) Protoindiyskoe “koleso vremeni” [The Protoindian “time wheel”]. In: Seryov, S.Ya. (ed.) *Kalendar' v kul'ture narodov mira* [Calendar in the culture of the peoples of the world]. Moscow: Nauka. pp. 70–101.

УДК 904

DOI: 10.17223/19988613/55/20

И.В. Ованенко

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО КОСТЮМА НА ПРИМЕРЕ «ШАПКИ БУМАЖНОЙ»

Статья выполнена при поддержке Программы конкурентоспособности Томского государственного университета.

Изложена методика поэтапной натурной реконструкции шапки бумажной – разновидности боевого наголовья эпохи Средневековья – начала Нового времени, которая в том числе входила в комплекс защитного костюма служилых людей Сибири. Натурная реплика шапки бумажной полностью соответствует характеристикам исходного образца из коллекции оружейной палаты Московского Кремля и подобному типу боевых наголовий в целом. Методика реконструкции может быть использована при создании различных атрибутов исторического защитного костюма, находившихся на вооружении средневековых сообществ Северной Евразии.

Ключевые слова: защитный костюм; боевое наголовье; шапка бумажная; натурная реконструкция; поэтапная методика.

«Историческая реконструкция как научная деятельность является частью экспериментальной археологии, суть которой – воссоздание не простого подобия вещей, но их практических качеств, чтобы они могли служить по прямому назначению: костюм, чтобы носить, в котле – варить пищу, кресалом – добывать огонь, оружием – сражаться, доспех использовать для защиты» [1]. Актуальность исторических реконструкций обусловлена как необходимостью изучения прошлого, так и возросшей потребностью современного общества в его визуализации. Наиболее полной является натурная реконструкция, которая позволяет восстановить не только форму предмета или объекта, но и технологию их изготовления. Для адекватного воспроизведения исторического прототипа необходимо иметь надежную источниковую и методическую базу.

Важная роль в воссоздании зрительного образа исторической эпохи и облика общества принадлежит историческому костюму, в том числе такой его разновидности, как военный костюм.

Данная статья является частью работы по натурной реконструкции защитного снаряжения служилых людей по прибору (новобранцев из других сословий, не имеющих собственного военного костюма и вооружения) в Сибири в конце XVI – начале XVIII в. Автор обращается к одному из атрибутов военного костюма средневековой Руси, а именно шапке бумажной – защитному головному убору. Источниками для реконструкции служат описания, изображения, музейные экспонаты. Необходимость натурной реконструкции вызвана разнообразием типов защитных головных уборов, в том числе шапок бумажных, неполнотой описаний и изображений, физическими утратами на сохранившихся оригиналах. Физическая модель дает наиболее полное представление об артефакте, в том числе об особенностях технологических приемов изготовления, раскрывает значение каждого компонента в комплекте защитного снаряжения и взаимосвязь между ними,

а также позволяет провести апробацию, например в ходе ролевой военной игры.

Важная информация о шапке бумажной содержится в работах А.В. Висковатова, Ф.Г. Солнцева, С. Герберштейна. По А.В. Висковатову, «шапка бумажная – головной убор, выполняющий защитные функции. Это были стеганные шапки, из сукна, шелковых или бумажных (хлопок) материй, с толстой хлопчатобумажной или пеньковой подкладкой. В подкладку иногда помещались куски от панцирей или кольчуг. Также они имели металлический наносник» [2. С. 273]. По Ф.Г. Солцеву, шапка бумажная «представляла собой наиболее дешевый военный головной убор в России до XVII в., поэтому встречалась довольно редко, используясь в основном беднейшей частью военного сословия. Использовались они в качестве шлема и у некоторых кочевников, в частности – калмыков (рис. 1, а, б)... Судя по всему, куячная шапка и «шапка бумажная» – разные виды одного и того же защитного оголовья, просто первая была усилена стальными пластинками, а вторая была облегченным и более дешевым вариантом... Также известны внешне очень похожие на «шапки бумажные» так называемые «куячные», или «куяшные шапки», которые представляли собой пластинчато-нашивной доспех бригантинного типа, аналогичный куяку. Как и сами куяки, как правило, они имели восточное происхождение» [3. С. 187]. С. Герберштейн упоминает о шапках бумажных в таком ключе: «По защитным свойствам «шапка» была схожа с тегилем – надежной защиты не давала, но все же, по свидетельствам современников, могла задержать стрелу» [4. С. 382].

Роль шапки бумажной раскрывает в своей работе О.В. Шиндлер: «Еще одним видом «шапок» были шапки бумажные и шапки куячные. Шапками бумажными, или куячными, называли шлемы монгольского или калмыцкого происхождения. Они были сделаны из плотной простеганной материи с вшитыми металлическими

детальями, а также имели металлическую подвижную стрелку, защищавшую нос. Проводя аналогию между защитой головы и защитой корпуса, можно было бы выделить “мягкие” шлемы в отдельную группу, как мы это сделали с тегилями. Однако, с нашей точки зрения, этого делать этого не стоит. В отличие от тегиляев, одного из самых распространенных доспехов XVI в., шапки бумажные почти не имели распространения в поместном войске...» [5. С. 167–219].

В качестве прототипа для реконструкции выбран экспонат под № 4463 «Шапка бумажная» из Оружейной палаты. Она имеет следующее описание: «Подшоломник из красного атласа, стегана хлопчатобумажной

тканью с круглыми чешуйками в шахматном порядке. По стежкам прошит серебряною каймой, а по чешуйкам покрашен вышивкой серебряной, подклад атласный, был выкрашен в алый цвет» [6. С. 165].

История этого экспоната следующая. Этот подшоломник поступил в Московскую Оружейную палату в 1766 г. вместе с гардеробом Императора Петра II. И в описи обозначен так: «Шпашак атласный красный, стеганный, шит серебром и золотом». В реестре 1775 г. этот экспонат записан на л. 218 под шифром Д-25. В описи 1808 г. – в ч. 2 на с. 2С0 под № 2228. В описи 1835 г. записан вместе с кучачными шапками и назван так же, как они, бумажным шпашаком (См. ч. IV, с. 651 № 5623).

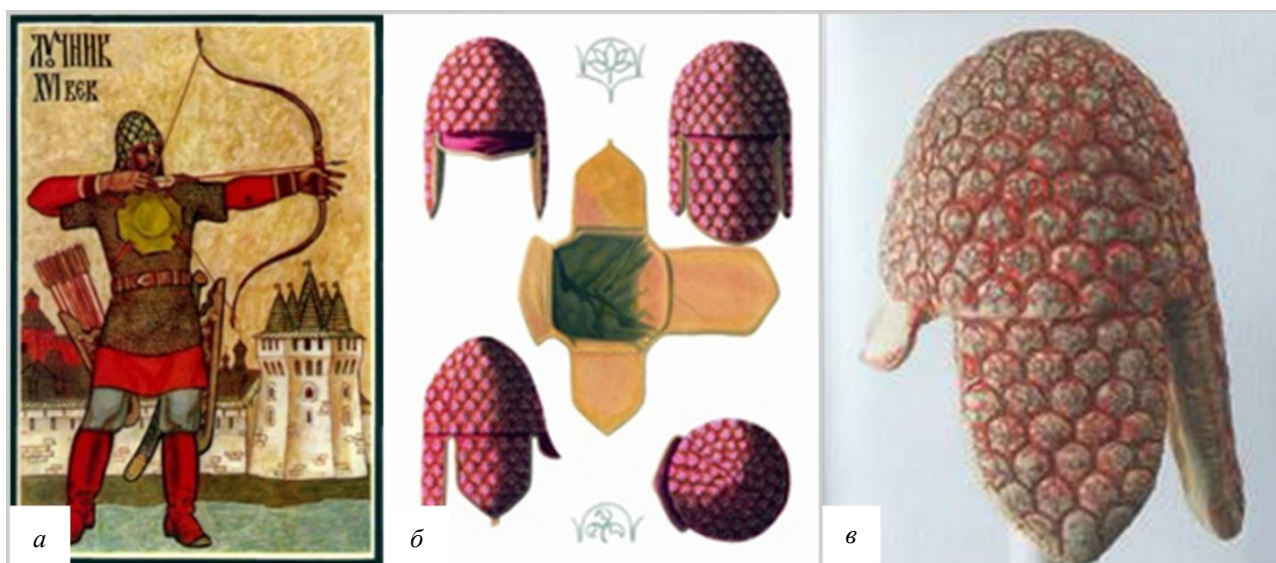

Рис. 1. Изобразительные источники:

а) Семенов В., Русские доспехи X–XVII веков. М.: Изобразительное искусство, 1983. Лучник. XVI век; б) Солнцев Ф. Г., Древности Российского государства. М., 1853. Отд. III. Л. № 31. Шелковая шапка; в) Московская оружейная палата. Экспонат № 4463

В делах Архива Московской Оружейной Палаты о подшоломниках упоминается только один раз: в Росписи оружия, выданного для смотра на Девичьем поле. В описи значится: «1664 года Февраля 1 дня. По Указу великого Государя и по приказу окольничего и оружейного Богдана Матвеевича Хитрово отпущено из оружейной Палаты в село Семеновское на потешный двор для его смотру Сокольникам 57 шапок Колмыцких и 57 подшоломников суконных розных цветов» (рис. 1, в) [6. С. 165].

Анализ данных приводит к выводу о том, что шапка бумажная – это обобщающее название отдельного кластера легкого защитного головного убора. Она использовалась в основном необеспеченными слоями воинского сословия. Шапка бумажная могла выступать как в роли самостоятельного защитного элемента, так и в роли подшлемника (мягкой основы под металлическую часть другого шлема). Имеет восточное происхождение, но была в обиходе и в русском войске и, скорее всего, использовалась служилыми людьми по прибору в Сибири в XVI–XVII вв. Артефакт, взятый за основу реконструкции, является частью гардероба императора Петра II, из-за чего имеет ряд статусных особенностей: употребление дорогих тканей – атласа, бархата, золотой

и серебряной нитей, печать на ткани растительного орнамента. Учитывая, что служилые по прибору не могли себе позволить излишеств, их защитный костюм не имел статусных украшений. В связи с этим при реконструкции учтены основные параметры артефакта: общий вид, технология, защитные свойства.

При реконструкции шапки бумажной использовалась технология, максимально приближенная к исторической.

Материалы. Техническая вата, лен, хлопчатобумажные ткани, мешковина, шерстяные нитки, обработанные воском.

Выкройка. Выкройка должна соответствовать размерам головы. Бумажные модели выкроек выполняются без припусков на швы. Не забывайте, что изделие будет с наполнителем. Бумажная выкройка состоит из восьми частей. Из четырех частей подтреугольной формы собирается купол подшоломника, из двух изготавливаются нащечники и по одной части – козырек и защита шеи (рис. 2, а). По бумажным моделям выкраивается также подклад шапки бумажной. Затем идет раскрой изделия на ткани – с небольшим техническим запасом в 1–3 см. Ко всем деталям необходимо прибавить 1 см по краю на швы (рис. 2, б). Затем детали вырезаются (рис. 2, в).

Рис. 2. Раскрой и наполнение шапки бумажной:
 а) раскрой основного элемента шапки бумажной; б) раскрой подклада шапки бумажной;
 в) наполнение шапки бумажной; г) сбор всех слоев в части основного элемента шапки бумажной

Простежка. После раскроя детали простегиваются (1 см по периметру всех деталей, оставленный на сборку, не надо простегивать, этот припуск уйдет в швы, чтобы части «сошлись» с минимальным зазором).

Складываем изнанку и лицо, прокладывая между ними набивку, состоящую из льна, мешковины и технической ваты (рис. 2, в), и скрепляем булавками по центру в нескольких местах. Здесь пригодятся выкройки без припусков. Если припуск давался только при переносе на ткань, то на всех лицевых деталях должно быть две линии: одна без учета припусков (вспомогательная линия), другая – линия обреза (с припусками). В пределах вспомогательных линий начинаем простегивать детали полукругностью радиусом 125 мм в шахматном порядке, начиная с низа детали. Детали простегиваются вошеной шерстяной нитью (рис. 3, б). Когда детали простеганы по вспомогательной линии, обрезаем наполнения. После этого по линии обреза отрезаем технический запас, который предназначен для того, чтобы устранить возможные нестыковки и сдвиги между изнаночным и лицевым слоями и материалом набивки. Срезы на краях деталей подгибаются лицевой стороной наизнанку. На

изнанке остатки материала на швах обрезаются, чтобы не топорщились (рис. 3, в, г). Подклад сшивается аналогично основной части (рис. 3, д).

Затем все детали наружной и подкладочной частей шапки бумажной сшиваются, используя технику «назад иголка» (рис. 3, а).

1. Начертите на ткани линию. Выведите нитку на лицевую сторону в точке *A*, немного отступив от конца начерченной линии.

2. Проведите иглу через точку *B* в конце отмеченной линии и выведите ее в точке *C*. Расстояние от точки *A* до точки *C* должно быть равно расстоянию от точки *A* до точки *B*.

3. Подтяните нитку.

4. Проведите иглу через точку *A* и выведите ее в точке *D*. Расстояние от точки *C* до точки *D* должно быть равно расстоянию от точки *A* до точки *C*.

5. Продолжайте выполнять стежки аналогичным образом, стараясь делать их одинаковой длины.

6. Чтобы закончить работу, проведите иглу на изнаночную сторону через отверстие в начале предыдущего стежка. Подтяните нитку и закрепите ее [7].

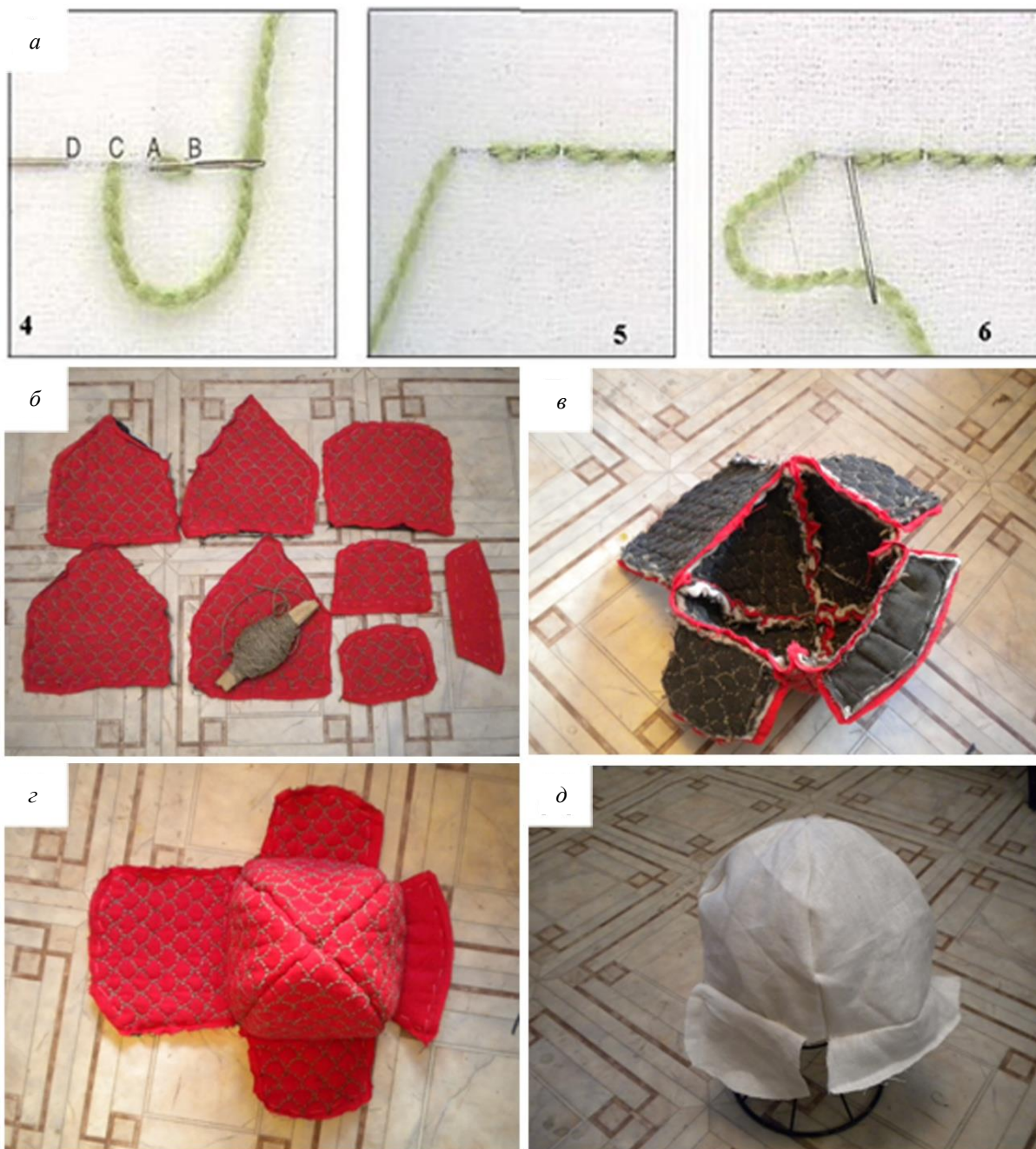

Рис. 3. Шов, простежка, сборка:

а) иллюстрации к шву; б) простеганные части основного элемента шапки бумажной; в) собранный основной элемент (вид на изнаночную часть); г) собранный основной элемент (вид на внешнюю часть); д) подклад

Рис. 4. Готовая стилизация

Сборка. Наружная часть шапки бумажной сшивается с подкладом. Наметочным швом (в одну нитку очень крупными стежками, после прошивки шов убирается) соединяем по краям и обрабатываем полоской ткани шириной в 10 см, подвернув края к центру (рис. 4).

Реконструкция шапки бумажной максимально соответствует характеристикам исходного образца из Оружейной палаты и подобному типу боевых наголовий

в целом. Пошаговая методика реконструкции может быть использована при создании не только шапки бумажной, но и других элементов исторического защитного костюма, где используется технология простегивания. Использовать подобные реплики можно в научных, педагогических и коммерческих проектах, например на музейных выставках, при съемках фильмов, как учебное пособие, для организации мероприятий и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Москвин А.Ю., Москвина М. А. Реконструкция одежды: сущность, проблемы, перспективы // Молодой ученый. 2014. № 3. С. 334–337.
2. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск : в 19 ч. 2-е изд. СПб. : Тип. «В.С. Балашев и Ко», 1899. Ч. 1.
3. Солнцев Ф.Г. Древности Российского государства. Шапка Куячная. М., 1853.
4. Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1908.
5. Шиндлер О.В. Русские шлемы XVI века // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. URL: http://www.milhist.info/2016/05/10/schindler_3 (дата обращения: 05.10.2016).
6. Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3, кн. 2. Броня. М. : О-во распространения полезных книг, 1884.
7. Вышивка : уроки. URL: http://hand-made-granary.narod.ru/Em_lesson001.html

Ovanenko Ivan V. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ovanenko_iv@gmail.com

THE EXPERIENCE OF THE RECONSTRUCTION OF A HISTORICAL OUTFIT ON A CASE OF «PAPER HELMET»

Keywords: armor; combat header; paper helmet; full-scale reconstruction; step-by-step method.

The article is devoted to the creation of step-by-step method of full-scale historical reconstruction of “paper helmet”. The topicality of historical reconstructions is caused both by the necessity of studying history and by the increased need of society in visualization of history. The most complete is a full-scale reconstruction which allows you to restore not only the shape of the object, but also its manufacturing technology. The scientific research value of full-scale reconstruction is the verification of various theories. In order to adequately reproduce the historical prototype, it is necessary to have a reliable source and methodological base. Very important information about the “paper helmet” is contained in the works of A.V. Viskovatov, F.G. Solntsev, S. Gerberstein. According to A.V. Viskovatov “A paper hat is a headdress performing protective functions. They were quilted hats made of cloth, silk or paper (cotton) fabrics, with thick cotton or hemp filling”. S. Gerberstein mentions “paper helmet” in this way: “By the protective properties, the “hat” was similar to the tegilyay - it did not give reliable protection, but nevertheless, according to the testimony of contemporaries, it could hold an arrow”.

The article describes a step-by-step methodology for creating a full-scale reconstruction which includes:

A) Material selection. For the selection of materials, the main criterion was the description of Viskovatov and the search for modern analogues. The author chose the materials: cotton, linen, cotton fabrics, burlap, woolen threads treated with wax.

B) Pattern of details. A pattern consisting of eight parts (four parts of the subtriangle form are assembled with a dome of a “paper helmet”, two parts are used to make sidewalls, one part for a visor and another one – for neck protection), was constructed according to F.G. Solntsev taking into account the parameters of the author’s head.

C) Stitch detail. The form of quilting (a semicircle with a radius of 12.5 mm in staggered order) and size of the stitches are based on the exhibit No. 4463 “Paper Helmet” from The Armory Chamber.

D) Assembling the parts. The stitching of the main parts and the lining was done according to the illustration of F.G. Solntsev.

Reconstruction of the “paper helmet” corresponds to the characteristics of the original sample from The Armory Chamber and to a similar type of combat headers generally. In the course of the study were checked the F.G. Solntsev’s illustrations and the protective properties of the replica. The created step-by-step method of full-scale historical reconstruction can be used not only for creating a “paper helmet”, but also for creating other elements of a historical protective suit, where textile materials and quilting technology are used. Using such replicas is possible in scientific, pedagogical and commercial projects, for example: at museum exhibitions, when shooting movies, as a training manual, for organizing events, etc.

REFERENCES

1. Moskvina, A. Yu. & Moskvina, M. A. (2014) Rekonstruktsiya odezhdy: sushchnost', problemy, perspektivy [Reconstruction of clothes: essence, problems, prospects]. *Molodoy uchenyy*.3(62). pp. 334–337.
2. Viskovatov, A. V. (1899) *Istoricheskoe opisaniye odezhdy i vooruzheniya rossiyskikh voysk* [Historical description of clothing and weapons of Russian troops]. 2nd ed. St. Petersburg: V. S. Balashev i Ko. Pt.1.
3. Solntsev, F.G. (1853) *Drevnosti Rossiyskogo gosudarstva. Shapka Kuyachnaya* [Antiquities of the Russian State. Armoured covers]. Moscow: [s.n.].
4. Gerbershteyn, S. (1908) *Zapiski o Moskovitskikh delakh* [Notes on the Muscovite affairs]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
5. Shindler, O.V. (2016) *Russkie shlemy XVI veka* [Russian helmets of the 16th century]. [Online] Available from: http://www.milhist.info/2016/05/10/schindler_3 (05.10.2016).
6. Yakovlev, L.P. (ed.) (1884) *Opis' Moskovskoy Oruzheynoy palaty* [Inventory of the Moscow Armory Chamber]. Part 3(2). Moscow: Obshchestvo rasprostraneniya poleznykh knig.
7. Anon. (n.d.) *Vyshivka* [Embroidery]. [Online] Available from: http://hand-made-granary.narod.ru/Em_lesson001.html.

УДК 903.8

DOI: 10.17223/19988613/55/21

Ю.Д. Разуваев

РАЗРОЗНЕННЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОСТАНКИ НА ПОСЕЛЕНИЯХ ЛЕСОСТЕПНОЙ СКИФИИ: ОБЗОР ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00230.

На городищах и неукрепленных поселениях VII–III вв. до н.э. в днепро-донской лесостепи часто встречаются кости людей. Объясняющие это явление гипотезы сводятся к четырем подходам. Ряд археологов допускают каннибализм. Другие авторы находки костей, прежде всего черепов, связывают с человеческими жертвоприношениями. Останки нередко рассматривают как следствие военных конфликтов, в них видят и свидетельство погребальной практики выставления трупов. Имеющиеся интерпретации не бесспорны, в разной мере отражают все многообразие имеющихся данных. Однако в итоге полувекowego изучения находимые на поселениях антропологические материалы приобрели статус важного источника информации о различных аспектах жизни оседлого населения скифской лесостепи.

Ключевые слова: лесостепная Скифия; поселения; кости людей; интерпретационные гипотезы.

Останки людей, обитавших в VII–III вв. до н.э. в днепро-донской лесостепи, погребены не только в курганных и грунтовых могильниках. Есть они и на поселениях, где иногда встречаются полные скелеты, но чаще – отдельные их части. Человеческие кости попадались там уже первым раскопщикам [1. С. 238–239; 2. С. 95, 96, 98], но оставались непонятыми. Так, В.А. Городцов отметил, что на Бельском городище в Поворослье они отличаются от кухонных отбросов, появлением же своим обязаны «какой-то необъяснимой случайности» [3. С. 151].

В середине прошлого века, когда лесостепные поселения начали масштабно изучать, стало очевидным, что находки такого рода отнюдь не спорадичны. Сейчас по всей скифской лесостепи уже известно свыше трех десятков бытовых памятников, в культурном слое, жилых или хозяйственных сооружениях которых обнаружены разрозненные кости людей, нередко довольно многочисленные и разнообразные по половозрастным показателям [4]. В попытке истолковать это явление археологи выдвигали разные гипотезы, общей оценке которых и посвящена данная статья.

Первым было высказано предположение о том, что оседло-земледельческое население лесостепи практиковало каннибализм. Именно так Б.А. Шрамко объяснил многочисленные костные остатки на Басовском городище в Посулье [5. С. 154–155]. Исследователь считал, что находки подтверждают сообщение Геродота (Геродот. История. Кн. IV: Мельпомена. Л., 1972) о питавшихся человеческим мясом андрофагах.

Однако с такой трактовкой не согласилась В.А. Ильинская, собственно и открывшая массовые антропологические материалы не только на вышеназванном памятнике, но еще и на Ширяевском городище в Посеймье. Она полагала, что людоедство не согласуется с высоким уровнем развития культуры местного населения, причина же появления костей в городищенских слоях неясна, но со временем получит «какое-то иное, более будничное объяснение» [6. С. 41; 7. С. 35].

Как известно, археологически проследить каннибализм сложно: возможными признаками этого явления считаются различные повреждения человеческих костей [8. С. 144–145]. Среди тех костей, что находят на лесостепных поселениях, много целых – это обстоятельство особо подчеркивается исследователями [9. С. 128]. Именно отсутствие следов кухонной обработки служит одним из веских аргументов против людоедства [10. С. 10]. Впрочем, можно привести и доказательства обратного. Все же нередко кости находят в расколотом состоянии, без эпифизов. Неудивительно поэтому, что некоторые скифологи вполне убеждены в существовании у лесостепных племен бытовой или культовой андрофагии [11. С. 85; 12. С. 10], другие же допускают ее наличие [13. Л. 8; 14. С. 228]. Все же, как представляется, гипотеза о каннибализме пока выглядит в значительной степени умозрительной. Разумеется, полностью отвергать ее не следует, особенно в тех случаях, когда имеются основания предполагать некие культовые манипуляции с человеческими костями.

Нередко останки на поселениях связывают с человеческими жертвоприношениями. Пожалуй, эта точка зрения является среди специалистов наиболее популярной – ведь и неординарность, и антураж находок побуждали многих исследователей искать для них ритуальную подоплеку. Именно в контексте жертвенных практик древних обществ рассматривают кости, встречающиеся в зольниках и строительных сооружениях на лесостепных поселениях скифского времени, Б.А. Рыбаков [15. С. 317] и И.П. Русанова [16. С. 113, 128, 137].

Остатки жертвоприношений усматривают, как правило, в черепках или их обломках. Много таковых было обнаружено Б.А. Шрамко в 1960–1980-х гг. на Бельском городище, преимущественно в постройках и хозяйственных ямах, а также в сооружении, интерпретированном как святилище. Среди находок оказалось немало черепных крышек, некоторые из которых имеют следы обработки. Краниологические остатки исследователь

уже не относил к пищевым отходам. Опираясь, прежде всего, на скифский логос Геродота (Геродот. Указ. соч.), он считал, что это военные трофеи: черепа врагов и выделанные из них ритуальные чаши [17. С. 186; 18. С. 94].

Сравнительно недавно при раскопках зольников в одном из урочищ этого городища были обнаружены два черепа в большом скоплении костей животных и еще один, вмонтированный в глиняный жертвенник. Как остатки жертвоприношений расценивают эти комплексы как археологи С.В. Махортых и Р.А. Ролле [19. С. 5], так и антропологи Д.А. Козак и М. Шульц [20, 21].

И.Н. Кулатова с ритуальным убийством рабыни или наложницы связала череп девушки, найденный в одной из ям хозяйственного облика в другом бельском урочище [22. С. 141]. Проведя одонтологический анализ, А.В. Артемьев пришел к выводу о неместном происхождении жертвы [23. С. 148]. Огромное Бельское городище, изученное уже на значительной площади, выделяется объемом полученных краниологических материалов. Но общее количество последних росло и за счет находок на других лесостепных памятниках оседлости.

Три черепа, разбросанные среди обломков глиняного жертвенника, были обнаружены на Кировском городище в бассейне Среднего Дона, а неподалеку от них лежала каменная антропоморфная фигурка. По мнению П.Д. Либерова, здесь находилось культовое место, на котором совершались человеческие жертвоприношения [24. Л. 572]. Поддержав этот вывод, А.И. Пузикова соотнесла жертву с культом земледельческого божества, образ которого, по ее мнению, как раз и представляла упомянутая фигурка [25. Л. 295]. Впрочем, исследовательница высказывала и иное суждение, соотнеся черепа с тем же рассказом Геродота о практике скифов брать в качестве трофеев головы поверженных противников и говоря, что эти «обычай проникли и к лесостепным племенам» [26. С. 79].

Как жертву, возможно, строительную, В.Д. Березуцкий и А.Т. Синюк объяснили появление костей ребенка на дне рва другого среднедонского городища, расположенного у хутора Мостище [27. С. 101]. На Кнышевском городище, расположенном на р. Псел, человеческие черепа и кости были найдены также возле жертвенников. Исходя из этого обстоятельства, П.Я. Гавриш расценил их как следы жертв [28. С. 152]. Относительно сильно поврежденного мужского черепа, лежавшего около городищенского вала, он вместе с коллегами предположил, что тот принадлежал пленнику, ритуально умерщвленному у стен крепости [29. С. 83]. Полные костяки и отдельные кости встречались в строительных котлованах Мотронинского городища в Поросье. Исследователи памятника С.С. Бессонова и С.А. Скорый тоже связывают их с жертвоприношениями [30. С. 9, 23, 52]. По существу, о жертве пишет и А.В. Гейко, интерпретируя краниологические остатки, обнаруженные около оборонительной линии Глинского городища в Посулье. Он полагает, что черепа в свое время были выставлены на гребне вала для устрашения врагов [31. С. 248].

Говоря о жертвенных практиках, исследователи в основном отталкивались от источника, учитывая археологический контекст анализируемых находок и привлекая широкие аналогии. Впрочем, высказывались и суждения, фактически никак не обоснованные. В этой связи нельзя признать корректными ссылки на Геродота, когда воинские традиции кочевников априори переносятся в иную этнокультурную среду.

В целом же сторонники данного интерпретационного подхода продемонстрировали важное место в религиозных представлениях оседлого населения скифской лесостепи именно краниологических остатков, манипуляции с которыми явно указывают на существование некоего культа черепа. Однако внимание исследователей привлекли лишь наиболее эффектные находки на поселенческих памятниках. Причины же попадания единичных костей в почвенные напластования и заполнения котлованов остались необозначенными. Да и тезис о существовании в земледельческих обществах кровавых обрядов вряд ли можно считать доказанным. Дело в том, что нет достаточных оснований говорить о декапитации жертв именно на месте проведения ритуалов, хотя бы потому, что черепа попадали в жертвенные комплексы не только без шейных позвонков, но и без нижней челюсти, т.е. явно уже лишенные мягких тканей.

Третья группа исследователей связывает появление на поселениях человеческих останков с военными конфликтами. П.И. Хавлюк полагает, что какое-то нашествие привело к массовой гибели обитателей поселения у с.Сорока в Побужье, вследствие чего в культурный слой попало большое число разрозненных костей [32. С. 51]. Аналогично интерпретируют найденные антропологические материалы Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко, возобновившие раскопки Басовского городища [33. С. 42]. Они же в специальной монографии детально проанализировали свидетельства разгрома днепровского Трахтемировского городища, к каковым отнесли и останки людей, размещавшиеся в одной из полуземлянок [34. С. 78].

П.Я. Гавриш и соавт. предполагают, что на Кнышевском городище некоторые черепа своим появлением обязаны военному столкновению [29. С. 83]. Также и В.Е. Радзиевская убеждена, что многочисленные человеческие скелеты и разрозненные кости, обнаруженные на Коломакском городище в Поворсклье, являются останками людей, погибших в результате штурма крепости [35. С. 178–179]. Военными конфликтами и А.П. Медведев объясняет появление антропологических материалов на верхнедонских Пекшевском и Семилукском городищах [36. С. 82, 145–152]. Причем второе из этих поселений он включил, наряду с Коломакским и Кнышевским городищами, в число памятников, сохранивших следы губительного для всей Скифии нашествия восточных кочевников [37].

Следует отметить, что сторонники «военной» трактовки в своих выводах опираются и на другие, более явные свидетельства конфликтов, такие как следы пожаров и разрушений, находки предметов вооружения.

Сами же антропологические материалы практически не анализируются как самостоятельный источник, а скорее используются в качестве иллюстрации к авторским историческим реконструкциям. При таком подходе, по существу, игнорируется многое, противоречащее предложенным интерпретациям. Например, то, что разрозненные останки людей зачастую их же соплеменниками целенаправленно помещались в котлованы и в скопления костей животных, либо подзахоранивались в погребальные комплексы. Без учета хотя бы этих фактов любые теории выглядят упрощенными и малоубедительными.

Именно понимание того обстоятельства, что рассматриваемый источник гораздо более многопланов, нежели представлялось ранее, легло в основу нового интерпретационного подхода. Согласно ему человеческие кости в культурных напластованиях, тем более в погребальных или строительных комплексах поселений, своим происхождением обязаны похоронным практикам лесостепного населения, включавшим, помимо других погребальных обрядов, и какие-то формы выставления трупов. Такое допущение позволило автору статьи более или менее согласовать между собой разнородные материалы Семилукского городища, где наряду с разрозненными останками найдены и многочисленные захоронения людей [38, 39]. Была проведена работа по систематизации соответствующих данных и с других бытовых памятников лесостепной Скифии [4, 40].

К выводу о том, что кости на поселениях представляют собой остатки труповывставлений, недавно пришел и Д.С. Гречко, проанализировавший материалы днепровской лесостепи с привлечением этнографических параллелей [41; 42. С. 87–95]. Важно подчеркнуть, что эта теория, в отличие от остальных, относит всю совокупность поселенческих антропологических остатков к сакральной сфере жизни древних обществ, важнейшей составляющей которой, как известно, являлись взаимоотношения живых и умерших. Впрочем, и она

тоже отнюдь не бесспорна, поскольку основана на косвенных археологических наблюдениях, таких как длительное пребывание частей скелета вне грунта, наличие погрызенных хищниками костей, существование своего рода ям-хранилищ человеческих останков и др. Следует признать, что и привлечение этнографических данных, не относящихся к конкретному этносу, малопродуктивно в плане укрепления доказательной базы. Однако предполагаемое в рамках этой теории многообразие погребальных традиций оседлого населения лесостепной Скифии с каждым полевым сезоном находит все новые и новые подтверждения.

Таким образом, высказанные на сегодняшний день гипотезы относительно причин появления человеческих костей на поселениях сводятся к четырем интерпретационным подходам. Одни исследователи трактуют такого рода находки как свидетельство бытовой или культовой антропофагии, другие – как остатки жертвоприношений, третьи – как следы вооруженных столкновений, наконец, четвертые – как следствие погребальной практики труповывставления. Ни одно из этих суждений пока не может быть отвергнуто, как, впрочем, и безоговорочно принято.

Сосуществование различных интерпретаций связано, прежде всего, с ограниченными информативными возможностями имеющихся материалов. Далеко не всегда к человеческим костям относились с должным вниманием при раскопках поселений, лишь малая их часть проанализирована антропологами. Возможно, что и причины появления останков людей на бытовых памятниках были разнообразны, в каждом конкретном случае обусловлены особыми обстоятельствами. Все же за полвека изучения этих специфических находок выработано понимание закономерности самого явления, к которому следует относиться как к важнейшему источнику сведений о самых разных аспектах жизни оседлого населения скифской лесостепи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зарецкий И.А. Заметка о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Лихачевки // Харьковский сборник : лит.-науч. приложение к «Харьковскому календарю на 1888 г.». Харьков : Тип. губернского правления, 1888. Вып. 2. С. 229–246.
2. Хвойко В.В. Городища среднего Приднепровья, их значение, древность и народность // Труды XII Археологического съезда в Харькове, 1902 г. / ред. П.С. Уварова. М. : Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1905. Т. I. С. 93–104.
3. Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 году // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове, 1909 / ред. П.С. Уварова. М., 1911. Т. III. С. 93–161.
4. Разуваев Ю.Д. Захоронения и останки людей на поселениях Лесостепной Скифии: состояние источников // Российская археология. 2016. № 3. С. 102–120.
5. Шрамко Б.А. Поселения скифского часу в бассейне Днiця // Археологія. 1962. Т. XIV. С. 135–155.
6. Ілiнська В.А. Верхньосулська експедиція 1947 р. // Археологічні пам'ятки УРСР / від. ред. П.П. Єфіменко. Київ : Вид-во АН УРСР, 1952. Т. IV. С. 34–42.
7. Ілiнська В.А. Антропофаги, меланхлени, будини або скіфи // Археологія. 1970. Т. XIII. С. 23–39.
8. Медникова М.Б. Трепанации у древних народів Євразії. М. : Научный мир, 2001. 304 с.
9. Ляпушкин И.И. Поселение скифского времени близ дер. Пожарная Балка Полтавской области // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951. Вып. XXXVII. С. 125–130.
10. Ильинская В.А. Отчет о работе Путивльского отряда Сеймско-Деснинской экспедиции Института археологии АН УССР 1950 г. // Архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. 1950/26.
11. Андриенко В.П. О материалах последнего этапа существования поселения Пожарная Балка II // История и археология Слободской Украины : тез. докл. и сообщ. всеукраинской конф., посвящ. 90-летию XII Археологического съезда / гл. ред. В.К. Михеев. Харьков : Харьковский гос. ун-т, 1992. С. 84–86.
12. Білозор В.П. Про жертвовники з людськими черепами в ур.Царина на Бiльському городищі // Від Кiммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо-сарматської археології : (матеріали міжнар. наук. конф.) / ред. С.А. Скорий. Київ : Корвін прес, 2001. С. 9–10.
13. Болтрик Ю.В., Фялко Е.Е. Отчет о работе экспедиции Сула-94 // Архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. 1994/125.

14. Шрамко И.Б., Бондаренко В.Л., Задников С.А. Археозоологические материалы с поселения скифского времени у с. Барчаны // Археологическое изучение Центральной России : тез. межд. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.П. Левенка / отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк : Липецкий гос. пед. ун-т, 2006. С. 227–229.
15. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М. : Наука, 1994. 608 с.
16. Русанова И.П. Истоки славянского язычества. Культурные сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Черновцы : Прут, 2002. 172 с.
17. Радзиевская В.Е., Шрамко Б.А. Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище // Советская археология. 1980. № 4. С. 181–189.
18. Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев : Наукова думка, 1987. 184 с.
19. Махортых С., Ролле Р. Некоторые итоги исследований Бельского городища и его округи украинско-немецкой экспедицией // Археологічний літопис Лівобережної України. 2006. № 1. С. 5–10.
20. Козак А.Д. Человеческие жертвоприношения в зольнике раннескифского времени Бельского городища // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии / ред. М.Б. Медникова. М. : Ин-т археологии РАН, 2004. Вып. 3. С. 112–121.
21. Козак О.Д., Шульц М. Людські жертвоприношення на зольниках Більського городища // Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень) / від. ред. Є.В.Черненко. Київ : Шлях, 2006. С. 77–100.
22. Кулатова І.М. Рятівні дослідження на поселенні скіфського часу в ур.Лісовий Кут у Більську // Археологічний літопис Лівобережної України. 2008. № 1–2. С. 137–147.
23. Артемьев А.В. Одонтологический анализ костей черепа, происходящего из ямы 2 на селище в ур. Лисовый Кут у с. Бельск // Археологічний літопис Лівобережної України. 2008. № 1–2. С. 148–149.
24. Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971. Ч. II. 687 л. // Архив Института археологии РАН. Р–2. № 2088, 2089.
25. Пузикова А.И. Культура оседлых племен Правобережья Среднего Дона в скифское время : дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. 338 л. // Архив Института археологии РАН. Р–2. № 2087.
26. Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время / отв. ред. А.П. Смирнов. М. : Наука, 1969. С. 41–81. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 151).
27. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2001. 192 с.
28. Гавриш П.Я. Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Припислля). Полтава : Археологія, 2000. 232 с.
29. Артемьев А.В., Гавриш П.Я., Яланский А.В. Опыт идентификации и диагностики повреждений по фоссильным и субфоссильным костям черепа (о находке с Кнышевского городища) // Археологічний літопис Лівобережної України. 2001. № 1. С. 81–84.
30. Бессонова С.С., Скоровый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи : (по материалам раскопок 1988–1996 гг.). Киев ; Краков : Ин-т археологии Нац. акад. наук Украины, 2001. 242 с.
31. Гейко А.В. Глинське городище скіфського часу в Посуллі // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи / ред. О.Б. Супруненко. Полтава, 1996. С. 242–249.
32. Хавлюк П.І. Пізньоскіфське селище Сорока // Археологія. 1979. Вып. 29. С. 34–54.
33. Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Басовское городище – центр Посульского узла памятников эпохи раннего железа // Древности–1995 : Харьковский историко-археологический ежегодник / гл. ред. В.И. Кадеев. Харьков : Бизнес Информ, 1995. С. 40–43.
34. Фіалко О.Є., Болтрик Ю.В. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. Київ : Ін-т археології Нац. акад. наук України, 2003. 152 с.
35. Радзиевская В.Е. Основные итоги раскопок Коломакского городища // История и археология Слободской Украины : тез. докладов и сообщений всенар. конф., посвящ. 90-летию XII Археологического съезда / гл. ред. В.К. Михеев. Харьков : Харьков. гос. ун-т, 1992. С. 177–179.
36. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М. : Наука, 1999. 160 с.
37. Медведев А.П. Новые материалы о финале Лесостепной Скифии // Донские древности / отв. ред. В.Е. Максименко. Азов : Азовский краевед. музей, 1997. Вып. 5. С. 50–66.
38. Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. К интерпретации захоронений на Семилукском городище скифского времени // Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология / отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М. : Ин-т археологии РАН, 2000. С. 249–257.
39. Разуваев Ю.Д. Могильник на Семилукском городище скифского времени в свете новых исследований // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2015. № 2. С. 98–107.
40. Разуваев Ю.Д. О захоронениях и останках людей на поселениях Лесостепной Скифии // Труды IV Всероссийского археологического съезда в Казани / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.Г. Ситдинов. Казань : Отечество, 2014. Т. II. С. 159–162.
41. Гречко Д.С. Об одном из способов погребения у земледельцев восточноевропейской лесостепи скифского времени // Восточноевропейские древности / отв. ред. Ю.Д. Разуваев. Воронеж : Науч. книга, 2012. С. 118–124. (Вестник Острогского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского. Вып. 2)
42. Гречко Д. О бескурганных погребениях аборигенного населения восточноевропейской лесостепи скифского времени // Revista Arheologică. Serie nouă. 2014. Vol. X. Nr.1–2. P.79–101.

Razuvaev Yuriy D. Voronezh Pedagogical State University (Voronezh, Russia). E-mail: razuvaevyd@mail.ru

SEPARATE HUMAN REMAINS ON SETTLEMENTS OF FOREST-STEPPE SCYTHIA: REVIEW OF INTERPRETATIVE APPROACHES

Keywords: Forest-steppe Scythia; settlements; human bones; interpretative hypotheses.

On the hillforts and unfortified settlements of the VII–III centuries BC in the Dnieper-Don forest-steppe bones of people are often found. The purpose of article consists in identification of level of study of this phenomenon in modern archeology. For its realization the available interpretations were analysed, degree of their compliance to archaeological materials was defined. Published and, partly, archival works of the Ukrainian and Russian archeologists were sources of a research. As a result of the carried-out work it was succeeded to come to the following conclusions. Since 1960-th years researchers differently tried to explain existence of human bones on forest-steppe settlements of a Scythian era. The existing hypotheses come down to four approaches. Some specialists (V.P. Andriyenko, V.P. Belozor, B.A. Shramko, etc.) wrote about a domestic or ritual cannibalism among the local population. These assumptions are ill-founded. Other authors (S.S. Bessonova, I.N. Kulatova, S.V. Makhortykh, A.I. Puzikova, S.A. Skory, B.A. Shramko etc.) connect bone finds with the human sacrifices made on settlements. They rely in their conclusions on the results of research of a number of cult complexes, which included clay altars with skulls. Supporters of this approach, perhaps the most popular among specialists, demonstrated the important role of craniological materials in the ritual practice of forest-steppe farmers. At the same time, it was not possible to confirm the presence of blood rites archaeologically yet. Often, human remains are considered as a consequence of military conflicts in settlements (Y.V. Boltryk, A.P. Medvedev, V.E. Radzievskaya, etc.). However, these theories often dissonant with the indisputable and numerous facts of bones being manipulated in ancient times. According to another, recently formulated (D.S. Grechko, Y.D. Razuvaev), the anthropological materials are due to the appearance of the burial rite of exhibiting corpses. Strictly speaking, and this hypothesis is based on indirect data.

Unfortunately, only indirect data can be justified: just a long stay of parts of the skeleton outside the ground, the presence of bones bitten by predators, the existence of a kind of pits of human remains, etc. Thus, interpretations have not yet been put forward, reflecting the diversity of available materials. This is due, first of all, to the limited informative possibilities of sources studied far from the proper measure. Perhaps, the reasons for the appearance of disparate remains of people on everyday monuments were varied. The main thing is that by now an understanding has been achieved of the importance of these findings for studying various aspects of the life of the sedentary population of the Scythian forest-steppe.

REFERENCES

- Zaretskiy, I.A. (1888) Zametka o drevnostyakh Khar'kovskoy gubernii Bogodukhovskogo uyezda slobody Likhachevki [Notes on the antiquities of Likhachevka Slo-boda in Kharkov Province, Bogodukhovskiy District]. In: *Khar'kovskiy sbornik. Literaturno-nauchnoe prilozhenie k "Khar'kovskomu kalendaru na 1888 g."* [Kharkov collection of articles. Literary-scientific supplementary to "The Kharkov Calendar for 1888"]. Issue 2. Kharkov: Tipografiya gubernskogo pravleniya. pp. 229–246.
- Khvoyko, V.V. (1905) Gorodishcha srednego Pridneprov'ya, ikh znachenie, drevnost' i narodnost' [Ancient settlements of the Central Dnieper Bank, their value, antiquity and nationality]. In: Uvarov, P.S. (ed.) *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda v Khar'kove 1902 g.* [Proceedings of the 12th of the Archaeological Congress in Kharkov, 1902]. Vol. 1. Moscow: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova. pp. 93–104.
- Gorodtsov, V.A. (1911) Dnevnik arkheologicheskikh issledovaniy v Zen'kovskom uезде Poltavskoy gubernii v 1906 godu [The diary of archaeological researches in Zenkovskiy District of Poltava Province in 1906]. In: Uvarova, P.S. (ed.) *Trudy XIV Arkheologicheskogo s'ezda v Chernigove 1909* [Proceedings of the 12th of the Archaeological Congress in Chernigov, 1909]. Vol. 3. Moscow: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova pp. 93–161.
- Razuvaev, Yu.D. (2016) Burials and human remains on habitations sites of the forest-steppe Scythia: the state of sources. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 3. pp. 102–120. (In Russian).
- Shramko, B.A. (1962) Poseleniya skifs'kogo chasu v baseyni Dintsya [Scythian settlements in the Donets basin]. *Arkheologiya*. 14. pp. 135–155.
- Ilinskaya, V.A. (1952) Verkh'osul'ska ekspeditsiya 1947 r. [Verkhnesul'skiy expedition, 1947]. In: Efimenko, P.P. (ed.) *Arkheologichni pam'yatki URSS* [Archaeological monuments of the USSR]. Vol. 4. Kiev: AS USSR. pp. 34–42.
- Ilinskaya, V.A. (1970) Androfagi, melankhleri, budini abo skifi [Androphages, Melanchlaenis, Boudins or Scythians]. *Arkheologiya*. 13. pp. 23–39.
- Mednikova, M.B. (2001) *Trepanatsii u drevnikh narodov Evrazii* [Trepanations in the ancient people of Eurasia]. Moscow: Nauchnyy mir.
- Lyapushkin, I.I. (1951) Poselenie skifs'kogo vremeni bliz der. Pozharnaya Balka Poltavskoy oblasti [The settlement of the Scythian time near the village Pozharnaya Balka of Poltava region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 37. pp. 125–130.
- Ilinskaya, V.A. (1950) *Otchet o rabote Putivl'skogo otryada Seymsko–Desninskoy ekspeditsii Instituta arkheologii AN USSR 1950 g.* [Report on the work of Putilovskiy group of Seim-Desna expedition of the IA AN USSR in 1950]. The Archive of Institute of archeology of National Academy of Sciences of Ukraine. 1950/2b.
- Andrienko, V.P. (1992) O materialakh poslednego etapa sushchestvovaniya poseleniya Pozharnaya Balka II [On the last stage of Pozharnaya Balka settlement]. In: Mikheev, V.K. (ed.) *Istoriya i arkheologiya Slobodskoy Ukrainy* [History and Archaeology of Sloboda Ukraine]. Kharkov: Kharkov State University. pp. 84–86.
- Bilozor, V.P. (2001) Pro zherstvovniki z lyuds'kimi cherepami v ur. Tsarina na Bil's'komu gorodishchi [On the sacrificial places with human skulls in Tsarina at the Belskoye fortified settlement]. In: Skoriy, S.A. (ed.) *Vid Kimmerii do Sarmatii. 60 rokov viddilu skifo-sarmats'koi arkheologii* [From Cimmeria to Sarmatia. 60 years of the Scythian-Sarmatian Archaeology Department]. Kyiv: Korvin press. pp. 9–10.
- Boltrik, Yu.V. & Fialko, E.E. (1994) *Otchet o rabote ekspeditsii Sula-94* [Report on the expedition Sula-94]. The Archive of Institute of Archeology of National Academy of Sciences of Ukraine. 1994/125.
- Shramko, I.B., Bondarenko, V.L. & Zadnikov, S.A. (2006) Arkheozoologicheskie materialy s poseleniya skifs'kogo vremeni u s. Barchany [Archeozoological materials from the Scythian settlement near Barchany]. In: Bessudnov, A.N. (ed.) *Arkheologicheskoe izuchenie Tsentral'noy Rossii* [Archaeological study of Central Russia]. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University. pp. 227–229.
- Rybakov, B.A. (1994) *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of Ancient Slavs]. Moscow: Nauka.
- Rusanova, I.P. (2002) *Istoki slavyanskogo yazychestva. Kul'tovye sooruzheniya Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy v I tys. do n.e. – I tys. n.e.* [Sources of Slavic paganism. Cult constructions of Central and Eastern Europe in I Thd. BC – I Thd AD]. Chernovtsy: Prut.
- Radzievskaya, V.E. & Shramko, B.A. (1980) Usad'ba s kostoreznoy masterskoy na Bel'skom gorodishche [The estate from the bone carving workshop in the Belskoye fortified settlement]. *Sovetskaya arkheologiya*. 4. pp. 181–189.
- Shramko, B.A. (1987) *Bel'skoe gorodishche skifs'koy epokhi (gorod Gelon)* [The Belskoye fortified settlement of the Scythian epoch (the city of Gelon)]. Kiev: Naukova dumka.
- Makhortyk, S. & Rolle, R. (2006) Nekotorye itogi issledovaniy Bel'skogo gorodishcha i ego okrugii ukrainsko-nemetskoy ekspeditsiy [Some results of researches of the Belskoye fortified settlement and its area by Ukrainian-German expedition]. *Arkheologichniy litopis Livoberezhnoi Ukraini*. 1. pp. 5–10.
- Kozak, A.D. (2004) Chelovecheskie zherstvoprinosheniya v zol'nike ranneskifs'kogo vremeni Bel'skogo gorodishcha [Human sacrifices of the early Scythian ashpits of the Belskoye fortified settlement]. In: Mednikova, M.B. (ed.) *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Researches in Archaeology]. Issue 3. Moscow: Institute of Archeology RAS. pp. 112–121.
- Kozak, O.D. & Shults, M. (2006) Lyuds'ki zherstvoprinosheniya na zol'nikakh Bil'skogo gorodishcha [Human sacrifices in the ashpits of the Belskoye fortified settlement]. In: Chernenko, E.V. (ed.) *Bil's'ke gorodishche ta yogo okrug (do 100-richchya pochatku pol'ovikh doslidzhen')* [The Belskoye fortified settlement and its area (to the centennial of the field researches)]. Kyiv: Shlyakh. pp. 77–100.
- Kulatova, I.M. (2008) Ryativni doslidzhennya na poseleenni skifs'kogo chasu v ur. Lisoviy Kut u Bil'sku [Rescue excavations at the Scythian settlement in Lisoviy Kut locality near Belsk]. *Arkheologichniy litopis Livoberezhnoi Ukraini*. 1–2. pp. 137–147.
- Artemev, A.V. (2008) Odontologicheskii analiz kostey cherepa, proiskhodyashchego iz yamy 2 na selishche v ur.Lisoviy Kut u s.Bel'sk [Odontological analysis of skull bones from Pit 2 at ancient settlement in Lisoviy Kut locality near Belsk]. *Arkheologichniy litopis Livoberezhnoi Ukraini*. 1–2. pp. 148–149.
- Liberov, P.D. (1971) *Drevnyaya istoriya naseleniya Podon'ya* [Ancient history of the Don basin population]. History Dr. Diss. The Archive of Institute of Archeology of the RAS. R–2. № 2088, 2089.
- Puzikova, A.I. (1971) *Kul'tura osedlykh plemen Pravoberezh'ya Srednego Dona v skifs'koe vremya* [Culture of settled tribes of the Central Don right bank in Scythian time]. History Cand. Diss. The Archive of Institute of Archeology of the RAS. R–2. № 2087.
- Puzikova, A.I. (1969) Poseleniya Srednego Dona [The Middle Don settlements]. In: Smirnov, A.P. (ed.) *Naselenie Srednego Dona v skifs'koe vremya* [The Middle Don population in Scythian time]. Moscow: Nauka. pp. 41–81.
- Sinyuk, A.T. & Berezutskiy, V.D. (2001) *Mostishchenskiy kompleks drevnikh pamyatnikov (epokha bronzy – ranniy zheleznyy vek)* [The Mostishchenskiy complex of ancient sites (Bronze Age – Early Iron Age)]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Universty.
- Gavrish, P.Ya. (2000) *Plemena skifs'kogo chasu v lisostepu Dniprov'skogo Livoberezhzhyia (za materialami Pripsillya)* [Scythian tribes in the forest-steppe of the Dnieper Left Bank (a case stusy of the Psel basin)]. Poltava: Arkheologiya.

29. Artemev, A.V., Gavrish, P.Ya. & Yalanskiy, A.V. (2001) Opyt identifikatsii i diagnostiki povrezhdeniy po fossil'nym i subfossil'nym kostyam cherepa (o nakhodke s Knyshevskogo gorodishcha) [The identification and diagnosis of the injuries by fossil and subfossil skull bones (on the finds from Knyshevskiy fortified settlement)]. *Arkheologichniy litopis Livoberezhnoï Ukraïni*. 1. pp. 81–84.
30. Bessonova, S.S. & Skoryy, S.A. (2001) *Motroninskoe gorodishche skifskoy epokhi (po materialam raskopok 1988-1996 gg.)* [The Motroninskoye fortified settlement of the Scythian epoch (the excavations in 1988–1996)]. Kiev; Krakov: Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.
31. Geyko, A.V. (1996) Glins'ke gorodishche skifs'kogo chasu v Posulli [The Glinskoye fortified settlement of the Scythian epoch in the Sula basin]. In: Suprunenko, O.B. (ed.) *Bil's'ke gorodishche v konteksti vivchennya pam'yatok rann'ogo zaliznogo viku Ėvropi* [The Belskoye fortified settlement in the context of studying of the European Iron Age sites]. Poltava: [s.n.]. pp. 242–249.
32. Khavlyuk, P.I. (1979) Pizn'oskifs'ke selishche Soroka [Late Scythian settlement Soroka]. *Arkheologiya*. 29. pp. 34–54.
33. Boltrik, Yu.V. & Fialko, E.E. (1995) Basovskoe gorodishche – tsentr Posul'skogo uzda pamyatnikov epokhi rannego zheleza [The Basovskoye fortified settlement is the center of Sula cluster of sites of the Early Iron Age]. In: Kadeev, V.I. (ed.) *Drevnosti–1995. Khar'kovskiy istoriko–arkheologicheskyy ezhegodnik* [Antiquities – 1995. Kharkov Historical and Archaeological Annual]. Kharkov: Biznes Inform. pp. 40–43.
34. Fialko, O.E. & Boltrik, Yu.V. (2003) *Napad skifiv na Trakhtemirivs'ke gorodishche* [Scythians attack on the Trakhtemirovskoye fortified settlement]. Kyiv: Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.
35. Radzievskaya, V.E. (1992) Osnovnye itogi raskopok Kolomakskogo gorodishcha [Main results of the excavation of the Kolomak fortified settlement]. In: Mikheev, V.K. (ed.) *Istoriya i arkheologiya Slobodskoy Ukraïni* [History and Archaeology of Sloboda Ukraine]. Kharkov: Karkov State University. pp. 177–179.
36. Medvedev, A.P. (1999) *Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podon'ya. Arkheologiya i etnokul'turnaya istoriya I tysyacheletiya do n.e.* [Early Iron Age of the forest-steppe Don basin. Archaeology and ethno-cultural history of the 1st Thd BC]. Moscow: Nauka.
37. Medvedev, A.P. (1997) Novye materialy o finale Lesostepnoy Skifii [New materials about the final of Forest-steppe Scythia]. In: Maksimenko, V.E. (ed.) *Donskie drevnosti* [Don Antiquities]. Issue 5. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey. pp. 50–66.
38. Pryakhin, A.D. & Razuvaev, Yu.D. (2000) K interpretatsii zakhoroneniya na Semilukskom gorodishche skifskogo vremeni [To the interpretation of the Semilukskoye fortified settlement burials of the Scythian epoch]. In: Gulyaev, V.I. & Olkhovskiy, V.S. (2000) *Skify i sarmaty v VIII–III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya* [Scythians and Sarmatians in the 8th–3rd centuries BC: paleoecology, anthropology and archaeology]. Moscow: Institute of Archeology RAS. pp. 249–257.
39. Razuvaev, Yu.D. (2015) Cemetery at the Semilukskoye fortified settlement of the Scythian time in the light of new researches. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 2. pp. 98–107. (In Russian).
40. Razuvaev, Yu.D. (2014) O zakhoroneniyyakh i ostankakh lyudey na poseleniyakh Lesostepnoy Skifii [On the burials and the human remains at the settlements of the forest-steppe Scythia]. In: Derevyanko, A.P., Makarov, N.A. & Sitdikov, A.G. (eds) *Trudy IV Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the 4th All-Russia Archaeological Congress in Kazan]. Vol. 2. Kazan': Otechestvo. pp. 159–162.
41. Grechko, D.S. (2012) Ob odnom iz sposobov pogrebeniya u zemledel'tsev vostochnoevropeyskoy lesostepi skifskogo vremeni [On one way of burying among the farmers of East European forest-steppe in the Scythian epoch]. In: Razuvaev, Yu.D. (ed.) *Vostochnoevropeyskie drevnosti* [East European Antiquities]. Voronezh: Nauchnaya kniga. pp. 118–124.
42. Grechko, D. (2014) O beskurgnnykh pogrebeniyakh aborigennogo naseleniya vostochnoevropeyskoy lesostepi skifskogo vremeni [About the cemetery of the native population of the East European forest-steppe of the Scythian epoch]. *Revista Arheologică. Serie nouă*. 10(1–2). pp. 79–101.

УДК 392.8(=161.2)
DOI: 10.17223/19988613/53/22

О.М. Рындина, А.Г. Воропаева

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА УКРАИНЦЕВ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ: ДИНАМИКА ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Анализируется пища пореформенных переселенцев-украинцев, обосновавшихся на территории современной Томской области с конца XIX в. Источниками послужили полевые материалы, собранные авторами в 2009–2010 гг. на указанной территории. Применительно к началу XX в. реконструируется система питания украинцев, которая сравнивается с традиционной пищей второй половины XVIII–XX в., характерной для материнской культуры на Украине. Проведен сравнительный анализ традиционной кухни украинцев в рамках Сибирского региона на локальном уровне. Показана динамика во времени пищевых традиций украинцев Томской области.

Ключевые слова: Сибирь; пореформенные переселенцы; украинцы; традиционная культура; пища; продукты питания; кулинария; трапеза будничная и праздничная; ритуальные блюда; трансформация традиций.

Одним из самых многочисленных этносов в России и в Томской области являются украинцы. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Томской области они насчитывают 11 254 чел. и занимают третье место после русских (922 723 чел.) и татар (17 029 чел.) [1]. В настоящее время сохранились селения, образованные пореформенными переселенцами из юго-западных губерний России, прежде всего Полтавской и Черниговской – Новорождественское Томского р-на и Большой Татош Молчановского р-на, в которых живут потомки первопоселенцев из Малороссии. Безусловно, со временем украинская культура в них утратила многие специфические черты, однако некоторые воспроизводятся и сегодня, по крайней мере на мемориальном уровне. Самым устойчивым компонентом этнической культуры признана кухня, и данное положение подтверждают полевые материалы, собранные авторами статьи в 2009 г. в с. Новорождественское и в 2010 г. в с. Молчаново, Большой Татош и Тунгусово.

Сбор и систематизация сведений о традиционной украинской культуре активно велись во второй половине XIX – начале XX в. Среди собранных материалов и исследований особое место занимает 7-томное издание П.П. Чубинского, ставшее итогом трех его экспедиций, предпринятых в 1870 г. Идея этнографо-статистического обследования Западно-Русского края возникла в Императорском Русском географическом обществе, и сбор материала по народам Юго-Западного края был поручен секретарю архангельского статистического комитета П.П. Чубинскому. Со второй половины 1870 г. от него начали поступать сведения, комиссия рассмотрела их и признала возможным приступить к публикации с 1871 г. Среди изученных П. П. Чубинским народов значатся и украинцы-малороссы. Большая часть собранного по их культуре материала относится к фольклору, верованиям и обрядам. Не обойденной вниманием оказалась и материальная культура, сведения о которой обобщены в 7-м томе [2]. Отдельным исследовательским сюжетом стала пища. В ее характеристике

выделены и ранжированы компоненты, продукты, блюда, описано приготовление некоторых из них, указана праздничная, обрядовая и постная пища, приведены некоторые сведения о трапезе. Вместе с тем приведенная характеристика далеко не равномерно охватывает украинскую пищу во всем ее объеме. Так, значительное внимание уделено напиткам, а выпечке дано предельно сжатое описание.

Ко второй четверти XX в. относится осмысление материала, собранного по народам западной части России, на восточнославянском уровне. Указанную тенденцию лучше всего раскрывает труд Д.К. Зеленина «Восточнославянская этнография» [3], впервые изданный в 1927 г. в Берлине на немецком языке. Автор опирается на собственные полевые материалы и собранные предшественниками во второй половине XIX – начале XX в. Сравнительному анализу с выделением общих восточнославянских и специфических этнических компонентов у русских, украинцев и белорусов были подвергнуты материалы по всем сферам традиционной культуры, включая и пищу. Правда, охарактеризована она неравномерно: основное внимание уделено доминирующим компонентам – мучному и растительному. Детально охарактеризованы способы приготовления хлеба и напитков. К типично украинским блюдам отнесены борщ, вареники, галушки и узвар-компот. Приведены некоторые сведения о трапезе, правда, без учета этнической специфики.

Задачи сравнительно-исторического изучения традиционной культуры восточнославянских народов на новом теоретико-методическом уровне были решены в фундаментальной коллективной монографии «Этнография восточных славян», в которой отдельная глава посвящена пище [4]. Основное внимание в ней уделено выявлению и характеристике общих восточнославянских черт в традиционной пище. Анализируемыми элементами стали продукты, блюда, технология приготовления, трапеза и утварь. В качестве украинских «национальных блюд» указаны каравай – высокий пышный

хлеб, который пекли на свадьбу, вареники и колбасы, отмечено явное предпочтение, отдаваемое шампиньонам среди прочих грибов.

Наиболее развернутая, сбалансированная и содержательная характеристика традиционной украинской пищи представлена Л.Ф. Артюх в главе «Народная кухня» коллективной монографии «Украинцы», вышедшей в серии «Народы и культуры» [5]. В ней раскрыта обусловленность пищевых компонентов хозяйственной сферой культуры, выделены специфические для украинцев способы заготовки и обработки продуктов, описаны блюда с указанием степени их архаики и динамики на протяжении XIX–XX вв. В работе проведено разграничение пищи на обыденную и праздничную, отдельное место отведено ритуальным блюдам и пищевым запретам, приведены сведения о режиме питания. В целом указанную работу можно определить как исходную матрицу для сравнительно-исторического изучения украинских пищевых традиций, в том числе и на локальном уровне.

Работ, посвященных пище в культуре украинских переселенцев в Сибири, относительно немного. Во второй половине XX – начале XXI в. появляются исследования, затрагивающие тему украинской кухни в регионе в рамках истории и культуры пореформенных переселенцев: работы Е.Ф. Фурсовой, посвященные украинцам Новосибирской области [6, 7], О.Г. Сидорской – свадебной обрядности украинцев Омской области [8], Т.А. Гончаровой – украинцам-переселенцам на Томской земле [9]. Наиболее подробно традиционная кухня украинских переселенцев изучена Е.Н. Ефремовой на основе материалов Омского Прииртышья [10, 11].

Методология изучения традиционной пищи украинцев, проживающих на территории Томской области, строится на положениях, утвердившихся в отечественной историографии и систематизированных С.А. Арутюновым в рамках сравнительно-типологического метода [12. С. 295–296, 300, 305]. Анализируемыми компонентами служат источники питания, способы их получения и обработки с учетом эволюции, блюда (будничные, праздничные и ритуальные), трапезы, пищевые запреты. Методологическое значение имеет указание автора на необходимость выделения субстратного (исконно этнического) и суперстратного (приобретенного в результате этнокультурного взаимодействия) пластов в традиционных системах питания. Типологический метод дополнен системным, согласно которому компоненты традиционной пищи рассматриваются в их взаимосвязи и взаимообусловленности, что позволяет вести речь о традиционной системе питания. Совпадение компонентов анализа с теми, что присутствуют в работе П.П. Чубинского, предоставляет возможность определения хронологической динамики и субстратных, и суперстратных пластов в кухне украинцев Томской области при сравнении данных второй половины XVIII – начала XX в. с полевыми материалами, собранными авторами статьи в начале XXI в.

Основу хозяйственного комплекса украинцев на территории Томской области составляли земледелие и животноводство. В начале XX в. землю обрабатывали плугом, в который впрягали быков или лошадей. Сеяли вручную. Состав сельскохозяйственных культур включал рожь, ячмень, просо, овес, а затем и пшеницу. Именно озимая рожь и ячмень отмечены украинцами как традиционные для их хозяйства культуры. Убирали урожай серпами, литовками с приделанными к ним граблями. Последние укладывали скошенные стебли колосок к колоску. Сжатые колосья вязали в снопы, для просушки зерна ставили их на поле в суслоны, т.е. по кругу, а сверху прикрывали еще одним снопом. Молотили зерно цепами, с которыми ходили по кругу, мололи его на мельнице [13].

Важной составляющей земледелия являлось огородничество, а перечень выращиваемых культур характеризуется внушительностью и разнообразием: морковь, свекла, брюква, тыква, лук, чеснок, горох, бобы, мак. Значительная часть огородной площади отводилась под посеvy картошки и капусты. Для уборки картофеля собирали помочи. Из масличных и прядильных культур выращивали лен, коноплю и подсолнух. Возделывание на огородах гречихи было обусловлено и нуждами пчеловодства. В первой половине XX в. огородными культурами стали помидоры и огурцы. Украинские огороды отличались размерами и во второй половине XX в. и требовали больших трудовых затрат. Их возделывание вошло в число сильнейших впечатлений от детства. *«На 9 Мая вытаскивали из подполья до 90 ведер картошки для проращивания и в начале июня садили ее. Как только заканчивалась посевная, совхозной техникой вспахивали огороды, а садили, пололи, окучивали и копали картошку вручную. После посадки картошки подходило время прополки грядок на огороде, а у мамы были грядки длиной до 10 м... После прополки огорода наступала пора сенокоса. Ее сменяла копка картошки. По окончании копки из молодой картошки обязательно готовили драники и ели их со сметаной»* [14].

В досоветское время в украинском хозяйстве было развито животноводство. Держали лошадей, быков, коров, свиней, овец, кур. В ранжировании домашних животных первые четыре вида занимали явно доминирующие позиции, а последние – сопутствующие: кур рассматривали как «бесплатное приложение», а овец не любили за их «крикливость», но потребность в шерсти для изготовления теплой одежды и обуви заставляла их держать. В Колбинке, например, была своя «шерстобитка», где катали валенки. В советское время поголовье домашнего скота значительно сократилось, но минимум его указанного состава тем не менее сохранялся.

К дополнительным занятиям, представленным далеко не в каждом хозяйстве, принадлежали пчеловодство, рыболовство и охота. Практиковался сбор дикоросов, главным образом лесных ягод – черемухи, малины, смородины, на севере – клюквы. Структура домашнего хозяйства украинцев обусловила и набор пищевых

продуктов, составлявших основу украинской кухни на территории Томской области. В ней преобладали растительный и мясной компоненты. Растительный компонент включал в себя зерновую составляющую – рожь и пшеницу, из муки которых выпекали хлебо-булочные изделия, готовили мучные блюда. Из зерен проса варили пшеничную кашу.

Весомую часть растительного компонента составляли разнообразные овощи. Картофель и капуста входили в состав различных блюд, свекла и морковь были незаменимы при варке борща. Кроме того, морковь сушили в русской печи, а зимой ее заваривали и пили вместо чая. Лакомством служила пареная брюква. Сладким блюдом, заменявшим употребляемый лишь по праздникам кусковой сахар, считалась тыква, которую называли «арбузом». Тыкву разрезали пополам и распаривали в русской печи. Горох и бобы чаще ели сырыми, а бобы также сушили и зимой отваривали, приправляя салом или маслом, растительным или сливочным. Депортированные после Великой Отечественной войны украинцы тушили на масле и сметане стручки фасоли. Чеснок и лук служили приправами, а запах чеснока вызывал восторженные гастрономические оценки. Лук и чеснок на зиму сушили, сплетали, и многочисленные их вязанки висели на стенах на кухне.

Подсолнухи, вызревавшие на томской земле, давали семечки, которые, во-первых, служили излюбленным лакомством-забавой, во-вторых, из них делали масло, в-третьих, их везли в Томск на продажу и на вырученные деньги покупали соль. Из семян льна и конопли также делали растительное масло, активно употребляемое в пищу в качестве приправы – «все блюда приправляли льняным или конопляным маслом». В д. Большой Татощ у Сазонова была «маслобойка», и все жители ходили к нему отжимать масло. При отжиме наряду с основным продуктом, маслом, получали и жмых – «мокуху» – спрессованные остатки семян. Жмых напоминал по вкусу несладкую халву. Из него делали колобки, их сушили, затем разрубали на кусочки и грызли [15]. Из головок мака выбивали семена, и готовый продукт стоял на кухне в мешочке. Его активно использовали при выпечке, добавляли в толченую картошку.

Ягоды, разнообразившие растительный компонент благодаря собирательству, приносили из леса и сушили. Варенье раньше не варили. Сушеной малиной и смородиной начиняли пироги, распаренную калину смешивали с суслом и ели во время поста. Черемуху мололи, получали из нее муку, которую использовали в кулинарии.

Животноводство обеспечивало наличие мясного и молочного компонентов в кухне украинцев Томского края. В пищу шли преимущественно свиные туши практически без остатка. Мясо использовалось прежде всего как основа для суповых бульонов, субпродукты – как начинка для колбас и пирогов. Свиное сало оставалось и в Сибири продуктом предпочтительного употребления и в будничной, и в праздничной пище. Сало, предназначенное для специальной пищевой обработки,

должно было быть толщиной в «четверть», т.е. в 4 пальца. Чтобы получить продукт желаемого качества, поросята специально откармливали больше года. Обработка сала предполагала соление и копчение. Для соления со спинной части туши срезали вместе с кожей сало в виде лент, которые затем разрезали на куски и полойно укладывали в деревянный ящик. Между слоями посыпали только соль. Хорошее сало получалось, когда с него сбегала «водичка», для этого оно должно было постоять определенное время [16]. Копчение производили в печной трубе. Оно стало причиной сильного пожара, вспыхнувшего в 1929 г. в с. Новорождественское. Искра попала на крышу, а она была соломенной. Дом сгорел в одночасье, выгорела и значительная часть села. Всем миром помогали погорельцам [13].

Молочный компонент в пище украинцев представлен молоком и производными от него продуктами – сметаной, творогом, маслом. Их переработка сведена к минимуму. Из творога варили сыр, добавляя яйцо и масло. Он служил начинкой для блинов. Рыбный компонент, хотя и упоминался в рассказах информаторов, но эпизодически – уха, жареная со сметаной рыба.

Рацион питания зависел от достатка в крестьянском хозяйстве, а он в значительной степени определялся социально-экономическими и политическими условиями в стране. В годы Гражданской и Великой Отечественной войн варили каши, смолов на ручных жерновах то, что оставалось после обмолота зерна, постный борщ и щи, в особенно тяжелые годы – суп из крапивы. Праздничную выпечку на Рождество и Пасху заменяли «картофельный хлеб и булочки»: терли сырой картофель, отжимали, смешивали с крахмалом, отстоявшимся в отжатом картофельном соке. Так получали картофельное «тесто», из которого жарили «хлеб» и «булочки».

Наиболее отчетливо этническая специфика кухни украинцев Томского края вырисовывается в реконструкциях, относящихся к началу XX в., когда доминировало единоличное крестьянское хозяйство. Именно к этому времени информаторы относят активное бытование традиционных украинских блюд – борща с пампушками, сала, колбас и выпечки.

Ежедневным продуктом потребления был хлеб. Его пекли дома в русской печи, после того как она протопится. Летом подкладывали под него капустные листья, чтобы не прилипла зола. Вместо дрожжей использовали закваску – кусок теста от предыдущей выпечки. Поскольку хлеб пекли главным образом из ржаной муки, он получался темным, но таким запашистым, что его нюхали, прежде чем есть. Объединением считался свежеспеченный хлеб, обмакнутый в льняное масло. Будничной выпечкой являлись коржи из теста, замешанного на кислом молоке с добавлением соды. Перед выпечкой их протыкали вилкой. В печи они поднимались и становились рельефными. Такие коржи ели с молоком.

Ежедневная трапеза непременно предполагала борщ. Его доминирующие позиции среди жидких блюд подчеркнуты уже самим специальным названием, в то

время как любой другой суп именовался «юшкой». Зафиксированы три варианта его приготовления. Первый – вероятно, наиболее архаичный, поскольку максимально напоминает суп из борщевика, – прообраз борща, и он заключался в следующем. В чугунок клали мясо, картошку и заготовку из свеклы, заливали водой и ставили в русскую печь. Свекольную закуску дети по наказу матери делали накануне: в крынку мелко крошили свеклу, добавляли туда ложку дрожжевого теста и оставляли на ночь. Вторым вариантом – борщ с заготовкой из сала, свеклой, морковкой и капустой. Заготовка представляла собой соленое сало, толченое в ступе с луком. Третий вариант не предполагал предварительной заготовки, борщ варился с мясом, картошкой, капустой, свеклой и морковью. При любом варианте украинский борщ должен был быть обязательно жирным и насыщенно красного цвета, для чего в него при варке клали целую свеклу. Третье отличие украинского борща – хрустящая, т.е. не переваренная, капуста. Заменой борщу могли служить щи из кислой капусты.

Борщ варили ежедневно, но не ежедневно подавали к нему пампушки. Борщ с пампушками – это блюдо особенно любимое и хвалюемое украинцами. После Великой Отечественной войны, в условиях скудности питания, борщ с пампушками служил праздничным блюдом. Пампушки делали из дрожжевого теста, чаще замешанного из ржаной муки. Шарик из теста клали на противень и ставили в русскую печь. Подавали пампушки с чесночной поливкой. Ее делали в двух вариантах: из капустного рассола, смешанного с растительным маслом и толченым чесноком, либо только из толченого чеснока, смешанного с растительным маслом. Чесночной поливкой приправляли и отварной картофель. Пампушки подавали и как самостоятельное блюдо. Укладывали кругами в большую тарелку, чтобы посередине оставалась «дырка», и ели с молоком или сметаной – «кто как хочет».

Повседневным крупяным блюдом служила каша, главным образом пшенная, из выращенного в хозяйстве проса. Ее варили, точнее томили, в русской печи. Этим же способом готовили и кашу из тыквы: очищали, нарезали, клали в глиняный горшок и добавляли пшено.

К ежедневным блюдам принадлежал отварной картофель, приправленный салом, пережаренным с луком. Из мучных блюд были распространены вареники с начинкой из картофеля, творога, клецки – кусочки пресного теста, отваренные в воде. Их приправляли салом, пережаренным с луком, или посыпали сахаром. В последнем случае клецки становились сладким блюдом. Варили «картопляные» галушки: отщипывали от «картофельной муки» кусочки, скатывали в ладонях в шарики и кидали в кипящую воду. Сваренные комочки заливали кипяченым молоком, и получалось «объединение». Из свекольных или капустных листьев делали голубцы, начиняя их пшенной кашей.

Напитками кроме молока служили хлебный квас и кисели: белый – молочный, красный – из сушеных ягод,

а позднее – из варенья. Кисели принадлежали и к ряду праздничных блюд. Варили также «хохлацкий» кисель из сухофруктов с добавлением крахмала. Любимым молочным напитком стала ряженка. Для ее приготовления кипяченое молоко выливали в крынку, давали остыть, добавляли 1 стакан сметаны и ставили в теплое место на 12–24 часа [13]. Минимальный набор праздничных блюд включал в себя белый и красный кисели, колбасы, сало, винегрет, обилие выпечки, хмельные напитки.

В конце октября-ноября, после забоя свиней, начиналось массовое приготовление колбас. Собранные полевые материалы позволяют вести речь о трех их разновидностях. Во-первых, кровяная колбаса. Оболочкой для нее служили тонкие свиные кишки. Тщательно вычищенные, вымытые и выскобленные, они становились белыми и тонкими. Их начиняли смесью из крови, иногда вареной, пшенной или гречневой крупы, свиного сала. Сырую колбасу протыкали иглой, чтобы кишка не лопнула, укладывали в чугунок или жаровню, иногда добавляя немного воды, и ставили в русскую печь, а позднее – в духовку. Вторая разновидность – мясные колбасы. Начинкой для них служила нарезанная кусочками нежирная свинина или говядина, приправленная чесноком, перцем и солью. Начинку готовили заранее и оставляли на ночь. Жарили в русской печи на листах или на сковороде, добавив немного воды. Подавали, нарезав на кусочки. Третья разновидность – ливерная колбаса, которую начиняли кусочками мяса, легких, почек, печени, сала с добавлением специй – перца и лаврового листа. Ливерную колбасу отваривали и хранили в берестяных туесах, заливая жиром. Подобный способ позволял хранить колбасу длительное время и летом [17]. Когда начиняли колбасы, пользовались определенным приспособлением: в конец кишки вставляли петлю, сделанную из согнутого прута. Очевидно, производным вариантом от мясных стали колбасы из толстых кишок, начиненные тертой картошкой. Их запекали и затем по мере надобности разогревали на сковороде с салом и луком.

Вкусным блюдом, отмеченным как украинское, назван «ковбык» – желудок свиньи, начиненный мясом, салом, почками, зашитый и запеченный в печи [18]. «Хохляцкий» винегрет предполагал обжаривание по отдельности свеклы, моркови, лука с последующим смешиванием и добавлением соленого огурца.

По воскресеньям и на праздники пекли блинчики, чаще начиненные творогом, которые скручивали или сворачивали, а также пироги с разнообразной начинкой – из мяса, капусты, картошки, толченой или молотой черемухи, сушеной малины и смородины. Свообразием отличались пироги со свеклой. Для них ставили ржаное кислое тесто, терли на мелкой терке свеклу, парили ее на сковороде без масла, добавляли сухую малину, позднее – варенье, изюм и мак. Все это служило начинкой. Сладкой выпечкой были булочки, печенье в виде птиц, калачи из дрожжевого теста на молоке или из пресного,

которые варили в растительном масле. К праздничному столу обязательно пекли каравай. Его украшали ягодой, чаще калиной, цветами и обносили гостей, отрезая каждому по кусочку [19].

Кухня депортированных украинцев имела некоторые отличия. В борщ добавляли фасоль. Отмечены такие блюда, как «лопатки» – стручки фасоли, тушенные на масле со сметаной, и «мамалыга». Для приготовления последней в картофельное пюре добавляли кукурузную муку, привозимую из Украины, и выкладывали в чашку. Когда масса принимала форму дна, чашку переворачивали, выкладывали пюре и ниткой разрезали на мелкие треугольники. Подавали с пережаренным на сале луком и яйцом. Готовили сладкие пампушки: раскатывали дрожжевое тесто, вырезали стопкой кружочки, обжаривали в жире и посыпали сахаром [20]. Правда, украинским подобное блюдо не считалось.

Хмельные напитки были представлены пивом, медовухой и самогоном. Последний гнали из молотого зерна. Его клали в кадку, добавляли хмель и дрожжи, заливали водой. В результате брожения получалась брага. Ее наливали в чугуны и ставили на железную печь. Во время кипения по трубочке, вделанной в верхнюю часть чугуна, стекал самогон. Он был «мягким» для питья [16].

Из череды календарных праздников, отмечаемых украинцами на Томской земле, специфические блюда отмечены для Рождества, Пасхи и Троицы. На них пекли хлеб, посыпали его маком и сверху украшали крестом из теста. На Рождество запекали в русской печи большой кусок мяса, предварительно нашпиговав его салом и чесноком и обмазав пресным тестом из ржаной муки. Утром, после рождественской ночи, подавали на стол мясо, тушенное накануне ночью в горшочках в русской печи. Обязательными блюдами рождественского застолья были холодец и колбасы. Готовили на праздник и рыбные блюда: жарили рыбу, добавляя сухие грибы и заправляя мукой, луком.

Главным пасхальным блюдом являлась «пасха», или «кулич», выпекаемые из пшеничной муки. Для теста на 1 л молока брали 10 яиц, 1 стакан растительного масла, добавляли дрожжи. Луковой шелухой красили яйца. Пасху, крашеные яйца, сало и соль освещали в церкви. Для пасхальной трапезы тушили мясо с картошкой, жарили котлеты. На Масленицу главным образом пекли блины.

Календарная обрядность украинцев Томского края сохранила и ритуальные блюда. На «Велию» – вечер накануне Рождества – или в первый день Рождества на стол ставили кутью, приготовленную из зерен пшеницы: их предварительно толкли, просеивали, варили и поливали сиропом из сахара или меда. Отваренные зерна по вкусу напоминали перловку. Кутьей также служила густо сваренная гречневая каша, приправленная растительным маслом, или густая пшенная каша, политая медом, разбавленным водой.

Великий пост – «заговение» – предполагал особую пищу – рыбу, винегрет, пареную в печи брюкву, свеклу,

кашу из тыквы. Все блюда приправлялись лишь растительным маслом. Из зерен ржи делали солод, для чего их слегка проращивали, затем сушили и мололи. Солод размешивали с водой и распаривали в печи, получая сусло. Для получения сусла использовали и лепешки, высушенные в печи до коричневого цвета. Сусло заквашивали и в пост хлебали, смешивали его с распаренной калиной [21].

В семейной обрядности украинцев на территории Томской области лишь свадьба отмечена присутствием обязательных блюд. К ним относятся белый и красный кисели и обилие выпечки. Последняя непременно включала в себя тонкий и обязательно хрустящий хворост, пряники, политые смесью из взбитой простокваши, яиц, сахара и муки, а также коржи, пропитанные медом, смешанным с маком. Молодых встречали на свадьбе с блинами, их же, фаршированные мясом и творогом, ставили на свадебный стол. В свадебной обрядности проступает и символика продуктов растительного происхождения, причем с отрицательным значением. Так, тыква-«арбуз», вынесенная во время сватовства, означала отказ со стороны невесты и ее родителей. Элементом свадебной вседозволенности, вписанной в структуру обряда, являлось следующее «представление». Невесту садили на печь, мазали ей лицо черемуховой мукой, затем помещали в корыто и возили по деревне [22].

Для выявления черт инвариантности и вариативности в пище украинцев, проживающих на территории Томской области, следует сравнить ее с материнской культурой, лучше всего отраженной в работах П.П. Чубинского и Л.Ф. Артюх.

На уровне компонентов принципиальная разница заключается в усилении в Томском крае мясного компонента, что было определено большей степенью развития животноводства. Если на Украине основу питания составляла растительная пища, представленная мучными и крупяными блюдами с овощными и фруктовыми добавками [5. С. 244], то на исследуемой территории сформировалась трехкомпонентная основа – мучная, овощная и мясная пища. Характерный для населения исследуемой территории рыбный компонент практически не проявил себя в украинской кухне.

На уровне продуктов питания также следует вести речь о воспроизведении на новой территории базового для украинской кухни набора. Сохранили свое значение рожь и просо как основные зерновые, первая – для производства зерна, вторая – круп, позднее к ним прибавилась пшеница, а вот количество блюд из гречки сократилось. Определяющее значение в кулинарной традиции украинцев имели овощи, выращиваемые на огороде – картофель, капуста, морковь, свекла, редька, репа, огурцы, лук, чеснок, горох – их употребляли в сыром, вареном, тушеном, жареном, печеном и квашеном виде. Большое распространение имели фрукты – груша, яблоко, вишня, слива, которые употреблялись в качестве начинки и лакомства наряду с лесными ягодами. Бахчевые, арбуз и дыню, ели с хлебом [2. С. 434–437]. Практически

весь состав огородных овощей, охарактеризованный П.П. Чубинским, оказался воспроизведенным в условиях Томского края, поскольку здесь культуры плодоносили. По климатическим условиям исключенными из кухни оказались фрукты и такие бахчевые, как арбуз и дыня, однако их заменила тыква, именуемая «арбузом». Исчезновение грибных блюд, возможно, объясняется предпочтением в Малороссии шампиньонов [4. С. 300] и их отсутствием в Сибири. Не утратило своих доминирующих позиций и сало, сохранился на Томской земле и способ его засолки в деревянном ящике, правда, серьезную конкуренцию продукту составили мясные блюда, прежде всего колбасы. Молоко стабильно присутствует в украинской кухне Томской области. Слабая роль молочной пищи на Украине объяснялась слабым удоем коров, изнуренных тяжелыми работами в сельском хозяйстве. Использование лошадей в качестве основной тягловой силы решило эту проблему в Сибири. Вместе с тем молоко в пище украинцев, проживавших на территории Томской области, играло явно второстепенную роль, поскольку, во-первых, представлено продуктами его первичной обработки – сметаной, творогом и маслом (исключение составила ряженка), а во-вторых, служило дополнением к блюдам.

Сохраненными оказались и основные способы обработки продуктов – варка, тушение / томление, печение, в меньшей степени – жарение. Приготовление многих блюд на Томской земле было связано со спецификой русской печи, позволяющей длительное время подвергать продукты медленной и равномерной термической обработке – «томить».

Основным пищевым продуктом, приготавливаемым украинцами из ржи, был хлеб. У них слово «жито» означало рожь, что свидетельствует о степени значимости данной культуры в системе жизнедеятельности этноса [3. С. 142; 5. С. 242]. Как и на Украине, на территории Томской области доминировал ржаной хлеб. Была сохранена и технология его ежедневного приготовления – без дрожжей, на закваске из куска теста последней выпечки. Сохранилось обилие и разнообразие выпечки – пампушки, булочки, калачи, пироги с разнообразной начинкой. Мучные блюда также хорошо сопоставимы с бытовавшими на Украине – вареники, клецки, или галушки.

Символом украинской кухни и на Томской земле остался борщ. Архаичная традиция его приготовления из «бурякового квасу» и заготовки из сала с луком [2. С. 438] была воспроизведена в несколько модифицированном виде – закваска из свеклы и заготовка из толченого с чесноком соленого сала. Правда, сузилась вариативность приготовления блюда: не зафиксированы холодные борщи из кваса, добавление в него рыбного или грибного бульонов, заправка вареным яйцом или пахтой. Поливка для пампушек, подаваемых к борщу, включала в себя на Украине чеснок и растительное масло, а местную специфику ей придал рассол от квашеной капусты в качестве третьего компонента. Та же

квашеная капуста фигурирует на территории Томской области и в качестве основного продукта для щей, присутствует в голубцах, начиняемых мясом и кашей. Воспроизведенными в Томском крае оказались и такие архаичные для украинской кухни блюда, как каши. И здесь их варили из проса, тыквы, а пшеничные и гречневые не получили широкого распространения.

Предметом особого внимания и гордости у украинцев на территории Томской области стали колбасы. Мясные и кровяные имеют аналоги на Украине, а ливерные – местная специфика. По популярности колбасы здесь намного превзошли кендюх, или «ковбык» в местной огласовке, – начиненный желудок свиньи. Сохранилась традиция тушения мяса в горшочках и запекания свиного окорока на праздники.

Инкорпорированными в украинскую кухню, как и на Украине, оказались и блюда из картофеля – отварной, оладьи из тертого сырого картофеля, клецки. Правда, украинскими эти блюда не считались, и их переходный характер отразило название тертого картофеля, смешанного с крахмалом, – «картофельная мука».

Существование на Томской земле продолжил и такой архаичный напиток украинцев, как кисель из муки. Местная специфика просматривается и в усилении роли молока как повседневного напитка и в ущемлении им позиций компота и кваса. В приготовлении хмельных напитков украинцы на территории Томской области сохранили более ранние традиции: на Украине в XIX в. отошли от варки пива, медовухи [5. С. 251] и перешли к приготовлению наливочек, а здесь праздничное застолье и в начале XX в. характеризовали пиво, медовуха и самогон.

Серьезным изменениям на Томской земле подверглась обрядовая сфера украинской культуры. Она оказалась заметно сокращенной, соответственно уменьшился и набор празднично-ритуальных блюд. Наиболее существенная трансформация произошла с семейной обрядностью. Так, из родильной и поминальной обрядности ритуальные блюда исчезли вовсе, а из свадебной практически выпал ее главный символ – каравай. Это тем более интересно, что каравай сохранился как праздничное блюдо и блюдо календарной обрядности – Рождества, Пасхи и Троицы. Местный вариант кулинарного кода на украинской свадьбе был представлен блинами, которыми встречали молодых, и булочками, которым уделяли особое внимание, правда, утраченным оказалось их название – «шишечки».

Календарная обрядность лучше сохранилась на территории Томской области [23]. Основным обрядовым блюдом в канун Рождества стала кутья, аналогичная по рецептуре той, что зафиксирована на Украине – обработанные зерна пшеницы, политые сиропом из меда. Формы вариативности кутьи различны: в местах исхода – зерна ячменя, на территории Томской области – гречихи и проса. Состав постных блюд в целом аналогичен варианту материнской культуры, но за одним существенным исключением: во время поста на территории

Томской области готовили блюдо из сусли и распаренной калины, что обнаруживает параллель с культурой русских старожилов [24. С. 240]. Мучная пасха-кулич и крашеные яйца символизировали Пасху, но творожная пасха не готовилась украинцами в Томском крае. Масленица славилась блинами.

Итак, основные черты украинской культуры в области пищи оказались воспроизведенными пореформенными переселенцами на новом месте обитания – на территории Томской области. Это касается базовых компонентов (мучной и овощной), набора продуктов (зерна ржи, проса, пшеницы, капуста, картофель, свекла, морковь, мак, тыква, бобы, горох и другие овощи, свиное мясо и сало, молоко, сметана, творог, конопляное, льняное и подсолнечное масло), способов их обработки (варение, тушение, выпекание) и приготавливаемых блюд (борщ с пампушками, вареники, винегрет, отварной картофель, политый растительным маслом, соленое сало, колбасы, кендюх, студень, булочки, караваи, пироги). Выделенный комплекс можно определить как субстратный для пореформенных украинцев-переселенцев, обосновавшихся на территории Томского края. Наиболее существенные изменения традиционной кухни заключались в исчезновении из питания фруктов, усилении роли мясного компонента и сокращении ритуальных блюд. Кроме того, украинская кухня на исторической родине отличалась большим разнообразием вариантов у приготавливаемых блюд, т.е. она обладала большим культурным запасом, большей культурной избыточностью. На новом месте обитания из этого запаса было отобрано то, что наиболее оптимально способствовало новой природно-климатической нише.

К суперстратному компоненту можно отнести длительное бытование пива, возможно, под влиянием проживавших по соседству пореформенных переселенцев из Прибалтики, возникновение картофельного варианта колбасы – белорусов, а ливерные колбасы, способ их сохранения в берестяных туесах и постное блюдо из сусли и распаренной калины – очевидно, следствие этнокультурных контактов с русским старожильским населением.

Осуществление детального исследования по пище украинцев Омской области [11] позволяет сравнить две системы питания, сложившиеся в Сибири, и сделать вывод об отсутствии или наличии в регионе локально-адаптационных вариантов украинской культуры. Укажем на наиболее существенные результаты проведенного анализа. Во-первых, основой системы питания на обеих территориях служили земледелие и животновод-

ство, что обусловило усиление роли мясного компонента. Специфику омского варианта составила «вторая жизнь» молочных продуктов, что позволило определить систему питания как «зерново-мясо-молочный комплекс» [Там же. С. 13, 17]. Во-вторых, на территории Омской области отмечена большая степень сохранности обрядовой сферы культуры, соответственно, лучше представлены и ритуальные блюда. Особенно это заметно применительно к свадьбе, которая непременно включала в себя изобилие выпечки, включая каравай и «шишечки» [8. С. 27–28]. Сохранилась там и поминальная кутья, в то время как на территории Томской области поминали «кто чем может». Святочная кутья в Омской области была представлена тремя разновидностями – рождественской, новогодней и крещенской [11. С. 14], а в Томской – единственным вариантом, рождественским. В-третьих, традиционная кулинария Омской области содержит в себе и большее разнообразие обыденных блюд. Это касается и борща. Иными словами, омский вариант украинской культуры воспроизвел в условиях адаптации больше черт материнской культуры, чем томский.

Пищевая система, реконструированная в статье применительно к началу XX в., в годы военных лихолетий XX в. была сведена к минимуму, а в 1960–1970-е гг. частично восстановлена. Так, в с. Новорождественском в это время «в сельской пекарне выпекали для себя пампушки. Зайдешь – а там такой запах чеснока!» [25]. На существовавших еще тогда русских печах к праздникам пекли булочки на все село. К праздничному застолью готовили колбасы, винегрет, студень. Ни одно застолье не обходилось без соленого и копченого сала.

В настоящее время украинская кухня существует больше на мемориальном уровне. Колбасы, пироги, фаршированные блинчики, компот на праздничном столе напоминают о том, что предки хозяев – пореформенные переселенцы с Украины. Правда, рецепты и технологии приготовления блюд в значительной степени утратили прежние черты. Это же относится и к борщу, который сегодня варится без свекольной заправки и заготовки из сала, а подается без пампушек. И все же за традиционной пищей сохраняется и сегодня важнейшая функция – этнокультурного маркера. Именно она в условиях утраты родного языка, часто и смены идентичности в пользу русской очерчивает границы того мира, что определяется как украинская культура. «Украинский дух – это кухня», – данную фразу одного из наших информаторов можно определить эпиграфом к настоящей статье.

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

- Герасименко (Вашиной) Ярослава Петровна*, 1960 г.р., пос. Нюрса Чаинского р-на.
Завражнова (Герасимчук) Людмила Ивановна, 1953 г.р., д. Колбинка Молчановского р-на.
Коваленко (Горлушко) Татьяна Михайловна, 1952 г.р., с. Новорождественское Томского р-на.
Коновалова Валентина Никитична, 1929 г.р., с. Новорождественское Томского р-на.
Котова (Гавриленко) Мария Тимофеевна, 1940 г.р., с. Новорождественское Томского р-на.
Лесняк (Притула) Зоя Александровна, 1935 г.р., с. Большой Татош Молчановского р-на.

- Ложкова (Цысь) Нина Петровна*, 1926 г.р., с. Новорождественское Томского р-на.
Мальгина (Притула) Галина Александровна, 1961 г.р., д. Большой Татош Молчановского р-на.
Мананникова (Гавриленко) Раиса Дмитриевна, 1936 г.р., с. Новорождественское Томского р-на.
Петрик (Краснопёрова) Любовь Михайловна, 1939 г.р., д. Медведчиково Анжеро-Судженского (ныне Яйского) р-на Кемеровской обл.
Притула Надежда Евстафьевна, 1927 (1926) г.р., с. Большой Татош Молчановского р-на.
Секора (Вдовик) Лидия Яковлевна, 1940 г.р., с. Новорождественское Томского р-на.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всероссийская перепись населения 2010. Табл. 7. Национальный состав населения по субъектам федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 11.12.2016).
2. Материалы и исследования, собранные д. чл. П.П. Чубинским // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-западный отдел. СПб., 1872. Т. 7. 609 с.
3. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1991. 511 с.
4. Липинская В.А. Пища и утварь // Этнография восточных славян : очерки традиционной культуры. М. : Наука, 1987. С. 292–312.
5. Артюх Л.Ф. Народная кулинария // Украинцы. М. : Наука, 2000. 536 с. (Народы и культуры).
6. Фурсова Е.Ф. Традиционная пища украинских переселенцев // Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX в. : (по материалам Новосибирской области) / Новосибир. гос. пед. ун-т, Местная нац. культурная автономия украинцев. Новосибирск, АГРО-Сибирь, 2004. Ч. 1. С. 67–72.
7. Фурсова Е.Ф. Пасхальные обычаи крестьян Новосибирского Приобья, Барабы и Кулунды // Моя Сибирь: вопросы региональной истории и исторического образования : сб. науч.тр. / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск : Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 2002. С. 112–122.
8. Сидорская О.Г. Свадебная обрядность украинцев Омской области (1930-е – 2000-е годы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2013. 33 с.
9. Гончарова Т.А. Историческая динамика этнической культуры (на примере украинцев Томской области) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 336. С. 76–78.
10. Ефремова Ю.Н. Повседневные блюда в системе питания украинцев Западной Сибири (на примере Омской области) // Казанская наука. 2012. № 1. С. 21–27.
11. Ефремова Ю.Н. Традиционная пища украинцев Омского Прииртышья в XX – начале XXI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2013. 22 с.
12. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М. : Наука, 1989. 247 с.
13. ПМА, Мананникова Р.Д., с. Новорождественское, 2009.
14. ПМА, Мальгина Г.А., с. Молчаново, 2010.
15. ПМА, Лесняк З.А., с. Молчаново, 2010.
16. ПМА, Притула Н.Е., д. Большой Татош, 2010.
17. ПМА, Завражнова Л.И., с. Молчаново, 2010.
18. ПМА, Коваленко Т.М., с. Новорождественское, 2009.
19. ПМА, Ложкова Н.П., с. Новорождественское, 2009.
20. ПМА, Герасименко Я.П., с. Молчаново, 2010.
21. ПМА, Петрик Л.М., с. Новорождественское, 2009.
22. ПМА, Коновалова В.Н., с. Новорождественское, 2009.
23. Рындина О.М. Святочная обрядность украинцев Томского края // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 4 (8). С. 154–161.
24. Бардина П.Е. Быт и хозяйство русских сибиряков Томского края. Северск : Контекст, 2009. 432 с.
25. ПМА, Котова М.Т., с. Новорождественское, 2009.

Ryndina Olga M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rynom_97@mail.tomsknet.ru

Voropaeva Anna G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vlaskinaag@yandex.ru

TRADITIONAL FOOD OF THE TOMSK REGION UKRAINIANS: DYNAMICS IN TIME AND SPACE

Keywords: Siberia; post-reform resettlers; Ukrainians4 traditional culture; food; food products; cuisine; everyday and festal meal; ritual dishes; changes of traditions.

The article analyzes one of the most stable components of ethnic culture – food. The research subject is the traditional cuisine of post-reform resettlers from Ukraine, who have settled in the territory of modern Tomsk region at the close of the 19th century. The field materials collected by the authors in 2009-2010 in the specified territory were sources for the article. The analysis is based on comparative-typological and system approaches. The first allows tracing the dynamics of the analyzed components – food sources, ways of obtaining and processing them, dishes (everyday, festal and ritual), meals, food bans. The second involves analyzing the components, considering their interrelationships and identifying the basic characteristics for the nutrition system. It is compared with the traditional food of the second half of the 18th-20th centuries, characteristic of the maternal culture in Ukraine. It is concluded that the main features of Ukrainian culture in the field of food turned out to be reproduced by post-reform resettlers in a new habitat – on the territory of the Tomsk region. This applies to basic components (flour and vegetable) and a set of products (grains of rye, millet, wheat, cabbage, potatoes, beets, carrots, poppy, pumpkin, beans, peas and other vegetables, pork and fat, milk, sour cream, cottage cheese, hempseed, linseed and sunflower oil), methods of processing (boiling, bratting, baking), and dishes (borsch with pampushkas, vareniki, vinaigrette, boiled potatoes, sprinkled with vegetable oil, salted bacon, sausages, kendyuh, jelly, buns, loaves, pies). The most significant changes in the traditional cuisine consisted in the disappearance from the nutrition of fruit, the strengthening of the role of the meat component and the reduction of ritual dishes due to the significant sequestration of the ritual sphere itself. Comparative analysis within the framework of the Siberian region at the local level allowed to talk about two variants of the nutrition system of post-reform Ukrainians of settlers - Tomsk and Omsk. Their differences are in the component composition (respectively flour-vegetable-meat and grain-meat-dairy), a greater variety of everyday and festal ritual dishes at the latter. The dynamics of the food traditions of the Ukrainians of the Tomsk region is shown in time, their practical disappearance by the middle of the 20th century, caused by socioeconomic cataclysms, and partial reconstruction in the 1960s-1970s was noted. The memorial character of the existence of Ukrainian cuisine in modern times and, at the same time, the preservation of the most important function of an ethnocultural marker for Ukrainians is underlined.

REFERENCES

1. The State Statistical Committee. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010* [All-Russian Population Census 2010]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (Accessed: 11th November 2016).
2. Chubinsky, P.P. (ed.) (1872) *Materialy i issledovaniya, sobrannye d. chl. P.P. Chubinskim* [Materials and research collected by P.P. Chubinsky]. In: *Trudy etnograficheskoy statisticheskoy ekspeditsii v Zapadno-Russkiy kray, snaryazhennoy Imperatorskim Russkim geograficheskim obshchestvom. Yugo-zapadnyy otdel* [Proceedings of the ethnographic-statistical expedition to the Western Russian Territory, equipped by the Imperial Russian Geographical Society. Southwest Section]. Vol. 7. St. Petersburg: [s.n.].
3. Zelenin, D.K. (1991) *Vostochnoslavlyanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography]. Moscow: Nauka.
4. Lipinskaya, V.A. (1987) *Pishcha i utvar'* [Food and Utensils]. In: Chistov, K. (ed.) *Etnografiya vostochnykh slavyan. Ocherki traditsionnoy kul'tury* [Ethnography of Eastern Slavs. Essays of traditional culture]. Moscow: Nauka. pp. 292–312.
5. Artyukh, L.F. (2000) *Narodnaya kulinariya* [National Cuisine]. In: Ponomarev, A.P. (ed.) *Ukraintsy / Narody i kul'tury* [Ukrainians / Peoples and Cultures]. Moscow: Nauka.
6. Fursova, E.F. (2004) *Traditsionnaya pishcha ukrainskikh pereselentsev* [Traditional food of Ukrainian immigrants]. In: Fursova, E.F. & Vasekha, L.I. *Ocherki traditsionnoy kul'tury ukrainskikh pereselentsev Sibiri XIX – pervoy treti XX v. (po materialam Novosibirskoy oblasti)* [Essays on traditional culture of Ukrainian migrants in Siberia in the 19th – first third of the 20th centuries (a case study of Novosibirsk region)]. Part 1. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 67–72.
7. Fursova, E.F. (2002) *Paskhal'nye obychai krest'yan Novosibirskogo Priob'ya, Baraby i Kulundy* [Easter customs among peasants of the Novosibirsk Ob, Baraba and Kulunda]. In: Zverev, V.A. (ed.) *Moya Sibir': Voprosy regional'noy istorii i istoricheskogo obrazovaniya* [My Siberia: Questions of regional history and historical education]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 112–122.
8. Sidorskaya, O.G. (2013) *Svadebnaya obryadnost' ukrainsev Omskoy oblasti (1930-e – 2000-e gody)* [Ukrainian wedding rituals of Ukrainians of in Omsk Region (the 1930s – 2000s)]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
9. Goncharova, T.A. (2010) *Istoricheskaya dinamika etnicheskoy kul'tury (na primere ukrainsev Tomskoy oblasti)* [Historical dynamics of ethnic culture (a case study of the Ukrainians in Tomsk region)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 336. pp. 76–78.
10. Efremova, Yu.N. (2012) *Povsednevnye blyuda v sisteme pitaniya ukrainsev Zapadnoy Sibiri (na primere Omskoy oblasti)* [Everyday meals in the food system of Ukrainians in Western Siberia (a case study of Omsk region)]. *Kazanskaya nauka*. 1. pp. 21–27.
11. Efremova, Yu.N. (2013) *Traditsionnaya pishcha ukrainsev Omskogo Priirtysh'ya v XX – nachale XXI v.* [Traditional Ukrainian food in Omsk region in the Irtysh area in the 20th and early 21st centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
12. Arutyunov, S.A. (1989) *Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodeystvie* [Peoples and Cultures: Development and Interaction]. Moscow: Nauka.
13. Author's Field Data. (2009) *Manannikova R. D., s. Novorozhdestvenskoe* [Manannikova R.D., Novorozhdestvenskoe settlement].
14. Author's Field Data. (2010) *Malygina G. A., s. Molchanovo* [Malygina G.A., Molchanovo settlement].
15. Author's Field Data. (2010) *Lesnyak Z. A., s. Molchanovo* [Lesnyak Z.A., Molchanovo settlement].
16. Author's Field Data. (2010) *Pritula N. E., d. Bol'shoy Tatosh* [Pritula N.E., the village of Bol'shoy Tatosh].
17. Author's Field Data. (2010) *Zavrazhnova L. I., s. Molchanovo* [Zavrazhnova L.I., Molchanovo settlement].
18. Author's Field Data. (2009) *Kovalenko T. M., s. Novorozhdestvenskoe* [Kovalenko T. M., Novorozhdestvenskoe settlement].
19. Author's Field Data. (2009) *Lozhkova N. P., s. Novorozhdestvenskoe* [Lozhkova N.P., Novorozhdestvenskoe settlement].
20. Author's Field Data. (2010) *Gerasimenko Ya. P., s. Molchanovo* [Gerasimenko Ya.P., Molchanovo settlement].
21. Author's Field Data. (2009) *Petrik L. M., s. Novorozhdestvenskoe* [Petrik L.M., Novorozhdestvenskoe settlement].
22. Author's Field Data. (2009) *Konvalova V. N., s. Novorozhdestvenskoe* [Konvalova V.N., Novorozhdestvenskoe settlement].
23. Ryndina, O.M. (2012) *Svyatochnaya obryadnost' ukrainsev Tomskogo kraya* [The Festive rituals of Ukrainians in Tomsk Territory]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4(8). pp. 154–161.
24. Bardina, P.E. (2009) *Byt i khozyaystvo russkikh sibir'yakov Tomskogo kraya* [Life and economy of Russian Siberians of Tomsk region]. *Seversk: Kontekst*.
25. Author's Field Data. (2009) *Kotova M. T., s. Novorozhdestvenskoe* [Kotova M.T., Novorozhdestvenskoe settlement].

УДК 902.21(571.16)
DOI: 10.17223/19988613/55/23

Л.А. Чиндина, И.Н. Коробейников

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА РЁЛКА И РЁЛКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.41.2018, выполненного при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

Курганный могильник Рёлка – один из известнейших археологических памятников Западной Сибири, на материалах раскопок которого была выделена рёлкинская культура эпохи Средневековья. Несмотря на масштабные полевые работы рубежа 1960–1970-х гг., памятник раскопан не полностью. Археологическая разведка 2016 г. зафиксировала его аварийное состояние. В статье изложены история и результаты исследования могильника, подчеркивается его значение для реконструкции средневековой истории Сибири и разработки этнических проблем уралистики. Решение задач сохранения объекта культурного наследия авторы видят в необходимости дальнейшего изучения и последующей музеефикации памятника. Это позволит представить общественности в доступной и наглядной форме наследие рёлкинской культуры – генетического предка селькупского этноса.

Ключевые слова: могильник Рёлка; рёлкинская культура; раннее Средневековье; история исследования и дискуссии; сохранение культурного наследия.

Решение проблемы сохранения археологического наследия – одна из важнейших задач, стоящих не только перед археологами, но и обществом в целом. Хозяйственное освоение территорий, расширение населенных пунктов, высокая активность грабителей археологических культурных ценностей – реальные угрозы, более масштабные, нежели угроза разрушения памятников природным воздействием, о котором также нельзя забывать.

В Томской области ряд знаковых памятников: поселение и бронзолитейный центр Самусь IV, святилище на горе Кулайке, могильник Рёлка, давшие имена соответствующим археологическим культурам, широко известным в России и за рубежом, тем не менее находятся в аварийном состоянии. Курганному могильнику Рёлка, расположенному в районном центре Молчаново, угрожает полное разрушение.

Обращение к могильнику Рёлка, относящемуся к объектам федерального значения¹, в ключе музеефикации объясняется рядом причин. Во-первых, он содержит исключительные данные для восстановления историко-культурных процессов, экономических, социально-политических, мировоззренческих, этнических особенностей обществ VI–X вв. н.э. в Западной Сибири и конкретно Среднего Приобья эпохи раннего Средневековья. Во-вторых, охранные раскопки и музеефикация значительно увеличат возможности для дальнейшего системного изучения истории Среднеобья в различных аспектах, которые на сегодня далеко не исчерпаны. В-третьих, информационное богатство памятника дает возможность развернуть многоплановые историко-познавательные экспозиции для широкой аудитории: от индивидуального посетителя до туристических потоков и образовательных экскурсий-лекций. В-четвертых, музеефикация рёлкинского наследия поможет спасти памятник от необратимого разрушения.

История исследования могильника насчитывает уже 70 лет. В 1947 г. памятник был обнаружен группой молодых ученых и студентов из Томского университета в составе Е.М. Пеняева, В.С. Синяева и А.И. Уварова на высоком берегу левобережной надпойменной террасы р. Оби, на окраине с. Молчанова, к юго-западу от проточного озера-болота Колмахтун, к западу от устья р. Пачанги [1]. На археологической карте А.П. Дульзона памятник значился как Молчановское селище Рёлка, на котором, «возможно, имеются, древние курганы (два)» [2. С. 174–175]. Памятник осматривался им неоднократно. В числе сборов известны керамика эпохи финальной бронзы, принадлежащая выделенной позднее молчановской культуре [3, 4], и раннесредневековое изображение всадника на лосе, зарегистрированное при сдаче находок в инвентарной книге ТОКМ под № 1204. В 1955 г. А.П. Дульзон вскрыл один курган (ТОКМ, колл. № 281). Видимо, тогда и возникло предположение о большем количестве курганов.

Масштабные раскопки памятника, которые посетили в 1963 г. А.П. Дульзон и в 1964 г. Н.С. Розов, проводились В.И. Матющенко [5, 6], Л.А. Чиндиной [7, 8]. При снятии глазомерного плана отмечено 38 курганных насыпей овальной, округлой и вытянутой форм, размерами от 5,8 × 8 до 16 × 24 м и высотой – 0,5–1,2 м. Количество курганов, выделенных в те годы, условное. В 1963–1966 гг. на улицах села еще можно было различить холмы-курганы. Они отмечены на материковой части коренного берега по ул. Нагорной. Часть была разрушена или потревожена жилой и хозяйственной застройкой, при благоустройстве улиц [9; 10. № 175. С. 97]. На большинстве курганов зафиксированы следы грабительских раскопок.

Научные раскопки могильника Рёлка охватили не более четверти возможной площади бывшего некрополя (2 000 кв. м). Раскопано 14 курганов, содержащих

58 погребений, два из которых относятся к эпохе поздней бронзы, а остальные – к раннему Средневековью (VI–VIII вв.) (МАЭС ТГУ, колл. № 3942 (шифр–МОК)). Курган № 7, раскопанный на перекрестке улиц, устранил сомнения в принадлежности холмов к курганам и показал обширность археологического памятника [9]. Руководство района, как и собственники усадеб, не согласилось на работы на других курганах, так как это осложнило бы жизнедеятельность села. Поэтому профессиональные раскопки памятника были заморожены.

Тем не менее проведенные полевые исследования дали небывалые по объему и информативности материалы, которые во второй половине 1960-х гг. с привлечением ранее известных источников позволили выделить рёлкинскую культуру и в дальнейшем реконструировать ее экономические, социальные, этнические, мировоззренческие особенности [9, 11, 12, 13]. Могильник Рёлка стал базовым памятником для восстановления раннесредневековой истории Среднеобья², учитывая, что в 1950-е гг. бассейн Средней Оби представлял огромную неисследованную лакуну.

В это время вышли в свет обобщающие работы М.П. Грязнова и В.Н. Чернецова, где излагалась схема поэтапного культурного развития населения Западной Сибири. Именно тогда завязалась дискуссия о хронологии и культурной принадлежности усть-полуйских памятников, были выделены верхнеобская и нижнеобская культуры периода раннего Средневековья. Среднее Приобье рассматривалось ими как территория, где находилась самобытная культура, характеристику которой мэтры из-за недостатка материалов тогда дать не смогли.

М.П. Грязнов меридионально разместил верхнеобскую культуру от Бийска до Новосибирска. Он отметил, что, несмотря на некоторое сходство в погребальном обряде и керамике с более северными памятниками (подразумевались Томский могильник и Архиерейская заимка), имеющиеся различия «не позволяют пока включить памятники района г. Томска в одну группу с памятниками фоминского этапа VII–VIII вв. на Верхней Оби» [14. С. 134]. Этот этап он считал заключительным для верхнеобской культуры.

В.Н. Чернецов юго-восточную границу нижнеобской культуры провел по северу Нарымского края, откуда «выше по Оби простиралась территория родственной ей культуры, которую мы можем рассматривать как древнеселькупскую... со своими закономерностями в развитии» [15. С. 238].

Точку зрения М.П. Грязнова и В.Н. Чернецова о наличии особой культуры в Среднеобье и ее самодийской основы принял В.А. Могильников, указав на «застойность развития» Нарымского Приобья по сравнению с Томским [16. С. 6, 15]. В последней части своих рассуждений, как показало время, он глубоко ошибался. Определения свойств культуры он по тем же причинам не смог дать. Позднее [17] исследователь полностью присоединился к позиции Л.А. Чиндиной, выделившей

в Томско-Нарымском Приобье рёлкинскую культуру и давшую характеристику ее особенностей [8, 9, 11–13].

Основными критериями оценки культурной самобытности рёлкинцев выдвигались три комплекса показательных признаков.

1. Погребальный обряд с применением ингумации (с устойчивой ориентацией головой в восточном и южном векторах) и частичной и полной кремации с грунтовыми и наземными захоронениями под многомогильными или одномогильными курганами. В специфике обряда проявлена четкая статусность – выделение военной элиты (снабжение первоклассным оружием, захоронения с полным трупосожжением). По слабо сохранившимся антропологическим останкам все же заметен гендерный подход: женщин хоронили без оружия, только с ножом, редко с топором-теслом.

Яркой и стабильной особенностью обряда являются «похороны души умершего», хранившейся при жизни в кукле, сделанной из ткани с бронзовой личиной, либо бронзовой фигурки человека; в ряде случаев с приложением миниатюрных оружия и удил. Как правило, куклу помещали в ладьевидный керамический сосуд (возможно, модели делались из дерева или применялись другие формы) и хоронили в кургане. Эту известную в Рёлке особенность очень показательно подтверждают многочисленные находки миниатюрных стрел, топоров-тесел, ножей и личин из профессиональных и грабительских раскопок Тимирязевских могильников.

В погребальном обряде рёлкинской культуры существовал особый культ головы: проводились магические действия отделения головы у человека и жертвенной лошади, собаки и их отдельное захоронение. Своеобразно обращались с телом жертвенной лошади: в могилу клали только шкуру с конечностями до колен. Другие части тела полностью отсутствовали.

2. Три типа керамики отличаются орнаментом и формой, отражающими локальную, хронологическую, функциональную и культурную специфику. Два из них принадлежат местной традиции: гребенчатая и фигурно-штамповая, и пришлая – валиковая, инкорпорированная в рёлкинскую культуру.

3. В обряде традиционно использовалось культовое зоо- и антропоморфное литье в особом технологическом и иконографическом исполнении с заметной индивидуализацией использования.

Территория культуры занимала Нарымское и Томское Приобье. Ее границы были очерчены в известной мере условно, так как плотность известных на то время рёлкинских памятников носила точечный (микрорайонный) характер, особенно в Нарымском Приобье. В меридиональном направлении граница проходила примерно от р. Вах до северной широты г. Новосибирска (т.е. включая северную часть междуречья Оби и Томи, в правобережье Томи – до средней Яи). Широтные границы очерчены водоразделом Иртыша и Васюгана на западе и водоразделом верховий Тыма и Кети с Енисеем на востоке.

В целом конкретные границы зависели от природной среды обитания и были подвижны, особенно в местах зонального перехода, где процессы перестройки ландшафта зависели от климатических изменений и сопровождались флуктуацией. Рёлкинцы, как и их предки кулайцы, селились в местах, соответствующих их хозяйственно-культурному типу и традициям охотников и рыболовов, кузнецов и бронзолитейщиков. В Среднем Приобье в VI–IX вв. по-видимому, существовала рёлкинская культурная общность с определенными локальными вариантами. Томское и Нарымское Приобье, сохранившие культуроопределяющие признаки, составляли ядро рёлкинской культуры [9. С. 115–119; 12; 19. С. 271–273].

В 1960–1970-е гг. могильник сыграл ключевую роль в решении хронологических задач и периодизации историко-культурных процессов в Урало-Сибирском регионе. Его материалы позволили четко разграничить в Приобье фигурно-штамповую керамику и культовое литье раннего железного века от раннего Средневековья, что стало одним из мощных импульсов в изучении кулайской проблематики. Богатейшая информативная база Рёлки, поток новых открытий в Зауралье, Прииртышье, Сургутском и Верхнем Приобье привели к значительной коррекции культурной схемы М.П. Грязнова [14] и В.Н. Чернецова [15, 20]. В итоге потчевашская (генетически родственная рёлкинской) культура из раннего железного века была перенесена в раннее Средневековье, так же как и зеленогорский этап в нижнеобскую культуру. Фоминский этап верхнеобской культуры (по М.П. Грязнову), наоборот, был перемещен в эпоху раннего железного века как завершающий южно-локальный вариант кулайской культуры [21].

В археологических исследованиях народов Сибири изучение могильника Рёлка и одноименной культуры положило начало формированию южно-самодийского направления, которое, в отличие от тюркского и угорского, ранее почти не рассматривалось.

В связи с перемещением фоминского этапа и выделением рёлкинской культуры остро встал вопрос о соответствии верхнеобской культуры, выделенной М.П. Грязновым: хронология и положение одинцовского и переходного этапов, границ и наименование новых образований. Исследователи предложили два ономастических варианта с конкретным содержанием и границами. Переименовать культуру в одинцовскую и расширить ее границы до устья Томи предложила Т.Н. Троицкая [22. С. 101–120]. А.А. Казаков полностью согласился с выделением одинцовской культуры и до настоящего времени придерживается данного названия. При этом он подчеркивает, что внутреннее содержание верхнеобской культуры, выделенной М.П. Грязновым, коренным образом отличается от верхнеобской культуры в понимании Т.Н. Троицкой. Сам он придерживается ее точки зрения, но считает более позитивным синонимом – одинцовская [23; 24. С. 120].

Л.М. Плетнева предложила оставить старое название культуры – верхнеобская [25]. Позднее Т.Н. Троицкая

определила за одинцовским комплексом место первого этапа, но уже V–VI вв. [26. С. 3–4]. Кроме того, обе северную границу верхнеобской культуры, в отличие от М.П. Грязнова, распространяют до устья р. Томи. Кузбасские исследователи данный район считают хотя и близким рёлкинской культуре, но все же относят к верхнеобскому варианту рёлкинской культурно-исторической общности [27].

Небольшой историографический экскурс показывает высокую значимость могильника Рёлка и одноименной культуры для ликвидации лакун в культурной истории Западной Сибири в целом и в то же время свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки данной проблематики.

В ходе полевых работ 2016 г. по уточнению границ курганного могильника Рёлка и установлению режима охранных зон был обследован вытянутый участок коренной террасы с «промоинами» и выступами, возвышающийся над заболоченной старицей Колмахтун (Колмахтон, Колмактон), впадающей в одноименное озеро к северу от с. Молчанова. «Колмахтон» в переводе с селькупского означает «болото», что отражает и его современное состояние [28. С. 62].

Название памятника происходит от обозначения типа местности «рёлка» – более или менее обширные вытянутые участки, возвышающиеся над общей низкой заболоченной равниной и покрытые лесами, с неровной, кочковатой поверхностью с ложбинами и бугорками. Лес сохранился лишь по краю террасы, изредка – на самой возвышенности (рис. 1). Обследуемый участок террасы (сейчас это пер. Нагорный и ул. Нагорная) из-за расширения села почти полностью застроен и отведен под огороды. Строительство велось еще во время работ А.П. Дульзона.

Обследование показало, что фактически памятник продолжает разрушаться. В настоящее время объекты и скопления курганных насыпей, отмеченные Л.А. Чиндиной и ее предшественниками, визуально не фиксируются, что связано с хозяйственной деятельностью и благоустройством поселка. Однако культурный слой мог сохраниться как под сnivelированными насыпями, так и в межкурганном пространстве, где могут быть и грунтовые могилы, и материалы из разрушенных курганов.

В июне 2016 г. в Молчанове рабочая группа, состоящая из представителей администрации отдела культуры Молчановского района, сотрудников Томского областного краеведческого музея и Томского государственного университета, обсудила необходимость создания историко-археологического «Музея Рёлкинской культуры» (предварительное название). Отдельные вопросы, касающиеся музеефикации курганного могильника, ранее рассматривались в публикации [29].

Разместить музей предполагается в непосредственной близости от археологического памятника Рёлка. Местная историческая специфика будет отражена в экспозиции. Отвечая современным требованиям общества и государственной культурной политики развития

туризма, музей, вне всяких сомнений, будет интересен и востребован широким кругом посетителей: населением района и специалистами, учащимися и туристами. Круглогодичная транспортная доступность будущего

комплекса – один из ключевых моментов. Создание музея, представляющего уникальные памятники Молчановского района, станет важным компонентом сферы туризма и гостеприимства Томской области.

Рис. 1. Могильник Рёлка. Фото Н.С. Розова, 1964 г. Снято с юго-востока. Из архива Л.А. Чиндиной

Работы по спасению памятника, включение его в научный и культурный оборот необходимо вести поэтапно в разных направлениях. Первый шаг – оформление достопримечательного места – особенного вида памятника истории и культуры (согласно ФЗ № 73-ФЗ от 25.06.2002), что даст необходимые юридические основания для обеспечения защиты памятника от разрушения.

Возможный начальный вариант – музеефикация самого могильника Рёлка, что подчеркнет уникальность объекта культурного наследия и его неразрывную связь с существовавшей социально-экологической средой, традициями и инновациями эпохи, мощным эхом отозвавшейся в этнокультурной истории селькупов.

Решение проблемы представления археологических объектов видится в реконструкциях, что значительно повысило бы их привлекательность для широкой публики. Предлагается восстановить часть курганных насыпей, жилищ с интерьером, бытовым и хозяйственным инвентарем, сакральными предметами. Особенно интересно показать кузнечное дело: кузницу, орудия, все этапы производства и готовые изделия.

В проектируемом музейном комплексе можно осветить многие сферы рёлкинской культуры, особенно мировоззренческие и военно-потестарные сюжеты, выраженные в вещном комплексе и погребальной обрядности. Это прежде всего обилие высокотехнологичного для своей эпохи оружия: луки с набором боевых и многофункциональных стрел, мечи, палаши, сабли, боевые ножи-кинжалы, топоры-тесла. Хорошо известен полный комплект кольчужно-пластинчатого доспеха со шлемом. Распределение и состав оружия в могилах указывает на

наличие «верхушки» и рядовых воинов. Погребальный обряд (частичная и полная кремация) еще ярче подчеркивает глубокую иерархию общества и высокий статус элиты. В бронзовом литье и графике (камень, кость) четко выделяются изображения пеших и конных воинов.

Военизация рёлкинского общества стала результатом не только внутренних смут и усобиц. Это было время внешних лавинных миграционных потоков в Великих евразийских степях. Рёлкинцам пришлось упорно и долго защищать свои земли от подступающих с юга тюркских (по языку) объединений, с конца IX в. появляющихся в Нижнем Притомье и сформировавших басандайскую культуру [30–32]. Материалы могильника указывают на глубокие связи рёлкинской культуры с предшествующими, начиная с эпохи бронзы. Ярким свидетельством преемственности является сохранение архаичных кулайских черт в керамике, художественном литье и особенностях ритуальных действий. В дальнейшем ряд рёлкинских традиций в погребальном обряде и керамике продолжает сохраняться в поздних археологических памятниках, оставленных селькупами в XVI–XVII вв.

Стоит отметить, что могильник Рёлка является не единственным археологическим памятником в окрестностях районного центра. Вверх от с. Молчанова по течению Оби, в пределах территории села и до Остяцкой горы, на террасе расположено в общей сложности около двух десятков археологических памятников. Проектируемый музей в будущем мог бы стать основой для создания историко-культурного музея-заповедника, тематически посвященного истории этого древнего

края. Сюда органично впишутся памятники эпохи палеолита (Могочинская стоянка), ранней бронзы (игрековская культура), позднего бронзового века (широко известная молчановская культура, названная по имени села) раннего железного века (кулайская культура – городище Остяцкой горы, ранний комплекс Рёлки) и позднего Средневековья (могильники Пачанга, Остяцкая гора и ряд поселений). Несомненный интерес представляет сбор разнообразных легенд, мифов, сказаний, связанных с памятником [33. С. 82–83], а также создание специальной экспозиции о проходивших здесь археологических раскопках. Этнографические материалы также обязательно должны быть представлены.

Заключительной частью экспозиции музея может стать раздел, посвященный потомкам рёлкинцев, живущим в Молчановском районе – селькупам. Миссия музея – стать центром исторической памяти, формирования идентичности местных сообществ, соединения людей с культурным наследием через общение с музейным предметом, быть авторитетным источником подлинной

информации для широкой общественности, функционировать как центр образования, просвещения и воспитания подрастающего поколения в уважении и любви к Отечеству, начиная с малой родины, обеспечивать максимальную доступность культурных благ в виде музейных услуг для жителей Молчановского района, стать привлекательным объектом, представительской площадкой для развития туризма.

Рёлкинская культура в истории Сибирской земли занимает не меньшее место, чем ее прародительница – кулайская. Это время героики, побед и поражений, нового расцвета искусства, сотворения новых легенд и эпоса, построения нового общества со сложной структурой. Время неожиданных неизбежных контактов с другими народами (тюрки, угры, предки тунгусов), в противоречивом взаимодействии с которыми формировалось этническое ядро селькупского народа.

Авторы выражают огромную благодарность Е.И. Доровенчик за предоставленные проектные материалы по созданию «Музея Рёлкинской культуры».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приказ Комитета по охране культурного наследия Томской области № 42/01-07 от 17.03.2017.

² Среднее Приобье по гидрологическим и ландшафтным признакам включает территории Сургутского, Нарымского и Томского Приобья [18. С. 5–6].

ЛИТЕРАТУРА

- Синяев В.С. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма // Советская Археология. М. : Изд-во АН СССР, 1950. № 13. С. 331–340.
- Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области : (Материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды ТОКМ. Томск : Красное знамя, 1956. Т. 5. С. 89–316.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964. 126 с.
- Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М. : Наука, 1974. 216 с.
- Матюшенко В.И. Отчет об археологических исследованиях кафедры археологии и этнографии Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева летом 1963 г. // Архив МАЭС ТГУ. № 265.
- Матюшенко В.И. Отчет о полевых археологических исследованиях кафедры археологии и этнографии Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева летом 1964 г. // Архив МАЭС ТГУ. № 281.
- Павленок (Чиндина) Л.А. Отчет об археологических исследованиях музея ИМК при ТГУ летом 1966 г. // Архив МАЭС ТГУ. № 322.
- Павленок (Чиндина) Л.А. О погребальном обряде Молчановского могильника (VI–VIII вв.) // Труды Томского государственного университета. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1967. Т. 190. С. 314–318.
- Чиндина Л.А. Могильник «Рёлка» на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 191 с.
- Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. Т. 1. 340 с.
- Чиндина Л.А. Молчановский могильник «Рёлка» и некоторые вопросы этногенеза народов Западной Сибири // Происхождение аборигенов в Сибири и их языков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 183–184.
- Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.
- Чиндина Л.А. Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа // Из истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 7. С. 161–174.
- Грязнов М.П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1956. № 48. 228 с.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1957. № 58. С. 136–246.
- Могильников В.А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I – начале II тыс. н.э. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964. 18 с.
- Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР: финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. : Наука, 1987. С. 163–236.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.
- Чиндина Л.А. Динамика природной среды обитания и южной границы расселения кулайцев // География – теория и практика: современные проблемы и перспективы. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2009. С. 270–274.
- Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1953. № 35. С. 7–71.
- Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. 68 с.
- Троицкая Т.Н. Одиновская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западно-сибирской археологии эпохи железа. Новосибирск : Наука, 1981. С. 101–120.
- Казаков А.А., Неверов С.В. Хронология и периодизация памятников середины второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 167–170.
- Казаков А.А. Одиновская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2014. 151 с.
- Беликова О.Б., Плетнёва Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 243 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. 152 с.

27. Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. На северной границе кочевого мира. Дописьменная история населения юга Западной Сибири раннего средневековья. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 260 с.
28. Воробьева И.А. Язык Земли. Новосибирск : Зап.-Сиб. книжное изд-во, 1973. 152 с.
29. Чиндина Л.А., Коробейников И.Н., Доровенчик Е.И. Могильный Рёлка – итоги исследований и перспективы музеефикации // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время. Томск : Д'Принт, 2017. С. 132–137.
30. Чиндина Л.А. О войне и мире у охотников и рыболовов южной тайги Западной Сибири // Материалы и исследования культурно исторических проблем народов Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 86–116.
31. Могильников В.А. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н.э. // Народы и языки Сибири. Новосибирск : Наука, 1980. С. 242–248.
32. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.
33. Коробейников И.Н. Формы представления археологического наследия, его экспонирование и возможности туристического использования // Достопримечательное место «Гимирязевский археологический комплекс»: итоги изучения и перспективы использования. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 71–86.

Chindina Lyudmila A. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: chindina37@mail.ru

Korobeynikov Ilyia N. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: russianviking@yandex.ru

PRESERVATION PROBLEMS AND PROSPECTS OF RESEARCH OF THE RYOLKA BURIAL GROUND AND RYOLKA CULTURE

Keywords: Ryolka burial ground; the Ryolka culture; early Middle Ages; history of research and discussion; preservation of cultural heritage.

The article's purpose is to summarize the data on the discovery and research of the Ryolka burial ground, which is one of the most well-known monuments in Western Siberia, having the status of a monument of federal importance, on the materials of which the eponymous Ryolka culture of the Middle Ages was singled out. The stages of studying the site and the discussion about its ethnic and cultural affiliation and the area of spreading of the Ryolka culture are considered. The work relevance is due to the current state of the object of cultural heritage, the prospects for its further research and museumification.

The Ryolka burial ground is located in the geographic center of the Middle Ob Region - in the territory of the village of Molchanovo in Tomsk region, on the borderland of two historical cultural districts; those are the Tomsk and Narym Ob Regions. The main methods used in the article's writing are historical-genetic, historical-typological and historiographical, that were implemented in the context of a systems approach. The burial ground materials indicate deep connections of the Ryolka culture (VI-IX centuries AD) with the preceding, beginning with the Bronze Age. The striking evidences of continuity are preservation of archaic Kulay features in ceramics, artistic casting and material remains of ritual actions with distinct specificity. In subsequent epochs, a number of Ryolka traditions in funeral rites and ceramics continue to persist in the late archaeological sites of the XVI-XVII centuries belonged to Selkups.

The main conclusions of the study are as follows. First, a retrospective historiographical digression focuses on the role of the Ryolka mound burial ground in the actualization of the study of the South Samoyed component in the ethno-cultural space of Western Siberia and adjacent territories, in the reconstruction of cultural and chronological outlines for the Middle Ages, shows the key role of the site to the solution of the problem of the areas of cultures and communities, features of the funeral rites and social structure of the Ryolka culture bearers. Secondly, the discussion about the southern border of the Ryolka culture's spread within the Ryolka cultural and historical community and cultural identity of sites in the interfluvium of the Ob and Tom is not actually finished. Third, the scientific potential of the monument is not exhausted up to this day. Although the burial ground is located on the built-up areas of the village of Molchanovo the probability of preservation of the cultural layer is high. Analysis of the current state of the site allows the authors to assert the necessity for its further study. Possibly the upper dating of the burial ground can thus move up to the IX-X centuries. Fourth, the emergency condition of the Ryolka burial ground requires a decision on its fastest museumification. In 2016 a working group with the participation of representatives of the administration of the Department of Culture of Molchanovo District, employees of the Tomsk Regional Museum of Local Lore, and the National Research Tomsk State University discussed the need to establish a historical and archaeological museum in the immediate vicinity of the archaeological site. It is planned to equip the pavilions illustrating the material and spiritual culture of Ryolkians based on excavation materials. Such a museum, no doubt, in the context of development of a tourist component of the Tomsk region, will be interesting and in demand by a wide range of visitors meeting modern requirements of society and state cultural policy.

REFERENCES

1. Sinyayev, V.S. (1950) Materialy k arkheologicheskoy karte Nizhnego Chulyma [Materials for the archaeological map of the Lower Chulyum]. *Sovetskaya Arkheologiya*. 13. pp. 331–340.
2. Dulzon, A.P. (1956) Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti (Materialy k arkheologicheskoy karte Srednego Priob'ya) [Archaeological monuments of Tomsk region (Materials on the archaeological map of the Middle Ob)]. *Trudy TOKM*. 5. pp. 89–316.
3. Kosarev, M.F. (1964) *Bronzovyy vek Srednego Ob'-Irtys'ya* [Bronze Age of the Middle Ob-Irtys]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
4. Kosarev, M.F. (1974) *Drevnie kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya* [Ancient cultures of Tomsk-Narym Priobye]. Moscow: Nauka.
5. Matyushchenko, V.I. (1963) Otchet o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh kafedry arkheologii i etnografii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuybysheva letom 1963 g. [Report on field archaeological research of the Department of Archeology and Ethnography of Tomsk State University in the summer of 1963]. *Arkhiv MAES TGU*. 265.
6. Matyushchenko, V.I. (1964) Otchet o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh kafedry arkheologii i etnografii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuybysheva letom 1964 g. [Report on field archaeological research of the Department of Archeology and Ethnography of Tomsk State University in the summer of 1964]. *Arkhiv MAES TGU*. 281.
7. Pavlenok (Chindina), L.A. (1966) Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh muzeya IMK pri TGU letom 1966 g. [Report on the archaeological research of the IMC Museum at the TSU in the summer of 1966]. *Arkhiv MAES TGU*. 322.
8. Pavlenok (Chindina), L.A. (1967) O pogrebal'nom obryade Molchanovskogo mogil'nika (VI—VIII vv.) [On the burial rite of the Molchanov burial ground (the 6th – 8th centuries)]. *Trudy TGU*. 190. pp. 314–318.
9. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik "Ryolka" na Sredney Obi* [The Ryolka cemetery on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Chindina, L.A., Yakovlev, Ya.A. & Ozheredov, Yu.I. (1990) *Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti* [Archaeological map of Tomsk region]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

11. Chindina, L.A. (1969) Molchanovskiy mogil'nik "Ryolka" i nekotorye voprosy etnogeneza narodov Zapadnoy Sibiri [Molchanovsky burial ground "Ryolka" and some questions of the ethnogenesis of the peoples of Western Siberia]. In: Dulzon, A.P. (ed.) *Proiskhozhdenie aborigenov v Sibiri i ikh yazykov* [The origin of the aborigines in Siberia and their languages]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 183–184.
12. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (relkinskaya kul'tura)* [The history of Middle Ob in the early Middle Ages (the Relkin culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Chindina, L.A. (1973) Kul'turnye osobennosti sredneobskoj keramiki epokhi zheleza [Cultural features of Middle Obsk ceramics of the Iron Age]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Issue 7. Tomsk: Tomsk State University. pp. 161–174.
14. Gryaznov, M.P. (1956) Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob on the excavations near the village Bolshaya Rechka]. *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR*. 48.
15. Chernetsov, V.N. (1957) Nizhnee Priob'e v I tys. n.e. [The Lower Ob River in the 1st millennium AD]. *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR*. 58. pp. 136–246.
16. Mogilnikov, V.A. (1964) *Naselenie yuzhnoy chasti lesnoy polosy Zapadnoy Sibiri v kontse I – nachale II tys. n.e.* [The population of the southern part of the forest belt of Western Siberia at the end of 1st – early 2nd millennium AD]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
17. Mogilnikov, V.A. (1987) Ugry i samodiytsy Urala i Zapadnoy Sibiri [Ugrians and Samoyedians of the Urals and Western Siberia]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Arkheologiya SSSR: Finno–ugry i balty v epokhu srednevekov'ya* [Archeology of the USSR: Finno – Ugrians and Balts during the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 163–236.
18. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza. Kulayskaya kul'tura* [Ancient history of the Middle Ob in the Iron Age Kulay culture]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Chindina, L.A. (2009) [The dynamics of the natural habitat and the southern border of the Kulais settlement]. *Geografiya – teoriya i praktika: sovremennyye problemy i perspektivy* [Geography – Theory and Practice: Current Problems and Prospects]. Proc. of the Conference. Barnaul. pp. 270–274. (In Russian).
20. Chernetsov, V.N. (1953) Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya [The ancient history of the Lower Ob River]. *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR*. 35. pp. 7–71.
21. Matyushchenko, V.I. (ed.) (1970) *Problemy khronologii i kul'turnoy prinadlezhnosti arkeologicheskikh pamyatnikov Zapadnoy Sibiri* [Problems of chronology and cultural identity of the archaeological monuments of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Troitskaya, T.N. (1981) Odintsovskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e [Odintsovo culture in the Novosibirsk Priobye]. In: Troitskaya, T.N. (ed.) *Problemy zapadno-sibirskoy arkeologii epokhi zheleza* [Problems of West-Siberian archeology of the Iron Age]. Novosibirsk: Nauka. pp. 101–120.
23. Kazakov, A.A. & Neverov, S.V. (1991) Khronologiya i periodizatsiya pamyatnikov serediny vtoroy poloviny I tys. n.e. Verkhnego Priob'ya [Chronology and periodization of monuments in the middle of the second half of the 1st millennium AD in the Upper Priobye]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Problemy khronologii i periodizatsii arkeologicheskikh pamyatnikov Yuzhnoy Sibiri* [Problems of chronology and periodization of archaeological monuments of Southern Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 167–170.
24. Kazakov, A.A. (2014) *Odintsovskaya kul'tura Barnaul'sko-Biyskogo Priob'ya* [The Odintsovo culture of Barnaul-Biysk Ob area]. Barnaul: Barnaul Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
25. Belikova, O.B. & Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V-VIII vv. n.e.* [Monuments of Tomsk Priobye in the 5th – 8th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
26. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (1998) *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Upper Ob culture in the Novosibirsk Ob area]. Novosibirsk: SB RAS.
27. Vasyutin, A.S., Vasyutin, S.A. & Onishchenko, S.S. (2008) *Na severnoy granitse kochevogo mira. Dopis'mennaya istoriya naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri rannego srednevekov'ya* [On the northern border of the nomadic world. Pre-written history of the population of the south of Western Siberia in the early Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
28. Vorobeva, I.A. (1973) *Yazyk Zemli* [The Earth Language]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo.
29. Chindina, L.A., Korobeynikov, I.N. & Dorovenchik, E.I. (2017) Mogil'nik Ryolka – itogi issledovaniy i perspektivy muzeifikatsii [The Ryolka burial ground – the results of research and the prospects for museification]. In: Chernaya, M.P. (ed.) *Kul'tury i narody Severnoy Evrazii: vzglyad skvoz' vremya* [Cultures and Peoples of Northern Eurasia: A Look Through Time]. Tomsk: D'Print. pp. 132–137.
30. Chindina, L.A. (1996) O voyne i mire u okhotnikov i rybolovov yuzhnoy taygi Zapadnoy Sibiri [On war and peace among hunters and fishermen of the southern taiga of Western Siberia]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Materialy i issledovaniya kul'turno istoricheskikh problem narodov Sibiri* [Materials and studies of cultural and historical problems of the peoples of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 86–116.
31. Mogilnikov, V.A. (1980) Ob etnicheskom sostave naseleniya Srednego i Verkhnego Priob'ya v I tys. n.e. [On the ethnic composition of the population of the Middle and Upper Ob in the 1st millennium AD]. In: Mogilnikov, V.A. et al. *Narody i yazyki Sibiri* [Peoples and Languages of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 242–248.
32. Savinov, D.G., Novikov, A.V. & Roslyakov, S.G. (2008) *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandayskaya kul'tura)* [The Upper Ob at the turn of the epochs (the Basandai culture)]. Novosibirsk: SB RAS.
33. Korobeynikov, I.N. (2014) Formy predstavleniya arkeologicheskogo naslediya, ego eksponirovanie i vozmozhnosti turistskogo ispol'zovaniya [Forms of presentation of the archaeological heritage, its display and the possibility of tourist use]. In: Berezovskaya, N.V. (ed.) *Dostoprimechatel'noe mesto "Timiryazevskiy arkeologicheskii kompleks": itogi izucheniya i perspektivy ispol'zovaniya* [Timiryazev archaeological complex: the results of the study and prospects for use]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 71–86.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 378:023.5

DOI: 10.17223/19988613/55/24

Г.А. Бувечич, Е.В. Балашова, Ю.А. Черниченко

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА АЛТАЕ: ИСТОРИЯ КАФЕДРЫ МЕНЕДЖМЕНТА ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

В контексте государственной политики рассматривается деятельность кафедры менеджмента информационных ресурсов по подготовке кадров для библиотечно-информационной сферы с 1975 по 2017 г. Авторы раскрывают путь формирования образовательного и научного потенциала кафедры, характеризуют сотрудничество с учреждениями библиотечно-информационной сферы, работу базовой кафедры, деятельность научной школы кафедры по проблемам библиосоциологии и библиосоциальной работы.

Ключевые слова: подготовка кадров; библиотечно-информационная деятельность; библиотечное образование; Алтайский государственный институт культуры; кафедра менеджмента информационных ресурсов.

Библиотека является старейшим культурно-образовательным институтом, деятельность которого ориентирована на сохранение духовного наследия нации, ее просвещение. Развитие системы библиотечного образования началось за рубежом в конце XIX в. В нашей стране профессиональная подготовка кадров для библиотек была инициирована в 1913 г. в Московском университете А.Л. Шанявского. Государственная система высшего библиотечного образования стала развиваться с начала 1930-х гг. Первый самостоятельный библиотечный вуз – Московский государственный библиотечный институт (ныне Московский государственный институт культуры) был создан в 1930 г. Данный факт не являлся случайным, он обусловлен положениями государственной политики молодой советской республики, ориентированной на усиление культурно-просветительской деятельности и повышение общего образовательного уровня населения. Последующие этапы развития библиотечного образования также соответствовали стратегии государства. В 40-е гг. XX в. ряд политико-просветительских вузов (Харьков, Ленинград) был реорганизован в библиотечные институты. Политика СССР 1960–1970-х гг., ориентированная на повышение образовательного уровня населения, способствовала развитию образовательных организаций высшего образования и процессам централизации культурно-образовательных учреждений, в том числе и библиотек. Так, Е.Ю. Качанова, Т.В. Журомская, С.М. Нарыжная отмечают, что «с 1957 г. начинается этап сближения библиотечного образования с культурно-просветительским. В 1964 г. библиотечные вузы по постановлению правительства реорганизуются в институты культуры» [1. С. 161].

Для сибирского региона всегда был свойствен особый характер развития. Институты культуры стали

создаваться как самостоятельные начиная с 60-х гг. XX в. Алтайский государственный институт культуры был открыт в 1975 г., и в этом же году была основана кафедра библиотековедения (с 2017 г. – кафедра менеджмента информационных ресурсов). Кафедра изначально создавалась как базовая не только для библиотечного факультета (с 2005 г. – факультет информационных ресурсов и дизайна), но и для всего вуза. Впоследствии из ее состава выделились кафедры литературы и педагогики, библиографии, информатики. Первой заведующей кафедрой библиотековедения была назначена аспирант Московского государственного института культуры, а в последствии кандидат исторических наук, доцент Галина Георгиевна Николаева, уже имевшая опыт библиотечной работы (работала в библиотеке Алтайского государственного сельскохозяйственного института, затем в Центре научно-технической информации Алтайского края). Сформированный в первые годы работы коллектив отличался высоким образовательным и научным потенциалом, что позволило разработать эффективную стратегию развития факультета и кафедры. Кадровая политика, реализуемая руководством института и факультета, была нацелена на привлечение к преподавательской деятельности молодых и перспективных в научном плане специалистов, обучавшихся в институтах культуры Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга). Так, по приглашению руководства Алтайского государственного института культуры в 1970–1980-е гг. на кафедру пришли работать Анна Дмитриевна Бочкова, Валентина Максимовна Соломоденко, Людмила Анатольевна Панфилова, Раиса Афанасьевна Трофимова, Юрий Иванович Коллозов, Лидия Александровна Третьякова, Нелли Павловна Юрк, Анна Анатольевна Фомина, Елена Васильевна Балашова, которые заложили основу Алтайской библиотечной школы.

Одним из векторов стратегического развития кафедры стало внедрение практико-ориентированного обучения. К реализации образовательного процесса привлекались руководители библиотек, такие как Людмила Ефимовна Заславская (директор библиотеки АГИК), Нина Ивановна Климук (директор Волынской областной детской библиотеки). Специалисты-практики привнесли знание реальной ситуации библиотечной деятельности, помогли выстроить структуру учебного процесса с учетом опыта и связей с библиотечно-информационными учреждениями культуры региона. Они активно участвовали в общественной и научной жизни института. Преподаватели кафедры библиотековедения поддерживали активные связи с Московским государственным институтом культуры, являвшимся головным. Это сотрудничество способствовало привлечению кафедры к разработке государственной исследовательской темы «Совершенствование высшего библиотечно-библиографического образования в 1980–1985 гг.», по итогам реализации которой в 1990 г. в Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН, Новосибирск) был издан отчет «Установки на библиотечную профессию», а ведущий специалист кафедры Р.А. Трофимова была включена в состав УМО по специальности библиотечно-библиографическая деятельность.

В 80-е гг. XX в. на кафедре была заложена традиция приглашения для обмена опытом, чтения лекций по истории и теории библиотековедения ведущих специалистов из институтов культуры Москвы и Санкт-Петербурга. В числе первых приглашенных специалистов были доктор педагогических наук, профессор Владимир Семенович Крейденко, доктор педагогических наук, профессор Анатолий Николаевич Ванеев, кандидат педагогических наук, профессор Галина Яковлевна Никитина, кандидат педагогических наук, профессор Владимир Иванович Терешин и др. [2].

В конце 1090-х гг. стали активно развиваться деловые отношения с коллективом одной из крупнейших библиотек страны – ГПНТБ СО РАН – и ее директором доктором технических наук, профессором Борисом Степановичем Елеповым, участвовавшим на протяжении ряда лет в подготовке библиотечных кадров. Среди специалистов этой библиотеки, работавших со студентами и аспирантами кафедры, – кандидат педагогических наук, доцент Александра Николаевна Маслова, доктор исторических наук Сергей Антонович Пайчадзе, доктор педагогических наук, профессор Лариса Анатольевна Кожевникова.

Профессиональные научные интересы преподавателей кафедры позволили установить связи с кафедрами библиотековедения других институтов культуры. Эта инициатива была активно поддержана руководством в лице декана факультета, кандидата педагогических наук, профессора Леонида Константиновича Петрика, который впоследствии занял должность проректора по

учебной работе. Все это явилось прочным основанием для дальнейшего развития кафедры.

С 1987 г. по настоящее время кафедру возглавляет доктор социологических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ Раиса Афанасьевна Трофимова. За годы ее руководства кафедра достигла значительных успехов. На современном этапе «остепененность» преподавателей кафедры составляет 100%, а в составе преобладают ее выпускники. Ярким примером эффективной реализации кадровой политики кафедры можно считать путь в профессию кандидата педагогических наук, профессора Анны Анатольевны Фоминой, с отличием закончившей АГИК, рекомендованной на стажировку и в аспирантуру Ленинградского государственного института культуры. А.А. Фомина – первая выпускница библиотечного факультета, получившая степень кандидата наук. Именно ей кафедра обязана усилением научно-исследовательского потенциала и реализацией таких оригинальных кафедральных идей и проектов, как выпуск научных сборников, монографии «Экология детства», факультетской газеты «БИ+», ежегодных аспирантских конференций, благотворительной акции «Яблоневый цвет» [3].

Реализация образовательной деятельности кафедры библиотековедения была подчинена требованиям государственной политики в сфере культуры и образования. Период расцвета библиотечного образования на Алтае в 1970–1980-е гг. сменился периодом «застоя», обусловленным общим политико-экономическим состоянием страны в 1990-гг. С началом постсоветского периода формируется новая политическая парадигма и начинается глобальный процесс реформирования страны. Система высшего образования в целом и библиотечного в частности претерпевает ряд изменений. В контексте этого с начала 2000-х гг. начинается модернизация структуры и содержания подготовки библиотечно-информационных работников. Как и все вузы культуры, АГИК начал осваивать отраслевую и функциональную подготовку библиотекарей, внедряя новые образовательные стандарты по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность».

По сложившейся практике для обучающихся по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» процесс вхождения в профессиональную среду является многоступенчатым и разнообразным. Традиционно институты культуры готовили кадры по специальности «Библиотекарь-библиограф». С 1996 г. коллектив кафедры начал реализовывать подготовку кадров по специализации «Социология и психология библиотечно-информационной деятельности», что стало возможным в результате функционально-ориентированного подхода, а также обоснования и принятия научной общественностью библиосоциальной трактовки библиотечного дела как социального института. В этой связи повысилась значимость научных публикаций преподавателей кафедры, играющих роль учебных пособий. Была издана серия учебно-методических

рекомендаций, советов, разработок и иных материалов, уделяющих особое внимание методическому обеспечению самостоятельной работы студентов, в том сборников тестовых и других контрольных заданий по базовым учебным курсам. В рамках учебно-научной деятельности был организован методический семинар, на котором обсуждаются проекты учебно-методических публикаций преподавателей и опыт ведущих педагогов.

Новый этап в развитии кафедры связан с формированием основных образовательных программ различной направленности, обеспечением преемственности основных образовательных программ разного уровня как основы интеграции через согласование структуры высшего и среднего профессионального образования. С 2003 г. кафедра приступила к подготовке специалистов с квалификацией «Менеджер информационных ресурсов» и участвовала в подготовке референтов-аналитиков информационных ресурсов и технологов автоматизированных информационных ресурсов.

В настоящее время кафедра реализует двухуровневую структуру высшего образования: бакалавриат (51.03.06) и магистратура (51.04.06) по направлению «Библиотечно-информационная деятельность». Магистерская программа по направлению подготовки 51.04.06 «Библиотечно-информационная деятельность», профиль «Теория и методология управления библиотечно-информационной деятельностью», предусматривает освоение теоретико-методологических проблем понимания сущности библиотечно-информационной деятельности, изучение организации, развития и совершенствования управления современной библиотечно-информационной деятельностью, углубление управленческой, технологической и педагогической подготовки в области библиотечно-информационной деятельности. Открытие этой программы обеспечило формирование комплекса общекультурных и профессиональных компетенций у выпускников в соответствии с требованиями ФГОС ВО, позволяющих успешно работать в избранной сфере деятельности, обеспечивающих социальную мобильность, профессиональную карьеру и конкурентоспособность на рынке труда. Кафедра обеспечивает преподавание базовых и факультативных дисциплин обучающимся всех курсов в соответствии с Государственным образовательным стандартом.

Образовательный процесс предполагает активное использование потенциала ведущих учреждений культуры, обладающих весомой ресурсной базой. Ввиду возрастания спроса на подготовку специалистов по индивидуальной образовательной траектории изменились подходы к реализации процесса обучения. На современном этапе является актуальной и обоснованной модель «вуз–базовая кафедра–базовое предприятие». Профиль подготовки «Менеджмент библиотечно-информационной деятельности» позволяет говорить о необходимости формирования инициативного профессионально компетентного специалиста.

В мае 2015 г. кафедрой менеджмента информационных ресурсов Алтайского государственного института культуры по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» была организована базовая кафедра совместно с Алтайской краевой универсальной научной библиотекой им. В.Я. Шишкова. Это один из эффективных инструментов интеграции образования и рынка труда. Необходимо отметить, что кафедра менеджмента информационных ресурсов активно взаимодействует с АКУНБ им. В.Я. Шишкова по различным направлениям. Создание базовой кафедры позволило систематизировать и интенсифицировать деятельность по следующим векторам: проведение практических занятий, производственной практики, предусмотренных учебными планами института, на базе библиотеки по согласованному графику, тематике и времени проведения; организация методических мероприятий для библиотекарей-практиков и преподавателей института; повышение квалификации преподавателей и библиотечных специалистов; профориентационная работа на базе АКУНБ им. В.Я. Шишкова; организация научно-методического консультирования по вопросам деятельности библиотеки и индивидуальных консультаций со студентами и т.п.

В Алтайском государственном институте культуры практико-ориентированное обучение строится поэтапно, придерживаясь логики освоения профессиональных компетенций образовательной программы. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» (уровень бакалавриата) предусматривает систему профессиональных компетенций, которые характеризуют виды деятельности, реализуемые через следующие направления практико-ориентированного образования: внедрение профессионально ориентированных технологий обучения, способствующих формированию у студентов значимых для будущей профессиональной деятельности качеств личности, а также знаний, умений и навыков (опыта), обеспечивающих качественное выполнение профессиональных обязанностей по профилю подготовки; организация учебной, производственной и преддипломной практик студентов с целью приобретения реальных профессиональных компетенций по профилю подготовки.

Совместные действия с работодателями расширяют возможности реализации новаций, участия обучающихся в инновационных проектах. Практико-ориентированность позволяет приобрести необходимый минимум профессиональных умений и навыков, опыт организаторской работы, систему теоретических знаний, профессиональную мобильность и компетентность, что соответствует образовательному стандарту и делает выпускников вуза конкурентоспособными. Продолжение работы базовой кафедры представляется единым практико-ориентированным процессом, формирующим профессиональные компетенции по профилю подготовки.

Высокий уровень преподавания обеспечивает научная деятельность кафедры, результаты которой внедряются в преподаваемые курсы. Научно-исследовательский коллектив кафедры осуществляет разработку проблематики библиотечно-информационной деятельности. Ведущая тема – библиосоциальная работа с населением, методика и практика ее осуществления. Результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности проходят апробацию посредством издания ежегодного тематического сборника «Социально-культурное пространство: ресурсы, менеджмент, коммуникации» (с 2000 г. по 2014 год он издавался под названием «Ежегодник “Социально-информационные ресурсы библиосоциальной работы”»), ранее – «Теория и практика библиотечного дела на Алтае»). Проблематика публикуемых материалов отличается широтой исследовательских интересов, однако наибольшее внимание авторами уделяется истории и теории библиотековедческого знания, анализу многообразных форм библиотечного дела, взаимосвязи библиотековедения с другими науками, использованию современных методов в библиосоциологических и библиотековедческих исследованиях. Всего к 2017 г. было издано 16 выпусков. Научным ответвлением библиосоциологических исследований стала проблематика превентивной библиотерапии. Актуальными исследовательскими темами также являются традиционные библиотековедческие направления (психология чтения, региональное библиотековедение, информационный потенциал региона). Результаты научно-исследовательской деятельности представлены в четырех диссертациях на соискание ученого звания кандидата наук, одной – на соискание ученого звания доктора наук [4, 5], авторских монографиях, большая часть которых используется в качестве учебных пособий, в сборниках материалов международных, всероссийских, межрегиональных конференций, таких как, например, Научный форум специалистов в области библиотековедения, библиографии и книговедения региона Сибири и Дальнего Востока, научной конференции «Макушинские чтения» и др.

Многолетняя исследовательская деятельность кафедры обусловила формирование научной школы, созданной с целью решения ряда теоретико-методологических и методических проблем в сфере библиотечного знания. Концепция школы подчинена необходимости развития междисциплинарной отрасли знания, находящейся на стыке социологии культуры, социологии духовной жизни, библиотековедения, книговедения, социологии и психологии чтения, теории и технологии социальной работы. Начиная со второй половины 1990-х гг. под руководством Р.А. Трофимовой был проведен ряд эмпирических исследований, таких как «Установка на библиотечную профессию» (1996), «Совершенствование высшего библиотечно-библиографического образования» (1997–1999), «Барнаул как читатель» (2000), «Библиотерапевтическое воздействие чтения художественной литературы на различные поло-

возрастные группы читателей» (2001), «Библиосоциальная работа в сельской местности Алтайского края» (2004–2005) и др. По материалам этих исследований подготовлено более 100 выпускных квалификационных работ.

Коллектив научной школы осуществляет исследования в следующих направлениях: специфика библиосоциологии, перспективы эмпирических и теоретических исследований в области библиосоциологии и библиосоциальной работы; эвристичность методологии социологического неовитализма для библиосоциологических и библиотековедческих исследований; оптимизация библиосоциальной работы с различными социальными группами населения; целесообразность обогащения технологий библиосоциальной работы комплексом библиотерапевтических методик. Основные идеи школы изложены в монографиях, серии научных статей в журналах «Библиотековедение» (Москва), «Библиотечное дело» (Москва), «Библиосфера» (Новосибирск), «Психологический вестник» (Томск), «Образование и социальное развитие региона» (Новосибирск–Барнаул) и др. В целом труды и идеи научной школы кафедры признаны в среде библиотековедов и библиосоциологов России, что не только является почетным, но и накладывает новые обязательства [6–8].

Перспективы развития кафедры и научной школы во многом связаны с деятельностью лаборатории библиосоциальных исследований, созданной в 2008 г. Цель лаборатории заключается в изучении технологии библиотерапевтического воздействия на клиентов библиосоциальной работы. Лаборатория является базой проведения идей школы в исследованиях бакалаврского, магистерского, кандидатского и докторского уровней, а также внедрения библиосоциальных технологий в практическую деятельность учреждений культуры и социальной работы. В рамках деятельности лаборатории сложились научные связи с рядом столичных и региональных институтов культуры, Государственной публичной научно-технической библиотекой Сибирского отделения Российской академии наук, (ГПНТБ СО РАН), Алтайской краевой универсальной научной библиотекой (АКУНБ) им. В.Я. Шишкова, Алтайской краевой детской библиотекой (АКДБ) им. Н.К. Крупской, Алтайской краевой специальной библиотекой для незрячих и слабовидящих (АКСБ) и др. Результаты исследовательской деятельности лаборатории преподаватели кафедры успешно внедряют в учебный процесс. Они апробируют такие образовательные технологии, как конференции, электронное тестирование, игровые формы, технология бизнес-плана, дизайн-технологии, метод малых групп, электронная обработка данных, библиотренинг и др., а также элементы системы контроля знаний студентов [9].

Высокий уровень организации образовательной и научной деятельности кафедры обусловил востребованность ее выпускников крупнейшими библиотеками, библиотечно-информационными системами и центрами

в Алтайском крае и многих городах России (Новосибирск, Омск, Хабаровск, Анадырь, Кемерово, Санкт-Петербург и др.). Среди выпускников кафедры – почетные работники высшего образования РФ; заслуженные работники культуры РФ, доктора наук, профессора, кандидаты наук, доценты, деканы и руководители учебных заведений.

Таким образом, государственная политика СССР 1960–1970-х гг., ориентированная на повышение образовательного уровня населения, способствовала развитию высшего библиотечного образования. В открываемых повсеместно институтах культуры создавались специализированные кафедры, осуществляющие под-

готовку специалистов для библиотечно-информационной сферы. Кафедра менеджмента информационных ресурсов АГИК, у истоков которой стояли ведущие специалисты в сфере теории и практики библиотечного дела из европейской части России, является ведущим центром подготовки кадров для библиотек Алтайского края. Стратегия развития кадрового потенциала, деятельность научной школы по библиосоциологии, реализация обучения по программам академического бакалавриата и магистратуры обуславливают конкурентноспособность кафедры и упрочение ее позиций как ведущего центра подготовки высококвалифицированных кадров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Качанова Е.Ю., Журомская Т.В., Нарыжная С.М. 40 лет высшему библиотечному образованию на Дальнем Востоке // История и культура Приамурья. 2008. № 1 (3). С. 161–166.
2. Трофимова Р.А. Исследования чтения конца XIX – начала XX веков : педагогический аспект // К сорокалетию библиотечного образования на Алтае : материалы науч.-практ. конф. / ред. кол.: Р.А. Трофимова [и др.]. Барнаул : Изд-во Алт. гос. акад. культуры и искусств, 2014. С. 29–40.
3. Фомина А.А. Обновление содержания обучения по специальности «Библиотечно-информационная деятельность» // К сорокалетию библиотечного образования на Алтае : материалы науч.-практ. конф. / ред. кол.: Р.А. Трофимова [и др.]. Барнаул : Изд-во Алт. гос. акад. культуры и искусств, 2014. С. 120–129.
4. Трофимова Р.А. Библиосоциология : история, теории, методология, исследовательские методы : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.01. Барнаул, 2002. 34 с.
5. Тетерина Т.А. Основной вектор трансформаций социального института библиотечного дела в сельской местности современной России : по материалам социологических исследований в Алтайском крае : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Барнаул, 2002. 18 с.
6. Курникова Т.А. Эволюция преподавания дисциплины «Аналитико-синтетическая переработка информации» // К сорокалетию библиотечного образования на Алтае : материалы науч.-практ. конф. / ред. кол.: Р.А. Трофимова [и др.]. Барнаул : Изд-во Алт. гос. акад. культуры и искусств, 2014. С. 79–83.
7. Потапова Р.П. Управление библиотечным делом: актуальные вопросы образования в период реформирования // К сорокалетию библиотечного образования на Алтае : материалы науч.-практ. конф. / ред. кол.: Р.А. Трофимова [и др.]. Барнаул : Изд-во Алт. гос. акад. культуры и искусств, 2014. С. 107–112.
8. Черниенко Ю.А. Особенности изучения дисциплины «Психология управления» менеджерами информационных ресурсов // К сорокалетию библиотечного образования на Алтае : материалы науч.-практ. конф. / ред. кол.: Р.А. Трофимова [и др.]. Барнаул : Изд-во Алт. гос. акад. культуры и искусств, 2014. С. 140–142.
9. Балашова Е. В. Библиотечное образование : тенденции развития // К сорокалетию библиотечного образования на Алтае : материалы науч.-практ. конф. / ред. кол.: Р.А. Трофимова [и др.]. Барнаул : Изд-во Алт. гос. акад. культуры и искусств, 2014. С. 40–48.

Buyevich Galina A. Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia). E-mail: rector@agaki.ru

Balashova Elena V. Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia). E-mail: balash_elena@list.ru

Cherniyenko Yulia A. Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia). E-mail: kochemarskaya@mail.ru

TO A QUESTION OF DEVELOPMENT OF LIBRARY EDUCATION IN ALTAI: HISTORY OF DEPARTMENT OF MANAGEMENT OF INFORMATION RESOURCES OF THE ALTAI STATE INSTITUTE OF CULTURE

Keywords: training; library information activities; history of library education; Altai state institute of culture; the department of management of information resources.

Research objective: studying history of formation and development of the higher library education in Altai Region from 1975 to 2017.

Publications of experts of the higher education who analyzed development of the library educational sphere were devoted to the considered perspective. Articles of teachers of department of management of information resources of the Altai state institute of culture of R.A. Trofimova, E.V. Balashova, T.A. Kournikova, R.P. Potapova, Yu.A. Cherniyenko belong to number of the works investigating history of formation and development of the higher library education in Altai Region from 1975 to 2017. The department of library science was created in 1975, in year of foundation of institute of culture in Altai Krai. Young and perspective graduates of postgraduate studies of the leading higher education institutions of culture of the country were involved in teaching work. Skilled experts practitioners - heads of libraries were involved in teaching too. One of the first the department mastered and introduced educational and scientific and library complexes. Members of department were included in the state research subject “Improvement of the Higher Library and Bibliographic Education in 1980-1985”. For lecturing the leading scientists were invited (Moscow, St. Petersburg, Novosibirsk, etc.). Since 1987 the department is headed by the doctor of sociological sciences, professor, the Honoured worker of culture of the Russian Federation Trofimova Raisa Afanasyevna. All the teachers of department have scientific degrees. Today the staff of the department consists mostly of its graduates.

The new stage in development of department, is connected with training of specialists of library information activities. Now the department realizes two-level structure of the higher education: Bachelor's and Master's programs. Under the leadership of R.A. Trofimova at department there was a school of sciences on problems of a biblio-sociological and biblio-social work. The scientific prospects of development of department are in many respects connected with creation of laboratory of biblio-social researches. In May, 2015 the department of management of information resources organized basic department together with the Altai regional universal scientific library of V.Ya. Shishkov. It is one of effective instruments of integration of education and labor market. It should be noted that faculty of information resources and design and department of management of information resources and social work actively interact with AKUNB of V.Ya. Shishkov in various directions. Creation of basic department allowed to expand a framework of profound vocational training of students of АГИК in the Library information activities direction.

Thus, the skill level of employees, preservation of a priority of the traditional library science directions (reading psychology, regional library science, information capacity of the region) allowed graduates of department to confirm with practical activities the scientific potential of high school preparation.

REFERENCES

1. Kachanova, E.Yu., Zhuromskaya, T.V. & Naryzhnaya, S.M. (2008) 40 let vysshemu biblioteknomu obrazovaniyu na Dal'nem Vostoke [Forty years to the higher library education in the Far East]. *Istoriya i kultura Priamur'ya*. 1(3). pp. 161–166.
2. Trofimova, R.A. (2014) Issledovaniya chteniya kontsa XIX – nachala XX vekov: pedagogicheskiy aspekt [The Research of reading in the end of the 19th – early 20th centuries: a pedagogical aspect]. In: Trofimova, R.A. et al. (eds) *K sorokaletiyu bibliotekhnogo obrazovaniya na Altae* [To the Fortieth Anniversary of Library Education in Altai]. Barnaul: Altai State Academy of Culture and Arts. pp. 29–40.
3. Fomina, A.A. (2014) Obnovlenie sodержanie obucheniya po spetsial'nosti "Bibliotekno-informatsionnaya deyatel'nost'" [Updating the "Library information activities" syllabus]. In: Trofimova, R.A. et al. (eds) *K sorokaletiyu bibliotekhnogo obrazovaniya na Altae* [To the Fortieth Anniversary of Library Education in Altai]. Barnaul: Altai State University of Culture and Arts. pp. 120–129.
4. Trofimova, R.A. (2002) *Bibliosotsiologiya: Istoriya, teorii, metodologiya, issledovatel'skie metody* [Bibliosociology: History, theories, methodology, research methods]. Abstract of Sociology Dr. Diss. Barnaul.
5. Teterina, T.A. (2002) *Osnovnoy vektor transformatsiy sotsial'nogo instituta bibliotekhnogo dela v sel'skoy mestnosti sovremennoy Rossii: Po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy v Altayskom krae* [The main vector of transformations of social institute of library science in rural areas of modern Russia: a case study of sociological researches in the Altai Territory]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Barnaul.
6. Kurnikova, T.A. (2014) Evolyutsiya prepodavaniya distsipliny "Analitiko-sinteticheskaya pererabotka informatsii" [Evolution of teaching the discipline "Analysis and synthesis of information processing"]. In: Trofimova, R.A. et al. (eds) *K sorokaletiyu bibliotekhnogo obrazovaniya na Altae* [To the Fortieth Anniversary of Library Education in Altai]. Barnaul: Altai State University of Culture and Arts. pp. 79–83.
7. Potapova, R.P. (2014) Upravlenie bibliotekhnym delom: aktual'nye voprosy obrazovaniya v period reformirovaniya [Management of library science: topical issues of education in the period of reforming]. In: Trofimova, R.A. et al. (eds) *K sorokaletiyu bibliotekhnogo obrazovaniya na Altae* [To the Fortieth Anniversary of Library Education in Altai]. Barnaul: Altai State University of Culture and Arts. pp. 107–112.
8. Chernienko, Yu.A. (2014) Osobennosti izucheniya distsipliny "Psikhologiya upravleniya" menedzherami informatsionnykh resursov [Specificity of studying discipline "Psychology of management" by managers of information resources]. In: Trofimova, R.A. et al. (eds) *K sorokaletiyu bibliotekhnogo obrazovaniya na Altae* [To the Fortieth Anniversary of Library Education in Altai]. Barnaul: Altai State University of Culture and Arts. pp. 140–142.
9. Balashova, E.V. (2014) Biblioteknoe obrazovanie: tendentsii razvitiya [Library education: development tendencies]. In: Trofimova, R.A. et al. (eds) *K sorokaletiyu bibliotekhnogo obrazovaniya na Altae* [To the Fortieth Anniversary of Library Education in Altai]. Barnaul: Altai State University of Culture and Arts. pp. 40–48.

УДК 94(470.41-25)"18/19"
DOI: 10.17223/19988613/55/25

Л.А. Бушуева

ИЗ ПРИВАТ-ДОЦЕНТОВ В «УНИВЕРСИТЕТСКИЕ СТАРЦЫ»: ВОЗРАСТ ПРОФЕССОРОВ ИМПЕРАТОРСКОГО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Рассмотрены возрастные характеристики профессорской корпорации Императорского Казанского университета второй половины XIX – начала XX в. (возраст вступления в корпорацию, средний возраст профессоров и др.), а также специфические условия Казанского университета, влиявшие на возрастные показатели данного сообщества. Показан постепенный процесс старения профессорского сообщества Казани, связанный с медленной подготовкой профессорских кадров, а также со сложившейся практикой оставления заслуженных профессоров после выхода на пенсию.

Ключевые слова: Казанский университет; экстраординарные профессора; ординарные профессора; доценты; приват-доценты; средний возраст профессоров.

Профессора российских университетов второй половины XIX – начала XX в. представляли собой особую социальную группу, отличную от других чиновников Российской империи. Коллективная биография данного сообщества является одной из значимых тем, находящаяся в центре внимания современной историографии [1]. Среди исследований, посвященных изучению различных аспектов этой проблематики, следует отметить работы петербургских [2], московских историков [3], а также исследования по истории Томского [4] и Казанского университетов [5, 6]. Важной составляющей социального портрета профессорской корпорации являются возрастные характеристики, изучение которых позволяет лучше понять особенности складывания академической карьеры в российских университетах. В данной работе рассмотрены возрастные показатели профессорского корпуса Императорского Казанского университета второй половины XIX – начала XX в.

Возрастные границы профессорского сообщества российских университетов, в том числе Казанского, были обусловлены «тройственной» идентичностью его представителей. Профессора являлись чиновниками Министерства народного просвещения, преподавателями и учеными. В качестве чиновников их пребывание на службе регулировалось сроками, отведенными законодательными документами для всех служащих Российской империи. По законодательству второй половины XIX – начала XX в. человек на гражданской службе включался в Табель о рангах, служил 25 лет, после чего выходил на пенсию. Специфика службы в университете деформировала это общее правило. Так, в университетских уставах не оговаривался минимальный и максимальный возраст, необходимый для занятия профессорской должности, он во многом зависел от конкретных обстоятельств профессиональной и личной жизни ученых. В университетских уставах оговаривалась только предельная продолжительность службы, равная 25 годам по Уставу 1863 г. и 30 годам по Уставу 1884 г.

Для того чтобы стать экстраординарным и ординарным профессором в российском университете, молодым людям, избравшим для себя ученую карьеру, необходимо

было пройти сложный путь. Для подготовки к «профессорскому званию» по ходатайству факультета оставляли студентов, наиболее успешно окончивших университетский курс. Будущие ученые должны были последовательно получить ученые степени магистра и доктора наук. Для этого следовало сначала сдать магистерские экзамены, написать и защитить магистерскую, а затем докторскую диссертации. На медицинском факультете предусматривалась одна ученая степень доктора. Параллельно претендентам на профессорскую кафедру необходимо было получить преподавательскую должность доцента (по уставу 1863 г.) или приват-доцента (по уставу 1884 г.) и отработать в ней не менее трех лет.

Трудности университетской карьеры начинались уже на этапе сдачи магистерских экзаменов. В Казанском университете, как и в других университетах, довольно долгое время их сложность состояла в отсутствии четких требований к объему знаний экзаменуемого. Это отмечали представители и гуманитарных, и естественнонаучных специальностей [7. С. 119]. Будущему магистру предлагалась программа испытаний, обычно включавшая обширный список российской и иностранной научной литературы. На экзаменах могли быть заданы самые разнообразные вопросы из любой области избранной соискателем специальности. В связи с этим профессорские стипендиаты часто с трудом представляли, каким образом готовиться к этим испытаниям. «Мои руководители отдали меня на собственную волю, а я начал все дело почти сначала. Беляев и Куртенэ так осмеяли инструкцию, что мне самому стыдно стало. Я оставил Корссена, Моммзена, Эрша и Грубера, которые рекомендовались в инструкции, и принялся за грамматику, стилистику с немецким языком. По крайней мере я это буду знать как следует, а читая десятки томов Эрша и прочее, я не упомянул бы решительно ничего. Беляев рекомендует писать скорее магистерскую диссертацию, а потом в Петербург, под руководством Помяловского готовиться к экзамену. Я понял, что это далеко лучше, чем поглощать без всякого смысла бездну томов, и стараюсь пользоваться

добрым советом» – писал в 1872 г. профессору Д.А. Корсакову профессорский стипендиат по классической филологии С.К. Кузнецов, который так и не сумел пройти магистерских испытаний [8. Ед. хр. К3. Л. 1].

После введения устава 1884 г. успешная сдача магистерских экзаменов давала право претендовать на должность приват-доцента и начать преподавательскую деятельность в университете. В этот же период казанские профессора пошли по пути постепенного упрощения магистерских испытаний. Так, на историко-филологическом факультете вместо былых расплывчатых рекомендаций по изучению научной литературы магистранты, специализирующиеся по русской истории, получали программы по русской истории, политэкономии и всеобщей истории с четким перечнем экзаменационных вопросов [9. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 1475. Л. 3–4].

Однако формализация экзаменов не упростила путь к научным степеням, так как в это время в российских университетах были достаточно высокие требования к диссертационным сочинениям [10. С. 101]. По замечанию известного исследователя ученых степеней Российской империи А.Е. Иванова, если в первой половине XIX в. диссертации часто представляли собой «компактное компилятивное рассуждение» [7. С. 147], то уже с середины XIX в. к ним предъявлялись такие требования, как самостоятельность и новизна исследования [Там же. С. 148]. Согласно сохранившимся рецензиям на диссертационные сочинения, обязательным для магистерских работ по русской истории было основательное изучение источников [9. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 1461. Л. 7], что требовало как минимум нескольких лет пребывания в Москве или Петербурге для работы в архивах. Профессорским стипендиатам Казанского университета, многие из которых были выходцами из семей мелких чиновников, священников, мещан и практически не получали помощь от родственников, на стипендию размером в 600 руб. достаточно сложно было работать над квалификационным сочинением. Часто профессорские стипендиаты не укладывались в отведенный законодательством трехлетний срок для получения степени магистра. Получение доцентуры также слабо способствовала улучшению их материального состояния. По Уставу 1884 г. приват-доценты не являлись штатными преподавателями. Их труд оплачивался из специальных средств университета, и доход не превышал 800–1 200 руб., даже если приват-доцент читал обязательный курс [11. С.105]. Для сравнения оклад ординарного профессора составлял 3 000 руб. Система гонораров, согласно которой

студенты кроме средств в пользу университета должны были вносить плату за право посещать лекции и практические занятия преподавателей, также не улучшала материального положения казанских приват-доцентов, так как учащиеся в большинстве случаев выбирали профессорские курсы.

Для поправки своего финансового состояния приват-доценты медицинского факультета Казанского университета брались за обширную частную практику, историки и филологи преподавали в городских гимназиях, на Высших женских курсах, магистры физико-математического факультета работали лаборантами, хранителями университетских кабинетов. Необходимость подрабатывать, как правило, задерживала работу над докторской диссертацией, обязательной для получения должности профессора. «Мне ли не сочувствовать тем, кто, подобно Вам и мне, тратил время и силы не на то, что хотел и мог бы», – писал известный петербургский историк С.Ф. Платонов в письме от 6 ноября 1902 г. казанскому приват-доценту Н.Н. Фирсову, рассуждая о «тяжелой поре учительского труда» для начинающего ученого [8. Ед. хр. П. 1. Л. 1].

После получения степени магистра академическая карьера многих молодых ученых обрывалась. Так, ряд приват-доцентов историко-филологического факультета Казанского университета отказались от преподавания в университете и остались в гимназиях на должностях преподавателей, инспектора или директора [12. Ч. 1. С. 67, 85]. Эту тенденцию, в целом характерную и для других российских высших учебных заведений, красноречиво описал историк, выпускник университета Святого Владимира в Киеве В. Петров: «Те, кто выдержал первые испытания, написав медальную работу и добившись оставления при университете, в большинстве случаев не выдерживали вторых. Успешно пройдя магистерские экзамены и получив доцентуру, они сдавали. Их силы были исчерпаны. Они уже отдали все, что могли отдать, и превращались в ничто. Диссертации оставались ненаписанными. Опустошенные, они замолкали. Должен ли я теперь вспоминать фамилии, называть имена?» [13. С. 119].

Младшие преподаватели, сумевшие защитить магистерскую и докторскую диссертации, в Казанском университете в большинстве случаев сразу получали назначение на должность экстраординарного профессора. Из 220 профессоров, работавших в Казанском университете в период с 1863 по 1917 гг., почти половина получили должность экстраординарного профессора в возрасте 30–39 лет, а каждый пятый – в возрасте 40–49 лет (табл. 1).

Таблица 1

Возраст получения профессорской должности в Казанском университете в 1863 – 1917 гг.

Возрастные группы	Количество человек	В процентах к общему числу
До 29 лет включительно	20	9,0
30–39 лет	109	49,5
40–49 лет	43	19,5
50–лет и старше	12	5,6
Нет данных	36	16,4

Сост. по: [3. Оп. Совет. Д. 4833, 5116, 5230, 5384, 5529, 5648, 5903, 6512, 6751, 7237, 7485, 7533, 7899, 8212, 8213, 8214, 8390, 8391, 8514, 8524, 8570а, 8571, 8762, 8763, 9399, 9511, 9790, 9791, 10011, 10012, 10013, 10014, 10015, 10048, 10199, 10220, 10235, 10436, 10437, 11035, 11181, 11182, 11183, 11188, 11396, 11484, 11755, 11934, 11936, 12028, 12042, 12135, 12136, 12137, 12138, 12255, 12308, 12698, 12699, 12716, 12903, 12982, 13119, 13124, 13318, 13319, 13388; 6].

Поколению преподавателей, начавших академическую карьеру в 1860–1870-е гг., удавалось достигнуть профессорства за более короткий период, чем их последователям. В этот период в университете было открыто много новых кафедр, введенных уставом 1863 г. Младшие преподаватели имели возможность занять вакантные места без степени доктора. Особенно высокие шансы быстро получить профессорскую должность были у преподавателей медицинского факультета. После увеличения числа кафедр на медицинских факультетах университетов в Казани появилось множество профессорских вакансий. Их охотно занимали получившие степень доктора медицины младшие преподаватели, прозекторы, ординаторы Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии – крупнейшего учебного заведения империи, готовившего врачей. Выпускники этого

учебного заведения составляли 31,9% профессоров медицинского факультета Казанского университета [6. С. 67]. Среди них были такие ученые, как В.М. Бехтерев, М.Я. Капустин, Н.Н. Феноменов, В.В. Пашутин, К.В. Ворошилов, К.Ф. Славянский, Д.С. Ермолаев и др. В 1884 г. состав профессорской корпорации Казанского университета пополнился молодыми людьми. В связи с упразднением должности доцента сразу 9 младших преподавателей, имеющих степень магистра, были назначены экстраординарными профессорами [14. С. 44–45]. В последующий период назначения на профессорские должности без докторской степени профессорской корпорацией практически не допускались. К началу XX в. средний возраст получения должности экстраординарного профессора увеличился до 37–38 лет (табл. 2).

Таблица 2

Средний возраст получения должности экстраординарного профессора в Казанском университете в 1863–1917 гг.

1863 г.	1864–1883 гг.	1884–1904 гг.	1905–1917 гг.
33	34	37	38

Сост. по: [3. Оп. Совет. Д. 4833, 5116, 5230, 5384, 5529, 5648, 5903, 6512, 6751, 7237, 7485, 7533, 7899, 8212, 8213, 8214, 8390, 8391, 8514, 8524, 8570а, 8571, 8762, 8763, 9399, 9511, 9790, 9791, 10011, 10012, 10013, 10014, 10015, 10048, 10199, 10220, 10235, 10436, 10437, 11035, 11181, 11182, 11183, 11188, 11396, 111484, 11755, 11934, 11936, 12028, 12042, 12135, 12136, 12137, 12138, 12255, 12308, 12698, 12699, 12716, 12903, 12982, 13119, 13124, 13318, 13319, 13388; 6].

Университетские уставы определяли границу ухода профессоров со службы. Профессора выходили на пенсию, отработав 25 лет по Уставу 1863 г. и 30 лет по Уставу 1884 г. Однако хроническая нехватка преподавателей и имеющиеся механизмы университетского управления позволяли казанским профессорам добиваться продления срока службы с помощью коллективного мнения Совета. Поэтому время пребывания профессоров в университете зависело не только от формальных показателей (биологического возраста, установленных законодательством сроков), но и от умения использовать механизмы университетского управления.

По уставу 1863 г. после выслуги 25-летнего срока преподавателям присваивалось звание заслуженного профессора. В случае переизбрания на новый 5-летний срок они могли остаться штатными преподавателями. Особенности корпорации Казанского университета способствовали тому, что оставление на службе заслуженных профессоров здесь являлось нормой в отличие, например, от Петербургского университета, где преподавательский состав пополнялся главным образом за счет младших преподавателей [15. С.41–42]. Во-первых, в Казанском университете довольно слабо развивался институт профессорских стипендиатов. Несмотря на постоянно увеличивающееся количество студентов, ежегодно число оставленных для подготовки к профессорскому званию составляло от 10 до 15 человек. Как отмечалось выше, далеко не у всех академическая карьера складывалась удачно. Так, на историко-филологическом факультете с конца 1880-х до начала 1900-х гг. было подготовлено всего два магистра русской истории – Н.П. Лихачев и Н.Н. Фирсов [9. Оп. Историко-филологический факультет. Д.1461. Л.13].

Во-вторых, в течение данного периода был довольно невысоким приток в профессорскую коллегию Казани из других университетов, за исключением выпускников Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии. Более половины профессоров окончили Казанский университет и всю свою жизнь прожили в Казани.

Из-за хронической нехватки преподавателей советы факультетов нередко просили коллег остаться в университете после выхода на пенсию. Так, служба заслуженного профессора Е.Ф. Аристова в качестве штатного профессора окончилась в 1866 г. Однако по просьбе факультета из-за отсутствия преподавателя по его предмету он, «несмотря на свою болезненность и дряхлость», еще два года продолжал вести занятия [16. С. 221].

По Уставу 1884 г. для продления службы профессорам, проработавшим 25 лет, необходимо было получить разрешение министра народного просвещения. По истечении 30-летнего срока службы они уже не включались в число штатных преподавателей. Однако при желании они могли преподавать, занимать положенные им в университете должности и получать вознаграждение в размере половины годового оклада ординарного профессора. Число оставленных на службе заслуженных профессоров в конце XIX – начале XX в. в Казани постепенно увеличивалось. Если в 1863 г. их оно составило 2 человека, в 1870 – 3, в 1875 – 5, в 1881 – 4 человека, то в 1886 г. число заслуженных профессоров составило 6 человек, в 1890 – 7, в 1896 – 8, в 1906 – 15 человек [6. С.72].

Как видно из табл. 3, это способствовало увеличению среднего возраста казанских профессоров и своеобразного возрастного порога.

Таблица 3

Средний возраст профессоров Казанского университета в 1863–1917 гг.

Годы	1863 г.	1873 г.	1883 г.	1893 г.	1903 г.	1913 г.	1917 г.
Средний возраст, лет	42	40	50	45	55	54	58

Сост. по: [3. Оп. Совет. Д. 4833, 5116, 5230, 5384, 5529, 5648, 5903, 6512, 6751, 7237, 7485, 7533, 7899, 8212, 8213, 8214, 8390, 8391, 8514, 8524, 8570а, 8571, 8762, 8763, 9399, 9511, 9790, 9791, 10011, 10012, 10013, 10014, 10015, 10048, 10199, 10220, 10235, 10436, 10437, 11035, 11181, 11182, 11183, 11188, 11396, 111484, 11755, 11934, 11936, 12028, 12042, 12135, 12136, 12137, 12138, 12255, 12308, 12698, 12699, 12716, 12903, 12982, 13119, 13124, 13318, 13319, 13388; 6].

Возрастные процессы оказали влияние на представления университетского сообщества о том, сколько лет должно быть профессору. В данное время получение должности профессора в возрасте до 30 лет было принято считать довольно ранним. В биографической статье о профессоре медицинского факультета К.Ф. Славянском особо отмечался возраст ученого, ставшего экстраординарным профессором в 1876 г. всего в 29 лет.

Для первой половины XIX в. своего рода рубежом старости, после которого мужчина считался стареющим, являлся возраст 50 лет [5. С. 138]. Уже в период 1870–1890-х гг. для профессоров он являлся близким к среднему. Это подтверждают и суждения университетских людей о возрасте. К примеру, о скончавшемся в 1885 г. 54-летнем профессоре медицинского факультета М.А. Хомякове бывшие студенты писали как о преждевременно ушедшем. Неожиданной потерей для юридического факультета оказалась смерть профессора Г.К. Штера в 1898 г. Как писал приват-доцент юридического факультета А.А. Овчинников, «ученой и педагогической деятельности Штера Г.К. суждено было прерваться самым преждевременным образом. Он скончался 18 мая 1898 г. в Казани, не достигнув и 41 года от роду» [12. Ч. 2. С. 297–298].

Создавшиеся в Казанском университете условия способствовали появлению норм профессиональной этики, при которых преклонный возраст профессора не мог быть существенной причиной для увольнения. В исследуемый период не покидали университета вплоть до самой смерти почти 20% преподавателей [8. С. 68–71]. Более того, в Казанском университете «университетские старцы» часто пользовались особым положением. Терпимое отношение сообщества к заслуженным профессорам нередко было связано с их бы-

лыми заслугами: в прошлом они или отличались научными достижениями или являлись крупными университетскими администраторами. О самом старшем среди профессоров – профессоре фармакологии И.М. Догеле, работавшем в университете до 87 лет, его бывшие воспитанники писали как о «примечательной исторической личности»: «Ему было, кажется, 80 лет, когда я у него держал государственный экзамен по фармакологии. Он был на почетном положении, читал бальнеологию, курортологию. Стоять он уже не мог. Читал сидя, по тетради» [17. С. 329].

Таким образом, в уставных университетских документах отсутствовали возрастные ограничения занятия должности профессора. Однако прежде чем вступить на профессорскую кафедру, молодые ученые должны были пройти длительный путь, последовательно получив ученые степени магистра и доктора наук, а также поработать в качестве «младших преподавателей». Вхождение в профессорскую корпорацию требовало многих лет материальных ограничений и трудностей. Неблагоприятные финансовые возможности и условия научной работы многих магистров Казанского университета приводили к тому, что средний возраст занятия должности экстраординарного профессора постепенно увеличивался.

Длительный процесс подготовки профессоров из профессорских стипендиатов, отказ части молодых ученых от университетской карьеры приводили в Казанском университете к дефициту профессорских кадров. Поэтому одним из способов сохранения численности сообщества стало оставление на службе заслуженных профессоров, численность которых постепенно увеличивалась. В результате средний возраст профессорской корпорации Казани к 1917 г. достиг 58 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маурер Т. Новый подход к социальной истории университета: коллективная биография профессоров // «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по истории русских и немецких университетов. М. : РОССПЭН, 2015. С. 19–47.
2. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : РОССПЭН, 2017. 903 с.
3. Феофанов А.М. Социальный портрет профессоров Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013. № 1 (12). С. 168–179.
4. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. «Институт профессорских стипендиатов» как метод подготовки научно-педагогических кадров для университетов России в конце XIX – начале XX в. (на примере Томского университета) // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг. : исследования и документы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 51–65.
5. Костина Т.В. Мир университетского профессора Казани. 1804–1863 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 221 с.
6. Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань : Центр инновационных технологий, 2012. 288 с.
7. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1994. 198 с.
8. Национальный музей Республики Татарстан (НМ РТ).
9. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 977.
10. Маурер Т. Российские профессора: между чиновничеством и интеллигенцией // «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по истории русских и немецких университетов. М. : РОССПЭН, 2015. С. 98–138.
11. Грибовский М.В. Феномен приват-доцентуры в российских университетах конца XIX – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2012. № 2. С. 103–108.

12. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета (1804–1904) : в 2 ч. Казань : Типолит. Имп. Казанского ун-та, 1904.
13. Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). С 108–133.
14. Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1884 г. Казань : Типолит. Имп. Казанского ун-та, 1884. 89 с.
15. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг. : исследования и документы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 35–51.
16. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней). СПб.: Типолит. И.А. Ефрона, 1892. Т. 3. 444 с.
17. Егоров А.Д. Из воспоминаний о медицинском факультете Казанского университета (1909–1914) // История Казанского государственного медицинского университета. Казань : Магариф, 2006. С. 326–330.

Bushueva Liudmila A. Sh. Marjany Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (Kazan, Russia). E-mail: bushueva9@mail.ru

FROM ASSISTANT PROFESSOR TO «UNIVERSITY'S ELDERS»: AGE OF THE PROFESSORS OF THE IMPERIAL KAZAN UNIVERSITY (SECOND HALF OF XIXth – BEGINNING OF XXth CENTURY)

Keywords: Kazan University; extraordinary professors; ordinary professors; senior lecturer; assistant professors; middle age of professors. Professors of Russian universities of the second half of the XIX –beginning of XX-th centuries represented a special social group, distinct from other officials of the Russian Empire. The aim of this study is to examine the age characteristics of the professorial corporation of the Imperial Kazan University. The following tasks were set: to determine the age of accession of teachers into the corporation, to define the middle age of professors, and also to consider the specific conditions of the Kazan University that influenced the age indices of this community. For the solving of these tasks on the basis of the prosopographic method, a database was compiled with information about professors of the Kazan University from 1863 to 1917. The analysis was carried out using mathematic-statistical data processing (the method of simple and analytical groupings, the method of analysis of mean values).

In the article materials of the office-work documentation from the National Archives of the Republic of Tatarstan were used, fund 977 (official lists, personal records of professors and teachers of the Kazan university, annual reports of the university). They contain information about the main stages of the career of teachers. In addition, sources of personal origin were used in the work: letters from Kazan teachers from the National Museum of the Republic of Tatarstan, published memoirs of students of the Kazan University.

During the research we have come to the following conclusions. In the period under review at the Kazan University, most of teachers had reached the position of extraordinary professor by the age of 30-39. The average age of receiving a professorial rank gradually increased. This was due to the growing demands for dissertational research and unfavorable material conditions, in which junior teachers often found themselves. Specific living conditions of the Kazan university promoted to the gradual increase of middle age of professors. Firstly, the process of preparing professorial personnel was developing rather slowly. Secondly, Kazan University was not compensating for a deficiency in professorial staff thanks to influx of professors from other Russian universities. At that time the main part of professors was represented by the Kazan University graduates, with the exception of the medical faculty, where there was a grate part of the graduates of the Medico-Surgical Academy (since 1881 the Military Medical Academy). As a result, the practice of hold of honored professors at work was formed in the Kazan University. During the period under review, their number in the professorial corporation gradually increased. It promoted increase of the middle age of professors of the Kazan University from 42 years in 1863 to 58 years by 1917th.

REFERENCES

1. Maurer, T. (2015) *Novyy podkhod k sotsial'noy istorii universiteta: kollektivnaya biografiya professorov* [New approach to social history of university: A collective biography of professors]. In: Maurer, T. "Barometry" ili "mayaki" obshchestva? Izbrannye stat'i po istorii russkikh i nemetskikh universitetov ["Barometers" or "beacons" of the society? Selected papers on the social history of the Russian and German universities]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN. pp. 19-47.
2. Rostovtsev, E.A. (2017) *Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX –nachalo XX v.)* [Metropolitan University of the Russian Empire: academic estate, society and power (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: ROSSPEN.
3. Feofanov, A.M. (2013) *Sotsial'nyy portret professorov Moskovskogo universiteta vtoroy poloviny XVIII – pervoy chetverti XIX v.* [A social portrait of the professorate of Moscow university (the second half of 18th – first quarter of the 19th centuries)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*. 1(12). pp. 168-179.
4. Nekrylov, S.A. & Fominykh, S.F. (2012) "*Institut professorskikh stipendiatov*" kak metod podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov dlya universitetov Rossii v kontse XIX –nachale XX v. (na primere Tomskogo universiteta) ["The Institute of Professorial Scholars" as a method of training of scientific and pedagogical personnel for universities of Russia in the late 19th – early 20th centuries (a case study of Tomsk University)]. In: Gribovskiy, M. V. & Fominykh, S.F. (eds) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus rossiyskikh universitetov. 1884 – 1917 gg.: issledovaniya i dokumenty* [Professors corporation of Russian universities in 1884–1917. Research and documents]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 51–65.
5. Kostina, T. (2007) *Mir universitetskogo professora Kazani. 1804–1863 gg.* [The world of University professors in Kazan]. History Cand. Diss. Kazan.
6. Bushueva, L.A. (2012) *Povsednevnyy universitetskogo professora Kazani. 1863 1917 gg.* [Everyday life of a university professor in Kazan. 1863-1917]. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy.
7. Ivanov, A.E. (1994) *Uchenye stepeni v Rossiyskoy imperii. XVIII v.–1917 g.* [Postgraduate Degrees in the Russian Empire from the 18th Century till 1917]. Moscow: RAS.
8. *The National Museum of the Republic of Tatarstan*. (NM RT).
9. *The National Archive of the Republic of Tatarstan* (NA RT). Fund 977.
10. Maurer, T. (2015) *Rossiyskie professora: mezhdru chinovnichestvom i intelligentsiey* [Russian professors: between bureaucracy and intelligentsia] In: Maurer, T. "Barometry" ili "mayaki" obshchestva? Izbrannye stat'i po istorii russkikh i nemetskikh universitetov ["Barometers" or "beacons" of the society? Selected papers on the social history of the Russian and German universities]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN. pp. 98–138.
11. Gribovskiy, M.V. (2012) The privat-docent phenomen in Russian universities of the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Istorii i politicheskie nauki" – Bulletin of the Moscow Region State University. History and Political Sciences*. 2. pp. 103–108. (In Russian).
12. Zagoskin, N. (ed.) (1904) *Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavateley imperatorskogo Kazanskogo universiteta (1804–1904): v 2 ch.* [The biographical dictionary of professors and teachers of the Kazan Imperial University (1804–1904): In 2 parts]. Kazan: Tipolitografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta.

13. Dmitriev, A.N. (2013) *Statusy znaniya (o sotsial'nykh markerakh evolyutsii rossiyskogo universiteta pervoy trety XX veka)* [Statuses of knowledge (on social markers of the evolution of the Russian university in the first third of the 20th century)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 4(122). pp. 108–133.
14. Kazan University. (1884) *Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1884 g.* [The annual act of the Imperial Kazan University on November 5, 1884.]. Kazan: Tipolitografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta.
15. Rostovtsev, E.A. & Barinov, D.L. (2012) *Prepodavatel'skaya korporatsiya stolichnogo universiteta 1884 – 1916 gg.: osnovnye cherty i problemy kollektivnoy biografii* [Professors corporation of Saint-Peterburg University in 1884-1916: The main features and issues of collective biography]. In: Gribovsky, M. V. & Fominykh, S.F. (eds) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus rossiyskikh universitetov. 1884 – 1917 gg.: issledovaniya i dokumenty* [Professors corporation of Russian universities in 1884–1917. Research and documents]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 35–51.
16. Vengerov, S. (1892) *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenykh (ot nachala obrazovannosti do nashikh dney)* [Critical-biographical dictionary of Russian writers and scientists (from the beginning of education to our days)]. Vol. 3. St. Petersburg: Tipolitografiya I.A. Efrona.
17. Egorov, A. (2006) *Iz vospominaniy o meditsinskom fakul'tete Kazanskogo universiteta (1909–1914)* [From memories of the medical faculty of Kazan University (1909–1914)]. In: *Istoriya Kazanskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta* [History of Kazan State Medical University]. Kazan: Magarif. pp. 326–330.

УДК 378

DOI: 10.17223/19988613/55/26

В.И. Зиновьева, М.В. Берсенов, М.Ю. Ким

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ ПО ОБОСНОВАНИЮ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО, ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ВУЗА

Исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки образовательных организаций по проекту «Теоретико-методологические основы и междисциплинарные подходы в формировании этносоциального инклюзивного образовательного пространства вуза» (№ 28.8279.2017/8.9).

Анализируется содержание научного проекта, который выполняется исследовательской группой сотрудников научно-образовательного центра гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. Цель проекта – формирование теоретико-методологических основ этносоциального, инклюзивного образовательного пространства на основании междисциплинарного подхода, разработка принципов взаимодействия и взаимосвязи всех участников образовательного процесса. На аналитическом этапе была определена проблематика методологии, выявлены подходы и принципы, на основе методов социологии и психологии получены первые результаты исследований соотношения инклюзии и эксклюзии, толерантности и ксенофобии в студенческой среде.

Ключевые слова: теория, инклюзия, эксклюзия, образовательное пространство, системный подход, ксенофобия, этноэгоизм.

Образовательное пространство в связи с вступлением человечества в информационный этап развития и высоким запросом общества на знания становится частью социальных отношений и общественной жизни. Введенное в научный оборот в 90-е гг. прошлого века это понятие рассматривается исследователями как в широком плане (мировое образовательное пространство, образовательное пространство России), так и в прямом смысле – как образовательное пространство отдельных образовательных учреждений, которое в числе других задач должно быть реорганизовано в направлении изменения стереотипов инвалидности и этнической терпимости в позитивном плане. Образовательное пространство развивается под воздействием как внешних (ценностные установки, этнические, инклюзивные процессы, общественное мнение, СМИ и т.п.) так и внутренних (зависящих от традиций, атмосферы, принятых правил) факторов.

Тема формирования инклюзии в вузе с точки зрения включения в образовательную среду и профессионализацию как молодых людей с особыми потребностями, так и представителей различных этнических групп, имеющих проблемы в адаптации, привлекает сегодня внимание многих авторов. С одной стороны, это актуализируется переломом в общественном мнении в пользу образовательной инклюзии и признания равных прав лиц с инвалидностью на все то, что является доступным для не инвалидов. Однако в реальности прямой реализации этого подхода не происходит из-за множества объективных и, в еще большей степени, субъективных обстоятельств. Очевидно, необходимы объяснительные теории (теории среднего уровня), модели для решения этой проблемы российской действительности.

С другой стороны, налицо актуальность национального вопроса в России, в том числе в контексте религии,

который в последние десятилетия хотя и не обостряется, но не имеет внятной объяснительной теории. Принципы пролетарского интернационализма остались в прошлом, стандарты западноевропейского мультикультурализма и соответствующая практика малопривлекательны, и потребность в идеологии в этой сфере растет в массовом сознании. В образовательных учреждениях обучаются представители различных этнических культур, на современном этапе во многих вузах происходит прием иностранных студентов, принадлежащих к разным расам, что еще более актуализирует вопросы межкультурного диалога. Часть исследователей констатируют отсутствие общепризнанных концепций в этой сфере и обращают внимание на идеи интеркультурализма, который ориентирован на приоритет гражданских ценностей и «предполагает наличие общих интересов у граждан разных национальностей и религий, объединяемых общей гражданской ответственностью за свою страну» [1. С. 81].

В исследовании теоретико-методологических вопросов инклюзии в высшей школе сложились определенные позиции. Э.К. Наберушкина предлагает модель конструирования инклюзивной среды в образовательном заведении с разделением на инфраструктурную, образовательную и социальную [2. С. 23]. Эту модель предлагается рассматривать как основу, требующую инициативных стратегий в конкретных учебных заведениях. По мнению О.С. Михно, основной проблемой современной инклюзивной педагогики является развитие личности в специально созданных условиях. Автор рассматривает возможности обучения студентов с особыми образовательными потребностями (ООП), понимая под этим термином лиц с установленной по закону инвалидностью, а также тех, кто на основании решений медико-психолого-педагогических комиссий получает

категорию «лица с ограниченными возможностями здоровья» без подтверждения инвалидности. При этом все обучающиеся с ООП разделяются на 3 группы: 1) те, кто имеет сохранный интеллект при нарушениях различных функций организма; 2) лица, имеющие серьезные нарушения слуха и речи, замедленное восприятие информации; 3) студенты с аномалиями, задержкой психофизического развития [3. С. 97]. В работе признается, что для первой группы нужна доступная безбарьерная среда, для второй – специальные технологии обучения, включая дистанционную, а для третьей группы, в которую входят те, кто может обучаться только по упрощенным программам, не требующим широкого кругозора, главной проблемой будет являться устройство на работу по специальности. На основании социологических опросов М.В. Миронова делает вывод о том, что в педагогической среде сегодня распространено мнение о приемлемости инклюзивного образования для группы учащихся с сохранным интеллектom и нарушениями опорно-двигательного аппарата, тогда как детей других групп нельзя обучать в массовой школе [4. С. 14].

Таким образом в образовании, и не только, создается такой социальный барьер, когда общество «укореняется в установке на дистантное отношение к проявлению инвалидности» и, стремясь защититься от бремени социальных обязательств, вырабатывает такую модель отношения к инвалидам, которая внешне походила бы на выполнение норм этики и социальных гарантий [5. С. 15–16].

Инструментом социальных изменений являются социальные проекты, но каждый из них должен опираться на имеющийся опыт и «лучшие практики». В Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники обучаются с учетом факультета дистанционного обучения более 60 человек с ограниченными возможностями здоровья, на очном и заочном факультетах – более 20 человек. На Гуманитарном факультете уже несколько лет разрабатываются проблемы и апробируется практика сопровождения студентов с инвалидностью. Исследовательская группа преподавателей кафедры истории и социальной работы вместе со студентами, участвующими в групповом проектом обучении, обосновали саморазвивающуюся модель образовательно-социальной инклюзии в вузе [6, 7].

Модель основывается на применении основных методов практической социальной работы, таких как индивидуальная работа со случаями, групповая работа и деятельность в микросоциальной среде вуза. Через каждые 2 года формируются новые проектные группы студентов-старшекурсников, которые, участвуя в научно-исследовательской деятельности, приобретают коммуникативные, организационные и профессиональные компетенции, совмещая теоретические знания по специальности и опыт практики по индивидуальному сопровождению студентов с инвалидностью. В вузе существует структурное подразделение Центр сопровождения студентов с инвалидностью (ЦеССИ), который

занимается организационной работой на основе «Положения об организации образовательного процесса для обучения инвалидов». В практической социальной работе в вузе сложились две целевых группы: студенты-инвалиды ТУСУРа и внешняя группа – молодые люди с инвалидностью, обучающиеся в других учебных заведениях или закончившие обучение, принимающие участие в групповой работе ЦеССИ.

Тема межкультурного диалога, изучения типов кросс-культурного взаимодействия в вузе также длительное время разрабатывается в прикладном плане в связи с организацией в вузе этнокультурных форумов, конференций и этнокоммуникативных мероприятий, направленных на создание и укрепление новых межкультурных связей в студенческой среде. Для реализации этого направления на гуманитарном факультете также применяется метод группового проектного обучения и формирования студенческих проектных групп [8].

В настоящее время в рамках Госзадания при поддержке Министерства образования и науки РФ исследовательский коллектив выполняет проект по теме: «Теоретико-методологические основы и междисциплинарные подходы формирования этносоциального, инклюзивного образовательного пространства вуза». Тема разрабатывается на базе теории и практики социальной работы. Согласно принятому в социальной работе подходу (М. Пэйн) «теория» как структурированное оформление представлений об окружающем мире выступает в трех аспектах: 1) ценности и перспективы, которые отражают представление об окружающем мире, ориентируют участников процесса и направляют их действия; 2) объяснительные теории (теории реальных проблем, которые рассматривают результаты тех или иных действий, причины, последствия, обстоятельства, т.е. призваны объяснять то, что происходит; 3) модели, т.е. наши представления, которые придают последовательность практическим действиям, помогают организовать подход к сложной ситуации. [9. С. 12]. Модель и объяснительная теория должны отражать определенное видение мира, связь с ценностями.

Целью данного проекта являются формирование методологии создания этносоциального, инклюзивного образовательного пространства на основании междисциплинарного подхода в общественных науках, разработка принципов взаимодействия всех участников этого процесса на примере широкого спектра ситуаций и в структурированной форме, с учетом логики взаимосвязей между ними в образовательном пространстве. Теоретической основой научного поиска выступают методология и принципы системного подхода, который рассматривает явления в их взаимосвязи и взаимозависимости с точки зрения самоорганизации и иерархии. Принципы являются тем элементом, который связывает теорию с практической деятельностью. Они выступают основой для разработки теорий реальных проблем. Системный подход напоминает нам, что изменение социальной картины происходит в сознании людей

довольно медленно. Трансформация социальной ситуации может задеть интересы многих. Выстраивая инклюзивное пространство, мы привносим в общество новую информацию о взаимодействии людей, не вводим новые социальные группы, а как бы заново собираем это пространство, в котором найдется достойное место для всех групп; только в таком случае мы избежим опасности эксклюзии. Использование данного подхода даст возможность получить целостную картину взаимодействий в системе «внешняя социальная группа–вуз». Внешняя группа – это понятие, введенное для определения социальных групп, участвующих в процессе формирования социальной идентичности представителей внутренней группы на основании отличительных признаков этих групп. Феноменологический и нарративный подходы социальной работы применительно к вузовской среде, предполагающие описание и изучение конкретных случаев, помогают понять их с точки зрения типизации. Экоциальный подход акцентирует внимание на отношениях в малых группах, развитии взаимопомощи с целью преодоления социального исключения при помощи роста общественной ответственности. Кроме того, междисциплинарность, выражающаяся в переносе и комбинировании методов исследования различных наук – психологии, социологии, теории социальной работы, в центре внимания которых находится личность, позволяет более полно раскрыть тему проекта, выявить результаты, которые можно будет применить в практической социальной работе в вузе. На современном этапе актуальное значение приобретает разработка объяснительной теории, выявляющей связи между явлениями и помогающей решению реальных проблем.

В студенческой среде, как известно, активно идут процессы формирования социальной и этнической идентичности, осознание принадлежности к тем или иным группам, а это актуализирует проблему инклюзии (включения) и эксклюзии (исключения). Данная проблема сегодняшней реальности имеет два аспекта: во-первых, это сама возможность обучения для лиц с ограниченными возможностями (особыми образовательными потребностями), представителей этнических групп, имеющих проблемы адаптации и социализации, несмотря на более слабую подготовку и внешние барьеры, во-вторых, включение их в коллектив академической группы, принятие и признание. От последнего обстоятельства зависит рост самооценки, успешная социализация таких студентов и в дальнейшем самоактуализация личности. Эксклюзия порождает дискриминацию, может мотивировать агрессию.

В ходе выполнения проекта на аналитическом этапе было изучено соотношение понятий инклюзии и эксклюзии в представлениях студентов. В качестве метода исследования был выбран психосемантический подход, который позволяет исследовать различные формы существования значений и представлений в индивидуальном сознании (образы, символы, вербальные формы).

В академических группах был произведен опрос, в котором приняли участие 333 студента технических и гуманитарных специальностей. Анкета содержала 61 утверждение, опросник был предназначен для определения особенностей отношения студента с социальными группами в контексте групповой эксклюзии. После проведения факторного анализа были получены 4 компоненты, содержащие совокупность определенных данных. В первую компоненту, характеризующую уязвимость личностных состояний, вошли 26 переменных, во вторую – характеристика конформизма – 8 переменных, в третью – феномен внешней агрессии – 3 переменных, в четвертую – внутренняя агрессия, самоповреждающее поведение – 3 переменных. Анализ показал, что в большей степени студенты ориентируются на преодоление проблем уязвимости личностных состояний и конформизм. При этом основными типами реакций респондентов стали: 1) когнитивные, это означает, что основное внимание уделяется не поиску причин событий, а ориентации на регулирование своих действий, потребность в сохранении принадлежности к социальной группе; 2) эмоциональные как реакции на внешние вызовы, разрыв связей и активность в поиске новой информации в целях стабилизации личностных состояний; 3) поведенческие: с одной стороны, это инициатива, активность, а с другой – дистанцирование от группы, примирительное поведение или уход от реальности.

Таким образом, было выявлено, что эксклюзия достаточно распространена и является продуктом устойчивой сплоченности групп. Кроме того, сравнительный анализ результатов исследования показал уровень дифференциации личностных состояний в зависимости от пола и специальности. В частности, было установлено, что студенты технических специальностей демонстрируют потребность в принадлежности к социальной группе и просоциальное поведение, а представители гуманитарных специальностей предпочитают дистанцирование от исключившей группы. Для лиц мужского пола наиболее показательной реакцией оказались снижение самооценки, агрессивное поведение и дистанцирование от исключившей группы, у женщин – сниженная надежда и угроза контроля над базовыми потребностями.

В еще большей степени феномен эксклюзии может проявить себя в сфере межэтнических отношений. При изучении ситуации межэтнического взаимодействия и возможной трансформации этнического самосознания в условиях межэтнической напряженности в социокультурном пространстве вуза было проведено анкетирование с последующей обработкой методом математической статистики. Согласно поставленной цели базисом исследования выступило определение типов этнической идентичности студентов вуза. С учетом полученных данных совокупность показателей этнической идентичности была трансформирована по критериям: «норма», «этническая индифферентность (неактуальность

идентичности)», «этноэгоизм (включающий приоритет этнических ценностей, напряженность в общении с представителями других этнических групп)», «этноизоляционизм (убежденность в превосходстве своей национальности)». Всего в анкетировании в вузе приняли участие 3 544 студента, из которых 58,2% – юноши и 41,8% – девушки. Выборка позволила проанализировать состояние проблемы по факультетам с учетом гендерного принципа. Проведение анкетного опроса по данной проблематике в студенческой аудитории выявило в основном толерантное восприятие студентами различных этнических культур, у 50% студентов фиксируется норма (позитивная этническая идентичность), у 30,8% – этническая индифферентность. В этих группах приоритет национальных ценностей не является доминирующим. Вместе с тем исследование также зафиксировало наличие этноэгоизма у 10,79% (382 человека)

и этноизоляционизма у 8,95% (318 человек). Эти данные свидетельствуют о наличии в студенческой среде серьезной базы (около 20%) для проявления ксенофобии, а также для последней группы – влияния экстремизма, что нельзя недооценивать в полиэтничном государстве и в свете обострения межнациональных и религиозных отношений в азиатском регионе.

С целью преодоления дискриминирующих и экстремистских тенденций, оптимизации вузовского образовательного пространства необходимо найти эффективные подходы и модели для конструирования новой реальности, в которой отношение к представителям внешних социальных групп станет строиться на реальном признании их равноправия и равных возможностей. Это будет способствовать смягчению общественных противоречий и тем самым достижению социального благополучия в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паин Э.А. Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализму // Вестник института Кеннана в России. М., 2011. Вып. 20. С. 78–85.
2. Наберушкина Э.К. Ориентиры развития инклюзии в пространстве высшей школы // Человек. Общество. Инклюзия. 2017. № 4 (32). С. 18–27.
3. Михно О.С. Проблема формирования инновационной среды в обучении студентов с ООП // Психология обучения. 2018. № 2. С. 96–103.
4. Миронова М.В. Особенности формирования инклюзивной среды в общеобразовательных организациях // Человек. Общество. Инклюзия. 2017. № 4. С. 12–17.
5. Александрова Е.В. Основные социальные барьеры и их взаимосвязь с моделями инвалидности в современном российском обществе // Человек. Общество. Инклюзия. 2017. № 3. С. 12–21.
6. Сопровождение социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья в техническом вузе / В.И. Зиновьева, М.В. Берсенев, М.П. Шульмин и др. Томск : Изд-во ТУСУРа, 2011. 236 с.
7. Берсенев М.В., Зиновьева В.И., Шульмин М.П. Формирование социальной устойчивости личности студента в условиях вуза. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2016. 114 с.
8. Покровская Е.М., Раитина М.Ю. Кросскультурная коммуникация: творческая самореализация личности. Курск : Университетская книга, 2017. 90 с.
9. Пэйн М. Социальная работа: современная теория : учеб. пособие / под ред. Дж. Камплинга; пер. с англ. О.В. Бойко и Б.Н. Мотенко; науч. ред. И.В. Наместникова. М.: Академия, 2007. 400 с.

Zinovieva Valentina I. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: valentina.zinovieva@gmail.com

Bersenev Maxim V. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: m.bersenev@gmail.com

Kim Maxim Yu. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: max198210@yandex.ru

SCIENTIFIC PROJECT ON THE RATIONALE OF THEORETICAL METHODOLOGICAL BASES OF THE ETHNO-SOCIAL, INCLUSIVE EDUCATIONAL SPACE OF THE UNIVERSITY

Keywords: theory, inclusion, exclusion, educational space, system approach, xenophobia, ethnoegism.

Since the 1990s in Russia, under the influence of foreign social work, the development of ideas of the social model of disability and inclusion in the educational environment began. Any experience and theory can not be borrowed automatically, without reference to national characteristics and traditions. The medical model of disability, based on direct assistance and support, was understandable and fit within the national consciousness. A social model that requires a person with a disability to determine the vector of his development required time and the solution of many issues, including creating an expensive barrier-free environment and changing views in the mass consciousness. However, even a clear understanding of the ideas of inclusion requires the development of many issues, including the adoption of new laws, the removal of social barriers, changes in the educational space, and the substantiation of theoretical and methodological approaches. At the present stage, many authors recognize the need for proactive strategies in this area in specific educational institutions.

At the same time, in connection with the collapse of the Soviet Union and the aggravation of the interethnic sphere of relations, the topic of building interethnic and ethno-cultural dialogue, especially in the youth and student environment, became topical. The lack of generally accepted concepts in this field draws attention to the ideas of interculturalism, which is oriented toward the priority of civic values, the existence of common interests of different nationalities, united by civil responsibility for their country.

The article analyzes the content of the scientific project, which is carried out by the research group of the scientific educational center of the Humanitarian faculty of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. The purpose of the project: rationalization of the theoretical and methodological foundations and interdisciplinary approaches in the formation of the ethno-social, inclusive educational space of the university. This topic is developed on the basis of the theory and practice of social work in terms of justifying explanatory theories of real problems.

During the implementation of the project, the correlation between the concepts of inclusion and exclusion in students' views was studied at the analytical stage. As a result of sociological research and the application of methods of psychology, it was revealed that exclusion is quite common, but most students are oriented towards overcoming the vulnerability of personal conditions and conformism.

The phenomenon of inclusion and exclusion also manifests itself in the sphere of interethnic interaction within the framework of the university space. A survey conducted in academic groups revealed mainly a tolerant perception of ethnic cultures, but also recorded the

existence of ethno-egoism and ethno-isolationism in about 20% of respondents. To overcome discriminating tendencies and optimize the educational space, it is necessary to find new approaches for constructing a new reality in which equality and equal opportunities will become the leading principles.

REFERENCES

1. Pain, E.A. (2011) Trudnyy put' ot mul'kul'turalizma k interkul'turalizmu [A difficult way from multiculturalism to interculturalism]. *Vestnik instituta Kennana v Rossii*. 20. pp. 78–85.
2. Naberushkina, E.K. (2017) Orientiry razvitiya inkluzii v prostranstve vysshey shkoly [Guidelines for the development of inclusion in the space of higher education]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya – Human. Society. Inclusion*. 4(32). pp. 18–27.
3. Mikhno, O.S. (2018) Problema formirovaniya innovatsionnoy sredy v obuchenii studentov s OOP [The problem of formation of an innovative environment in the training of students with SEN]. *Psikhologiya obucheniya*. 2. pp. 96–103.
4. Mironova, M.V. (2017) Osobennosti formirovaniya inkluzivnoy sredy v obshcheobrazovatel'nykh organizatsiyakh [Features of the formation of an inclusive environment in general education organizations]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya – Human. Society. Inclusion*. 4. pp. 12–17. (In Russian).
5. Aleksandrova, E.V. (2017) Osnovnye sotsial'nye bar'ery i ikh vzaimosvyaz' s modelyami invalidnosti v sovremennom rossiyskom obshchestve [The main social barriers and their relationship with models of disability in modern Russian society]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya – Human. Society. Inclusion*. 3. pp. 12–21.
6. Zinoveva, V.I., Bersenev, M.V. & Shulmin, M.P. (2011) *Soprovozhdenie sotsial'noy adaptatsii studentov s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v tekhnicheskoy vuzey* [Supporting social adaptation of disabled students in the technical university]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics.
7. Zinoveva, V.I., Bersenev, M.V. & Shulmin, M.P. (2016) *Formirovanie sotsial'noy ustoychivosti lichnosti studenta v usloviyakh vuzya* [Formation of social sustainability of university students]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics.
8. Pokrovskaya, E.M. & Raitina, M.Yu. (2017) *Krosskul'turnaya kommunikatsiya: tvorcheskaya samorealizatsiya lichnosti* [Cross-cultural communication: creative self-realization of a person]. Kursk: Universitetskaya kniga.
9. Pain, M. (2007) *Sotsial'naya rabota: sovremennaya teoriya* [Social Work: Modern Theory]. Translated from English by O.V. Boyko, B.N. Motenko. Moscow: Akademiya.

УДК 378.662.141–057.87:94 (541)
DOI: 10.17223/19988613/55/27

В.В. Петрик, Ю.В. Куперт

НАБОР СТУДЕНЧЕСКОГО КОНТИНГЕНТА В ВЫСШЕЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ СИБИРИ В КОНЦЕ 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

Рассматривается проблема набора студенческого контингента в технических вузах Сибири в конце 50-х – первой половине 60-х гг. XX в. На основании документов сибирских государственных архивов проведен анализ мероприятий, связанных с новым набором студентов, организацией довузовской подготовки учащейся и производственной молодежи. Показано, что к этой работе привлекались преподавательские коллективы, общественные организации и студенты. Выявлены отдельные недостатки нового порядка комплектования вузов.

Ключевые слова: Сибирь; высшая техническая школа; набор студенческого контингента; довузовская подготовка молодежи; социальный состав студентов.

Итогом работы высшей школы является выпуск высококвалифицированных специалистов, имеющих широкую научную подготовку, в совершенстве владеющих своей специальностью, который зависит не только от внутривузовской деятельности всех звеньев субъекта воспитания, но также и от исходного материала: уровня подготовки молодежи к поступлению в вуз, правильности выбора ею будущей профессии в соответствии со своими индивидуальными способностями и склонностями.

Свобода выбора профессии – одна из форм проявления свободы личности, реализация которой зависит от ряда факторов экономического, социального и индивидуального характера. Следует сказать, что социально-экономические и культурно-бытовые различия между городом и деревней, существенные различия между умственным и физическим трудом создают неравные возможности для реализации жизненных планов молодежи.

Необходимо учитывать еще одно обстоятельство. Свобода выбора профессии регулируется также профессиональной структурой общества, рыночными механизмами в экономике. Она определяет количественно потребности материального и духовного производства на новые кадры, причем в пропорциях, адекватных пропорциям народного хозяйства. Согласно этим потребностям в высшей школе планируется набор студентов. И когда юноши и девушки решают вопрос о выборе будущей специальности, они оказываются перед наличием определенного количества «мест» в различных учебных заведениях. Возникает противоречие между заданным количеством вакансий и значительно большим числом лиц, претендующих на них. Поэтому в высшей школе для обеспечения качества обучения критерием отбора являются конкурсные экзамены. Они позволяют зачислить наиболее подготовленных, способных в определенных областях науки и техники юношей и девушек. Вместе с тем такая практика не всегда дает оптимальные результаты. Нередко в высшие учебные заведения поступают лица, которые по ряду причин оставляют затем учебу. Эти и другие проблемы, связанные

с набором студенческого контингента, рассмотрим на примере деятельности высшей технической школы Сибири в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг.

В исследуемый период деятельность технических вузов региона проходила под знаком наращивания темпов и всемерного повышения качества подготовки специалистов, достижения более тесного сочетания теоретического обучения с производственными навыками, развития возможно большей самостоятельности студентов в овладении знаниями, формирования всесторонне развитой личности. Вся проводимая работа была направлена на подготовку такого инженера, который не только обладал бы прочными знаниями в области науки и техники, но и был человеком высокого морального долга, любил свою профессию, умел самостоятельно и творчески использовать полученные знания на производстве [1. С. 517].

В высшей технической школе Сибири тех лет к выполнению мероприятий, связанных с новым набором студентов, привлекались преподавательские коллективы, общественные организации и студенты. Ими использовались самые разнообразные формы: дни открытых дверей, предметные олимпиады среди абитуриентов, выступления работников и выпускников вузов в средствах массовой информации, установление связей с промышленными и сельскохозяйственными предприятиями по вопросам направления в институты по путевкам передовиков производства.

Деканаты и общественные организации инженерных вузов установили связи с руководством предприятий Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. На предприятия командировались преподаватели и рассылались письма по вопросу отбора и поступления в вузы работающей молодежи.

Комитеты комсомола институтов установили связи с комсомольскими организациями предприятий, строек, колхозов и совхозов. Важной частью проводимой вузами работы явились встречи студентов с производственной молодежью во время каникул и производственной практики, шефство студентов над предприятиями, школами

рабочей и сельской молодежи. Так, в апреле 1959 г. для проведения агитационно-разъяснительной работы среди рабочей молодежи 12 преподавателей Томского политехнического института были командированы в крупнейшие города Сибири (Новосибирск, Красноярск, Омск и др.). В шести областных, краевых газетах были сделаны объявления о новом приеме студентов, организован ряд выступлений по радио и телевидению, проведены физические и математические олимпиады [2. Л. 71–72]. Сибирским металлургическим институтом в марте 1963 г. агитационной работой по набору студентов в г. Новокузнецке было охвачено 7 предприятий, 9 шахт, 3 разреза, 7 строительных трестов, 40 общеобразовательных школ. Кроме того, аналогичная работа была проведена на предприятиях и в школах Прокопьевска, Киселевска, Междуреченска и др. [3. Л. 134–135].

Для подготовки рабочей молодежи к вступительным экзаменам при вузах и предприятиях областей и краев региона были организованы подготовительные курсы. Большую помощь промышленным предприятиям оказывали студенты технических вузов, проводившие занятия с производственниками. Уже в 1961 г. на подготовительных курсах и предприятиях Томской области обучались 7 310 человек [4. Л. 145], Алтайского края – 2 304 [5. Л. 6], Иркутской области – 4 830 [6. Л. 45]. В результате принятых мер значительно увеличился приток молодежи с производства. Если в 1960 г. на первые курсы технических вузов Новосибирской области из числа производственной молодежи и отслуживших в армии было принято 54, 3%, то в 1964 г. – уже 57, 6% [7. Л. 89].

Привлечение к комплектованию учебных заведений промышленных предприятий, колхозов и совхозов способствовало увеличению числа обучающихся по путевкам совхозов, колхозов и предприятий. Рабочая молодежь в целом по стране на первом курсе технических вузов дневного отделения, получавшая стипендию от предприятий, совхозов и колхозов, в 1960 г. составляла 11% от общего числа студентов, в дальнейшем удельный вес посланцев предприятий возрастал [8. С. 405]. В вузах Кемеровской области на первом курсе обучались в 1960 г. 11,5% студентов по путевкам предприятий, а в 1961 г. – 13% [9. Л. 12–13]. В красноярских вузах соответственно 4,7 и 12,5% [10. Л. 25]. Новые правила набора в вузы, которые были введены в конце 1950-х гг., в целом способствовали реализации Закона «Об укреплении связи школы с жизнью». Многие пришедшие с произ-

водства студенты не только хорошо учились, но и способствовали активизации общественной жизни.

Однако практика работы высшей школы уже в первые годы выявила и отдельные недостатки нового приема. По правилам, утвержденным Минвузом СССР в 1959 г., вузам давалось право приема студентов-производственников до 80% (сюда входили и демобилизованные из рядов Советской армии, и лица, направленные предприятиями, колхозами и совхозами) [11]. Получилось так, что значение конкурса как средства отбора поступающих оказалось пониженным. Среди студентов нередко оказывалась молодежь, недостаточно подготовленная для обучения в вузе. Практически без конкурса принимались лица со стажем, сдавшие все экзамены на «тройки», в то же время выпускники школ, сдавшие на «хорошо» и «отлично» часто оказывались «за бортом» учебных заведений [12. С. 1–3]. Это приводило к определенным трудностям в работе коллективов технических вузов, связанным прежде всего со снижением успеваемости среди студентов-производственников.

В 1965 г. Минвузом СССР были разработаны новые правила набора в вузы, по которым высшим учебным заведениям разрешалось самим определять число мест для абитуриентов, не имеющих производственного стажа, и абитуриентов, уже имеющих стаж, в зависимости от количества поданных заявлений, а также специализации факультетов. Отличительная особенность этих правил состояла в повышении требовательности при поступлении учащейся и работающей молодежи в высшие образовательные учреждения, в том числе и технического профиля. Основное требование, которое предъявлялось к абитуриентам, – глубокие и прочные знания. Это дало большие возможности привлечь в вузы хорошо подготовленную молодежь.

Между тем по-прежнему лица со стажем работы не менее двух лет пользовались льготами при поступлении в институты. Среди них и школьников проводились отдельные конкурсы, пропорционально количеству поданных заявлений. Лица, направляемые промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, участвуя в общем с производственниками конкурсе, в первую очередь зачислялись в вузы.

Эти правила обеспечивали наиболее рациональное сочетание требований высокой общеобразовательной подготовки и социальной принадлежности принимаемых. Наглядное представление об этом дает табл. 1 [13].

Таблица 1

Социальный состав студентов первого курса дневных отделений технических вузов Сибири в 1959–1965 гг., %

Социальное положение студентов	1959 г.	1961 г.	1963 г.	1965 г.
Всего студентов первого курса	100	100	100	100
В том числе:				
рабочие, из семей рабочих	47,8	50,0	50,3	45,4
колхозники, из семей колхозников	16,2	14,3	12,5	13,4
служащие, из семей служащих	36,2	35,7	37,2	42,4

Как видно из таблицы, организация набора в высшую техническую школу Сибири в 1965 г. в связи с новыми правилами приема отразилась на социальном составе студентов. Несколько снизилось число принятых в вузы

рабочих, колхозников или выходцев из их семей. Однако это снижение не было слишком большим. Количество принятых в вузы из рабочих и крестьян по-прежнему было значительным, превышало категорию служащих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР : закон СССР : принят Верховным Советом СССР 24.12.1958 // Справочник партийного работника. М. : Политиздат, 1959. 685 с.
2. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 102. Д. 35.
3. Новокузнецкий филиал Кемеровского государственного архива (НФГАКО). Ф. Р-15. Оп. 5. Д. 471.
4. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 116. Д. 114.
5. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1. Оп. 106. Д. 518.
6. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 55. Д. 51.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-11. Оп. 2. Д. 800.
8. Советская интеллигенция (история формирования и роста, 1917–1965 гг.) / гл. ред. М.П. Ким. М. : Мысль, 1968. 432 с.
9. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-3. Оп. 10. Д. 710.
10. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-2234. Оп. 1. Д. 1.
11. Известия. 1965. 20 марта.
12. Вестник высшей школы. 1965. № 7.
13. Годовые статистические отчеты о работе технических вузов Сибири за 1958/59–1964/65 уч. гг., форма 3-НК // Текущий архив Министерства образования и науки РФ.

Petrik Valeriy V. Tomsk Polytechnic University. E-mail: v.v.petrik@mail.ru

Kupert Yuriy V. Tomsk State University. E-mail: dlida@iph.tsu.ru

THE SET OF STUDENTS IN HIGHER TECHNICAL SCHOOL OF SIBERIA AT THE END OF THE 1950s – THE FIRST HALF OF THE 1960s

Keywords: Siberia; higher technical school; recruitment of students; pre-university training of young people; social composition of students.

The article deals with the problem of recruitment of students in the higher technical school of Siberia at the end of the 1950s – the first half of the 1960s. On the basis of documentary materials of regional archives, including the first time taken into scientific circulation, the analysis of measures to ensure the recruitment of students in the new order of recruitment of higher education institutions. This was due to the implementation of the Law of the Supreme Soviet of the USSR “On strengthening the school’s connection with life”. It is noted that in the Siberian technical universities of those years teaching staff, public organizations and students were involved in this work. They used a variety of forms: open days, subject olympiads among students, speeches of employees and graduates in the media, the establishment of links with enterprises on the direction of the universities of tours of the best manufacturers. Attention is paid to the organization of pre-university training of students and working youth. To prepare young workers for entrance exams at universities and enterprises of regions and regions of the region were organized training courses. Great help to industrial enterprises was provided by students of technical universities, who conducted classes with production workers. The author proves that the involvement of industrial enterprises, collective and state farms in the acquisition of educational institutions contributed to the increase in the number of students on vouchers of state farms, collective farms and enterprises. As a result of the measures taken, the influx of young people from production has increased significantly. Many students-production workers not only studied well, but also contributed to the revitalization of social life. At the same time, as the study showed, the practice of higher technical school in the period under review, revealed some shortcomings of the new admission. They consisted in the fact that among the students were often young people, insufficiently prepared to study at the university. This led to certain difficulties in the work of technical universities teams, primarily associated with a decrease in performance among students-production. The article argues that subsequently required a significant adjustment of the course. In 1965, the Ministry of Education of the USSR developed new rules for admission to universities. A distinctive feature of these rules was to increase the requirements for admission of students and working youth to universities, including technical profile. The main requirement, which was imposed to applicants, is deep and strong knowledge. This gave a great opportunity to attract well-trained young people to the institutions. The table gives an idea of the social composition of first-year students of full-time departments of technical universities of Siberia in 1959–1965.

REFERENCES

1. Supreme Soviet of the USSR. (1959) Zakon Verkhovnogo Soveta SSSR ot 24 dekabrya 1958 g. “Ob ukreplenii svyazi shkoly s zhizn'yu i o dal'neyshem razvitiy sistemy narodnogo obrazovaniya v SSSR” [The law of the Supreme Soviet of the USSR as of December 24, 1958 “On strengthening the school’s communication with life and on the further development of the public education system in the USSR”]. In: *Spravochnik partiynogo rabotnika* [Party Worker Handbook]. Moscow: Politizdat.
2. The Documentation Centre of the Latest History of the Tomsk Region (TsDNITO). Fund 607. List 102. File 35.
3. The Novokuznetsk Branch of the Kemerovo State Archive (NFGAKO). Fund R-15. List 5. File 471.
4. The Documentation Centre of the Latest History of the Tomsk Region (TsDNITO). Fund 607. List 116. File 114.
5. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund P-1. List 106. File 518.
6. The State Archive of the Current History of Irkutsk Region (GANIIO). Fund 127. List 55. File 51.
7. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-11. List 2. File 800.
8. Kim, M.P. (ed.) (1968) *Sovetskaya intelligentsiya (Istoriya formirovaniya i rosta. 1917–1965 gg.)* [Soviet intelligentsia (History of Formation and Growth. 1917–1965)]. Moscow: Mysl'.
9. The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). Fund P-3. List 10. File 710.
10. The State Archive of Krasnoyarsk Territory. Fund R-2234. List 1. File 1.
11. *Izvestiya*. (1965) 20th March.
12. *Vestnik vysshey shkoly*. (1965) 7.
13. The Current Archive of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (1958/59–1964/65) *Godovye statisticheskie otechty o rabote tekhnicheskikh vuzov Sibiri za 1958/59–1964/65 uch. gg.* [Annual statistical reports on the work of technical universities in Siberia for 1958 / 59 – 1964 / 65 academic years].

УДК 378

DOI: 10.17223/19988613/55/28

Т.П. Серебrenникова

О ВЛИЯНИИ ИЗМЕНЕНИЙ НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ ПО АТТЕСТАЦИИ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА КОЛИЧЕСТВО ЗАЩИТ ДИССЕРТАЦИЙ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (2000–2016 гг.)

Анализируются основные изменения в законодательстве Российской Федерации по аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. Проведено исследование потока диссертаций, подготовленных либо защищенных на базе Томского государственного университета. Выявлены количественное распределение диссертаций по отраслям наук и динамика защит за период с 2000 по 2016 г. Отдельно рассмотрены количественное распределение по научным специальностям и динамика защит диссертаций по историческим наукам. Показано влияние изменений в нормативной базе на количество защит.

Ключевые слова: аттестация кадров высшей квалификации; наукометрический анализ; Томский государственный университет.

Качество образования определяет состояние и перспективы развития общества. Особое место в структуре высшего образования занимают аспирантура и докторантура, являющиеся институтами по подготовке научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. Так как состояние послевузовского образования в настоящее время становится одним из значимых показателей в рейтинговой оценке университета, актуальными являются обобщение и анализ работы этих институтов в современной России.

Научная литература, посвященная различным аспектам подготовки научных и научно-педагогических кадров в СССР, в современной России и Сибири, обширна (работы А.С. Бутягина, Ю.А. Салтановой, Е.В. Чуткерашвили, К.Т. Галкина, В.В. Петрика, С.А. Красильникова, С.В. Кононовой, М.Н. Маресовой, Т.С. Бендюковой и др.). Целый ряд исследований (монографий, диссертаций, статей) по данной проблематике принадлежит историкам Томского государственного университета (С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, А.В. Литвинов, К.В. Петров, К.В. Зленко, А.С. Ульянов, С.А. Меркулов, Н.П. Цеховой, Д.В. Хаминов, М.В. Грибовский, А.Н. Сорокин и др.). Наиболее острые и злободневные вопросы подготовки научно-педагогических кадров обсуждаются на страницах научных журналов «Вопросы образования», «Высшее образование в России», «Alma Mater», «Социология образования» и др.

Принимая во внимание, что одним из показателей развития науки является рост ее количественных информационных параметров, большую роль для раскрытия темы играют работы, посвященные библиометрии и наукометрии. Теоретико-методологические основы количественного изучения документального потока в России были заложены В.В. Налимовым, А.И. Михайловым, Ю.В. Грановским. Реформы российской науки, в рамках которых наукометрические показатели были объявлены мерой результативности научных коллективов и отдельных сотрудников, стали причиной всплеска публикаций по библиометрии и наукометрии (по подсчетам А.Е. Гуськова, только за 2000–2014 гг. не менее 766 публикаций [1]).

Постоянная модернизация высшего образования в России требует научного обоснования и анализа последствий предполагаемых изменений, что вызывает необходимость продолжения исследований по данной проблематике. В этом отношении целесообразным представляется рассмотрение указанной проблемы на примере Томского государственного университета (ТГУ). В настоящее время здесь работает более 600 докторов наук и свыше 1 300 кандидатов наук, функционируют 22 докторских диссертационных совета. В ТГУ сформировался широкий спектр научных школ, сохраняющих и развивающих богатые исследовательские традиции. Так как одним из масштабных результатов изучения каких-либо вопросов являются диссертационные исследования, то целью статьи является установление степени влияния на динамику защит диссертаций в ТГУ изменений в нормативном обеспечении аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации.

В качестве источников выступили документы текущего архива отдела диссертационных советов ТГУ, сборники «Итоги научно-исследовательской деятельности» за 2001–2016 гг. Для выявления изменений в нормативной базе использовались выпуски «Бюллетеня Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации» за 2000–2016 гг., в котором публикуются основные документы, регламентирующие аттестацию научных и научно-педагогических работников.

Одним из основных методов исследования стал наукометрический анализ, сущность которого заключается в подсчете, сочетании, истолковании и сравнении элементов научного документопотока. Для выявления количественных параметров документопотока использовались следующие критерии: хронология защит диссертаций; ученые степени, на соискание которых защищены диссертации; распределение диссертаций по научным отраслям.

За рассматриваемый период произошли значительные изменения в аттестации научных и научно-педагогических кадров – реструктуризация сети диссертационных

советов, создание новой номенклатуры специальностей, разработка паспортов научных специальностей с характеристикой их направлений, установление перечня дисциплин, по которым должны сдавать экзамены соискатели ученой степени кандидата наук, повышение требований к диссертационным работам (введение Перечня научных журналов для опубликования основных результатов диссертационных исследований с установлением минимального количества статей, введение в действие системы «Антиплагиат») и др.

Для определения влияния изменений в нормативной базе на динамику защит были рассмотрены метадаанные 2 722 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и 553 диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. На протяжении исследуемого периода диссертации защищались по 19 отраслям наук. Наибольшее их количество защищено по физико-мате-

матическим наукам (22,6 % от общего числа диссертаций). Одной из причин опережающего роста явилось преобладающее количество диссертационных советов в ТГУ по этой отрасли (в рассматриваемый период от 7 до 10). Удельный вес защит по историческим наукам составил 12,3 %, по филологическим – 11,6 %, биологическим – 9,6 %, юридическим – 8,8 %, философским – 7,8 %, экономическим – 7,2 %, техническим – 4,5 %, психологическим – 4,1 %, химическим – 3,4 %, географическим – 3,1 %, геолого-минералогическим – 1,9 %, педагогическим – 1,7 %, социологическим – 0,2 %, медицинским – 0,2 %, политическим – 0,1 %. Кроме того, две диссертации на соискание ученой степени доктора культурологических наук и по одной кандидатской диссертации по искусствоведческим и сельскохозяйственным наукам были защищены соискателями ТГУ в сторонних советах.

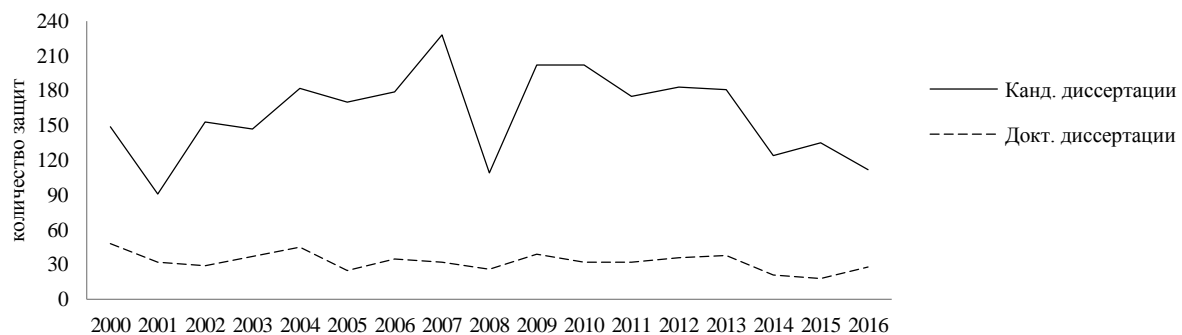

Рис. 1. Динамика защит диссертаций в 2000–2016 гг. в Томском государственном университете

Как видно из рис. 1, общая динамика защит диссертационных исследований носит волнообразный характер. Наибольшая глубина падений пришлась на 2001, 2008 и 2014 гг. Так, в 2001 г. количество защищенных диссертаций уменьшилось на 37,6 % по сравнению с 2000 г. Одной из основных причин снижения явилось переутверждение в РФ сети диссертационных советов и снижение их числа, в том числе в ТГУ с 23 в 2000 г. до 21 в 2001 г.

Принятое Правительством Российской Федерации 30 января 2002 г. постановление № 74 «Об утверждении положения о порядке присуждения ученых степеней», повысившее требования к докторским диссертациям, привело к уменьшению их защит в целом по стране на 22,5 %. Однако произошедшие изменения не отразились на количестве защит докторских диссертаций в ТГУ. Напротив, их рост в 2003 г. составил 21,6% по сравнению с 2002 г. Число защищенных кандидатских диссертаций после уменьшения в 2001 г. (на 38,9 % относительно 2000 г.), также увеличивалось.

Для улучшения ситуации в системе подготовки кадров высшей научной квалификации Правительством Российской Федерации 20 апреля 2006 г. были утверждены изменения в «Положении о порядке присуждения ученых степеней», которые ввели ряд прямых норм, направленных на повышение требовательности к соискателям ученых степеней. В частности, произошло

расширение гласности в системе аттестации кадров высшей квалификации – представление в обязательном порядке авторефератов и объявлений о защитах диссертаций на сайтах Высшей аттестационной комиссии (ВАК) и диссертационных советов. В целях обеспечения публичной ответственности диссертантов была введена обязательная публикация результатов исследований в ведущих научных журналах, включенных в Перечень ВАК (данная редакция Положения не устанавливала минимальное количество публикаций для докторской диссертации, результаты кандидатской диссертации должны были быть опубликованы хотя бы в одной статье) [2. С. 2–4]. Такие изменения в целом не отразились на количестве защит диссертаций в 2007 г. Несмотря на небольшой спад докторских защит (на 8,5%), наблюдался значительный рост кандидатских диссертаций (на 21,5 %), что обеспечило наибольшее годовое число защит за весь рассматриваемый период.

В целях борьбы с недобросовестным заимствованием в 2007 г. была введена система «Антиплагиат», которая явилась одной из причин снижения числа защит диссертаций в 2008 г. [3. С. 7]. В ТГУ спад количества защит по докторским диссертациям составил 18,8 %, по кандидатским – 52,2 %.

Дальнейшее повышение требований к соискателям ученых степеней произошло в 2013 г. Согласно постановлению Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842

«О порядке присуждения ученых степеней» было установлено ограничение для соискателей ученой степени кандидата наук, имеющих высшее образование, подтвержденное дипломом бакалавра. Защита работ должна была пройти не позднее 1 июля 2014 г. Впоследствии представить к защите диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук могли только лица, имеющие высшее образование, подтвержденное дипломом специалиста или магистра.

Изменения затронули также порядок опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени. В частности, монографии перестали относиться к обязательным публикациям. Были установлены минимальные нормы по количеству статей, опубликованных в журналах, включенных в Перечень ВАК. Количество публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук, в рецензируемых изданиях: в области искусствovedения и культурологии, социально-экономических, общественных и гуманитарных наук – не менее 15, в остальных областях – не менее 10. Количество публикаций, в которых изложены основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, в рецензируемых изданиях: в области искусствovedения и культурологии, социально-экономических, общественных и гуманитарных наук – не менее 3, в остальных областях – не менее 2 [4]. В результате количество защит докторских диссертаций в 2014 г. сократилось на 44,7 %, кандидатских – на 31,5 %, оставаясь в 2015–2016 гг. примерно на том же уровне.

Подобная динамика защит характерна и для отдельных отраслей наук. В качестве примера рассматривались диссертации, защищенные по историческим наукам. Исторические исследования в ТГУ имеют глубокие корни и традиции. Историко-филологический факультет, созданный 1 июля 1917 г. указом Временного правительства России, стал базовым для открытия новых

гуманитарных факультетов в ТГУ и ряде других университетов Сибири, которым он передал свои традиции и кадры [5. С. 85]. За время своей деятельности факультет дал науке немало видных деятелей – основателей научных школ и направлений в ряде областей знаний. На современном этапе ТГУ продолжает сохранять статус одного из ведущих научно-образовательных центров Сибири и Дальнего Востока по подготовке историков и проведению научных исследований [6. С. 249].

В настоящее время на историческом факультете функционирует два докторских диссертационных совета – Д 212.267.03 (председатель – д-р ист. наук, профессор В.П. Зиновьев, заместитель председателя – д-р ист. наук, профессор О.А. Харусь, ученый секретарь – д-р ист. наук, доцент В.В. Шевцов) и Д 212.267.18 (председатель – д-р ист. наук, профессор С.Ф. Фоминых, заместители председателя – д-р ист. наук, профессор С.А. Некрылов, д-р ист. наук О.М. Рындина, ученый секретарь – канд. ист. наук М.В. Грибовский), в которых защита проводится по 6 научным специальностям.

В 2000–2016 гг. диссертации на историческом факультете защищались по 7 специальностям: 07.00.02 – Отечественная история, 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время), 07.00.06 – Археология, 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.10 – История науки и техники, 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки). Всего за этот период было защищено 403 диссертации по историческим наукам, в том числе 63 докторских. В период с 2001 по 2013 гг. наблюдалась устойчивая тенденция роста количества защит, особенно в 2007–2013 гг. (2007 г. – 32, 2008 г. – 28, 2009 г. – 37, 2010 г. – 38, 2011 г. – 34, 2012 г. – 28, 2013 г. – 31). Затем произошел существенный спад (2014 г. – 10 и 2016 г. – 12 защит) (рис. 2).

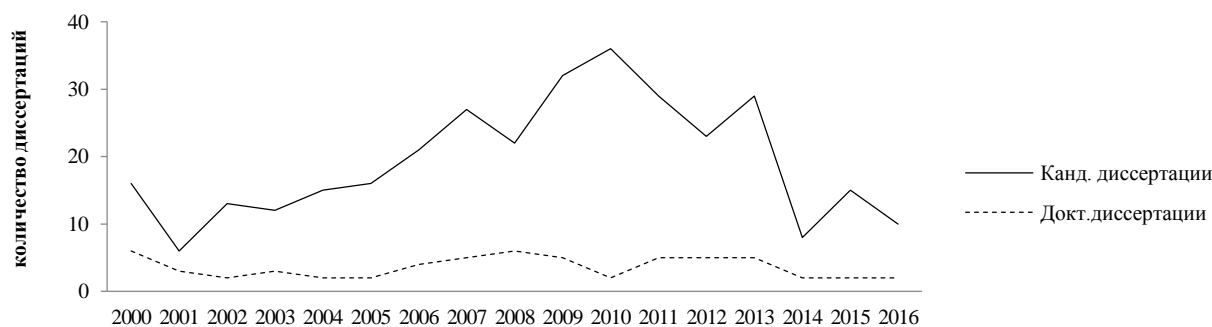

Рис. 2. Динамика защит диссертаций по историческим наукам в ТГУ в 2000–2016 гг.

Наибольшее количество диссертаций было защищено по специальности 07.00.02 – 155 работ (38% от общего числа диссертаций), в том числе 39 докторских диссертаций, что может свидетельствовать о сформированности научной школы по данному направлению.

По специальности 07.00.03 защищено 84 диссертации (21%), из них только 6 докторских. Рост числа защит начинается с 2009 г. По специальности 07.00.09 – 69 работ (17%), в том числе 13 докторских. В 2000–2013 гг. защищалось от 2 до 8 работ в год. В 2014 г. и 2016 г.

защит по данной специальности не проводилось. 47 диссертаций защищено по специальности 07.00.07 (12%), причем все – на соискание ученой степени кандидата наук. Наибольшее их количество – в 2010 г. (8), в последующие годы наблюдается тенденция к снижению (1–3 защиты в год). По специальности 07.00.10 – 28 работ (7%), в том числе 2 докторские. Наибольшее количество (по 5 кандидатских диссертаций) – в 2010 и 2011 гг. По специальности 24.00.03 – 15 диссертаций (4%), из них 2 докторские. Защиты проходили в 2011–2016 гг. (кроме 2014 г.). Наименьшее количество диссертаций

было защищено по специальности 07.00.06 – 5 работ (1%), из них 1 докторская. Защиты состоялись в 2006, 2007 и 2012 гг.

Таким образом, серьезные изменения в системе аттестации научных и научно-педагогических кадров в начале XXI в. в Российской Федерации, направленные на повышение требований к соискателям ученых степеней, существенно повлияли на динамику защит диссертационных исследований в Томском государственном университете, обусловив их значительное сокращение в последние годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуськов В.А. Российская наукометрия: обзор исследований // Библиосфера. 2015. № 3. С. 75–86.
2. Решение Высшей аттестационной комиссии министерства образования и науки Российской Федерации по вопросу совершенствования государственной аттестации научных и научно-педагогических работников высшей квалификации от 17 декабря 2007 г. // Бюллетень Высшей аттестационной комиссии. 2008. № 2. С. 2–4.
3. Аристер Н.И., Резник С.Д. Управление диссертационным советом : практ. пособие. М. : ИНФРА-М, 2009. 464 с.
4. О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») : постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152458/ (дата обращения: 21.03.2017).
5. Хаминов Д.В. Становление и развитие исторических научных школ и направлений в Томском государственном университете в 1940–1980-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 326. С. 85–90.
6. Хаминов Д.В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с.

Serebrennikova Tamara P. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: serebrennikva-tma@rambler.ru

ON THE INFLUENCE OF THE REGULATORY FRAMEWORK FOR HIGHEST QUALIFICATION PERFORMANCE REVIEW IN THE RUSSIAN FEDERATION ON THE QUANTITY OF THESES DEFENSES AT TOMSK STATE UNIVERSITY (2000–2016)

Keywords: dissertation; scientometric analysis; Tomsk State University.

The article elaborates on the influence of the regulatory framework for highest qualification performance review in the Russian Federation on the quantity of theses defenses at Tomsk State University in 2000–2016.

The sources for the research are documents from the Tomsk State University current archive, the “Itogi nauchno-issledovatel'skoi dejatel'nosti” (“Results of Research Activities”) digests, editions of the “Byulleten' Vysshey attestatsionnoy komissii Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federatsii” (“Bulletin of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation”) for 2000–2016. Scientometric analysis was one of the main research methods. In order to determine the quantitative parameters of the document flow, we applied the following criteria: theses defenses timeline; degrees sought by the researchers; theses allocation into branches of science.

Overall, we studied 2722 Candidate of Sciences theses and 533 Doctor of Sciences theses.

The performed research allowed us to state significant changes to the system of highest qualification performance review during the studied period: restructuring the theses committees network, establishing the new program nomenclature, introducing the passports of scientific programs, tightening the requirements for theses (introducing the List of scientific journals to publish the main results of researches with the minimal number of articles published, implementing the new “Antiplagiat” (anti-plagiarism) system.

Changes in the regulatory framework affected the number of theses defenses. The lowest number of theses were defended in 2001, 2008, and 2014. The highest number was reached in 2007. Throughout the studied period, researchers defended theses in 19 branches of science at TSU.

We separately studied the qualitative allocation into scientific programs and the dynamics of theses defenses in historical sciences.

Overall, 403 theses in historical sciences were defended. For the period between 2001 and 2013, we observed a stable trend of increasing number of theses defenses, especially in 2007–2013, which was followed by a substantial drop. The highest number of theses were defended in the “Domestic History” program (38% of the total number of theses).

Thus, significant alterations were made in the system of performance review for academic personnel at the beginning of XXI century in the Russian Federation. Those changes tightened the requirements for degree candidates and substantially affected the dynamics of theses defenses at Tomsk State University.

REFERENCES

1. Guskov, V.A. (2015) Rossiyskaya naukometriya: obzor issledovaniy [Russian scientometrics: a review of researches]. *Bibliosfera – Bibliosphere*. 3. pp. 75–86.
2. Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2008) Reshenie Vysshey attestatsionnoy komissii ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoj Federatsii po voprosu sovershenstvovaniya gosudarstvennoy attestatsii nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov vysshey kvalifikatsii ot 17 dekabrya 2007 g. [The decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on improving state certification of scientific and scientific-pedagogical personnel of higher qualification from December 17, 2007]. *Byulleten' Vysshey attestatsionnoy komissii*. 2. pp. 2–4.
3. Arister, N.I. & Reznik, S.D. (2009) *Upravlenie dissertatsionnym sovetom* [Managing the Dissertation Board]. Moscow: INFRA-M.

4. The Government of the Russian Federation. (2013) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.09.2013 № 842 "O poryadke prisuzhdeniya uchenykh stepeney" (vmeste s "Polozheniem o prisuzhdenii uchenykh stepeney")* [Resolution of the Government of the Russian Federation of September 24, 2013 № 842 "On the procedure for awarding academic degrees" (together with the "Regulations on awarding academic degrees")]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152458/. (Accessed: 21st March 2017).
5. Khaminov, D.V. (2009) Stanovlenie i razvitie istoricheskikh nauchnykh shkol i napravleniy v Tomskom gosudarstvennom universitete v 1940–1980-e gg. [Formation and development of history scientific schools in Tomsk university in 1940–1980]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 326. pp. 85–90.
6. Khaminov, D.V. (2011) *Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX – nachale XXI v.* [Historical education and science in Tomsk university in the late 19th – early 21st centuries]. Tomsk: Tomsk State University.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 725.945:94 (470.332) “1941/1945”
DOI: 10.17223/19988613/55/29

В.В. Петрик, Ю.В. Куперт

РЕЦЕНЗИЯ: ИСТОРИЯ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА / СОСТ.: Г.В. ЕПОНЕШНИКОВА, В.А. ЗЫКИН, А.М. ПЕРСИДСКИЙ; ПОД ОБЩ. РЕД. В.А. БУТЕНКО. ТОМСК : ИЗД-ВО ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2016. 60 с.

Анализируется издание, посвященное пути 166-й стрелковой дивизии, сформированной в г. Томске в предвоенные годы, и истории создания мемориального комплекса в селе Верховье Смоленской области.

Ключевые слова: дивизия; Сибирь; Великая Отечественная война; Западный фронт; мемориальный комплекс.

Рецензируемое издание носит юбилейный характер и посвящено трагическим событиям начального периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В нем представлена история боевого пути 166-й стрелковой дивизии – от начала ее формирования (август 1939 г.) и до расформирования (декабрь 1941 г.). Главное, что привлекает в данном издании, – это его общий замысел. Составители стремились «воссоздать» общую панораму тех героических лет, показать, что несмотря на огромные жертвы, наша страна, наша армия смогла выдержать «молниеносный» удар немецко-фашистских полчищ, сорвать их планы на быструю победу. Нынешнее и будущие поколения России должны помнить тех, кто совершил этот подвиг.

Работа построена по проблемно-хронологическому принципу и включает в себя 11 разделов, событийно тесно связанных между собой. В первом разделе «Красная Армия в предвоенный период» характеризуются состояние РККА и политическая обстановка в Европе, которая с приходом в Германии к власти фашистов во главе с Гитлером становилась все более напряженной. Возрастающая угроза нападения на Советский Союз вынудила руководство страны принять соответствующие меры. В июле 1939 г. был принят план реорганизации Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). Составной частью этого плана были комплектование всей армии на кадровой основе и увеличение количества стрелковых дивизий. Отмечается, что за период с 1939 по 1941 г. в СССР было сформировано 125 стрелковых дивизий, в том числе и Сибирском военном округе девять (С. 5). Дана подробная характеристика структуры стрелковой дивизии РККА.

Второй раздел издания «Формирование 166-й стрелковой дивизии» посвящен вопросам, связанным с началом формирования дивизии в Томске в августе 1939 г. Показано, что основой для этого стали 260-й стрелковый и 237-й артиллерийско-гаубичный полки 71-й стрелковой дивизии, штаб которой располагался в Кемерове.

Первым командиром дивизии был назначен полковник А.Н. Холзинев, прибывший с должности старшего преподавателя Омского военно-пехотного училища, а комиссаром – бригадный комиссар И.И. Русанов (С. 9). Подробно говорится о трудностях с размещением личного состава дивизии. Город Томск был не в состоянии выделить дополнительные помещения к ранее занимаемым 260-м стрелковым и 237-м артиллерийско-гаубичным полками. Так, стрелковый полк размещался в «красных казармах» Северного городка, а артиллерийский – в Южном городке. Эти места дислокации не были рассчитаны на размещение всех частей дивизии. Поэтому пришлось уплотняться, строить трехъярусные нары как в казармах Северного городка, где разместились три стрелковых полка и спецчасти дивизии, так и в Южном городке, где расквартировались два артиллерийских полка, зенитно-артиллерийский и истребительно-противотанковый дивизионы (С. 10).

Большой интерес в этом разделе представляют материалы по комплектованию контингента личного состава дивизии, основу которого составили воины-сибиряки. Так, например, рядовой состав формировался из призывников Новосибирской и Омской областей, Алтайского и Красноярского краев. Младший командный состав укомплектовывался из других частей Сибирского военного округа, выпускниками полковых школ, развернутых дивизий. Средний командный состав пополнялся выпускниками военных училищ и военных кафедр учебных заведений Сибири и выпускниками окружных военных курсов младших лейтенантов. Старший командный состав составляли выпускники военных академий СССР, широко практиковалось назначение на вакантные должности преподавателей и командиров военных училищ (С. 11).

Проведенные организационные мероприятия способствовали тому, что формирование дивизии закончилось 20 октября 1939 г. Дивизии было присвоено наименование – «166-я стрелковая дивизия». Штатный

состав составил 5 850 человек. Наряду с укомплектованием личным составом дивизия была полностью оснащена стрелковым и артиллерийским вооружением по табельной потребности военного времени. Уже в октябре дивизия приступила к проведению плановой боевой и политической подготовки. Первые результаты боевой учебы были оценены в конце декабря 1939 г. по организованным штабом дивизии контрольным занятиям и стрельбам и признаны удовлетворительными (С. 14).

В третьем разделе «Накануне войны» утверждается, что в мае 1941 г. 166-я стрелковая дивизия была призвана на сборы в пункты постоянной дислокации. Для отработки боевых навыков в условиях, максимально приближенных к реальным, дивизия выехала на Юргинский полигон, где пополнилась не только приписным составом, но и прибывшими после окончания военных училищ молодыми лейтенантами. Началась работа по боевому слаживанию подразделений и частей соединения, проводились учебные стрельбы, отрабатывались различные приемы боя. Здесь дивизию и застала война. 22 июня 1941 г. в четыре часа дня по местному времени по радио было объявлено о нападении фашистской Германии на СССР. Дивизии предписывалось немедленно вернуться к месту постоянной дислокации в Томск, и 23 июня поздно ночью личный состав вернулся в свои казармы (С. 17).

В четвертом разделе «Мобилизация и отправка на фронт» составители попытались в подробностях воссоздать картину первых дней войны. Так, с утра 24 июня военные городки 166-й стрелковой дивизии превратились в мобилизационные пункты, где прямо под открытым небом, на площадках для строевых занятий, работали мобилизационные комиссии. К концу дня 26 июня дивизия полностью приняла недостающее пополнение по штату военного времени и насчитывала 14 483 солдат и офицеров. В этот же день поздно ночью началась погрузка в железнодорожный эшелон первых батальонов 423-го стрелкового полка, а последний эшелон с частями 166-й стрелковой дивизии вышел из Томска 30 июня. Направление следования – Западный фронт (С. 18–20).

В пятом разделе «Обстановка на Западном фронте в начале войны» правдиво отображены трагические события начального периода войны: в ходе ожесточенных боев были разбиты основные армии РККА, пали Брест, Минск, началось Смоленское сражение, противник вплотную подошел к Москве. Именно в этот период стали прибывать на Западный фронт сибирские дивизии, в том числе и 166-я стрелковая дивизия.

В шестом разделе издания «Прибытие дивизии на фронт и первые бои» охарактеризована обстановка на фронте в начале июля 1941 г. Тогда в небе господствовала немецкая авиация, которая делала один за другим налеты и бомбила скопления войск, военные объекты, железнодорожные станции. Поэтому выгрузка частей дивизии из железнодорожных составов проводилась рассредоточено на перегонах от Вязьмы до Сычевки и от Оленино до Нелидово. Район рассредоточения ее сил

был определен в юго-западных окрестностях г. Белый с целью не допустить захвата города противником.

Много места в разделе уделено первому боевому крещению бойцов в составе двух батальонов по окружению и уничтожению группы противника в районе оз. Щучье. Воины 166-й стрелковой дивизии не могли знать, что вступили в бой не с группой десанта, а с передовыми частями 39-го механизированного корпуса немцев. Однако они сделали все от них зависящее. Дивизия начала отсчет погибшим. В этих боях потери личного состава составили 107 человек убитыми и 354 ранеными. 21 июля 1941 г. дивизии была поставлена задача передислоцироваться южнее к р. Воль и войти в состав оперативной группы генерала Калинина (С. 26–27).

Седьмой раздел «Бои в составе группы генерала Калинина» посвящен боевым действиям дивизии в составе нового подразделения. Командованием Западного фронта была поставлена задача оперативным группам сосредоточиться в исходных районах к 23 июля 1941 г. Группе генерала Хоменко совместно с группами генералов Калинина и Рокоссовского во взаимодействии с войсками 20-й и 16-й армиями было необходимо не позднее 25 июля окружить и уничтожить в районе Духовщины группировку противника. 166-й стрелковой дивизии предстояло в течение суток передислоцироваться на 25–30 км в район Батурино–Боголюбово–Верховье. 23 июля дивизия вела тяжелые бои с наступающим противником на г. Белый. Продвижение немецких войск было остановлено. Маршал Советского Союза Тимошенко поблагодарил 166-ю стрелковую дивизию за смелость и упорство – «сибиряки не подвели». Сибиряки не подвели, но цена этого – 250 человек убитыми в этот день (С. 28).

В разделе отмечается, что времени на подготовку к контрнаступлению оказалось явно недостаточно. Общее наступление оперативных групп началось 24 июля 1941 г. Наступление группы Калинина было задержано до прихода частей 166-й стрелковой дивизии. 26 июля группа перешла в наступление с р. Воль, преодолевая упорное сопротивление пехоты противника, усиленное танками. Несмотря на большие потери дивизия в течение 28 и 29 июля нанесла противнику ощутимый урон, было остановлено его до этого непрерывное наступление. В результате кровопролитных боев дивизия продвинулась в районе Духовщины на 25–30 км. Некомплект только начальствующего состава к 5 августа составлял 105 человек. Особенно это касалось командиров стрелковых взводов (38 чел.) и командиров пулеметных взводов (19 чел.) (С. 30).

В восьмом разделе «Бои в составе 19-й армии» показано, что в новом качестве 166-я стрелковая дивизия продолжила наступательные бои в своем направлении. Боевые действия очень часто имели встречный характер с огромными потерями с обеих сторон. Так, например, потери подразделения в этих боях составляли до ста человек в день. В последующих боях конца августа дивизия продвинулась с упорными боями на 5–10 км.

В ночь на 1 сентября 1941 г. попытки наступления дивизии были остановлены сильнейшим обстрелом с вражеских позиций. После августовских боев, по данным на 1 сентября 1941 г., во всех трех стрелковых полках (423, 517 и 735-м) осталось 1 736 человек. В целом в дивизии – 7 689 (из 14 187) (С. 34).

В девятом разделе «Сентябрьские бои. Немецкий план “Тайфун”» рассмотрен завершающий этап боевого пути дивизии. Он пришелся на наиболее трудный период начала Великой Отечественной войны, связанный с началом немецкой операции «Тайфун». Составители подробно описали события тех трагических дней. Дивизия в составе 19-й армии со 2 октября вела упорные оборонительные бои на восточном берегу р. Воль и даже пыталась контратаковать наступавшего противника. Враг прорвал фронт советских войск ударами из районов Духовщины и Рославля и к исходу дня продвинулся на 15–20 км. С утра 3 октября 19-я, 30-я армии и часть сил фронтового резерва, объединенные в группу под командованием И.В. Болдина, нанесли контрудар с целью остановить противника, но он успеха не имел. К вечеру 6 октября командованием Западного фронта было отдано приказание на отвод 19-й армии на днепровскую линию обороны. 166-я дивизия прикрывала отход основных сил армии. 8 октября Военный совет Западного фронта направил командующему 19-й армией М.Ф. Лукину и генералу И.В. Болдину радиogramму, в которой говорилось о выведении войск за Вязьму. Приказ выполнить уже было невозможно. Немцы замкнули кольцо окружения (С. 35–37).

В этом разделе показано, что в окружении под Вязьмой оказались 16-я, 19-я, 20-я, 24-я, 32-я армии, 80-я, 91-я и 127-я танковые бригады. Попытки вырваться из «котла» не имели успеха. Немцы вовлекали большое количество войск для сдерживания и уничтожения окруженных частей Красной Армии. Очень немногим бойцам удалось вырваться из окружения. Большая часть пала на полях сражения, многие попали в плен. Некоторая часть «окруженцев» рассеялась по лесам, впоследствии продолжив борьбу с оккупантами в партизанских отрядах. Командир 166-й стрелковой дивизии генерал-майор М.Я. Додонов сформировал из остатков своей дивизии и красноармейцев других частей группу и с боями пробился к своим в составе 515 человек. Капитан П.В. Семенец, вышедший из окружения с этой группой, вынес боевое красное знамя дивизии. По приказу НКО СССР от 27 декабря 1941 г. 166-я стрелковая дивизия была расформирована. В 1942 г. на Урале, была сформирована стрелковая дивизия с теми же номером, 166-я (второго формирования). Эта дивизия имеет

свою героическую историю. Но в ней из прежнего состава дивизии никто не воевал (С. 37).

Десятый раздел «Вадинский партизанский край» посвящен судьбе красноармейцев, вырвавшихся из Вяземского «котла», избежавших плена и нашедших убежище в обширных лесах Смоленщины. Именно здесь, в лесном краю, сформировалось мощное сопротивление оккупантам, получившее название Вадинский партизанский край. Партизанское движение на оккупированной территории стало быстро расти после разгрома немцев под Москвой в декабре 1941 г. Среди его участников было немало бойцов 166-й стрелковой дивизии. Например, один из партизанских отрядов «За Родину» возглавил томич С.Н. Догаев, лейтенант 356-го артополка 166-й стрелковой дивизии, бывший комсорг завода ТЭМЗ (С. 40).

В одиннадцатом разделе издания «Создание мемориала в Верховье» подробно рассказывается о сооружении объектов Мемориального комплекса в селе Верховье Холм-Жирковского района Смоленской области, посвященного памяти погибших в июле–октябре 1941 г. воинов-сибиряков 166-й стрелковой дивизии. Показан вклад в строительство объектов мемориала в 1982–1985 гг. администрации и студентов Томского политехнического института (ныне университета) при активном участии предприятий и организаций Томской и Смоленской областей. В 2005 г. музей-мемориал пополнился еще одним объектом – из Томска в с. Верховье была доставлена в разобранном виде часовня и собрана на территории, примыкающей к основному памятнику. Часовня освящена в том же году в честь святого архистратига Михаила (С. 42–47).

Отмечено, что за годы, прошедшие с открытия мемориала, его посетило большое количество людей. В 1980–1990-х гг. среди посетителей было много ветеранов Великой Отечественной войны. На базе мемориала проводились памятные встречи бывших партизан. Время неумолимо, теперь, когда уже почти не осталось живых участников войны, к ступеням обелиска приходят другие поколения – сыновья, внуки и правнуки тех, кто отстоял ценой своей жизни независимость нашей Родины (С. 48).

Достоинством издания является наличие обширного иллюстративного материала: карт-схем боевых действий, диаграмм, фотографий (большинство публикуется впервые).

Подводя итог, можно сказать, что рецензируемое издание является ценной публикацией, которая будет способствовать углубленному изучению истории Великой Отечественной войны и патриотическому воспитанию граждан России.

Petrik Valeriy V. (Tomsk Polytechnic University). E-mail: v.v.petrik@mail.ru

Kupert Yuriy V. (Tomsk State University). E-mail: dlida@iph.tsu.ru

REVIEW: THE STORY OF THE MEMORIAL COMPLEX / COMPILED BY G.V. EPANESHNIKOVA, V.A. ZYKIN, M.A. PERSIDSKIY; EDITED BY V.A. BUTENKO. TOMSK : PUBLISHING HOUSE OF TOMSK POLYTECHNIC UNIVERSITY, 2016. 60 p.

Keywords: division; Siberia; the Great Patriotic War; Western Front; memorial complex.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АФАНАСЬЕВ Павел Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета. E-mail: pavel_afanasev@mail.ru

БАЛАШОВА Елена Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент декан факультета информационных ресурсов и дизайна Алтайского государственного института культуры. E-mail: balash_elena@list.ru

БЕРСЕНЕВ Максим Валерьевич, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: m.bersenev@gmail.com

БИБИКОВ Григорий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва). E-mail: grigoriy_bibikov@mail.ru

БУЕВИЧ Галина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, ректор Алтайского государственного института культуры. E-mail: rector@agaki.ru

БУШУЕВА Людмила Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань. E-mail: bushueva9@mail.ru

ВАН ЧАОЛИНЬ, аспирант кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: wcl19910218nn@163.com

ВОРОПАЕВА Анна Геннадьевна, аспирант кафедры музеологии, культурного и природного наследия института искусств и культуры Томского государственного университета (Томск). E-mail: vlaskinaag@yandex.ru

ГЛИНКИН Виталий Сергеевич, старший преподаватель каф. востоковедения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: glinkinvs@yandex.ru

ЖИРТУЕВА Наталья Сергеевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры исторических, философских и социальных наук Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета. E-mail: zhr_nata@bk.ru

ЗИНОВЬЕВА Валентина Ивановна, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

КАЗАКОВ Александр Альбертович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: kaa-2862@mail.ru

КАЛАШНИКОВ Андрей Алексеевич, студент 2-го курса исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета. E-mail: astralnykeks@gmail.com

КАЛЬМИНА Лилия Владимировна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. E-mail: kalminal@gmail.com

КИМ Максим Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: max198210@yandex.ru

КОНДРАТЬЕВ Сергей Витальевич, доктор исторических наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики Института истории и политических наук Тюменского государственного университета. E-mail: sk.tm@mail.ru

КОСЫХ Евгений Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: history@tsuab.ru

КОЛЕСНИКОВА Светлана Юрьевна, доктор культурологии, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: Svetlana_kolesnikova_64@mail.ru

КОРОБЕЙНИКОВ Илья Николаевич, младший научный сотрудник Лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: russianViking@yandex.ru

КУЛЕМЗИН Владислав Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета. E-mail: bersa@sibmail.com

КУРАС Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. E-mail: kuraslv@yandex.ru

- КУПЕРТ ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: dlida@iph.tsu.ru
- МЕНЩИКОВ Владимир Владимирович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета. E-mail: vmen@yandex.ru
- НАЗЕМЦЕВА Елена Николаевна**, кандидат исторических наук старший научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ. E-mail: elenanazz@mail.ru
- ОВАНЕНКО Иван Викторович**, магистрант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: ovanenko_iv@gmail.com
- ПЕРЕТЯТКО Артем Юрьевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник совместной лаборатории Международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований (Вашингтон, США) и Волгоградского государственного университета. E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru
- ПЕТРИК Валерий Владимирович**, доктор исторических наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук Томского политехнического университета. E-mail: v.v.petrik@mail.ru
- РАЗУВАЕВ Юрий Дмитриевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: razuvaevyd@mail.ru
- РУМЯНЦЕВ Петр Петрович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: petroom@mail.ru
- РЫНДИНА Ольга Михайловна**, доктор исторических наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: rynom_97@mail.tomsknet.ru
- САВКОВИЧ Евгений Владимирович**, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: savkovic@sibmail.com
- СЕРЕБРЕННИКОВА Тамара Петровна**, магистрант кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: serebrennikva-tma@rambler.ru
- СОРОГИН Евгений Игоревич**, старший преподаватель кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета. E-mail: jospen@mail.ru
- СОРОКИН Алексей Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, E-mail: SorokinAN@omsu.ru
- СУШКО Алексей Владимирович**, доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории Омского государственного технического университета; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института. E-mail: Alexsushko@rambler.ru
- ФЕДЮШИН Владислав Валерьевич**, аспирант кафедры истории Древнего Мира исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: vladfedyushin@gmail.com
- ХАРУСЬ Ольга Анатольевна**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: kharus-olga@sibmail.com
- ШОРОВА Марьяна Буденовна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. E-mail: mshorova@mail.ru
- ЩЕГЛОВА Татьяна Кирилловна**, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета. E-mail: tk_altai@mail.ru
- ЧЕРНИЕНКО Юлия Александровна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных ресурсов и дизайна Алтайского государственного института культуры. E-mail: kochemarskaya@mail.ru
- ЧИНДИНА Людмила Александровна**, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: chindina37@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2018 № 55

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – В.С. Воробьева

Подписано к печати 15.10.2018 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 22,5. Тираж 50 экз. Заказ № 3422. Цена свободная.

Дата выхода в свет 26.10.2018 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр, Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)-53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)-52-96-67
Факс 8(382-2)-52-98-46
Ответственный секретарь В.С. Воробьева
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-67
Fax: 8(382-2)-52-98-46
Executive Editor: Veronica Vorobyeva
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru